

ДЛЯ СПЯЩИХ
НОЧЬ,
ДЛЯ СТРАЖИ
ДЕНЬ...

М. СТОЛЕТ
С. УИЛ

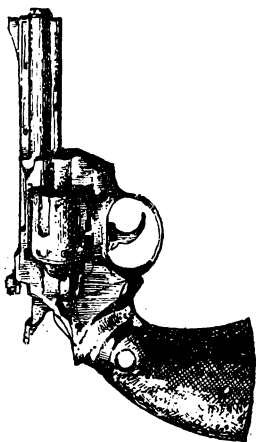

МОСКВА — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — 1993

■ ДЛѢ СПЯЩИХ
НОЧЬ.
ДЛѢ СТРАЖИ
ДЕНЬ..

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Р. ШИДФАРА

ББК 84Р7-4

Д 52

Оформление серии и иллюстрации художника *А. И. Симанчука*

- Д 52 Для спящих ночь, для стражи день...: Романы: Пер. с англ. — М. — СПб.: «Недра», 1993. 575 с.: ил. — (Неизвестный детектив). — Содерж. авт.: М. Стюарт, Э. Уайт.

ISBN 5-247-03369-8

Юг Франции, роскошный замок на фоне гор — прекрасный сон, мечта, ставшая явью... Мечта растаяла, сон обернулся кошмаром, когда одно за другим странные события начали угрожать жизни героя повести «И девять ждут тебя карет».

Знаменитая английская писательница Мэри Стюарт известна в нашей стране в основном как автор исторической тетралогии о короле Артуре. Однако во всем мире она прославилась как мастер детективного жанра и триллера.

Этель Лина Уайт — уроженка Уэллса, где происходит действие большинства ее романов. Один из них — «Для спящих ночь, для стражи день...», соединяющий в себе черты традиционных английских жанров: «страшного» готического романа и детектива, — принес ей огромный успех и был экранизирован в Голливуде.

Для широкого круга читателей.

ББК 84Р7-4

4703010100

ISBN 5-247-03369-8

ISBN 5-87684-003-3 (Сер.)

© Перевод на русский язык,
Р. Шидфар, 1993

© Составление, оформление,
АО «Ника-5», 1993

Мэри Стюарт

И ДЕВЯТЬ
ЖДУТ ТЕБЯ
КАРЕТ

КАРЕТЫ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

ГЛАВА I

Подумай о роскошествах дворцовых!
Приволье и богатство! Пышные закуски,
Трепещущее на тарелках мясо,
Томимое желанием быть съеденным...
Пирь при свете факелов! Веселье! Игры!
И девять ждуть тебя карет — вперед,
скорее —

И прямо к дьяволу...

Турнёр. Трагедия мстителя

ак хорошо, что в аэропорту меня никто не должен встречать!

Самолет прибыл в Париж, когда уже начинало темнеть. Стоял мягкий, серенький мартовский вечер, воздух был по-весеннему свеж. Под ногами блестел мокрый асфальт; небо над летным полем, отмытое недавним дождем до чисто-голубого цвета, казалось бездонным. Влажный ветер подгонял гряды легких облаков, вспыхивавших бледным, призрачным светом, когда их касался луч заходящего солнца. За зданиями аэропорта ярко блестели провода, окаймлявшие шоссе, по которому мчались машины с зажженными фарами.

Часть багажа уже выгрузили. Я заметила свой потрепанный чемодан, втиснутый между новеньким щегольским баулом и чем-то огромным, экстравагантным, обтянутым кожей песочного цвета. Когда-то мой чемодан был дорогой и солидной вещью из настоящей хорошей кожи, на которой вытеснена монограмма отца, — теперь ее почти полностью закрывала полуразмытая лондонским дождем наклейка: «Мисс Л. Мартин, Париж». «Как символично», — подумала я с горькой иронией. Мисс Л. Мартин во плоти так же втиснута сейчас ме-

жду дородным мужчиной в безупречно сшитом костюме и красивой молодой американкой, небрежно накинувшей шубу из платиновой норки поверх туалета, который со спокойным достоинством извещал окружающих, что его хозяйка недавно уже побывала в Париже. А у меня, должно быть, такой же потрепанный вид, как и у сохранившего следы былой респектабельности отцовского чемодана, выделявшегося среди мелкой ручной клади.

Прошло целых десять лет, и вот я наконец вернулась домой. Десять лет. Третью моей жизни, даже больше. Так много, что сейчас, медленно продвигаясь в толпе у таможенного барьера, я чувствовала себя путешественницей, впервые оказавшейся в чужой, незнакомой стране. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы приноровиться к быстрому потоку французской речи. Вокруг то и дело раздавались радостные восклицания людей, которых немедленно заключали в тесное кольцо родственники и знакомые, и я поймала себя на том, что невольно пробегаю глазами по толпе в поисках хотя бы одного знакомого лица. «Господи, какая глупость! Кто мог меня встречать? Мадам де Вальми собственной персоной?» Эта мысль вызвала у меня улыбку. Мадам была так любезна, что снабдила меня деньгами на такси до города. Вряд ли она могла бы сделать что-то большее для наемной прислуги. Именно прислугой я и была. Отныне придется не забывать об этом ни на минуту.

Таможенник, держа в руке мелок, подвинул ко мне чемодан. В тот момент, когда я шагнула вперед, чтобы взять багаж, пробежавший мимо служащий аэропорта столкнулся со мной и нечаянно выбил из рук сумочку, которая, отлетев к барьеру, шлепнулась на пол.

— Mille pardons, mademoiselle. Excusez moi.

— Ce n'est rien, monsieur.

— Je vous ai fait du mal?

— Pas du tout. Ce n'est rien.

— Permettez moi, mademoiselle, votre sac.

— Merci, monsieur. Non, je vous assure, il n'y a pas de mal...¹

¹ — Тысяча извинений, мадемуазель, простите.

— Не за что, мсье.

— Я вас ушиб?

— Нисколько. Ничего не случилось.

— Разрешите, мадемуазель, вот ваша сумочка.

— Спасибо, мсье. Уверяю вас, все в порядке. (Фр.)

Только после многократных горячих уверений, что у меня ничего не пропало и моему здоровью не нанесен непоправимый урон, он наконец испарился.

Нахмурившись, я проводила его глазами. Ничего особенного не произошло, но я внезапно осознала, что десять лет — не так уж много. Моя реакция была мгновенной, словно кто-то переключил рычаг в голове.

Такое не должно повториться. Надо постоянно помнить одно обстоятельство. «Я англичанка. Англичанка». Мадам де Вальми очень ясно дала понять: ей нужна именно английская девушка, и коль скоро она решила, что французский язык и все, связанное с Францией, знакомо мне не больше, чем любой средней «английской девушке», учившей французский в школе, ничего дурного тут нет. Она почему-то постоянно подчеркивала свое требование... но, может быть, я так жаждала получить это место, что придала слишком большое значение ее словам. А вообще-то, вряд ли мадам может действительно интересоваться, кто я такая — англичанка, француженка или даже готтентотка, если я буду добросовестно выполнять свои обязанности и, забывшись, не перейду на французский, беседуя со своим питомцем, маленьким Филиппом; с ним я должна говорить по-английски. Кроме того, нельзя сказать, что я ее обманула, потому что я действительно англичанка. Мой отец — англичанин, в маме по крайней мере четверть английской крови... и детские годы кажутся сейчас такими далекими. Годы, которые мы с мамой прожили у бабушки в Пасси. Париж был занят бошами, а отец неизвестно где скрывался, но мы знали, что ему угрожает опасность, и не позволяли себе говорить или даже думать по-английски... Эти дни отодвинулись так далеко в прошлое, что, казалось, их пережил кто-то другой.

Гораздо более реальными были последние десять лет, проведенные в Англии, — семь в лондонском приюте Констанс Батчер и три относительно независимых, дававших ложное ощущение полной свободы года, когда я называлась «главной прислугой», то есть в каждой бочке затычкой, в начальной школе для мальчиков в Кенте. Бесконечные, усталые зеленым линолеумом коридоры, колбаса на обед по понедельникам и четвергам, кучи грязных простынь, которые надо сложить и сосчитать, запах мела и карболового мыла в классах... все это запомнилось гораздо лучше, чем уютный ста-

рый домик в Пасси или даже парижская квартира на улице Прантан, на последнем этаже, куда мы переехали, когда война закончилась и отец вернулся домой...

— Ни о чем не хотите заявить? — устало спросил таможенник.

Я вздрогнула и, обернувшись к нему, решительно произнесла по-английски: «Нет, ничего такого. Вообще ничего...»

Перед зданием аэропорта выстроились такси. «Отель «Крийон», пожалуйста», — сказала я шоферу и усмехнулась про себя, заметив слегка удивленный вид, с которым он выслушал этот внушающий немалое почтение адрес.

Потом он поставил рядом со мной старый коричневый чемодан; дверца захлопнулась, машина набрала скорость, мы отправились в город.

Если во мне еще оставалось ощущение чего-то незнакомого, сейчас оно исчезло окончательно. Такси, сделав крутой поворот, выехало на шоссе. Резко взвизгнули на мокром асфальте тормоза, и машина помчалась в Париж.

Я откинулась на спинку заднего сиденья, вдыхая знакомый резкий запах «Галуаз», старой кожи, застоявшуюся бензиновую вонь; прежний мирок смыкался вокруг меня, окружая облаком полузабытых ощущений, которые, казалось, полностью вытеснили картины последних десяти лет жизни, словно их и не было. Машина оказалась ящиком Пандоры, а я не только приоткрыла его крышку, но и очутилась внутри него. Эти ласкающие, жалящие воспоминания... вещи, которых я раньше никогда не замечала, по которым никогда не тосковала, пока снова их не увидела; эти несколько не изменившиеся частички жизни, которая остановилась десять лет назад...

Шофер читал газету, она была свернута и засунута в ящик рядом с приборной доской. Знакомый жирный расплывающийся шрифт; уголок фотографии, почти неразличимой с моего места. С нами поравнялся автобус, над передним стеклом которого светилась надпись «САНЛИ». Перед глазами промелькнули стеснившиеся на задней площадке, вплотную прижатые друг к другу рабочие парни и девушки, которые покачивались в такт движению машины, ухватившись за поручни и кожаные петли.

Потом вокруг меня сомкнулись безобразные парижские окраины: высокие дома — балконы с железными перилами, окна, прикрытые жалюзи, щиты с ободранными афишами (Бонбель, Сюниль и прочее, и прочее); грязные табачные лавчонки, витрины которых отражались на мокром тротуаре оранжевым и золотым; ярко сверкающие ряды бутылок, тесно сдвинутые металлические столики у запотевших окон; Дюбо, Дюбон, Дюбонне... а впереди — отделенный от нас длинным, плавно спускающимся прямым отрезком дороги на Фландрию — Париж зажигал вечерние огни.

Вдруг защипало в глазах, я опустила веки и откинулась на потрепанную обивку сиденья. Но дыхание Парижа неумолимо коснулось меня, проникнув сквозь открытое стекло машины, атаковало тысячью запахов: поджаренных кофейных зерен, кошек, водосточных труб, вина, влажного воздуха... Хрипло звучали голоса продавцов газет: «Франс суар», «Пари пресс»... кто-то предлагал лотерейные билеты... полицейские свистки... визг тормозов. «Чего-то не хватает, — рассеянно подумала я, — что-то изменилось...» Но только когда машина вильнула в сторону и я, открыв глаза, увидела, что водитель едва не врезался в группу велосипедистов, мне стало понятно, в чем дело. Шофер не просигналил; неумолчный шум автомобильных гудков навсегда покинул Париж. Я внимательно всматривалась в окружающее, словно никогда не бывала здесь, словно оказалась в чужом городе, живущем незнакомой жизнью.

В душе я была довольна этой переменой. С трудом собрав разбредавшиеся мысли, я заставила себя думать о будущем. Итак, снова Франция; то, о чем я мечтала целых десять лет, наконец исполнилось. Какой бы прозаической или даже тягостной ни была моя новая работа, по крайней мере она дала мне возможность вернуться в страну, которую я упорно продолжала считать своей родиной. Если я и обманула мадам де Вальми, то сделала это под давлением обстоятельств. И вот я здесь. Я во Франции. Ярко освещенные кварталы, проплывающие мимо, — здесь мой дом. Очень скоро мы окажемся в самом центре Парижа, пробьемся сквозь сумятицу улицы Руайаль на сверкающие просторы площади Конкорд, где окна отеля «Крийон» смотрят на Сену сквозь ветви каштанов, на которых пока еще не раскрылись почки. А завтра снова отправимся в глубь Франции, мимо нас промелькнут пастбища и виноград-

ники, их сменяют холмы, альпийские вершины; наконец, мы достигнем Верхней Савойи, где, рядом с деревушкой Субиру, вознесся над лесами горный замок Вальми... Я легко могла представить себе этот замок. Он вставал у меня перед глазами сотни раз с тех пор, как началось мое путешествие, — волшебный дворец из царства грез, что-то неземное, романтически-таинственное, почти невозможное в реальной жизни, вроде декорации к диснеевскому рекламному ролику, превозносящему зубную пасту Гиббса. Конечно, вряд ли он будет именно таким, но все же... Такси замедлило ход, дернулось и, недовольно урча, остановилось позади автобуса, замершего возле остановки. Я крепко сжала сумочку, лежащую на коленях, и наклонилась вперед, рассматривая улицу.

Сейчас, когда я достигла цели, малейшее промедление казалось нестерпимым. Автобус наконец двинулся, проехал несколько метров и свернул направо. Такси промчалось мимо на расстоянии примерно трех сантиметров, ловко вильнуло между двумя испуганными пешеходами и с бешеной скоростью вырвалось вперед. Вперед, скорее, скорее...

И неожиданно в памяти всплыли строки:

«И девять ждут тебя карет — вперед, скорее...»

Конечно, все это было совершенно не к месту. Откуда взялись стихи? Я напрягала память, пытаюсь вспомнить... Что-то там про дворцовую роскошь, прихоть и богатство... «Пиры при свете факелов! Веселье! Игры! И девять ждут тебя карет — вперед, скорее...» Нечто вроде реестра предестей придворной жизни, составленного соблазнителем, желающим завлечь беспомощную одинокую юную девицу в ловушку, где, прикрытая роскошью, таится гибель. Да, эта строка оттуда — злодей Вентис заманивает невинную дурочку Кастизу в постель князя... («И прямо к дьяволу...») Я улыбнулась, довольная тем, что смогла вспомнить, откуда эти строки. Правда, они сейчас совершенно не к месту.

Сидящая в такси молодая девица спешила не к роскошной жизни и не в лапы к дьяволу (я надеюсь), а просто устраивалась на новое место, чтобы заняться той же работой, которой занималась в Англии. Мисс Линда Мартин, няня и гувернантка Филиппа, графа де Вальми, девяти лет от роду.

Через несколько минут я буду на месте. Меня примет мадам де Вальми — элегантная, с волосами цвета серебра, сидящая с такой горделивой осанкой, столь хрупкая, что, кажется, легкий ветерок может ее опрокинуть. Отбросив мысли о волшебном замке, я вынула из сумки зеркальце и стала приглаживать волосы, вспоминая, словно повторяя затверженный урок, все, что мне было известно о новых хозяевах.

Мадам де Вальми во время нашего разговора в Лондоне не особенно рассказывала о семействе, в котором я должна буду служить, но основное в довольно сложных нюансах взаимоотношений между его членами я уловила. Старый граф де Вальми, дедушка Филиппа, был владельцем огромного состояния, которое после его смерти досталось трем сыновьям: его старшему сыну, новому графу — Этьену, Леону и Ипполиту. Этьен получил основную часть, родовой замок Вальми и дом в Париже; Леон, кроме прочего, прелестное имение Бельвинь в Провансе; Ипполит — обширные земельные владения на берегу озера Леман, в нескольких километрах от Вальми. Когда старый граф умер, Этьен, оставшийся холостяком, с благодарностью согласился на то, чтобы Леон не покидал Вальми и исполнял роль управляющего. Этьен предпочитал Париж и направился туда, а Леон жил в Вальми, занимаясь делами имения; оттуда он управлял своими землями в Провансе. Младший брат, Ипполит, известный археолог, в промежутках между заграничными путешествиями и научными экспедициями, жил у себя дома, в Тонон-ле-Бен.

Так продолжалось довольно долго. И вдруг, когда уже никто не ожидал от Этьена подобного поступка, он женился — и через два года на свет появился Филипп. Семья жила в Париже до прошлого года, мальчику скоро должно было исполниться девять лет, и тут его родителей постигла та же судьба, что и моих. Они погибли в авиакатастрофе, возвращаясь из Испании, где провели лето, и Филиппу пришлось уехать из Парижа в Тонон-ча по печению своего дяди. Ипполит не был женат. «Однако, — сказала мне мадам де Вальми, блиставшая утонченной, словно старое серебро, элегантностью, которую отражало зеркало в стиле «режанс» в гостиной ее номера в отеле «Клеридж», — однако ребенок очень привык к Ипполиту и любит его. Мой деверь и слышать не хотел о том, чтобы мальчик жил в Вальми;

хотя официально это собственность Филиппа...» На губах ее тогда показалась притворная улыбка, рассеянная, холодная, как апрельская луна, и я внезапно поняла Ипполита.

Я просто не могла себе представить, как изысканная Элоиза де Вальми будет возиться с девятилетним мальчишкой. Конечно, для Филиппа было бы лучше оставаться на вилле Мирей с дядей Ипполитом. Даже с археологом, наверное, легче найти общий язык, чем с мадам де Вальми. По крайней мере, он наверняка разделяет свойственную каждому нормальному мальчику страсть копать в грязи.

Но и археологов иногда призывает долг. Филипп успел прожить на вилле Мирей всего несколько месяцев; потом мсье Ипполит, согласно взятому обязательству, должен был отправиться на раскопки в Грецию и Малую Азию. Вилла Мирей поневоле отпала, и до возвращения Ипполита из экспедиции Филипп переехал в Вальми к другому дяде и тете. А парижская няня, постоянно роптавшая из-за того, что ей приходится жить в таком захудалом городишке, как Тонон, была просто убита перспективой целых полгода томиться в уединенной долине Верхней Савойи и со слезами и упреками уехала обратно в Париж...

И вот я здесь. Удивительно: хотя Париж снова проник мне в душу, знакомый, почти не затронутый изменениями, я все еще не чувствовала себя на родине. Я была иностранкой, чужаком, направляющимся в чужой дом на незнакомую работу. Может быть, чувство одиночества не зависит от каких-либо обстоятельств или места; наверное, оно кроется в самом человеке. Где бы вы ни были, вы сами окружаете себя одиночеством...

Такси пересекло улицу Рике и повернуло направо; здесь все было знакомо. Справа возвышался купол Сакре-Кёр, резким силуэтом выделяющийся на желтом вечернем небе. Где-то под ним, в рассеянном голубом сумраке Монмартра, лежала улица Прантан.

Повинуясь внезапному импульсу, я наклонилась к шоферу, крепко сжимая потрепанную сумочку:

— Вы знаете улицу Прантан? Это за авеню Вершуа, восемнадцатый округ. Пожалуйста, отвезите меня туда, я... я передумала.

* * *

Я стояла на мокром тротуаре перед открытой дверью, разглядывая дом номер четырнадцать на улице Прантан. Краска на стенах облупилась; железные перила балконов, на моей памяти ярко-бирюзовые, казались в вечернем свете грязно-серыми. Жалюзи на окне второго этажа висели на одном гвозде. Канарейки мсье Бекара давным-давно передохли — на стене, там, где когда-то висела клетка, не осталось даже темного пятна. Верхний балкон, наш балкон, выглядел совсем крошечным.

Вокруг его краев были расставлены горшки с растрепанной геранью, на перилах сушилось полосатое полотенце.

Как глупо, что я пришла сюда! Глупее не придумаешь! Как будто взяла стакан, чтобы выпить вина, и вдруг увидела, что он пуст. Я быстро отвернулась.

Кто-то спускался по ступенькам. Ясно слышался стук каблучков. Я стояла, питая смутную надежду, что увижу кого-то знакомого. Нет, конечно. Это была молодая женщина, одетая с дешевым шиком, в обтягивающем черном свитере и узкой юбке в стиле площади Вандом, с нитками неправдоподобно крупного жемчуга на шее. У нее были светлые волосы; она жевала резинку. Пройдя через вестибюль к столу консьержки, стоявшему у самой двери, она потянулась к висевшей над ним полке и достала какие-то бумаги, подозрительно глядя на меня:

— Кого-нибудь ищите?

— Нет, — ответила я.

Она перевела взгляд на чемодан, стоящий у моих ног:

— Если вам нужна комната...

— Да нет, — сказала я, чувствуя себя довольно глупо. — Я просто... я жила здесь раньше и мне захотелось посмотреть... Мадам Леклерк еще живет здесь? Она была консьержкой.

— Это моя тетя. Она умерла.

— О, простите.

Она перелистывала бумаги, не переставая смотреть на меня:

— Вы похожи на англичанку.

— Я и есть англичанка.

— Да? А говорите без акцента. Ну, я думаю, раз вы жили здесь... Вы имеете в виду в нашем доме? А как ваша фамилия?

— Моего отца звали Чарлз Мартин. Поэт Чарлз Мартин.

— Это было до меня, — сказала блондинка, лизнула карандаш и сделала осторожную пометку на одной из бумаг.

— Большое спасибо. До свидания, — сказала я и повернулась к чемодану, стоявшему на тротуаре. Я оглядела внезапно потемневшую улицу в поисках такси. Впереди показалась машина, я подняла руку, но, когда такси подъехало поближе, увидела, что оно занято. Когда машина проезжала мимо меня, уличный фонарь ярко осветил ее сзади. Там сидела пожилая пара — худенькая женщина и дородный мужчина в костюме; две девочки-подростка примостились на откидных сиденьях. Все четверо были нагружены свертками и весело смеялись.

Машина скрылась из виду. Улица была пуста. За спиной раздавались шаги блондинки, поднимающейся по лестнице дома номер четырнадцать. Я оглянулась, бросила последний взгляд на свой бывший балкон и отвернулась, всматриваясь в дорогу в надежде увидеть еще одно такси. Ни дом, ни улица больше не казались мне знакомыми, родными.

И вдруг я перестала жалеть, что приехала сюда. Воспоминания о прошлом, пережитом, по которому я так долго тосковала, больше не преследовали меня — словно тяжкое бремя свалилось с плеч. Будущее все еще скрыто где-то в конце темной улицы, вдали от тусклого света фонарей, от которого по небу стлался желтоватый туман.

Я стояла здесь словно на границе между прошлым и будущим и впервые ясно увидела свою жизнь — то, что было, и то, что будет. Воспоминания об отце, матери и улице Прантан мешали мне чувствовать себя дома в Англии; я не только осиротела, но и лишилась родины и всего, связанного с ней, плыла по течению, не имея никакой цели, не желая примириться с условиями жизни, которые были так жестоко и бесцеремонно мне навязаны.

Я упорно не хотела адаптироваться к ним, завоевать себе достойное место; вела себя как избалованный ребенок, отказывающийся есть пирожные потому, что ему не досталось самое вкусное. Я втайне надеялась, что произойдет чудо и все будет по-старому. Но такого не бывает. В память о детстве я отвергла то, что могла

дать мне Англия, а теперь Париж, Париж моего детства, отверг меня. Здесь я тоже была чужаком. И если я хочу найти себе место в любой стране — что ж, чело- века принимают в свою среду только тогда, когда он заставляет признать его. Этим и придется заняться. Теперь у меня есть шанс — замок Вальми. Пока я ни- чего не знаю о членах семейства, кроме их имен; но скоро имена облекутся плотью, станут людьми, с кото- рыми я буду жить, для которых буду что-то значить... Я медленно произнесла про себя эти имена, размыш- ляя о тех, кому они принадлежат: Элоиза де Вальми, элегантная и недостижимая в изящной ледяной скорлу- пе, которая — я в этом уверена — со временем растает; Филипп де Вальми, мой питомец, о котором я знаю только то, что ему исполнилось девять лет и что он не очень крепкого здоровья; его дядя, подлинный владе- лец замка, Леон де Вальми...

И вдруг произошла странная вещь. Не знаю, может быть, это случилось потому, что я впервые назвала про себя последнее имя полностью, находясь на улице, вос- кресившей мириады смутных воспоминаний и ассоциа- ций, которые внезапно, под влиянием какого-то каприза памяти сложились в единое целое, подобно тому как магнит, притягивая стальные булавки, образует из них причудливые узоры. Я вдруг ясно услышала разговор отца с мамой. «Леон де Вальми, — говорила мама (она, по-моему, читала вслух газету), — Леон де Вальми. Здесь пишут, что он стал калекой. Он сломал себе по- звоночник, когда играл в поло, и говорят, что если он останется жив, то до конца жизни сможет передвигать- ся только в инвалидном кресле». Потом безразличный голос отца: «Да? Ах, какое горе! Ничего не могу с со- бой поделать — мне очень жаль, что он не сломал себе шею. Человечество ничего бы не потеряло». — «Чарлз!» — укоризненно сказала мама, а он добавил: «Почему я должен лицемерить! Ты же знаешь, что я ненавижу этого человека». — «Не могу понять почему», — возра- зила мама, а отец засмеялся и ответил: «Ну, куда уж тебе...»

Потом голоса, звучавшие в моей памяти, умолкли, оставив смутное предчувствие беды и сомнение, дей- ствительно ли был когда-то такой разговор между ро- дителями или это очередная шутка, которую сыграло со мной чересчур живое воображение. Издали показало- сь такси, и я, должно быть, автоматически подала

ему знак остановиться, потому что машина, скрипнув тормозами, замерла прямо передо мной. Я снова сказала: «Будьте любезны, отель „Крийон“» — и села в машину. Такси рванулось с места, повернуло налево и помчалось по темной, пустой улице Прантан. Звук мотора отражался с удвоенной силой от домов, словно спрятавших глаза за темными жалюзи. «И девять ждут тебя карет — вперед, скорее... И прямо к дьяволу... к дьяволу...» Нет, это было не предчувствие беды, просто я очень волновалась. Я улыбнулась. К дьяволу или еще куда-то, но я все-таки двигалась вперед.

Я постучала в стекло перегородки. «Скореел!» — сказала я шоферу.

КАРЕТА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА II

...и облик тот еще не потерял
Той белизны, которой он сиял,
Могучий, но поверженный Архангел.

Мильтон. Потерянный рай

«Он в каждом слове лжет», — подумал я;
Седой калека взором ворожит:
Поверю я бесстыдной этой лжи,
Иль нет...

Браунинг. Чайлд Роланд

Городок Тонон-ле-Бен расположен на южном берегу озера Леман, к северо-востоку от Женевы, примерно в двадцати милях от нее. В Женеве нас встретил большой черный «даймлер», прибывший из Вальми, который плавно покати нас по фешенебельным улицам города к французской границе и Тонону.

Мадам де Вальми очень редко заговаривала со мной в дороге, за что я была ей благодарна; мои глаза и мысли были заняты новыми впечатлениями, а главное — хотя она старалась проявить всю любезность, на которую была способна, но я все же чувствовала себя неловко в ее обществе. В ней ощущалась какая-то отчужденность, из-за чего с мадам было трудно сблизиться и даже иногда ее понять. Беседа с этой дамой походила на разговор по междугородному телефону: совершенно не пытаюсь идти навстречу собеседнику, она вдруг отвлекалась, и контакт с ней полностью терялся. Вначале мне казалось, что мадам делает это намеренно, чтобы держать себя на расстоянии, но, когда она дважды задала вопрос и, потеряв всякий инте-

рес, перестала слушать прежде, чем я ответила, стало ясно, что ее занимают гораздо более важные материи, чем гувернантка Филиппа. Я перестала надоедать ей своими разговорами, что принесло мне облегчение.

Автомобиль с мягким урчанием мчал нас по богатому и процветающему краю, где не было ни одного заброшенного клочка земли. Слева, сквозь заросли тополей и плакучей ивы, блестели воды озера, то скрываясь, то снова показываясь из-за тесно растущих деревьев. Справа зеленая равнина постепенно поднималась к подножию заросших лесом холмов, потом смело взмывала крутым подъемом к величественным силуэтам Альп, где ослепительно сверкали огромные снежные шапки. Я подумала, что одна из вершин, возможно, знаменитый Монблан, но, украдкой взглянув на Элоизу де Вальми, поняла, что сейчас не время спрашивать об этом.

Мадам де Вальми сидела с закрытыми глазами. Посмотрев на нее, я подумала, что не ошиблась. Она выглядела усталой и одновременно беспокойной, однако это не мешало ей сохранять холодное изящество. Очевидно, ей уже за пятьдесят, но женщины подобного типа долго сохраняют красоту, независимо от возраста. Это обычно называют утонченностью: прекрасной формы голова, слегка впалые виски, прямой нос с маленькой горбинкой и тонкими ноздрями; только внимательно всмотревшись, можно заметить тонкие морщинки у глаз и в углах рта. Умело подкрашенное бледное лицо с чистой и гладкой кожей, над опущенными сейчас веками гордо изогнутые, красиво очерченные брови. Волосы словно чеканное серебро. Только губы под тщательно нанесенным слоем дорогой помады и руки в серых перчатках, неподвижно лежащие на коленях, слишком тонки, нарушая общее впечатление гармонии и красоты. Эта женщина была словно хрупкая драгоценность, далекая, как луна в небесах.

Я забилась в уголок. Передо мной возвышались квадратные плечи шофера мадам де Вальми. Рядом с ним, такая же квадратная, безупречно одетая, сидела Альбертина — горничная мадам. И если мне придется — как во всех классических романах, повествующих о гувернантках, — занять неопределенное положение между аристократическим салоном и гостиной для прислуги, по крайней мере сейчас, в этой машине, я нахожусь, так сказать, как раз на подобающем месте. Я была очень

рада, потому что мне не очень-то понравилась Альбертина.

Это была черноволосая, плосколицая женщина примерно сорока пяти лет, с мрачным, замкнутым выражением лица и безобразно большими руками. Хотя прошлым вечером она постоянно находилась в покоях мадам де Вальми, но с того момента, как я пришла, ни разу не заговорила со мной. Я несколько раз ловила ее взгляд, полный какой-то холодной ненависти. Сначала это меня удивило, но теперь я поняла, что такое поведение, очевидно, было для нее привычным и не имело особого значения. Она сидела, выпрямившись, рядом с шофером, крепко сжимая стоявшую у нее на коленях шкатулку с драгоценностями мадам. Шофер и горничная не обменялись ни единым словом. Я бы даже сказала, что они полностью игнорировали друг друга. Их сходство было столь разительным, что я совершенно серьезно размышляла, не супружеская ли это пара (позже мне сказали, что они брат и сестра). Бернар, шофер мадам де Вальми, отличался безукоризненными манерами, но он, как и Альбертина, выглядел так, будто ни разу в жизни не улыбнулся, и был такой же мрачный, словно кто-то его сильно обидел. Надеюсь, эта черта не свойственна всем жителям Савойи... Я снова украдкой посмотрела на неподвижное лицо мадам. Оно тоже не внушило мне особой радости. Да, трудно будет выбирать между салоном и гостиной для прислуги...

* * *

Мы пересекли границу и теперь поднимались к Тонону; там дорога повернет на юг, в сторону гор. Все выше и выше; слева расстиралась глубокая долина, где были рассыпаны группы домов с яркими крышами и фруктовые сады, окутанные бледно-зеленым туманом распускающихся почек. Долина спускалась ниже, к поясу деревьев, окаймлявших берега озера. Кое-где, сквозь путаницу еще безлистных ветвей, проглядывали трубы домов побольше. Один из них — мадам де Вальми удивила меня, открыв глаза и приподнявшись на сиденье специально для того, чтобы показать мне этот дом, — был виллой Мирей, где жил Ипполит, третий, младший брат в семействе де Вальми. Я успела увидеть трубу виллы среди окружающих ее деревьев. Над ней не поднималась струйка дыма, как над другими домами.

Вдали расстилалось сверкающее зеркало озера Леман, шелковистая поверхность которого лениво морщилась под полуденным солнцем. На ярко-синем фоне озера кое-где мелькали еле заметные пятнышки белых и алых парусов.

Стоял теплый день, и городок, который мы проезжали, нежился в солнечных лучах. Улицы были окаймлены аккуратно подрезанными деревьями, на ветвях которых уже распустились бледно-зеленые листочки. Хозяева лавок разложили товары на тротуарах; под теплым ветерком развевались на вешалках яркие набивные платья; среди сморщенных яблок прошлогоднего урожая сверкал блестящий, как игрушка, зеленый и красный перец; стояли ряды празднично разрисованных цветочных горшков, целые леса садовых инструментов, выкрашенных ярко-зеленой краской. А края тротуаров были уставлены цветами: здесь стояли ведра тюльпанов и фрезий, красные шары петушиных гребешков, белые и ярко-желтые глазастые нарциссы, пурпурные и лиловые анютины глазки, ирисы, чьи лепестки сияли белым, кремовым, голубым и темно-синим... целое море! И все эти цветы, втиснутые в ведра и тазы вместе, на французский манер, трепетали и благоухали на солнце.

Я, должно быть, вскрикнула от восхищения, когда мы проезжали мимо этого цветочного изобилия, потому что, помню, мадам де Вальми слегка улыбнулась и произнесла: «Вы не видели, каким бывает Вальми в апреле!» Потом мы повернули направо, и дорога вновь повела нас ввысь, через заросшие деревьями пригоры, прямо в горы.

Скоро мы очутились в узком ущелье, где дорога, река и линия железной дороги, сплетаясь в причудливый узор, пробивали себе путь среди высоких утесов, на которых были беспорядочно разбросаны деревья. Потом железная дорога повернула направо, бесследно исчезнув в туннеле, но зато с левой стороны шоссе нас сопровождала река — зеленовато-белый поток, мчавшийся вниз по склону по узкому, усеянному камнями руслу. Вокруг сомкнулись утесы. Над нами серые, помартовски голые деревья уходили вершинами в облака. Дорога круто пошла вверх. Далеко под нами неслась покрытая белой пеной река, гремя о камни.

«Мрачная долина, — отметила я про себя. — И дорога опасная...» Но вот мы сделали крутой поворот в

месте, называвшемся Бель-Сюрприз, и перед нами, словно светлая прореха в непроницаемо-темном занавесе, открылись луга Вальми.

— Это селение Субиру, — сказала мадам де Вальми, — вон там, подальше. Оно снова скроется из виду, когда дорога пойдет вниз, среди деревьев.

Я наклонилась вперед и посмотрела вдаль. Селение Субиру лежало, словно на плоском блюде, среди лугов и полев, безмятежно спокойное среди обступивших его невысоких гор. Я увидела блеск тонких нитей ручьев и ряды плакучих ив там, где среди зеленых трав встречались два потока. Субиру находилось у самого их слияния; яркое, как игрушка, оно четко вырисовывалось в прозрачном воздухе. Ясно были видны все три сго моста, небольшой часовой завод и собор Святой Марии, где на шпилье знаменитой колокольни сверкал в солнечных лучах флюгер.

— А где же Вальми? — спросила я, когда машина снова направилась вниз и густые заросли по обе стороны шоссе закрыли вид. — Мы, наверное, уже подъезжаем?

— Слева — наши леса, леса Вальми. Они тянутся почти до Тонона. Мерлон — так называется река — идет по границе между Вальми и Дьедонне, это имение справа от дороги. Скоро мы переедем через реку и тогда, — мадам слабо улыбнулась, — тогда вы увидите Вальми.

Она говорила все это своим обычным, спокойным голосом, чистым и ясным, как серебристые звуки флейты. Но мне внезапно показалось, что мадам... возбуждена? Нет, это слишком сильно сказано, наверное... просто немного взволнована возвращением... Очевидно, я заблуждалась на ее счет еще минуту назад; несмотря на хрупкий облик горожанки, она любит эту далекую горную долину и с радостью возвращается сюда. Я ощутила невольный прилив симпатии к ней:

— Здесь чудесно, мадам де Вальми! Какое красивое место!

Она улыбнулась:

— Да, не правда ли? И вам повезло, мисс Мартин, в этом году ранняя весна. Зимой иногда бывает холодно и мрачно, но всегда красиво. По крайней мере, мне так кажется. Много лет это был мой... наш дом.

— Мне понравится здесь! — горячо сказала я. — Непременно понравится!

Тонкая рука, затянутая в перчатку, слегка шевельнулась.

— Надеюсь, мисс Мартин, — довольно любезно, но без особой теплоты ответила мадам де Вальми. Улыбка исчезла — и лицо снова приняло холодное, рассеянное выражение, глаза смотрели мимо меня: она словно забыла о моем существовании. Наконец, она отвернулась. Может быть, мое место в машине и было рядом с мадам, но, во всяком случае, я должна сдерживаться и знать свое место.

Я искоса нерешительно посмотрела на нее, но она этого не заметила; тогда я повернулась к окну. И сразу же увидела замок.

Мы уже некоторое время ехали по долине: направо тянулось урочище Дьедонне — высокие пихты, вершины которых, освещенные солнцем, колыхались от свежего ветра; а за крутым берегом реки сплошной массой возмались леса Вальми — дикие заросли, где среди орешника и берез проглядывал остролист, а огромные сероватые буки, словно стадо диких слонов, горделиво выступали из кустов боярышника и ломоноса. Над этим спутанным переплетением ветвей поднималось высокое плато, а там, на фоне дальнего леса и крутого горного склона, возвышался замок Вальми, чьи окна пылали, отражая солнечный свет. Беглого взгляда на здание оказалось достаточно, чтобы убедиться — это не романтическое средневековое строение со шпилями и башнями, а классическое четырехугольное здание, изящное и гармоничное, как все дома, построенные в восемнадцатом веке. Замок казался удивительно легким и прозрачным: он словно парил, озаренный светом весеннего солнца, над темным морем деревьев. Он казался очень далеким и совершенно неприступным, но едва я успела подумать об этом, как машина замедлила ход, свернула с дороги на изящный небольшой каменный мост, проложенный через реку Мерлон, проехала узкий туннель, образованный нависшими ветвями деревьев, и быстро двинулась вверх по крутому склону.

Дорога к замку шла зигзагами — серия крутых опасных поворотов, которые машина преодолела в несколько приемов. Мы словно поднимались на лифте: сначала миновали участок, заросший лесом, потом открытый склон и, наконец, проехали вдоль высокой каменной стены ограды парка, окружающего замок. Сверху находилась мощенная гравием площадка размером

с небольшое поле. Преодолев последний поворот, машина плавно въехала на площадку и, сделав широкий круг, остановилась у огромной входной двери в северной стене замка.

Шофер, выйдя из машины, обошел ее кругом, чтобы открыть дверцу для мадам де Вальми и помочь ей выйти. Альбертина, не удостоив меня словом или хотя бы взглядом, занялась свертками и прочим ручным багажом. Я вышла из машины и остановилась в ожидании, пока мадам говорила с Бернаром, очень быстро и почти шепотом, так что я ни слова не разобрала.

Вначале мне показалось, что разговор имеет какое-то отношение ко мне, потому что маленькие темные глаза шофера неотрывно следили за мной, словно все его мысли были поглощены моей особой. Но, очевидно, это было лишь выражением естественного интереса к новенькой: скоро Бернар, не проявляя никаких эмоций, отвел глаза, опустил голову и больше уже не смотрел в мою сторону, занявшись выгрузкой багажа.

Наконец, мадам де Вальми обратилась ко мне:

— Ну вот, мы на месте.

Вообще-то говоря, это было и так понятно, но голос моей хозяйки звучал так приветливо, словно она произнесла: «Добро пожаловать!» Бегло улыбнувшись мне, она отвернулась и пошла по гравию дорожки.

Лишь подойдя ближе к дому, я осознала, какой он огромный и красивый: квадратный фасад, к двери ведет широкая, изгибающаяся дугой лестница, через арку слева можно пройти во двор и к различным службам; позади замка ярко освещенный солнцем склон, где расположены огороды, склон поднимается в горы, заросшие лесом... Я видела все это неясно, как в тумане. Словно порыв свежего ветра, меня оцепенял яркий солнечный свет, широкий простор и мелодия шепчущих деревьев. Кругом разлилось золотое сияние ясного весеннего дня. Воздух был холодный, ароматный, пахло сосной и тающим снегом.

«Да, это вам не Северный Лондон!»

Я прошла вслед за мадам по широким ступеням, мимо склонившегося в поклоне лакея, в холл замка.

Вначале я не заметила женщину, которая ожидала нас там, в нескольких шагах от высокой двери.

Холл казался огромным, такое впечатление создавалось в основном из-за того, что потолок был очень

высоким и помещение тонуло в полутьме. Пол, от которого веяло холодом, вымощенный квадратными плитами черного и белого мрамора, напоминал гигантскую шахматную доску. Напротив входной двери к широкой площадке поднималась лестница, освещенная прямыми лучами света, которые струились из окна с пятью стрельчатыми арками. На площадке лестница разделялась, поднимаясь двумя изящными дугами к галерее. Больше мне ничего не удалось различить, ибо яркий свет, проходящий сквозь арку высокого окна, падал прямо в центр холла, оставляя все вокруг в глубокой тени.

Я несколько раз моргнула, чтобы привыкнуть к такому освещению. Потом послышался женский голос, и к нам подошла пожилая дама. Очевидно, это домоправительница мадам Вальми: коренастая женщина, которой, вероятно, уже минуло шестьдесят, с полным добродушным лицом и седыми волосами, собранными в старомодный пучок. Она была одета во все черное, а ее единственным украшением — если это можно назвать украшением — служило пенсне в золотой оправе, выглядывавшее из нагрудного кармана, с цепочкой, прикрепленной к платью золотой булавкой. Ее спокойное лицо, немного переваливающаяся походка, облик в целом — все было воплощением респектабельности. Во всяком случае, в этой женщине не было ничего от скрытных темноволосых и смуглых жителей Савойи.

Здороваясь с мадам де Вальми, она с любопытством взглянула на меня. У нее оказался приятный голос; слова она выговаривала так, будто ей постоянно не хватало воздуха, — быстро и, к моему удивлению, с ужасным акцентом.

Мадам рассеянно отвечала ей. В потоке безжалостного света морщины на ее лице обозначились явственнее. Неожиданно она произнесла, глядя мимо женщины в черном, в темную глубину холла:

— А как здоровье вашего хозяина?

— О, прекрасно, мадам. Последние несколько дней он был... простите мадам... совсем таким, как прежде: всем интересовался, строил разные планы... О, совсем как в прежние времена, мадам.

Она говорила с легкой фамильярностью служанки, давно живущей в доме, и на ее лице можно было прочесть искреннее удовлетворение тем, что она может сообщить хозяйке что-то хорошее. По правде говоря,

большее удовлетворение, чем выразила сама мадам де Вальми. Мне показалось даже, что она нахмурилась.

— Планы?

— О да, мадам. Я не знаю, з чем они заключаются, но Арман Лесток и хозяин долго беседовали насчет этого. Наняли еще несколько человек для работы в саду, и приходил мастер, чтобы подсчитать, во сколько обойдутся работы, о которых хозяин говорил прошлой зимой. Между прочим, сейчас он здесь, мадам. Пошел проверить балкон западного фасада, где расшаталась кладка. Мне кажется, хозяин тоже там — его лифт не стоял на первом этаже, когда Седдон затапливал камин в библиотеке.

Мадам де Вальми снимала перчатки быстрыми нервными движениями. Внезапно она произнесла:

— Вы не знаете, были какие-нибудь известия о мсье Ипполите?

— Мне кажется, были, мадам. Неделью назад от него пришло письмо... во вторник, нет, в среду; тогда же мы получили ваше письмо из Лондона относительно этой молодой леди. — Она замолчала, переводя дыхание, и кивнула головой: — Да, так оно и есть. Письмо из Афин пришло в среду, потому что я помню, что в тот день Арман Лесток был здесь, и...

— Очень хорошо, миссис Седдон, благодарю вас, — казалось, мадам де Вальми не слушала ее. — Вы сказали, что хозяин наверху? Пожалуйста, пошлите кого-нибудь сказать, что мы с мисс Мартин уже здесь.

— Я как раз сделала это, мадам. Хозяин действительно просил известить его о вашем прибытии тотчас же.

— А, благодарю вас, — резко повернувшись ко мне, мадам сказала по-английски: — Ну вот, миссис Седдон, это мисс Мартин. Я написала вам о ней в тот же день, когда известила хозяина. Мисс Мартин, миссис Седдон — наша домоправительница. Она англичанка, поэтому вы не будете чувствовать себя совсем одинокой. Ее муж — наш лакей, они сделают все, что в их силах, чтобы помочь вам освоиться у нас.

— Обязательно. — с готовностью подхватила миссис Седдон. С улыбкой посмотрев на меня, она энергично кивнула, так что золотая цепочка, висевшая у нее на груди, подпрыгнула, сверкнув. — Я уверена, все здесь будут очень вам рады.

— Комнаты мисс Мартин приготовлены?

— О да, мадам, конечно. Я сейчас проведу ее по дому и все покажу, чтобы она немного освоилась.

— Да, благодарю вас, но не сейчас. Она пойдет со мной наверх. Вы подождете ее?

— Конечно, мадам. — Миссис Седдон снова кивнула и улыбнулась; потом, отдуваясь, она стала медленно, но решительно подниматься по лестнице, похожая на маленькое деловитое буксирное судно.

Мадам де Вальми повернулась, словно хотела заговорить со мной, но, посмотрев куда-то мимо, перестала теребить перчатки, которые сжимала в руках.

— Леон!

Я не услышала звука приближающихся шагов. Быстро повернулась. Но только через несколько секунд увидела, как темный силуэт, отделившись от других теней, наполнявших холл, плавно двинулся к нам.

Я знала, чего ожидать, но все равно инстинктивно посмотрела слишком высоко, на уровень обычного человеческого роста, затем так же инстинктивно опустила глаза. Неестественно короткий, словно обрубленный, силуэт бесшумно, как во сне, скользил по мраморному полу и наконец, застыл на расстоянии шести футов от нас.

Жалость, отвращение, любопытство, горячее желание скрыть эти чувства... все это пропало, улетучилось, словно сухие листья под порывами ветра, когда я обернулась. Может быть, из-за театральной эффектности его внезапного появления: только что он был просто тенью и вдруг совершенно бесшумно появился во плоти и крови... И к тому же, вряд ли Леон де Вальми мог вызвать жалость: передо мной был крупный, красивый и сильный мужчина, молча сидящий в инвалидном кресле, который одним своим присутствием подавил всех, находящихся в холле, — слуги словно растаяли перед ним еще до того, как он остановился. Тишину нарушали лишь мерные шаги миссис Седдон, которая, легонько пыхтя, поднималась по лестнице с левой стороны галерей.

Очевидно, из-за неотразимости личности Леона де Вальми я с первого же взгляда не восприняла его как калеку: это был самый привлекательный мужчина из всех, которых мне когда-либо приходилось видеть. Правда, мой жизненный опыт весьма ограничен, но Леон де Вальми в любой компании не остался бы незамеченным. Возраст придал его необычайной красоте своеобразную

утонченность, легкие морщины на щеках и седина создавали впечатление изысканной изможденности, белая грива волос составляла удивительный контраст с блестящими темными глазами и черными дугами бровей. Красиво очерченные губы были сжаты в тонкую жесткую линию, как бывает при сильной боли. Руки казались нежными, как у людей, не занимающихся ручным трудом, кожа была мертвенно-бледной. Но Леона де Вальми никак нельзя было назвать инвалидом — это владелец замка и глава рода де Вальми, и та половина его тела, которая не парализована, обладает удивительной жизненной силой.

Здороваясь с женой и глядя на меня, он улыбнулся и от этого стал еще красивее. Я не могла понять, почему вдруг почувствовала какое-то беспокойство и отчего вообразила, что голос Элоизы де Вальми представлявшей нас друг другу, звучит напряженно и необычно звонко, словно туго натянутая струна.

Глядя на мадам, я подумала: «Она его боится...» Потом приказала себе забыть эти глупости. Такие мысли — плод моего романтического воображения, следствие рассказов отца об изощренных интригах знати. Вряд ли здесь вдруг потянет адским запахом серы только потому, что этот человек выглядит словно падший ангел из поэмы Мильтона и появился, как Князь Тьмы, из темноты потайной двери.

Я очень смутилась, когда пришлось нагнуться, чтобы пожать ему руку, но надеялась, что он ничего не заметил. Я ошибалась.

— Вас уже предупредили? — тихо произнес Леон де Вальми. Его темные глаза обратились к жене, стоявшей рядом со мной. Мадам приподняла руку, словно протестуя. Их взгляды встретились, и Леон слегка поднял брови. Он понимал все с первого взгляда. Чувствуя себя виноватой, — ведь я скрыла, что знаю французский язык, — я неуверенно переспросила:

— Предупредили?

— О том, что Люцифер пал с небес, мисс Мартин?

Я широко раскрыла глаза от удивления. Неужели этот человек телепат? Может быть, он решил, что для полного эффекта никак не обойтись без запаха серы? Или... может, он считает, что чем-то походит на низвергнутого с небес ангела, чье имя только что назвал? Странно, но последнее предположение сделало его в моих глазах более человечным и райским.

Не дав мне времени опомниться, он снова улыбнулся.
— Простите. Я пытаюсь изъясняться загадками. Я имел в виду несчастный случай, который, как вы видите...

— Я знаю. Я просто была удивлена, потому что тоже подумала о Люцифере, — поспешно и, как мне показалось, с излишней откровенностью сказала я.

— Что вы говорите? — В его смехе слышались саркастические нотки; однако, кажется, мои слова польстили ему. Потом он умолк и окинул меня внимательным, оценивающим взглядом. Я с опозданием вспомнила, что, собственно говоря, я здесь прислуга, а он — мой хозяин, почувствовала, что краснею, и сказала быстро, не задумываясь:

— Кто-то рассказал мне об этом несчастном случае; это было в самолете по пути в Париж.

— Да? Может быть, кто-то из наших знакомых?

— Да, кажется. Мы разговорились. Когда я сказала ей, что еду сюда, она вспомнила, что встречалась с вами.

— Она? — вмешалась Элоиза де Вальми.

— Я не знаю, как ее зовут. Пожилая дама из Лиона или вроде того. Не помню.

— Кто бы она ни была, хорошо, что предупредила об этом, — сказал Леон. Он немного помолчал, опустив голову и глядя себе на руки, потом медленно продолжил: — Вам может показаться очень странным, мисс Мартин, но, по-видимому, моя супруга очень не любит говорить о моем... уродстве. А в результате многие испытывают шок при первой встрече со мной. Да и я сам — хотя прошло уже двенадцать лет — испытываю весьма неприятное ощущение, когда читаю удивление и жалость в глазах тех, кто видит меня впервые. Может быть, мы с женой ведем себя глупо... Может быть, вы уже в душе осудили меня и сочли неврастеником... Но это очень понятная и легко объяснимая слабость, мисс Мартин. Мы оба достаточно долгое время делали вид, что ничего не произошло, и вряд ли будем испытывать благодарность к тому, кто развеет иллюзию.

Он поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза.

— Придет день, когда это больше не будет иметь значения. — Он пожал плечами и криво улыбнулся. — Но пока что...

В его словах не чувствовалось горечи, лишь легкий сарказм. Но они оказались настолько неожиданными, что

я была смущена и полностью обезоружена, поэтому ответила не задумываясь и, наверное, довольно глупо:

— О нет, пожалуйста, не думайте об этом. Как вы можете говорить об уродстве? Во всяком случае, его даже не замечаешь... честное слово...

Я внезапно умолкла, испуганная собственными словами. Как могла какая-то Линда Мартин сказать подобное самому мсье де Вальми? Только что нанятая гувернантка — своему хозяину? Я даже не подумала о том, что он, возможно, намеренно спровоцировал меня. Чувствуя себя в высшей степени неловко под его взглядом, закусив губы, желая перенестись за тысячу миль отсюда, я пробормотала:

— ...Простите. Я не хотела сказать... Я имела в виду только...

— Благодарю вас, дорогая. — Голос его звучал совершенно серьезно, но в глазах мелькнула насмешливая искра. Затем он проговорил любезным тоном: — Мне кажется, Элоиза, что ваша на удивление глупая приятельница леди Бенчли до некоторой степени оправдала свое существование, порекомендовав нам мисс Мартин. Нам действительно повезло, что мы нашли вас, мисс Мартин, и мы счастливы принять вас в Вальми. Надеюсь, нам удастся сделать так, чтобы вы чувствовали себя как дома. — Он остановился. Снова эта искра во взгляде. — Может быть, я неудачно выразился. Мне следовало бы сказать так: я надеюсь, что Вальми станет вашим настоящим домом.

— Благодарю вас, — чопорным тоном сказала я. — Вы очень любезны. Я счастлива, что имела возможность получить эту работу и постараюсь...

— Постараетесь сделать все, что в ваших силах? Вы правы, официальный тон успокаивает нервы много лучше брома. Почему вы так на меня смотрите?

— Простите. Конечно, это не особенно вежливо... Просто... просто вы удивительно хорошо говорите по-английски, — сказала я, немного запинаясь. — «Черт бы побрал этого человека; неужели он всегда будет выбивать меня из колен?» — Я закончила свою неудачную речь, холодно прибавив: — Сэр.

Он открыто засмеялся — искренний смех, который поставил точку над нашей пикировкой и завершил эту не вполне понятную игру. Потом самым непринужденным образом перешел к другой теме и начал весьма внимательно и любезно расспрашивать меня о нашем путе-

шествии и о том, какое впечатление произвела на меня долина Вальми; мадам, улыбаясь, присоединилась к нему; очень скоро, ободренная этой приветливостью, я успокоилась и окончательно пришла в себя. Я чувствовала себя с ними совершенно естественно. Более того, осознала, что они мне нравятся. Трудно было устоять против обаяния Леона де Вальми, а он постарался проявить его в полной мере... и я, усталая, одинокая, взволнованная, легко поддавалась ему. Поговорив с ними еще несколько минут, я почувствовала себя уверенно, вновь обретая достоинство и отбросив недавние подозрения как пустые фантазии. Мсье и мадам де Вальми — красивая и приятная супружеская пара, я буду и дальше с ними в хороших отношениях, буду наслаждаться жизнью в замке Вальми, снова найду себе семью, хотя бы и в качестве скромной гувернантки.

«Адский запах серы? Что за чушь!»

И все же очень скоро, вспомнив начало нашего разговора, я поняла, что под внешним блеском что-то скрывается. «С этим человеком надо всегда быть начеку», — как-то сказал мой отец, и теперь мне стало ясно, что он имел в виду. Леон, как никто другой, умел привлечь к себе... в этом я несколько не сомневалась. Чертовски привлекательный мужчина, чертовски... я намеренно употребила это прилагательное, оно как нельзя лучше подходило к нему. Но, несмотря на весь его шарм, я все же была немного рассержена. Леон де Вальми вел со мной непонятную игру, и это мне не нравилось. Он заставил меня проявить жалость и сочувствие, в которых нисколько не нуждался... и такая реакция его позабавила.

Я не пыталась объяснить даже себе самой, почему я так сразу и безоговорочно с головой окунулась в целое море лжи, придумав некую пожилую даму из Лиона; почему у меня никогда, ни за что не хватит смелости признаться Леону де Вальми в том, что я говорю по-французски даже лучше, чем по-английски, и что я прекрасно поняла слова, сказанные им Элоизе, когда меня наконец отпустили и я поднималась по лестнице к миссис Седдон, которая ждала на площадке галереи.

Он тихо произнес, и при этом, уверена, следил взглядом за мной:

— Как бы то ни было, Элоиза, возможно, ты совершила очень большую ошибку...

ГЛАВА III

Стоит в приятном месте этот замок.
Здесь даже воздух нежит наши чувства —
Так легок он и ласков... Охрип,
Прокаркав со стены о злополучном
Прибытии Дункана даже ворон.

Шекспир. Макбет¹

он комнаты были даже лучше, чем я могла себе представить, не говоря уже об апартаментах, в которых мне приходилось жить. Высокие окна выходили на западный фасад с балконом, из них открывался ошеломляющий вид на

долину — он буквально выманил меня на балкон.

Я оперлась о каменную балюстраду и осмотрелась. Замок стоял так высоко, что казалось, будто мы находимся на одном уровне с лесом во владениях Дьедонне, за рекой Мерлон. Внизу, вдоль вьющейся ленты дороги, голые вершины деревьев волновались, точно серые облака. Балкон словно летел в золотистом воздушном просторе. К югу светились белые домики селения Субиру, похожие на блестящие игрушки.

Я обернулась. Миссис Седдон стояла, улыбаясь, у окна, скрестив пухлые руки под полной грудью.

— О, это... это чудесно! — сказала я.

— Да, красивое место, — отозвалась она материнским тоном. — Ну, конечно, многим не нравится жить в сельской местности. Я-то всю свою жизнь прожила в деревне. А теперь я покажу вам спальню, если вы пройдете со мной вот сюда.

Я последовала за ней через уютную гостиную к угловой двери, напротив камина.

— Комнаты сообщаются друг с другом, — объяснила миссис Седдон. — Они выходят или в этот коридор, или в такой же с южной стороны. Вы видели, что балкон идет вдоль всего дома. Эти комнаты в конце коридора были построены для детской, и все они сообщаются друг с другом. А вот и ваша спальня.

¹ Пер. Ю. Корнеева.

Спальня была еще уютнее и красивее (насколько это вообще было возможно), чем гостиная. Я сказала об этом миссис Седдон. Она с довольным видом улыбнулась, подошла к двери, которую я вначале не заметила, потому что, как и стены, она была отделана панелью цвета слоновой кости с золотом.

— Эта дверь ведет в ванную, с другой стороны находится спальня маленького Филиппа. У вас общая ванная комната. Надеюсь, ничего не имеете против?

В приюте Констанс Батчер нам приходилось выстаивать очередь, чтобы выкупаться.

— Нет, — ответила я, — не имею ничего против. Очень современно, правда? Ванная за панелями. Наверное, все привидения удрали отсюда, когда проводили водопровод и укладывали трубы. Правда, миссис Седдон?

— Никогда не слышала, чтобы в замке водились привидения, — степенно ответила миссис Седдон, — раньше здесь была кладовая, она занимала все свободное пространство между этими двумя комнатами. Потом половину отделили для ванной, а в другой половине сделали маленькую буфетную с электрической печкой, чтобы можно было кипятить чай для няни и готовить какао Филиппу на ночь. Вот она. — Приоткрыв дверь, она показала небольшую, безупречно чистую комнату, которая, казалось, служила и буфетной, и кладовой. За дверью были аккуратно расставлены и разложены вещи, необходимые в домашнем хозяйстве: пылесос, стремянка, щетки, тряпки, а рядом, среди продуманно расположенных встроенных шкафов и сверкающих стеклянными дверцами полок, находилась небольшая электрическая плита. Очевидно, на моем лице отразилось удивление, потому что миссис Седдон добавила: — В этом крыле всегда находились комнаты для занятий, здесь вырос сам хозяин и его братья, а потом, понимаете, когда родился мистер Роул, здесь произвели изменения — со всякими электрическими штуками и всем прочим.

— Мистер Ро... Рауль? — спросила я.

— Да, хозяйский сын. Он живет в имении, которое они называют Беллвин. Это имение хозяина на юге.

— Да, я слышала об этом имении — Бельвинь. Но не знала, что у мсье Леона есть сын. Мадам де Вальми не сказала... вообще, она не очень-то много мне сказала. Я почти ничего не знаю об их семье.

Миссис Седдон внимательно посмотрела на меня. Ка-

залось, она хотела что-то сообщить, но просто заметила!

— Да? Ну, думаю, вы сами скоро все узнаете. Понимаете, мистер Роул — не сын мадам. Она у хозяина вторая жена. Мать мистера Роула умерла двадцать лет назад как раз в это время, весной, когда ему было всего восемь. Шестнадцать лет назад хозяин женился во второй раз, и его нельзя за это осуждать. Понятно — в таком большом доме трудно жить одному. Но вообще-то, — словоохотливо продолжала миссис Седдон, пересекая комнату, чтобы поправить завернувшуюся портьеру, — в то время хозяин не особенно любил сидеть один в доме; понимаете, о чем я говорю? Они любили пожить весело, он и его старший брат, если верно все, что о них говорят. Но молодежи ведь надо перебеситься! Теперь-то наш бедный хозяин не может позволить себе такое, даже если бы очень захотел, а несчастный мсье Этьен погиб, упокой Господи его душу там, где нет ни мирских плотских мыслей, ни дьявольских искушений; по крайней мере, я надеюсь на это.

Она снова повернулась ко мне, немного задышавшись от длинной речи. Во всяком случае, миссис Седдон явно не разделяла привычки мадам де Вальми держать свои мысли при себе.

— Хотите осмотреть весь дом или отложим это на будущее? Мне кажется, вы устали.

— Если можно, немного отложим.

— Как хотите. — Она снова взглянула на меня с хитринкой. — Послать к вам Берту помочь распаковать чемодан?

— Нет, спасибо. — Этот взгляд значил, что она отлично понимала: я не захочу, чтобы горничная инспектировала скудное содержимое моего чемодана. Я не обиделась; напротив, была ей благодарна.

— А где детская? — спросила я. — За спальней мсье Филиппа?

— Нет, его спальня — последняя в этом ряду, потом идет ваша спальня, за ней ваша гостиная, а уж потом детская. За этими комнатами расположены покои мадам, а комнаты хозяина за углом, над библиотекой.

— Ах да! У него ведь там лифт, верно?

— Да, мисс. Его устроили после несчастного случая. Это было... погодите-ка... в июне исполнится ровно двенадцать лет.

— Да, мне рассказывали об этом. А вы тогда были здесь, миссис Седдон?

— Ну конечно. — Она снисходительно кивнула головой. — Я приехала сюда тридцать два года назад, мисс, когда хозяин женился в первый раз.

Я присела на краешек кровати и с интересом взглянула на миссис Седдон:

— Тридцать два года? Но ведь это целая вечность, миссис Седдон. Вы приехали вместе с первой мадам де Вальми, правда?

— Да, верно. Она была из Нортумберленда, как и я.

— Значит, она была англичанкой? — удивленно спросила я.

— Да, конечно. Какая же это была прелестная девушка, моя мисс Дебора! Я служила у них в доме еще тогда, когда она была совсем ребенком. Однажды весной они встретились с хозяином в Париже, и на следующий день уже были помолвлены, вот так! О как это было романтично, настоящий роман! «Мэри, — сказала она (Мэри — так меня зовут, мисс), — Мэри, вы поедете со мной, правда? Тогда я не буду чувствовать себя такой одинокой», — так она сказала. — Миссис Седдон кивнула мне привычно прослезившись в этом месте своего монолога. — Я тогда сама встречалась с Артуром (это мистер Седдон). Я вышла за него замуж и взяла с собой. Разве я могла позволить, чтобы мисс Дебора отправилась одна одинешенька в чужие края к иностранцам?

— Конечно, нет, — сочувственно заметила я, и миссис Седдон лучезарно улыбнулась, скрестив руки под вздымающейся грудью, готовая продолжать этот разговор до тех пор, пока у меня хватит терпения слушать. Она производила впечатление человека, затеявшего любимую игру, но успевшего подзабыть ее правила. И если я была счастлива лицезреть ее добродушное английское лицо после угрюмых физиономий Альбертины и Бернара, миссис Седдон была не менее довольна возможностью поболтать со мной по-английски. И конечно, разговаривать с гувернанткой не считалось недопустимым, это ведь не «общение с прислугой». Скорее всего, и миссис Седдон не попала в мой проскрипционный список. Во всяком случае, я решила выведать у нее все, что возможно.

— Ну а когда ваша мисс Дебби... умерла, — сказала я, — вы не вернулись в Англию? Почему вы остались, миссис Седдон?

Она не смогла внятно ответить на этот вопрос; но по ее пространным рассказам я составила себе более или менее ясное представление о том, что произошло. К тому времени отец мисс Дебби тоже умер, его дом был продан, а в замке Вальми миссис Седдон и ее супруг имели прекрасную работу, и хозяин высказал пожелание оставить их у себя... Я также догадалась, что благодаря мисс Деборе они заняли в доме такое положение, которого им вряд ли удалось бы достичь где-нибудь в другом месте; Седдон, которого я до сих пор видела только один раз, был чрезвычайно выхощен, вежлив и респектабелен; миссис Седдон была образцом полновластной и умелой домоправительницы; но ее голос и манеры, несмотря на все попытки казаться знатной дамой, выдавали простую и добродушную Мэри Седдон, дочь помощника садовника.

Я выслушала пространное описание мисс Деборы и ее домочадцев, ее отца, дома, пони, драгоценностей; свадьбы, свадебных подарков и гостей, почтивших своим присутствием свадебный пир. Когда мне показалось, что мы вот-вот перейдем (после замечания о том, как счастлива была бы матушка Дебби присутствовать на свадьбе, если бы тогда еще жила) к такому же подробному описанию туалетов, драгоценностей и всего прочего, принадлежавшего матери Дебби, а также ее свадьбы — по рассказам матери миссис Седдон, я решила, что пора вернуть мою собеседницу к событиям, которые произошли «в чужих краях у иностранцев».

— И кроме того, у мисс Дебби был сын, правда? Вы, конечно, остались здесь, чтобы смотреть за ним?

— Мистер Роул? — Она поджала губы. — Они наняли ему французских нянек. И он был очень спокойный ребенок, немного похож на мсье Филиппа, такой тихий, и никогда никому не мешал. Ну кто бы мог подумать... — Она замолчала, немного задыхаясь, и покачала головой. — Да, мисс, что ни говори, а он все же наполовину иностранец.

В этом высказывании была вся суть сельской Англии. Слово «иностранец» прозвучало как окончательный приговор. Я с нетерпением ожидала продолжения, но к моему крайнему раздражению она добавила:

— Но уж я-то никогда не была сплетницей и не болтала чего не следовало. А теперь с вашего позволения мне надо заняться своими делами. Не буду мешать вам распаковывать вещи. И если что-нибудь понадобится,

мисс, вам следует только обратиться ко мне или к Седдону и мы сделаем для вас все, что нужно.

— Большое спасибо. Как я счастлива, что вы здесь! — с наивным видом произнесла я.

Она, видимо, была польщена моими словами:

— Мне очень приятно это слышать, мисс. Но вы скоро почувствуете себя как дома и освоитесь. Когда я сюда приехала, то не знала ни слова по-французски, а теперь говорю быстро, прямо как они.

— Да, я слышала. Вы говорите просто чудесно. — Я встала и щелкнула застежками чемодана. — Тридцать лет — долгий срок, особенно вдали от родины. У вас никогда не возникало желания вернуться в Англию, например, когда мсье Леон снова женился?

— О, мы с Седдоном говорили об этом, — спокойно ответила она, — но у него характер легкий, нам понравилась новая мадам де Вальми, и она была нами довольна, поэтому мы решили остаться. И кроме того, еще с детских лет я страшно страдала от астмы; говорите что хотите, но все эти новоиспеченные средства — антигистические или антиистерические, Бог знает как они там называются, никуда не годятся. Дома у меня часто были ужасные приступы, а здесь все прошло, прямо чудеса. Правда, иногда еще случаются приступы, но они очень быстро проходят. Все дело в воздухе. Воздух здесь, наверно, очень здоровый и, главное, сухой.

— Да, конечно, воздух здесь чудесный.

— И потом, после того, как с хозяином это случилось, мадам даже слышать не хочет о том, чтобы нас отпустить. Понимаете, он терпеть не может всяких перемен.

— Я догадалась об этом во время разговора там, в холле. А у него... у него бывают сильные боли, миссис Седдон?

— Боли? Нет. Но у него бывают... дни, — загадочно сказала миссис Седдон. — Да и кто осудит его в таком положении?

— Конечно, неудивительно, если он иногда бывает подавлен.

— Подавлен? — она с удивлением посмотрела на меня. — Подавлен? Хозяин?

Я не решилась сказать «у него расстроены нервы», потому что эти слова никак не согласовывались с впечатлением неудержимой силы и уверенности, которое производил Леон де Вальми.

— Да, подавлен. Ну, может, иногда испытывает... жалость к себе?

Миссис Седдон издала звук, весьма напоминающий фырканье:

— Чувствует к себе жалость? Только не он! Может, последние несколько лет он не такой любезный, как был раньше, но с ним все в порядке, мисс, можете быть уверены. Не такой он человек, чтобы травить себя мыслями о том, что останется инвалидом до конца жизни!

— Да, похоже на то. По правде говоря, когда беседуешь с мсье Леоном, забываешь, что он инвалид, — я едва не прибавила: «Если сам не напомнит об этом».

— Верно, — миссис Седдон снова кивнула, — и он сам большей частью об этом забывает. Чего он только не может сделать с помощью этого электрического кресла; да еще лифт, телефоны в каждом уголке дома! А если нужно куда-то выйти, у него есть Бернар. Но время от времени что-то напоминает ему, и тогда...

— А что именно? — сказала я, вспоминая сцену в холле.

— Бог его знает. Может быть, не выспится как следует или ему сообщат, что где-то, куда он не может пойти сам и проследить, как выполняются его распоряжения, не все в порядке — работа не сделана или сделана небрежно; или нужно что-то предпринять, а у него нет денег; или мистер Роул... — как и в прошлый раз, она умолкла, произнеся на свой лад это имя.

Я терпеливо ожидала продолжения. Она без всякой необходимости поправила подушку на стуле и неопределенно сказала:

— Мистер Роул ведет для мсье Леона дела его другого имени — Беллвин, на юге, и там всегда не хватает средств, а это беспокоит хозяина, и кроме того... ну, мистер Роул не очень-то часто бывает здесь, и это хорошо, потому что он постоянно напоминает хозяину, что он беспомощный калека, хотя и пытается командовать своим сыном.

→ Напоминает ему? Это жестоко! — возмутилась я.

— О нет, вы не понимаете, он не нарочно, — возразила миссис Седдон, которую, по всей видимости, шокировали мои слова, — я не это имела в виду! Просто он... видите ли, мистер Роул точно такой же, каким был хозяин двадцать лет назад.

— А, ясно; теперь я понимаю, что вы хотите сказать. Он делает то, что любил делать его отец. Например, играет в поло.

— Они сказали вам?.. — она бросила на меня удивленный взгляд.

— Нет, я слышала об этом от дамы, их знакомой: я случайно встретила с ней в самолете по дороге в Париж.

— А, понимаю. Да, именно так. Хозяин был мастер на все руки. — Она слабо улыбнулась. — Мисс Дебби всегда говорила, что однажды он сломает себе шею. Он занимался спортом, разными видами спорта — мотоциклы, лошади, моторные лодки... даже фехтование. У него целая полка заставлена серебряными кубками — призами за успехи по фехтованию.

— По фехтованию?

— Да. Но главное — лошади и автомобили. Я часто думала, что он сломает шею не только себе, но и кому-нибудь еще, когда видела, как он ездит, выписывая зигзаги по этой ужасной дороге от моста Вальми вверх. — К моему удивлению, миссис Седдон на миг потеряла самообладание. Она горячо сказала: — Иногда можно было подумать, что в него вселился дьявол... он хотел доказать, что может сделать все что угодно — и сделать лучше, чем любой другой.

«Да, — подумала я, — вполне вероятно. Но даже став калек, он выглядит как упавший с небес ангел».

— А теперь он вынужден сидеть и смотреть, как его сын скачет верхом, устраивает гонки по горной дороге и фехтует...

— Все это так, — возразила миссис Седдон, — но у мистера Роула нет денег... и это очень хорошо, а то он стал бы вести себя точно так же, как отец. Я ведь уже сказала, он не очень-то часто бывает здесь. Живет в имении Беллвин. Сама я там никогда не бывала, но говорят, это очень приятное место.

— О? — чтобы показать, как мне интересно, сказала я, и миссис Седдон, ободренная такой реакцией, стала рассказывать об имении, которое на самом деле называлось Бельвинь. По правде говоря, все это меня ни капельки не волновало. Я думала о том, что, если Рауль де Вальми действительно настолько похож на отца, очень хорошо, что он так редко появляется в Вальми. Не могу себе представить, как могут два Леона де Вальми мирно ужиться под одним кровом... Ну вот, опять...

Опять заработало мое романтическое воображение... Откуда я все это взяла? Смутные воспоминания двенадцатилетней давности и тягостное впечатление, оставленное непонятым поведением Леона де Вальми, начавшего со мной для собственного развлечения непонятную игру; пытавшегося показать себя не таким, каким он был в действительности...

И вдруг я осознала, что в замке Вальми меня встретили далеко не все: в моем приеме не участвовал самый главный член семейства.

Меня не представили владельцу всего этого великолепия, подлинному хозяину замка, графу Филиппу де Вальми.

Миссис Седдон решила наконец действительно заняться собственными делами. Она направилась к двери, но остановилась в нерешительности и обернулась ко мне. Я нагнулась над чемоданом, стоявшим у кровати, и стала выкладывать на покрывало свои вещи. Я чувствовала, что она не отрывает от меня взгляда.

— Вы... хозяин... — нерешительно начала она. — Он был с вами любезен, не правда ли? Мне кажется, я слышала, как он смеялся, когда стояла наверху и ждала вас.

Я выпрямилась, держа в руках кипу аккуратно сложенных носовых платков.

— Все прошло очень хорошо, миссис Седдон. Он был очень любезен.

— О, прекрасно. А я хотела еще до вашей встречи с хозяином поговорить с вами и предупредить, что на первых порах он бывает довольно резок.

Я хорошо понимала беспокойство, которое она тщетно пыталась скрыть. Было очевидно, что «эмоциональная температура», — если можно так сказать, в Вальми целиком зависела от настроения Леона де Вальми.

— Большое спасибо, не беспокойтесь, миссис Седдон. Он принял меня очень хорошо, и я почувствовала, что здесь мне рады, — сказала я бодрым тоном.

— Правда? — недоверчиво спросила домоправительница. Она была обеспокоена и явно удивлена. — Ну ладно, тогда действительно все в порядке. Я знаю, что он был очень доволен, когда пришло письмо мадам относительно вас, но, как правило, мсье Леон не любит, когда в доме происходят какие-либо перемены. Поэтому

все мы были так удивлены, когда они уволили няню Филиппа, которая служила у них много лет, и объявили, что приезжает новая девушка из Англии.

— О да, мадам де Вальми рассказывала мне о ней. — Я положила платки на кровать и вынула из чемодана несколько пар белья. — Но ведь она не была уволена, правда? — Из слов Элоизы де Вальми я поняла, что няне надоело жить в таком заброшенном месте, как Вальми, и, поскольку мадам была в то время в Лондоне, мсье Леон срочно написал ей и попросил раз уж она там, найти мальчику английскую гувернантку.

— Да нет же! — Миссис Седдон явно не умела лгать. — Вы, наверное, не так поняли слова мадам. Няня была очень привязана к маленькому Филиппу. Уверена, все это было для нее большим ударом. Она вовсе не хотела уходить.

— Правда? А я была убеждена, что мадам сказала, будто няня ушла потому, что здесь слишком уединенное место. Должно быть, я ошиблась. — Я поймала себя на том, что пожимаю плечами, и решительно пресекла этот чисто галльский жест. — Она, наверное, просто предупредила меня, чтобы я не очень-то рассчитывала на веселье. Но мадам была очень озабочена тем, чтобы найти ребенку девушку, которая могла бы учить его говорить по-английски.

— Мсье Филипп прекрасно говорит по-английски, — гордо сказала миссис Седдон.

— Очень рада это слышать, — сказала я, засмеявшись. — Ну, как бы то ни было, я считаю, что в свои девять лет Филипп вполне может перейти от няни к гувернантке. Я думаю, дело именно в этом. Поэтому надо не забыть переименовать детскую в комнату для занятий. Я уверена, что в девять лет ребенок должен отвыкать от слова «детская».

— Мсье Филипп выглядит моложе своих лет, — сказала миссис Седдон, — но иногда он бывает чересчур серьезен, и мне это не очень-то нравится. Но что можно ожидать после всего, что случилось! Бедная крошка! В конце концов он привыкнет, но на это надо время.

— Знаю, — сказала я.

Она несколько секунд испытующе смотрела на меня.

— Простите меня, мисс Мартин, а вы помните своих родителей?

— Конечно. — Миссис Седдон глядела на меня лас-

ково, но с нескрываемым любопытством. Ну что ж, любезность за любезность. Она, должно быть, так же хочет узнать обо мне, как я — о семействе де Вальми. — Мне было четырнадцать, когда родители погибли в авиакатастрофе, — как и у Филиппа. Думаю, мадам сказала вам, что я воспитывалась в Англии в приюте.

— По правде говоря, да. Она написала мне, что слышала ваше имя от одной своей знакомой, леди Бенчли, которая каждый год приезжает в Эвиан, и эта леди очень хорошо отзывалась о вас, очень!

— Не знаю, как ее благодарить. Леди Бенчли была одной из попечительниц моего приюта последние три года, когда я жила там. Потом я ушла из приюта и стала работать в школе для мальчиков, и оказалось, что там учится сын леди Бенчли. В родительский день она туда приехала, мы встретились и поговорили. Когда я призналась, что ненавижу эту школу, она спросила, не хочу ли я получить работу в хорошем доме за границей, потому что ее приятельница, мадам де Вальми, ищет гувернантку для племянника и интересовалась, не знает ли леди подходящей девушки из приюта. Как только я услышала, что надо будет ехать во Францию, я сразу же согласилась. Я... я всегда мечтала пожить во Франции.

На следующий день я поехала в Лондон к леди Бенчли. Она обещала позвонить мадам относительно меня, ну и... я получила эту работу.

Я умолчала о том, что мадам де Вальми, вероятно, ценила рекомендацию леди Бенчли более высоко, чем та заслуживала, ибо эта леди была добродушной, но на редкость безалаберной особой, которая проводила значительную часть времени в бесполезных хлопотах и служила чем-то вроде частной конторы по найму прислуги и посредником между своими знакомыми и приютом Констанс Батчер; сомневаюсь, чтобы она так уж хорошо меня знала. Кроме того, по-видимому, мадам де Вальми была столь озабочена тем, чтобы найти подходящую девушку за время своего короткого пребывания в Лондоне, что не так тщательно, как могла бы, изучила историю моей жизни. Но, конечно, для нее это не имело большого значения.

Я улыбнулась миссис Седдон, которая продолжала испытующе смотреть на меня. Потом она тоже улыбнулась и кивнула, так что золотая цепочка, висевшая на груди, немного подпрыгнула и сверкнула.

— Ну ладно, — произнесла она, — ладно.

Домоправительница не сказала вслух: «Вы подойдете», но по ее тону было ясно, что она подумала именно это. Она открыла дверь:

— Ну, а теперь мне действительно надо идти. Берта — горничная, которой поручена эта часть дома, скоро принесет вам чай. Увидите — она хорошая девушка, хотя немного взбалмошная. Думаю, вы кое-как поймете друг друга с помощью мсье Филиппа.

— Надеюсь, — ответила я. — А где мсье Филипп?

— Он, наверное, в детской, — сказала миссис Седдон, стоя у двери. — Но вообще-то мадам сказала, что сегодня вы можете с ним не возиться. Прежде всего, вам нужно выпить чашку чая — настоящего чая, хотя понадобилось почти тридцать лет, чтобы они научились заваривать его как следует, хорошенько отдохнуть перед ужином, а с мсье Филиппом успеете познакомиться завтра. Сегодня устраивайтесь.

— Очень хорошо, — сказала я. — Спасибо, миссис Седдон. С удовольствием попробую ваш чай.

Дверь за ней закрылась. Я услышала ее мягкие, неторопливые шаги по коридору.

Я застыла, глядя на дверь, машинально разглаживая складки на нижней юбке, которую вынула из чемодана.

Мне не давали покоя два момента нашего разговора. Во-первых, я не должна была показывать, что слышала и поняла слова миссис Седдон о лифте, когда она беседовала с мадам де Вальми по-французски. Если я и дальше буду совершать такие же ошибки, то уж лучше сразу признаться в обмане, пока еще не поздно.

Во-вторых, мне показался очень странным совет, который дала мне, уходя, миссис Седдон. «Можете сегодня с ним не возиться... он, наверное, в детской...» Я аккуратно положила в шкаф нижнюю юбку и тихонько вышла из своей уютной спальни, прошла бежево-розовую гостиную, подошла к двери в комнату для занятий. На минуту я остановилась в нерешительности. Из комнаты не доносилось ни звука.

Я тихонько постучала, потом нажала на позолоченную ручку. Дверь мягко приоткрылась.

Я распахнула ее шире и вошла.

Первое, что пришло мне в голову, — Филиппа никак не назовешь красивым мальчиком.

Он выглядел слишком маленьким для своего возраста, с тонкой шеей и круглой головой. Черные волосы очень коротко подстрижены, кожа бледная, почти восковая. Огромные черные глаза; запястья и колени трогательно тоненькие и костлявые. На нем были темносиние шорты и полосатый трикотажный жакет. Лежа на животе, он читал большую книгу: такой заброшенный, крошечный на широком роскошном ковре.

Мальчик поднял голову и медленно встал.

— Я мадемуазель Мартин. А вы, должно быть, Филипп, — сказала я по-английски.

Он застенчиво кивнул. Потом сказало воспитание: он сделал шаг вперед, протянув руку.

— Очень рад, мадемуазель Мартин. — Голос его был невыразительным, тонким и слабым, как и сам он. — Надеюсь, вам понравится в Вальми.

Пожимая его тонкие пальцы, я вдруг с особой остротой ощутила, что передо мной — владелец Вальми. Эта мысль, как ни странно, сделала его в моих глазах еще более хрупким и маленьким.

— Мне сказали, что ты сейчас занят, но я подумала, что лучше пойти сразу к тебе.

Он минуту раздумывал, окинув меня по-детски наивным взглядом, полным искреннего интереса:

— Вы действительно будете учить меня хорошо говорить по-английски?

— Да.

— Вы не похожи на гувернантку.

— Значит, мне надо постараться стать похожей на настоящую гувернантку.

— Нет, вы мне нравитесь так. Пожалуйста, не меняйтесь.

«Из молодых да ранний. Настоящий де Вальми». Я засмеялась:

— Спасибо за комплимент, господин граф.

Мальчик быстро взглянул на меня, снизу вверх. Его черные глаза блеснули.

— У нас будет урок завтра? — сказал он только.

— Думаю, что да. Но точно не знаю. Возможно, сегодня вечером я увижусь с твоей тетей и она скажет, какая у нас будет программа.

— А вы видели... моего дядю? — Его ровный голос вдруг прозвучал как-то странно. Или мне это просто показалось?

— Да.

Мальчик стоял неподвижно, держа руки перед собой. Мне пришло в голову, что он, наверное, по-своему такой же недотрога, как и Элоиза де Вальми. Моя задача может оказаться не такой уж легкой. У него прекрасные манеры, вряд ли он будет «трудным ребенком» в том смысле слова, как его обычно употребляют гувернантки; но смогу ли я найти с ним общий язык, смогу ли преодолеть настороженность и сдержанность, которыми он отгородился от всех, словно оградой из колючей проволоки, сквозь которую пропущен электрический ток? Все эти черты я уже видела в мадам де Вальми. Так же как она, мальчик не по-детски молчалив и спокоен. Но на этом сходство кончалось. Ее спокойствие и отчужденность продуманы и изящны; у ребенка они казались неловкими и внушали неясное беспокойство.

— Мне надо сейчас пойти к себе и распаковать вещи, иначе я опоздаю на ужин. Хочешь мне помочь?

— Я? — Он быстро поднял глаза.

— Ну, не то чтобы помочь, просто пойдем со мной, ты составишь мне компанию и посмотришь, что я тебе привезла из Лондона.

— Вы имеете в виду подарок?

— Конечно.

Неожиданно Филипп багрово покраснел. Не сказав ни слова, он спокойно прошел за мной через гостиную к двери спальни, открыл ее передо мной и вошел в спальню. Потом молча встал у подножия кровати, глядя на чемодан.

Я наклонилась над открытой крышкой, вынула еще несколько вещей, положила их на кровать и стала рыться внутри.

— Это не очень-то дорогая вещь, — сказала я, — потому что у меня было мало денег. Но... а, вот оно.

Я привезла картонную модель Виндзорского замка, которую купила в Лондоне у Вулворта, — ее надо было вырезать и склеить, и самую большую коробку, которая оказалась мне по карману, содержащую коллекцию оловянных солдатиков в форме королевской гвардии.

Я неуверенно посмотрела на молчаливого графа де Вальми, владельца родового замка, и вручила ему обе коробки.

— Английский замок? — произнес он. — И английские солдаты?

— Да. Солдаты, которые стоят у Букингемского дворца.

— В меховых шапках. Они охраняют королеву. Я знаю. — Он с восхищением смотрел на наклеенную на коробке картинку, изображающую полк королевских гвардейцев, выполнявших какой-то невероятно сложный маневр.

— Ну, они... они не очень-то... понимаешь...

Но я видела, что он меня не слушает. Открыв крышку, Филипп перебирал дешевые игрушки.

— Подарок из Лондона, — сказал он, оглядывая грубо разрисованного солдатика.

Внезапно я поняла, что для него не имело бы значения, даже если бы это были кустарные бумажные куколки.

— Я ещё привезла тебе игру, которая называется «Фишки», — добавила я. — В нее играют специальными фишками. Потом я научу тебя. Это хорошая игра.

— Филипп, где ты? — раздался женский голос из детской, или комнаты для занятий.

— Это Берта. Мне надо идти. — Встрепенулся мальчик и, закрыв крышку, встал, прижимая к себе коробки. Он произнес официальным тоном: — Благодарю вас, благодарю вас, мадемуазель.

Повернувшись, он побежал к двери.

— Я здесь, Берта. Иду. — На пороге Филипп остановился и обернулся ко мне. Щеки у него были ещё красные, в руках он крепко сжимал подарки.

— Мадемуазель...

— Да, Филипп?

— Как называется игра, которую вы мне привезли?

— Фишки.

— Фиш-ки. Вы покажете мне, как в нее играть?

— Конечно.

— И поиграете со мной в фишки после ужина, перед тем как я пойду спать?

— Да.

— Сегодня?

— Да.

Он еще секунду постоял, словно хотел что-то добавить. Потом быстро вышел, тихонько закрыв за собой дверь.

ГЛАВА IV

О вещая моя душа!
Мой дядя?

*Шекспир. Гамлет*¹

Какой бы странной, полной роскоши ни показалась жизнь в Вальми с первого взгляда, скоро она стала упорядоченной и даже скучной. Каждое утро к Филиппу приходил учитель, мсье Бетам, и они занимались до самого обеда. Выполнив разнообразные обязанности в детской и примыкающих к ней комнатах, я была совершенно свободна, и первые несколько дней с удовольствием бродила по парку или прилегающей вплотную к замку части леса, читала целыми днями — роскошь, в которой мне так долго было отказано в приюте, что я все еще чувствовала себя виноватой, когда удавалось сесть за книгу.

В библиотеке замка наверняка были произведения на английском языке, но, поскольку там находился и кабинет Леона де Вальми, я не могла, точнее, не хотела просить разрешения ей пользоваться. Но я привезла с собой английские книги — сколько могла, и в комнате Филиппа до самого потолка возвышались полки, заставленные томиками сочинений самых разнообразных жанров: детские книги стояли бок о бок с английскими и французскими классиками и разным легким чтением. Я была сначала удивлена таким причудливым подбором, но потом увидела на некоторых изданиях надписи: «Дебора Боун» или «Дорогой Дебби», а однажды мне попался в руки истрепанный томик «Острова соковок», на первой странице которого было выведено четким детским почерком «Рауль Филипп Сент-Обэн

¹ Пер. М. Лозинского.

де Вальми...» Конечно, сын Леона де Вальми был наполовину англичанин и он жил в тех же комнатах. Я нашла также Конан Дойла и целую кучу полузабытых или нечитанных книг, которые с жадностью поглощала, стараясь перебороть иррациональное чувство, приобретенное за семь лет пребывания в приюте, где нам постоянно вбивали в головы, что «Чтение — Пустая Трата Времени».

Однажды мое чувство вины оказалось оправданным. Читая книги на французском, я обычно принимала все предосторожности, чтобы меня никто не увидел, но в тот день меня чуть не застали за чтением «Тристана и Изольды». Я читала в своей спальне, забыв обо всем, и в это время Берта, постучавшая в дверь и не получившая ответа, вошла в комнату с пылесосом. Она ничего не заметила, но я проклинала себя, торжественно поклялась в душе быть более осторожной и в сотый раз пожалела, что пошла на такой глупый обман, скрыв свое знание французского языка.

Я не думала, что кто-нибудь обратит на это особое внимание: мы с Филиппом были в самых лучших отношениях, и даже мадам де Вальми дала понять в своей обычной рассеянной манере, что я ей нравлюсь. Филипп был полностью на моем попечении, и мне доверяли. Особенно я боялась, что мадам де Вальми узнает, как я ее обманула, вернее, систематически обманывала. И, как бывает с каждой ложью, она постепенно становилась все больше. Мне надо было общаться с Бертой, горничной, обслуживавшей детскую, и я объяснялась с ней на школьном французском языке, что ее порядком забавляло и даже вызывало улыбку у сдержанного Филиппа. К счастью, мне никогда не приходилось прибегать к этому приему в разговоре с мсье и мадам де Вальми: в моем присутствии они неизменно говорили на безупречном английском языке, что, по всей видимости, не стоило им никаких усилий. Проходил день за днем, а я так и не призналась в своей маленькой лжи. Я не осмеливалась навлечь на себя их недовольство: мне очень нравился Вальми, я легко справлялась с работой и привязалась к Филиппу.

Он был очень спокойным, сдержанным ребенком и никогда не болтал. Каждый день, если не было дождя, мы ходили на прогулку, а наши «уроки разговорного английского языка» ограничивались замечаниями относительно тех мест, где мы гуляли. Между нами все еще

существовал какой-то барьер, возведенный его врожденной осторожностью, хотя «подарок из Англии» сделал мальчика моим союзником. Мне казалось, что Филипп, скрытный по характеру, стал еще более скрытным, потеряв родителей, о которых он никогда не упоминал. Он не принадлежал к числу детей, которым можно заглянуть в душу. Я очень скоро оставила всякие попытки сделать это, сконцентрировав свое внимание на самых обыденных делах. Если я хочу завоевать его доверие, это должно произойти естественно и постепенно. И, по правде говоря, я не считала, что должна врываться в его тщательно охраняемый и огражденный от посторонних мир; я так страдала от отсутствия права на личное в приюте, что глубоко уважала это право и рассматривала бы всякую попытку проникнуть во внутренний мир Филиппа как грубое насилие.

Он проявлял сдержанность не только со мной. Каждый вечер в половине шестого я отводила Филиппа на полчаса в небольшой салон, где сидела мадам де Вальми — его тетя. Она вежливо откладывала в сторону книгу или письмо, брала в руки изысканное и бесконечное ажурное вязанье и ровно полчаса поддерживала беседу с Филиппом. Я намеренно употребила выражение «поддерживала беседу», потому что оно как нельзя лучше подходит к искусственному и натянутому обмену отрывочными словами, который происходил между ними. Филипп обычно был молчалив и отчужден, он с безупречной вежливостью отвечал на вопросы, которые ему задавали, но никогда не заговаривал первым и ни о чем не спрашивал. Мне казалось, что во время этих вечерних бесед мадам де Вальми насилует себя; по натуре холодная и необщительная, она заставляла себя болтать с ребенком.

Думаю, что я больше всех страдала от этих получасовых сидений и больше всего их ненавидела. Мадам де Вальми, естественно, говорила с ребенком по-французски, а я должна была делать вид, что не понимаю их. Иногда мадам переходила на английский, или ради меня, или для того, чтобы проверить знания моего ученика. Тогда я оказывалась втянутой в разговор, и мне было чрезвычайно трудно не выдать себя и не показать, что я поняла то, о чем они сейчас говорили. Не помню, удалось ли мне избежать ошибок; конечно, мадам не подала бы виду, если бы случилось что-нибудь в этом роде, но, мне кажется, она вообще обращала очень ма-

ло внимания на то, что происходит вокруг, и меньше всего ее можно было подозревать в том, что она хочет к кому бы то ни было втереться в доверие.

Ее супруг никогда не присутствовал при этих беседах. Он встречался с Филиппом лишь случайно, на террасе или в саду. Вначале я осуждала Леона за отсутствие интереса к одинокому и недавно осиротевшему ребенку, но вскоре поняла, что в этом виноват не только он. Филипп систематически избегал дядю. Он заходил со мной в коридор, ведущий в библиотеку, только когда видел, что инвалидное кресло далеко за декоративным бассейном или розарием; казалось, он слышит шуршание колес издали, когда Леон находится за два коридора от него, и каждый раз в подобном случае он хватал меня за руку и тащил в другую сторону, чтобы не попадаться дяде на глаза.

Мне было непонятно, почему Филипп так ненавидит Леона де Вальми. В течение первой недели мы пару раз встретились с Леоном, и он был очень мил с мальчиком. Но в присутствии мсье де Вальми Филипп еще больше уходил в себя, и я была убеждена, что его скрытность и мрачность не были простым капризом. С одной стороны, это было естественно: Леон де Вальми подавлял — рядом с ним такой неловкий и некрасивый мальчик, как Филипп, должен был чувствовать себя вдвойне неловким и, может быть, бессознательно противился этому. Леон говорил с ним добродушным и снисходительным тоном, словно обращался к неуклюжему надоедливому щенку. Я не могла понять, замечает ли это мальчик и как реагирует: знаю только, что сама относилась к поведению Леона де Вальми весьма неодобрительно. И все же он мне нравился. А Филипп — постепенно я поняла это — очень не любил дядю.

Однажды я попыталась объяснить мальчику, что его ненависть не имеет под собой никаких оснований.

— Филипп, почему ты избегаешь своего дядю Леона?

— Не понимаю. — Его лицо застыло.

— Пожалуйста, по-английски. И ты меня прекрасно понял. Он очень хорошо к тебе относится. У тебя есть все, что ты хочешь, правда ведь?

— Да, у меня есть все, что я хочу.

— Ну тогда...

Он посмотрел на меня быстрым загадочным взглядом:

— Но ведь это не он дает мне все это.

— Кто же тогда? Твоя тетя Элоиза?

Он отрицательно покачал головой:

— Они не могут давать мне то, что им не принадлежит. Это все принадлежало моему отцу, а теперь мне.

Я внимательно посмотрела на него. «Так вот в чем дело! Вальми». Я вспомнила, как вспыхнули его черные глаза, когда я в шутку обратилась к нему «граф де Вальми». Де Вальми понимали это с раннего детства.

— Это все твои владения? — спросила я. — Но ведь мсье Леон управляет ими для тебя. Он ведь твой опекун, правда?

Филипп выглядел удивленным.

— Опекун? Я не знаю, что такое опекун!

— Он управляет Вальми до тех пор, пока ты не станешь взрослым. Потом имение перейдет к тебе.

— Да, когда мне исполнится пятнадцать. Это называется опекун? Тогда мой дядя Ипполит тоже опекун.

— Правда? Я и не знала.

Он кивнул с торжественным видом, из-за которого его маленькое бледное личико казалось мрачным.

— Да. Оба. Дядя Леон опекун моего имения, а дядя Ипполит мой собственный опекун.

— Что ты хочешь сказать? — невольно спросила я.

— Я слышал, как папа говорил это. Он сказал... — Взгляд сверкающих черных глаз был не то лукавым, не то злобным.

— Филипп... — начала я, но он не слушал. Он пытался в уме перевести на английский то, что сказал его отец, но оставил эти попытки и выпалил по-французски длинную фразу, которую, очевидно, запомнил наизусть:

— Он сказал: «Леон будет содержать имение в полном порядке, можешь мне поверить. Боже тебя сохрани поручить это дело Ипполиту». А мама сказала: «Но, если с нами что-нибудь случится, ребенок должен оставаться у Ипполита, ни в коем случае не у Леона». Вот что мама... — Он внезапно остановился, крепко сжав губы.

Я ничего не сказала.

Он снова окинул меня взглядом:

— Вот что они говорили. Это значит...

— Нет, Филипп, не надо переводить. Думаю, твои папа и мама не хотели, чтобы ты это слышал.

— Н-нет. Но мне не хотелось уезжать от Ипполита.

— Ты его любишь?

— Ну конечно. Он уехал в Грецию. Я хотел поехать с ним, но он меня не взял с собой.

— Он скоро приедет.

— Да, но все равно долго...

— Время пройдет незаметно, — сказала я. — Пока что я буду смотреть за тобой вместо него, а твой дядя Леон присмотрит за Вальми.

Я остановилась и посмотрела на бледное мрачное личико. Не хотелось произносить пышных слов и отталкивать от себя Филиппа, но в конце концов я отвечала за его поведение и манеры.

— Он делает свое дело прекрасно, Филипп. Вальми — очень красивое имение, и он заботится о нем. Ты должен быть ему за это благодарен, — сказала я осторожно.

Филипп действительно не имел никаких оснований жаловаться на своего дядю в этом отношении. Леон целиком посвятил себя делам имения. Казалось, все его огромные способности, вся энергия, которую он не имел возможности направить на что-либо иное, сосредоточились на Вальми. День за днем его инвалидное кресло часами не покидало террасы, катилось по вымощенному гравием двору перед домом или по дорожкам сада. Леон наблюдал за подвалами, огородом, гаражом; успевал побывать везде, куда мог попасть на кресле. И в самом замке всюду чувствовалась рука заботливого хозяина. Для Леона де Вальми ни один план не казался слишком грандиозным, ни одна деталь — слишком незначительной, если это касалось Вальми.

Конечно, Филипп, как граф де Вальми, мог совершенно законно претендовать на признание того, что он кое-что значит в собственном доме, но ему исполнилось только девять лет, и к тому же он был парижанином, чуждым местным нравам. Дядя и тетя совершенно не занимались мальчиком, но полное отсутствие того, что принято называть нормальной семейной жизнью — обычное дело, когда ребенок лишается родителей.

— Вряд ли ты мог бы найти лучшего опекуна, — довольно неуклюже прибавила я.

Филипп снова бросил на меня один из своих загадочных взглядов. Его лицо опять стало замкнутым,

словно на окно опустили жалюзи. Вежливо и безразлично он произнес: «Да, мадемуазель» — и посмотрел в сторону.

Я ничего не сказала, чувствуя, что не в силах расшеять антипатию, которая казалась мне совершенно беспочвенной.

Но однажды, когда подходила к концу вторая неделя моего пребывания в Вальми, я вынуждена была изменить свое мнение.

Мы с Филиппом нанесли традиционный получасовой визит к мадам де Вальми в маленький салон. Ровно в шесть она нас отпустила, но, когда мы уходили, подозвала меня, не помню для чего. Филипп не стал ждать — он без лишних церемоний скрылся в коридоре.

Примерно через минуту я вышла из салона и натолкнулась на самую неприятную сцену, какую мне пришлось видеть когда-либо в жизни.

У столика, прислоненного к стене за дверью салона, с виноватым и несчастным видом стоял Филипп. Столик был старинный и очень красивый, по сторонам его находились два стула в стиле Людовика XV, с сиденьями, обтянутыми светло-желтым шелком. На одном из этих сидений я увидела ужасное жирное чернильное пятно: очевидно, ручка, скатившаяся со стола, попала на стул и оставила на нем след.

Я вспомнила, что, когда позвала Филиппа спуститься в салон, он писал письмо своему дяде Ипполиту. Наверное, он поспешил вслед за мной держа в руке ручку со снятым колпачком и положил ее на столик, перед тем как зашел в салон. Он сжимал сейчас эту ручку пальцами, измазанными в чернилах, и, побледнев, смотрел на Леона.

Как назло, именно в столь неудачный момент он не смог избежать встречи с мсье де Вальми. Инвалидное кресло застыло в середине коридора, преграждая выход. Сгорбившись перед ним, Филипп выглядел очень маленьким, виноватым и беззащитным.

Казалось, никто из них не заметил моего появления. Леон де Вальми что-то говорил, обращаясь к мальчику. Он был рассержен, и, конечно, у него на то имелась веская причина, но та холодная ненависть, звучавшая в его голосе, выговаривавшем мальчику, была поистине чудовищной: это было все равно, что охотиться на бабочку с помощью атомной бомбы.

Филипп, смертельно бледный, что-то пробормотал, очевидно извинение, но я расслышала лишь испуганный шепот, и дядя перебил его словами, прозвучавшими словно удар хлыста:

— Наверное, следует запретить тебе бывать в этой части дома чаще раза в день. Я вижу, что ты не умеешь вести себя как нормальное цивилизованное человеческое существо. Может быть, в вашем парижском доме терпели твои хулиганские выходки, но здесь мы призывали...

— Это мой дом! — сказал Филипп.

Ответ прозвучал тихо, но мрачно и решительно. Леон хотел добавить еще что-то, но эти слова остановили его. Произнесенные слабым детским голосом, они показались мне нестерпимо трогательными, и в то же время я удивлялась поведению Филиппа, обычно не любившего открыто проявлять свои чувства. И тут мальчик прибавил, все еще тихо, но очень ясно:

— И стул тоже мой.

Наступило томительное молчание. Что-то дрогнуло в лице Леона де Вальми — беглое выражение, словно вспышка фотокамеры, но Филипп отступил на шаг, а я инстинктивно бросилась к мальчику, как дикая кошка, защищающая своего детеныша.

Леон де Вальми, подняв голову, увидел меня, но обрattился к Филиппу спокойно, словно только что не смотрел на него с бешенством:

— Когда ты придешь в себя и обдумаешь свое поведение, ты извинишься передо мной за эти слова. — Его темные глаза обратились ко мне, и он сказал по-английски, очень сдержанно, но вежливо:

— А, мисс Мартин. Боюсь, что у нас тут произошло небольшое недоразумение. Может быть, вы отведете Филиппа в его комнату и постараетесь убедить, что вежливость по отношению к старшим — одно из качеств, которые мы ожидаем от джентльменов.

Когда Леон заговорил со мной, Филипп со вздохом облегчения повернулся ко мне. Лицо его было бледнее, чем обычно, и выглядело изможденным и мрачным. Но глаза смотрели на меня умоляюще.

Я взглянула на мальчика, затем перевела глаза на его дядю.

— Вряд ли понадобится убеждать его, — сказала

я, — он сейчас же извинится перед вами. — Я тихонько взяла Филиппа за плечи и повернула лицом к дяде. Минуту я держала его так. Плечи были тоненькие и хрупкие, но мускулы на них напряглись. Он весь дрожал. Я отпустила мальчика.

— Филипп? — сказала я.

— Я прошу у вас прощения, если был с вами груб, — с трудом произнес он, проглотив слюну.

Леон де Вальми посмотрел на меня, потом на племянника:

— Прекрасно. Я уже забыл об этом. А теперь мисс Мартин отведет тебя наверх.

Мальчик быстро повернулся, собираясь уходить, но я остановилась и сказала:

— Конечно, стул испорчен и Филипп виноват, но я тоже виновата. В мои обязанности входит следить за тем, чтобы ничего подобного не случилось. Это моя вина, и я тоже должна принести вам извинения, мсье де Вальми.

— Прекрасно, мисс Мартин. Благодарю вас. Забудем этот эпизод, хорошо? — обратился он ко мне уже более мягким голосом.

Когда я поднималась по лестнице, перед глазами у меня стояла уродливо укороченная, словно обрубленная, фигура, молча наблюдавшая за нами.

Я закрыла за собой дверь и прислонилась к ней. Мы с Филиппом посмотрели друг на друга. Лицо его было еще бледным и хранило следы пережитой обиды. Рот сжался в прямую линию, но я увидела, что губы немного дрожат.

Он молча глядел на меня.

Это был момент, когда я должна была проявить свою власть. Мисс Мартин читает нотацию. Леон де Вальми совершенно прав: Филипп глупый, безалаберный и грубый ребенок...

— Ягненок, я целиком на твоей стороне, но все-таки ты неуклюжая маленькая совушка, — сказала я.

— Нельзя быть ягненком и совой одновременно, — сказал мальчик сдавленным голосом.

Потом он прижался ко мне и залился слезами.

После этого происшествия я старалась, чтобы он не попадался на глаза своему дяде.

ГЛАВА V

Сплетается все туже наш сюжет...

Букингем. Репетиция

се еще стояла чудесная весенняя погода. На ближайших горах лежал снег, а высокие дальние вершины, вздымавшиеся к облакам, были покрыты шапками льда ослепительной белизны, не тронутой солнечными лучами. Но долина уже зазеленела, и с каждым днем зелень становилась все ярче; на склонах расцвели фиалки, и все каменные вазы и ящики для цветов, обрамляющие террасу замка, сверкали созвездиями белых и желтых нарциссов, которые словно плясали на длинных стеблях под порывами ветра.

Мы с Филиппом каждый день выходили на прогулку одетые в пальто и закутанные в шарфы, потому что со снежных вершин дул холодный ветер. Казалось, горный воздух идет на пользу мальчику: его бледные щеки покрывались румянцем, иногда он даже смеялся и бегал, хотя большей частью солидно шел рядом со мной и медленно отвечал на правильном английском языке на мои вопросы, когда я старалась завести с ним беседу.

Одним из наших излюбленных маршрутов была крутая, но хорошо протоптанная тропинка, которая шла через луг к селению. У подножия склона узенький деревянный мостик пересекал реку Мерлон, тихую и глубокую в этом месте, где она как бы отдыхала на пути между сверкавшими стремнинами. От моста тропинка вела напрямик к селению, через заливные луга и огороды, где уже пробивались зеленые ростки.

Если становилось известно, что во время прогулки мы дойдем до Субиру, нам давали небольшие поручения — обычно требовалось что-нибудь купить для миссис Седдон, Берты, иногда для Альбертины или даже для самой мадам де Вальми.

Однажды утром — было первое апреля, понедельник, — мы с Филиппом сразу же после завтрака отправились в селение. Обычно в понедельник по утрам в замок приходил монсеньор Сент-Обрэ, кюре Субиру, что-

бы обучать молодого графа де Вальми латыни, греческому и основам римской католической веры. Но мсье кюре подвернул ногу, и, поскольку было нежелательным, чтобы Филипп пропускал уроки, я повела его в дом священника, расположенный рядом с церковью, и оставила там.

Впервые я оказалась в Субиру одна, и мне некуда было спешить. Я стояла на маленькой площади перед церковью и осматривалась.

День был теплый: нагретые солнцем плиты мостовой и стены домов ярко блестели и излучали тепло. На низкой стенке, под которой были высажены примулы, грелся в солнечных лучах белый кот. Перед входом единственного в Субиру быстро сверкал черными и красными полосками холщовый навес. Дома с открытыми дверями и поднятыми жалюзи выглядели уютно и весело, несмотря на выцветшую и облупившуюся краску, которой были покрыты стены. В маленькой клетке, вывешенной за окно магазина, заливалась канарейка. Несколько черноволосых детей с загорелыми до черноты руками и ногами рассматривали что-то лежащее в канаве. У дверей лавки были разложены кочаны капусты, круглые сыры и подсохшие апельсины, образуя яркое цветковое пятно. Мимо меня промчался мальчик на велосипеде, держащий под мышкой батон белого хлеба длиной почти в ярд.

Все вокруг было таким веселым, уютным и мирным — на сердце у меня тоже было спокойно. Стояло чудесное утро, и я могла провести его по собственному усмотрению: я была свободна на целых два часа! В кармане лежало немного денег; тень приюта Констанс Батчер для девочек съежилась и растаяла в волшебном свете альпийской весны. Легкий и теплый ветер разносил благоухание примул, осыпал стену дождем лепестков цветущей ранней вишни. Весна!

Я медленно прошла по площади, удостоверилась, что ребятишки играют в шарики, а не мучают лягушку или котенка, потом направилась к аптеке рядом с бистро, чтобы выполнить возложенные на меня поручения.

— Мадемуазель Мартин? — Аптекарь вышел из темного, похожего на пещеру помещения за аптекой. Мы уже были с ним хорошо знакомы. Миссис Седдон в промежутках между покупкой антигистаминных препаратов поддерживала свое существование, по всей види-

мости, исключительно аспирином и дешевым мылом, которое называла «Воде Калон»; я же после вынужденного длительного употребления детского мыла «Белый Виндзор», предпочитала более изысканные сорта.

— О, доброе утро, мсье Гарсен. Очень красивый день, не правда ли? И вчера тоже было чрезвычайно красивый день. И завтра, я думаю, тоже должен быть красивый день. Нет? Я, как привычно, пришла для купить мыло, — весело обратилась я к аптекарю, говоря с самым страшным английским акцентом, который только могла изобразить.

Я нарочно сказала «привычно» вместо «обычно», и аптекарь немного надул свои тонкие губы. Каждую неделю, когда я приходила в аптеку, он от души наслаждался, поправляя меня и делая при этом кислое обиженное лицо; было бы просто жестоко лишать его этого удовольствия.

— Как обычно! — мрачно произнес он.

— Как вы сказали? — переспросила я, на этот раз произнося слова без всякого акцента: он научил меня им на прошлой неделе.

— Как обычно! — сказал мсье Гарсен немного громче, словно я была глухая.

— Как, что? Не понимаю, — поддразнила его я. Конечно, это было неосторожно, но стоял божественный весенний день, а мсье Гарсен был такой аккуратный, высушенный и немного затхлый, как старое сено, и к тому же он всегда старался поставить меня «на место». Я в свою очередь повысила голос: — Я сказала, что, как привычно, пришла для купить мыло.

Тонкий нос аптекаря как-то странно дернулся, но он с трудом сдержался. Он возмущенно посмотрел на меня, задрав подбородок над коробками со слабительным.

— Да, понимаю. И какое мыло вы желаете? — Он достал из-за прилавка коробку «Роже и Галле». — Получил только на этой неделе, новый сорт. Роза, фиалка, сандал, гвоздика...

— О да, пожалуйста. Гвоздика, я ее очень люблю.

— Вы знаете гвоздику? — Его глаза, похожие на устрицы, удивленно блеснули.

— Это написано на мыле, — объяснила я. — И к тому же здесь картинка. Вуаля. — Перегнувшись через прилавок, я взяла брусок мыла, понюхала его, улыбу-

лась аптекарю и почти нежно сказала: — О, это самое лучшее, се ле плю бон, са...

Он клюнул на удочку:

— Наилучшее. *Le meilleur*.

— Ле мейё, — покорно повторила я. — Спасибо, мсье.

— Вы делаете успехи, — великодушно сказал мсье Гарсен. — А у вас есть сегодня поручение от ваших хозяев?

— Да, пожалуйста. Мадам де Вальми просила меня принести ее лекарство. И пилюли, чтобы уснуть.

— А, снотворное. Очень хорошо. У вас есть бумага?

— Бумага?

— Вы должны дать мне бумагу, понимаете?

Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить, дала ли мне Альбертина рецепт, когда вручала записку, где было указано, что надо купить. Аптекарь сделал нетерпеливый жест и сжал губы так, что казалось, у него совсем нет рта.

— У вас должна быть бумага от доктора, — повторил он очень медленно, словно обращаясь к идиоту.

— О, — небрежно сказала я, — рецепт? Почему вы прямо не сказали? Она не дала мне рецепта, мсье. Можно я принесу его на следующий год?

— На следующий год?

— То есть я хотела сказать на следующей неделе.

— Нет, — коротко ответил аптекарь. — Я не могу продать вам снотворное без рецепта.

Я уже раскаивалась в том, что дразнила его.

— Но мадам очень просила принести ей лекарство, — сказала я умоляюще, — я принесу вам рецепт как только смогу — пошлю его с кем-нибудь или еще что-нибудь... честное слово! Пожалуйста, мсье Гарсен, неужели вы не можете подождать пару дней?

— Нет. Невозможно. — Его костлявые пальцы укладывали брусочки мыла. — Что еще?

Я посмотрела на список, который держала в руке. Там было указано еще несколько вещей, к счастью написанных по-французски. Я, старательно произнося французские слова, зачитала список: зубной порошок, шампунь, кому-то (надеюсь, кислотицей Альбертине) мозольный пластырь и йод, и так до конца списка, завершающегося неизменным аспирином, одеколоном и тем, что миссис Седдон называла просто «мои пилюли».

— И еще таблетки для миссис Седдон, — наконец сказала я.

Аптекарь показал мне бутылочку с аспирином.

— Нет, другие. (Я ведь не должна была знать, как по-французски «астма», и действительно понятия не имела, как будет «антигистамин».) Пилюли для ее груди.

— Вы же покупали их на прошлой неделе!

— Не думаю.

— А я знаю точно, что покупали!

Он сказал это коротко, почти грубо, но я не обратила внимания на его слова.

— Может быть, — вежливо возразила я, — ей нужно еще?

— Если вы покупали таблетки на прошлой неделе, ей должно хватить.

— Вы в этом уверены, мсье? Она записала их сегодня собственной рукой!

— Она дала вам бумагу... рецепт?

— Нет, — призналась я.

— Я сказал вам, что она получила их на прошлой неделе, — нетерпеливо сказал аптекарь. — Вы сами взяли их. Вы тогда спешили и дали мне список вместе с рецептом мадам Седдон. Я отпустил ей таблетки. Может быть, вы забыли отдать их. У меня превосходная память — я помню, что дал вам лекарство, и кроме того, веду записи.

— Простите, мсье. Просто не помню. Наверное, вы правы. Я подумала... о, подождите, у меня в сумке лежит какая-то бумажка. Вот, мсье, рецепт! Вуайе ву. Это он?

Я подала ему бумагу, стараясь, чтобы в моем поведении не сквозило: «Ну что, я ведь вам говорила?» И это было как нельзя более кстати, ибо он довольно ядовито сказал:

— Это не рецепт для мадам Седдон. Это рецепт сердечных капель для мадам де Вальми.

— Да? Даже не знала, что он у меня. Должно быть, он лежал вместе со списком. Спешила и не заметила его. Простите. — С видом победителя я улыбнулась ему: — Значит, вы все же дадите мне лекарство, мсье?

Он неохотно поднял глаза, похожие на устриц, и бросил на меня странный взгляд. Потом, думаю, для того, чтобы показать, что прислуга не должна спорить

с солидными людьми, он надел очки и стал очень внимательно изучать рецепт. Глядя на солнечный день за окном, я ожидала, сдерживая раздражение. Он прочел рецепт снова. Можно было подумать, что я — известная отравительница Мадлена Смит, которая как бы между прочим просит отпустить ей полфунта мышьяку. До меня дошла вся нелепость ситуации и я засмеялась:

— Все в порядке, мсье? Можете доверить мне капли? Я отдам их именно тому, для кого они предназначаются, так как не питаюсь дигиталисом, или что там у вас есть еще ядовитого.

— Да, не думаю, — хмуро ответил он и осторожно сложив рецепт, пододвинул ко мне покупки. — Ну, вот и все. Я дам вам капли; может быть, вы проследите за тем, чтобы мадам Седдон получила таблетки, которые я отослал ей в среду? — Собирая покупки, я заметила, что аптекарь снова как-то странно посмотрел на меня. — И должен поздравить вас, — сухо добавил он. — Ваш французский язык стал намного лучше, мадемуазель.

— О, благодарю вас, мсье, — ответила я хладнокровно. — Я очень стараюсь и занимаюсь каждый день. Еще через три недели нельзя будет даже подумать, что я англичанка.

— Англез? — раздался позади меня мужской голос. Я удивленно оглянулась. В аптеке не было никого, кроме меня и мсье Гарсена, но в дверях, загораживая вход, стоял высокий мужчина; солнце било ему в спину, и его огромная тень, казалось, заполняла всю комнату. Он шагнул ко мне:

— Простите, но я слышал, как вы сказали: «Жесюн анлез». Вы действительно англичанка?

— Да.

— О! Я... какая удача!

Он смущенно посмотрел на меня с высоты своего роста. Вблизи он уже не выглядел таким огромным, как этот гигантский силуэт, обрамленный дверной рамой и подсвеченный ярким солнечным светом, но все же его отнюдь нельзя было назвать маленьким. На нем были шорты и ветровка цвета хаки; головного убора не было, его заменяли собственные волосы, светлые и очень густые. Голубые глаза светились на загорелом лице. Руки и ноги тоже были покрыты темным загаром, на фоне которого в лучах солнца виднелись рыжеватые волосы.

Он полез рукой во внутренний карман ветровки и достал затрепанный конверт.

— Послушайте, не смогли бы вы мне помочь? Мне надо закупить кучу всяких вещей, но я не знаю, как они называются. Я не знаю почти ни слова по-французски, а вы, кажется, болтаете чертовски хорошо...

— Это вы так думаете, — решительно перебила я, — а на самом деле мсье Гарсен не ставит мои знания ни на грош.

Я лучезарно улыбнулась аптекарю, который все еще мрачно наблюдал за мной из-за коробок со слабительным. Ответа не последовало. Оставив всякую надежду, я снова повернулась к англичанину. Его не убедили мои слова.

— Однако я вижу результаты, — пробормотал он и указал на мои покупки.

— Вы бы не поверили, как это иногда бывает трудно. Но, конечно, помогу. Можно посмотреть ваш список? — улыбнулась я.

С облегчением он вручил мне бумагу, достав ее из конверта.

— Очень любезно с вашей стороны. — Его застенчивая улыбка была поистине обезоруживающей. — Обычно я должен просто бить себя в грудь, как Тарзан, и указывать пальцем.

— Вы очень решительный и смелый человек, если приехали сюда на отдых, совершенно не зная языка.

— На отдых? Я здесь работаю!

— Наемный убийца? — осведомилась я, — или просто агент 007?

— Я... я... простите?

— Вот это. Звучит довольно странно, — указав на список, я прочла вслух: «Бинты — три по дюйму и полтора дюйма, клейкий пластырь, бактерицидный пластырь, мазь от ожогов, борная кислота...», но вы забыли зонд.

— Зонд?

— Чтобы извлекать пули.

— Я всего лишь лесник, — засмеялся он. — Живу в горной хижине там, наверху, на высоте четырех тысяч футов. Мне не обойтись без перевязочных средств и всего необходимого, чтобы оказать первую помощь.

— Там настолько опасно?

— Кто его знает. Во всяком случае, я убежденный ипохондрик. Чувствую себя не в своей тарелке, если у

меня нет запаса всяких пилюль, микстур и градусников.

Я взглянула на шестифутовую массу крепких костей и выпуклых мускулов:

— Да! Видно, что вам надо очень беречься, чтобы не заболеть. Вы действительно хотите, чтобы я попыталась выговорить по-французски все эти липкие и бактерицидные пластыри и мази от ожогов?

— Да, пожалуйста, будьте так добры. Хотя уверен, что единственным предметом из всего списка, который мне обязательно понадобится, будет тот, который обозначен в нем последним. А это я уж знаю как называется и смогу попросить сам.

— Вы имеете в виду коньяк? Понятно. — Повернувшись к мсье Гарсену, я принялась за решение неимоверно трудной задачи — как назвать аптекаря с помощью жестов и описаний на ломаном французском языке предметы, которые были мне известны не хуже, чем ему. Мсье Гарсен выслушивал мои объяснения очень сдержанно, и эта сдержанность, как и у Филиппа, была очень похожа на мрачное недовольство. Дважды я напрасно пыталась прибегнуть к любезной, даже немного заискивающей улыбке, которая должна была компенсировать отсутствие должного почтения с моей стороны, и не решалась вновь испробовать это средство; поэтому мы с ледяной вежливостью обсуждали список молодого англичанина, пока не дошли до последнего предмета, который не требовал никаких объяснений.

Наконец, мы закончили. Англичанин, нагруженный таким количеством микстур, пилюль и мазей, которые удовлетворили бы самого прихотливого «мнимого больного», подошел к двери и ожидал, пока я выйду на освещенную солнцем площадь.

Когда я собрала свои пакеты и повернулась к выходу, голос аптекаря, сухой, словно шорох осенних листьев, произнес у меня за спиной:

— Вы забыли капли для мадам де Вальми. — С этими словами он протянул мне маленький пакетик.

Когда мы вышли на улицу, англичанин с любопытством спросил:

— Какая муха его укусила? Он вам нагрубил? Вы... простите, если я вмешиваюсь не в свое дело, но вы вся красная.

— Правда? Ну что же, я сама виновата. Нет, он

мне не нагрубил. Просто я вела себя глупо и получила по заслугам.

— Уверен, что это не так. Огромное спасибо за помощь. Сам бы я ни за что не справился. — Снова застенчивая улыбка. — Мне еще надо купить коньяк. Может, поможете?

— А я думала, это вы можете купить сами.

— Я... вообще-то я надеялся, что смогу пригласить вас и мы вместе выпьем. Не зря же вы трудились.

— Это очень любезно с вашей стороны, но совершенно ни к чему...

Он умоляюще посмотрел на меня поверх своих пакетов.

— Пожалуйста, — попросил он. — Кроме того, чертовски приятно снова поговорить с кем-нибудь по-английски.

Внезапно мне представилось, как он сидит в своей одинокой хижине на высоте четырех тысяч футов, окруженный всеми этими пилюлями, микстурами и градушниками.

— С большим удовольствием, — сказала я.

— Прекрасно! — просиял он. — Зайдем сюда? Вообще-то выбирать не из чего; думаю, это единственное место, кроме кафе «Кок Арди», до которого добрых полмили.

Быстро с веселеньким навесом над дверью было совсем рядом с аптекой. Внутри было сумрачно и не особенно уютно, но на тротуаре перед ним стояло два или три металлических столика и несколько плетеных стульев, выкрашенных в ярко-красный цвет. Рядом в синих кадках стояли, словно часовые, низенькие подстриженные деревца. Мы уселись за столик на залитой солнцем улице.

— Что будем пить? — Он аккуратно разложил свои пакеты на свободном стуле.

— Как вы думаете, у них есть кофе?

— Конечно, — Он оказался прав. Кофе прибыло в больших желтых чашках с тремя прямоугольными куточками сахара в каждом блюдце.

Теперь, когда мы сидели друг против друга, мой спутник, казалось, снова наглухо закрылся щитом чисто английской застенчивости. Изо всей силы вертя ложечкой в чашке, он сказал:

— Мое имя Блейк. Вильям Блейк.

Он произнес свое имя с каким-то вызовом.

— Прекрасное имя, верно? — сказала я. — А мое всего лишь Белинда Мартин. Уменьшительное — Линда, оно же ласкательное, как говорила моя мама.

— Спасибо, — улыбнулся он.

— За что? За то, что сказала вам свое имя?

— О да, конечно. Но главным образом за то, что вы не стали цитировать «Песни невинности», сложенные моим тезкой:

«Агнец, агнец, белый,

Как ты, агнец, сделан?..»

Или еще знаменитое:

«Тигр, о тигр, светло горящий

В глубине полночной чащи».

Вот так, вы не поверите, сколько моих знакомых не могут устоять перед искушением.

Я засмеялась.

— Действительно, соблазнительно. Предпочитаю тигров. Нет, спасибо, мистер Блейк, — сказала я, глядя на сигарету, которую он мне предложил. — Не курю.

— Не против, если я закурю?

— Конечно, нет.

Он вопросительно посмотрел на меня, зажигая сигарету:

— Если позволите спросить, что вы делаете в Су-бури? Непохоже, что отдыхаете?

— Нет, я тоже здесь работаю. Я гувернантка.

— А, конечно. Вы, должно быть, та самая английская девушка из Вальми.

— Да. Вам обо мне известно?

— Здесь всем все известно. К тому же, по здешним меркам, мы близкие соседи. Я работаю в соседнем имении, на лесопосадках к западу от Мерлона.

— О, — сказала я с интересом, — Дъедонне?

— Именно. Замок — вообще-то это просто большой деревенский дом размером примерно с четверть дома Вальми — находится в долине, за Субури. Владелец почти не бывает здесь. Его имя Сен-Вир. Кажется, большую часть времени он проводит в Париже или в имении возле Бордо. Так же, как и ваш хозяин, он получает большие доходы от виноградников и продажи древесины.

— Вальми? Доходы от виноградников?

— Да. Они владеют целыми областями в Провансе.

— А, конечно, — вспомнила я, — Бельвинь. Но это собственное владение мсье де Вальми, а само Вальми ему не принадлежит. Но даже он не потратит свои доходы от тамошних виноградников на Вальми.

— Даже он?

— Я считаю, что он прекрасный хозяин, — голос мой звучал так, будто я защищала Леона де Вальми от необоснованных обвинений.

— О да, непревзойденный. Здесь о нем очень высокого мнения, уверяю вас. Ходили разговоры, что большая часть доходов от его собственного имения в Провансе идет сюда, по крайней мере так было несколько лет назад; во всяком случае, деньги тогда водились у него немалые.

— И сейчас хватает, — заметила я, — или, может быть, просто у меня сложилось такое впечатление.

— Да, кажется его дела снова поправляются. Два хороших урожая винограда — и можно чинить крышу... — Он засмеялся. — Интересно, почему в Богом забытых местах вроде этого люди так интересуются чужими делами? — Он посмотрел на меня. — Гувернантка. Адская работа, верно?

— Да, так бывает в романах, а иногда и в реальной жизни. Но мне нравится. У меня послушный ученик — Филипп, и я полюбила эти места.

— Вы не чувствуете себя одинокой — я хочу сказать, так далеко от дома и родины?

Я засмеялась:

— Если бы вы только знали! Моим домом на родине был сиротский приют. Семь лет! Пусть я здесь гувернантка, все равно Вальми для меня — чудесное приключение.

— Да, я думаю. Вы любите приключения?

— Конечно! Кто же их не любит?

— Ну, во-первых, я, — решительно сказал мистер Блейк.

— Неужели? А я-то думала, что все мужчины жаждут пробивать себе путь с помощью мачете среди болотистых зарослей и преодолевать речные стремнины. Знаете — крепкие волосатые колени, костры на привале и широкий-широкий мир.

— С этим было покончено в раннем детстве. И вообще-то, что такое мачете? — ухмыльнулся он.

— Бог его знает. У путешественников всегда есть мачете. Но если серьезно...

— А если серьезно, — сказал он, — не знаю. Мне бы хотелось посмотреть мир, я люблю путешествия, перемену обстановки, мне нравится видеть что-то новое, но все же... хорошо иметь где-то корни, родных, семью... — Он остановился и немного покраснел. — Простите. Это было бестактно.

— Ничего. Я понимаю, что вы имеете в виду. Каждому нужен какой-нибудь дом. Чтобы уходить из него и снова возвращаться. И мне кажется, чем старше становишься, тем труднее уходить и приятнее возвращаться.

Он опять застенчиво улыбнулся:

— Да, вы правы. Но вы меня не слушайте, мисс Мартин. Я — лежащий камень. А вы отправляйтесь ловить ваших тигров. Во всяком случае, до сих пор охота была успешной. Вы уже обнаружили одного, верно?

— Вы имеете в виду мсье де Вальми?

Он поднял брови:

— Как вы быстро угадали! Значит, он тигр?

— Вы думали именно о нем. Почему?

— Потому только, что у него репутация жестокого и непредсказуемого человека. Как вы с ним уживаетесь? Какой он?

— Я... Он очень вежлив и любезен, можно даже сказать, что в нем есть определенный шарм. Да, конечно, есть. Он и мадам очень хотят, чтобы я чувствовала себя в замке как дома. Я не очень-то часто вижу их, но, когда с ними встречаюсь, они ко мне очень добры...

Я отвернулась от него и посмотрела на противоположную сторону площади. Две женщины вышли из булочной, остановились, глядя на нас с любопытством, и двинулись по улице, стуча подошвами сабо по каменной мостовой. Кто-то визгливо крикнул, и дети разбежались, переговариваясь и щебеча, словно воробьи. Двое пробежали мимо нас, топоча босыми ногами по теплым камням. Часы на церковной башне пробили один раз. Прошло всего полчаса.

— А почему вы приехали сюда? Расскажите мне о вашей работе, — спросила я.

— Особенно рассказывать нечего. — Он чертил ручкой ложки по скатерти.

И действительно, как я убедилась из его рассказа, жизнь у него до сих пор текла ровно. Уютный и достаточно зажиточный загородный дом; небольшая частная школа; два года в армии (тогда не приходилось делать ничего заслуживающего упоминания, кроме маневров на равнинах Солсбери); потом университет — четыре года тяжкого труда, с каникулами (большей частью в качестве водителя автобуса) в Скандинавии и Германии; сдача экзаменов на отлично и решение посвятить еще два года изучению болезней хвойных деревьев, о которых он рассказывал мне очень подробно и с энтузиазмом... Я убедилась в том, что жизнь в хвойном лесу (в постоянной борьбе с угрозой гнилостной болезни, трещин коры при засухе, рака древесины, хвойного жука и вещей, носящих такие названия, как «фомопсис», «мегатизм» и даже «ипс») отнюдь не лишена приключений и может быть в высшей степени захватывающей. Я подозревала, что мистер Блейк серьезно увлечен сосновым долгоносиком... наблюдается великолепный случай заражения этим вредителем, (заметьте — вида «Хилобиус», а не «Писсодекс») на посадках к западу от Мерлона...

Но тут он опомнился и немного покраснел, глядя на меня с улыбкой.

— Во всяком случае, — продолжал он, — вот почему я здесь. Я собираю отличный материал благодаря мсье Сен-Виру — это удивительно порядочный человек для француза. — Потом он добавил, считая, очевидно, что наличие такого феномена, как порядочный француз, заслуживает объяснения: — Мой отец познакомился с ним во время войны. Он дал мне место и даже платит за работу, которая так или иначе входит в программу моих научных исследований. Кроме материала, я приобретаю опыт, и мне нравится работать в этой стране. Здесь нет особенных богатств, но эти люди, по крайней мере Сен-Вир и де Вальми, заботятся о своих землях. Но мне еще многому надо научиться, в том числе языку, — со вздохом сказал Блейк. — Он мне никак не дается. Наверное, у меня нет способностей. Но, может быть, если я буду жить здесь, это хоть как-то поможет.

— Вряд ли, — возразила я, — если вы будете жить один, окруженный пилюлями и термометрами.

— О, я же не все время в горах. Я работаю большей частью в хижине: она находится недалеко от зараженных посадок, и потом, тишина; там я держу все, что нужно для работы, и сплю, когда у меня нет денег. — Он улыбнулся. — Конечно, это бывает довольно часто. Но иногда я спускаюсь в «Кок Арди». Шумное место, но хозяин знает английский, и готовят прилично... А, вот это ваш мальчик?

С того места, где мы сидели, была видна высокая стена, окружавшая сад при доме священника. Калитка открылась, и появился Филипп, за которым возвышалась объемистая фигура экономки кюре.

— Да, это Филипп, — сказала я. — Мне нужно идти.

Я встала; Филипп, увидев меня, обернулся и что-то сказал экономке, потом побежал к нам через площадь.

— Хорошо, что вы меня подождали. Я сказал мадам Роше, что вы, наверное, пошли погулять. А вы здесь!

— Да, я здесь. Ты что-то очень рано закончил, Филипп. Наверное, ты наскучил господину кюре.

— Я не знаю, что значит «наскучил».

— Он, наверное, устал от тебя.

— Нет, — торжественно ответил мальчик. — Но он не очень хорошо себя чувствует. Он устал, но не наскучил от меня... не устал от меня. Мадам Роше говорит, что мне лучше уйти.

— Очень жаль, что господин кюре нездоров, — сказала я. — Филипп, это мсье Блейк, который работает у господина Сен-Вира. Мсье Блейк, это граф де Вальми.

Они обменялись рукопожатиями. Филипп, как всегда, сделал это с серьезным видом, который придавал ему особую привлекательность.

— Какая у вас работа, мсье?

— Я лесник.

— Лес... о да, понимаю. В Вальми тоже есть лесники.

— Знаю, я встречался с ними — Пьер Детрюш, Жан-Луи Мишо и Арман Лесток, который живет рядом с «Кок Арди».

— Ну, — задумчиво сказал Филипп, — я пока еще

их не знаю. Я ведь здесь не очень давно, vous comprenez¹.

— Конечно, не знаете. Я... э... думаю, что этим ве-
дает ваш дядя.

— Да, — вежливо ответил Филипп. — Он мой опе-
кун.

Во взгляде, который мальчик бросил на меня, мелькнула гордость за маленькую победу — ведь он сразу за-
помнил трудное английское слово, но голос его про-
звучал с какой-то чопорной надменностью, которая за-
ставила удивленно поднять брови Блейка, не умевшего
скрывать свои чувства.

— Я думаю, нам пора идти, — быстро сказала я. —
Мистер Блейк, большое спасибо за кофе. Страшно до-
вольна, что мы с вами познакомились, — и протянула
ему руку.

Задержав ее в своей ладони, он быстро сказал:

— Только не исчезайте надолго. Когда мы снова
встретимся?

— Я ведь не свободный художник, мистер Блейк.
Иногда выдается свободное утро, но тогда я обычно
остаюсь дома.

— А вечерами вы работаете?

— Вообще-то да. Я не занята разве что в пятницу,
иногда в воскресенье.

— Да, так не годится. — Блейк был явно разоча-
рован. — В конце недели я договорился встретиться с
друзьями. Может быть, после..?

Филипп легонько потянул меня за руку.

— Мне действительно надо идти, — сказала я. — По-
ка оставим это, ладно? Конечно, мы встретимся когда-
нибудь — ведь долина не такая уж большая. Еще раз
спасибо...

Когда мы с Филиппом шли по мосту через Мерлон,
я оглянулась. Блейк хлопотливо трудился над тем, что-
бы собрать свои свертки и пакеты с бинтами, липким
и бактерицидным пластырем и прочими незаменимыми
средствами, призванными облегчить ему жизнь на вы-
соте четырех тысяч футов.

Надеюсь, он не забудет купить коньяк.

¹ Понимаете (Фр.)

ГЛАВА VI

Что-нибудь из этого выйдет.
Надеюсь, не человеческие нечистоты.

Диккенс. Барнаби Радж¹

В этот вечер наше спокойное размеренное существование было нарушено. В детской уже закончилось традиционное чаепитие. Ранние апрельские сумерки заглядывали в закрытые занавесями окна, в стеклах которых весело отражался свет электрических ламп и огонь камина. Филипп лежал на ковре перед камином и рассеянно играл со своими солдатиками, а я, как обычно, сидела рядом и читала ему вслух. Вдруг мы услышали звук мотора. Какая-то машина преодолевала один за другим зигзаги дороги, ведущей к замку. Стояла теплая погода, и одно из окон, выходящих на балкон, было открыто. Поднимающаяся машина взревела, затихла и снова набрала скорость, поднявшись на новый уровень высоты. Я замолчала и посмотрела в окно. Филипп поднял голову:

— Une auto! Quelqu'un vient! ²

— Пожалуйста, пс-английски, — машинально попрала я его. — Филипп, что ты делаешь? — Мальчик не обратил на меня никакого внимания. Он вскочил с ковра, его игрушки полетели во все стороны. Вылетев из балконной двери, словно ракета, он побежал по балкону.

Я бросила книгу и поспешила за ним. Мальчик добежал до конца балкона, под которым лежала мощенная гравием подъездная дорожка, и свесился наружу, жадно вглядываясь в даль. Я с трудом поборола желание схватить его сзади за штаны и сказала так мягко, как только могла:

— Ты упадешь, если будешь свешиваться... Посмотри, перила расшатаны, балюстрада покачнулась, я сама видела. Наверное, именно об этой части балкона говорили, что ее нужно починить, Филипп...

¹ Пер. М. Е. Абкиной.

² Машина! Кто-то едет! (Фр.)

Казалось, мальчик ничего не слышит. Он еще стоял, навалившись всем телом на каменную балюстраду. Я была уверена, что она действительно пошатнулась и твердо сказала:

— А теперь, Филипп, вернись и веди себя разумно. И вообще, почему ты так волнуешься?

Машина преодолела последний подъем и, завизжав тормозами по гравию, сделала широкий полукруг. Свет фар пробежал по кустам роз в саду, блестящим остриям железной ограды под балконом, кадкам с ухоженными цветами на террасе и остановился возле ворот, ведущих во двор. Затем фары потухли.

Хлопнула дверца машины. Я услышала приятный бас. Ему ответил другой голос, очевидно шофера. Потом машина медленно двинулась во двор, мужская фигура пересекла дорожку и поднялась по лестнице, ведущей в замок Вальми.

Интересно, как выглядит человек, голос которого я слышала? Я несколько минут постояла на балконе, ожидая, пока откроют дверь, и на гостя упадет свет из холла. Но тут Филипп, оторвавшись от перил, проскользнул за моей спиной в комнату. Я повернулась — в его немного сгорбленной спине и опущенных плечах чувствовалось такое горькое разочарование, что я, безмолвно последовав за ним, снова опустилась на стул у камина и взяла в руки книгу. Но Филипп не стал больше играть. Он неподвижно стоял на ковре, глядя в огонь. Кажется, он совершенно забыл о моем присутствии.

Просмотрев несколько страниц, я спросила небрежным тоном:

— Кто это был не знаешь?

Он пожал плечами:

— Кажется, мсье Флоримон.

— Мсье Флоримон? Знаменитый модельер?

— Да. Он часто приходил к нам, когда мы жили в Париже. Он друг тети Элоизы. Его знают и в Англии?

— Конечно. — Даже в приюте Констанс Батчер слышали о великом Флоримоне, чья модель «Аладдин» произвела несколько лет назад фурор в Париже и Нью-Йорке. Говорят, что, увидев ее, Диор что-то пробормотал сквозь зубы и порвал несколько своих рисунков. Полная почтения к этому знаменитому имени, я спросила:

— Он останется здесь надолго?

— Не знаю. — Голос мальчика выражал полнейшее равнодушие. У него был такой расстроенный и разочарованный вид, что я спросила: — Ты ждал кого-нибудь другого, Филипп?

Быстро взглянув на меня, он опустил длинные ресницы и ничего не ответил.

Несколько минут я молчала. Но Филипп был на моем попечении, к тому же это просто маленький одинокий ребенок. К кому он мог так броситься сломя голову?

— Может быть, ты ждал своего кузена Рауля?
Молчание.

— Кто-то должен к нам приехать?

Он отрицательно покачал головой.

— Ты не любишь мсье Флоримона? — сделала я еще одну попытку.

— О нет. Я очень его люблю.

— Тогда почему... — начала я, но что-то, промелькнувшее в его лице, заставило меня замолчать и мягко сказать: — Нам пора спуститься в салон, малыш. Мне ничего не сказали, поэтому думаю, мы должны идти, несмотря на гостей. Беги помой руки, пока я буду причесываться.

Не взглянув в мою сторону, он молча повиновался. Я медленно подошла к балкону и закрыла дверь.

* * *

В камине маленького салона горел яркий огонь: перед ним на розовом атласном диване расположились мадам де Вальми и Флоримон. Они оживленно беседовали.

Я с интересом посмотрела на гостя. Не знаю, каким я ожидала увидеть одного из пяти крупнейших законодателей моды, но великий Флоримон разрушил все мои представления. Это был крупный, облысевший, небрежно одетый мужчина. Когда он молчал, лицо у него принимало выражение тихой меланхолии, что делало его похожим на романтического Белого Рыцаря. Но невозможно было усомниться в том, что мсье Флоримон весьма успешно занимается прозаическими, земными делами. Взгляд голубых глаз был добродушным, но хитрым, казалось, он не пропустит никакой мелочи. Он обращался со своим великолепно скроенным и сши-

тым костюмом так же бережно, как со старой купальной простыней. Карманы уютно оттопыривались во всех возможных местах, отвороты были густо засыпаны пеплом. В одной руке он держал какую-то книгу или журнал, другой оживленно жестикулировал, рассказывая что-то мадам де Вальми.

Она смеялась. Я не видела ее такой счастливой и оживленной ни разу с тех пор, как приехала в Вальми. Только теперь я поняла, как красива она была, прежде чем время и пережитая трагедия сделали ее прекрасное лицо сухим и безжизненным.

Едва я успела это подумать, как мадам де Вальми обернулась, увидела нас с Филиппом, стоящих у двери салона, — и оживление тотчас же испарилось. Было как-то унизительно наблюдать, как ее лицо приняло скучающее и брезгливое выражение. Мне захотелось дать ей пощечину, но потом я осознала, что Филипп, очевидно, ничего не заметил. Торжественно, с утонченной вежливостью, мальчик подошел к Флоримону, который вскочил на ноги, громкими возгласами выражая удовольствие, — уже этого было достаточно, чтобы вызвать раздражение Элоизы.

— Филипп! Рад тебя видеть! Как дела?

— Прекрасно, благодарю вас, мсье.

— Гм, да. — Он нежно похлопал мальчика по щеке. — Еще немного румянца вот сюда, и все будет в порядке. Деревенский воздух — не шутка, особенно воздух Вальми. Видно, он пошел тебе на пользу. Здесь гораздо лучше, верно?

Он не сказал «лучше, чем в Париже», но это подразумевалось само собой — Филипп ничего не ответил. «Недопустимо совершать такие ошибки, говоря с ним», — подумала я. Видно было, что Флоримон это понял, но ограничился тем, что добавил доверительным тоном:

— Знаешь, я не удивляюсь, что тебе хорошо живется в Вальми! Если тебе составляет компанию такая красивая молодая дама, ты должен просто цвести!

Безразлично-вежливая улыбка Филиппа показала, что любезный комплимент Флоримона был оставлен без внимания. Поскольку они говорили по-французски, я тоже не должна была его заметить. Я сидела с безучастным видом, избегая встречаться взглядом с Флоримоном.

— Не расточайте напрасно любезности, Карло.

Французский язык мадемуазель Мартин с каждой минутой становится все лучше, как мне сообщили, но я не думаю, что она уже достигла такой стадии, что может понять столь тонкий комплимент, — откликнулась со своего дивана Элоиза де Вальми, потом она добавила по-английски:

— Мисс Мартин, разрешите мне представить вам мсье Флоримона. Не сомневаюсь, что вы о нем слышали.

Я чопорно встала, и мы обменялись рукопожатиями.

— Даже в английском приюте мы все слышали о мсье Флоримоне. Ваша слава дошла до нас, может быть, на шесть лет позже, но все же дошла. — Я улыбнулась, вспомнив купленную мной дешевую выкройку по рисунку Флоримона. — Хотите — верьте, хотите — нет.

Он не стал притворяться, что не понял меня, прекрасно зная об этих выкройках. Взмахнув рукой, в которой держал книгу, — теперь я видела: это была «Повесть о блистательном принце Гэндзи», — он сказал:

...ите собой любой наряд.

— Даже .

— Даже такой, — безмятежно ответил он. Его голубые глаза искрились.

— Этот комплимент прямо убивает меня, мсье.

Мадам де Вальми, которую, казалось, занимал этот разговор, произнесла гораздо более дружеским тоном — я раньше никогда не слышала от нее такого:

— Мсье Флоримон всегда расстраивается, что одеваться у него могут себе позволить только древние старухи, а молодые и красивые покупают платья «прета-порте»... есть такое выражение — я забываю английский во время волнующих бесед с вами, Карло, — как называется готовое платье?

— Прямо с вешалки? — подсказала я.

— Да, правильно, вы покупаете готовое платье прямо с вешалки и все же выглядите лучше нас.

— Вы забываете английский, мадам, и путаете местоимения, — сказала я.

Элоиза удивленно подняла брови, а Флоримон с явным удовольствием заметил:

— Вот, моя дорогая, настоящий комплимент! Подлинный комплимент, каким он должен быть. Вы и не

подозреваете, что он будет произнесен, и не сразу догадываетесь, услышав его.

Элонза засмеялась:

— Дорогой Карло, можешь мне поверить, даже сейчас я не так уж редко слышу комплименты, чтобы не понять их. Благодарю, мисс Мартин, это очень любезно с вашей стороны.

Впервые я увидела в ее глазах теплоту и поняла, как она привлекательна — не дешевым шармом жизнерадостного и общительного человека, а подлинной привлекательностью: сдержанностью и искренностью, которой нельзя противиться, когда на вас обращают внимание и вы чувствуете, что вам действительно рады. Господи, как мне хотелось ощутить это! Я была готова ответить горячей любовью на любое проявление привязанности и дружелюбия. Может быть, в конце концов...

Я улыбнулась ей, но вдруг ... взгляд вновь стал отчужденным, дружелюбие исчезло, словно вино, вылившееся из треснувшего стакана, — она вновь стала похожа на затуманенное зеркало, холодное и ничего не отражающее.

Улыбка застыла у меня на губах. Меня снова оттолкнули, непонятно почему. Минуту назад я могла поклясться, что мадам де Вальми симпатизирует мне, но теперь... мне показалось, что в беглом взгляде, которым она окинула меня перед тем, как снова опустила глаза на свою вышивку, я увидела то же беспокойное и обреченное выражение, которое поразило меня в первый день пребывания в Вальми.

Но я тотчас же отогнала эту мысль. Я больше не считала, что мадам де Вальми боится своего мужа; напротив, было совершенно очевидно, что супруги очень близки между собой; их характеры составляли любопытную светотень и по контрасту как нельзя лучше подходили друг к другу. Не до конца понимая Элонзу, я с жалостью подумала, что ее отчужденность и холодность могут быть результатом строжайшего самоконтроля (как у самураев), который она научилась сохранять при любых обстоятельствах. С эгоизмом юности я не могла себе представить темперамент, так сильно отличающийся от моего: ей, должно быть, приходится намного тяжелее, чем мужу!

А ее поведение по отношению ко мне и к Филиппу, наверное, лишь проявление этого самоконтроля, этой

скрытности, неторопливой, осторожной оценки... Должно пройти немало времени, чтобы ледяная сдержанность растаяла, чтобы двери раскрылись. Этот беглый взгляд выражал не беспокойство, а терпеливое ожидание, и только. Нужно время... Может быть, мадам все еще размышляла, почему Леон де Вальми считал, что, наняв меня, она «совершила очень большую ошибку»...

Она осторожно сделала аккуратный стежок. У ее локтя стояла лампа. Свет мягко падал на тонкую белую руку. Игла белой искрой прошивала тонкий холст. Она подняла голову:

— Подойди, Филипп, сядь возле меня на скамейку. Ты можешь оставаться здесь десять минут... нет, мисс Мартин, не ускользайте от нас. Садитесь и развлекайте вместо меня мсье Флоримона.

Элонза снова надела маску. Она сидела за своей работой, подтянутая и элегантная, как всегда.

Ей даже удалось выглядеть заинтересованной, когда она, как обычно, расспрашивала Филиппа о проведенном дне и выслушивала его вежливые, старательно обдуманные ответы.

— Не хотите присесть рядом со мной? — Флоримон обратился ко мне.

Я с готовностью обернулась к нему: он наблюдал за мной своими добродушными пронзительными глазами, очевидно заметив, как мадам де Вальми проявила ко мне неожиданный интерес, а затем так же неожиданно оттолкнула, и поняв мое состояние. Во всяком случае, он взял на себя труд развлекать меня. Его запас фривольных историй был необычайно богат и занимателен, хотя по крайней мере половина из них вряд ли соответствовала действительности. Поскольку я знала Париж лучше, чем он предполагал, то получила от нашей беседы огромное удовольствие. Он немного флиртовал, надо сказать очень искусно, и выглядел сначала немного обескураженным, а затем был очарован тем, что его ухаживания несколько меня не шокировали, а, напротив, очень забавляли. Он был бы еще более удивлен, если бы знал, что, как ни странно, напомнил мне отца: я не слышала такой утонченной, пересыпанной сложными каламбурами болтовни с тех пор, как в последний раз, десять лет назад, была допущена к участию в устроенной им вечеринке, на которой пили вино и читали стихи. Поэтому простительно, что я наслаждалась каждой минутой нашего разговора, со

странной ностальгией смакуя забавную чепуху, которая была предметом беседы.

Удовольствие мне портило лишь то, что время от времени я ловила на себе холодный взгляд Элоизы де Вальми, смотревшей на меня с загадочным выражением, которое могло быть одобрением, усталостью или — но это уже чистая игра воображения — просто страхом.

Чересчур богатое воображение наверняка было повинно и в том, что я все время пыталась угадать, кто донес мадам, что мой французский «с каждой минутой становится все лучше».

Нашу беседу прервало появление миссис Седдон с подносом, уставленным бокалами с коктейлем. Я восторженно посмотрела на мадам де Вальми, а Филипп немного наклонился, собираясь встать со скамейки.

Элоиза уже собиралась отпустить нас, но в это время Флоримон добродушно сказал:

— Не прогоняй ребенка, Элоиза. Теперь, когда ты его уже допросила, может быть, передашь его мне?

Она улыбнулась, подняв тонкие брови:

— Зачем он тебе нужен, Карло?

Флоримон положил «Повесть о блистательном принце Гэндзи» на самый краешек хрупкого кофейного столика и шарил большой рукой в одном из неаккуратно оттопыренных карманов. Он широко улыбнулся Филиппу, смотревшему на него с настороженным видом, который мне так не нравился, и я увидела, что лицо мальчика разгладилось в ответ на улыбку.

— Когда мы виделись последний раз, парнишка, — сказал Флоримон, — я начал учить тебя единственному времяпровождению, достойному разумного человека. А, вот они... — Говоря это, он выудил из кармана небольшую коробку. В ней были миниатюрные шахматы с белыми и красными фигурками.

Мадам де Вальми засмеялась.

— Всепоглощающая страсть. — Ее холодный голос звучал почти снисходительно. — Хорошо, Карло, но через полчаса, не позже, он должен подняться к себе. Берта, наверное, уже ждет.

Она, как и я, прекрасно знала, что это не так. Хотя разговор велся по-французски, она быстро посмотрела на меня и постаралась сделать безучастное лицо. Интересно: значит, я была не единственной в этом доме,

кто старался, чтобы Филипп не встречался со своим дядей.

Филипп довольно охотно подвинул скамейку к стулу Флоримона, и оба склонились над шахматной доской.

— Ну-ка посмотрим, — весело сказал Флоримон, — помнишь ли ты хотя бы некоторые правила, мой мальчик. По-моему, в последний раз, когда мы с тобой играли, ты сделал несколько неверных ходов, но в твоей концепции игры есть какая-то варварская оригинальность мысли и свежесть, которая имеет свои преимущества. Твой ход.

— Я уже сделал ход, пока вы говорили, — сдержанно сказал Филипп.

— Сделал ход, черт возьми? А, королевская пешка. Классический гамбит, мсье... а я иду вот этой пешкой. Вот так.

Филипп склонился над доской, нахмурившись, целиком поглощенный шахматами, а над ним возвышался Флоримон, раскинувшийся на стуле, рассыпающий сигарный пепел на лацканы изысканно сшитого пиджака. Он ласково и снисходительно смотрел сверху вниз на Филиппа, ни на минуту не прерывая поток своих довольно бессвязных речей, из которых мальчик, даже если бы он к ним прислушивался, едва понял бы треть.

Я сидела молча, наблюдая за ними, чувствуя глубокую симпатию к этому немолодому знаменитому парижанину, который, несмотря на постоянную занятость, нашел время для того, чтобы навестить мальчика, показать ему, что он не совсем одинок. Послушав его, можно было подумать, что главным занятием для него в прошлом было ждать, когда он еще раз сможет сыграть с Филиппом в шахматы.

Вдруг я заметила, что мадам де Вальми больше не вышивает. Ее руки празднично покоились на сложенном холсте, лежавшем на коленях. Я подумала, что мадам заинтересовалась игрой, но потом заметила, что она не глядит на доску. Ее глаза не отрывались от склоненной над шахматными фигурами головы мальчика. Должно быть, она глубоко задумалась о чем-то, потому что, когда мальчик неожиданно вскрикнул, сильно вздрогнула.

Он издал радостный возглас и ухватился за доску:

— Ваша королева! Королева! Regardez, monsieur!¹ Я взял вашу королеву!

— Вижу, — безмятежно ответил Флоримон. — Но может быть, вы будете так любезны объяснить мне, Капабланка, какое новое правило позволяет продвигать эту фигуру через всю доску?

— Между ними на доске ничего не было, — объяснил Филипп.

— Не было, верно. Но фигура, которой ты пошел, старина, — слон, или, иначе, епископ. Извини меня за мелочность, но есть правило, которое гласит, что епископ ходит только по диагонали. Ты можешь сказать «пустяки, нелепость»... но таково правило, Филипп.

— Епископ? — переспросил мальчик, понявший, очевидно, только это слово.

— Те, что с остроконечной шапкой, — спокойно сказал Флоримон, — называются слонами или епископами.

— О! — оказал Филипп. Подняв голову, он с улыбкой посмотрел на своего противника, нисколько не обескураженный. — Я и забыл. Возьмите назад свою королеву.

— Очень тебе благодарен. Спасибо. Ну а сейчас твой ход, и мне бы хотелось, чтобы ты снова подумал над тем, в какой позиции находятся моя королева и твой епископ.

Филипп внимательно посмотрел на доску.

— Между ними ничего нет, — неуверенно сказал он.

— Именно.

— Ну... О! — Маленькая рука быстро схватила не подчинившегося правилам игры епископа и убрала его прочь от королевы. — Вот. Я ставлю его здесь.

Флоримон хмыкнул.

— Весьма мудро, — заметил он. — Мудро.

Он низко склонился над доской, внимательно глядя на нее сквозь облако табачного дыма; по его виду можно было подумать, что он играет с опытным шахматистом, а не с маленьким мальчиком, который даже не знает как следует правил игры.

Я посмотрела на часы — шесть часов шестнадцать минут — и с удивлением взглянула на мадам де Вальми, подозревая, что она с таким же беспокойством, как и я, следит за временем. Но она снова уронила руку на колени и смотрела в огонь камина. Она была за сотни

¹ Смотрите, мсье! (Фр.)

милль отсюда. Интересно, где... судя по выражению ее лица, вряд ли в каком-нибудь приятном месте.

— Мадам... — сказала я.

Вздрогнув, она так быстро схватила вышивание, что уколола иглой палец.

— Простите, мадам, я вас испугала. Мне кажется, Филиппу пора подняться наверх, к себе?

Я сидела спиной к двери, поэтому не видела и не слышала, как она открылась; осознала это по тому, как быстро Филипп повернул голову, как широко раскрылись его глаза. Бархатный голос Леона де Вальми произнес:

— А, Филипп. Нет, не уходи. Карло, рад тебя видеть. Почему ты так редко бываешь у нас?

Кресло мягко катилось, чуть шелестели колеса. Появление Леона произвело ошеломляющий эффект. Филипп вскочил со скамейки и стоял, глядя на своего дядю, как птичка, замороженная взглядом змеи. Мсье Флоримон поспешно встал. Элоиза де Вальми снова уронила вышивку и быстро повернулась к мужу: когда кресло прокатилось мимо меня, я соскользнула со стула и ретировалась на свое обычное место у дальнего окна.

Не думаю, что Леон де Вальми обратил на меня хоть какое-то внимание, но Филипп заметил мой мачневр. Он тоже сделал попытку удрать, но был, если можно так сказать, пригвожден к месту словами Леона:

— Нет, нет, Филипп. Мы так редко видимся! Я должен быть благодарен мсье Флоримону, из-за которого пришел сюда раньше, чем обычно. Сядь, Филипп.

Мальчик повиновался. Кресло подкатило к дивану и остановилось.

— Твоя верность долгу поражает меня, Элоиза. Это поистине трогательно. — Леон де Вальми тронул жену за руку.

Только натренированное ухо могло различить саркастическую ноту в мягком голосе Леона де Вальми. Я увидела, как их глаза встретились и Элоиза де Вальми слегка улыбнулась. Вторично за этот вечер меня обожгла злость. Неужели так уж трудно вытерпеть общество Филиппа даже полчаса в день? И неужели надо показывать свою неприязнь столь открыто? На этот раз Филипп все заметил. Я увидела, как он быстро взмахнул своими длинными ресницами, искоса взглянув на дядю, как его бледное личико приняло обычное

мрачное выражение, и подумала: «Черт возьми, неужели не найдется кто-нибудь, способный дать вам отпор!»

Через минуту, казалось, все сгладилось. Леон де Вальми, пребывавший в самом радужном настроении, весело приветствовал Флоримона:

— Очень мило, что вы заглянули к нам, Флоримон. Вы из Женевы? Что привело вас туда?

Флоримон снова опустился на стул.

— Я шел по следу, разыскивая новый материал. — Он сделал один из своих широких жестов, на этот раз по направлению «Истории блистательного принца...» и задел книгу рукой, так что она упала на пол. — Когда-нибудь просмотрю эти картинки, Элонза, и скажи, видела ли ты что-нибудь равное этому изяществу, этой куртуазной утонченности на грани декаданса... А, спасибо, зайчик. — Это он сказал, обращаясь к Филиппу, который тихо поднял книгу и молча подал ему. — Отдай это, пожалуйста, своей тете, малыш. Великолепно, не правда ли?

— Что это, Карло? — Она посмотрела на книгу.

— Угроза твоему спокойствию и моему карману, — улыбаясь, сказал Леон де Вальми. — Новые модели в стиле «мандарин» или что-то в этом роде: не сомневаюсь, что на грани декаданса. Признаюсь, не могу представить тебя в подобном наряде, дорогая.

Флоримон засмеялся:

— Уверяю вас, это только материал для размышлений, сырье. И вот что я вам скажу. Мы с Розой Готье состряпали штучку, которая произведет переполох в ноябре, и я приехал в Женеву, чтобы проследить за тем, как идет дело. — Он широко улыбнулся. — По крайней мере, это хороший предлог. Я всегда пользуюсь им, когда хочу сбежать из Парижа.

— Как обстоят дела с твоей новой коллекцией моделей? — спросила Элонза.

Флоримон уронил пепел на рубашку и безмятежно растер его по отвороту элегантного пиджака.

— Идея пока в эмбриональном состоянии. Младенец еще не бьет ножкой, мне долго еще не удастся разродиться, может быть несколько месяцев. А потом, как обычно, бах! меня осенит и придется вылизывать этого недоноска, пока он не примет какую-то пристойную форму ценой моего кровавого пота и слез. — Тут его взгляд упал на Филиппа, неподвижно сидящего на ска-

мейке, и он добавил, почти не меняя тона: — На дороге между Тононом и замком густой туман.

— Правда? Очень плохая видимость? — Леон де Вальми взял с подноса бокал с коктейлем и подал его жене.

— Кое-где. Но мне кажется, это местное. В Женеве было ясно, конечно, со временем погода на берегу озера может измениться. А, благодарю вас.

Леон де Вальми подал ему бокал. Когда кресло, сделав круг, остановилось перед камином, он увидел на низком столике шахматную доску.

— Шахматы? Вы всегда носите их с собой, Карло? — Его темные брови поднялись.

— Почти. Можно надеяться, что мы с вами сыграем сегодня вечером?

— С удовольствием. Но прошу вас, бросьте эти портновские булавки. Я не могу играть, когда за ходами надо следить с помощью телескопа.

— Играть вашими шахматами одно удовольствие, — сказал Флоримон, — не говоря уже о том, что вы достойный противник, с которым стоит скрестить шпаги. Иными словами, это значит, что вы даете мне проиграть в четырех случаях из пяти.

— Гм... — Леон де Вальми оглядел доску. — Кажется, красные играют весьма близоручко в полном смысле слова. Я знал, что ты не обладаешь шахматным мышлением, дорогая Элоиза, но не представлял себе, что дело обстоит так скверно.

Мадам де Вальми лишь улыбнулась, даже не взяв на себя труда объяснить. Да никаких объяснений и не требовалось. Леон знал, кто играл красными, и Филипп сознавал это.

— А, да, — спокойно сказал Флоримон. Он внимательно оглядел миниатюрные фигурки. — О Господи, я совершенно запутался, верно? Может быть, мне нужны очки от близорукости. Ты совершенно прав, дорогой Леон, большая ошибка — недооценивать противника. Никогда этого не делай. — Крупная рука быстрыми движениями переставила несколько пешек. Добродушное лицо выражало интерес только к лилипутским маневрам на шахматной доске.

Я заметила, что Леон де Вальми бросил на него быстрый взгляд, выражавший насмешливый интерес, быстро исчезнувший, словно рассеявшееся облако.

— Не могу сказать, что я его недооцениваю. — По-

том он улыбнулся Филиппу, молча сидевшему на скамейке. — Заканчивай свою партию, Филипп, я думаю, твоя тетя пока еще не отошлет тебя в спальню.

— Мне бы... не хотелось, благодарю вас. — Филипп съежился и стал еще бледнее.

— Тебя совершенно не должно смущать, что ты проигрываешь, — сказал Леон де Вальми с приторной улыбкой.

Мальчик багрово покраснел. Флоримон ровным голосом сказал:

— Вряд ли мы сможем окончить нашу партию. Я нечаянно спугал фигуры. Прости, Филипп. Я очень надеюсь, что буду иметь удовольствие еще раз сыграть с тобой. Ты прекрасно играешь.

Отодвинув доску, Флоримон с улыбкой посмотрел сверху вниз на ребенка, который ответил ему лишь быстрым взглядом. Потом он откинулся на спинку стула и, ласково улыбаясь хозяину дома, начал рассказывать одну из своих невероятных историй, отвлекая внимание присутствующих на себя. Филипп казался еще меньше на своей скамейке: он сидел молча, словно воплощение мрачного одиночества. В эту минуту мне хотелось убить Леона де Вальми и его изысканную супругу. Филипп, должно быть, почувствовал мой взгляд, потому что вдруг посмотрел на меня. Я подмигнула ему и улыбнулась. Его лицо оставалось неподвижным. Черные ресницы снова опустились.

Дверь открылась, и вошел Седдон, лакей супругов де Вальми. Пройдя через всю комнату, он подошел к Элонизе:

— Мадам, только что звонил мсье Рауль.

Элониза быстро повернула голову к мужу:

— Мсье Рауль? Да, Седдон, я вас слушаю.

— Он просил меня передать вам, что едет сюда, мадам.

Леон де Вальми со звоном поставил стакан на ручку кресла:

— Сюда? Когда он звонил? Откуда?

— Не могу сказать, сэр. Но не из Бельвиня. Он сказал, что будет здесь вечером или ночью.

Наступила пауза. Я слышала мягкое приятное тиканье красивых часов, стоящих на камине.

Потом Флоримон добродушно сказал:

— Как приятно! Не помню, когда я в последний раз видел Рауля. Надеюсь, он успеет к ужину?

— Вряд ли, мсье. Он сказал, что может опоздать и просил не ждать его. Он просто сообщил, что будет здесь сегодня, — ответил Седдон.

— А что еще он сообщил? — спросил Леон де Вальми.

— Это все, сэр.

— Он не сказал, что случилась какая-то неприятность... в Бельвине?

— Нет, мадам, что вы.

Флоримон хмыкнул:

— О чем вы беспокоитесь, дорогая? У них там, наверное, неделю дует мистраль, и он решил просто удрать от него. Ужасно нездоровый ветер!

— Обычно он бежит в другом направлении, — очень сухо произнес Леон. — Хорошо, Седдон. Благодарю вас.

— Вы не могли бы предупредить миссис Седдон, чтобы она немедленно велела приготовить комнату, — сказала мадам де Вальми.

— Конечно, мадам. — Седдон, безучастный, как всегда, наклонил голову. Я заметила, что Элоиза де Вальми вновь посмотрела на мужа. Со своего места я не могла различить его лица, но мадам кусала губы, побледнела и выглядела напряженной и усталой.

Веселенький прием готовится единственному и любимому сыну. Он и Филипп... Представление о Вальми как об уютном семейном доме было сильно поколеблено. Мне припомнился приют Констанс Батчер.

И тут большая люстра брызнула радужным каскадом яркого света. Седдон прошелся по комнате, задергивая занавеси и наполняя бокалы. Зазвенели стаканы, кто-то засмеялся. Филипп весело вскочил и стал помогать Флоримону складывать миннатурные шахматы... при ярком свете люстры напряжение сразу же ослабло, потом вовсе исчезло. Огонь камина, смех, смолистый запах сосновых поленьев, звон медных колец, на которых держались портьеры, и тяжелый свистящий звук тяжелого атласа... чистейший абсурд — населять изящный замок Вальми мрачными привидениями Торнфилда!¹

Князь Тьмы повернул красивую седовласую голову и сказал по-английски: «Ну выходите же, Джен Эйр!»

¹ Название поместья, где происходит действие романа «Джен Эйр». — *Прим. перев.*

Должно быть, я подскочила на стуле не меньше, чем на фут. Леон удивленно посмотрел на меня и сказал:

— Я испугал вас? Прошу прощения. О чем вы так глубоко задумались?

— Об одном месте в Йоркшире, которое называется Торнфилд-Холл.

— Значит, мы думали об одном и том же? Не удивительно, что вы так подскочили. — Его темные брови поднялись.

— Мне надо быть очень осторожным... — он улыбнулся. — Может быть, вы вернетесь к своим обязанностям, пока мсье Флоримон не напоил вашего питомца вермутом? Нет, Филипп, я тебя уверяю, этот напиток тебе не понравится. А теперь попрощайся — пожалуйста, по-английски — и иди.

Филипп вскочил со скамейки и попрощался, вежливо, хотя и чересчур охотно. Мне кажется, я была так же довольна, как и он, когда наконец, взяв мальчика за руку, в свою очередь пожелала всем спокойной ночи и удалилась.

— Спокойной ночи, мисс Эйр, — проводили меня до самой двери произнесенные любезно-издевательским тоном слова Леона де Вальми.

Весь вечер Филипп был немного подавлен, но в остальном довольно спокойно пережил стычку с дядей. Уложив его, я в одиночестве поужинала у себя в комнате. Ужин принесла Альбертина, кислотица горничная мадам де Вальми. Она вошла, крепко сжав губы, всем видом показывая, что подвергается такому унижению помимо своей воли.

— Спасибо, Альбертина, — весело сказала я, когда она, пожалуй излишне резко, поставила на стол последнюю тарелку. — О, между прочим...

Уже дойдя до дверей, горничная обернулась, ее плоское лицо ничего не выражало, кроме злости. Она излучала очарование и грацию рассерженного скунса.

— Ну что?

— Вы не помните, я брала в аптеке таблетки для миссис Седдон на прошлой неделе или нет? — сказала я.

— Нет, — сказала Альбертина и снова повернулась к двери.

— Я не брала или вы не помните?

— Я не помню. А в чем дело? — не оборачиваясь, раздраженно произнесла она.

— Миссис Седдон сегодня попросила меня принести ей таблетки, а мсье Гарсен говорит, что я брала их на прошлой неделе. Наверное, я отдала ей таблетки вместе с другими покупками. Совершенно не помню. Вы не знаете, был ли приложен рецепт к списку, который вы мне дали?

Квадратные плечи поднялись.

— Может быть. Не знаю. — Плоские черные глаза смотрели на меня с ненавистью. — Почему вы сами у нее не спросите?

— Прекрасно, я спрошу сама, — холодно ответила я. — Можете идти, Альбертина.

Но дверь уже закрылась. Сжав губы, я посмотрела ей вслед и начала есть.

Немного позже раздался стук, и в комнату с приветливой улыбкой вкатилась миссис Седдон. Я сказала, не дав ей произнести ни слова:

— Эта женщина, Альбертина... Что ее укусило? Прямо змея!

— Ах, Альбертина... — Миссис Седдон фыркнула. — Она бесится, потому что я велела принести вам ужин. Берта помогает Мариэтте приготовить комнату для мистера Роула, потому что Мариэтта не выносит Альбертину, а та становится кислой как лимон, если попросить ее помочь. Она признает только мадам. Хорошенькая парочка — она со своим Бернаром! Я думаю, ее братец ограбит банк, если хозяин хотя бы намекнет на что-нибудь такое, но для другого даже пальцем не пошевелит.

— Этому можно поверить. Не понимаю, как только мадам ее терпит.

— А вы думаете, с мадам она корчит такую кислую рожу, как со всеми прочими? Как бы не так! Ах-ах, цирлих-манирлих, тихоня, воды не замутит, прямо голубка. — Речь миссис Седдон была весьма колоритна. — Она фыркает здесь на всех, кроме своего Бернара. И наверняка резнива, как черт: не может перенести, если мадам улыбнется кому-нибудь, кроме нее. Она знает, что вы нравитесь мадам, вот где собака зарыта, можете мне поверить, дорогуша.

— Я нравлюсь мадам? Откуда вы знаете? — удивленно спросила я.

— Она очень хорошо отзывается о вас, — успокоительно сказала миссис Седдон, — поэтому можете не беспокоиться. Плуньте на эту Альбертину.

Я засмеялась:

— Я и не беспокоюсь. Как ваша астма? Вам как будто стало лучше.

— Мне действительно лучше. Приступы быстро проходят. Хуже всего весной, но мне теперь никогда не бывает так плохо, как раньше. Помню, когда я была еще совсем девочкой, матушка мисс Дебби мне говорила...

Я остановила ее с ловкостью, которая дается лишь практикой:

— Боюсь, что сегодня мсье Гарсен не пошлет нам антигистамин. Он говорит, что я брала его на прошлой неделе. Я отдала вам лекарство, миссис Седдон? Мне ужасно стыдно, но я совершенно не помню. И другие вещи, которые я купила по вашему заказу? Там было какао Нестле, не так ли, еще пуговицы и вата. А вы получили часы из починки?

— Разве я просила вас принести таблетки? Совершенно не помню. Там было много всего, может, были и таблетки. — Она засмеялась, немного задыхаясь. — Я, должно быть, не заметила, потому что они мне сейчас не нужны, но мистер Гарсен, наверное, прав. Вот уж зануда — прямо ежедневное вечернее чаепитие. И весь выдох, как неживой. Сегодня проверю у себя в шкафу. Простите, что доставила вам беспокойство, дорогая.

— Что вы, никакого беспокойства. Я принесла вам аспирин и одеколон. Вот они, вместе со сдачей.

— Спасибо, дорогуша... я хотела сказать мисс Мартин.

— А господин Флоримон останется на ночь или он приехал только к обеду? — спросила я.

— Он приехал к обеду, но думаю, что пробудет здесь допоздна, чтобы увидеться с мистером Роулом. Еще может случиться, что они попросят остаться его на ночь, если туман не уляжется.

Я встала и подошла к балконной двери.

— Не вижу никакого тумана. Великолепная ночь.

— Правда? Да, я думаю, это только внизу, у реки. Мы ведь очень высоко. Но дорога большей частью идет вдоль берега, недавно в долине был несчастный случай. Это очень опасная дорога, особенно в темноте.

— Могу себе представить.— Я вернулась к своему стулу, вспоминая о неприятном происшествии в гостиной.— Может быть, мсье Рауль и не приедет сегодня.

Миссис Седдон отрицательно покачала головой:

— Приедет. Если он сказал, что приедет, надо его ждать с минуты на минуту.

Она внимательно посмотрела на меня и спросила:

— Они что-то сказали о нем там, внизу?

— Ничего. Они удивились его приезду. Вот и все.

— Нечему тут удивляться, — таинственным тоном сказала миссис Седдон. — Сюда он может явиться только из-за денег.

— Правда? — спросила я, чувствуя себя довольно неловко. В конце концов, всяким разговорам есть предел. — Я подумала... у меня сложилось такое впечатление, что дело может идти о чем-то, касающемся Бельвина.

— Ну да, — ответила миссис Седдон. — Именно это я и имею в виду. Всегда речь идет о Беллвине и деньгах, — она вздохнула.

— Я уже говорила вам, что мистер Роул управляет имением своего отца. Время от времени он приезжает сюда, чтобы побеседовать с отцом относительно этого имения и тогда... — она снова вздохнула, — друг другу говорится много неприятного. Когда мистер Роул просит денег для Беллвина, обязательно начинается скандал.

Хозяин желает истратить их на Вальми, и не успеешь оглянуться, как они начинают грызться, как собака с кошкой, или, вернее, как две собаки, потому что никак не скажешь, что мистер Роул похож на кошку... что за скверные вороватые создания, эти кошки! Но они всегда грызлись, с тех пор как мистер Роул вырос и мог дать сдачи, и всегда...

— Он... он, должно быть, хороший хозяин, — торопливо прервала я.

— О, я не отрицаю, он хорошо управляет с Беллвином: слишком похож на отца, чтобы запускать дела, вы понимаете, что я имею в виду. Но говорят, что иногда он слишком уж поднимает шум из-за этого имения. И еще рассказывают...

— Нельзя верить всему, что говорят, — возразила я.

— Да нет, — сказала миссис Седдон с легким сожалением в голосе.

— Когда говорят о мистере Роуле, всегда все верно, если вы понимаете меня, мисс, потому что он из тех людей, о которых будут сплетничать даже в монастыре, как говорится в пословице.

— Думаю, вы правы, — заметила я.

— А где он берет деньги, я вас спрашиваю? — Миссис Седдон по-настоящему увлеклась разговором. — Откуда он взял эту машину, на которой приехал прошлый раз? Длинная, как океанский лайнер, с гудком, как трубы Судного дня; откуда, я вас спрашиваю?

— Да, — мягко сказала я, — откуда?

— Ах, — таинственным тоном произнесла миссис Седдон, — спрашивайте сколько угодно — бесполезно! Я слышала, как хозяин очень резко задал ему этот вопрос в последний раз, как мистер Роул был здесь. Но мистер Роул не сказал ему, просто мельком заметил что-то о счастливой ночи и счастливом номере.

— Наверное, выиграл в рулетку. Ему очень повезло, — засмеялась я.

Она посмотрела на меня, немного шокированная:

— Что вы говорите, мисс! Я не утверждаю, что немного азарта может повредить, и люблю, как любой из нас, иногда перекинуться в вист, но.. часто думаю, что сказала бы на этот счет мисс Дебби. Много раз она говорила мне...

— Простите, миссис Седдон, — быстро вставила я, — но сейчас мне нужно приготовить Филиппу какао. Я ушла, когда он лежал в постели и читал, и должна потушить у него свет.

— Что? А, да, как быстро идет время! Я уже давно должна проверить, как Берта и Мариэтта убрали комнату... — Она медленно поднялась на ноги и, переваливаясь, пошла к двери, которую я отворила перед ней. — Они не забыли молоко?

— Оно стояло на подносе.

— А, да. Как вы думаете, мисс, эта Берта справляется с работой? Если что-нибудь не так, сразу же скажите мне.

— Нет, все хорошо, — сказала я. — Мне очень нравится Берта, и комнаты она держит в чистоте. Посмотрите хотя бы кладовую.

Она последовала за мной в маленькую кладовую, где свет отражался на эмали безукоризненно чистой маленькой электрической печи, и кастрюльки, молочник и ложка стояли наготове. Я налила молоко в каст-

рюльку, поставила ее на печку и повернула выключатель. Миссис Седдон опытным взглядом окинула крошечную комнату, не менее опытным пальцем провела по полке, где стояли коробки с какао, чаем, баночки с кофе, и удовлетворенно кивнула головой.

— Да, должна сказать, Берта — хорошая девушка, и была бы еще лучше, если бы думала только о работе и не бегала за этим Бернаром... сахар здесь, мисс.

— Нет, для Филиппа я беру глюкозу: помните, здесь у нас специальная банка, синяя. О, спасибо. Вы хотите сказать, что у Берты что-то такое происходит с Бернаром? Надеюсь, это не очень серьезно? Было бы очень жаль. Он староват для нее, и кроме того...

Я остановилась, но она продолжила мою мысль.

— Да, мисс, ничего не может быть вернее. Действительно очень жаль. Если бы Альбертина не была его родной сестрой, я бы сказала, что они больше всего подходят друг другу, по крайней мере не сделают несчастными двух других людей. А так они будут как две свиньи в одном хлеву. Он такой же мрачный зануда, как и его сестричка, и я не понимаю, как симпатичная молодая девушка вроде Берты может потерять голову из-за столь неприятного парня. Но природа берет свое, и тут уж ничего не поделаешь. Что вы ищете?

— Печенье. Его кто-то переставил. А, вот оно. — Я положила три печенья в блюдечко Филиппа, искоса посмотрев на миссис Седдон. — Сегодня добавочная порция. Он пережил несколько неприятных моментов в гостинной внизу.

— Правильно. Его не мешает немножко побаловать, если хотите знать мое мнение. А теперь мне действительно надо идти. Очень приятно было поболтать с вами, мисс. И мы с Седдоном вот что думаем: как Филиппу повезло, что вы с ним! Он ведь любит вас, это сразу видно, а я считаю, что больше всего он нуждается в том, чтобы любить кого-нибудь.

— Мы все в этом нуждаемся... — сказала я тихо, почти про себя.

— Ну ладно, — добродушно произнесла миссис Седдон. — Его старая няня тоже была хорошей женщиной, ничего не скажешь, но она немного сюсюкала с ним. Говорите что хотите, но это вполне понятно: она ведь

вырастила его с пеленок. Может быть, хозяин был прав, что решил заменить ее, — вы ведь сами говорили об этом. Главное, ему надо было полностью сменить обстановку, после того как он потерял папу и маму, бедный маленький сиротка. А вы его замечательно воспитываете, извините, что беру на себя смелость говорить вам это.

— Это очень любезно с вашей стороны. Благодарю вас, — сказала я, чувствуя себя растроганной. Подняв поднос с ужином для Филиппа, я улыбнулась ей поверх него. -- Надеюсь, все будет хорошо. Во всяком случае, я знаю человека, который наверняка будет доволен, когда придет мсье Рауль.

Она остановилась у дверей и с трудом повернулась:

— Кто? Мистер Флоримон? Ну, не могу сказать...

— Я имела в виду не его, а Филиппа.

Она поглядела на меня и покачала головой:

— Мистер Роул почти не знает мальчика, мисс. Не забудьте, Филипп приехал к нам незадолго до вас, и с тех пор мистер Роул ни разу не был здесь.

— Но мистер Рауль должен был видеть его в Париже или где-нибудь с мсье Ипполитом.

— Нет, не видел. Я точно знаю. Вряд ли они с мистером Роулом видели друг друга в этом Пари. Пари! — сказала миссис Седдон, стараясь произносить название столицы Франции по-французски. — Пари! Вряд ли он стал бы там думать о Филиппе! Заметьте мои слова, у него были там свои делишки, в этом Пари!

— Но, когда Филипп услышал, что чья-то машина поднимается к замку по дороге, он выскочил на балкон, как молния, а когда увидел Флоримона, был страшно разочарован. Более того, был просто потрясен... Кого же он мог ожидать, если не двоюродного брата?

Посмотрев на миссис Седдон, я была поражена, увидев, что глаза ее полны слез. Покачав головой, она вытерла щеки пухлой рукой.

— Бедный сиротка, несчастный малютка! — прошептала она и замолчала. Но, несколько раз всхлипнув и проделав сложные манипуляции с носовым платком, она все же объяснила мне все. Причина была проста, очевидна и ужасна.

— Он не видел своих родителей мертвыми. И ему не разрешили пойти на похороны. Мы с Седдоном убеждены — он не верит, что они действительно умерли. Их

должны были привезти из аэропорта, понимаете, и мальчик ждал их, но родители так и не приехали. Больше он никогда их не видел. Думаю, он все еще ждет.

— Это ужасно, — я с трудом перевела дыхание. — Это... это ужасно, миссис Седдон.

— Да. Если он слышит, как подъезжает машина, то пулей несется навстречу. Я сама видела. Счастье, что сюда приезжают не очень-то часто, иначе мальчик круглые сутки торчал бы на балконе и наконец расшиб бы себе голову о камни на дорожке или накололся на эти острые железные прутья, как жук на булавку.

У меня по спине пробежали мурашки.

— Я буду смотреть за ним, — произнесла я.

— Хорошенько смотрите, — поддержала меня миссис Седдон.

КАРЕТА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА VII

...Существо, передвигающееся на двух ногах и внешне похожее на человека, а не на чудовище...

*Диккенс. Посмертные записки
Пиквикского клуба¹*

илипп уснул, свернувшись в удивительно маленький клубок под одеялом. Свет еще горел, книга, которую он читал, соскользнула на пол. Мальчик что-то зажал в руке, и я отвернула простыню, чтобы посмотреть, — это был игрушечный солдатик королев-

ской гвардии в высокой меховой шапке.

Я подняла книгу, поправила одеяло, потушила свет и тихонько вышла, держа в руках ненужное какао, которое оставила в кладовой.

Вернувшись в свою комнату, я вышла на балкон и опустила портьеру, чтобы снаружи не было видно света. Ночь выдалась спокойная и неожиданно теплая. Тумана пока не было, но далеко, в глубине долины, темнота стала какой-то белесой. Воздух был по-весеннему сырой. Где-то в лесу раздался крик совы, еще один. Эти звуки отозвались во мне неожиданной грустью. Я чувствовала себя усталой и разбитой. Очень много событий произошло сегодня: впечатление от приятных — утренней встречи с Вильямом Блейком, маленького флирта с Флоримоном в салоне — как-то сгладилось, оставив необъяснимое разочарование.

Конечно, я понимала, что это значит. Одиночество было мне очень давно и хорошо знакомо. Оно всегда таилось в душе... я научилась не давать волю этому

¹ Пер. А. В. Кривцовой и Е. Ланна.

чувству, даже иногда наслаждалась им, но бывает время, когда больше нельзя оставаться наедине с собой и ты начинаешь искать какое-нибудь успокаивающее и отвлекающее средство... радио, собака, шампунь, чулки, которые нужно постирать, оловянный солдатик...

Я сжала губы и призвала себя к выдержке. Только потому, что сегодня состоялись две приятные встречи, выходящие за рамки моих обязанностей, — не говоря уже о поучительной и интересной беседе с домоправительницей, — не следует воображать себя одинокой и покинутой теперь, когда развлечения кончились, и я должна провести вечер одна. Не стоит стоять здесь и глазеть на весенние сумерки, представляя, как я проведу в этой комнате всю свою жизнь.

Ради Бога, что я о себе вообразила? Неужели я могла поддаться иллюзии, возникшей во время разговора с Флоримоном, что мы с ним и мадам де Вальми можем сидеть рядышком у камина и беседовать на равных? Что ж, если бы десять лет назад не случилось то, что изменило всю жизнь... Ладно, хватит; это все в прошлом, и чем быстрее я привыкну раз и навсегда к тому, что веселые времена кончились, тем легче будет избавиться от резкой смены настроения, от приступов ненужных воспоминаний.

Медленно повернувшись, я прошла к южному краю балкона, находящемуся прямо над маленькой гостиной. Свет, струящийся из высоких окон, приглушенный золотистыми портьерами, мягко падал через лоджию на террасу. Спутанной сетью голых веток и шипов розовые кусты ловили его слабые лучи. Их тени, словно веники, мотались взад и вперед по свежевскопаным грядкам. Одно окно было открыто, чтобы впустить в гостиную теплый ночной воздух, из него вырывался яркий сноп света, голоса и смех. Я представила себе, как весело горят дрова в камине, сверкают бокалы с вином, пахнет кофе, бренди и сигарным дымом...

«Спокойной ночи, мисс Эйр...» Ко мне вернулось чувство юмора и вместе с ним хорошее настроение. Я молча улыбнулась и вернулась в комнату. Если мне придется провести всю свою жизнь, сидя в углу чужой гостиной за вязанием в черном бомбазиновом платье, — что бы ни означало это слово, — то, честное слово, это будет лучший бомбазин! Самый лучший!

Не желая прибегать к успокаивающим средствам (радио, книги, чулки, которые нужно постирать...), я накинула пальто и вышла из дома.

* * *

Я шагала очень медленно, потому что при неярком лунном свете спуск казался обманчиво пологим, к тому же ноги скользили по отсыревшему асфальту. Можно было спуститься вниз напрямик через лес, минуя зигзаги шоссе, — крутая тропинка чередовалась со ступеньками, — но под деревьями царила полная темнота, поэтому я пошла по дороге.

Было очень тихо и безветренно. Внизу, в глубине долины, там, где протекала река, я теперь ясно различала бледное сияние поднимающегося тумана. В лесу снова печально прокричала сова. В воздухе стоял сильный запах мокрой земли и едва распустившихся листьев; запах весны... не мягкий и ароматный, а грубый, резкий — запах, пробивающейся из земли новой жизни. «Жестокий месяц, изгоняющий фиалки из мертвого объятия земли...» Да, именно так. В который раз я почувствовала благодарность к отцу, научившему меня считать поэзию частью собственной жизни. «Наилучшие слова в наилучшем порядке...» Как приятно в чужих словах узнать собственные мысли. Да, отец был совершенно прав. Поэзия избавляет нас от необходимости самому формулировать свои впечатления...

Что-то зашуршало в опавших прошлогодних листьях — и стихи выскочили у меня из головы. Я вдруг вспомнила, что во Франции еще водятся медведи. И вепри. И наверное, волки. И без сомнения, вампиры и оборотни... Стараясь насмешками над собой прогнать внезапный страх, я наконец вышла невредимой к реке, где был мостик, ведущий к шоссе.

Это было изящное каменное сооружение восемнадцатого века с резной балюстрадой, легкой аркой вздымающееся над берегами реки. Здесь туман был гуще, но клочки его скопились у самой воды. Там, где я стояла, он доходил до половины человеческого роста, но справа за парашютом опускался, словно откос, покрытый снегом, и стелился над самой поверхностью воды, кое-где пробитый высокими стеблями камыша и ветками плавника.

Воды не было видно. Но я слышала, как она течет в темной глубине; ее журчание было как бы звуковым фоном весенней ночи. Здесь даже хриплые совиные крики звучали не так печально и гулко, проходя сквозь преграду густых зарослей.

Я неподвижно стояла на самой середине моста, глубоко засунув руки в карманы пальто, и смотрела вверх на крутой, заросший лесом склон на противоположной стороне шоссе. Я знала, что там, на скалистых вершинах, стоят ряды сосен, среди которых поднимаются голые утесы, а над ними днем кружат ястребы, издавая крики, напоминающие мяуканье. Сейчас, при рассеянном лунном свете, лес казался плотной завесой мрака, высоким темным облаком, слабо светящимся там, где луч молодой луны касался верхушек сосен. Оттуда исходил смолистый аромат, тяжелый и пряный, казавшийся темным, как сами сосны.

Вверх по долине поднималась машина. Я слышала, как тарахтение мотора становилось громче, затихало и раздавалось снова — извивы дороги и туман искажали и заглушали звуки. Автомобиль прошел Бель-Сюрприз высоко над уровнем тумана, и я увидела полосы света от его фар. Лучи повернули, наклонились вниз и постепенно стали тускнеть, проходя между деревьями либо с одной, либо с другой стороны, то становясь ярче, то скрываясь за клубами тумана. Свет выхватывал из темноты стволы деревьев, которые сразу же вновь откатывались назад в темноту, царящую над ними, словно бревна, исчезающие в черноте водопада, а впереди высвечивались все новые колонны стволов, отступающие во мрак и словно растворявшиеся там...

«Какой-нибудь запоздавший грузовик, направляющийся в Субиру...» Передние фары прочертили свой путь с той стороны моста, потом, подсвеченный красным задним фонарем, за клубился туман...

Я повернулась, чтобы подняться вверх по дороге, и вдруг высоко в горах, в лесу Дьедонне, заметила небольшой огонек. Только минуту назад его еще не было, а теперь он мерцал сквозь густое облако соснового бора, словно маленькая желтая звездочка.

Я остановилась и вновь посмотрела на огонек. Деревья на обочине дороги качали ветвями, совершая мрачный ночной ритуальный танец; еще один грузовик с ревом промчался вверх по долине, а желтый огонек продолжал неподвижно висеть там, наверху в горах,

теплый, уютный. Нет, это не звездочка, а целая планета, и к тому же обитаемая. Может, я гляжу и не на хижину Вильяма Блейка на высоте четырех тысяч футов, но это должен быть чей-то дом. Я улыбнулась, представив себе, как он сидит там со своими пакетами, бинтами и пилюлями (интересно, что за пилюли?) и градусниками.

Второй грузовик промчался за мостом.

«А как же коньяк, он не забыл купить коньяк?»

Я заметила машину, которая бесшумно двигалась позади огромного грузовика, только когда она, сделав резкий поворот, въехала на мост и, словно ракета, помчалась прямо на меня. Машина быстро срезала угол. Яркий луч света, ударив в глаза, ослепил меня и пригвоздил к месту. Я услышала резкий визг тормозов и отскочила на край дороги. Лучи фар заметались, колеса со скрипом проехали по асфальту, оставляя на нем темные полосы. Машина была от меня на расстоянии всего одного ярда, за что-то зацепилось платье, послышался треск рвущейся ткани. Поскользнувшись на мокром покрытии, я кубарем покатила в неглубокую канаву под самым парапетом; машина проехала мимо на расстоянии не более полутора футов, резко взвизгнули тормоза — и она остановилась.

Мотор замер. Хлопнула дверца. Голос Леона де Вальми произнес:

— Где вы? Что с вами? Я ведь не задел вас? — Быстрые шаги по асфальту. — Где же вы?

Я поднялась на колени в сырой канаве и изо всех сил уцепилась за парапет. Услышав шаги и знакомый голос, я подумала, что от удара машиной сошла с ума. К тому же еще и ослепла. Ничего не различаю вокруг. С трудом поднялась, ноги дрожали. Охваченная паникой, я несколько раз судорожно моргнула...

Ну, во всяком случае, я не ослепла; завеса тумана колыхалась, то поднимаясь, то опускаясь, и дошла мне почти до груди, когда я повернулась, опершись, чтобы не упасть, на парапет.

Оказалось с ума я не сошла, ибо человек, который бежал ко мне, освещенный лунным светом, не был Леоном де Вальми, хотя тридцать лет назад мсье Леон должен был выглядеть точно так же. Как и при встрече с его отцом, сразу бросалась в глаза его необыкновенная красота; но если возраст и физическая беспомощность придавали Леону какую-то роковую утонченность

страдания, вид павшего ангела, которым он воспользовался при нашей первой встрече, чтобы посмеяться надо мной, то в Рауле не было ничего страдающе-беспомощного или утонченного. Он выглядел лишь крепким, надменным, а сейчас еще и сильно рассерженным молодым человеком. Не время судить, обладает ли Рауль таким же шармом, как отец, умеющий буквально излучать обаяние в любой момент, когда считает необходимым, но производил он столь же сильное впечатление — говорю это без всякой иронии. Но и тут можно заметить разницу: Леон предпочитал напускать на себя таинственность — его пламя тайлось под пеплом, если можно так сказать, Рауль же не скрывал своих чувств. А сейчас, когда он был так же сбит с толку, как и я, им владело одно сильное чувство — он был в ярости.

Я села на парапет и стала ждать чего-то. Рауль склонился надо мной, высокий и таинственный в лунном свете.

«Высокий, темноволосый и прекрасный...» В голове у меня звучали эти слова — знакомый до тошноты романтический штамп; я подумала, что возненавижу его с первого взгляда.

— Вы ушиблись? — резко спросил Рауль.

— Нет.

— Я не сбил вас?

— Нет.

— Даже не задел?

Я дрожащими пальцами поправляла пальто.

— Не... нет.

— Вы уверены, что все в порядке?

— Да. Я... да. Благодарю вас.

Немного успокоившись, он резко выдохнул. Потом спросил немного менее резким, но все еще сердитым тоном:

— Тогда, может быть, вы будете настолько любезны, что объясните мне, какого черта вы стояли в туман на самой середине дороги? Еще немного — и попали бы под машину. Вы были чертовски близки к гибели, и, честное слово, сами были бы виноваты.

Я испытала легкий шок. К тому же, я не привыкла служить мишенью для таких крепких выражений. Я перестала разглаживать пальто и, подняв голову, посмотрела прямо в глаза Раулю:

— Эта дорога — частное владение, и я имею полное право стоять посреди нее, сидеть или даже лежать,

если захочу! Я не ожидала, что вы приедете; просто за-была! И во всяком случае, вы не имеете права ехать с такой скоростью, частное владение это или нет!

Наступила пауза. У меня было впечатление, что Рауль как-то удивлен и обескуражен. Потом он мягко сказал:

— Я делал всего пятьдесят и знаю дорогу как свои пять пальцев.

— Пятьдесят! — Голос мой прозвучал визгливо, и я возненавидела себя за это. — Что за... ах, конечно, пятьдесят километров.

— Что же еще?

— Все равно, это слишком большая скорость, да еще в такой туман!

— Я прекрасно видел дорогу, а машина садится на поворотах, как насадка на яйца. — Он говорил немного насмешливо, и это рассердило меня еще больше.

— Ваша насадка меня чуть не задавила, — резко сказала я.

— Знаю. Но я не ожидал, что в это время кто-то будет стоять на мосту...

Он внезапно остановился, насмешка в голосе стала еще более ощутимой:

— Черт возьми, почему я должен стоять здесь на дороге и оправдываться в том, что не переехал вас? Может быть, теперь вы все же окажете мне любезность и объясните, почему, как сами только что сказали, имеете полное право стоять — или лежать? — на середине именно этой дороги, являющейся частным владением? Знаете, это ведь мое... это владение Вальми.

Я была занята тем, что вытирала о носовой платок испачканные в грязи руки.

— Да, — сказала я. — Я здесь живу.

Рауль удивленно поднял голову, и я заметила, что он немного сощурился, разглядывая меня в слабом лунном свете.

— Да, конечно, — сказал он. — Но вы ведь не одна из...

— Служанок? — подсказала я. — До некоторой степени. Я гувернантка Филиппа.

— Но мне сказали, что найдут для него английскую девушку, — медленно произнес Рауль.

Эти слова были словно удар в солнечное сплетение. Только сейчас я поняла, что весь наш разговор шел на французском. Буквально выбитая из колен, я отве-

чала ему, не задумываясь, на том же языке, которым он заговорил со мной.

— Я... я забыла, — сказала я еле слышно.

— Так вы англичанка? — очень удивленно спросил он.

Я кинула:

— Линда Мартин из Лондона. Я здесь уже три недели.

— Тогда разрешите поздравить вас с успехами в изучении французского языка, мисс Мартин. — Голос его звучал немного сухо.

После второго шока я окончательно потеряла самообладание. Неприязнь, которая послышалась мне в голосе Рауля, так напоминала мне Леона де Вальми, что неожиданно для себя я сказала жалобным тоном:

— Вы прекрасно понимаете, что я научилась говорить по-французски не за эти три недели, мсье де Вальми, поэтому не стоит оскорблять меня после того, как чуть не убили.

Это было явной несправедливостью, и я ожидала, что он ответит мне так, как я того заслуживала. Но он лишь сказал:

— Простите. Как вы думаете: вы можете идти? Мне не следовало задерживать вас разговорами. Вы, наверное, все-таки здорово ушиблись. Сядьте в машину, я отвезу вас домой.

Как и отец, он умел обезоружить... Я помимо воли послушно соскользнула с парапета и встала на ноги; он поддержал меня, взяв за локти.

— Все в порядке, — сказала я.

Но, попытавшись сделать шаг к машине, я почувствовала, что колени все еще дрожат, и была очень благодарна Раулю за помощь.

— Вы хромаете. Наверное, вам больно ходить, — быстро сказал Рауль.

— Вы тут ни при чем, — успокоила я его. — Я соскользнула и упала, когда хотела отбежать в сторону. Наверное, ободрала коленку, и только, уверяю вас. Честное слово, это все.

— Ну вот что, думаю, чем скорее я отвезу вас в замок и дам что-нибудь выпить, тем лучше. Боюсь, вам придется войти со стороны водителя. Другую дверь сейчас нам не открыть.

Да, он был прав. Длинная машина, пытаясь обогнуть меня, скользнула по мокрому асфальту и съехала на

самую обочину дороги за мостом. Дорога в этом месте переходила в залитый жидкой грязью травянистый склон, к счастью не очень крутой, но все же машина довольно сильно накренилась.

Я с виноватым видом посмотрела на машину, потом перевела глаза на бесстрастное лицо Рауля де Вальми:

— А машина... машина ведь не повреждена?

— Не думаю. Подождете на дороге, пока я ее поставлю как следует, или сядете в машину?

— Если вам все равно, мне кажется, я лучше сяду.

— Конечно. — Он открыл ближайшую дверцу, и я протиснулась внутрь, правда с трудом, потому что колесо почти не сгибалось, и уселась рядом с водителем. Наклонившись над панелью управления, он нажал на что-то внизу, в темноте. Раздался щелчок, и передние фары зажглись, осветив простирающийся перед нами склон и первый поворот зигзага дороги — зубчатую белую стену камней и деревьев, не дальше, чем за шесть футов от переднего бампера.

— Одну минуту. — Рауль даже не взглянул вперед. Захлопнув дверцу, он обошел машину сзади.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть возвышавшийся перед глазами каменистый склон и откинулась на мягкую спинку сиденья, стараясь успокоиться. Машина была большая и роскошная, сидеть было удобно, несмотря на то что она сильно наклонилась. Слабо пахло сигаретами и дорогой кожей. Я снова открыла глаза. В отраженном свете белесых скал черным лаком блестел длинный капот автомобиля. Сколько же под ним лошадиных сил! Я вспомнила, как описывала эту машину миссис Седдон: «Длинная, как океанский лайнер, с гудком, как трубы Судного дня». Интересно, какой счастливый номер выпал Раулю де Вальми...

Я прижалась к спинке шикарного сиденья. Дрожь почти прошла. Вдруг ни с того ни с сего я вспомнила слова, которые когда-то слышала в приюте Констанс Батчер — поговорку из фольклора горничных, показавшуюся мне очень смешной. Теперь она предстала передо мной в новом свете: «Если тебя когда-нибудь переедет машина, постарайся, чтобы это был «роллс-ройс»...»

«Да, — подумала я, — в этом что-то есть... а не найдется «роллс-ройса», можно согласиться и на «кадиллак», особенно если за рулем такой прекрасный водитель, как Рауль де Вальми». Сейчас, когда первый шок

почти прошел, я поняла, что могла серьезно пострадать из-за собственной глупости. И только по счастливой случайности дорогой «кадиллак» Рауля де Вальми не разбился о паранет.

Рауль все еще находился позади машины. Я оглянулась, всмотрелась в темноту, где клубился туман, и увидела, что он склонился над задним крылом, освещая фонариком металлическую поверхность. Я закусила губы, но не успела сказать ни слова — Рауль выпрямился, выключил фонарик и, быстро обойдя машину, подошел к дверце.

Он скользнул на сиденье рядом со мной и искоса посмотрел на меня:

— Все в порядке? — Я кивнула. — Скоро привезем вас домой. Держитесь крепче.

Он нажал на стартер, и мотор ожил. Рауль медленно двинул огромную машину вперед и влево; она тронулась с места, дернулась, постояла, будто в нерешительности, и мягко выехала на дорогу. Задние колеса на мгновение словно повисли в воздухе, потом последовали за передними; машина покатила по ровной поверхности и остановилась, легонько покачиваясь на великолепных рессорах.

— Вот и все, — сказал Рауль де Вальми, улыбнувшись мне.

Когда его рука двинулась к ручному тормозу, я сказала тоненьким голосом:

— Мсье де Вальми...

— Да? — Рука замерла.

— Прежде чем вы отвезете меня, я хотела бы извиниться. Мне... мне очень жаль, честное слово.

— Извиниться? За что? Дорогая мадемуазель...

— Нет, пожалуйста, вы слишком добры. Я знаю, что виновата, и, когда вы так подчеркнуто любезны, чувствую себя каким-то червяком. — Я услышала, как он рассмеялся, но упрямо и не очень логично продолжала: — Мне нечего было делать на дороге, а вы спасли мне жизнь и были так любезны со мной, хотя я вам нагрубила; девяносто девять из ста на вашем месте послали бы меня дальше Мадагаскара, а вы... поэтому я чувствую себя полным ничтожеством. Ползучим червяком. И еще... — Вдохнув побольше воздуха, я, как последняя идиотка, выпалила: — Если вы повредили вашу машину, можете вычестить из моего жалованья...

Он все еще смеялся:

— Спасибо. Но видите ли, машина в полном порядке.

— Это правда? — подозрительно спросила я.

— Да, ни одной царапины. Мне показалось, что-то треснуло, когда машина ударилась с парпет, но это просто ветка попала под колесо. Ни одной царапины. Поэтому, пожалуйста, не извиняйтесь, мисс Мартин. Если кому-то здесь нужно извиняться, так это мне. Кажется, я на вас накричал. Прошу прощения.

— Ничего, — неловко ответила я. — Думаю, мы оба были слишком взволнованы. Я сама не знала, где нахожусь и что говорю.

Рауль ничего не сказал. Казалось, он ждал чего-то и даже не пытался завести машину. Я искоса взглянула на него и увидела, что он не отрывает от меня взгляда, в котором больше не читалось насмешливое удивление. Это был странно завораживающий взгляд, и, хотя Рауль обращался со мной гораздо любезнее, чем я заслуживала, я крепко зажала руки в коленях, пытаюсь скрыть дрожь и набраться храбрости, чтобы сказать то, что хотела.

Наконец я решилась:

— Я так растерялась, что, боюсь, выдала себя.

— Когда заговорили со мной по-французски. — Это был не вопрос, а констатация факта.

— Да.

Его рука погнулась к ключу, и мотор заглох. Он выключил передние фары — машина теперь стояла в небольшом островке света задних ламп. Рауль обернулся ко мне: одно его плечо упиралось в дверцу. Я не видела его лица, но голос был бесстрастным.

— Это интересно, — сказал он. — Значит, я был прав?

— Что они не знали о том, что я наполовину французенка, когда нанимали? Да.

— Вы знаете, ведь это не я нанимал вас, — сказал он. — Вы не должны ничего мне объяснять. Но просто из чистого любопытства хотелось бы узнать: вы нарочно обманули моего отца и мадам де Вальми?

— Я... боюсь, что да.

— Зачем?

— Потому что мне очень хотелось получить эту работу.

— Но я не понимаю почему...

Я крепко сжала руки и медленно произнесла:

— Мне нужна была работа. Постараюсь объяснить вам почему, хотя думаю, вы не поймете... — Он хотел что-то сказать, но я продолжала, быстро и не очень связно: — Я наполовину француженка и выросла в Париже. Когда мне было четырнадцать, отец и мать погибли в авиакатастрофе. Отец писал сценарий фильма, который должен был сниматься в Венеции, и мама поехала с ним, чтобы отдохнуть. Подробности... подробности не имеют никакого значения, но в конце концов я оказалась в лондонском приюте... Не знаю, вы были когда-нибудь в приюте?

— Нет.

— Ну ладно, эти подробности тоже не имеют значения. Ко мне были очень добры. Но я хотела... хотела жить, найти какое-нибудь место в мире, которое могла бы назвать своим, и мне это никак не удавалось. Я не смогла получить хорошего образования — война и все такое, — поэтому не могла надеяться на что-нибудь действительно хорошее, но все-таки нашла работу в небольшой частной школе. Но и там... там не была счастлива. Когда одна из наших попечительниц сказала мне, что мадам де Вальми ищет английскую гувернантку, это было для меня как небесный дар. Хотя у меня нет специального образования, но я умею обращаться с детьми. Зная, что смогу научить Филиппа хорошо говорить по-английски, я подумала, как чудесно было бы вернуться во Францию и жить в настоящем доме.

— И вы приехали в Вальми, — очень сухо произнес Рауль.

— Да. Это все.

Наступило молчание.

— Думаю, что понимаю вас, — наконец сказал он. — Но, вы знаете, не стоило так подробно все объяснять. Я не имею права вас допрашивать.

— Я посчитала себя обязанной. И вы ведь спросили, почему мне так захотелось получить это место, — неловко ответила я.

— Нет. Вы меня не поняли. Я спросил, почему вы обманули отца и мадам де Вальми, сказав, что не говорите по-французски.

— Но я же вам... — довольно глупо начала я.

— Надо было спросить по-другому: почему вы должны были это сделать? Мне совершенно безразлично,

почему вы их обманули. — Он слегка улыбнулся. — Просто интересно, для чего это было нужно. Хотите сказать, что скрыли тот факт, что вы наполовину французенка, потому что иначе не получили бы эту работу?

— Я... да, мне так показалось.

Снова короткое молчание.

— Ну и ну...

— Об этом не говорилось прямо, — быстро объяснила я, — и вообще было сказано очень немного. Но... честное слово, у меня сложилось впечатление, что для мадам это было очень важно. Когда мы обо всем договорились, было бы нелепо вдруг ни с того ни с сего заявить, что знаю французский, — ведь я ей сразу этого не сказала. Она могла бы подумать, что у меня с головой не все в порядке и потом даже не посмотрела бы на меня. Она очень подчеркивала, что я не должна произносить ни слова по-французски, когда говорю с Филиппом; понимаете, с ним я должна беседовать только по-английски. По-моему, это совершенно неважно, потому что я бы все равно постаралась говорить с мальчиком только по-английски, но... видите ли, она так настаивала на этом, что я... я ничего ей не сказала. Знаю, что вела себя глупо... конечно, глупо, но так уж получилось, — смущенно прибавила я.

— И вы хотите мне сказать, — так же сухо заметил он, — что они все еще не знают.

— Да.

— Понятно. — Я облегченно вздохнула. Голос его снова звучал удивленно и немного насмешливо. — А вам не кажется, что такой обман — простите за столь грубое слово — может иметь свои неудобства для обеих сторон?

— Вы имеете в виду, что я могу услышать то, что мне не полагается слышать? Нет: у мсье и мадам де Вальми слишком хорошие манеры. — Рауль откровенно расхохотался, а я смущенно произнесла: — Я хочу сказать, что, когда встречаюсь с ними в отсутствие Филиппа, они всегда говорят только по-английски, а когда привожу мальчика к ним, речь идет о его уроках, о чем я и так знаю, да и не слушаю.

— Ну, значит, можно не беспокоиться, — сказал он. — Я вижу, что в обоих случаях это не имеет никакого значения. — Отвернувшись от меня, Рауль завел машину. Передние фары вспыхнули. Я увидела, что он улыбается. — И я, конечно, не собирался оскорблять

вас после того, как едва не сшиб, да еще устраивать допрос! Простите, это все не мое дело.

— Мсье, — быстро сказала я тем же тонким голоском.

— Да?

— Хочу спросить вас, вы не... то есть... — я смутилась и замолчала.

— Вы хотите спросить, не выдам ли я вас? — Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Да, пожалуйста, — сказала я, чувствуя себя еще более ничтожной.

Он промолчал.

— Ну ладно, — медленно произнес он наконец, — не выдам. А теперь надо ехать...

Машина рванулась с места и преодолела первый подъем с головокружительной скоростью.

Он вел машину молча, и у меня было время подумать о том, что шок приводит к странным эффектам. Какого черта я бормотала перед Раулем де Вальми, без сомнения опытным и циничным, все эти наивные глупости, болтала о своих ничтожных делах, о папочке и мамочке... «В приюте были ко мне очень добры...» Какое ему дело до всего этого? Полная идиотка — только так он и может обо мне подумать. «И будет прав», — решила я, вспомнив тоску, которая одолела меня незадолго перед столкновением. Я закусила губы. Какая разница? Он, наверное, даже не слушал, думая о гораздо более важных вещах, чем гувернантка Филиппа. Бельвинь, например, или какое-нибудь другое дело, которое привело его в замок Вальми, несмотря на то что его ждет обычный «любезный» прием со стороны отца.

Я с облегчением подумала, что Флоримон еще не уехал, но потом осознала, что Рауль де Вальми не нуждался в защите; он ведь не Филипп!

— Сегодня приехал мсье Флоримон, — сказала я.

— Да? И долго он пробудет здесь?

— Думаю, он приехал только к обеду, но, если туман сохранится, наверное, останется.

— А! — сказал Рауль. — В этом они тоже будут обвинять туман. И скверный ветер, как они его называют.

Я все еще не могла понять, что он хочет сказать, когда «кадиллак», мягко шурша по гравию, преодолел последний подъем и остановился у подножия лестницы.

Когда мы вошли, по холлу проходил Седдон. Увидев Рауля, он повернулся и поспешил к нему навстречу, потом заметил меня, и беспокойство пробежало по его обычно бесстрастному лицу.

— Мистер Рауль! Мисс Мартин! Что-нибудь случилось?

— Я чуть не сбил мисс Мартин на мосту Вальми. Мне кажется, ей надо принести немного бренди и послать кого-нибудь наверх...

— Нет, нет, пожалуйста, — быстро вмешалась я. — Мне не нужно никакого бренди. Все в порядке, Седдон. Мистер Рауль даже не задел меня; я поскользнулась и упала, когда пыталась убраться с дороги. Это моя вина. Пойду приму ванну, а потом выпью чаю у себя.

Седдон стоял в нерешительности, глядя на Рауля, но я твердо сказала:

— Все в порядке, честное слово. Мне ничего не нужно.

— Ну, мисс, если вы уверены... — Он снова посмотрел на Рауля. — Я прикажу занести ваши вещи наверх, сэр. В вашу комнату.

— Спасибо. Как дела, Седдон? А миссис Седдон? Астма полегче?

— Да, благодарю вас, сэр, у нас все хорошо.

— Прекрасно. Я поднимусь наверх через минуту. Где все? В маленьком салоне?

— Да, сэр. Мсье Флоримон тоже там, сэр, он останется на ночь. Сообщить мадам о том, что вы приехали?

— Пожалуйста. Скажите им, что я приду через несколько минут.

— Очень хорошо, сэр. — И еще раз взглянув на меня, он удалился.

Когда я повернулась, чтобы последовать за ним, Рауль сказал:

— Вы порвали платье.

Смутившись, я посмотрела на свой подол. Пальто было не застегнуто, низ юбки порван.

— Ну да, припоминаю. Я почувствовала, что платье за что-то зацепилось. Это пустяки. Зашью.

Рауль нахмурился.

— Вас ударило бампером. Мне действительно очень...

Голос раздался откуда-то сзади. Я вздрогнула и обернулась. Рауль, должно быть, привык к странным появлениям своего отца, потому что просто повернулся и со словами: «Как поживаете, сэр?» — протянул руку. Леон де Вальми обменялся с ним рукопожатиями, не отрывая от меня мрачно сверкающего взгляда:

— В чем дело? Я слышал что-то о бампере, который вас ударил?

— О, ничего не случилось, — быстро сказала я.

— Мы с мисс Мартин встретились довольно неожиданно внизу, на мосту Вальми, — сказал Рауль, улыбаясь.

Глаза Леона де Вальми остановились на порванном подоле моего платья, спустились ниже, на изодранный чулок и грязное пятно на ноге.

— Ты хочешь сказать, что сбил ее?

— О нет, ничего подобного! Я упала и расшибла колено. Мсье Рауль даже не задел меня. Это... — сразу вмешалась я.

— Такая прореха не получится от падения. Платье было порвано. Работа твоей проклятой большой машины, Рауль?

Тон, которым Леон де Вальми произнес эти слова, был резким, словно удар хлыста. На минуту мне показалось, что я снова слышу, как он обращается к Филиппу, сгорбившемуся рядом со стулом с желтым шелковым сиденьем, но Раулю уже исполнилось — сколько? Тридцать? Я почувствовала, что краснею от смущения, глядя на него.

Но это был не Филипп. Рауль лишь абсолютно безмятежно произнес:

— Думаю, что да. Я только сейчас это заметил. И как раз собирался извиниться, когда ты вошел. — Он повернулся ко мне: — Мисс Мартин, мне ужасно жаль...

— О, пожалуйста, — почти выкрикнула я. — Ничего не случилось. Я сама виновата!

— А что вы делали ночью, в это время, на мосту? — спросил мсье де Вальми.

— Вышла погулять. В лесу было очень сыро, и я вышла на дорогу.

— И что произошло?

Рауль хотел что-то сказать, но я быстро ответила:

— Я остановилась на самой середине моста. Уже хотела повернуть назад, но остановилась на минуту,

чтобы послушать, как журчит вода. Это было очень глупо, потому что поднялся густой туман, и мсье Рауль попал в самую гущу. Я забыла, что он должен приехать.

— Забыла?

Я посмотрела на него с немым удивлением и потом вспомнила, что разговор в салоне шел на французском языке. Но я решительно сказала, надеясь, что меня не выдаст краска на щеках:

— Миссис Седдон сегодня вечером сказала мне, что Рауль сюда приедет.

— А, да. — Трудно было прочесть выражение его темных глаз под густыми черными бровями. Он посмотрел на Рауля: — А потом?

— Поэтому мистер Рауль, конечно, не заметил меня — никак не мог заметить, пока не подъехал совсем близко, так что чуть было не наехал, — быстро продолжала я. — Сама виновата; мне очень повезло, что я отделалась только ушибами и порванным платьем. Если машина действительно задела меня, то только самый край платья, честное слово! А ушиблась, когда поскользнулась в грязи и упала.

Леон де Вальми все еще хмурился.

— Это очень опасное место... как известно всем нам... — Тон снова стал очень резким. — Рауль, если едешь по этой дороге в такую ночь...

— Я уже сказал мисс Мартин, что мне ужасно жаль... — мягко ответил Рауль.

Я вспыхнула. Имея полное право допрашивать меня, зачем он выставлял передо мной дураком собственного сына? К тому же сегодня я видела слишком много его выходок и горячо сказала:

— Я объяснила мсье Раулю, что виновата во всем только сама. Пожалуйста, оставим эту тему. Несправедливо его в чем-либо упрекать. Если бы ваш сын не был таким блестящим водителем, я была бы мертва!

Я замолчала, снова заметив легкое насмешливое удивление в глазах Рауля, а в лице его отца что-то весьма напоминающее с трудом сдерживаемый гнев. Леон де Вальми сказал спокойно, тоном педантичного отца, упрекающего сына за небрежность:

— Блестящему водителю не стоило бы так полагаться на свое искусство, проезжая столь опасный поворот.

— Этот поворот был замощен прошлым летом... кстати, на доход, полученный с Бельвиня, помнишь? — очень любезно ответил Рауль, улыбнувшись отцу. — И ты уверен, что можешь судить о том, как я вожу машину? Забываешь, что и дороги, и автомобили значительно изменились с тех пор, как ты был способен водить.

Наступило напряженное молчание, и я увидела, как углубились морщины вокруг губ Леона де Вальми, а его бледные руки судорожно ухватились за поручни кресла. Он ничего не сказал. Рауль лениво улыбался, глядя на него сверху вниз. Да, это не Филипп! Не удивительно, что ему было смешно, когда я, как дикая кошка, бросилась защищать его. Чувствуя что-то вроде злорадного удовлетворения, я подумала: «Это вам за Филиппа, мсье Князь Тьмы!»

Повернувшись ко мне, Рауль самым естественным тоном спросил:

— Вы уверены, что не стоит просить послать что-нибудь крепкое в вашу комнату, мисс Мартин?

— Абсолютно уверена. — Я нерешительно посмотрела на сына, потом на его отца. — Спокойной ночи, мсье де Вальми. Спокойной ночи, мсье Рауль.

И поднялась к себе, оставив их вдвоем.

КАРЕТА ПЯТАЯ

ГЛАВА VIII

Как Люцифер, владыка зла, ты проклят.
Нет мерзостнее грешника в аду.
Чем будешь ты, раз ты убийца принца.

Шекспир. Король Иоанн¹

а следующий день туман полностью рассеялся и деревья, покрытые нежной весенней зеленью, легонько качали ветвями. С тех пор как теплые мартовские ветры превратили почки в маленькие клейкие листики, нашим любимым местом прогулки стала тропинка, ведущая через лес к северу, вниз в долину, и на этот раз мы с Филиппом снова отправились той же дорогой. Мы пошли по тропинке, перерезавшей зигзаг шоссе. Несмотря на крутизну, идти было не очень трудно, потому что поперек нее лежали упавшие стволы — прочная опора для ног, а лесенки, устроенные в самых крутых местах, были недавно починены, и их широкие ступени очищены от скользкого мха. Кое-где тропинка пересекала маленькие ручейки, иногда не больше шага шириной, и перебраться через них можно было по камню, лежащему в весело журчащей воде; но в некоторых местах течение прорезало в камнях глубокое русло с маленькими водопадами и через ручей были проложены прочные деревянные мостки — две сколоченные доски с перилами, сделанными из необструганных сосновых жердей.

На таких мостках любил стоять Филипп, глядя сверху на папоротник и водоросли, колышущиеся в воде, и считая рыбок, которые, как ему казалось, стараются выпрыгнуть из быстрого потока, поднимая тучи брызг. В то утро мы вместе, оба очень довольные, склонились

¹ Пер. Н. Рыковой.

над водой, стоя на одном из таких мостков, проложенных через самый большой ручей, над которым прямые лучи солнца, словно длинные пальцы, касались зеленых папоротников и зажигали радугу в водяных брызгах.

— Три, — сказал Филипп с видом победителя. — Вот, вы его видели? За камнем, там, где самые сильные волны.

Я вгляделась в водоворот, бушевавший под нами.

— Ничего не вижу. И не «его», Филипп.

— Он там был, честное слово, был. Я видел его...

— Да, я уверена, что действительно видел, но рыба — «она», значит, нужно говорить «ее».

— По-французски форель тоже «она», — твердо сказал Филипп. Он очень гордился, что говорит по-английски лучше, чем я по-французски.

— Конечно, — согласилась я. — И по-английски. Ой, посмотри, Филипп, еще одна. Я видела! Она действительно выскочила из воды!

— Четыре. — Филипп понимал, когда надо праздновать победу, а когда смолчать. — Четыре с половиной, потому что я не знаю, была это форель или просто тень. — Он крепко ухватился за перила и нагнулся над водой.

— Пошли, — сказала я. — Если увидим ее на обратном пути в том же месте, значит, это просто тень. Пошли вниз, в большой лес.

Он послушно повернулся, и мы пошли по широкой ровной дороге, которая вела вниз по склону туда, где деревья росли гуще.

— Ладно. Пойдем искать волков?

— Волков?

— Мадемуазель, у вас такой испуганный голос. Вы правда думаете, что здесь есть волки? — Филипп, трусивший передо мной, со смехом обернулся.

— Ну, я...

Он расхохотался и подпрыгнул, подняв кучу прошлогодних полусгнивших листьев.

— Думаете, думаете!

— Ну и что, — сказала я. — Раньше я никогда не жила в таких местах. Мне кажется, Вальми прямо кишит волками.

— У нас есть медведи, — сказал Филипп тоном человека, ожидающего поздравлений. Он серьезно посмотрел на меня. — Правда, есть. Я не вру. Такие большие,

что трудно даже поверить. — Его руки в красных перчатках очертили в воздухе что-то, по размерам напоминающее гризли-переростка. — Я не видел ни разу медведя, *vous comprenez*¹, но Бернар однажды застрелил одного. Он мне так сказал.

— Надеюсь, сегодня мы не встретимся с медведем.

— Сейчас они спят, — успокоил меня мальчик. — Они не опасны, если только их не потревожить во время спячки в берлоге.

Словно желая подтвердить свои слова и испытать судьбу, мальчик вскочил на большую кучу сухих прошлогодних листьев, так что они взмыли в воздух яркими золотыми пятнами. К счастью, в логове не было медведя.

— Они спят очень крепко, — объяснил Филипп, явно решивший оправдать свою неудачу, — с орехами за щекой, как белки или рубундуки.

— Бурундуки.

— Бурундуки. Может быть, вы не хотите искать медведей?

— Мне бы не хотелось, если ты не имеешь ничего против, — сказала я извиняющимся тоном.

— Ну, тогда не будем, — великодушно согласился мальчик. — Но в лесу можно увидеть много других вещей, так я думаю. Папа мне о них рассказывал. Там есть дикие козы, и сурки, и лисицы, о, много всего! Как вы думаете, когда я буду иметь десять лет...

— Когда мне исполнится десять.

— Когда мне исполнится десять, мне позволят взять ружье, ходить на охоту и стрелять, как вы думаете, мамеуазель?

— В десять лет вряд ли, Филипп, но, конечно, позволят, когда ты станешь немного старше.

— В десять лет я буду старше.

— Конечно, старше, но все же будешь еще недостаточно большой. Ты не дорастешь еще до такой степени... я хотела сказать, не будешь достаточно велик, чтобы носить ружье, подходящее для охоты на медведя.

— Тогда я буду охотиться на белок и бундуруков.

— Бурундуков.

— Рубундуков. Мне позволят взять маленькое ружье, чтобы стрелять в рубундуков, когда мне исполнится десять?

¹ Понимаете. (Фр.)

— Может быть, хотя я очень сомневаюсь. Во всяком случае, это то, что называют ложными амбициями.

— *Plait-il?*¹ — Мальчик подпрыгивал передо мной, со смехом глядя на меня через плечо; его лицо светилось бледным румянцем под красной вязаной шапочкой. Передразнивая меня, он сказал с капризной гримасой: — Пожалуйста, по-английски.

Я засмеялась:

— По-моему, просто стыдно стрелять в белок и бундуков, этих очаровательных зверушек.

— Очаровательные? Ну нет. Они грызут молодые деревья, доставляют много хлопот и из-за них большие убытки. Это говорят лесники. Их надо стрелять.

— Очень по-французски, — сухо сказала я.

— Я француз, — напевал Филипп, весело прыгая передо мной. — И это мой лес, — щебетал он. — Все деревья вокруг — мои. Когда я вырасту и у меня будет ружье, каждый день буду ходить на охоту и стрелять белок и бундуков. Посмотрите — вот сидит белка. Сейчас мы ее подстрелим. Ба-бах! — Он наводил ялец на воображаемых белок и «убивал» их, сопровождая все это необычайно шумной песней, слова и мелодию которой сочинил только что. Она звучала примерно так:

Бах, бах, бах,

Бах, бах, бах.

Попалась, попалась,

Бах, бах, ба-бах!

— Смотри себе под ноги, дурачок, — сказала я, — а то сам бабахнешься.

И тут почти одновременно произошли три вещи.

Филипп, который, подпрыгивая, бежал впереди, обернув ко мне смеющееся лицо, споткнулся о корень и упал. Раздался резкий звук, словно кого-то хлопнули ладонью по спине; щелчок — и что-то ударилось о дерево совсем рядом с головой мальчика. А через секунду, разорвав торжественную тишину леса, донесся звук выстрела.

Не знаю, сколько времени понадобилось мне для того, чтобы осознать, что произошло. Звук выстрела, который невозможно спутать ни с чем другим, и распластанное тело ребенка на дорожке... На секунду мне показалось, что у меня остановилось сердце; словно судорога боли, пронзил ужас. Потом Филипп пошеве-

¹ Что? (Фр.)

лился, и тогда только до меня дошло, что в него стреляли и промахнулись.

Сама того не сознавая, я изо всей силы крикнула, повернувшись в сторону леса, стеной вставшего над нами: «Не стреляй, идиот! Здесь люди!» Подбежав к Филиппу, я наклонилась над ним, чтобы убедиться...

Мальчик, конечно, был невинен; но, когда я подняла глаза и увидела дыру в стволе, чуть выше того места, где он лежал, — стало понятно, что пуля прошла совсем рядом. Глупая песенка, из-за которой он оступился и упал, спасла ему жизнь.

Филипп поднял лицо, сразу потерявшее румянец и веселое выражение. Худенькая щечка была в грязи, глаза испуганно блеснули.

— Это было ружье. Что-то ударилось о дерево. Пуля. — Он говорил, естественно, по-французски. Теперь не время было поправлять его или притворяться, что я не знаю французский. Все равно он слышал, как я кричала по-французски, обращаясь к тому, кто выстрелил в нас.

— Какой-то дурак охотится на лисиц («Разве на лисиц так охотятся?»), — сказала я по-французски, обняв его. — Все в порядке, Филипп, все хорошо. Это глупая ошибка, вот и все. Он услышал, как я крикнула и сам испугался сильнее нас с тобой. — Улыбнувшись мальчику, я поднялась на ноги и помогла ему встать. — По-моему, он принял тебя за волка.

Филипп весь дрожал, но он был больше рассержен, чем испуган.

— Он не имеет права так стрелять. Волки не поют, и, во всяком случае, никто не стреляет по звуку. Чтобы выстрелить, надо подождать, пока не увидишь, куда стреляешь. Он дурак, слабоумный. У него надо отобрать ружье. Я его уволю.

Надо было дать ему излить ярость. Он говорил дрожащим, срывающимся голосом, в котором странно и трогательно смешивались интонации испуганного ребенка и разгневанного графа де Вальми. Вглядываясь в лес, раскинувшийся на склонах, я ждала появления испуганного лесника. Прошло несколько секунд — я поняла, что в лесу, по всей вероятности, никого нет. Тропинка, по которой мы шли, вилась среди деревьев, довольно далеко отстоящих друг от друга. Над нами склон на несколько сот ярдов зарос грубой травой — это было открытое пространство, где царил яркий солнечный свет,

стояло несколько молодых березок, куманика и жимолость оплетали корни упавших деревьев. На гребне холма виднелся хаос камней и темная стена ухоженного леса. Все было неподвижно. Тот, кто бродит здесь с ружьем, не имел ни малейшего намерения признаться в только что допущенной им безумной неосторожности.

Дрожащим от волнения голосом я сказала:

— Ты прав. Кто бы это ни был, ему нельзя позволить находиться рядом. Подожди здесь. Раз он сам не выходит, я пойду посмотрю...

— Нет! — Он произнес это почти шепотом, крепко ухватившись за мою руку.

— Ну, Филипп, подожди, с тобой ничего не случится. Сейчас этот человек уже за много миль отсюда и с каждой минутой убегает все дальше. Пусти меня, будь хорошим мальчиком.

— Нет!

Я посмотрела вверх, где среди деревьев никого не было видно, потом вниз, на маленькое худое личико под красной вязаной шапочкой.

— Ладно, — сказала я. — Пошли домой.

Мы быстро возвращались той же дорогой. Я все еще держала за руку Филиппа, крепко уцепившегося за меня.

— Не волнуйся, Филипп, мы скоро все выясним, твой дядя прогонит его, — сказала я. От злости и пережитого волнения дрожали губы. — Это был или неосторожный дурак, который так испугался, что не посмел выйти к нам и признаться, или сумасшедший. Наверное, он считает, что просто пошутил, но твой дядя все выяснит. Увидишь, его уволят.

Мальчик ничего не ответил. Он трусил возле меня, мрачный и молчаливый. Он больше не прыгал и не пел. Я старалась, чтобы мой голос звучал спокойно и уверенно, хотя вся кипела от ярости:

— Как бы то ни было, первым делом мы пойдем прямо к мсье де Вальми.

Его ручонка, зажатая у меня в ладони, дрогнула.

— Нет.

— Но, Филипп, милый... — я замолчала и посмотрела вниз, на запрокинутую красную шапочку. — Ладно, тебе не надо идти, но я должна. Берта подаст тебе чай и посидит с тобой, пока я не вернусь. Я попрошу твою тетю подняться, чтобы не заставлять тебя спускаться к

ней в салон, а потом мы поиграем в фишки до самого вечера. Ну как, идет?

Красная шапочка кивнула в ответ. Некоторое время мы шли молча. Когда подошли к мосту, где Филипп считал форелей, он даже не взглянул на воду, струившуюся далеко внизу.

Ярость вновь вспыхнула во мне:

— Мы добьемся, чтобы этого преступника выгнали, Филипп. Не думай больше о случившемся.

Он снова кивнул, а потом искоса посмотрел на меня со странным выражением.

— Что случилось?

— Вы ведь говорите со мной по-французски, — сказал он. — Я только что заметил.

— Да, — улыбнулась я ему. — Вряд ли можно было ожидать, чтобы ты помнил английский, когда в тебя стреляли, как в бундурука.

На его губах промелькнула слабая улыбка.

— Вы ошиблись. Надо говорить «бурундука», — сказал мальчик и неожиданно заплакал.

* * *

Мадам де Вальми была одна в розарии. Ранние фиалки уже начали распускаться по бокам дорожки, по которой она прогуливалась. На краю террасы расцвели желтые нарциссы. Несколько цветков она держала в руках.

Мадам стояла лицом к нам и увидела нас, как только мы вышли из леса. Она нагнулась, чтобы срезать еще один нарцисс, но замерла, потом медленно выпрямилась — и цветы выскользнули из разжавшихся пальцев. Даже издали — мы были от нее на расстоянии нескольких сотен ярдов — она заметила грязь на пальто Филиппа и его угнетенный вид, что сразу бросилось в глаза.

Она направилась к нам.

— Филипп! Ради Бога, что случилось? Твое пальто! Ты упал? Мисс Мартин. — Ее голос звучал беспокойно и резко. — Мисс Мартин, что, еще один несчастный случай?

Немного запыхавшись от быстрого подъема и от злости, я коротко и почти вызывающе сказала:

— Кто-то стрелял в Филиппа в лесу.

Элоиза стояла, склонившись над мальчиком. Услышав эти безжалостные слова, она вздрогнула, словно ее ударили.

— Да. И не задела только потому, что он споткнулся и упал. Пуля попала в дерево.

Она медленно выпрямилась, не отрывая глаз от его лица:

— Но... это ведь абсурд! Кто мог... вы видели, кто это был?

— Нет. Он должен был понять, что случилось, потому что я ему крикнула, чтобы не стрелял. Но он не вышел к нам.

— А Филипп? — Она перевела испуганные глаза на мальчика. — *Comment ça va, p'tit? On ne t'a fait mal?*¹

Ответом было лишь легкое движение красной вязаной шапочки и дрожь тонких пальцев. Я крепче сжала его руку.

— Он упал, — сказала я, — но с ним ничего не случилось. Филипп вел себя очень храбро.

Я не хотела говорить об этом в присутствии ребенка, но если бы он не споткнулся, то наверняка был бы уже мертв. Однако мадам де Вальми все поняла. Она так побледнела, что, казалось, вот-вот лишится чувств. В ее светлых глазах, устремленных на Филиппа, стоял ужас. «Значит, ей все-таки не безразлично», — подумала я, удивленная и немного растроганная.

— Это... ужасно, — еле слышно произнесла она. — Такая неосторожность... преступная неосторожность... Вы... ничего не видели?

— Ничего, — коротко ответила я. — Но вряд ли так уж трудно узнать, кто это был. Я пошла бы за ним и отыскала, если бы могла оставить Филиппа. Но думаю, мсье де Вальми выяснит, кто был сегодня в лесу. А где мсье де Вальми, вы не знаете, мадам?

— Думаю, в библиотеке. — Одну руку она прижала к сердцу, из другой все еще сыпались нарциссы. Мадам действительно была глубоко потрясена. — Это ужасно... Филипп мог... мог быть...

— Мне кажется, — сказала я, — лучше сейчас не задерживать его здесь. Вы разрешите нам сегодня не спускаться в ваш салон, мадам? Филиппу лучше будет провести этот вечер спокойно и пораньше лечь в постель.

¹ Как дела, малыш? Тебе больно? (Фр.)

— Конечно, конечно. И вы тоже, мисс Мартин... Вам пришлось пережить...

— Да, к тому же я страшно разозлилась. Иногда это помогает. Я пойду к мсье де Вальми как только отведу Филиппа в его комнату.

Она машинально кивала головой, словно не понимая.

— Да. Да, конечно! Мсье де Вальми будет ужасно... обеспокоен, ужасно обеспокоен.

— Надеюсь, — мрачно сказала я. — Это слишком мягко сказано. Пошли, Филипп, найдем Берту. Мадам...

Когда мы уходили, я оглянулась и увидела, что она быстро пошла за угол террасы. Несомненно, чтобы самой рассказать Леону де Вальми. «Ну что же, чем раньше, тем лучше», — подумала я и быстро провела Филиппа наверх, в надежную гавань комнаты для занятий.

Берта была в кладовой и что-то чистила. После краткого объяснения, которое оказало на нее такое же действие, как и на Элоизу, я хотела поручить ей Филиппа, но мальчик уцепился за меня с таким видом, что я решила, что он заплачет, если я уйду, и осталась с ним. Мадам де Вальми, конечно, уже известила своего супруга, который должен бы привести в действие необходимый механизм, дабы обнаружить злоумышленника. Меня в первую очередь беспокоил Филипп.

Я оставалась с ним и рассказывала ему разные истории, чтобы хоть немного развеселить и отвлечь от случившегося до тех пор, пока он, чистенький и свежий после горячей ванны, расположился в надежном убежище, на ковре перед камином в детской, которая по моему настоянию называлась теперь комнатой для занятий. Мальчик не возражал, когда пришла Берта со своей штопкой, чтобы посидеть с ним, пока я схожу к мсье де Вальми.

* * *

Леон де Вальми был один в библиотеке. Раньше мне никогда не приходилось здесь бывать. Она представляла собой помещение с высоким потолком и двумя большими окнами, но в ней было немного душно и темно от книжных шкафов, закрывавших стены от пола до самого верха. Над камином, на темной панели, выделялся ярким пятном портрет мужчины — сначала я приняла

его за Рауля де Вальми, — великолепно выглядевшего в костюме для верховой езды. В одной руке он сжимал хлыст, другой держал за повод серую арабскую лошадь с большими ласковыми глазами.

«Странно, почему портрет Рауля висит в кабинете его отца?» В камине горели толстые поленья, рядом стояло единственное кресло. Книг было несколько десятков тысяч, не меньше. В комнате почти не было мебели — только большой письменный стол у окна. Причина этому стала мне понятна, когда я увидела, как кресло Леона де Вальми заскользило от стола, где он изучал какие-то бумаги, и, плавно повернувшись, остановилось рядом с креслом у камина.

— Подите сюда и сядьте, мисс Мартин!

Я повиновалась. Первый порыв гнева давно прошел, но нервное возбуждение еще не спало, в горле пересохло, и я не знала, с чего начать.

Нет, сегодня в нем не было ничего, что могло внушить подобную робость. Мсье Леон повернулся ко мне; вид у него был приветливый, голос звучал дружелюбно. И тут меня потрясла внезапная догадка: я осознала, что портрет над камином изображал не Рауля, а его отца, самого Леона де Вальми.

Он, должно быть, перехватил мой невольный взгляд, потому что тоже посмотрел на портрет. Минуту он сидел молча, хмуро глядя на картину, потом перевел глаза на меня и улыбнулся:

— Без сомнения, члены рода де Вальми рождаются под несчастливой звездой.

Его улыбка и голос, проникнутые каким-то жалобным сарказмом, напомнили нашу первую встречу. И снова неприятно поразила несколько напыщенная театральность его слов и постоянные назойливые намеки на увечье, которое он в остальных случаях явно пытался игнорировать. Неужели этот человек все в жизни рассматривает только с точки зрения собственного несчастья? Ничего не ответив, я отвела взгляд.

— Слышал, что сегодня вы чудом избежали еще одной трагедии, — произнес он.

Я посмотрела на портрет (еще одна трагедия) и спокойно спросила:

— Мадам де Вальми заходила к вам?

— Она пришла ко мне тотчас же. Она была потрясена и расстроена. Едва не заболела. Боюсь, у нее не очень крепкое сердце. — Он замолчал: темные глаза

внимательно изучали меня. Его лицо выражало теперь лишь беспокойство и сочувствие. — И вы тоже, мисс Мартин... Думаю, вам просто необходимо что-нибудь выпить. Шерри? Ну вот, а теперь послушаем, что вы нам расскажете. — Он потянулся к подставке с графинчиками, стоявшей у его локтя.

— Спасибо. — Я с благодарностью взяла бокал. Я больше не нервничала, но чувствовала себя смертельно усталой и опустошенной. Коротко рассказав ему о происшествии, я спросила: — Вам известно, кто сегодня был в лесу с ружьем?

Он поднял бокал с шерри:

— Откровенно говоря, нет. Арман Лесток сказал мне... — но нет, это не то. Сегодня днем он ходил в Су-биру на лесопилку. Во всяком случае, Арман никогда не допускает неосторожного обращения с оружием.

— Но ведь вы сможете выяснить, правда? Нельзя допускать...

— Сделаю все, что в моих силах. — Быстрый взгляд на меня. — Активность я проявляю главным образом в разговорах по телефону. А когда выясню, кто это был, немедленно уволю его.

Он вертел в своих длинных тонких пальцах бокал, любясь его блеском, следя за тем, как вспыхивает янтарный ликер, отражая огонь, полыхающий в камине. За его спиной мягко блестели коричневые с золотом переплеты книг в шкафах. За окном быстро опускались сумерки; стекла казались тусклыми, серыми прямоугольниками. Скоро должен был прийти Седдон, чтобы опустить гардины и зажечь лампы. Сейчас, озаренная светом горящих поленьев, комната выглядела богато обставленной, красивой и даже уютной, особенно okayмленный книжными полками угол, где находился камин.

— Кто-нибудь уже отправился на поиски? — спросила я.

Он посмотрел на меня.

— Конечно. Но возможно увидев, что он наделал — или чуть не наделал, виновник происшествия немедленно скрылся. Вряд ли ему хотелось, чтобы его застали в лесу с ружьем. — На губах Леона де Вальми мелькнула улыбка. — Вы ведь понимаете, конечно, что тот, кто это сделал, приложит все силы, чтобы скрыть свои следы? В наших местах не так-то легко достать хорошую работу.

— Если он и хотел выйти к нам, то уж, наверное, сбежал, когда услышал мой крик. Я хорошо понимаю, почему он испуган. Может даже встать вопрос о полицейском расследовании.

Темные брови поднялись:

— Полиция? Если бы действительно произошел несчастный случай — тогда понятно. Но сейчас...

— Не думаю, что это была случайность.

— Ради Бога, на что вы намекаете, мисс Мартин? — Кажалось, он сильно удивился. И когда я не ответила ему сразу, сказал: — Что же тогда, мисс Мартин? Что это было? Заранее обдуманное убийство? — В его голосе гнев мешался с недоверием и откровенной насмешкой.

Издевка, но сквозь нее прорвалась с трудом сдерживаемая ярость, которая буквально ударила по мне, словно порыв горячего ветра. Слова прозвучали как пули, просвистевшие в разделявшем нас пространстве. Пораженная таким тоном, я молча смотрела на него.

Я отшатнулась, но Леон де Вальми произнес своим обычным холодным бархатным голосом:

— Мне кажется, вы поддались панике. Легкая истерика, не правда ли? Кому вдруг понадобилось убивать ребенка? У Филиппа нет врагов.

«Врагов нет, — подумала я, — но и друзей тоже. Кроме меня». Выпрямившись, я смело встретила тяжелый взгляд Леона:

— Вы слишком поспешно сделали вывод из моих слов, мсье де Вальми.

Совсем не имела в виду такой глупости. И я вовсе не истеричка.

Линии его рта немного смягчились:

— Приношу свои извинения. Но ваши слова вызвали у меня шок. Продолжайте, объясните, что вы имели в виду.

Я отпила шерри, глядя ему в глаза:

— Просто не могу себе представить, что происшедшее может быть всего лишь случайностью. Мы шли по открытому месту, и он мог нас прекрасно слышать. Думаю, это какая-то глупая шутка, нас только хотели напугать. Вероятно, шутник подошел к нам ближе, чем планировал, и, когда увидел, что случилось, так испугался, что сразу же удрал.

— Понятно. — Он немного помолчал. — Лучше рас-

скажите мне все подробности. Где точно вы находились?

— Мы шли вниз по тропинке, которая пересекает шоссе, к мосту Вальми и были почти на полпути, там, где высокий обрыв и поворот направо в долину.

— Я знаю это место. Там небольшой водопад и ручей, в котором водится форель.

Мое лицо, наверное, выразило невольное удивление, потому что он спокойно сказал:

— Я всю свою жизнь прожил в Вальми, мисс Мартин.

От меня потребовалось почти физическое усилие, чтобы не смотреть на портрет над камином.

— Конечно, — быстро сказала я. — Значит, вы знаете, что тропинка идет вдоль склона горы, вниз в долину. Если пройти примерно полмили, то она становится шире и ровнее, слева склон, который спускается к реке, он густо зарос деревьями, но справа, над тропинкой, деревья стоят далеко друг от друга.

— Знаю. Травянистая поляна, немного березок, а сверху нагромождение камней. Над ними лесные посадки.

Я кивнула:

— Сосны там высотой не меньше двадцати футов и с очень толстыми стволами. Мы шли по тропинке, Филипп пел и бежал передо мной и почти не смотрел себе под ноги.

— Кажется, это пошло ему на пользу, — сухо заметил Леон де Вальми.

— Да. Ну вот, он споткнулся и упал; в тот же момент в дерево, за корень которого он зацепился, попала пуля и я услышала звук выстрела, который раздался откуда-то справа и сверху.

— С гребня холма?

— Мне кажется, да. Там самое лучшее укрытие, а, когда это произошло, между нами и кучей камней, за которой он, наверное, скрывался, были кусты и старые пни.

— Вы ничего не видели?

— Ничего. Я крикнула ему, а потом, конечно, побежала к Филиппу. По-моему, тот, кто выстрелил, должен был тут же прибежать, чтобы посмотреть, не ранен ли кто-нибудь из нас. Но он не спустился. Я бы пошла за ним, но прежде всего должна была отвести Филиппа домой.

Он с любопытством оглядел меня:

— Вы бы подвергли себя такой опасности?

— Конечно. Почему бы нет?

— Вы храбрая девушка, не так ли? — медленно произнес он.

— Почему такая уж храбрая? Мы с вами знаем, что он сделал это не нарочно. Почему я должна бояться какого-нибудь дурака?

Небольшая пауза, потом лицо Леона осветилось его необычной, чарующей улыбкой:

— Молодой девушке есть чего бояться, когда она встречается в лесу с дураком, у которого в руке ружье. Не сердитесь на меня, мадемуазель. Я только хотел сделать вам комплимент.

— Простите. — Я с трудом глотнула и, немного подумав, запоздало сказала: — Благодарю вас.

Он снова улыбнулся:

— Скажите мне, что вы знаете о ружьях.

— Вообще-то ничего.

— Так я и думал. Когда вы говорите о «случайности», мне кажется, вы представляете себе совершенно невероятную случайность. Вы думаете, что этот дурак с ружьем выстрелил более или менее наудачу сквозь деревья по еле различимой цели или даже по звуку?

— Да. И не понимаю, как он мог не знать...

— Именно. Там открытое место, и вы говорите, что Филипп кричал или, как вы выразились, пел.

— Да. Поэтому я подумала, что все это задумано как шутка.

— Какой-нибудь глупый подросток в поисках сильных ощущений? Вряд ли. Нет, объяснение гораздо проще. «Несчастный случай» с ружьем может означать только одно — человек держит ружье не так, как полагается, задевает ногой о корень дерева или о камень (Филипп ведь тоже споткнулся)... и ружье стреляет само собой... Я полагаю, что этот человек видел, как Филипп упал, подумал, что попал в него... и в панике удра.

— Да, конечно. Так оно и было, не сомневаюсь.

— Хорошо. Можете быть уверены, мы все тщательно выясним. Виновный, возможно, сам признается, когда узнает, что ничего плохого не произошло, но лично я думаю, что он никогда не признается. — Длинные тонкие пальцы вертели бокал. Он добродушно произнес (ведь не мог же сарказм придать голосу такую тепло-

ту и сочувствие?): — Бедная девочка, вам пришлось пережить пару тяжелых дней, верно? Моя жена и я очень благодарны вам за заботу о Филиппе. Мне очень жаль, что сегодня это оказалось для вас столь тяжким бременем.

— Это для меня не бремя. Я очень счастлива здесь.

— Правда? Я очень рад. И больше не думайте об этом деле. В конце концов, найдем мы его или нет, подобное вряд ли повторится. Филипп оправился от испуга?

— Думаю, да.

— Не нужно ли вызвать врача или принять какие-нибудь иные меры?

— О нет. Он прекрасно себя чувствует сейчас. Совершенно уверен, что он понимает, что едва... едва не погиб. Когда я уходила, мальчик немного расстроился, но я обещала, что вернусь и мы с ним поиграем, пока не придет время ложиться спать.

— Тогда я вас не задерживаю. Но сначала допейте ваш шерри.

Я осушила бокал, поставила его на стол, потом осторожно сказала:

— Мсье де Вальми, прежде чем уйти, я хочу признаться вам кое в чем.

Его брови поднялись. Несомненно, в душе он смеялся надо мной. Я его только забавляла.

— Нет, я говорю совершенно серьезно. Я... я обманывала вас и мадам де Вальми, и больше не могу... Должна вам признаться... — сказала я.

— Я слушаю. Как же вы нас обманывали? — произнес он утрированно-торжественным тоном. Глаза его все еще насмешливо блестели.

Я сказала по-французски:

— Вот как я обманывала вас, мсье, с тех пор как вошла в этот дом, и думаю, что настало время покончить с этим.

Наступило короткое молчание.

— Понятно, — сказал он. — Не просто хорошо говорить по-французски, но так как говорят французы, мисс Мартин. Ну хорошо, послушаем. Рассказывайте, как было дело.

* * *

О преднамеренном покушении на убийство не могло быть и речи. Я призналась в своем бессмысленном об-

мане, и единственным следствием этого было то, что Леон де Вальми должно смеялся — не только над нелепыми трудностями, которые мне пришлось пережить, но и над предположением, что от незнания французского языка зависело, получу я работу или нет. Чувствуя себя пристыженной, я смеялась вместе с ним, испытывая огромное облегчение, готовая признать собственную глупость. И все же... Где-то глубоко в душе таилось смутное беспокойство и недоверие к нему. Все же...

Все же сейчас Князь Тьмы, пребывающий, по-видимому, в наилучшем настроении, добродушно смеялся, а я, благодарная за временное затишье, смеялась вместе с ним.

Когда немного позже в библиотеку вошел Рауль де Вальми, он стал свидетелем этой умирительной сцены. Я не слышала его шагов и оглянулась, только когда, стоя у двери, он сказал:

— Простите, я не знал, что вы не одни.

— О, ничего, — ответил отец. — Входи же.

Раздался щелчок, и зажегся свет. Рауль, обойдя книжные шкафы, прошел в угол, где мы сидели.

— Я только что вошел... — начал он, но, увидев в моей руке бокал, скомкал фразу.

— Добрый вечер, мадемуазель. — Он посмотрел на меня, потом перевел глаза на отца. — Вы кажется хотели меня видеть, сэр?

Я разжала руку, в которой держала бокал, и быстро встала.

— Я уже собиралась уходить. — Это было произнесено мной по-французски: Рауль удивленно поднял брови, но смолчал. Я на минуту остановилась, неуверенно глядя на своего хозяина. — Может быть, мсье Рауль что-нибудь выяснил? Он выходил, чтобы узнать, кто стрелял?

— Нет, — покачал головой мсье де Вальми, отпуская меня милостивым жестом. — Хорошо, мисс Мартин, благодарю вас за то, что пришли. Спокойной ночи.

— Стрелял? — резко спросил Рауль.

Он обращался ко мне. Не зная, что сказать, я снова неуверенно посмотрела на мсье де Вальми.

— Вы что-то сказали насчет выстрелов? Что я должен выяснить? — снова спросил Рауль.

— О, я подумала, может быть... — неловко сказала я: ведь меня уже фактически отослали. — Значит, вы не знаете, что сегодня случилось?

Пройдя между креслом отца и камином, Рауль протянулся за графинчиком с шерри.

— Нет. А что случилось?

— Какой-то идиот чуть не застрелил в лесу твоего кузена, — холодно произнес Леон де Вальми.

Рауль резко поднял голову, расплескав шерри:

— Что? Филиппа? Кто-то стрелял в Филиппа?

— Именно это я и сказал.

— Он ранен?

— В него не попали.

Рауль выпрямился и прислонился к камину, держа в руке полный бокал. Он внимательно оглядел меня, потом своего отца:

— О чем этот кретин думал?

— Вот это нам очень хотелось бы узнать, — сказал Леон де Вальми. Немного откинув голову, он посмотрел на сына: — Ты выходил из дома, как сам только что сказал. Видел кого-нибудь?

— Нет.

— Какой дорогой ты шел?

— На восток. Я осматривал новые посадки. Поднялся через огороды. На всем пути никого не встретил. Где это произошло?

— На дороге через березовую рощу, севернее моста, в полумиле от него.

— Я знаю это место. — Он посмотрел на меня. — Это... ужасно. С ним действительно ничего не случилось?

— Абсолютно ничего. Он упал, и пуля пролетела мимо.

— А вы? Я понял так, что вы тогда были с ним?

— Я была с ним. Меня никто не тронул.

Рауль стоял, глядя на пустой бокал, зажатый в руке, потом осторожно поставил его на каминную доску:

— Подождите, не уходите, пожалуйста. Присядьте. Вы не можете подробнее рассказать, что случилось?

Я повторила свой рассказ. Он слушал, прислонившись к камину, а его отец откинулся в кресле, глядя на нас, продолжая вертеть в руке пустой бокал. Когда я закончила, Рауль сказал, не поворачивая головы:

— Полагаю, что у вас есть ко мне какое-то дело?

На минуту я подумала, что он обращается ко мне и удивленно подняла голову, но Леон де Вальми ответил: «Есть» — и принялся давать сыну указания; я не слышала подобных распоряжений, когда он говорил по

телефону со своими служащими. Рауль слушал его, наклонив голову и глядя на огонь, а я сидела в кресле и наблюдала за ними, стараясь вникнуть в странные взаимоотношения между отцом и сыном. Сегодня они беседовали очень мирно — словно и не было вчерашней злобной пикировки. Одинаковые голоса, такие похожие и в то же время такие разные лица... Я подняла глаза на беззаботное юное лицо, смотрящее на нас со своего места над камином, — веселая улыбка, рука, небрежно держащая повод арабской лошади. Нет, это не Рауль, ничего похожего. В лице Рауля проскальзывало что-то мрачное, упрямое и загадочное, чего не могло быть у этого смеющегося беззаботного мальчика на портрете. Наблюдая за сыном, беседующим с отцом, я подумала, что мне было бы легче с тем, нарисованным...

Я внезапно очнулась, услышав, как Леон де Вальми говорит:

— Кажется, мы слишком сурово обращаемся с теми, кто у нас служит. Мне бы хотелось уговорить мисс Мартин взять свободный вечер, но она считает своим долгом сидеть в замке и развлекать Филиппа.

— Да, — возразила я, — ведь я обещала ему.

— Что ж, вы можете выйти попозже. — Снова чарующая улыбка. — Не на прогулку, потому что, кажется, в Вальми вас преследуют всевозможные беды, но, быть может, вы решитесь отряхнуть наш роковой прах с ваших ножек, мисс Мартин, и спуститься в Тонон? Сейчас еще не поздно. Кафе, кино...

— Когда мисс Мартин уложит Филиппа, автобусов на Тонон уже не будет, — заметил Рауль.

— Неважно, — быстро вмешалась я, удивленная захлестнувшим меня острым желанием убраться отсюда в этот вечер. Вечер за пределами Вальми: ужин в переполненном кафе, свет, голоса, музыка, оживленная толпа на улице... мне вдруг страстно захотелось туда... по горло сыта мрачной атмосферой, царящей здесь последние дни. Я решительно встала:

— Это очень любезно с вашей стороны, но я обещала Филиппу... Он был очень испуган и расстроен. Нельзя еще больше расстраивать его. Отдохну после ужина.

— Снова одинокое чаепитие, а потом пораньше в постель? — Рауль расправил плечи. — Вы уверены, что не хотите в Тонон?

— Но... это ведь невозможно, правда? — Я стояла, нерешительно улыбаясь.

— В Вальми есть две машины и люди, которые могут водить. — Он посмотрел сверху вниз на Леона. — Я считаю, мы должны отметить спасение мисс Мартин; как вы думаете?

— Совершенно верно. Но боюсь, Жанно пока не вернулся с большой машиной из Женевы, куда ездил по моему поручению, а Лесток на второй машине все еще на лесопилке.

— Ну что ж, — сказал Рауль, — есть еще мой автомобиль. Вы умеете водить?

— Нет. Послушайте, не стоит... Я и не думала...

— Знаете, — произнес Рауль, глядя куда-то в потолок. — Она только и мечтает о том, чтобы вырваться отсюда в этот вечер. Разве не так?

— Была бы на седьмом небе, — наконец сдалась я.

— Тогда возьмите мою машину. — Он посмотрел на отца. — Бернар может отвезти ее?

— Конечно.

— А где он?

— Вышел. Я послал его выследить этого идиота с ружьем, но сейчас уже стемнело, он, наверное, вернулся. Думаю, скоро явится сюда и обо всем нам доложит... Значит, договорились. Прекрасно. Мне остается только пожелать вам, мисс Мартин... чего? Приятного вечера, чтобы вы надолго запомнили этот день.

— Думаю, мне следует поскорее забыть этот день, — сказала я, вспомнив грязное и залитое слезами лицо Филиппа.

Леон де Вальми засмеялся.

Рауль распахнул передо мной дверь:

— Значит, в восемь?

— Да. Благодарю вас.

— Я позабочусь, чтобы Бернар был на месте. Я... я думаю, будем говорить по-французски?

— Только что все ему рассказала, — прошептала я Раулю.

И могла бы добавить, что это признание было напрасным. Князь Тьмы и так обо всем догадался.

* * *

Ровно в восемь лучи фар огромного автомобиля Рауля осветили дорожку перед домом и перила балкона. Филипп уже крепко спал, а Берта со своей штопкой

расположилась у камина в моей гостиной. Легкими шагами и с легким сердцем я устремилась вниз по лестнице, навстречу неожиданной свободе.

«Кадиллак» стоял возле замка, мотор мягко урчал. Водитель, чья высокая фигура была освещена сзади, ждал меня у входа. Я села на переднее сиденье, он хлопнул дверцу, обошел машину спереди и занял место водителя рядом со мной.

— Это вы? — спросила я. — Но ведь мы так не договаривались!

Автомобиль плавно покатился вперед, повернул и нырнул вниз — первый поворот зигзага. Рауль де Вальми засмеялся.

— Будем говорить по-французски? — спросил он. — Растолкуйте-ка, почему я лучше всего объясняюсь с девушками именно на этом языке?

— Я просто хотела сказать, что не понимаю, к чему вам играть роль шофера. Не смогли найти Бернара?

— Я нашел его, но не стал просить. Что-нибудь имеете против?

— Конечно нет. Это очень любезно с вашей стороны.

— Я только следую собственным наклонностям. Предупреждаю вас, — нарочито легкомысленным тоном добавил он, — что всегда следую только собственным наклонностям. Это мой модус вивенди.

— К чему предупреждения? У вас такие опасные наклонности?

— Иногда. — Я ждала, что он улыбнется, но Рауль произнес это совершенно серьезно. Казалось, его хорошее настроение испарилось: некоторое время он вел машину молча, с бесстрастным, даже хмурым выражением лица. Я робко замерла рядом с ним, положив руки на колени и наблюдая, как фары выхватывают из темноты все новые повороты дороги.

Машина преодолела последний отрезок зигзагообразного спуска, проехала мост, осторожно свернула с него и помчалась по шоссе вдоль долины, набирая скорость.

— Мне очень жаль, что вы так плохо провели последние два дня, — наконец сказал он холодным, почти официальным тоном.

— Два?

— Я имел в виду вчерашний эпизод на мосту.

— А, вот что! — засмеялась я. — Знаете, я почти за-
была...

— Рад слышать. Но это, вероятно, потому, что сего-
дняшнее происшествие заставило вас забыть обо всем,
что было раньше. Вы больше не выглядите испуган-
ной. — Он искоса посмотрел на меня и внезапно спро-
сил: — Очень испугались?

— Сегодня? Д-да. Да, испугалась. Не потому, что
меня могли убить или что-нибудь в этом роде: все слу-
чилось так быстро, что я не сразу поняла, в чем дело.
Просто... просто испугалась. — Я крепче сжала пальцы,
сплетенные на коленях, вспоминая тот миг, когда мне
показалось, что сердце перестало биться; как лучше
объяснить Раулю мои чувства тогда? — Наверное,
страшнее всего было, когда я услышала выстрел и уви-
дела, что Филипп неподвижно лежит на дорожке... ко-
гда еще не осознала, что с ним ничего не случилось.
Казалось, прошла целая вечность. После выстрела — ти-
шина, все вокруг выглядит как-то неестественно, толь-
ко верхушки сосен качаются и шуршат, как шины по
асфальту, когда выключаешь мотор.

Мы проезжали поворот, ведущий в Бель-Сюрприз.
Мимо мчались деревья, на мгновение окутываясь летя-
щим золотым светом фар, а затем превращаясь в серые
туманные силуэты, которые таяли позади.

— Вы когда-нибудь думали, — сказала я, — если с
вами случалось что-нибудь ужасное: «Только что все
было хорошо, и вдруг мир изменился; сейчас все ужасно.
Пусть исчезнет „сейчас“, пусть возвратится то, что бы-
ло раньше: все что угодно, только не „сейчас!“» И изо
всех сил стараетесь восстановить это «раньше», хотя
понимаете, что это невозможно. Поэтому вам хочется
задержать время, чтобы больше уж ничего не случи-
лось. Со мной было именно так.

— Понимаю. Но ведь в конце концов ничего и не
случилось.

— Да. — Я тяжело вздохнула. — „Сейчас“ так и не
наступило. Никогда не забуду минуту, когда Филипп
шевелинулся.

— А потом? — Еще один быстрый взгляд.

— А потом я разозлилась. Так сильно, что могла бы
в ту минуту кого-нибудь убить.

— Да, так бывает, — согласился он.

— Бывает, что страх приводит к убийству? Знаю.
Но это еще не все. Если бы вы видели Филиппа... —

Лицо мальчика встало перед глазами. Слишком разыгралась фантазия? Такое чувство, словно я обязана объяснить ему... — Филипп... он такой спокойный ребенок. Такой молчаливый. Это никуда не годится. Мальчики не должны быть такими. Сегодня он был немножко другим — валял дурака, как обычный ребенок, пел всякие глупые песенки и прыгал по тропинке; я была так довольна, что он развеселился, что даже не сделала ему замечание. И вдруг... совершенно неожиданно... это зверство. Лицо у него было вымазано в грязи, он даже не захотел остановиться посмотреть на форель, а потом он... он заплакал. — Я замолчала. Закусив губы, отвернулась от Рауля и стала смотреть на дорогу.

— Не говорите больше об этом, если не хочется.

— Это... задело меня за живое. Но сейчас, когда я вам все рассказала, чувствую себя лучше. — Мне удалось улыбнуться. — Давайте забудем о том, что случилось, хорошо?

— Для этого мы с вами и едем в город. — Он как-то неожиданно улыбнулся и вдруг произнес совершенно другим, веселым тоном! — Вы почувствуете себя еще лучше после кафе. У вас есть паспорт?

— Что?

— Паспорт. Я хочу сказать, он у вас с собой?

— Да. Вот... вот он. Звучит очень серьезно и официально. Решили меня депортировать?

— Что-то вроде того. — Мы уже приближались к окрестностям Тонона. Дорогу окаймляли деревья, а над ними висели круглые пузыри фонарей, похожих на дыни, заставлявшие полуголые стволы отбрасывать фантастические тени. — Ну-ка, что вы скажете на это? — спросил Рауль, немного замедляя ход и глядя на меня. — Давайте гулять всю ночь. Поедем в Женеву, что-нибудь поедем. Потом пойдем на танцы или в кино, например?

— Все что угодно, — сказала я. Его хорошее настроение заразило меня. — Куда угодно. Вы решаете.

— Вы говорите серьезно?

— Да.

— Прекрасно, — ответил Рауль, и длинная машина рванулась к ярким огням шумного ночного Тонона.

Не буду описывать этот вечер в подробностях, хотя, как оказалось, он сыграл в моей жизни очень важную роль. Самый чудесный вечер в жизни... В Тононе мы остановились у цветочного киоска, где подснежники и выюнки сияли в свете газовых рожков. Рауль купил мне фрезии, благоухающие, как целый тропический архипелаг, красные анемоны, которые раньше называли полевыми лилиями. Потом мы поехали дальше под ясным ночным небом, покрытым целым роем звезд. Желтая, словно восковая, луна слабо светила из-за тополей. К тому времени, как мы приехали в Женеву — сказочный город, яркие огни которого отражались в водах озера, — я уже была на седьмом небе от счастья: пережитый шок, одиночество, холодное дыхание опасности — все было забыто.

Почему я считала его непонятным и загадочным? Мы разговаривали так, будто знали друг друга всю жизнь. Он спросил меня, сколько лет я провела в Париже; впервые можно было говорить об этом спокойно и свободно, словно в моем прошлом не было никаких несчастий и разочарований. Я рассказала об отце и матери, об улице Прантан. Даже годы, проведенные в приюте, вспоминались как что-то забавное и радостное.

А Рауль рассказал мне о Париже, который знал он, так отличающемся от моего, о своем Лондоне, где не было мест, подобных приюту Констанс Батчер для девочек, о жарком солнце Прованса, где лежит Бельвинь — бесценная маленькая жемчужина, постепенно разрушающаяся среди пыльных виноградников...

Обо всем, кроме Вальми. Ни единого слова о Вальми.

Мы использовали каждую минуту этого вечера. Чудесно поужинали в каком-то не очень роскошном ресторане, но еда была прекрасная, и никто не обращал внимания на то, как я одета. Мы не стали танцевать, потому что Рауль объявил, что главное — хорошо поесть и не отвлекаться на разные физические упражнения, но позже в другом месте мы долго танцевали, а потом возвращались в Тонон по ровной дороге, где в этот час не было ни одной машины; мчались так быстро, что звенело в ушах, но в этой чудесной машине, в эту чудесную ночь скорость не ощущалась и казалось, что мы

плавно скользим по воздуху. На границе мгновенно проверили наши документы, огромная машина вырвалась на простор и понеслась вверх по склону холма, по шоссе, ведущему в Тонон. Вдоль широкого бульвара, окаймляющего спуск к озеру, через пустую сейчас рыночную площадь; проехали поворот в Субиру...

— Эй, — сказала я, — вы пропустили поворот.

— Следую одной из своих опасных наклонностей. Я подозрительно посмотрела на него:

— Например?

— В Эвиане есть казино, — сказал он.

Я вспомнила миссис Седдон и улыбнулась:

— Какой ваш счастливый номер?

— Еще не знаю. — Рауль засмеялся.

— Уверен только, что сегодня ночью мне выпадет именно этот номер.

Мы отправились в казино, он играл, а я наблюдала, но Рауль заставил и меня играть — я выиграла, снова выиграла; потом мы обменяли фишки на деньги и ушли... пили кофе с ликером, много смеялись и, наконец, поехали домой.

Было три часа ночи, когда огромная машина Рауля стала взбираться по зигзагам подъема к замку Вальми, и мне казалось — то ли от волнения, то ли от накалившей сонливости, а может быть, и от ликера, — что все это сон. Рауль остановил машину у боковой двери, ведущей во двор, и я, все еще сонная, пробормотала:

— Спасибо, спокойной ночи.

Очевидно, я была в трансе, когда проходила темными коридорами и лестницами. Совершенно не помню, как очутилась в спальне, как добралась до постели.

Вряд ли на меня так подействовал ликер — кофе должно было смягчить его эффект. Виновато нечто гораздо более сильное, опасное и опьяняющее, словно роковой призрак, словно скала, готовая рухнуть и раздавить меня, нависшее над головой среди музыки, смеха, всех развлечений вечера. Это было глупо, это внушало мне ужас, но это случилось.

На горе или на радость себе, я по уши влюбилась в Рауля де Вальми.

КАРЕТА ШЕСТАЯ

ГЛАВА IX

Словом высказать нельзя
Всю любовь к любимой.

Блейк. Из «Манускрипта
Россетти»¹

того следовало ожидать. Было бы очень странно, если бы с Золушкой, вырвавшейся из такого ужасного заточения, как мой приют, и познакомившейся с великолепным Раулем де Вальми, не случилось что-нибудь в

этом роде. Мужчина, чья внешность и умение очаровывать практически гарантировали ему успех у любой женщины, даже если бы он не приложил к этому никаких усилий, подарил очень одинокой девушке приятный вечер, — вечер, о котором она долго будет помнить.

Все это я хорошо понимала. Хотя я читала множество романтических историй и видела (что совершенно естественно) не меньше романтических снов, у меня сохранилась добрая доля французского здравого смысла. Это обстоятельство вместе с истинно английским качеством, которое определяют не очень-то красивым словом флегматичность, должно было помочь держать под контролем глупые эмоции. Я получила свою конфетку — этот вечер. Завтра все будет совсем по-другому.

Так оно и случилось. Вскоре после завтрака огромный «кадиллак» скрылся за поворотом дороги: наверное, Рауль возвращался в Бельвинь. Я решительно освободилась от своих грез: провансальской идиллии, где мы с Раулем мчались на автомобиле вдоль освещенных луной виноградников, среди которых мелькали

¹ Пер. С. Маршака.

то Тадж-Махал, то Голубой грот на Капри, — и все свои помыслы сосредоточила исключительно на Филиппе.

Никто не стал выяснять обстоятельств вчерашнего происшествия, так что было очень мало надежды выследить злоумышленника. Казалось, Филипп забыл о своем испуге; можно выбросить из головы инцидент. Жизнь вошла в свою обычную колею, если не считать нетерпеливого ожидания пасхального бала, который стал постоянной темой возбужденных разговоров прислуги. Это празднество много лет устраивалось в Вальми на первый день Пасхи. Миссис Седдон и Берта, часто посещавшие мои владения, простирающиеся до детской, захлебываясь от удовольствия рассказывали о прошлых днях, когда весь замок Вальми сиял праздничным убранством.

— Цветы, — восклицала Берта, принявшая как нечто естественное мой беглый французский язык, — и кругом лампы. Целые гирлянды ламп, даже по обе стороны дороги и до самого моста. И еще — подсветка в бассейне, пускают большой фонтан, а на реке плавучие огоньки, прямо как водяные лилии. — Она оставляла на минуту пылесос, с легкой грустью глядя на меня. — Ну конечно, сейчас все не так грандиозно, как было когда-то. Моя мама рассказывала о том времени, когда старый граф был еще жив; говорили, он просто катался в деньгах, как сыр в масле, но, разумеется, сейчас все по-другому; верно? Но все равно это будет замечательно. Некоторые говорят, что не стоило бы так уж веселиться и плясать на эту Пасху, раз господин граф и госпожа графиня погибли в прошлом году, но я всегда говорю: кто умер, тот умер, упокой Господи их души, — тут она быстро перекрестилась, — а кто жив, должен жить дальше. Мне не хотелось бы показаться бессердечной, мисс, но вы понимаете, что я имею в виду.

— Конечно.

— Во всяком случае, мадам говорит, что это будет небольшой семейный вечер, — от таких слов глаза могут вылезти на лоб, как говорится... извините за выражение, мисс. Но... — Лицо Берты просветлело и, взяв медный поднос, который она начала с силой тереть, она добавила: — Но мы-то потанцуем всласть, как всегда.

— У вас тоже будет праздник?

— О конечно! Вся прислуга и арендаторы. На следующий день после бала в замке, во вторник, там внизу, в Субиру. Все пойдут.

Естественно, слова Берты заставили меня гадать, куда меня пригласят, но мадам де Вальми скоро дала понять, что на этот раз я буду находиться среди сливок общества... и я разделила со всеми чувство радостного ожидания, несколько омрачавшееся тем, что у меня не было вечернего платья.

Однако мне не пришлось долго беспокоиться по этому поводу. В том, что касается туалетов, я настоящая француженка и сэкономила большую часть жалованья за последние недели — мне попросту нечего было с ним делать. Я нисколько не сомневалась, что смогу сама соорудить себе что-нибудь симпатичное, хотя мое платье могло и не выдержать сравнения с изделиями Бальмена и Флоримона, которые, по всей вероятности, будут в изобилии представлены на бале. Очень приятно будет даже просто посидеть и посмотреть на танцующих, успокаивала я себя, отгоняя несбыточное видение — себя в пышном бальном туалете, танцующую с Раулем де Вальми в пустом зале размером с Букингемский дворец. Во всяком случае, это не будет «скромненько, но со вкусом» (мне на ум постоянно приходила мысль о жалком гардеробе Джен Эйр и вспоминался насмешливый взгляд Леона де Вальми). Я пока что не дошла до того, чтобы носить бомбазиновые платья (интересно все-таки, что такое бомбазин).

Через три дня после того, как неизвестный злоумышленник стрелял в Филиппа, у меня были свободные полдня и я поехала в Тонон с дневным автобусом, чтобы подобрать материал и фасон для вечернего платья. Я сомневалась, что найду что-нибудь подходящее в таком маленьком городке, как Тонон, а покупать платья в Женеве и Эвиане было мне не по карману. Я ходила по магазинам, искала что-нибудь красивое и не очень дорогое, и, наконец, мои старания были вознаграждены — нашелся отрез красивого белого итальянского материала, затканного тонкими серебристыми нитями. Цену его продавщица назвала «бросовой», хотя она представляла значительную часть моих сбережений. Поборов свою французскую бережливость, я решительно выложила на прилавок деньги, потом, прижимая к себе пакет, вышла из дверей магазинчика на улицу, овеваемую влажным весенним ветром,

Было уже почти пять часов; стояла хмурая погода, как часто бывает в апреле, вот-вот мог начаться дождь, дул порывистый теплый ветер. Утром лило как из ведра, а сейчас запоздавшие косые лучи заходящего солнца скользили по блестящим мокрым крышам домов и бледным золотом чертили силуэты распустившихся каштанов на фоне жемчужно-серого неба. Окна многих магазинов были уже освещены, сверкающие витрины бакалейных и мясных лавок бросали багровые и оранжевые отсветы на влажные тротуары. Над цветочным киоском, где Рауль купил мне фрезии, горел неровным пламенем свистящий, раздуваемый ветром газовый рожок. Он казался то длинной змеей сверкающего голубого огня, то свернутым крылом темно-синего и сернисто-желтого цвета. Шины проезжающих машин мягко шуршали по непросохшему асфальту. Кое-где среди веток каштанов уже горели ранние уличные фонари.

Я умирала от желания выпить чашку чаю. Но тут моя проклятая бережливость, без сомнения уязвленная недавней покупкой, взбунтовалась, напомнив мне о нескольких франках разницы в цене чая и кофе. В «Чайном салоне», наверное, все очень дорого, а кофе или аперитив будут здесь гораздо лучшего качества и вдвое дешевле.

Оставив мечту о чае, я перешла через площадь и направилась к ресторану, где стеклянная перегородка предохраняла стоящие на тротуаре столики от порывов ветра.

Когда я ступила на тротуар и выбирала столик, кто-то сказал неуверенно у меня за спиной:

— Мисс Мартин?

Я удивленно обернулась, так как голос определенно принадлежал англичанину. Это был светловолосый молодой человек, которого я встретила в Субуру. На нем было шерстяное пальто и толстый шарф. Густые волосы растрепались от ветра. Я забыла, что он такой крупный. Он производил впечатление застенчивого медведя «вот такой вышины», как сказал бы Филипп.

— Вы меня помните? Мы встречались в Субуру, — спросил молодой человек в пальто.

— Конечно, я вас помню, мистер Блейк. — Я хотела добавить, что вряд ли могла бы забыть его — единственного английского ягненка среди французских тигров. Но это, возможно, было нетактично. — Надеюсь,

вам не пришлось пользоваться бинтами и прочими вещами, которые вы тогда купили?

Он улыбнулся:

— Пока нет. Но возможно придется на днях. Вы... вы хотели зайти сюда, чтобы выпить что-нибудь? Я подумал... можно мне... я был бы страшно рад, если бы вы...

Я пришла ему на помощь:

— Большое спасибо. Мне очень приятно. Может, сядем здесь: отсюда все хорошо видно.

Мы уселись за столик у самой перегородки, и он на ужасном французском языке заказал кофе. Когда нам его принесли, он посмотрел на меня с видом победителя. Я засмеялась:

— Вы делаете успехи, мистер Блейк.

— Правда? Но, откровенно говоря, когда заказываешь только кофе, трудно ошибиться.

— А как сегодня ваши покупки?

— Все в порядке. В Тононе всегда можно найти человека, который говорит по-английски. И кроме того, — бесхитростно сказал он, — здесь дешевле. Я обычно покупаю все на рынке. Мне немного нужно.

— Вы живете сейчас наверху, в вашей хижине?

— Пока да. Иногда я ночую в Субиру, там и обещаю, но мне нравится в горах. Удобно работать, и могу приходить, уходить и есть в любое время, когда захочу.

Я не смогла противиться искушению и представила себе его свернувшимся на соломенной подстилке с орехами в кармане, похожего на медведя, залегшего зимой в спячку. Медведь... Я вдруг вспомнила о Филиппе и спросила:

— Кто-нибудь может спуститься с вашей стороны в Вальми с ружьем?

— Только по приглашению. Кажется, осенью здесь устраивают охоту.

— Нет, я говорю не об этом. Может лесник или кто-нибудь другой пойти в лес с ружьем, охотиться на лисц или оленей?

— Господи, конечно нет. А в чем дело?

Я довольно подробно рассказала ему, что случилось во вторник. Он очень внимательно слушал и в конце моего рассказа, утратив застенчивость, стал похож на рассвирепевшего медведя.

— Ужасно! Бедный ребенок. Это было для него страшным шоком, да и для вас тоже. В лучшем случае это преступная неосторожность! И вы говорите, они не нашли мерзавца?

— Пока что никто не признался, хотя известно, что Филипп даже не ранен. Но это легко понять: можно потерять работу, а в здешних местах найти ее не так-то легко.

— Верно.

— Более того, — добавила я, — когда мсье де Вальми отправил нескольких человек на место происшествия, оказалось, что пулю уже извлекли из дерева.

Он свистнул:

— Очень предусмотрительно, а?

— Очень. Понимаете, что это означает? Людей послали на поиски сразу же после того, как мы с Филиппом вернулись домой.

Значит, во-первых, тот человек знал, что случилось, а во-вторых, он вовсе не сбежал. Должно быть, притаился где-нибудь поблизости и дожидался, пока мы с Филиппом уйдем, а потом быстро спустился, чтобы убрать улику. — Я посмотрела на Блейка. — Страшно подумать, что он сидел за деревом и наблюдал за нами.

— Да, не очень-то приятно. Более того, он просто дурак. Всякое возможно, и если бы он поступил как порядочный человек, прибежал к вам, извинился и проводил домой, у него были бы шансы отделаться выговором. Наверное, он потерял голову и у него не хватило смелости. Во всяком случае, я надеюсь, его поймают. Что предпринимает де Вальми по этому поводу?

— О, он пытается выяснить, но не думаю, что ему удастся узнать что-нибудь новое. Пока что все только доказывают свое алиби, но я могу поверить только в невинность самого де Вальми и его лакея англичанина.

— Ведь его сын тоже был в Вальми? — спросил Блейк.

Он сказал это как бы между прочим, но я почувствовала, как кровь прилила у меня к лицу. Ненавидя себя за то, что не умею скрывать своих чувств, я отвернулась от Блейка и уставилась через стеклянную перегородку на площадь, где уже царил вечерний полумрак. Если я буду краснеть каждый раз при упоминании имени Рауля де Вальми, то ненадолго буду избавлена от насмешливого взгляда Князя Тьмы. Вряд ли можно

ожидать, чтобы он сочувственно отнесся к подобной глупости. Глядя на пурпурно-багровый огонь газового рожка над цветочным киоском, я сказала безразличным тоном:

— Да, он был в Вальми. Уехал на следующее утро. Но трудно себе представить... — Помимо воли, мой голос прозвучал запальчиво: — Это, конечно, не он!

— Вот как? Железное алиби?

— Не в этом дело! Просто он не мог! — Логика с трудом пробилась сквозь поток эмоций. — Черт возьми, у него не было никаких причин шнырять вокруг да около и выковыривать пули из деревьев!

— Конечно, нет.

— А как ловушки для долгоносиков? — спросила я слишком быстро.

Я попала в точку. Блейк был неспособен понять, что его просто отвлекают, внезапно задавая вопрос, которым он интересовался больше всего. Через минуту мы оживленно беседовали на эту тему. Я слушала его и что-то говорила — надеюсь, не очень невольно, — но думала о бале, который должен был состояться в Вальми. Приедет ли Рауль? Приедет или нет?

Меня вывел из состояния задумчивости прозаический вопрос Блейка: на каком автобусе я собираюсь возвращаться в Вальми.

— Потому что, — объяснил он, — автобус отправляется через двенадцать минут, а следующий — только через два часа.

— О Господи! Да, конечно, — сказала я. — Сейчас иду. А вы поедете тем же автобусом?

— Нет. Мой отправляется раньше вашего. Я смываюсь на субботу повидаться с друзьями в Аннеси. — Улыбнувшись мне, он подозвал официанта. — Забудьте, что видели меня здесь; ладно? Конечно, это что-то вроде прогула, но я не мог устоять. Несколько приятелей приехали на неделю в Аннеси и зовут меня подняться вместе с ними в горы.

— Ни за что не выдам вас, — пообещала я.

Тут подошел официант, и мистер Блейк стал биться над поданным счетом. Я наблюдала все стадии этой борьбы: сначала ему надо было понять, что говорит официант, в уме перевести сумму в английские деньги, разделить на десять, чтобы рассчитать чаевые, остановившись для простоты на ближайшей круглой сумме; потом медленно и с трудом он отсчитал деньги и нако-

нец подал кучу бумажек. Видно было, что он полагал, будто заплатил слишком много.

Наконец, все было позади. Встретив мой взгляд, Блейк засмеялся, немного покраснев:

— Я еще могу сосчитать мелочь, но, когда доходит дело до чего-нибудь большего, свыше девяноста, все пропало.

— А я думаю, что вы сделали громадный успех. Еще через месяц вы будете считать и говорить не хуже туземцев. — Я встала. — Большое спасибо за кофе. А теперь вам лучше бросить меня, если хотите успеть на свой автобус.

— Вы правы. Боюсь, мне надо бежать. — Он никак не мог решиться уйти. — Было... страшно приятно встретить вас... Не могли бы мы... я хочу сказать, когда у вас будет следующий свободный день?

— Вообще-то не знаю, — сказала я довольно фальшивым голосом. Потом мне стало стыдно. — Но я часто бываю в Тононе по пятницам, обычно к вечеру и... Господи, посмотрите, это, наверное, ваш автобус. Шофер как раз входит! Бегите! Этот сверток ваш? А этот? До свидания! Счастливо!

Кое-как он сгреб с пола свои пакеты и свертки, прошел с трудом между столиками, подхватив сползающий рюкзак, который грозил вот-вот свалиться, выскочил в дверь, которую я придержала, чтобы он мог выйти, помахал мне рукой и пустился бегом. Он подбежал к автобусу как раз в тот момент, когда дверь водителя захлопнулась и мотор заурчал. Чудом удерживаясь на узких ступенях, он ухитрился повернуться и еще раз весело помахать мне, когда автобус уже тронулся.

Немного задохнувшись от поспешности, с которой мы оба сорвались с места, я быстро повернулась, чтобы перейти на ту сторону улицы, где стоял мой автобус. Но не успела я ступить на проезжую часть, как рядом остановилась длинная машина, мягко шлепая мокрыми шинами. «Кадиллак». Стыдно признаться, но у меня сильнее забилося сердце.

Дверь открылась. Голос Рауля произнес:

— Нам по дороге?

Он был в машине один. Не говоря ни слова, я села рядом с ним — и машина двинулась. Она обогнула угол площади, где все еще рядом с фонарем стоял автобус на Субиру, и повернула на обсаженную деревьями аллею, которая вела на юг.

Странно, что я до сих пор не заметила, какой стоял чудесный вечер. Горящие над голыми деревьями фонари были похожи на спелые апельсины. Они уходили вдаль и словно тонули в собственных отражениях на мокром асфальте. «Свисает свежий апельсин — светильник золотой...» — припомнила я чью-то строку. И на тротуаре тоже были апельсины, только настоящие, кучи апельсинов, рядом с роскошной россыпью золотистых, зеленых и алых перцев. Винная лавка сквозь открытую дверь сверкала как пещера Аладдина; на полках от пола до самого потолка стояли бутылки с рубиновыми, янтарными, пурпурными винами — соком, извлеченным за целое столетие из напоенных солнцем гроздьев. Из расположенного рядом ярко освещенного кафе доносились громкие голоса спорщиков и запах свежеспеченного хлеба.

Последняя уличная лампа осталась позади, словно зашел за горизонт второй золотистый лунный диск. Исчез последний дом, и мы мчались среди бесконечных, не перегороженных полей. На западе небо еще слабо светилось под грядой дождевых облаков, и на его фоне окаймлявшие дорогу стволы и ветви казались темными и мрачными силуэтами. Листья вечнозеленых деревьев разрезали свет вечернего неба на полосы, словно ножи, ветви ивы струились на ветру, как женские кудри. Впереди дорога шла на подъем, блестя чешуйчатым рыбьим серебром под тополями. «Синий час, прекрасный час...»

Потом нас окружили холмы, и стало темно.

Рауль вел машину на большой скорости и молчал. Наконец, немного смущенно я сказала:

— Вы очень быстро вернулись. Не поехали в Бельвинь?

— Нет, у меня были дела в Париже.

Интересно, какую рыбку он там ловил в мутной воде? (По не совсем подходящему к данному случаю выражению миссис Седдон.)

— Хорошо провели время?

— Да, — сказал он, но таким рассеянным тоном, что я не решилась продолжать разговор. Я откинулась на сиденье, испытывая удовольствие при мысли, что еду домой.

Некоторое время, погруженная в неясные мечты, я не замечала, как он ведет машину. Рауль всегда ездил быстро, и мягкость, с которой огромная машина мча-

лась в темноте по извилистой долине, говорила о том, как хорошо он знает дорогу; но сегодня что-то было не так...

Я искоса взглянула на его лицо, обращенное ко мне в профиль. Мы только что свернули на узкий мост, находящийся под прямым углом к шоссе, промчались по нему и снова выехали на дорогу. Это еще нельзя было назвать действительно опасной ездой: в темноте он по свету фар узнал бы о приближении встречной машины, но все же Рауль ехал так рискованно, что у меня засочало под ложечкой при мысли, что он, может быть, выпил. Но, когда яркий свет наших фар отразился от стены белых скал, возвышавшихся перед нами, в машине стало светло и я увидела лицо Рауля. Он был совершенно трезв, но явно чем-то расстроен, хмуро смотрел на дорогу, шурясь на пролетающую темноту, забыв о моем присутствии. Наверное, у него просто плохое настроение, и он вымещает злость на своем автомобиле.

— Что вы делали внизу, в Тононе? — Вопрос был совершенно безобиден, но задан таким резким тоном, столь внезапно после долгого молчания, что звучал как обвинение. Я вздрогнула и не сразу нашлась.

— Что? О, у меня был свободный вечер.

— А что вы обычно делаете, когда у вас свободный вечер?

— Ничего особенного... Хожу по магазинам... иду в кино. Все что угодно.

— Иногда встречаетесь с друзьями?

— Нет, — удивленно сказала я, — у меня здесь нет знакомых. Я говорила вам, когда мы... Говорила вам во вторник.

— А! Да, вы это говорили.

Мы попали под дождь, и крупные капли стучали о верх машины и стекали по переднему стеклу. Машина, не сбавляя скорости, преодолела крутой поворот дороги, и шины взвизгнули, проезжая по мокрому асфальту. Рауль даже не взглянул на меня. Он, наверное, даже не помнил, кто сидит рядом с ним в машине. «Так тебе и надо, Золушка!»

Молча сидя рядом с Раулем, я призывала на помощь горькие истины, продиктованные здравым смыслом.

Он снова нарушил молчание, только когда мы проехали две трети пути до Вальми, задав вопрос, который показался мне совершенно не относящимся к делу и очень меня удивил.

— Кто был этот парень?

Я растерялась, не понимая, о ком идет речь.

— Какой парень?

— Тот, с которым вы были в Тононе. Вы вышли из кафе вместе с ним.

— Ах, этот.

— А кто же еще? — Почти грубый тон заставил меня удивленно посмотреть на Рауля.

— Мой друг, — коротко сказала я.

— Вы мне говорили, что никого здесь не знаете.

— А его знаю, — ответила я совершенно по-детски.

Быстрый взгляд. Ни тени улыбки. Потом он спросил:

— Как Филипп?

— Спасибо, хорошо.

— А как вы? Больше ничего не случилось?

— Нет.

Мой голос был немного сдавленным и неестественным, хотя я изо всех сил старалась, чтобы он звучал ровно и не выдавал меня. Здравый смысл — само собой, но у меня есть еще и гордость. Я ругала себя за глупость. Из темноты ко мне неслись образы моих идиотских мечтаний... не знаю, чего я ожидала, но... нынешний Рауль так сильно отличался от прежнего... перемена была слишком резкой, и это было ужасно.

Тут я сделала небольшое открытие, которое меня испугало. Мечты мечтами, но факт оставался фактом. Я влюбилась в Рауля. Дело вовсе не в вине и не в лунном свете и прочих романтических ловушках. И даже не в его шарме, которым он буквально окутывал меня в ту ночь. Сейчас я была совершенно трезвой, шел дождь и о шарме не могло быть и речи... и все же я была влюблена в этого совершенно постороннего человека с холодным голосом, который говорил со мной резким и даже раздраженным тоном. Я, конечно, могла бы сдерживать свои чувства и посмеяться над собственной глупостью, но мне нисколько не было смешно.

Я крепко закусил губы и с трудом глотнула воздух, ощущая горечь разочарования и желая только одного, чтобы он перестал задавать мне вопросы. Но он был настойчив, не оставляя резкого тона, из-за которого его довольно безобидные вопросы приобретали характер допроса с пристрастием,

Казалось, он все еще интересовался Вильямом Блейком. Это было мне неприятно — ведь я обещала Вильяму не говорить, что встретила его в Тононе.

— Кто он такой? Англичанин?

— Да.

— Он сел в автобус на Аннеси. Альпинист?

— Он поднимется оттуда в горы в конце недели.

— Он живет здесь?

— Да.

— Вы были знакомы с ним в Англии?

— Нет.

— А! Значит, он был в Вальми?

— Я не знаю.

— Долго он пробудет здесь?

— Послушайте, — взмолилась я, — какая вам разница? Почему вы меня допрашиваете?

Наступило молчание. Потом он сказал чопорно и в то же время смущенно:

— Простите. Мне не следовало вмешиваться в ваши личные дела.

— Да никакие не личные. Это просто... я не это имела в виду... просто не хотела вам говорить... — беспомощно лепетала я.

Он как-то странно посмотрел на меня:

— Что не хотели говорить?

— Да ничего. Послушайте, — с отчаянием сказала я. — Мне хочется помолчать. Вы ничего не имеете против?

Теперь уже не могло быть никаких сомнений — Рауль был в самом скверном настроении. Сердито сказав сквозь зубы: «К черту!» — он повернул «кадиллак» на мост Вальми и стал подниматься по зигзагу вдвое быстрее, чем следовало. Машина рванулась с шипением рассерженной кошки к следующему повороту.

— Вы меня не так поняли. — И снова нотка с трудом сдерживаемого отчаяния. — Я вовсе не хотел лезть не в свое дело. Но...

— Знаю. Простите. — Я говорила почти так же резко, как он, выбитая из колеи не только его непонятным раздражением, но и унижением, которое испытывала, вспоминая о своих глупых мечтах. — Думаю, что просто устала. Я ходила по городу целых два часа, чтобы выбрать какой-нибудь материал на платье... О!

Я схватила за голову:

— Я, должно быть, оставила его... да, оставила его

в кафе; положила сверток на полку под столом, а потом Вильям побежал к автобусу... о Господи, какая я дура! Я думаю, что если позвоню им по телефону... о Господи!

Он вдруг резко нажал на сигнал. Я вздрогнула и спросила его:

— В чем дело?

— Какой-то зверек. Хорек, наверное.

Деревья мчались навстречу и исчезали в темноте. Впереди показался крутой поворот.

— Вы не могли бы ехать помедленнее? Я боюсь, — сказала я.

Машина замедлила ход и повернула, из-под колес брызнул фонтан камешков.

— Вы рассказали ему о том, что кто-то стрелял в березовой роще?

— О чем? Кому?

— Этому... Вильяму.

Я коротко вздохнула:

— Да, рассказала. Он думает, что это могли сделать и вы.

Машина ползла вверх по склону, словно пробивая себе путь по темному туннелю, образованному тенью, отбрасываемой деревьями. Рауль вел машину подчеркнуто осторожно, словно желая оскорбить меня этим. Он молчал. Вселившийся в меня бес снова поднял голову, и я сказала, погрузившись в бездну идиотского самостязания:

— Я не знала, что должна буду докладывать хозяевам все, что говорила и делала в свой свободный вечер!

Мои слова, как я и надеялась, задели его за живое.

— Я не ваш хозяин, — процедил он.

— Разве? — ехидным тоном спросила я, боясь, что вот-вот заплачу. — Тогда, какое вам дело до того, что я делаю и с кем встречаюсь?

Мы находились на последнем повороте зигзага. Рауль вдруг нажал на тормоза, и «кадиллак» рывком остановился. Рауль повернулся ко мне.

— Вот какое, — произнес он тихо, немного задыхаясь. Он грубо притянул меня к себе, и его губы прижались к моим.

Для первого поцелуя это было не очень-то романтично. И конечно, совершенно не так, как в мечтах... Пусть я не Золушка, но и он никак не Принц... Рауль

просто-напросто зрелый, искушенный в подобных вещах мужчина, на мгновение потерявший контроль над собой под влиянием гнева и других эмоций, распознать которые смогла даже я. Говорю «даже я», потому что мне вдруг стало ясно, так ясно, что меня охватил испуг: все попытки оградить себя от нахлынувшего чувства разбились как яичная скорлупа. Я считала себя сложной натурой, но моя реакция на поцелуй Рауля была очень простой — я дрожала, стараясь убедить себя в том, что испытываю лишь холодную ярость. И то, что он сделал потом, конечно, не означало, что Рауль хотел меня успокоить. Вместо трогательных извинений или страстного признания, которое должно было последовать за поцелуем, как описывалось в романах, он просто отпустил меня, снова завел машину, не говоря ни слова, с бешеной скоростью повел ее вверх по склону и остановился на покрытой гравием дорожке. Заглушив мотор, он открыл дверцу, словно собираясь обойти машину и выпустить меня. Но я, не став его ждать, буквально вылетела из машины, захлопнула дверцу за собой и молча, как и он, прокралась (не могу подобрать более подходящего слова) к главной лестнице.

Поравнявшись со мной, он открыл для меня входную дверь. Рауль что-то сказал — мне показалось, я услышала свое имя — приглушенным голосом, слегка дрожащим, словно от сдерживаемого смеха. Я не смотрела на него, просто прошла мимо, словно он не существовал для меня, прямо в холл, к яркому свету, и увидела Леона де Вальми, катящего к нам свое кресло.

Когда я вошла, он приостановил плавное движение кресла и повернул голову, словно хотел со мной поздороваться. Потом его глаза скользнули по лицу Рауля и снова обратились ко мне. Дугообразные брови Князя Тьмы слегка приподнялись. Я резко повернулась и побежала наверх.

Насмешливый взгляд Леона де Вальми окончательно покончил с моими глупыми мечтаниями. Я прислонилась к двери темной спальни и прижала руки к пылающим щекам. Во рту чувствовался сладковатый привкус крови — у меня была прикушена губа... Это тоже, наверное, увидел Леон де Вальми. Его взгляд хлестнул меня как кнут, горели не только щеки, но и все тело.

Я рывком оторвалась от своей опоры, включила свет и стала стаскивать перчатки. «Черт бы побрал этого Рауля, как он только посмел? Как посмел! И Леон де

Вальми, — вторая перчатка полетела на пол вслед за первой, — черт бы побрал Леона! К черту всех де Вальми! Я их всех ненавижу и никого из них не желаю видеть...»

При этой мысли я замерла, наполовину сняв пальто.

Скорее всего, что мне больше не придется их видеть. Князю Тьмы нет надобности допрашивать меня, чтобы догадаться, что произошло этим вечером, и весьма вероятно, он постарается меня уволить.

Я не поняла тогда, что если бы мне хоть что-нибудь угрожало, Рауль сказал бы отцу правду, что он поцеловал меня помимо моей воли. Поскольку Рауль большую часть года проводил не в Вальми, можно было не опасаться новых инцидентов такого рода и меня бы оставили.

Помню только, что когда я бережно вешала пальто в красивый стенной шкаф, то была в отчаянии от мысли, что больше никогда не увижу ненавистных Вальми.

Из губы больше не сочилась кровь. Я тщательно напудрилась, накрашилась и причесалась. Потом я медленно вышла из своей гостиной, направляясь в комнату Филиппа.

Я открыла дверь детской. Свет горел, но в комнате никого не было. Огонь в камине догорел, и все казалось каким-то заброшенным. Балконная дверь была открыта, портьеры колыхал ветер. На ковре перед камином лежала открытая книга, и ее листы шевелились от движения воздуха.

Я с удивлением посмотрела на часы. Филипп уже давно должен был вернуться из салона мадам. Элоиза де Вальми, наверное, находится у себя и одевается к ужину. «Ну что же, это не мое дело, — подумала я. — К чему мне допытываться, для чего мадам задержала его. К ужину он обязательно явится».

Я наклонилась, чтобы подложить полено в камин, и вдруг услышала слабый звук. Он пронесся, словно отдаленный шепот, по комнате, где царила тишина, и был не громче тиканья маленьких часов, стоявших на камине, или шороха догорающих поленьев в очаге.

Очень тихий шепот, но от него у меня пробежали мурашки по коже, ощущавшей холодное дыхание ветра за открытой дверью. Слабый вздох, но я с ужасом услышала в нем слово «мадемуазель...»

Одним прыжком я пересекла комнату, выбежала на темный балкон и осмотрелась. Справа и слева окна бы-

ли закрыты и не светились. Из открытой двери вырывался клин яркого света, и моя тень казалась огромной и уродливой: она как бы выбежала передо мной и легла на узкие перила.

— Филипп?

Концы балкона были невидимы — они тонули в глубокой тени. Я вышла из полосы света и побежала по балкону, мимо ряда окон. Пол был скользким от дождя.

— Филипп? Филипп?

Из самого темного угла балкона мне ответил слабый шепот. Я наклонилась, потом встала на колени на мокрый пол. Филипп лежал, скрючившись в комок, у самой балюстрады.

Вернее там, где раньше была балюстрада. Теперь на этом месте зияла дыра. Вместо балюстрады на краю балкона лежала деревянная лестница, найденная мной в чулане, которую я положила сегодня утром туда, где перила шатались. За этой хрупкой преградой не было ничего, кроме темного провала, а внизу, на расстоянии тридцати футов, дорожка и ряд ужасающе-острых прутьев ограды...

Я обхватила мальчика руками, хриплым дрожащим голосом спросила:

— Филипп? Что случилось? Ты ведь не упал? О Господи, ты не упал... Мой маленький Филипп, ты не ушибся?

Холодные ручонки поднялись и уцепились за меня.

— Мадемуазель...

Я взяла его на руки и прижалась лицом к его мокрой щеке.

— У тебя все в порядке, Филипп? Ты не ушибся? — Он покачал головой. — Точно? Правда не ушибся? — Кивок.

Я поднялась с колен, держа мальчика на руках. Я и сама не очень-то тяжелая, но он был легким как перышко, хрупким, как птичьи косточки. Я отнесла Филиппа в его комнату и села в кресло у камина, крепко прижав мальчика к себе. Он обхватил меня за шею и буквально прилип ко мне. Не помню, что я говорила, просто сжимала его и болтала всякую чепуху, глядя на круглую черноволосую голову, прижатую к моей груди.

Постепенно он разжал руки и перестал дрожать. Но когда я попыталась наклониться, чтобы подложить дров в камин, он снова уцепился за меня.

— Все хорошо, — быстро сказала я, — просто хочу развести огонь пожарче. Тебе надо согреться.

Он немного отпустил меня, так что я смогла наклониться и бросить несколько небольших поленьев в за-
тухающий камин и перемешать дрова. Маленькие язычки
пламени стали лизать сучья, и огонь вновь разгорелся.
Потом я снова выпрямилась. Я была уверена, что для
Филиппа сейчас важнее успокоиться, чем лечь в
кровать и выпить горячее какао, чтобы согреться, — все
это потом. Я мягко спросила:

— Это из-за машины, Филипп?

Снова легкий кивок.

— Я ведь предупредила тебя, что перила расшатаны и просила не бегать по балкону; правда?

Он сказал тоненьким, совсем детским голоском:

— Я услышал сигнал и подумал... Папа всегда... когда
подъезжал... Чтобы я знал, что он уже близко...

Я закусила губы. Меня передернуло. Конечно, сигнал... Я вспомнила громкий победный звук сигнала там,
на дороге. Перед машиной никто не перебежал. Это был
лишь внезапный порыв того же чувства, которое побудило
его поцеловать меня... а Филипп из-за сигнала бросился
бежать в темноту в слепой и упрямой надежде и едва не упал с
головокружительной высоты вместе с расшатанной каменной
балюстрадой.

Я сказала, больше себе, чем ему:

— Я не имела понятия о том, что перила настолько
разрушены. Они только немного шатались. Я думала, что
они еще долго продержатся. Слава Богу, что я положила
поперек них лестницу. Почему это пришло мне в голову?..
Слава Богу, что я это сделала. — Внезапно меня поразила
неприятная мысль. — Филипп, а где была Берта? Я
думала, она с тобой.

— За ней пришел Бернар. Она что-то забыла сделать.

— Понятно, — задумчиво сказала я, продолжая держать
его на коленях. — Послушай, Филипп, мы с тобой
разожгли хороший огонь. Не хочешь отогреть свои
замёрзшие лапки?

На этот раз он без возражений отпустил меня, соскользнул на ковер у моих ног, послушно протянув
руки к весело пылающему огню. Я взъерошила ему
волосы:

— И волосы тоже мокрые. Как можно выбегать на балкон в такую дождливую ночь? Ах ты, упрямый осленок!

Мальчик сказал все еще напряженным и резким голосом:

— Я ударился о перила, и вдруг их не стало. Они упали и стукнулись о камни внизу. Я на что-то наткнулся. Было темно, я ничего не видел — и упал. Я ничего не видел.

— Ты наткнулся на деревянную лестницу, Филипп, и поэтому никак не мог свалиться вниз; понимаешь? Там не было дыры. Было темно, и ты не мог увидеть эту лестницу, но она очень крепкая. Тебе не угрожала никакая опасность.

— Это было ужасно. Я очень испугался.

— Не удивительно. Я бы тоже испугалась до смерти. Ты очень хорошо сделал, что не двигался.

— Я боялся, но знал, что вы придете. — Маленькое бледное личико повернулось ко мне. — Поэтому я ждал.

У меня сдавило сердце.

— Вот я и пришла, — нарочито легкомысленным тоном сказала я. — Как хорошо, что я села в машину твоего кузена Рауля и не стала ждать автобуса. — Я встала и склонилась над мальчиком, подсунув обе руки ему под мышки. — Ну, а сейчас пойдем снимем с тебя все это. Поднимайся! — Я подняла его на ноги. — Господи, детка, ты, наверное, лежал в луже! Как насчет горячей ванны, ужина в постели и жаркого огня в твоей спальне, чтобы было еще уютнее?

— А вы придете ко мне?

— Да.

— Поужинаете в моей комнате?

— Я посижу на кровати у тебя в ногах, — пообещала я.

Черные глаза блеснули.

— И будем играть в фишки?

— Ого! — сказала я, — ты уже начинаешь сколачивать капитал на этом, правда? И к тому же делаешь слишком большие успехи в игре. Хорошо, если обещаешь, что не разобьешь меня в пух и прах. — Я повернула его и легонько подтолкнула к двери. — А теперь иди и переоденься, пока я буду наполнять ванну.

Он послушно вышел. Я позвонила Берте и отправилась наливать ванну. Глядя, как пар покрывает капельками тумана плитки на стенах ванной, я мрачно думала о том, что мне снова придется встретиться сегодня с Леоном де Вальми.

Из-за шума воды я вначале не расслышала стука в дверь, отделяющую ванную от моей гостиной.

— Войдите, — сказала я, думая, что это Берта.

Я обернулась и с удивлением увидела мадам де Вальми. Она никогда не приходила сюда в этот час, и, когда я посмотрела на ее лицо, у меня упало сердце. Вот оно! А у меня даже не было времени подумать, что я им скажу.

Я немного подкрутила краны, чтобы вода шла не так сильно, и выпрямилась, встречая опасность лицом к лицу.

— Мисс Мартин, простите, что врываюсь к вам, когда вы переодеваетесь... — Начало, во всяком случае, трудно назвать угрожающим: мадам говорила извиняющимся тоном, быстро и нервно. — Я подумала... вы не забыли привезти сегодня из Тонона мои таблетки?

От облегчения я даже покраснела:

— Ну конечно, мадам. Я хотела отдать таблетки Берте, чтобы она отнесла их в вашу комнату. Простите. Я не знала, что они вам понадобятся.

— Они кончились. Иначе я не стала бы вас беспокоить.

— Сейчас я принесу их, — сказала я. — Никакого беспокойства, мадам. Вы мне нисколько не помешали: эта ванна не для меня. Филипп!

Я нагнулась, чтобы попробовать, не слишком ли горяча вода, потом закрыла краны.

— А, ты здесь, Филипп. Прыгай в воду и не забудь на этот раз вымыть уши... Я сейчас же отнесу вам таблетки, мадам. Моя сумка здесь в гостиной.

Выйдя из ванной, я закрыла за собой дверь. Как бы поделикатнее рассказать ей о том, что едва не произошло несчастье? Но когда я посмотрела на нее, эти мысли вылетели у меня из головы. Она выглядела совершенно больной. Ее лицо показалось мне суровым, но в действительности оно выражало лишь страдание — высокие щеки, крепко сжатые, как от сильной боли, губы. Казалось, она вот-вот упадет.

— Что с вами, мадам? — с беспокойством спросила я. — Вам плохо? Может быть, присядете на несколько минут? Дать вам немного воды?

— Не надо. — Она встала у камина, рядом со стулом с высокой спинкой, и слабо улыбнулась, но я видела, каких усилий ей это стоило. — Не беспокойтесь, дорогая, я... просто плохо спала прошлую ночь. Не могу уснуть без снотворного.

— Сейчас принесу вам лекарство. — Неуверенно посмотрев на мадам де Вальми, я бросилась бежать в свою гостиную, но сразу же вспомнила, что таблетки остались в кармане моего пальто, и быстро вернулась.

— Мадам! — мой испуганный крик был вызван тем, что я увидела.

Положив руку на спинку стула, Элоиза де Вальми тяжело оперлась на него. Она отвернулась от меня, словно прислушиваясь к тому, как Филипп плескается в ванне, но глаза ее были закрыты, а щеки походили на скомканную серую бумагу. Вся ее красота пропала. Она выглядела дряхлой старухой.

Услышав мое восклицание, Элоиза де Вальми вздрогнула и открыла глаза. Сделав усилие, она отошла от стула.

Я подбежала к ней:

— Мадам, вы нездоровы. Позвать кого-нибудь? Альбертину?

— Нет, нет, мне уже лучше. Где таблетки?

— В шкафу, в кармане моего пальто. Да, вот они...

Она почти выхватила у меня из рук коробочку, которую я ей протянула. Еще раз принужденно улыбнулась:

— Благодарю вас. Простите, что испугала вас... это быстро проходит. Не волнуйтесь, мисс Мартин.

В ванной Филипп стал насвистывать какую-то песенку без определенной мелодии, которая доносилась в промежутках между всплесками воды. Элоиза посмотрела в сторону ванной и повернулась, чтобы выйти.

— Кажется, Филиппу... очень весело, — сказала она, стараясь говорить обычным тоном.

— О да! — бодро ответила я, — он прекрасно себя чувствует.

Я открыла мадам де Вальми дверь и наткнулась на Берту, которая подняла руку, чтобы постучать...

— О мисс, вы меня напугали. Я как раз хотела войти. — Увидев мадам, она широко раскрыла глаза.

Я быстро сказала:

— Проводите мадам в ее комнату. Она не очень хорошо себя чувствует. Я позвала вас только для того, чтобы разжечь огонь в спальне Филиппа, но могу сделать это сама. Позвоните Альбертине, — добавила я, обращаясь к девушке, которая по-прежнему с любопытством смотрела на бледное лицо Элоизы, — и побудьте с мадам, пока не придет Альбертина. А потом, пожалуйста, приходите сюда.

— Хорошо, мисс.

Встав на колени, чтобы разжечь камин в спальне Филиппа, я стала раздумывать над новой проблемой — без сомнения, для того, чтобы отвлечься от мрачных мыслей. «Что это за таблетки, которые были вопросом жизни или смерти для мадам де Вальми? Может быть, она наркоманка?» Но я почти сразу же отбросила это предположение. Наверняка просто снотворное, многие не могут жить без снотворного. Огонь весело пробежал по бумажной растопке, и поленья занялись ярким пламенем, слегка потрескивая. «Но для чего эти таблетки понадобились ей именно сейчас? Она выглядела так, будто с ней случился нервный или сердечный приступ. Но в таком случае принимают какое-нибудь стимулирующее средство, вовсе не снотворное. В подобном состоянии не поможет никакое снотворное».

Но я отогнала от себя эти мысли, осторожно укладывая куски угля на горящие поленья. В конце концов я ничего не понимаю в таких вещах. Конечно, она нездорова, но старый доктор Форэ, естественно, знал, что ей прописать...

Новый свист, громкое шлепанье босых ног — и из ванной вышел Филипп, волосы которого слиплись в мокрые пряди, а обычно бледные щеки были оттерты до багрового блеска. На нем была ночная рубашка, а купальный халатик он волочил за собой по полу.

От непонятной жалости у меня перехватило горло. Я, притворно нахмурившись, посмотрела на него:

— А уши?

Естественно, не обращая никакого внимания на сделанное мной некстати замечание, Филипп подошел

к огню, который уже ярко разгорелся. Он гордо сказал:

— Я чудом избежал смерти, верно ведь?

— Верно.

— Другие бы наверняка упали, правда?

— Обязательно.

— У других не хватило бы духу так долго сидеть и не двигаться, правда?

Присев на корточки, я обхватила Филиппа и, смеясь, крепко прижала к себе.

— Ах ты, скверный мальчишка, не будь таким тщеславным! И еще послушай, Филипп, мы ничего не скажем Берте, когда она придет сюда, хорошо?

— Почему?

— Потому что твоя тетя нездорова, и мне не хочется, чтобы до нее дошли какие-нибудь слухи, из-за которых она будет беспокоиться.

— Ладно. Но вы... вы расскажете моему дяде Лео-ну, верно?

— Конечно. Удивительно, как это он не слышал, что упали перила. Когда я вернулась, он был в холле, а это было через несколько минут после... А, вот и Берта! Как мадам?

— Ей лучше, мисс. Она легла. С ней Альбертина, а уж эта-то знает, что делать. Она говорит, что мадам даже сможет выйти к ужину.

— Очень приятно слышать. Она... она приняла свои таблетки, Берта?

— Таблетки? Нет, она приняла капли, которые держит в шкафчике у своей кровати. Альбертина дала ей капли.

— А... понятно. Между прочим, Берта, разве вы не должны быть на детской половине, когда меня нет дома?

— Должна, мисс, но за мной пришел Бернар. — Она искоса посмотрела на меня. — Я починила несколько штук белья. Бернар хотел достать белье для хозяина, но не мог найти его, хотя я и сказала ему, где оно лежит.

— Понятно. Вы ведь отлучились ненадолго?

— Нет, мисс. Но белья не было там, куда я его положила. Кто-то переложил его. Мне пришлось искать. — Она смотрела широко открытыми глазами, вероятно удивляясь, почему мои вопросы звучат так резко.

— Ну ладно, — сказала я. — Мсье Филипп выходил поиграть на балкон во время дождя и весь промок, поэтому принял горячую ванну и будет ужинать в постели. Если вам нетрудно, Берта, принесите сюда его ужин, и мой тоже, хорошо?

— Нисколько не трудно, мисс. Простите, мисс, но, понимаете, Бернар очень спешил, и... — она замолчала. Ее щеки порозовели, и она казалась смущенной.

«Спешил, но не торопился отпустить тебя, это очевидно, — подумала я. — И не думаю, что ты уж очень возражала».

— Неважно, Берта, все в порядке, — сказала я вслух. — В конце концов мсье Филипп не младенец и сам виноват в том, что промок и нам придется подать ему ужин в постельку. Он только прибавил нам с вами работы. Что же делать, такова жизнь.

Я встала, быстро повернув Филиппа лицом к постели:

— Ну а теперь лезь сюда, сорванец, не стой здесь в ночной рубашке!

Я поужинала вместе с Филиппом, как и обещала, поиграла с ним в фишки и немного почитала. Он все еще был в хорошем настроении, и я была довольна, что его роль в происшествии представляла перед ним во все более героическом свете. Во всяком случае, у него не будет из-за этого кошмаров.

Но когда я поднялась, чтобы пойти в кладовую и приготовить ему на ночь какао, он немного дрожащим голосом попросил меня взять его с собой. Я подумала, что лучше будет разрешить ему это, и он, в ночной рубашке и шлепанцах, протопал со мной в кладовую и смотрел, как закипает молоко на электрической плите, пока я смеживала какао с сахаром в его любимом синем стаканчике. Мы вместе отнесли какао в его спальню, и я сидела с Филиппом, пока он не выпил все до капли. А потом, когда я хотела пожелать ему спокойной ночи, он попросил меня побыть с ним еще минутку, так что мне пришлось оставить намерение отправиться к Леону де Вальми и провести остаток вечера в своей комнате, настежь открыв дверь в спальню Филиппа, чтобы мальчик мог видеть у меня свет.

Когда наконец, освободившись, я смогла спокойно сесть у собственного камина, то почувствовала себя страшно усталой, у меня болели все кости. Я откину-

лась на спинку кресла и закрыла глаза. Но в голове мелькали какие-то разрозненные впечатления, еще не сложившиеся в мысли, — туманные, непонятные мне самой, не дававшие мне отдохнуть. Было уже, наверное, очень поздно. Вдруг я услышала приближающийся шум машины. Нервы мои были так натянуты, что я бессознательно вскочила и, на цыпочках перебежав темную спальню, тихонько заглянула к Филиппу.

Он лежал в постели и спал. Я устало прошла назад в свою комнату, начала раздеваться и уже готова была лечь, как вдруг кто-то осторожно постучал в дверь.

— Кто там? — удивленно спросила я.

— Берта, мисс.

— А, Берта. Войдите.

Она держала в руках сверток. Как-то странно посмотрев на меня, Берта сказала:

— Это вам, мисс. Я подумала, что вы уже спите, но мне велели отнести его немедленно.

— Нет, я еще не сплю. Благодарю вас, Берта. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мисс.

Она ушла. Я села на кровать и раскрыла сверток, гадая, что там внутри. Несколько секунд я сидела, глядя на складки затканной серебром итальянской материи, сверкавшей на фоне темного покрывала. Потом увидела записку.

«По правде говоря, я нисколько не жалею, что поцеловал Вас, относительно всего остального выражаю свои сожаления. Я был расстроен по некоторым причинам, но это не может служить оправданием того, что я пытался выместить свое раздражение на Вас. Может быть, Вы сочтете достаточным извинением то, что я доставил Вам Ваш пакет. Пожалуйста, простите меня, хорошо?»

Р. С. Дорогая, не уподобляйтесь стыдливым сабинянкам и не принимайте случившееся так близко к сердцу, в конце концов, это был всего лишь поцелуй».

Мне так долго не удавалось уснуть этой ночью, что я многое бы отдала за несколько таблеток из шкафчика мадам де Вальми, даже если это были бы наркотики.

ГЛАВА X

Любовь свою, сердечный жар
Открыла я ему...

*Блейк. Из «Манускрипта
Россетти»¹*

а следующее утро все казалось сном, Рауль покинул Вальми очень рано, на этот раз направляясь на юг, в Бельви́нь. Я не видела, как он уехал, и не узнала, сказал ли что-нибудь Леон сыну о том, что случилось вчера вечером; конечно, никто из них даже не упомянул моего имени — я была в этом уверена. Наконец я набралась смелости и отправилась к моему хозяину в библиотеку, чтобы рассказать, как Филипп спасся второй раз. Леон де Вальми принял меня с приятной улыбкой, но его лицо омрачилось, когда он все выслушал, приняв хмурое и несколько рассеянное выражение, которое никак не могло быть связано с моими личными делами.

Он сидел за большим столом. Когда я окончила свой рассказ, Леон долго молчал, барабанив пальцами по лежавшим перед ним бумагам, веки были полуопущены. У меня было такое чувство, будто он позабыл, что я все еще здесь. Когда он заговорил, его слова прозвучали довольно странно:

— Опять.

— Что вы сказали? — удивленно переспросила я.

Он бросил на меня быстрый взгляд из-под черных бровей. Мне показалось, что его голос звучал устало:

— Второй раз за несколько дней, мисс Мартин, у нас появилась причина быть у вас в долгу по такому же неприятному поводу.

— А, понятно, — сказала я и неловко добавила: — Неважно. Каждый...

— Каждый поступил бы так же? — Его лицо на мгновение осветилось улыбкой, но глаза оставались мрачными. — Вы говорили то же и в прошлый раз, мисс Мартин, но я повторяю: нам очень повезло, что мы нашли такую... — небольшая пауза, — такую преду-

¹ Пер. С. Маршака.

смотрительную особу для ухода за Филиппом. Когда вы положили туда лестницу?

— Только вчера.

— Правда? Почему вы это сделали?

Я остановилась, тщательно выбирая выражения:

— Когда я проходила по балкону... ожидала машину... вспомнила, что перила немного расшатаны, и попробовала их раскачать. Они действительно чуть-чуть качались, но я была совершенно уверена, что они не упадут. Хотела предупредить вас, но, по правде говоря, не имела представления, что Филиппу может угрожать какая-нибудь опасность. Потом за мной пришла машина, и я... забыла об этом.

Я не стала объяснять, что это было во вторник и что машина, о которой шла речь, принадлежала Раулю.

— А вчера, перед тем как уехать в Тонон, я снова вышла на балкон, посмотреть, не идет ли дождь. Тогда я вспомнила о перилах, но очень спешила, так как могла опоздать на автобус, и решила, что временно положу что-нибудь поперек перил, чтобы никто не свалился вниз, а вернувшись, скажу вам. В кладовой я видела деревянную лестницу. Я побежала туда и вытащила ее на балкон. Она выглядела вполне надежной. Я... поклялась себе, что не забуду сказать вам, когда вернусь. Мне... мне очень жаль, — немного запинаясь, завершила я свои объяснения.

— Вам не о чем жалеть и не в чем оправдываться. Откуда вам было знать, что камень настолько раскрошился? Каменщик говорил мне об этом несколько дней назад, но я не думал, что ремонт понадобится делать так срочно. Я этого так не оставляю, можете быть уверены. А пока что мы должны быть благодарны тому, кто внушил вам мысль положить там лестницу, кто бы он ни был.

Я засмеялась, все еще немного встревоженная:

— Может быть, ангел-хранитель Филиппа.

— Возможно, — сухо заметил Леон. — Кажется, ему очень нужен ангел-хранитель.

— О таких говорят обычно: он, как магнит, притягивает к себе всевозможные несчастья, — заметила я.

— Очень подходит к данному случаю. — В бархатном голосе звучали совершенно не соответствующие обстоятельствам издевательские нотки. Я быстро взглянула на него. — Да? В чем дело, мисс Мартин?

— Да нет, ничего, — смущенно пролепетала я. — Просто вы... Вы воспринимаете все это так спокойно. Я думала, вы будете сердиться...

— Я действительно сержусь, — сказал он. — Очень сержусь.

Впервые во время нашей беседы я встретила с ним глазами и с неприятным удивлением поняла, что он нисколько не шутит. Он снова холодно улыбнулся.

— Но, будучи трезвым и рациональным человеком, сдерживаю гнев, чтобы обрушить его на того, кто того заслуживает. Было бы несправедливо с моей стороны винить в чем-либо вас, мадемуазель. И я не хочу растрачивать гнев на пустые слова, потому что это... это не в моем характере.

Он резко повернул кресло, оказавшись ко мне боком, и уставился в окно, выходящее в сад. Я ждала, глядя на его худощавое красивое лицо с прекрасными глазами и подвижным ртом и размышляя о том, почему каждый раз, разговаривая с Леоном де Вальми, чувствую себя так, будто участвую в театральном представлении, где все реплики заранее намечены. Я знала, что последует дальше, и не ошиблась.

Он сказал с деланным спокойствием, фальшивым от начала до конца:

— Когда человек становится инвалидом, он причисляется определенным образом... экономить свои усилия, мисс Мартин. Какой смысл набрасываться на вас? Вы ни в чем не виноваты. Как Филипп?

Этот вопрос так внезапно прервал мои мысли — а думала я о том, что предпочла бы бессмысленный и бесполезный припадок его ярости, — что я вздрогнула:

— Филипп? Прекрасно себя чувствует, благодарю вас. Конечно, он испугался и расстроился, но сомневаюсь, чтобы это имело какие-нибудь опасные последствия. Думаю, он очень скоро забудет обо всем: сейчас Филипп даже гордится своим приключением.

Леон все еще смотрел в сад, отвернувшись от меня:

— Да? Ну конечно, дети — совершенно непредсказуемые существа; как вы считаете? Несчастный малыш, будем надеяться, что его «приключения», как вы их называете, подошли к концу.

— Не беспокойтесь, мсье де Вальми. Его кто-то сглазил. Это скоро пройдет. — И без всякой связи с предыдущим, я спросила: — А когда вернется мсье Ипполит?

Он быстро повернул ко мне голову. Одновременно его кресло повернулось так резко, что ручка ударилась о край стола.

— Вы расшибли себе руку! — вскрикнула я, заглушив его раздраженное восклицание.

— Ничего.

— У вас идет кровь! Можно мне...

— Ничего, я вам говорю. Что вы сказали?

— Забыла. Ах да, я спросила, не знаете ли вы, когда вернется мсье Ипполит.

— Понятия не имею. Почему вы спросили об этом?

Я смотрела на разбитую руку. Подняв на него глаза, я увидела, что его взор обращен на меня; лицо было, как всегда, невыразительным и спокойным, но в непроницаемом взгляде было что-то, заставившее меня насторожиться. Я промолчала.

Он перевел глаза на документы, разложенные на столе, немного подвинул нож для разрезания бумаги и небрежным тоном повторил:

— Почему вы спросили об этом?

— Просто Филипп постоянно задает мне этот вопрос, и я поинтересовалась, не получали ли вы каких-нибудь известий о мсье Ипполите.

— Ах да! Боюсь, что ничего не смогу вам точно сказать. Мой брат всегда был немного непредсказуемым. Он не вернется домой по крайней мере еще месяца три. Убежден, Филипп это знает. Кажется, курс лекций Ипполита кончается накануне Пасхи, но он предполагал остаться еще на короткое время, чтобы участвовать в раскопках, если не ошибаюсь, в Дельфах. — Леон улыбнулся. — Мой брат очень не любит писать письма... и Филипп знает об этом не хуже, чем я. — Взяв нож для разрезания бумаги, он положил его на прежнее место и посмотрел на меня, любезно улыбаясь. — Хорошо, мисс Мартин, я вас не задерживаю. Ведь надо еще направить мой праведный гнев в нужное русло.

Я поспешила удрать, а выходя, увидела, что он протянул руку к домашнему телефону.

С неприятным удивлением я поняла, что «удрать» было самым подходящим словом для определения того чувства, с которым я выходила из библиотеки. Это открытие встревожило и рассердило меня. «Черт возьми, тигр играет с мышкой бархатными лапами, спрятав когти, вот как!»

И хотя у меня не было никаких причин для подобных предположений, я не могла избавиться от впечатления, что его пресловутый гнев, о котором мы так много говорили, был направлен непосредственно против меня, что бы он там ни утверждал и как бы это ни казалось невероятно.

* * *

Оставалось ровно две недели до пасхального бала, и мне надо было заняться туалетом. Погода стояла плохая, поэтому прогулки с Филиппом можно было отменить, и, хотя в дождливые дни я несколько раз отводила его во двор поиграть, у меня оставалось дома много свободного времени на кройку и шитье. Филипп и Берта были захвачены идеей самим соорудить бальное платье и все время крутились вокруг меня, щупая материал и издавая восторженные вопли при каждой новой стадии его обработки. Конечно, от Берты было больше толку, чем от Филиппа, потому что она дала мне швейную машинку, и я могла примерять на ней свое будущее платье — наши размеры совпадали. Она не выражала недовольства, если ей подолгу приходилось стоять, закутанной в блестящие полосы шелка, в то время как я прилаживала детали и всячески экспериментировала.

По мере того, как приближался бал, в замке Вальми царило все большее оживление и праздничное ожидание. Если у хозяев действительно не хватало денег, то, во всяком случае, никто бы об этом не смог догадаться. Я поняла из разговоров, к которым старалась не особенно прислушиваться, что большую часть расходов будет нести сам мсье де Вальми.

— Мсье Ипполит, — шептались слуги, — не очень-то интересуется подобными вещами.

И если в прошлом отец Филиппа охотно финансировал это мероприятие и каждый год приезжал из Парижа вместе с женой, чтобы присутствовать на нем, то сейчас Ипполит, который вместе с Леоном был опекуном мальчика, предпочитал плотно сидеть на мешке с деньгами. Как бы то ни было, казалось, мсье де Вальми решил возродить хотя бы отблеск славных дней «старого графа». Моему непривычному глазу приготовления представлялись в высшей степени торжественными и пышными. Открывались и проветривались все не-

жилые спальни, ибо на Пасху должны были съехаться гости; настежь распахнулись двери бального зала и большой гостиной; каждая подвеска на люстрах и канделябрах была тщательно вымыта и протерта; зеркала вытерты до неимоверного блеска. Мебель и ковры перетаскивали с места на место под наблюдением орлиного ока Леона де Вальми. Его кресло, казалось, было повсюду: если кто-нибудь из слуг ронял что-нибудь из столового серебра, которое подверглось самой ожесточенной чистке, хозяин слышал стук; если стол передвигали по паркетному полу, вместо того чтобы перенести, гневный голос раздавался из угла комнаты; его видели даже в коридорах верхних этажей, где мсье де Вальми, быстро катясь на кресле, инспектировал спальни; он проезжал по проходам, которыми почти не пользовались члены семьи де Вальми.

Огромный дом, комната за комнатой, готовился к величайшему событию года, и волнение становилось все ошутимее с приближением праздника. Наносились последние штрихи: из теплиц доставили цветы — камелии, лилии и какие-то пышные соцветия, которые я видела впервые, вместе с полными вазами колокольчиков, нарциссов и тюльпанов. Они выглядели прохладными и девственно-свежими рядом с экзотическими цветами, источавшими тяжелый пряный аромат. На одной из галерей был даже устроен миниатюрный грот, где плакучие ивы свешивались над неглубоким бассейном со сверкающими в воде золотыми рыбками, окруженным рядами цикламенов, которые, словно бабочки, присели у его краев. Снаружи прожекторы бросали разноцветные лучи на переливающиеся струи фонтана, взметнувшиеся на тридцать футов в высоту и устремляющиеся к круглому желтому лунному диску. В канун Пасхи установилась хорошая погода, и Пасха началась при ярких лучах солнца, при мягком ветерке, от которого качались в лесах дикие ромашки. Все предвещало веселый праздник.

Замок Вальми праздновал наступление весны.

* * *

В воскресенье вечером, когда Филипп лег, я делала последние стежки в своем наряде. Берта осталась, чтобы помочь, и сейчас с видимым удовольствием прохаживалась передо мной, надев мое платье, а я сидела

на полу среди разбросанных булавок и критически осматривала свою работу.

— Да... — сказала я. — Повернитесь еще разок; хорошо? Спасибо. Как вы думаете, Берта, сойдет?

Берта весело повернулась, раздув юбки, и сделала грациозный книксен. Я с интересом наблюдала, как она изменилась, сняв форму горничной — куда только девалась ее прямая, чопорная осанка! В этом мерцающем платье она выглядела тем, кем была, — красивой деревенской девушкой, тоненькой и цветущей, с алеющими от волнения щеками.

— О как красиво, мисс! Правда, очень красиво! — Она еще раз повернулась, так что широкая юбка раздулась пузырем, потом улеглась красивыми складками. Немного приподняв одну из складок, Берта сказала с легкой завистью: — Вы будете в нем такая красивая!

— Очень боюсь, что это платье будет казаться домашней стряпней рядом с коллекцией туалетов, которые соберутся в зале.

— Не думаю, — упрямо сказала Берта. — Я видела почти все эти туалеты: мы с Мариэттой помогали упаковывать чемоданы. По-моему, самое красивое бальное платье у маркизы из желтой комнаты, хотя она сама отнюдь не картинка — уродина, каких мало.

— Шшш, Берта, — со смехом остановила я ее. — Не говорите мне таких вещей!

Она стала кружиться по комнате, напевая себе под нос:

— Конечно, мадам всегда красива. Она прекрасно выглядит в своем парадном туалете — прямо королева. И мадам Верлен одевается со вкусом. У нее черное платье.

— А мсье Флоримон уже здесь?

— О, мсье Флоримон всегда приезжает на этот бал. Он говорит, что не пропустил бы его ни за какие деньги. Не удивительно, ведь половина гостей одевается у него.

Я стала собирать валяющиеся на полу булавки и как бы случайно спросила:

— А мсье Рауль? Он обычно приезжает на это время?

Наступила небольшая пауза. Краем глаза я увидела, что Берта остановилась и повернулась ко мне. Я подняла глаза, наши взгляды скрестились, потом она быстро отвернулась, подобрав юбку.

— Он не приезжал на Пасху вот уже несколько лет. Но его ожидают — на этот раз.

Ничего не ответив, я продолжала собирать булавки.

Берта подошла ко мне, ее голос снова потеплел и стал естественным:

— Почему бы вам не примерить платье сейчас, мисс? Не беспокойтесь, я подберу булавки потом.

— Готово, — сказала я. — Кажется, это все.

— Это только кажется, — с таинственным видом сказала она. — Еще много недель мы будем находить их в самых неожиданных местах. Давайте, мисс, оденьте ваше платье. Мне хочется увидеть вас в нем, в серебряных туфельках и все такое...

Я засмеялась и встала с пола:

— Хорошо.

— Безобразие, что в вашей комнате нет приличного зеркала. Это в дверце шкафа не считается, особенно для длинного платья.

— Ничего. Я сказала мадам, что шью себе бальное платье, и она разрешила мне пользоваться зеркалом в ее комнате. Сейчас просто пойду к ней, чтобы окончательно все проверить, а завтра мне придется одеваться здесь.

Берта пошла за мной в спальню и застенчиво сказала:

— Можно, я помогу вам завтра одеться?

— Это было бы очень любезно, Берта. Но вы будете так заняты! И я прекрасно справлюсь сама, честное слово. Вы ведь знаете, я не привыкла, чтобы меня обслуживали.

— Мне бы очень хотелось, правда.

— Большое спасибо. Мне будет очень приятно, если вы мне поможет.

Снова надев форму, Берта с явным удовольствием помогла мне облачиться в парадный туалет. Когда все было готово, я встала перед узким зеркалом в дверце гардероба, глядя на свое отражение.

— О мисс, как красиво!

— Мы много поработали над ним, Берта. Я страшно благодарна вам за помощь. Я не смогла бы закончить его без вас.

Я вертелась перед зеркалом, оценивая общий вид платья, и думала о том, насколько дилетантским оно будет выглядеть по сравнению с другими нарядами в

бальном зале. Потом я увидела в зеркале глаза Берты. Они блестели от восхищения. Совершенно очевидно, что ее вовсе не прельщали изысканные оттенки нарядов от Бальмена и Флоримона.

— О мисс, как красиво! Ничего не может быть лучше! Вы в нем красивая, как картинка. Подождите, я принесу вам туфли.

Она бросилась к шкафу, но я ее остановила.

— Берта...

Она обернулась.

— Берта, хотите надеть это платье на ваш праздник во вторник? Может быть, у вас есть такое же красивое, как это, но мне бы хотелось...

— О, мисс! — Ее глаза стали совсем круглыми, и она молитвенно сложила руки. — Я? Разве можно... можно?

— Почему бы и нет? Платье вам идет, оно в сущности сшито на вас. Если оно вам действительно нравится, мне будет очень приятно, что вы его возьмете. Не думаю, что кто-нибудь его узнает.

— Нет, никто не узнает, — быстро ответила она. — Завтра в замке будут наемные официанты, а Бернар... а слуги не будут присутствовать на балу. Если... если вы только говорите серьезно.

Она снова принялась благодарить меня, но я прервала ее:

— Значит, договорились. Хорошо. А сейчас мне лучше побежать в комнату мадам и посмотреть в зеркало, пока она не поднялась к себе.

Берта еще раз нагнулась за туфлями.

— А туфли! Наденьте серебряные туфли!

— Нет, нет, не стоит, не беспокойтесь, — быстро сказала я, направляясь к двери. — Мне надо бежать. Еще раз спасибо, Берта. Спокойной ночи.

* * *

Спальня мадам де Вальми сообщалась с маленькой гостиной, где мадам обычно проводила утро. Я прошла через эту комнату, оставив дверь открытой нараспашку.

Комната утопала в мягком свете. Повсюду кружева, элегантная мебель в стиле Людовика XVI, на туа-

лете поистине сказочное сияние серебра и хрусталя. Рядом с дверью в ванную находилось огромное венецианское зеркало, поддерживаемое на обтянутой шелковыми шпалерами панели усилиями целого сонма серебряных ангелочков.

Я встала перед зеркалом. Длинные занавеси на окнах, отражавшиеся в стекле, были из розовых кружев. Прекрасный фон. Когда я двигалась, серебряные нити в складках моей белой юбки мерцали и переливались, словно солнечные лучи, проходящие сквозь прозрачное облако тумана.

Помню, я подумала о том, что Золушка теперь уже не может не прийти на бал. А что будет в полночь?

Я нетерпеливо отогнала от себя эти мысли. Какая же я дура, что все еще не могу расстаться с глупой сказкой! Я уже достаточно обожглась!

Кто-то подошел к дверям гостиной. Наверное, Берта принесла мне новые серебряные туфельки.

— Входите сюда. Я уже кончила, — позвала я ее и состроила себе гримасу в зеркале. — Мне несут хрустальные башмачки. Какого черта! Все равно ведь ничего не выйдет...

Быстрые шаги в гостиной. Голос Рауля произнес:

— Элоиза, вы меня звали?

Потом он увидел меня и неподвижно остановился в дверях спальни.

— О... привет, — сказал он, немного задыхаясь, словно поднимался по лестнице бегом.

Я открыла рот, чтобы ответить ему, потом глотнула воздух и сжала губы, потому что не смогла бы сказать ни слова, даже если бы очень старалась. Должно быть, у меня был вид школьницы, которую застали за чем-то недозволенным. Я почувствовала, что краснею.

Неловко подобрав свою пышную юбку, я пошла к двери, которую он все еще загораживал.

Но Рауль не уступил мне дорогу. Он просто прислонился к дверной раме и ждал, словно собирался оставаться в таком положении весь вечер.

Я нерешительно шагнула к нему и остановилась.

— Не убегайте. Дайте на вас посмотреть.

— Я должна. Я хочу сказать, что было бы лучше...

— Сабинянка, — сказал он очень мягко и ласково, и его смеющийся тон заставил меня покраснеть еще сильнее и поднять на него глаза.

Не помню точно, что случилось потом. Кажется, он немного подвинулся и произнес:

— Ну, хорошо. А теперь скажите: вам и в самом деле хочется сейчас убежать?

А я, кажется, с великим трудом сумела выдавить из себя «нет», а потом «Рауль»; тут его плечи оторвались от двери, словно какая-то сила толкнула его вперед и заставила мгновенно преодолеть разделяющее нас расстояние. Он обнял меня, его губы прижались к моим с немыслимой, пугающей силой — и все же этот поцелуй был именно таким, каким представлялся мне в самых заветных мечтах.

Наконец я оторвалась от него, упершись обеими руками ему в грудь.

— Но почему, Рауль, почему?

— Что значит почему?

— Почему именно я? Ваш отец назвал меня как-то «Джен Эйр», и он не очень-то далек от истины. А вы... любая девушка будет вам рада. Почему же именно я?

— Хотите знать почему? — Он снова повернул меня к зеркалу, прижав к себе. Я чувствовала, как сильно бьется его сердце. Наши взгляды встретились в зеркале. — Не скромничайте, моя дорогая. Теперь вы видите почему.

Меня охватило странное чувство, словно я одержала победу, которая не принесла мне радости. Я ничего не ответила. Серебряные ангелочки уставились на нас слепыми глазами. За нами сверкал золотом и хрусталем прелестный розовый будуар мадам, словно приют блаженства. Рауль внимательно смотрел на мое отражение.

Он открыл рот, собираясь сказать что-то, но в это время в соседней комнате раздался шорох. Рауль вскинул голову и на минуту крепче сжал руками мои плечи. Потом он отпустил меня и повернулся к двери.

— А, Элоиза, — совершенно хладнокровно сказал он. — Я вас искал. По-моему, вы хотели меня видеть.

Я вздрогнула и отпрянула от него. Мои горящие щеки внезапно похолодели, и я стояла у зеркала, бледная и растерянная. Нас мог увидеть каждый, кто входил в гостиную. Сейчас там находилась Элоиза де Вальми, которая едва переступила порог, а за ней шла Альбертина. Мадам обернулась, обращаясь к кому-то через плечо, очевидно к одному из гостей, стоящему в коридоре. Я не видела, кто это был.

Мягкий женский голос ответил мадам и послышался удаляющийся шелест длинной юбки. Не знаю, видела ли мадам де Вальми, как Рауль обнимал меня, но Альбертина-то видела наверняка — я была совершенно убеждена. Избегая взгляда ее злых темных глаз, я быстро выскользнула из спальни, Рауль последовал за мной.

— Мадам, я зашла посмотреть в ваше зеркало, чтобы... чтобы примерить платье. Вы сказали, что разрешаете... — пролепетала я.

Я все еще не могла решить, видела она или нет. Прозрачные серые глаза бесстрастно оглядели меня с головы до ног. Как обычно, они не улыбались, и в лице ее можно было уловить легкое выражение недовольства.

— Конечно, — сказала она спокойным холодным тоном. — Это то самое платье, которое вы сами сшили, мисс Мартин? Очень красиво. Вы прекрасная портниха. Может быть, когда-нибудь сошьете что-нибудь и для меня?

Так. Значит, она все-таки видела. Я почувствовала, что Рауль, стоящий рядом со мной, сделал небольшое движение. Краска снова бросилась мне в лицо, и щеки разгорелись.

— С большим удовольствием, мадам, — быстро сказала я. — Спокойной ночи, мадам. Спокойной ночи, мсье.

Я не смотрела на него. Проскользнув мимо Элоизы де Вальми в темноту коридора, я бегом направилась в свою комнату.

Следующий день промелькнул очень быстро. Почти все время я пробыла с Филиппом, единственным обитателем замка, не затронутым радостным возбуждением. Казалось, он примирился с тем, что ему не придется участвовать в празднике.

К счастью, мне не надо было встречаться с мадам де Вальми. Сразу же после обеда Альбертина передала мне пожелание мадам — совершить нашу обычную послеобеденную прогулку с Филиппом не в лес, а в Су-биру, чтобы сделать небольшие покупки, поскольку ни у кого из слуг нет свободного времени. Если не ошибаюсь, Альбертина сделала небольшую паузу, словно намереваясь произнести «у других слуг». На ее пло-

ском лице и в ровном голосе промелькнула искра зло-
радства.

Я не стала спорить и, когда мы с Филиппом, кото-
рый шел надувшись и волоча ноги, направлялись в Су-
биру, утешала себя тем, что слишком чувствительна.
Вряд ли мадам де Вальми будет так грубо ставить ме-
ня на место второй раз, что же касается Альбертины,
то меня совершенно не задевало ее лакейское хам-
ство.

Я начала сомневаться в правильности своих выво-
дов через несколько минут, остановившись на освещен-
ной солнцем улице перед аптекой мсье Гарсена, чтобы
поискать в сумке записку Альбертины, где были ука-
заны необходимые покупки. Бисерная занавесь на
двери аптеки откинулась — и выскочила Альбертина,
«у которой не было свободного времени». Значит, я
выполняла роль мальчика на побегушках у Альбер-
тины. Она, должно быть, отправилась в Субиру почти
сразу же после того, как передала мне поручение
мадам.

Я удивленно посмотрела на нее. Она не выказала
никакого смущения, проскользнув мимо меня, посмот-
рев, как обычно, искоса и улыбнувшись едва тронув-
шей губы загадочной улыбкой Моны Лизы. Выйдя из
аптеки, Альбертина вошла в кондитерскую рядом с
кафе.

Пройдя сквозь завесу колышащихся бус в пахнущую
всевозможными специями темноту аптеки, я чувствова-
ла себя очень неловко и была готова к тому, что мсье
Гарсен встретит меня тем же злобным взглядом иско-
са, как и Альбертина.

Я твердо сказала себе, что все это лишь мое вооб-
ражение. Но, выйдя из аптеки, я встретила лицом к
лицу с мадам Роше, домоправительницей юре, и тут
уж не было никаких сомнений — ее приветствие было
поистине ледяным. Добрая мадам Роше предпочла бы
перейти на другую сторону улицы, лишь бы не здоро-
ваться со мной. Взглянув на меня, она еле кивнула и
сказала «бонжур» тщательно обдуманном тоном (ка-
ким говорит добродетельная матрона с пригретой на
груди порядочных людей змеей), чтобы я знала свое
место, вместе с тем оставляя для себя возможность
примирения в случае непредвиденного развития собы-
тий в будущем. С Филиппом она поздоровалась с под-
черкнутой жалостью.

И позже, когда я покупала шоколад в кондитерской, жирная улыбка мадам Декорзан казалась немного вымученной, а в ее глазах, похожих на черносливыны, было жадное любопытство. Переводя взгляд с Филиппа на меня, она спросила:

— И когда же вы оставляете нас, мадемуазель?

— Мы пока что останемся здесь, мадам. Мсье Ипполит вернется не раньше чем через три месяца, — ответила я довольно хладнокровно, хотя сердце молотом стучало у меня в груди.

Я потащила Филиппа за руку на горячее солнце улицы сквозь шелкающие бусы дверной занавеси. Альбертина мастерски сделала свое дело. Последние новости, дополненные домыслами, уже циркулировали по всему селению.

Пройдя сквозь строй любопытных и враждебных взглядов, сопровождаемых громким шепотом, я наконец дошла до моста вместе с несчастным Филиппом, который плелся рядом со мной так медленно, что можно было сойти с ума. А мне еще надо было пересечь широкое пространство лугов от моста до замка Вальми.

Я никогда раньше не понимала, как трудно приходилось Золушке.

После чая я отправилась к миссис Седдон, чтобы разузнать, какие слухи распространяются «внизу» — среди прислуги замка Вальми, но мне сказали, что из-за волнений и переутомления от подготовки к балу у нее начался «один из обычных припадков», она слегла и никого не принимает. Итак, я оставалась с Филиппом, то предаваясь безнадежным воспоминаниям о счастливых мгновениях, то размышляя о том, что теперь уж меня наверняка прогонят из Вальми. Мне приятно думать теперь, что я очень беспокоилась и о судьбе Филиппа.

К тому времени, когда Берта принесла ужин Филиппу, мои нервы были напряжены до предела и я уже почти решилась уклониться от встречи с хозяевами и не пойти на бал. Потом Филипп раскапризничался и со слезами отказался лечь, если я не приду к нему «в самую полночь» и не отведу его на галерею, чтобы он мог полюбоваться танцами в зале. Я обещала прийти, и, удовлетворившись этим, он довольно спокойно ушел с Бертой.

Я закрыла за ними дверь и пошла наливать воду в ванну.

Я одеваюсь на свой первый бал... И Рауль будет где-то там, среди толпы танцующих... Я должна быть счастлива и полна радостного ожидания. Но когда я разворачивала новый брусок ароматного мыла, руки у меня дрожали, а позже, сидя перед зеркалом в халатике и расчесывая волосы, я вскочила, услышав легкий стук в дверь, словно меня должны были вести на расстрел.

— Я открою, — сказала Берта, которая наконец избавилась от Филиппа и пришла помочь мне одеться. Она приоткрыла дверь, о чем-то коротко поговорила о тем, кто стоял в коридоре, потом закрыла дверь и вернулась с коробкой в руках.

Я все еще сидела за туалетным столиком, не выпуская расчески. Берта подошла ко мне. Она немного покраснела, передавая мне коробку и смотря при этом в сторону.

— Это для вас. — Ее тон, как и все поведение в этот вечер, был каким-то подавленным и немного официальным.

На минуту мне захотелось спросить ее, какие слухи ходят обо мне, но я прикусила язык. Мне не хотелось встречаться с ним — а тем более с мсье и мадам, под свежим впечатлением кухонных сплетен Альбертины. Достаточно было взгляда, который она бросила на меня, словно шлепок грязи.

«И ты, Берта», — подумала я, беря из ее рук коробку.

Она была легкая и плоская, с целлофановой крышкой, сквозь которую виднелись, как сквозь стекло, темные сердцевидные листья и хрупкие лепестки белых фиалок; молочно-белые, полупрозрачные, словно крылья бабочки, такие нежные на фоне темно-зеленых листков. На лепестках были едва заметные кремовые жилки.

Среди листьев была засунута карточка. Даже не открывая крышки, я видела горделивый черный росчерк единственной буквы «Р».

Я кончила одеваться в полном молчании.

Потом я, приколов к платью фиалки, спокойно сказала:

— Благодарю вас, Берта, — и направилась туда, где звучали смех и музыка.

ГЛАВА XI

Я знаю — я двойной глупец,
Люблю и признаюсь в любви.
Джон Донн. «Тройной глупец»

ал уже был в разгаре, и-я была очень довольна, что мсье и мадам де Вальми кончили прием гостей. Их место — у подножия главной лестницы, возле стоящих в ряд ваз и корзин с цветами, опустело. В бальном зале снова-ли группы блестящих дам и их спутников. Я стояла на галерее, не решаясь в одиночестве спускаться по широким ступеням этой поистине королевской лестницы, но тут мимо меня, весело щебеча, прошли три молодые дамы, которые, по-видимому, вышли из своих комнат. Стараясь быть как можно незаметнее, я последовала за ними.

Без особого труда проскользнув сквозь толпу гостей в бальный зал, я нашла за колонной укромный уголок, заставленный корзинами азалий, и устроилась там, чтобы наблюдать за танцующими.

Кресла Леона де Вальми нигде не было видно. Элоиза, блиставшая красотой, в платье цвета морской воды, танцевала с пожилым бородатым мужчиной с розеткой Почетного легиона в петлице. У одного из окон я заметила Флоримона, беседовавшего или, вернее, слушавшего довольно страшную старуху с носом похожим на клюв и невероятными голубыми волосами. Он немного наклонился вперед с видом усиленного внимания, что должно было уверить собеседницу, что она — самая интересная и умная женщина в этом зале. Может быть, и так, но даже если бы она была бабой-ягой, Флоримон обходился бы с ней так же.

Я осматривалась в поисках Рауля. Под звуки шумной музыкальной фразы танцующие недалеко от меня пары сделали поворот и разошлись, и я увидела его. Он танцевал с блондинкой, у которой были немного раскосые глаза и красивый чувственный рот. Она была в прямом черном платье с высоким воротником, вероятно от мадам Фат, в котором казалась неправдоподобно тоненькой и хрупкой. Она очень тесно прижима-

лась к нему во время танца, что-то быстро говорила и то и дело бросала на него снизу вверх зовущие взгляды сквозь длинные и густые ресницы. Он молча улыбался. Они замечательно подходили друг к другу и танцевали так красиво, что все смотрели только на них и многие многозначительно поднимали брови. Увы, я могла быть лишь сторонним наблюдателем. Вероятно, миссис Седдон была права — там, где появлялся Рауль, начинали ходить всевозможные слухи. Интересно, кто эта девушка? Будут ли так же многозначительно подниматься брови когда... если он будет танцевать со мной? «Кто такая его новая симпатия? О дорогая, полное ничтожество, это же сразу видно. А платье, моя дорогая... Гувернантка?! О, понимаю...»

Музыка умолкла, и гости столпились у стен зала. Меня не было видно в толпе. Никто меня не замечал. Я сидела молча, прикрытая колонной и пышными букетами азалий. Рядом со мной по металлическому увлажнителю текла тонкая струйка воды, издавая стеклянный звук, похожий на звучание спинета. Возле него стоял аквариум, и в него капала вода из ящика со влажным мхом. Азалии бросали на поверхность аквариума причудливую тень, под которой медленно проплывали золотые и серебряные рыбки.

Снова раздались звуки музыки, заглушая разговоры, смех и тонкий звон водяной струйки. По залу заскользили сверкающие наряды. На этот раз Рауль вывел в круг танцующих пожилую даму в ужасном яркосинем платье и великолепных бриллиантах. Потом он танцевал с женщиной, похожей на черного коршуна с пронизательными голодными глазами и пальцами как желтые когти. Затем снова с красивой блондинкой, а после нее — со стройной, словно затянутой в корсет, дамой с крашеными волосами, в экстравагантном черном платье и с ожерельем из огромных изумрудов. За ней последовала седовласая добродушная старушка. И опять та же блондинка.

Рыбка застыла в воде, зеленой, как серпентин, мерно шевеля плавниками. Лепесток азалии медленно упал в воду и поплыл по гладкой поверхности. Я вспомнила, что обещала Филиппу провести его на галерею, и встала, расправляя складки широкой юбки. Испуганная рыбка метнулась под спасительную тень свисающего из ящика мха.

Вдруг у меня за спиной кто-то сказал:

— Мадемуазель!

Я вздрогнула, как грешник, которого зовут на расправу, и уронила сумочку. Она упала всего в нескольких миллиметрах от аквариума.

Человек, окликнувший меня, с некоторым трудом нагнулся за сумкой. Я должна была предполагать, что он явится рано или поздно, чтобы утешить несчастную, оставшуюся без кавалера на балу.

— Мсье Флоримон! — сказала я. — Вы меня напугали.

— Прошу прощения. — Он с улыбкой подал мне мою сумочку. — Но сейчас уж я вас не отпущу, мадемуазель. Вы мне нужны для алиби.

— Алиби?

Он сделал свой обычный широкий жест:

— Дорогая моя, я не танцую, и меня заговорили до полусмерти. Думаю, что, если незаметно уединюсь с вами в уголке, мы сможем продолжить наш флирт, а это я могу делать без особых усилий в любое время.

— И кроме того, — добавила я, видя, что он уже опустил руку в карман, — одновременно спокойно покурить. Хорошо, мсье Флоримон, я буду вашим громоздким отводом.

— Женщина, сочувствующая мужчине, — несколько не смутившись, вздохнул Флоримон, вынимая портсигар, — стоит дороже рубинов.

— Неправда, — возразила я, снова усаживаясь, — ни одна женщина не стоит дороже рубинов. Нет, спасибо, я не курю.

— Дороже алмазов, жемчугов и рубинов, — сказал Флоримон, со вздохом опускаясь в кресло рядом со мной и зажигая сигарету с таким видом, будто совершал некий сложный ритуал. Он оглядел меня сквозь прозрачное облако табачного дыма. — Очень красивое платье, дорогая.

Я засмеялась:

— Шекспир поздравляет бульварного писака судачной фразой? Благодарю вас, мсье.

В уголках его глаз появились смешливые морщинки:

— Говорю совершенно серьезно. Вы проявляете излишнюю скромность. Я искал вас, но не видел, чтобы вы танцевали.

— Я никого здесь не знаю.

— О ла-ла! Неужели Элоиза не познакомила вас хотя бы с несколькими молодыми людьми?

— У меня не было времени поговорить с ней. Я спустилась в зал очень поздно.

— А теперь... а, вот она, танцует с мсье де Сан-Юбером. — Он внимательно осмотрел зал. — Где же Рауль? Он-то знает всех на свете. Может быть, он...

— О нет, пожалуйста! — Это восклицание вырвалось у меня помимо воли. Встретив мягкий вопрошающий взгляд Флоримона, я неловко добавила: — Я... я как раз сейчас шла наверх. Обещала Филиппу, что приду к нему. Я... пожалуйста, не беспокойте мсье Рауля.

— Наверх? Чтобы больше не вернуться, не правда ли? — Он добродушно оглядел меня снова. — И поэтому вы пришли сюда так поздно и спрятались среди цветов?

— Я не... Что вы хотите сказать?

Его взгляд остановился на фиалках, приколотых к моему платью. Он не ответил. Я бессознательно попыталась прикрыть цветы ладонью — беспомощный и бесполезный жест.

— Откуда вы узнали? — спросила я, кончиками пальцев касаясь фиалок. — Из-за них?

— Дорогая моя, — мягко сказал он, покачав головой, — разве вы еще не понимаете, что каждый вздох одного из Вальми громом отдается в долине?

— Начинаю понимать, — с горечью ответила я, глядя в сторону. Рыбка слегка подталкивала снизу носом лепесток азалии. Я, забыв обо всем, наблюдала за ней. Танцевальная музыка доносилась до нас словно издалека. Здесь, среди цветов, был маленький сад, обнесенный стеной тишины, которую нарушало лишь текучее арпеджио капель воды, стекающих с влажных мхов.

Наконец Флоримон заговорил.

— Вы очень молоды, — сказал он.

— Мне уже двадцать три. — Я очень старалась, чтобы это не звучало как оправдание.

— Мадемуазель, — казалось, он тщательно выбирал слова. — Если вы когда-нибудь решите покинуть Вальми, куда вы направитесь?

Потрясенная словами Флоримона, я молча смотрела на него. Я не ошиблась: злобные взгляды Альбертины предвещали надвигающийся скандал. Мадам де Вальми и мсье Леон что-то сказали, намекнули на то

что хотят меня уволить. И добряк Флоримон хотел специально поговорить со мной об этом. Казалось, каждый считал своим долгом вмешаться в мои отношения с Раулем.

Не знаю, что я думала об этом сама. Я не могла думать ни о чем, кроме того, что он любит меня, что он поцеловал меня, что сегодня он здесь. Я хотела его видеть, но боялась встретиться с ним. О чувствах и целях Рауля — его «намерениях», я совершенно забыла. Он здесь, и я люблю его. Вот и все.

Я сделала над собой усилие и продолжала слушать Флоримона, который, как всегда мягко, спрашивал:

— У вас есть друзья во Франции или вы здесь совсем одна, мадемуазель?

— Нет, я никого не знаю во Франции. Но я не могу сказать, что совсем одна, мсье, — ответила я напряженным тихим голосом.

— Что вы хотите сказать?

— Мсье Флоримон, вы были очень добры ко мне, не думайте, что я этого не ценю. Но раз уж мы зашли так далеко, будем совершенно откровенны друг с другом. Вы беспокоитесь обо мне, потому что мадам видела, как я целовалась с Раулем де Вальми, и меня хотят уволить. Правда?

— Не совсем.

— В чем же дело? — удивленно спросила я.

— Дело в том, что вы влюблены в Рауля де Вальми, детка.

— Ну и что? — спросила я с вызовом.

— Только то, что я сказал. Вы слишком молоды. У вас здесь нет никого, к кому вы могли бы убежать в случае необходимости. Вы совсем одна.

— Нет. Я вам уже говорила. Я вовсе не одна.

Флоримон вопросительно поднял брови.

Очень спокойно я спросила:

— Разве так уж невозможно, чтобы я убежала, как вы выразились, к Раулю де Вальми?

Он не ответил. Казалось, мои слова эхом отдаются в тишине. Я так крепко сжимала ручку сумочки, что у меня заболели пальцы. Я посмотрела Флоримону в глаза:

— Да, мсье. Мы были откровенны друг с другом. Разве так уж невозможно, что Рауль... что я ему не безразлична?

— Моя дорогая... — начал Флоримон и замолчал,

— Да, мсье?

Он шумно вобрал в себя воздух:

— Вы и Рауль... Нет, мадемуазель. Нет, нет и еще раз нет.

— Вы хорошо его знаете, мсье? — спросила я, немного помолчав.

— Рауля? Вполне достаточно. Может быть, мы не были очень близки, но... — Он снова замолчал и потянул себя за ворот пухлой рукой. Избегая моего взгляда, он неожиданно громко произнес: — Черт! — и отряхнул пепел сигареты в кадку с азалиями.

Но я была слишком рассержена для того, чтобы оставить его в покое:

— Если вы знаете его не так уж хорошо, может быть, вы объясните мне, что вы имеете в виду?

Тогда он посмотрел на меня:

— Дорогая, я не могу. Мне не надо было заводить этот разговор. Я сделал непростительную глупость и не хочу усугублять ее.

— Поскольку вы в гостях у мсье де Вальми?

Флоримон вздрогнул:

— Вы слишком проникательны. Такому старому увальню, как я, трудно за вами угнаться. Да, потому. Есть еще и другие причины.

Наши взгляды встретились. Казалось, мы оба были смущены. Но я все еще сердилась на него.

— Поскольку мы с вами говорим загадками, мсье, я хочу узнать, почему вы думаете, что от всех тигров рождаются только тигрята? — спросила я.

— Мадемуазель...

— Хорошо, — согласилась я, — оставим разговор. Вы меня предупредили. Вы облегчили совесть, и это очень любезно с вашей стороны. Поживем — увидим.

— Я ошибался, — сказал он, шумно вздохнув, — вы вовсе не так молоды, как мне казалось. — Флоримон нашарил в портсигаре новую сигарету и добродушно улыбнулся, глядя на меня. — Ну ладно, я высказался; допускаю, что мои слова были неуместны, но вы мне прекрасно ответили. И не забывайте, если решите совершить побег, то у вас есть во Франции по крайней мере еще один человек, к которому вы можете убежать.

Мой гнев утих:

— Мсье Флоримон...

— Хорошо, хорошо, — сказал он, — оставим эту тему. Как насчет маленького флирта, которым мы зани-

мались? Вы помните, где мы остановились? Или, может быть, вы предпочли бы небольшую шахматную партию?

Я неуверенно засмеялась:

— Это будет действительно небольшая партия. По сравнению со мной Филипп гроссмейстер. Вы разобьете меня в пух и прах за три минуты.

— Очень жаль. Нет ничего лучше шахмат и табака, смешанных в соответствующей пропорции, чтобы отвлекаться от непрошенных советов старого дурака, которому не следовало бы совать нос в чужие дела. — Мягкая ладонь по-отечески похлопала меня по руке и убегала с места. — Простите меня, детка. Я не виноват в том, что мой совет немного запоздал.

— Мсье Флоримон, — улыбнулась я ему, — хотя я выбрала не самый подходящий момент нашего флирта, но мне хочется вам сказать, что вы очень хороший человек. А совет действительно... запоздал.

Рядом с нами голос Рауля произнес:

— А, Карло, вот вы где! Какого дьявола вы прячете ее в этом углу? Черт возьми, я вот уже два часа не отрываю глаз от дверей. Я не мог подумать, что она находится в такой очаровательной компании: вы и золотые рыбки! О чем вы так серьезно беседовали, старина? Что там у вас запоздало?

— Прежде всего, запоздали вы, — спокойно ответил Флоримон. — А теперь забирайте отсюда мисс Мартин, потанцуйте с ней и постарайтесь, чтобы она забыла о том, что вы оставили ее наедине с золотыми рыбками.

— Постараюсь, — улыбнулся Рауль. — Линда, идите сюда.

Я пошла с ним.

Взгляд Флоримона, в котором все еще проглядывало беспокойство, следил за мной. А потом я забыла обо всем, захваченная звуками музыки.

— Мне кажется, прошла целая вечность с тех пор, как мы не виделись, — сказал он мне на ухо. — Вы долго сидели там?

— Не очень.

— Почему вы так опоздали?

— Я боялась спуститься.

— Боялись? Господи! Почему? А, понимаю, Элоиза.

— Вы знаете, что она видела нас.

— Да. — Он засмеялся. — Вас это очень беспокоит?

— Конечно.

— Привыкайте не обращать на нее внимания.

Мое сердце билось где-то не там, где ему полагалось быть.

— Что вы хотите сказать?

Но он снова только засмеялся, ничего не ответил, быстро закрутив меня в такт музыке. Мимо нас промчалась колонна, группа гостей, инвалидное кресло...

Леон де Вальми.

Конечно, он наблюдал за нами. Тень в центре калейдоскопа, паук в середине пестрой паутины... Обжигающим облаком из небытия возникали фантастические образы. Я сердито потрясла головой, словно это могло помочь мне отогнать их. «К черту Леона де Вальми, я его не боюсь... А может быть, все-таки боюсь?»

На минуту танец столкнул меня с ним лицом к лицу — и я широко улыбнулась.

Нисколько не сомневаюсь — он был обескуражен. Я увидела, как резко вздернулись черные брови, но потом он криво улыбнулся мне в ответ.

Несколько танцующих пар загородили нас от него. У меня было впечатление, что улыбка моего хозяина вызвана совершенно искренним удивлением, и вместе с тем в ней чувствовалась насмешка — я не могла понять, над чем он смеется. Впечатление было весьма неприятным.

— Рауль! — сказала я внезапно, будто что-то तोпились сообщить ему.

— Да?

— О... ничего.

— Просто Рауль?

— Да.

Искоса посмотрев на меня, он улыбнулся.

— Пусть будет так. — Это все, что он сказал, но я почему-то была уверена, что он меня понял.

* * *

Когда танец кончился, мы были далеко от Леона де Вальми, почти на противоположном конце зала, у одного из высоких окон. Рауль не проявлял желания сменить даму. Он молча стоял рядом со мной, казалось не обращая никакого внимания на окружавшую нас толпу, хотя, конечно, очень многие недоумевали, глядя на нас. Я поймала несколько любопытных взглядов, но они нисколько меня не беспокоили. Я старалась отыскать среди гостей мадам де Вальми и пона-

блюдать за ней так, чтобы она этого не заметила. Но ее нигде не было видно.

Снова заиграла музыка, и Рауль повернулся ко мне. Я слабо запротестовала:

— Послушайте, вам не стоит обо мне беспокоиться. Я...

— Не будьте идиоткой, — почти грубо сказал он, беря меня за руку.

То, что он обращался со мной как любовник, обладающий всеми правами, естественно, окончательно успокоило меня. Я засмеялась. Все было забыто — Элоиза де Вальми, удивленные взоры, даже Леон и его насмешливая улыбка.

— Хорошо, мсье, — робко сказала я, и он увлек меня в самую середину зала.

— Ей-Богу, сегодня я выполнил свой долг, перетанцевав со всеми старыми перечницами в этом зале, не пытайтесь спорить со мной, дорогая... Я просто не мог найти вас раньше, иначе послал бы их всех к черту... — с чувством произнес Рауль.

Мы танцевали сейчас у открытого балкона, сквозь который в зал вливался мягкий ночной воздух.

— Именно это я и сделаю сейчас, — добавил он.

Я поняла, что он имеет в виду, когда мы плавно, в такт музыке, выскользнули из зала на балкон, отделившись от остальных танцующих так же плавно и незаметно, как плывущая по воде ветка забивается, наперекор течению, в укромное местечко у самого берега. Музыка, лившаяся из высокого окна, сопровождала нас; в саду светила весенняя луна и, словно маленькие привидения, колыхались тени первоцвета. Моя юбка коснулась нарциссов, которые росли по краям террасы. Рауль задел плечом за куст жасмина, и на нас полился дождь белых лепестков — маленьких сверкающих звездочек. Мы молчали. Все было словно овеяно волшебными чарами. Мы танцевали вдоль испещренной лунными тенями аркады балкона, потом сквозь открытые двери вошли в темный пустой салон, где полумрак казался теплым от зажженного камина, куда музыка доносилась лишь приглушенно, словно издалека.

Мы были одни. Рауль остановился, и его руки крепко обвили меня.

— Ну, а теперь... — сказал он.

Позже, вновь обретя дар речи, я дрожащим голосом сказала:

— Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя... —
И конечно, после этих необдуманных и неблагоразумных слов довольно долго не могла не то что говорить, но даже дышать.

Когда наконец Рауль отпустил меня и заговорил, я с трудом узнала его голос. Он был прерывистым и каким-то неуверенным, но в нем звучала свойственная ему насмешливая дерзость:

— Ну а теперь ты не спросишь меня?

— О чем?

— О том, что сразу же спрашивают все женщины в мире: «А ты меня любишь?»

— Обойдусь тем, что ты сам захочешь сказать, — ответила я.

— Прошу тебя не скромничать больше, чем нужно, Линда.

— Ничего не могу поделать. Ты на меня так действешь.

— О Господи! — сказал он каким-то странным, неестественным голосом и снова притянул меня к себе. На этот раз он не целовал меня, просто крепко прижал к груди и сказал, глядя в темноту поверх моей головы:

— Линда... Линда, послушай.

— Я слушаю.

— То, что ты сказала насчет любви... Я не знаю. Честно говоря, не знаю.

У меня сжалось сердце от непонятного чувства. Если бы это не было так нелепо, я бы сказала, что это была жалость к нему.

— Неважно, Рауль. Это не имеет значения.

— Имеет. Ты должна знать. У меня были другие женщины, как ты понимаешь. И довольно много.

— Да.

— С тобой все по-другому. — Молчание. Легкая усмешка. — Я должен был это сказать в любом случае. Но это правда. Чистая правда. — Он прижался щекой к моим волосам. — Линда. Чертовски неподходящее имя для француженки, верно? Ну вот, теперь ты знаешь. Я хочу тебя. Ты мне нужна, очень нужна, честное слово. Если ты называешь это любовью...

— Сойдет и так, — ответила я. — Можешь мне верить, сойдет.

Снова молчание. Ровно горел огонь в камине, наполняя комнату тенью. На одном из поленьев пузырем вздулась и зашипела смола.

Рауль еле слышно вздохнул и немного отодвинул меня. Голос его снова звучал обычно — хладнокровно, небрежно, немного резко:

— О чем вы говорили с Карло?

Вопрос был столь неожиданным, что я даже вздрогнула.

— Мы... я забыла. О разном. И... да, о моем платье. Да, мы говорили о платье.

Рауль улыбнулся:

— Ну-ну, признавайся. Вы говорили обо мне.

— Откуда ты знаешь?

— Ясновидение.

— Ах ты, черт, — сказала я. — Только не говори, что ты такой же.

— Такой же?

— Твой отец колдун, разве ты не знаешь?

— Ах так? Ну скажем, у меня отличный слух. Наверное, Карло предупредил тебя, что вряд ли у меня честные намерения?

— Конечно.

— Честное слово?

— Более или менее. Это было сделано намеками и в высшей степени мягко.

— Не сомневаюсь. Что он сказал?

Я засмеялась и процитировала слова Флоримона: «Вы и Рауль? Нет, нет и еще раз нет».

— Не стоит сердиться на мсье Флоримона. Я его обожаю, и он говорил со мной ради моего же блага.

Рауль мрачно посмотрел на меня сверху вниз:

— Вряд ли я могу сердиться на него. Он чертовски близок к истине. Какие бы ни были у меня мотивы, но, может быть, мы... — Он остановился. — Я говорил, какие у меня к тебе чувства. Но ты утверждаешь, что любишь меня.

— Да, да и еще раз да, — ответила я.

— Снова троица? Ты очень щедра, — улыбнулся он.

— Я цитирую слова Карло, только наоборот. Кроме того, у нас, англичан, есть стихи, в которых говорится: «То, что я скажу тебе трижды, будет верно».

Пауза. Потом он сказал, все еще не выпуская меня:

— Значит, ты рискнешь выйти за меня замуж?

Меня охватила дрожь.

— Но твой отец... — хрипло сказала я.

Он так крепко схватил меня за плечи, что мне стало больно.

— Мой отец? А какое ему дело?

— Он страшно рассердится. Может быть, он сделает что-нибудь, чтобы помешать этому... Заставит тебя уехать из Бельвина, или...

— Ну и что? Я не связан ни с ним, ни с Бельвином. — Он коротко и сердито рассмеялся. — Ты боишься ухудшить мое положение? Мое будущее? Честное слово, это мне нравится!

— Но ведь ты любишь Бельвина? — неуверенно сказала я. — Ты сам мне об этом говорил, и миссис Седдон...

— А, она тоже говорила обо мне!

— Все говорят, — просто сказала я.

— Значит, она сказала тебе, что у меня в будущем нет ничего, кроме Бельвина, да и то до тех пор, пока Филипп не стал настоящим хозяином Вальми?

— Да.

— Ну что же, она права. — Потом он добавил немного мягче: — Ну, а твоя трижды верная любовь позволит тебе выйти замуж за человека без будущего?

— Я ведь говорила, что сойдет и так; верно?

Еще одна короткая пауза.

— Да. Значит, ты выйдешь за меня замуж?

— Да.

— Несмотря на все страшные предупреждения?

— Да.

— Не ожидая ничего хорошего от будущего?

— Да.

— Об этом тебе не стоит беспокоиться, — торжествуя засмеялся он и загадочно произнес: — Любими средствами я завоюю себе будущее.

— Ты просто авантюрист, — сказала я.

Он смотрел на меня сверху вниз, и его черные глаза снова подернулись поволокой.

— А ты?

— Мне кажется, тоже, — медленно проговорила я.

— Знаю, — подтвердил Рауль. — Алмаз можно резать только алмазом, дорогая. Поцелуй меня и завершим нашу сделку.

Когда он разжал руки, я неуверенно спросила:

— Нам надо... сказать им?

— Конечно. А почему бы нет? Мне бы хотелось кричать об этом во все стороны, взобравшись на крышу, но, если хочешь, можем подождать до завтра.

— Да, пожалуйста.

В полутьме блеснули его зубы:

— Неужели это так трудно, крошка? Ты боишься моего отца?

— Да.

— Правда? — Он с удивлением взглянул на меня. — Не стоит. Но если хочешь, я скажу им сам. Ты можешь просто держаться до тех пор в стороне.

— Они страшно рассердятся, — сказала я.

— Рассердятся? Ты себя недооцениваешь, моя милая.

— Ты не понимаешь. Я... они все равно меня выгонят. Но от этого мне не легче.

— Выгонят? Что ты имеешь в виду?

— То, что слышишь. Я так или иначе ожидала, что завтра мне об этом скажут. Поэтому и не хотела спускаться.

— Но за что? В чем твое преступление? Из-за чего?

Я подняла на него глаза и слегка улыбнулась:

— Из-за тебя.

Ему понадобилось некоторое время, чтобы осмыслить это.

— Ты хочешь сказать, потому что Элоиза видела, как мы целовались? За это тебя хотят выгнать? Ерунда! — решительно сказал он.

— Нет, не ерунда. По крайней мере, я так думаю. Ты... ты ведь слышал, каким тоном мадам говорила со мной после этого, а сегодня я, спустившись в Субиру, поняла, что там уже все известно. — Я рассказала Раулю, как меня встречали в селении. — Альбертина, горничная мадам, разносит сплетни, потому что не любит меня, но думаю, она знает, как мадам хочет поступить со мной.

— Какое это имеет значение? — Рауль безразлично пожал плечами. — Сейчас ты не должна ни о чем беспокоиться. Во всяком случае, я уверен, что ты ошибаешься. Элоиза ни за что не захочет отпустить тебя.

— Я сама так думала, — робко сказала я, — ...из-за Филиппа.

— Из-за Филиппа? — быстро переспросил он.

— Да. Я... пойми меня правильно: не думаю, что я уж очень много сделала для Филиппа, и не ставлю себе в заслугу этот случай с выстрелом в лесу. Я просто не потеряла голову и не стала волновать его еще больше, но я... действительно спасла ему жизнь, когда он чуть не упал с балкона, и твой отец сказал...

— Когда это было? — спросил Рауль. — О чем ты говоришь?

— Разве ты не знаешь? — удивилась я и рассказала о неприятном инциденте, которым завершилось памятное путешествие в Тонон. Он слушал, отвернувшись от меня, глядя в огонь. В пляшущем свете камина я не могла разглядеть его лица. Рауль рассеянно достал и зажег сигарету. Когда спичка вспыхнула, осветив его, я увидела, что он нахмурился. — И в ту ночь твой отец понял, что мы целовались, — добавила я. — Уверена в этом.

— Помнишь?

— Помню.

Его лоб разгладился.

— Тогда не было никаких разговоров об увольнении. Но теперь они есть.

Он засмеялся:

— Ну что же, любовь моя, мы дали разговорам новую пищу. Утешься этим. Сейчас каждый в зале знает, что ты вышла со мной, и думает зачем и куда.

— Не думаю, что у них могут быть сомнения относительно «зачем и куда», — едко возразила я. — Вы устраиваете свои любовные делишки в стиле знатного вельможи, графа де Вальми. Я ведь простая гувернантка! Нет, пожалуйста, не смейся. Завтра мне придется с ними встречаться.

— Вместе со мной, помни об этом, дорогая. А сейчас забудем о завтрашнем дне. Завтра еще не наступило, и мы помолвлены. — Он взял меня за руки. — Если мы не можем кричать об этом во всеуслышание, по крайней мере отпразднуем нашу помолвку вдвоем. Пойдем достанем немного шампанского.

— И что-нибудь поесть, — добавила я.

— Бедняжка! Ты что, ничего не ела?

— Ни крошки. Я сидела в своем уголке, пока ты танцевал, пил вино и наслаждался жизнью.

— Очень глупо, — заметил Рауль. — Нечего хныкать. Стоило только вылезти из своего угла, и тебя разорвали бы на куски кавалеры, жаждущие танцевать с тобой, и ты могла бы есть, пить и наслаждаться жизнью вместе с ними. Ну, пошли за едой.

Огромная столовая была полна блестящими туалетами, веселой болтовней и хлопаньем пробок. Рауль прокладывал себе путь среди толпы, я следовала за ним по пятам. Многие здоровались с ним, и я ощущала на

себе любопытные взгляды, но мы не останавливались. Когда мы дошли до большого стола, сверкающего от серебра, мне пришло на память мое обещание.

— Рауль, совсем забыла, — тронув его за рукав, сказала я. — Я обещала зайти к Филиппу в перерыве между танцами. Я должна идти.

Он быстро обернулся, словно испугался:

— К Филиппу? Зачем, скажи на милость?

— Думаю, что он чувствует себя каким-то отверженным. Во всяком случае, я обещала прийти к нему «в самую полночь» и не могу его обмануть.

— Ты... заботаешься о нем намного больше, чем требуют твои обязанности; верно?

— Не думаю. Как бы то ни было, мне надо сейчас же пойти к нему, а то он уснет и подумает, что я забыла.

— Но мне казалось, что ты умираешь с голоду?

— Это верно. — Я жадно посмотрела на роскошно накрытый стол. Рядом со мной стояло серебряное блюдо с запеченными в тесте крабами, начинка просвечивала нежно-розовым из-под кудрявых листьев петрушки. — Но обещания надо выполнять.

— И ты всегда выполняешь свои обещания?

— Всегда.

— Я это запомню.

Я засмеялась:

— Я буду считать свои обещания действительными только в том случае, если ты дашь мне выполнить то, что я обещала Филиппу. Он был первым.

— Придется. Знаешь, пойдем вместе. Мне не хочется, чтобы ты упала в обморок от голода по дороге. — Он посмотрел на часы. — Скоро полночь. «Самая полночь»; верно? Почему бы нам не нарушить еще несколько правил? Возьмем шампанское и еду с собой. Филипп отпразднует с нами нашу помолвку.

— О Рауль, это чудесная мысль! Так и сделаем!

— Хорошо. Я принесу еду и вино. Чего тебе хочется?

— Всего, — коротко ответила я, оглядев стол.

— Ну и голодная же ты! — Он удивленно покачал головой.

— Очень. И даже если бы я не была голодная... — я вздохнула. — Я не смогла бы пройти мимо. Никогда в жизни не видела ничего прекраснее.

Он смотрел на меня со странным выражением:

— Ты хочешь сказать, что никогда раньше не была на балу?

— На таком? Никогда.

— Иногда прошлое забывается.

— Я стараюсь, чтобы оно забылось, — легкомысленным тоном сказала я. — Во всяком случае, в моем ужасном прошлом не было ничего подобного. Можно взять одно такое пирожное?

— Если уж очень хочется. И я полагаю, что ты никогда не пила шампанского? Прекрасно... Ну так вот, сегодня ты его выпьешь. Пирожные и шампанское; о Боже! Ну хорошо, иди к Филиппу, а я приду сразу же, как только организую нам еду, и принесу всего понемножку.

— Ты обещал! — торжественно сказала я и пробилась сквозь толпу к выходу.

Больше всего я боялась встречи с Леоном де Вальми. Я прошла мимо холла и парадной лестницы и побежала по коридору ко второй лестнице, по которой обычно ходили мы с Филиппом.

Но я боялась напрасно. Меня никто не заметил. Я прошла к лестнице и быстро взбежала по ступеням, подобрав свою пышную прозрачную юбку. Лестничная клетка выходила в верхний коридор, почти напротив двери в спальню мадам де Вальми. Я добежала почти доверху, но вдруг чуть не упала — у меня расстегнулась пряжка на туфле. Туфля спала у меня с ноги, и я должна была остановиться, чтобы ее подобрать.

Когда я выпрямилась, держа в руке туфлю, две женщины вышли из гостиной мадам. Мне показалось, что сердце перестало биться, но потом я увидела, что это две пожилые нетанцующие дамы. Одну из них я узнала сразу — она была в первых рядах тех, кто удивленно поднимали брови, сначала глядя на изящную блондинку, потом на меня. Интересно, как высоко поднялись бы ее изрядно уставшие брови, если бы она знала, что наверху у меня свидание с Раулем, правда, под непосредственным наблюдением Филиппа.

Туфля была моим алиби. Вежливо пропустив их, я направилась в свою комнату, очевидно для починки туфли. В ответ на мою улыбку дамы сделали два вежливых и тщательно рассчитанных кивка и проплыли мимо, направляясь к парадной лестнице.

Наконец шорох их юбок затих. Испуганно взглянув на дверь гостиной Элоизы, я снова подобрала юбки и повернула к комнате Филиппа.

Заурчали часы, собираясь бить. Полночь. Я улыбнулась. Точно в самую полночь. Потом откуда-то взялась странная мысль, и я остановилась. Полночь. Упавшая туфелька. Бегство с бала.

Я нахмурилась. Это было так нелепо, что внушало неясное беспокойство. Потом я пожала плечами и засмеялась.

— Ну-ка, фея, где твои тыквы? — сказала я себе и взялась за ручку двери Филиппа.

ГЛАВА XII

Из темной ниши на парчовый плат
Явилась драгоценная посуда.
И разливался пряный аромат
В ночной, прохладной тишине...

Китс. Канун Святой Агнессы¹

Пей за тяжкие грехи,
За тебя, сестрица смерти!

Теннисон. Видение греха

илипп не спал. Прокравшись в его спальню, я увидела, что он сидит в халатике на кровати, не отрывая глаз от двери. В камине весело горел огонь, который должен был потухнуть несколько часов назад. Занавеси, закрывающие высокую дверь на балкон, были раздвинуты и лунный свет ложился косой широкой, как свет театрального прожектора, полосой на изголовье кровати.

Лунные лучи ярко освещали сидящего мальчика, окрашивая его лицо в желтоватый, почти восковой цвет, черные глаза казались огромными. Он выглядел очень хрупким.

¹ Пер. Е. Витковского.

Но он казался очень оживленным и, едва увидев меня, сказал:

— Вас не было целый век.

— Ты сказал «в самую полночь»; помнишь? Полночь только что наступила.

— Полночь? Правда? — Он был очень доволен. — Я развел огонь, зная, что вы придете.

— Конечно. Как это тебе удалось не заснуть до сих пор? — Увидев нетронутую чашку какао на столике у кровати, я засмеялась: — Понятно, на голодный желудок не спится. У тебя не слипаются глаза?

— Немножко, — признался он. — Но мне хотелось, чтобы горел огонь.

— Ты все время сидел вот так?

Он смущенно отвел от меня большие черные глаза и стал щипать покрывало.

— Я надеялся... я думал, не посидите ли вы со мной, если уж пришли?

— А в чем дело, Филипп? Что-нибудь случилось? — спросила я, сев к нему на кровать.

Он энергично покачал головой, но потом бросил на меня один из своих загадочных взглядов искоса. Я потянулась к нему и взяла за руку:

— Что случилось, малыш?

— Кошмары! — сердито пробормотал он.

— О Господи, а я и не знала. Какой ужас! Какие кошмары?

— Кто-то заходит ко мне, — ответил он, — трогает меня.

Как ни странно, его слова испугали меня больше, чем рассказ об обычном кошмаре, когда снится, что тебя преследуют, а ты бежишь, но не можешь сдвинуться с места.

Немного передернув плечами, словно холодок пробежал у меня по спине, я сказала, кажется, слишком уверенным тоном:

— Ну, Филипп, это просто сны. Никто к тебе не приходил и не трогал. Правда, я иногда захожу к тебе, когда ты спишь...

— Нет, — упрямо сказал Филипп, — не вы. Если бы вошли вы, я бы не испугался.

— И часто у тебя бывает этот сон?

Он кивнул.

— Ты не просыпаешься от него? Если проснешься, позови меня, и я приду.

— Я зову, но меня не слышно.

Я похлопала его по руке. Она была очень маленькая и холодная.

— Значит, ты еще не проснулся. Это просто сон. И вполне может быть, что во сне ты видишь меня. Я обычно захожу к тебе перед сном. Ты всегда крепко спишь.

— Правда?

— Как бревнышко. И храпишь.

— Спорим, что не храплю.

— Спорим, что храпишь. А теперь послушай. У меня есть к вам предложение, мсье граф де Вальми. Раз ваша милость не соизволит спуститься в столовую на ужин в праздничную ночь, не угодно ли вам, чтобы ужин явился к вам сюда?

— Ужин? Но я уже поужинал.

— Это было несколько часов назад, — сказала я, — а я совсем не ужинала. Не будет ли ваша милость так любезна принять участие в полуночном пире вместе со мной и вашим кузеном Раулем?

— Полуночный пир? О мисс Мартин! — Большие черные глаза радостно блеснули в лунном свете, потом их взгляд стал неуверенным. — Вы сказали с моим кузеном Раулем?

Я кивнула:

— Он сказал, что принесет еду сюда и... о, вот и он.

Дверь спальни бесшумно открылась, и вошел Рауль, нагруженный бутылками, за ним следовал один из официантов с подносом. Рауль поднял длинную аристократическую бутылку с золотым горлышком, шутливо приветствуя нас.

— Привет, мсье граф де Вальми! Пожалуйста, поставьте сюда поднос, хорошо? — обратился он к официанту. — Спасибо. Как вы думаете, вы сможете потом унести отсюда остатки? Тайно, конечно.

— Конечно, мсье. — Лицо официанта оставалось совершенно неподвижным. Что-то перекочевало из руки Рауля в его ладонь.

— Прекрасно. Тогда это все. Спасибо.

— Благодарю вас, мсье. — Официант наклонил голову, проскользнул между мной и кроватью, вышел и закрыл за собой дверь.

— Значит, у нас действительно будет полуночный пир? — спросил Филипп, немного исподлобья глядя на двоюродного брата.

— Без всяких сомнений. — Рауль ловко открывал бутылку с золотым горлышком. — Тайный... А, вот и все. Громкий звук, а, Филипп? У тебя здесь очень уютно, лучше не бывает. И прекрасный огонь. Тебе не холодно, Линда?

— Нет, спасибо.

Рауль наливал мне шампанское. Филипп забыв о своих сомнениях, выпрыгнул из кровати:

— Это лимонад?

— Это царица всех лимонадов.

— Шипучее, правда? Выстрелило как ружье.

— Ружье или не ружье, но я сомневаюсь, чтобы это было вашим привычным напитком, кузен. Я принес тебе настоящий лимонад. Возьми.

— Это больше похоже на лимонад, — согласился Филипп, принимая из рук Рауля высокий стакан с шипящим желтым напитком. — Мадемуазель, хотите немного моего настоящего лимонада?

— Выглядит чудесно, — сказала я, — но мне не хотелось бы обижать твоего кузена.

Рауль, ухмыльнувшись, подал мне бокал шампанского:

— Не думаю, что вы привыкли к этому, но не могу же я сделать залогом вашего обета что-нибудь другое.

— Залогом обета? — спросил Филипп. — А что это такое?

— Это когда клянутся, — ответила я. — Дают обещание.

— А сейчас тост, — сказал Рауль, поднимая бокал, так что в тысяче пузырьков словно заплясали языки пламени. — Встань, Филипп, чокнись с мисс Мартин, потом со мной... а теперь выпей за наши обеты и за то, чтобы мы их соблюдали как можно дольше.

Филипп, удивленный словами Рауля, послушно отпил лимонад, потом нерешительно перевел глаза с Рауля на меня, посмотрел вниз, на поднос, который официант поставил на низенький столик перед камином.

— А когда мы начнем наш пир?

— Прямо сейчас, — решительно сказала я и уселась на кровать.

Даже без царицы всех лимонадов это был самый чудесный пир. Празднование нашей помолвки, состояв-

шееся в спальне моего питомца, при лунном свете, в отблесках огня, жарко пылавшего в камине, — для меня это был такой же волшебный праздник, как пир, устроенный Порфирио для Модлин в канун дня Святой Агнессы сотни лет назад. Но еда была намного лучше. Не помню, ели ли вообще что-нибудь влюбленные в Святую Агнессу, но мы с Филиппом уничтожили устрашающее количество деликатесов, которые щедрая рука Рауля положила на поднос.

Он сделал весьма удачную попытку принести «все-го понемножку». Помню, там были тоненькие ломтики поджаренного хлеба с холодной, истекающей маслом спаржей; мясные раковинки с начинкой из безе, вкуснейшей смеси крабов и чего-то еще; хрустящие пирожки, пузатые от начинки из жареных грибов, цыплят и омаров; булочки с миндалем; небольшие запотевшие бокалы с чем-то вроде клубничного джема с ликером; покрытые нежным пушком персики, сверкающие в гнездах из темных листьев; виноград, замороженный с сахаром, обволакивающим ягоды корочкой, блестящей в лунных лучах, как россыпь алмазов.

Мы с Филиппом ели, издавая радостные восклицания, болтали конспиративным шепотом. Рауль, сидя в непринужденной позе в кресле у огня, курил и пил шампанское, созерцая наши восторги снисходительно и немного свысока, словно мы с Филиппом были ровесники, а он — добрый дядюшка, с удовольствием наблюдающий за тем, как мы наслаждаемся.

Я сказала это Раулю и добавила обвиняющим тоном:

— Объевшийся дух принес всю эту роскошь Аладдину, умирающему от голода у себя на чердаке; или он жил в подвале?

— Насколько я помню, — лениво сказал Рауль, — он был в прачечной своей матушки. Сегодня вы очень романтичны, мисс Мартин.

— Напомни мне об этом позже, когда я буду чувствовать себя... более приземленной.

— Еще шампанского? — засмеялся он.

— Нет, спасибо. Это было чудесно. Чудесное шампанское, чудесный ужин. Филипп, если сегодня ночью тебе привидится какой-нибудь кошмар, утешайся тем, что ты это заслужил.

— Мне кажется, что господин граф де Вальми уже мирно спит, — сказал Рауль.

Филипп, свернувшийся калачиком на ковре, прислонив голову к моему колену, уже некоторое время подозрительно молчал. Я нагнулась над ним. Длинные ресницы веером раскинулись по детским щечкам, он дышал мягко и ровно. Я подняла глаза на Рауля и кивнула. Он встал, потянулся и бросил сигарету в догорающий огонь.

— Давай положим его в постель. — Рауль немного постоял, глядя на спящего на полу ребенка. Он казался очень высоким в свете тлеющих в камине углей рядом с Филиппом, лежащим у его ног. — У него бывают кошмары?

— Так он говорит. Кто-то приходит к нему ночью и трогает его. Довольно неприятно.

Глаза Рауля на минуту остановились на моем лице, но казалось, что он меня не видит.

— Ну, раз ты так говоришь... — Наклонившись, он взял на руки ребенка, легко поднял и понес к постели.

Угол комнаты, где мы сидели, находился в глубокой тени, его освещали лишь слабые блики догоравших в камине поленьев. Позади нас белый столб лунного света медленно приблизился к нам. Кровать теперь была целиком освещена белым сиянием.

Рауль пронес спящего Филиппа через всю комнату. Он был уже рядом со светлой полосой лунного света на полу, отделяющей светлую часть комнаты от темной, — граница между ними была похожа на черту, отделяющую белый квадрат от черного на шахматной доске. Но в это время еще одна тень вклинилась в полосу света, разделив ее надвое. Кто-то подошел к балконной двери и остановился, преграждая путь лунному лучу.

Тень, которая словно бросилась под ноги Раулю, напугала его. Он резко повернулся. Голова мальчика, мертвенно-бледного в белом зареве луны, беспомощно качнулась у него на плече. Истерически-визгливый голос Элоизы де Вальми произнес:

— Рауль? Что ты здесь делаешь? Что случилось?

Она стояла к свету спиной, и я не могла видеть ее лица, но рука, крепко сжавшая портьеру, была похожа на когтистую лапу коршуна. Другой рукой она схватилась за грудь жестом, который я уже видела раньше.

— Ничего. А что должно было случиться? — медленно сказал Рауль, не отрывая от нее взгляда.

— А что с Филиппом? — хрипло спросила она.

— Милая моя Элоиза, абсолютно ничего. Он спит.

Я сочла лучшим не ждать, пока меня обнаружат, и встала. Заметив движущееся белое пятно моего платья, она конвульсивно дернулась и вскрикнула, словно задыхаясь.

— Потихе, — сказал Рауль, — ты его разбудишь.

Я вышла вперед, к освещенному пространству.

— Мне очень жаль, что я напугала вас, мадам.

— Вы тоже здесь? Что происходит? Что-то случилось?

Рауль улыбнулся ей:

— Просто праздничный ужин, вот и все. Тайная вечеря втроем. Филипп чувствовал себя немного одиноким и оставшимся без праздника, поэтому мы с мисс Мартин решили включить его в число веселящихся, вот и все. Он только что уснул. Подними одеяло, Линда, и помоги мне снять с него халат.

— Я услышала голоса. — Элоиза де Вальми как-то затравленно огляделась. — Мне показалось, что я слышу разговор. Я хотела узнать... — Ее взгляд упал на столик рядом с камином, на котором стоял поднос с бутылками, пустыми бокалами и уже опустошенными серебряными блюдами. Она повторила: — Праздничный ужин? Вы действительно устроили праздничный ужин?

Рауль натянул одеяло на Филиппа, укрыв его до самого подбородка, похлопал по одеялу и повернулся.

— Конечно. Утром у него может немного заболеть живот от этих пирожков с омарами, но, думаю, это не такая уж высокая плата за испытанное удовольствие. — Посмотрев на меня, он добавил: — А теперь давай снова спустимся в зал.

Его взгляд был уверенным и немного насмешливым, но я беспокойно взглянула на мадам де Вальми:

— Вы меня искали?

— Я? Нет. — Она все еще была растеряна. — Я пришла посмотреть, уснул ли Филипп.

— Вы... ничего не имеете против того, что мы пришли сюда... и принесли ему все это?

— Абсолютно ничего. — Она не смотрела на меня, а наблюдала за Раулем.

— Давай спустимся, — повторил он довольно резко и, обойдя кровать, направился ко мне.

«Вниз? Леон де Вальми, мсье Флоримон, поднятые брови?»

Я покачала головой:

— Нет, спасибо. Я... уже поздно. Я больше не буду танцевать, сейчас лягу.

— Как хочешь. — Он посмотрел на мадам. — Элоиза?

Она наклонила голову и пошла к двери. Я открыла дверь и держала ее. Когда она проходила мимо меня, я неуверенно сказала:

— Спокойной ночи, мадам. И благодарю вас... за чудесный бал. Это было... Я получила огромное удовольствие.

Она остановилась. В полутьме ее лицо казалось очень бледным, глаза запали. Никогда еще Элоиза не выглядела такой отчужденной и недоступной.

— Спокойной ночи, мисс Мартин, — невыразительно сказала она.

— Мадам... — быстро, почти умоляюще произнесла я.

Она отвернулась и ушла. Юбки ее богатого туалета прошуршали в тишине громко, как струя текущей воды. Она не оглянулась.

Рауль стоял рядом со мной. Я тронула его за рукав:

— Видишь, все обстоит, как я сказала. Я не ошиблась.

Рауль отвернулся от меня, глядя вслед Элоизе. Он ничего не ответил.

— Рауль, не говори им, — быстро сказала я, задыхаясь. — Я не могу встречаться с ними... не вынесу... Не сейчас. Я... я просто не могу.

Мне показалось, что он колеблется.

— Мы поговорим об этом завтра.

— Пусть они уволят меня, — сказала я быстро. — Я уеду в Париж. Я могу остаться там, конечно ненадолго. Может быть, тогда мы сможем...

Положив руки мне на плечи, Рауль повернул меня к себе.

— Дорогая, — прервал он меня, — если я сегодня не скажу Элоизе, лучше будет, если мы сейчас расстанемся. Не волнуйся, все будет хорошо. Я ничего не скажу, пока мы не поговорим с тобой подробно. — Наклонившись, он поцеловал меня; это был жаркий поцелуй. — Спокойной ночи, малышка, спи спокойно...

Дверь за ним закрылась. Я слышала его быстрые шаги по коридору, словно он очень спешил догнать Элоизу.

ГЛАВА XIII

Ночью я сказала «да»,
Утром говорю вам «нет»,
То, что видишь при свечах,
Днем меняет часто цвет.

Элизабет Барретт Браунинг,
Женский нрав

а следующее утро Бернар, слуга Леона де Вальми, принес мне записку в детскую во время завтрака.

Она выглядела так, будто человек, написавший ее, страшно спешил. В ней говорилось:

«Моя дорогая.

Я не могу остаться здесь, как надеялся. Я узнал, что должен срочно вернуться в Париж — проклятое «должен». Прости меня и старайся ни о чем не беспокоиться. Обязательно вернусь в четверг утром, и мы тогда все решим.

Элоиза мне ничего не сказала, а я (как и обещал тебе) тоже ничего ей не сообщил. Не думаю, что тебе следует очень уж беспокоиться относительно этого, малышка: если они хотели бы что-то сказать, они, без сомнения, поговорили бы со мной, а не с тобой. До четверга делай вид — если сможешь и если осмелишься, — что ничего не случилось. Как бы то ни было, сомневаюсь, что тебе придется часто встречаться с Элоизой. Она переоценила свои силы и, думаю, проведет эти дни в постели.

Твой Р.»

В качестве первого любовного послания записка не заключала в себе ничего такого, из-за чего у меня могли бы так дрожать руки, когда я сложила ее и посмотрела на стоящего передо мной Бернара. Он наблюдал за мной; лицо его застыло в обычном хмуром выражении, но черные глаза были хитрыми и злобными. Мне показалось, что в них появился какой-то странный блеск, будто он что-то обдумывал. Очень похоже на Рауля поручить отнести эту записку человеку, который

был на побегушках у Леона де Вальми целых двадцать лет!

— Мсье Рауль отдал это вам собственной рукой? — холодно спросила я.

— Да, мадемуазель.

— Он уже уехал?

— О да, мадемуазель. Он спешил, чтобы застать первый самолет на Париж.

— Понимаю. Благодарю вас. А как сегодня здоровье миссис Седдон, Бернар?

— Лучше, мадемуазель, но доктор сказал, что ей следует полежать еще денек-другой.

— Ну ладно, надеюсь, что скоро она опять будет здорова, — заметила я. — Будьте любезны, скажите мне, кто-нибудь сообщил ей, что я о ней справлялась?

— Да, мадемуазель.

— Бернар, — вмешался Филипп, ставя на стол чашку, — у вас сегодня бал, правда?

— Да, мсье.

— Внизу, в селении?

— Да, мсье.

— У вас там будет и праздничный ужин?

— Да, мсье.

— А что у вас бывает на ужин?

Темное лицо Бернара, будто вырезанное из дерева, оставалось неподвижным; глаза, недружелюбные и злые, хмурились.

— Не могу сказать, мсье.

— Хорошо, Бернар. Благодарю вас.

Когда он ушел, я еще раз спросила себя, что нашла в этом человеке хорошенькая и добродушная Берта.

* * *

День был очень неприятный и долгий.

Я чувствовала себя осиротевшей. Рауль уехал. Флоримон оставил замок Вальми сразу после завтрака. Миссис Седдон, как и предсказывал Бернар, осталась у себя в комнате, а Берта весь день выполняла свои обязанности с отчужденным и пристыженным выражением, которое — если только это возможно — напоминало застывшую мрачную маску Бернара.

Нечего удивляться, что, когда мы с Филиппом отправились на нашу обычную дневную прогулку и мимо нас с ревом промчался джип с несколькими пассажира-

ми и Вильямом Блейком за рулем, я ответила на его веселое приветствие с таким жаром, что Филипп с удивлением посмотрел на меня и заметил:

— Этот вот — ваш большой друг, верно?

— Он англичанин, — просто ответила я, потом улыбнулась своим словам: — Филипп, ты знаешь, что такое ирония судьбы?

— Нет; а что?

Я с сомнением посмотрела на него, но попыталась дать определение:

— Ирония судьбы... думаю, это когда судьба или рок, *le destin*, или что-то непонятное, преследующее тебя, использует твои слова и поступки против тебя в самое неподходящее время. Нет, я неправильно объясняю. Оставим это, зайчик, я сегодня не в форме.

— Я как раз сегодня утром читал такую книгу, — заметил Филипп. — У непонятного есть имя. Оно следует за вами, и когда вы делаете какую-нибудь глупость, эта, как вы ее называете, судьба наказывает вас. Ее зовут Немезида.

Я остановилась и посмотрела на мальчика:

— Филипп, миленький, мне кажется, что эта Немезида хочет меня наказать. Все плохие приметы сходятся: сейчас мартовские иды, и вороны летят прямо вниз и с левой стороны, и в прошлый четверг днем я не с той стороны обошла Сан-Мари-де-Пуан, и...

— Неправда, — сказал Филипп, — в прошлый четверг шел дождь, и вы сидели дома.

— Неужели?

— Вы сами знаете. — Он хихикнул и легонько подпрыгнул. — Вы тоже иногда говорите глупости, правда?

— Слишком часто.

— Но мне это нравится. Скажите еще что-нибудь. О воронах, которые летают вниз головой; так вы сказали? Это они правда так летают? А почему? Расскажите еще, мадемуазель.

— Не думаю, что смогу рассказать еще что-нибудь, — ответила я, — у меня не хватает слов.

* * *

На обратном пути мы встретили Леона де Вальми.

Вместо того чтобы подниматься по зигзагу, мы выбрали крутую дорожку, которая шла напрямик вверх и в нескольких местах выходила на шоссе. Потом мы пересекли вымощенный гравием подъем. Когда мы про-

ходили по двору, направляясь к боковой двери, из какого-то угла вынырнуло инвалидное кресло и я услышала голос Леона де Вальми:

— А, Филипп! Добрый день, мисс Мартин. Вернулись с прогулки?

Багрово покраснев, я повернулась к Леону, чувствуя, как горят щеки.

— Добрый день, мсье. Да. Мы гуляли в долине и поднялись короткой дорогой.

Он улыбнулся. В его лице не было видно ни малейшего признака недовольства или холодности. Несомненно, если бы мне был вынесен приговор об изгнании, он не говорил бы со мной таким обычным тоном — больше того, вряд ли вышел бы мне навстречу специально для того, чтобы так приветливо и дружески поздороваться со мной. Он сказал, обволакивая нас с Филиппом добродушной улыбкой:

— Вы решили избегать прогулок по лесу, не так ли?

— Да, нам лучше туда не ходить, — ответила я. — Мы тогда натерпелись страху и теперь держимся поближе к дороге.

— Я вас понимаю, — засмеялся Леон и, обернувшись к Филиппу, весело подмигнул: — Как ты себя чувствуешь после вчерашних излишеств?

— Излишеств? — испуганно спросил мальчик.

— Мне сказали, что вчера у тебя был полуночный пир... Тайная вечеря втроем, так было сказано, по-моему. Никакие кошмары не снились?

— Non, mon oncle¹, — ответил Филипп.

Насмешливый взгляд темных глаз обратился ко мне. Почти так же испуганно, как Филипп, я сказала:

— Вы ничего не имеете против? Возможно, это немного не по правилам, но...

— Дорогая мисс Мартин, что я могу иметь против? Мы полностью поручили Филиппа вашим заботам, и пока что наши ожидания в полной мере оправдались. Пожалуйста, не воображайте, что мы с женой будем порицать вас за любой не совсем ортодоксальный поступок. Мы очень мало знаем о том, как надо обращаться с детьми. Это ваша область. И, как мне кажется, «индивидуальный подход», особенно время от времени, играет здесь очень большую роль. Было очень любезно с вашей стороны уделить немного времени и за-

¹ Нет, дядя. (Фр.)

боты ребенку в разгар веселья... Надеюсь, вам понравился бал?

— О да! Вчера вечером я не видела вас и не смогла поблагодарить за приглашение. Может быть, сейчас вы позволите мне принести благодарность, мсье? Это было чудесно. Я прекрасно провела время.

— Приятно слышать. Я боялся, что вы почувствуете себя немного не в своей тарелке среди чужих, но мне кажется, Рауль позаботился о вас?

Просто вежливый невинный вопрос. Ни следа насмешки. Никакой язвительности в мягком голосе.

— Да, мсье, благодарю вас... А как сегодня здоровы мадам де Вальми? Надеюсь, она не заболела?

— О нет, просто утомилась. Она посетит сегодня праздник в селении, поэтому днем отдыхает.

— Значит, она сегодня не ждет меня с Филиппом в салоне в обычный час?

— Нет. Думаю, вам будет этого не хватать. — Он улыбнулся Филиппу, на сей раз довольно ехидно. — Если только вы не захотите нанести визит мне.

Филипп застыл, но я ответила:

— Как скажете, мсье. Прийти к вам в библиотеку?

— Нет, нет, — Леон рассмеялся. — Мы избавим Филиппа от этого. Ну хорошо, я, наверное, вас задерживаю? — Кресло откатилось, потом снова повернулось в нашу сторону. — Да, между прочим...

— Мсье?

— Не позволяйте Филиппу качаться на качелях во дворе, мисс Мартин. Один винт сильно расшатался. Держитесь от качелей подальше, пока их не починят. У нас не должно быть еще одного несчастного случая; не так ли?

— Конечно. Благодарю вас, мсье, мы не будем подходить к качелям.

Леон кивнул и снова откатился в своем кресле. Оно бесшумно и быстро скользнуло к воротам, которые вели к огороду. Филипп быстро шел передо мной к боковой двери с видом человека, счастливо избежавшего ужасной судьбы.

Я тоже как-то приободрилась. «Мое живое воображение снова обмануло меня, — думала я. — Эта улыбка Леона де Вальми вчера ночью.. холодность мадам... наверное, я неверно истолковала их. Угрызения совести и легкоеверие заставили меня провести несколько очень неприятных часов. Так мне и надо. Очевидно, меня во-

все не хотели увольнять; в противном случае мсье де Вальми не говорил бы со мной так дружелюбно. Все было хорошо... и если в будущем и предвиделись какие-либо осложнения, то ведь скоро Рауль будет здесь, со мной».

— Мадемуазель, — дернул меня за рукав Филипп. — У вас стало совсем другое лицо. Что случилось?

— Кажется, я увидела ворону, которая летела вверх с правой стороны, предвещая удачу.

День полз медленно, без особых событий. Я уложила Филиппа в постель немного раньше, чем обычно, потом, приготовив ему какао, с облегчением легла и почти тотчас уснула.

Не помню, как я проснулась. Словно внезапно вынырнув из глубокого сна, я повернула голову на подушке и широко открытыми глазами уставилась на дверь. В комнате было темно и ничего не видно. Раздался щелчок замка закрывающейся двери, и мягкие звуки шагов, направляющихся по ковру через всю комнату к моей кровати. Кажется, несколько мгновений я не понимала, что уже не сплю, и тихо лежала, слушая таинственные, приближающиеся ко мне звуки, опьяненная дремотой.

Что-то коснулось кровати. Послышалось быстрое дыхание. Значит, я проснулась и все это происходит на самом деле. Охваченная внезапной судорогой страха, я рывком подняла голову, быстро села и голосом, срывающимся на истерический крик, спросила:

— Кто это?

Я нащарила выключатель ночника, но еле слышный испуганный голос, задыхаясь, произнес:

— Не надо зажигать свет! Не надо!

Я убрала руку с выключателя. Ужас, испытываемый человеком, вторгшимся ко мне, казалось, витал в пространстве, разделяющем нас, и, ощутив чужой страх, я успокоилась.

— Кто это? — тихо повторила я.

Раздался шепот:

— Это Берта, мисс.

— Берта?

Я услышала слабый звук, похожий на сдавленное рыдание.

— О мисс, тише, они могут услышать!

— В чем дело, Берта? Что случилось? — мягко спросила я. Потом страшная мысль коснулась меня словно ледяной рукой — и я сжала простыню.

— Филипп? Что-нибудь случилось с Филиппом?

— Нет, нет, ничего! Но это... это... я подумала, что должна пойти и рассказать вам...

Отчаянный шепот был прерван безутешными всхлипываниями. Пытаясь сдержать судорожные рыдания, Берта тяжело села на край кровати.

Выскользнув из-под одеяла, я босиком прошлепала в противоположный конец комнаты и закрыла дверь, потом снова подошла к кровати и зажгла ночник.

Берта сидела сгорбившись в ногах моей кровати, закрыв лицо руками. На ней было мое затканное серебром платье, поверх него пальто из какого-то дешевого темного материала. Она вся дрожала.

— Успокойтесь, Берта, — ласково сказала я. — Приготовить вам немного кофе?

Она покачала головой и опустила руки. Лицо девушки, всегда свежее и розовое, сейчас казалось изможденным и бледным. Щеки были мокрыми от слез, глаза покраснели.

Я села на кровать рядом с ней и обняла ее.

— Не плачьте, дорогая. В чем дело? Чем я могу вам помочь? Что-нибудь случилось на вашем балу? — Я чувствовала, как тряслись ее плечи у меня под рукой, и, пораженная внезапной мыслью, спросила: — Это Бернар?

Берта кивнула, глотая слезы. Потом выпрямилась. Я убрала руку, но оставалась сидеть рядом с ней. Наконец, она сказала, стараясь говорить спокойно:

— Вам бы лучше лечь, мисс, а то простудитесь.

— Ладно. — Я скользнула в постель, подоткнула одеяло и посмотрела на Берту. — А теперь рассказывайте. В чем дело? Чем я могу помочь?

Она не ответила. Не глядя на меня, Берта обвела глазами комнату, словно стараясь разглядеть, не прячется ли кто-нибудь в темном углу, и я увидела лицо, искаженное гримасой ужаса, словно ее хлестнули бичом. Она нервно облизала губы.

Я не торопила ее. Минуту она сидела молча, ломая руки, потом сказала довольно спокойно, но тихо, странным приглушенным голосом:

— Это Бернар... Вы знаете, что я... я скоро выйду за него замуж? Ну так вот, мы с ним пошли сегодня

на танцы, я надела ваше платье, а он сказал, что я выгляжу как принцесса, и начал... он много выпил, мисс... и стал... знаете...

— Понимаю.

— Бернар был совсем пьян, — сказала Берта, — я никогда не видела, чтобы он так напивался. Я знаю, что он вообще-то выпивает, и довольно часто, но по нему не видно. Я... мы вышли вместе. — Она смотрела на свои руки, распластанные на коленях. Ее голос стал совсем тонким и жалобным. — Мы пошли домой к моей сестре. Она и ее муж были на танцах. Это... я знаю, что мне не надо было так поступать, но... — Она замолчала.

Я сказала, чувствуя себя совсем беспомощной:

— Ладно, Берта, оставим это. Что тебя так напугало?

— Он напился, — сказала она тем же тоненьким слабым голосом, — я сначала не поняла... он был сначала такой, как всегда, пока... сначала он был такой, как всегда. А потом... после того... он распустил язык. — Берта снова облизала губы. — Он стал болтать вроде как сумасшедший о том, что мы поженимся. Я буду у него как принцесса, сказал он, и у нас будут деньги, куча денег. Я... я должна теперь поскорее выйти за него, сказал он, и мы купим ферму и разбогатеет, и у нас будет... Он говорил и говорил всякие глупости, так что я прямо испугалась и сказала ему, чтобы он не был дураком — откуда у таких, как он, возьмутся деньги, чтобы купить ферму. И он сказал...

Голос изменил ей, и она замолчала.

Я спросила, не понимая, к чему она ведет:

— Да? Он сказал...

Ее сжатые руки белели в слабом свете ночника.

— Он сказал, будет куча денег потом, после того как Филипп... как Филипп...

— Да?

— Умрет, — выдохнула Берта дрожащим шепотом.

Сердце у меня забилося частыми ударами, которые я чувствовала даже в кончиках пальцев. Я смотрела девушке прямо в глаза, полные ужаса. Верхняя губа ее была покрыта капельками пота.

— Продолжайте, — резко приказала я.

— Я... я только повторяю то, что он сказал. Он был пьян... хотел спать. Он был...

— Да. Продолжайте.

- Он сказал, мсье де Вальми обещал ему деньги...
- Да?
- Когда Филипп умрет.
- Берта!
- Да, мисс, — просто сказала девушка.

Наступила тишина. Я увидела, что лоб девушки покрылся испариной. Мои руки были сухими и холодными как лед. Было слышно, как мои ногти царапали простыню, в которую я вцепилась. Кончики пальцев горячо пульсировали.

Этого не могло быть. Это кошмарный сон. В действительности ничего этого нет. Но инстинктивно я восприняла слова Берты безо всякого удивления. Я уже поняла, что это не кошмар, а чистая правда. Подсознательно я давно все знала. Меня только удивляла собственная глупость, которая не дала мне понять это раньше. С удивлением я услышала собственный голос:

— Ну договаривайте, Берта. Филипп... итак, Филипп должен скоро умереть. Когда же? Как скоро?

— В... Бернар сказал, очень скоро. Он сказал, что это должно быть скоро: мсье Ипполит сегодня утром прислал телеграмму, что возвращается домой. Они не знают почему — он, должно быть, заболел или что-нибудь еще; он никуда больше не поедет, он должен вернуться домой завтра вечером, поэтому они должны сделать все быстро, говорит Бернар. Они уже пытались, говорил он, но...

- Они? — спросила я.
- Все Вальми. Мсье Леон, мадам и мсье...
- Нет, — прервала я ее. — Нет!
- Да, мисс, и мсье Рауль.
- Не верю! — сказала я.

Она тупо смотрела на меня.

— Я в это не верю! — Мой голос словно взорвался яростью. Но Берта молчала. Если бы она возразила, возможно, я продолжала бы протестовать, но она, не сказав ни слова, ограничилась тем, что пожала плечами, — ничего не означающий жест, которым французы снимают с себя всю ответственность.

— Берта! Вы уверены?

Она еще раз пожала плечами.

— Он так сказал? Бернар так сказал?

— Да. — Потом, посмотрев мне в лицо, она добавила: — Он был выпивши. Он болтал...

— Знаю. Как сумасшедший. Это ничего не значит,

Но этого не может быть! Не может быть! Я знаю! Вы слышите, Берта, это просто невозможно!

Она ничего не ответила, но отвела от меня взгляд.

Я открыла рот, потом закрыла и тоже замолчала.

Не пытаюсь даже описать, что со мной было в течение нескольких последующих минут. Время все исцеляет, но даже теперь, когда это кажется таким далеким, нестерпимую боль причиняет воспоминание о том чувстве, которое овладело мной тогда, — мне казалось: что-то во мне сломалось и умерло. Но через некоторое время, уже будучи в силах размышлять более или менее связно, я с ужасом подумала о Филиппе. Это было самое важное. Все остальное можно было преодолеть, забыть на время, отложить собственное горе. Надо было без промедления подумать о Филиппе.

Я отбросила одеяло.

— Куда вы идете? — резко спросила Берта.

Я не ответила. Выскользнув из кровати, я побежала к двери ванной. Пробежать ванную... в темную спальню мальчика... Я наклонилась над ним, прислушиваясь к его легкому ровному дыханию. И только тогда, выпрямившись в накатившей волне облегчения, поняла, насколько поверила Берте, потому что была готова к чему-нибудь подобному. Но, в конце концов, что произошло? Испуганная горничная истолковала таким образом пьяную болтовню лакея. Всего лишь? Но слова Берты звучали так правдоподобно и так согласовывались с многочисленными фактами, что я, даже не дослушав Берту, сразу поверила ей и обвинила во всех смертных грехах и своих хозяев, от которых видела только хорошее, и человека, в которого была влюблена.

Застывшая, ничего не различая перед собой, как лунатик, я вернулась к себе в спальню, оставив дверь в комнату Филиппа настежь открытой, и снова легла.

— Все в порядке? — встретил меня резкий хриплый шепот.

Я кивнула.

— О мисс, о мисс... — Она снова начала ломать руки. Я помню, что как-то отвлеченно думала: «Вот сидит кто-то, ломающий руки. Об этом часто пишут в романах, но вряд ли кто-нибудь видел девушек, ломающих руки, как я вижу сейчас». Когда я наконец нашла в себе силы говорить, то не узнала собственный голос — он был почти беззвучным и каким-то мертвенным.

— Думаю, нам лучше договорить до конца. Я не говорю, что верю всему, что сказал Бернар, но... в общем, я хочу услышать... все. Он говорит, что де Вальми сговорились убить Филиппа. Если это так, то нечего спрашивать почему: выгода от этого для мсье, мадам и... в общем, выгода очевидна.

Я не выбирала слов. Это было вроде театра. Я участвую в театральном представлении. Я больше ничего не чувствовала — ни страха, ни гнева, ни отчаяния. Я просто произносила слова своей роли мертвенным и бесстрастным голосом, а Берта слушала, глядя на меня и ломая руки.

— Вы сказали: «Они уже пытались», — продолжала я. — Думаю, вы имеете в виду тот выстрел в лесу и расшатанные перила?

— Да-да.

— Так. — Я вспомнила выражение лихорадочного ожидания на покрывшемся восковой бледностью лице мадам де Вальми, когда мы с Филиппом в тот день возвращались из леса. И ту ночь, когда обвалились перила: она поднялась наверх вовсе не для того, чтобы взять таблетки, — она сделала это потому, что больше не могла выдержать напряжения. Леон де Вальми, сидя в своем кресле в холле, должен был слышать шум падающих каменных перил. Потом мои мысли перенеслись к двум беседам с хозяином в библиотеке. Я резко сказала:

— Может быть, это правда. О Господи, Берта, наконец, это так и есть. Ну что ж, договорим до конца. Кто стрелял? Бернар?

— Нет. Это был мсье Рауль. Бернар только вырезал из дерева пулю.

Я забыла о том, что участвую в театральном представлении:

— Я в это не верю!

— Мисс...

— Это Бернар так сказал?

— Да.

— Точно такими словами?

— Да.

— Значит, он врет. Вероятнее всего, он выстрелил сам и... — Но я увидела лицо Берты и остановилась. Через несколько секунд я добавила, уже спокойнее: — Простите, Берта. Во всяком случае, я просила вас только рассказать мне, что говорил Бернар. И я... я

почти уверена, что все, что он сказал, в основном верно. Просто не могу заставить себя... заставить себя поверить...

— Да, мисс. Понимаю.

Я посмотрела на нее:

— Мне так стыдно, Берта. Я думала только о себе и забыла, что вы сейчас должны чувствовать. Простите. Мы ведь с вами товарищи по несчастью, правда?

Она молча кивнула.

Как ни странно, но, узнав правду, я успокоилась и сказала:

— Послушайте, Берта, мы должны напрячь все свои силы ради Филиппа. У нас очень мало времени. Позже можно все спокойно обдумать и решить, кто виновен, а кто — нет. Сейчас, я думаю, надо исходить из того, что все они замешаны в этом деле, даже если в глубине души мы сомневаемся. Я совершенно уверена, что мадам и мсье Леон виновны, вернее, я это знаю. И страшно ругаю себя за то, что не увидела этого раньше. Но кто бы мог представить себе, что рядом замышляется убийство? Такое бывает только в романах. Как можно подозревать в столь ужасном деле людей, которых видишь каждый день? Наверное, мне надо было подумать об этом еще тогда, когда в Филиппа выстрелили в лесу. А Рауль... Рауль был здесь, он сам подтверждает это. Бернара сразу же отправили в лес, и он вынул пулю, а потом послали другого человека, который якобы нашел пулю, но уже не от того ружья. Да и я была права, когда подумала, что мсье де Вальми известно, что я владею французским: я крикнула убийце в этой березовой роще, чтобы он не стрелял, по-французски и говорила на том же языке с Филиппом всю дорогу, когда мы возвращались домой. А случай с балконными перилами: как ты думаешь, Берта, наверное, перила и сломанные качели были подготовлены на всякий случай? Ловушки, которые рано или поздно сработают?

— Да.

— А сигнал «кадиллака» — это нужно было только для того, чтобы Филипп бросился на балкон, упал и разбился? — добавила я дрожащим голосом. — И этому я тоже должна верить?

— Я не знаю, о чем вы говорите, мисс. Какой сигнал? Бернар ничего не говорил ни о каком сигнале.

— Да? Ну ладно, оставим это. Слава Богу, пока самого худшего не произошло. А сейчас нам надо подумать о том, что делать дальше.

Пытаясь упорядочить свои мысли, я опустила глаза. И постепенно у меня начало складываться представление о плане, который разработали де Вальми. Я не хотела размышлять о подробностях, лишь об общих чертах; пыталась заставить себя рассмотреть этот план хладнокровно и по порядку, начиная с того момента, когда ничего не подозревающий Ипполит от правил Филиппа в Вальми и тем самым передал его прямо в руки убийцам...

Первый шаг, который они немедленно предприняли, — избавиться от единственного близкого Филиппу человека, которому Ипполит полностью доверял, от няни мальчика. Кто-то должен был ее заменить, и они сочли самым подходящим найти девушку-сироту, без кровителей, которая в случае, если что-нибудь произойдет с ее питомцем, не смогла бы обратиться за помощью к друзьям или родственникам, способным защитить ее от возможных обвинений в неосторожности (или даже в чем-нибудь похуже), если бы возникли подозрения. Поэтому мадам де Вальми обратилась к одной из своих английских знакомых, которая, как ей было известно, раньше рекомендовала в прислуги нескольких девушек из приюта. Идеальный вариант — девушка, которая, растерявшись от непривычных условий новой работы, новой страны и нового, непонятного ей языка, вряд ли будет способна что-то заметить и не сможет защитить себя... Отсюда даже слишком явно выраженное пожелание, чтобы новая гувернантка была обязательно англичанкой... И инстинкт, подсказавший мне, что надо скрыть, что я наполовину француженка и выросла во Франции, каким бы абсурдом ни казалось это на первый взгляд, не подвел меня.

Так был найден «козел отпущения» и доставлен во Францию. Они выжидали. Времени у них было много. Мне было позволено устроиться; наша жизнь с Филиппом приобрела спокойные, устойчивые очертания: обычная размеренная жизнь, которая была бы даже приятной, если бы мсье де Вальми смог держать за зубами свой ядовитый язык и не шпынять постоянно ребенка, который стоял у него на пути. Смерть этого мальчика решала столько проблем... Так продолжалось все три недели, которые я здесь прожила; казалось, я хорошо

устроилась, была довольна своей новой работой, разве что не нашла пока общий язык с хозяевами. Потом была совершена попытка убийства, которая не удалась по чистой случайности. Вторая попытка оказалась более обдуманной — все должно было произойти не сразу, но зато никакой опасности для них: о расшатавшихся перилах давно уже знали все в доме, а Бернар просто еще больше расшатал их, чтобы быть уверенным, что они обязательно рухнут, и ждал только удобного случая, когда поблизости не будет никто из заинтересованных лиц. Но вторая «трагическая случайность» тоже не удалась, и снова из-за меня. Если бы первая или даже вторая попытка оказалась успешной, без сомнения, власти пришли бы к выводу, что произошел «несчастный случай»... и, конечно, у всех оказалось бы бесспорное алиби. Естественно, единственным человеком, на которого ни при каких обстоятельствах не должна пасть тень, был Леон де Вальми, больше всех заинтересованный в смерти Филиппа. Это называли бы ужасной трагедией — и все сошло бы гладко, несмотря на разговоры за спиной, а Леон получил бы Вальми. Вполне возможно, что обошлось бы даже без этих разговоров... О Леоне все были самого высокого мнения, его знали как крупного землевладельца и превосходного хозяина; местные жители уже много лет считали его своим господином и были бы только рады, если бы Вальми перешло к нему.

Берта все еще скорчившись сидела в ногах кровати, тупо глядя на меня.

— Ну, Берта, что будем делать? — спросила я.

— Я не знаю. Не знаю.

— Должна знать. Это сейчас самое важное. Подумайте. Бернар многое выболтал: он наверняка сказал и о том, что они собираются теперь делать.

— Нет, я думаю, он и сам не знает. Мне кажется, ему уже ничего не поручат. Вот и все, что я знаю. — Она всхлинула и снова зарыдала.

У меня перед глазами возникло непрошеное видение: голова спящего Филиппа, бессильно опущенная на плечо Рауля; хриплый голос Элоизы де Вальми: «Что с Филиппом?» — и резкий ответ Рауля, хмуро смотрящего на нее: «Абсолютно ничего. Он спит».

— А Бернар не дал понять, когда они снова попытаются... И как? — спросила я с невольной дрожью.

— Нет, честное слово, ничего такого не сказал. Но это должно быть скоро, потому что возвращается мсье Ипполит. Телеграмма пришла сегодня рано утром. Бернар говорит, хозяин прямо вне себя.

— Ипполит возвращается завтра? — Я задержала дыхание. — Сегодня, Берта! Уже сегодня, понимаете?

— Ах... да. Конечно, сегодня. Уже почти час, верно? Но я точно не знаю, когда он приедет. Думаю, не раньше ночи, а тогда он не попадет в Вальми до четверга.

— Мсье Рауль уехал в Париж и собирается пробыть там до четверга, Берта, — спокойно сказала я. — Если телеграмма пришла действительно рано утром, он должен был знать, что там говорится, но он все же уехал в Париж. Значит, он не может быть замешан, правда ведь? Бернар ошибся.

— Но Бернар говорил, что он замешан. Бернар сказал, что это он стрелял тогда в лесу, — сказала Берта с тупым упрямством, тусклым от слез голосом.

Пытаться сейчас спорить было совершенно бесполезно и жестоко.

— Хорошо, — сказала я. — Главное, если мы хотим, чтобы с Филиппом ничего не случилось, нам надо знать, откуда ему грозит опасность. Я хочу сказать, что никто даже не станет слушать нас, пока мы не найдем какие-нибудь доказательства, а их у нас с вами еще нет, видит Бог. Начнем с того, что мы знаем. Вы говорите, что это не Бернар.

Берта глотнула и кивнула головой. Я видела, что девушка немного успокоилась и больше не задыхалась от рыданий. Она перестала ломать руки и слушала меня довольно внимательно.

— Думаю, мы можем исключить какие-нибудь ловушки, вроде перил или качелей, — сказала я. — На этот раз они должны быть в полной уверенности, что попытка будет удачной, а времени дожидаться какой-нибудь «случайности» у них нет. И кроме того, слишком частые «несчастные случаи» могут внушить подозрения. Именно поэтому мсье де Вальми предупредил меня насчет сломанных качелей во дворе... да, он сказал мне о них после того, как узнал, что должен вернуться Ипполит. Он был любезен, прямо сверкал, как новенький шестипенсовик, хотя уверена, он и мадам... ну ладно, это уже не важно, исключаем Бернара и различного рода ловушки. Сам мсье де Вальми ограничен в

действиях, и по тому, как все шло до сих пор, я могу сделать вывод, что он постарается держаться от всего подальше, поскольку больше всего выиграет от смерти Филиппа. А Рауля здесь нет, следовательно, это не может быть Рауль. — Помимо желания, мой тон изменился при этих словах. Я сказала почти весело: — Значит, остается мадам; не так ли?

— Вы уверены? — спросила Берта.

— Относительно мадам? Конечно, не уверена. И все же...

— Вы уверены, что его здесь нет? — сказала Берта.

Я посмотрела на девушку:

— Что вы хотите сказать?

Она слегка передернула плечами, словно малейшее движение причиняло ей боль:

— Это очень большой дом.

Я вся похолодела, словно от порыва ледяного ветра:

— Вы хотите сказать... что он может быть где-то здесь... что он спрятался?

Берта молча кивнула. Ее глаза, полные боли и страха, внезапно ожили, осветились надеждой.

— Но ведь он уехал. Его должны были видеть, — сказала я с раздражением. — «Бернар сказал» — это ведь еще не доказательство, не так ли? Его машины здесь нет. Я заметила это сегодня днем, когда мы проходили по двору.

— Да, он уехал. Я сама это видела. Но он мог вернуться. Есть такая штука — алиби, — к моему удивлению добавила девушка.

— Да, есть, — медленно сказала я. — Но что Рауль здесь... прячется... Нет, это слишком надуманно и нелепо.

— Ну и что же, — возразила Берта, — так же нелепо думать, что мадам может подобное сделать, верно?

— О Господи! — почти крикнула я. — Нелепо думать, что кто-нибудь вообще способен такое сделать. Но не могу поверить, что Рауль хоть как-то замешан в этом. Нет, — остановила я девушку, видя, что она хочет что-то сказать, — не только по той причине, о которой вы думаете, но еще и потому, что не могу понять, какое место отведено мне во всей этой истории. Если хотите знать, это просто невероятно.

— Что невероятно?

— Если он имеет что-то общее с этим жутким планом, зачем ему понадобилась я? Вы ведь, конечно, знаете, что он ухаживает за мной?

— Все знают.

— Все знают; вот как? — с горечью спросила я. — Ну хорошо; зачем ему это? Ведь для него это очень опасно и совершенно бесполезно.

— Ну, может быть, — смущенно пролепетала девушка, — он просто ничего не мог с собой поделать. Вы страшно красивая, правда, и Альбертина говорит, что, когда они были в Париже, слышала...

— О да, — перебила я, — Альбертина ужасно много всего слышала; не так ли? Вы хотите сказать, что он автоматически включается при виде каждой встреченной юбки? Его папаша именно такой; вы это заметили? Он выработал специальный метод; сначала обезоруживает трогательным рассказом о своих бедах, а потом включает свое очарование, как вольтову дугу. Ну что ж, все может быть, но я так не думаю. Рауль не похож на отца; ему не нужно зря тратить время на ненужное нытье. А в этом случае для него было бы действительно очень опасно связываться со мной, если бы он был... третьим убийцей.

— Если бы он был с ними и стал бы... стал бы по-настоящему...

— Ухаживать за мной?

— Да, мисс. Если он пошел на такое и если, как вы говорите, это для него опасно, то может быть, поэтому мсье и мадам так недовольны его поведением?

— Сначала я тоже думала, что они очень недовольны, но это не так, уверяю вас, Берта. Сегодня мсье Леон был очень любезен со мной.

— О, они действительно были недовольны, мисс. Альбертина сказала мне, что вас уволят. Все это знали. Все только и говорили об этом. Почему же они хотели вас уволить, если мсье Рауль не был с ними заодно? Если это было действительно опасно для него, как вы говорите, и они собирались вас отослать, значит, и мсье Рауль с ними! Иначе они вряд ли стали бы забивать себе голову его похождениями, потому что... о, простите, мисс, я не хотела...

— Неважно, пусть будут «похождения». Мсье и мадам могли быть недовольны просто потому, что Филипп оставлен им на попечение, а я... нет, это чепуха. Если уж они решились убить ребенка, им наплевать на

моральный облик его гувернантки. Нет, Берта, все это не то. Это бессмысленно. Я все еще не могу понять, какое место здесь занимает мсье Рауль, понимаете. И вовсе не из-за своих чувств к нему. Его «похождения», как вы их называете, зашли слишком далеко и в высшей степени неразумны, если он участвует в играх своего отца. Он предложил мне выйти за него замуж.

— Да. Я знаю.

— Вы знаете?

— Да, мисс, все знают.

На целых пять секунд, не меньше, у меня отнялся язык. «Знают? Это что, ясновидение или сплетни?»

— Не знаю, что вы имеете в виду. Бернар сказал Альбертине, а она уж передала всем.

— Когда это было?

Она смущенно посмотрела на меня:

— Ну, она говорила о вас всякое довольно давно. Она говорила, что вы... ну...

— Да?

— Она говорила, что вы лезете из кожи, чтобы поймать мсье Рауля, мисс, и что мсье и мадам в бешенстве и решили выгнать вас. А вчера она сказала, что он вроде сделал вам предложение.

— Вчера? Вы хотите сказать, после бала?

— Да, верно.

— Она говорила, что знает это точно?

— Я не знаю. Она говорила довольно уверенно. Она сказала... да Бог с ней, эта женщина иногда говорит ужасные вещи.

— Да. Бог с ней, не важно. Мне порядком надоела Альбертина. Но давайте подумаем, — я с трудом сдерживала отчаяние, — если она и все другие говорили о нашей помолвке, значит, хотя им никто об этом не сообщал, мадам и мсье Леон тоже должны знать?

— Наверное, должны.

— Но вы сказали, что они были в бешенстве из-за наших отношений с Раулем раньше, когда они только узнали, что мы... ну, понравились друг другу.

— Да, уж наверное.

— Но я вам повторяю, это бессмыслица. Вчера днем я видела мсье де Вальми — он, наверное, был в курсе не меньше, чем остальные, — и он был со мной крайне любезен. И никто из них не вызвал меня, чтобы расспросить об этом или... или сказать что-нибудь еще. Я... я никак не могу сообразить... У меня от всего

этого, чуть не лопается голова. Если они знали и не имели ничего против, значит, Рауль не может быть замешан ни в чем; верно? Когда я видела мсье Леона, он, наверное, уже все обдумал, получив утром телеграмму от Ипполита...

Мой голос замер. Я с трудом проглотила слюну. Заплетающимся языком повторила:

— Он уже получил телеграмму от Ипполита.

В наступившей тишине было лишь слышно, как скрипнула кровать, когда Берта переменяла положение.

— Леон и мадам раньше были очень сердиты на меня, я это точно знаю, — медленно произнесла я. — Думаю, они решили меня уволить. Но телеграмма от Ипполита все изменила. Они должны были спешно составить новый план, и я стала частью этого плана. Ну как, все сходится?

— Ну...

— Все сходится, вы прекрасно это понимаете, Берта. Но как? Каким образом? Вы уверены, что Бернар ничего не сказал об этом?

— Уверена, — с отчаянием сказала Берта. — Не бойтесь, мисс, клянусь, с вами ничего не случится.

— Почему вы думаете, что я беспокоюсь о себе? — резко сказала я. — Разве вы не понимаете, что мы просто обязаны все выяснить? Только так мы сможем помочь Филиппу. Какую роль я могу играть в их плане? Какую еще чертовщину они задумали?

— Вероятно, вы не имеете никакого отношения ко всему этому, — предположила Берта. — Может, они подумали, что будет очень подозрительно выглядеть, если с Филиппом случится что-нибудь в тот самый день, когда вас отослали, поэтому решили вас оставить.

— Да, но выдать замуж меня за Рауля — как-то слишком...

— Может быть, они думают, что тогда вы будете держать язык за зубами и никому не расскажете о своих подозрениях, — сказала девушка.

— О Господи, — устало вздохнула я. — Неужели они могут питать надежду, что я буду молчать, если у меня появятся подозрения, что готовится убийство?

— Но если вы выйдете за него замуж; а ведь все знают...

— Какая разница? Неужели они могут быть такими идиотами, чтобы думать, что я буду им помогать? Нет, это ерунда. Вряд ли им придет в голову исполь-

зовать замужество для того, чтобы заставить меня молчать. Ради Бога, каким образом...

— Я не хотела говорить... — В голосе Берты появились новые нотки, которые поразили меня, и я замолчала. Она все еще говорила тихо и мягко, но с какой-то странной интонацией, на которую я сразу же обратила внимание. — Все знают, что вы обручены с мсье Раулем. Если Филипп умрет, вы когда-нибудь станете графиней де Вальми.

— Что вы хотите сказать? — И тогда все стало понятно. Я тихо добавила: — Вы хотите сказать, что, когда пришла телеграмма и они составили свой план, я стала его существенной частью? Что они сострепали для меня мотив убийства? Они не могут рисковать еще раз и устраивать еще один «несчастный случай», не имея козла отпущения, которого могут подставить в случае, если не все пройдет гладко и данным делом заинтересуются. Вы это хотели сказать, да?

— А иначе зачем он просил вас выйти за него замуж? — простодушно спросила Берта.

— Действительно зачем? — повторила я.

Я снова заглянула к Филиппу. Он мирно спал. В доме царила полная тишина. Я вернулась на дыпочках к себе в спальню и нашла ошупью халат.

— Все в порядке? — спросила Берта.

Я надевала халат неловкими, дрожащими руками.

— Да, все в порядке. Понимаете, Берта, они, вероятнее всего, попытаются что-то сделать сегодня ночью, сейчас, когда все на танцах и дома осталась только миссис Седдон.

— Мистер Седдон не ушел. Он сидит с ней.

— Да? Ну, им я верю, но миссис Седдон больна, а от него вряд ли будет какая-нибудь польза, даже если они нам поверят, в чем я очень сомневаюсь. — Нашупав домашние туфли, я быстро надела их. — Можете вы остаться с Филиппом и охранять его? Надо закрыть все окна и дверь в его комнату.

— Что вы хотите сделать?

— Единственно возможное. Который час?

— Почти четверть второго. Я... мы рано ушли с танцев.

— Бернар приехал с вами?

— Да. — Берта не смотрела на меня. — Я попросила его проводить меня сюда. Это было нетрудно. Он... он сейчас спит в моей комнате. — Она добавила то-

неньким жалобным голосом: — Я чуть не умерла со страха, когда мы ехали с ним по зигзагу, — он был сильно выпивши...

Я почти не слушала ее. Я думала, что мы в доме одни, если не считать четы Седдон, в полной власти Леона де Вальми и Бернара. Слава Богу, Бернар еще спит. Я спросила:

— А мадам де Вальми была на танцах?

— Да, но сейчас она, наверное, уже дома. Она никогда не остается надолго.

— Понятно. Скажите, я могу пройти к телефону в кладовой Седдонов так, чтобы меня никто не видел и не слышал? Он запирает ее?

— Нет, мисс, но он ложится не раньше двенадцати и всегда переключает телефон на комнату хозяина.

У меня засосало под ложечкой. Я не обратила на это внимания.

— Значит, я снова переключу его. Как это делается?

— Там слева есть красная кнопка. Надо ее нажать. Но... он может услышать. Мисс... что вы хотите делать?

— Я могу сделать только одно. Нам нужна помощь. Вы боитесь, что, если я использую телефон, это может услышать мсье де Вальми? Если так, значит, звонить нельзя. И я не могу уйти и оставить Филиппа. Лучше вам самой сходить в полицию, если бы вы смогли...

— В полицию?

Я стояла на другом конце комнаты, у двери, которая вела в коридор, прислушиваясь. Обернувшись, я удивленно посмотрела на Берту:

— А куда еще? Я должна все рассказать полиции. Они могут мне не поверить, но по крайней мере можно добиться, чтобы они приехали. Если здесь соберется много народу, вряд ли они осмелятся еще раз попытаться убить Филиппа. Сегодня или завтра вернется мсье Ипполит, который возьмет к себе мальчика, все кончится и меня отправят... домой.

— Нет! — Берта сказала это с такой страстью, что ее голос разнесся по комнате и она испуганно прикрыла рот ладонью.

— Почему нет?

— Вы не пойдете в полицию! Вы никому не скажете!

— Но дорогая моя...

— Я пришла сюда и все рассказала, потому что вы хорошо относились ко мне, потому что я люблю вас и Филиппа. Вы такая добрая и ласково обходитесь со мной, и это платье... и вообще... Я подумала, что вы как-то замешаны в этом, ну, с мсье Раулем, и все такое... Вы не должны выдавать меня. Не должны!

Новая угроза сделала ее голос таким резким, что я торопливо сказала:

— Пожалуйста, тише! Не будьте дурочкой. Неужели вы ожидали, что я ничего не скажу...

— Вы не должны говорить о Бернаре! Можете уйти отсюда, если боитесь.

— Уйти? — Я непонимающе посмотрела на девушку.

— Да, если то, о чем мы с вами говорили, верно, и вам грозит обвинение в убийстве! Вы можете чем-нибудь отговориться утром и сразу же уехать! Это очень просто! В конце концов можете сказать, что не хотите выходить за него замуж, а оставаться здесь гувернанткой не способны после того, что было между вами. Всякий поверит этому. Они не могут заставить вас оставаться здесь. Никто не будет вас тогда подозревать.

— Подождите, Берта! Это только наши догадки. Но даже если все верно, вы ведь не можете подумать все-ррез, что я убегу и оставляю им Филиппа?

— Я буду смотреть за ним! Я не отойду от него, пока не придет мсье Ипполит! Это ведь только один день! Вы знаете, мисс, что можете мне верить! Если вы расстроите их планы и им не на кого будет свалить вину, может быть, они ничего и не сделают.

— А может быть, сделают, — мрачно возразила я, — и свалят на вас.

— Они не посмеют! Бернар не даст им!

— Может быть, вы правы, Берта. Но я не могу рисковать жизнью Филиппа, надеясь на «может быть». Вы не понимаете, Берта. Дело вовсе не в том, замешана я или нет, дело в том, что они решили убить Филиппа. Понимаю, что вы пришли предупредить меня, и очень вам благодарна, но сейчас просто не может быть речи о том, чтобы я уехала. Сию же минуту пойду и позвоню в полицию.

Лицо девушки, белое как бумага, казалось плоским, лишенным черт: накрахмаленная простыня с двумя дырками вместо глаз.

— Нет! Нет! Нет! — выдохнула она дрожащим исте-

рическим шепотом. — Бернар узнает, что я вам все сказала! И мсье де Вальми! Я боюсь! Вы не можете!

— Я должна. Неужели вы не понимаете, что все это неважно. Надо думать только о ребенке.

— Я буду отрицать. Буду все отрицать! Присягну, что он ничего мне не говорил, что я вам ничего не сказала. Скажу, что вы соврали! Скажу!

Наступило короткое молчание. Я отошла от двери:

— Вы способны на такое?

— Да, способна, клянусь чем угодно!

Секунду я молчала. Через некоторое время она отвела глаза, но по выражению лица я поняла, что она говорила совершенно серьезно. Я старалась сдерживать гнев. Эта девушка прожила всю жизнь под властью Вальми, а теперь у Бернара появились еще более веские причины жениться на ней, если он пожелает и сможет сделать это. Бедная Берта! Она сделала для меня очень много, больше, чем я могла бы ожидать...

— Очень хорошо, — сказала я, — вы будете ни при чем, и я ни словом не намекну на Бернара. Оставим прошлое, подумаем о будущем. Я скажу в полиции, что все это только мои подозрения. Что-нибудь придумаю. А потом пойду прямо к Леону де Вальми и скажу ему, что говорила с ними. И все будет кончено.

Она смотрела на меня так, будто я сошла с ума:

— Вы... посмеете?

Мне вдруг представился Филипп на руках у Рауля.

— О да, — сказала я, — посмею.

— Нет, вы не должны. — Берта дрожала, зубы у нее стучали как от холода. — Он догадается насчет Бернара... и меня. Кто-нибудь донесет ему, что Бернар сегодня напился. Он все узнает. Вы не можете...

— Я могу и должна сделать это. Не будьте дурой, Берта. Вы знаете, так же, как и я, что должна...

— Нет! Нет! Нет! Мы можем защитить его! Если мы обе будем рядом, с ним ничего не случится! Только один день! Мы ведь можем следить за Бернаром?

— А мадам? А Леон де Вальми? Может быть, кто-нибудь еще. Бог его знает.

— Вы не скажете! — истерически крикнула она, неуверенно, как слепая, повернувшись ко мне. — Если вы не поклянетесь, что не пойдете в полицию, я сейчас же отправлюсь к Бернару! Он уже достаточно протрезвел, чтобы вас остановить!

Я в три прыжка подскочила к кровати и схватила ее за плечи.

— Вы не сделаете этого, Берта! Сами знаете, что не сделаете! Этого нельзя делать!

Она замерла. Ее лицо, все еще мертвенно-бледное и измученное, было рядом с моим. Мое прикосновение оказалось прекрасным средством от истерики. Она сказала спокойно, но это спокойствие было убедительнее любого крика:

— Если вы расскажете полиции и они придут к хозяину, он догадается, как вы узнали. Будет скандал, и он ни в чем не признается, только посмеется. Они скажут, что вы... да, вы! Они скажут, что вы пытались выйти замуж за мсье Рауля, но ничего не получилось и вы все это затеяли им назло, и тогда полицейские тоже будут смеяться и пожимать плечами, выпьют парочку бутылок с хозяином и уберутся...

— Очень может быть. Но я спасу Филиппа, а еще немного сплетен мне не повредят.

— Но когда все кончится, что будет со мной, как вы думаете? — спросила Берта. — И с Бернаром? И с моей матерью и всей моей семьей? Мой отец и братья всю свою жизнь работали у Вальми. Они бедные, у них ничего нет. Куда они пойдут, если их выгонят? Что мы можем сделать? — Она покачала головой. — Пожалуйста, пожалуйста, сделайте, как я говорю. Мы обе можем сберечь его. Это будет лучше, мисс, честное слово, лучше.

Я опустила руки.

— Хорошо. Пусть будет по-вашему. Буду держать язык за зубами. — Я посмотрела на нее. — Но клянусь вам, если что-нибудь случится с Филиппом или если кто-то попытается обидеть его, я разнесу эту историю по всей Франции, так что она попадет во все газеты, и не успокоюсь, пока ваши Вальми — и Бернар — не получат то, что заслужили.

— С Филиппом ничего не случится.

— Дай Бог, чтобы вы были правы. А теперь идите, Берта. Спасибо за то, что пришли.

Она соскользнула с постели.

— А платье? — нерешительно спросила она.

— Оставьте его себе, — сказала я устало. — Оно не понадобится мне там, куда я уеду. Спокойной ночи.

Щелкнул замок двери; я осталась наедине с тенью, сгустившимися в комнате.

Наполни кубок. Філіпп,
И выпьем по глотку.

*Из старой английской
поэзии*

олько в одном случае можно быть уверенной, что Филипп находится в безопасности, — увести его, чтобы Леон де Вальми не смог до него добраться, спрятать мальчика и ждать, пока кто-нибудь придет нам на помощь.

Нельзя было терять ни минуты. Леон де Вальми хорошо знал, что в половине второго не застанет никого в детской и прилегающих комнатах. Слуги начнут возвращаться с танцев в третьем или четвертом часу. Если он решил что-то предпринять, то это случится очень скоро.

Я снова прошла к кровати и стала сдирать с себя неловкими, негнушимися руками халатик. Мысли вихрем кружились в голове, не поддаваясь никакому контролю. Я не могла мыслить логически и не хотела ни о чем думать; некоторые вещи я просто не могла себе представить. Пока. Но Филиппа надо увести. Это самое главное. Я решила никуда не звонить — меня мог услышать Леон де Вальми, кроме того, Берта могла пойти в кладовую проверить, не нарушу ли я своего обещания, — она так потрясена и напугана, что нельзя предсказать ее реакцию. В Вальми ни от кого нельзя ждать помощи. Миссис Седдон больна, ее муж стар, труслив и довольно недалек. Мы с Бертой могли бы защитить Филиппа, если бы знали, откуда придет опасность, но в этих обстоятельствах... нет, мальчика надо увести в ближайшее безопасное место, а потом как можно скорее отправиться в полицию. Я не считала себя связанной обещанием, которое Берта у меня вырвала, — это был настоящий шантаж. Как женщина, я ставила здравый смысл выше так называемой «чести» и без малейшего угрызения совести нарушила бы тысячу обещаний, если бы этим могла спасти Филиппа.

Я сбросила на пол халат и уже собиралась надеть платье, когда из коридора донесся слабый шум.

Хотя я ожидала, что услышу этот звук, но сразу не узнала его. Просто тихий шелест, прозвучавший для меня как грозное предупреждение. Я бессознательным движением быстро выключила лампу, и в тот же миг дверь комнаты Филиппа отворилась. Я поняла, что это за шелест.

«Инвалидное кресло».

Я встала как вкопанная, рука застыла на выключателе лампы. Мне казалось, что я даже перестала дышать. Если бы из соседней комнаты послышался самый слабый звук, кажется, я бросилась бы туда, не раздумывая, как пуля, выпущенная из ружья, но кресло не двигалось, и я продолжала стоять, ожидая, что будет дальше.

Ничего. Никакого движения. Через некоторое время дверь Филиппа снова закрылась, почти беззвучно. Шелест переместился в коридор.

Не знаю, какой инстинкт заставил меня броситься в кровать и завернуться в одеяло, но, когда дверь моей спальни открылась, я спокойно лежала, повернувшись к двери спиной.

Он не вошел, просто молча ждал. Секунды тянулись, как годы. «Что бы он сделал, если бы я повернулась, увидела его и закричала? — подумала я. — Хозяйина застали ночью в комнате гувернантки! Зажигается свет, раздаются голоса, вопросы, слуги бегут по коридору... Что скажете на это, мсье де Вальми?» Пузырьки истерического смеха зашекотали мне горло при мысли о том, что Леон де Вальми может сыграть роль коварного соблазнителя, но потом я подумала, как надежно он защищен от такого обвинения, и продолжала лежать тихо, испытывая смешанное чувство жалости и стыда, которое, как ни ужасно, несколько не уменьшило моего страха. В этих противоречивых эмоциях было что-то неестественное. Все тело напряглось, и меня охватила невольная дрожь.

Наконец он ушел. Дверь бесшумно закрылась. Я услышала удаляющийся по коридору шелест колес — Леон де Вальми возвращался в свою комнату.

Выскльзнув из кровати, я на цыпочках подошла к двери и стояла неподвижно, пока не услышала, как где-то далеко закрылась дверь. Через секунду зашумел лифт. Он просто проверял, вот и все. Но его визит по-

ведал мне все, что я хотела знать. Берта права. Надо увести отсюда Филиппа, и как можно скорее. Странно, но я снова была совершенно спокойна. Я заперла дверь, потом задернула портьеры и включила лампу, быстро оделась, взяла пальто и ботинки для прогулок и через ванную вышла в комнату Филиппа.

Это будет, наверное, самой трудной частью моего плана. Я положила пальто и ботинки на стул, на котором сидела прошлый раз во время нашего полуночного пира, потом, взглянув на спящего мальчика, подошла к двери, ведущей в коридор, и заперла ее. Я делала все нарочито медленно: спешка могла лишь повредить. Если я хочу, чтобы все сошло удачно, надо быть как можно спокойнее.

В комнате было довольно светло. Длинные занавеси на окнах немного разошлись, и в комнату падал луч света, как в прошлую ночь, начертивший светлую полосу вдоль ковра. Когда я шла по комнате, что-то попало мне под ноги и покатилося, сверкая в лунном свете. Виноградина в сахаре. Сегодня Берта, кажется, очень небрежно убирала детскую.

Я отодвинула тяжелую занавесь и закрыла окно на задвижку. За моей спиной Филипп пошевелился и вздохнул. Я замерла и посмотрела на него через плечо, не отрывая руки от задвижки. Другой рукой я поддерживала занавесь.

Тень, упавшая передо мной, заставила меня дернуться, как марионетку, и снова обернуться к окну. Кто-то проходил по балкону и посмотрел на меня в промежуток между занавесками. Я стояла в полосе света неподвижно, словно парализованная. Рука моя была прижата к задвижке, как будто ее удерживал магнит. Я смотрела прямо в глаза Элоизе де Вальми. Они были на расстоянии не больше фута от моих глаз.

Элоиза не выказала никакого удивления, словно не заметила, что я одета по-дорожному. Она положила руку на стекло, будто ожидала, что найдет балконную дверь открытой, взялась за наружную задвижку и стала легонько ее трясти, потом снова провела руками по стеклу, словно хотела его выдать. И снова начала трясти наружную задвижку на этот раз сильно и нетерпеливо.

Я не могла ее не впустить. В ее длинном пеньюаре цвета слоновой кости не было карманов, в руках она ничего не держала. Кроме того, если бы она пришла,

чтобы что-нибудь сделать с Филиппом, вряд ли она пыталась бы проникнуть к нему так открыто. Пытаясь придумать объяснение, почему я нахожусь в комнате Филиппа в половине второго ночи, к тому же одетая не по-домашнему, я открыла балконную дверь и сказала, стараясь говорить как можно спокойнее:

— Добрый вечер, мадам.

Не обратив на мои слова никакого внимания, Элоиза молча прошла мимо меня в спальню, и ее пеньюар прошуршал по ковру. Она остановилась у изголовья кровати. В полутемной комнате ее тень черным пятном упала на спящего ребенка. Она медленно, словно вслепую, протянула руку и коснулась его лица. Это был безобидный жест, мягкое прикосновение, но я сразу же поняла, что это такое. Кошмары Филиппа. Подобное случилось и раньше.

Если бы у нее было какое-нибудь оружие, если бы она проникла к мальчику украдкой, а не совершала визит, казавшийся обычным и внешне совершенно безобидным, я реагировала бы значительно быстрее. Но я опомнилась и бросилась к ней, только тогда, когда ее рука почти коснулась щеки мальчика. Она тронула его кончиками пальцев. Перебежав на другую сторону кровати, я натянула простыню, прикрыв лицо Филиппа, подняла голову и посмотрела на мадам де Вальми, стоящую напротив. Она не двигалась, но через некоторое время отдернула руку и выпрямилась. Какой бы страх ни внушал мне Князь Тьмы, его жены я не боялась.

— В чем дело, мадам? Что вам надо? — спросила я.

Элоиза не ответила. Она вела себя так, будто меня не было в комнате. Это уже слишком! Я открыла рот, чтобы выразить свое негодование, но внезапно остановилась, со страхом наблюдая за мадам.

Она повернулась к небольшому столику у кровати. Ее руки двигались, как у слепой, ощупывая предметы, стоявшие на столике, — лампу, книгу, небольшие часы, молочник, в котором было какао Филиппа, пару солдатиков, печенье... Я подумала, что она сейчас включит свет, и невольно сделала протестующий жест, но Элоиза, проведя мягко кончиками пальцев по лампе, часам, погладив оловянных солдатиков, опустила ладони на молочник и взяла его.

— Мадам де Вальми... — сказала я.

Элоиза обернулась на звук моего голоса, подняла молочник, словно хотела отпить из него, и поверх его

края снова посмотрела мне прямо в глаза. Она стояла спиной к свету, ее лицо казалось смутным пятном, глаза были расширены и глядели в пустоту, и когда я внимательно всмотрелась в нее, охваченная недоумением и страхом, то внезапно все поняла. Я вздрогнула и похолодела, словно моей спины коснулась ледяная рука мертвеца.

Ее открытые глаза, как и выхоленные мягкие руки, что-то нашаривающие на столе, были действительно слепы... Я еще несколько секунд вглядывалась в лишенное всякого выражения лицо Элоизы де Вальми — между нами, на кровати, слышалось тихое и ровное дыхание Филиппа, — потом очень тихо продвинулась ближе и стала в ногах кровати.

Элоиза стояла, не двигаясь, держа в руке молочник, ее глаза были устремлены на то место, где я была только что... Понимаете, глаза ее были открыты, но они ничего не видели... Я стояла и смотрела на нее, будто она была привидением, выступающим на сцене, освещенной лунными лучами. В голове у меня звучали стихи, как будто кто-то включил магнитофон и забыл его выключить. Я чувствовала какое-то тупое удивление — эти стихи так быстро пришли мне на ум: «Глядите, вот она! Блуждает здесь всю ночь, и жизнью вам клянусь, ни разу не проснулась!..»

Вот как! Значит, Элоиза де Вальми, как леди Макбет, блуждает во сне — тяжесть, которая лежит у нее на сердце, угрызения совести гонят ее ночью в комнату Филиппа. Может быть, она, как и та леди-убийца, ненароком выдаст то, что видела и слышала? Я ничего не знала о лунатизме, помнила только сцену из «Макбета». И леди Макбет говорила. Может быть, я заставлю и Элоизу де Вальми заговорить? «Наблюдай за ней, подойди к ней поближе!»

Я держалась за спинку кровати Филиппа, если бы не это, я бы, кажется, упала.

— Мадам, — хрипло сказала я.

Она ничего не слышала. Уверенно и спокойно она поставила молочник на стол и повернулась к двери. Лунный свет скользил по красивым складкам ее пеньюара, освещая ее неподвижное лицо, глаза, большие и блестящие, как у куклы.

— Элоиза де Вальми. Отвечайте мне. Как вы убьете Филиппа? — сказала я.

Она шла к балкону. Я держалась рядом с ней. Она двигалась ровно, не спотыкаясь, и в нужный момент взялась рукой за портьеру. На одно ужасное мгновение я подумала, что ошиблась и она не спит, но потом увидела, что она пошла прямо на висящую ткань и остановилась в нерешительности, когда одна из складок ее одежды зацепилась за порог. Глаза, устремленные в одну точку, были по-прежнему неподвижны, но она вздохнула и покачнулась. Один Бог знает, что ей известно. У меня вырвался вопрос, который я задавала себе все это время:

— Рауль помогает вам убить Филиппа?

Элоиза остановилась и наклонила голову, повернувшись ко мне. Я повторила ей в самое ухо:

— Рауль помогает вам?

Она отвернулась. У меня ничего не вышло. Элоиза уходила, унося с собой свои тайны, все еще погруженная в сон. Я неуверенно протянула руку и отдернула перед ней портьеру.

Мадам величественно прошествовала мимо меня, прошла по балкону и скрылась из виду.

«Господи, Господи, помоги мне!» Я стояла над Филиппом в темной комнате, испещренной пятнами лунного света, держа в руке молочник.

* * *

Я тихо разбудила его, применив метод, о котором где-то читала, — легонько нажала под левым ухом. Это подействовало: Филипп открыл глаза, словно проснулся самым естественным образом и несколько секунд лежал неподвижно, привыкая к темноте и стараясь разглядеть меня в слабом свете луны. Потом он сказал, словно продолжая прерванный разговор:

— У меня был еще один кошмар.

— Я знаю, поэтому и пришла.

Он поднял голову, потом сел в кровати:

— Сколько времени?

— Половина второго.

— Разве вы еще не ложились? Вы ходили на танцы в Субиру? Вы мне не говорили, что пойдете.

— Нет, меня там не было. Я оделась, потому что...

— Вы ведь не уйдете? — Его шепот стал таким громким, что я поднесла палец к губам.

— Тихо, Филипп. Нет... то есть да, но я не оставляю тебя одного, не бойся. Ты пойдешь со мной.

— Пойду с вами?

Я кивнула и присела на край кровати. Большие круглые глаза уставились на меня. Мальчик сидел очень тихо. Не могу сказать, о чем он думал. Не помню, как звучал мой голос, знаю только, что губы у меня застыли, поэтому трудно было говорить. Я сказала:

— Филипп.

— Да, мадемуазель?

— Ты хорошо себя чувствуешь? Ты не... тебе не очень хочется спать?

— Да нет.

— Хорошенько проснулся? Ничего не болит?

— Нет.

— Ты пил сегодня какао? — хрипло спросила я.

Он искоса посмотрел на молочник, потом снова на меня. Филипп колебался, потом наконец сказал:

— Я его вылил.

— Ты... что? Почему?

— Ну... — неуверенно сказал он, глядя на меня, потом замолчал.

— Послушай, Филипп, я не буду тебя ругать. Просто хочу знать. Оно было противное на вкус или что-нибудь в этом роде?

— Нет. Вообще-то не знаю. — Снова взгляд искоса, потом внезапный порыв откровенности: — У меня осталась с прошлой ночи та бутылка, и я ее спрятал. Я не стал вам говорить...

— Бутылка? — удивленно спросила я.

— Ну да, — ответил Филипп. — Этот замечательный лимонад. Я выпил лимонад вместо какао. Он уже выдохся, но все равно был вкусный.

— Ты... не сказал мне об этом, когда я пришла, чтобы сделать какао.

— Ну, — заметил Филипп, — я не хотел вас огорчать. Ведь вы всегда сами варите какао и... что с вами?

— Ничего, ничего. Ох Филипп!

— В чем дело, мисс Мартин?

— Думаю, я просто устала. Вчера очень поздно легла, а сегодня еще не ложилась.

— Вы на меня не сердитесь?

— Нет, не сержусь.

— Почему вы сегодня не ложились?

— А теперь слушай меня, малыш. Ты знаешь, что

твой дядя Ипполит возвращается завтра... нет, уже сегодня?

Лицо мальчика осветилось радостью, словно солнечный луч озарил речную гладь, и вдруг меня охватило глубокое чувство покоя. Кажется, мы все-таки доберемся до тихой гавани после шторма.

Филипп спрашивал быстрым взволнованным шепотом:

— Когда он приезжает? Почему он возвращается? Кто вам сказал? Когда мы с ним встретимся?

— Для этого я и пришла к тебе, — сказала я, как будто это было вполне естественным и разумным поступком. — Подумала, что мы можем уйти сейчас же. И чем скорее, тем лучше, — неловко закончила я, чувствуя, что мои не до конца продуманные объяснения замирают у меня на губах под внимательным взглядом ребенка.

— Вы хотите сказать, что мы пойдем сейчас на виллу Мирей? Встречать дядю Ипполита?

— Да. Может быть, его еще нет, но я подумала...

— А дядя Леон знает? — настороженно спросил Филипп.

Я с трудом проглотила слюну:

— Дорогой Филипп, не думаю, что ты поймешь, но хочу, чтобы ты доверился мне и пошел со мной как можно быстрее и как можно тише. Твой дядя Леон...

— Вы вводите меня от него. — Это был не вопрос, а констатация факта. Лицо мальчика было неподвижно, но глаза смотрели внимательно и дышал он неровно и быстрее, чем обычно.

— Да, — ответила я и приготовилась к неизбежному «почему?» Но он ничего не сказал. Ужасный ответ был ему известен.

— Мой дядя Леон меня ненавидит. Я это знаю. Он хотел бы, чтобы я умер. Правда ведь? — сказал он своим тоненьким серьезным голосом, в котором не было и тени удивления.

— Филипп, зайчик, — ласково сказала я, — боюсь, он хочет тебя обидеть. Я тоже не очень-то люблю твоего дядю Леона. Думаю, нам лучше убраться отсюда, ты должен только довериться мне и пойти со мной.

Филипп, ни минуты не колеблясь, откинул одеяло и схватился за край ночной рубашки, приготовившись стащить ее через голову, но внезапно остановился.

— Тот выстрел в лесу, он ведь был не случайным?

Услышав этот вопрос, исходящий из спутанных складок детской ночной рубашки, я едва не задохнулась. Кажется, уже не нужно притворяться.

— Нет, это была не случайность, — ответила я. — Вот твой жакет.

— Он пытался меня убить?

— Да, — сказала я таким обыденным тоном, что, спохватившись, добавила: — Не бойся, Филипп.

— Я не боюсь, — ответил он, надевая дневную рубашку. Когда его лицо показалось из-под воротника, я увидела, что он говорит правду. Он был натянут как струна, и его черные глаза — глаза де Вальми — сверкали словно угли. — Я очень долго боялся, с тех пор как приехал в Вальми, но не понимал почему. Я чувствовал себя несчастным и ненавидел дядю Леона, но не знал, почему я все время боюсь. Теперь знаю и больше уже не боюсь. — Усевшись на кровати рядом со мной, он стал натягивать носки. — Мы пойдем к дяде Ипполиту, все ему расскажем, и моему дяде Леону отрубят голову на гильотине.

— Филипп!

Он поднял глаза и посмотрел на меня:

— А что бы вы сделали с ним? Убийцам отрубают голову. А он убийца.

«Тигры рожают тигрят, — подумала я, — да, тигры рожают тигрят». На минуту мальчик стал похож на Леона де Вальми. Но это был только ребенок; он не понимал как следует, что говорит.

— Знаешь, он ведь не убийца, — возразила я. — Ты пока что жив и вовсе не собираешься умирать. Только мы должны поспешить и идти страшно тихо. Смотри, вот твои ботинки. Нет, не надевай. Неси их в руке, пока мы не выйдем из дома.

Он подхватил ботинки и встал, потом, как маленький ребенок, взял меня за руку:

— Куда мы идем?

— Я тебе уже говорила. К твоему дяде Ипполиту.

— Но мы не можем прийти на виллу Мирей, когда его нет, — неуверенно сказал он. — Утром они первым делом бросятся туда за нами.

— Знаю. — Его рука задрожала в моей ладони; я притянула его к себе так, что он прижался к моим коленям, и обняла. — Нам ничего не грозит. Нас поведет наша счастливая звезда, Филипп. Она не обманет. Ты помнишь мсье Блейка, англичанина?

Он кивнул.

— Ну так вот, у него в лесу Дьедонне есть хижина, где он иногда ночует. Я знаю, что сегодня он там, потому что, когда хотела лечь, увидела в горах, там, где она стоит, маленький огонек. Мы сейчас же пойдем туда, он примет нас, а завтра отвезет к твоему дяде Ипполиту. Все будет хорошо, вот увидишь. Я тебе обещаю.

— Хорошо. Взять этот шарф?

— Да. Ты надел теплый свитер? Хорошо. Балконную дверь мы запрем. Я думаю... Все в порядке? Постарайся не шуметь.

Я остановилась у дверей, положив руку на ключ, торчавший в скважине, и прислушалась. Филипп ступал рядом со мной тихо, как привидение, ухватившись рукой за мой локоть. Глаза его казались огромными на бледном личике. Ничего не было слышно. За нашей дверью простирался огромный дом, темный и молчаливый, казавшийся необитаемым. Мадам де Вальми уже, наверное, спала, Бернар был пьян, а сам тигр, притаившийся внизу в своем логове и ожидающий известия о смерти, — этот тигр был беспомощным инвалидом...

Влажной рукой я нажала на скользкую дверную ручку и приоткрыла дверь, потом взяла Филиппа за руку и вышла с ним в темный коридор. Мимо часов, которые когда-то пробили для нас двенадцать раз, вниз по лестнице, где я потеряла свою туфельку, вдоль темного пространства, окаймленного с обеих сторон слепыми пятнами дверей, под косыми взглядами фамильных портретов... огромный дом скользил мимо нас в полутьме, бесплотный, как декорации к фантазии Кокто, и, наконец, лихорадочное и бредовое бегство привело нас к тяжелой двери, которая вела во двор, к желанной свободе.

Дверь была заперта. Очевидно, для слуг, которые должны были вернуться с танцев, был оставлен открытым другой вход, но у меня не хватало духу вернуться. Тяжелый ключ легко и бесшумно повернулся в замочной скважине, но дверь не открывалась. Я шарила руками в темноте по обитой железными полосами двери в поисках задвижки. Было слышно, как рядом со мной Филипп легонько втянул в себя воздух и задрожал. Я встала на цыпочки и подняла руки, наконец нашла запор и отодвинула его. Он подался с громким визгом, словно мандрагора, которую вырывают с корнем в по-

луночном лесу. Звук отдался бесконечным эхом в коридоре и, казалось, разнесся по всему дому. Дрожащими руками я потянула к себе дверь, каждую минуту ожидая услышать гудение инвалидного кресла. Дверь не двигалась. Она все еще не двигалась. Я стала шарить рядом с ключом в поисках английского замка, но ничего не нашла. Он мог появиться каждую минуту и увидел бы нас в этой темной ловушке. Ему не надо было слышать скрип задвижки, чтобы знать, где мы находимся и что собираемся сделать. Мне казалось, что мои панические мысли летят по коридору прямо к Леону де Вальми, выдавая нас. Он должен знать. О да, должен знать. Мы связаны телепатической связью — я и Князь Тьмы...

— Все в порядке, — прошептал Филипп, — я взял с собой мой фонарик.

Он нагнулся ко второй задвижке, тихо отодвинул ее, и дверь отворилась.

Мы вышли на свежий ночной воздух.

ГЛАВА XV

Пусть войдет в волшебный лес
Тот, кто смел.

*Джордж Мередит.
Вестермейнские леса*

не имела представления, как найти лесную хижину Вильяма Блейка, но из окна моей комнаты в замке Вальми заметила, что ее огонек, казалось, находился очень близко от широкой прямой просеки, прорезавшей сосновый бор и идущей вверх, начинаясь откуда-то возле моста Вальми. Нам с Филиппом надо было лишь пройти по мосту и повернуть от шоссе направо, и мы должны выйти прямо на просеку. Оттуда просека шла прямо вверх, и, без сомнения, рано или поздно огонек укажет нам дорогу к хижине.

Казалось, здесь не было особой трудности, на самом же деле это был долгий и изнурительный подъем,

Я боялась пользоваться фонариком Филиппа так близко от шоссе, но и на просеке не зажигала его из предосторожности: место было совершенно открытое, и свет можно было увидеть из каждого окна западного фасада замка Вальми.

В лесу стояла полная темнота. Глаза у меня немного привыкли к ней, и мы пробирались между деревьями, не нанося себе серьезных увечий, но очень медленно, спотыкаясь и скользя на толстом ковре сосновых игл, устилавшем землю, кое-где натыкаясь на кучи срубленных ветвей, оставленных там после расчистки леса. Филипп задел за острый сук и упал бы, если бы я его не поддержала; я наступила, с трудом сдержав крик боли, на щепку, которая врезалась мне в ногу, как стальной клинок. Но Филипп не жаловался, а я, как ни странно, удаляясь от Вальми, с каждым шагом чувствовала себя все в большей безопасности. Этот дикий горный склон, напоенный густым ароматом сосен, несмотря на темноту и таинственные шорохи, производимые существами, которые обитали в нем, не пугал меня; замок Вальми, светлый и роскошный, был гораздо страшнее. У меня в голове звучало одно только слово «сбежать», и Вальми, невзирая на весь его блеск и комфорт, казался душным, затхлым и давящим. Теперь я на свободе... Темнота приняла нас в свои объятия. Воздух обвевал прохладой, вокруг царил мирная тишина.

Я выбрала верное направление. Примерно двадцать минут мы с трудом пробирались по лесу среди сосен, потом вдруг вышли на просеку. Она была шириной примерно в пятнадцать ярдов и вела прямоком от подножия к вершине горы. Думаю, она была оставлена, чтобы по ней в случае пожара мог пройти трактор, но для чего бы она ни служила, нам с Филиппом было значительно легче пробираться по ней, чем по лесу.

Здесь тоже валялись срубленные ветки, но, по крайней мере, было светлее и мы шли не вслепую. Крепко сжимая мою руку и немного задыхаясь, Филипп послушно взбирался по склону рядом со мной. Один раз мы обернулись и, не сговариваясь, посмотрели в сторону Вальми. На дальнем краю долины замок, освещенный луной, выплывал бледным пятном над лесом Вальми, словно пронзенный единственным лучом света, видневшимся в окне первого этажа. Леон де Вальми все еще ждал желанного известия.

Вздвигнув, я снова повернулась к заросшей густым лесом, благоухающей смолой вершине Дьедонне, и мы пошли дальше по освещенной лунной просеке, рассекающей ряды сосен, словно каньон темные утесы.

— Все в порядке, Филипп?

— Да, мадемуазель.

Если какое-нибудь существо и пробегало по лесу в ту ночь, мы его не заметили. Только глаза звезд сверкали над нами, отражаясь в миллионах капелек росы, выпавшей на срубленные ветки. Иногда поднимался легкий ветер; а когда он утихал, треск сухих веток и шуршание мертвых сосновых иголок у нас под ногами звучали словно гром. Я поймала себя на том, что, как это ни глупо, время от времени оглядываюсь украдкой через плечо на дальний огонек в окне Леона де Вальми, стараясь ступать как можно тише, и со страхом поглядываю на мрачные черные тени, сопровождающие нас сзади в нашем пути по просеке.

Но под лунной, плывущей по ночному небу, ничто нас больше не пугало, и, остановившись отдохнуть, мы не услышали никаких звуков, кроме нашего тяжелого дыхания, вековой песни сосен и шума капель воды, когда ветер сбрасывал росу с веток.

Первым увидел хижину Филипп. Я изо всей силы напрягала зрение, глядя вверх и влево сквозь деревья, стараясь различить свет лампы Вильяма Блейка, и, когда мы подошли к вершине горы, стала беспокоиться, думая, что прошла хижину, не заметив ее среди густых зарослей сосны.

Когда мы остановились, как обычно, чтобы перевести дыхание, Филипп потянул меня за руку.

— Вот, — сказал он, задыхаясь, и кивнул в сторону небольшой брешы в южной стене деревьев.

Я с облегчением повернулась туда, но остановилась и молча смотрела на хижину, чувствуя, как по телу пробегает озноб.

Это, без сомнения, была хижина, та самая хижина, поскольку она была расположена как раз в том месте, где я предполагала. Она была маленькая и квадратная, очень красивая, построенная на манер шале из оструганных сосновых бревен с идущей вокруг дома крытой верандой, с остроконечной кровлей и узорчатыми деревянными ставнями. Сзади и сбоку сосны подходили к ней так близко, что загораживали свет, так что лампа должна была бы гореть круглые сутки.

Сейчас окна были темными. В одном виднелся маленький огонек, словно от очага, но не было видно гостеприимного света лампы, которая так долго служила мне путеводной звездой. Я стояла, сжимая руку Филиппа, и тупо смотрела на темные окна.

Только сейчас я заметила, как стеснились вокруг хижины деревья, окружавшие ее плотным кольцом, какими страшными, уродливыми и черными, как чернила, выглядели тени, которые мы с Филиппом отбрасывали на просеку. Я пошевелилась, и гигантская тень злобно передразнила меня. Ночь была полна угрожающих шорохов.

— Он, наверное, крепко спит, — весело сказал Филипп, уже не шепотом, а в полный голос.

Вздвогнув, я посмотрела на мальчика. Мне захотелось прижать его к себе, но я поборола это желание.

— Ну конечно, — не очень уверенно сказала я. — Конечно... Я... я совсем забыла, что скоро наступит утро. Думаю, он не обидится, если мы его разбудим. Пошли, господин граф!

Филипп решительно направился к хижине: на этот раз он шел впереди. Я с чувством облегчения следовала за ним. Мы в безопасности, наша звезда привела нас туда, где нам ничто не угрожает. Теперь замок Вальми был от нас за тридевять земель. Я бросила последний взгляд на холодный лучик света в окне Леона де Вальми. Он очень далеко, он нас не достанет, и я никогда туда не вернусь.

Мои глаза были полны слез. Не одна звезда, а целый рой сиял в окнах замка. Я сердито подняла руку, чтобы вытереть слезы, и снова поглядела туда.

Не одна звезда, а целый рой...

Уже три огонька светились в окнах белого видения, плывшего над лесом Вальми. И пока я смотрела, чувствуя, как что-то горячее подступает к сердцу, ожило еще одно окно, потом еще одно. Моя спальня, моя гостиная, детская... а потом я заметила два крошечных огонька, отделившиеся от теней, скрывающих нижнюю часть замка, и скользнувшие прочь от него, — машина выехала со двора. Леон де Вальми поднял тревогу. «Господи, он уже поднял тревогу!» Он не стал ждать утра, а снова отправился проверять нас — и теперь весь Вальми был на ногах. Мне казалось, что я слышу беготню по коридорам, перешептывание слуг, гудение invalidного кресла, жужжание в телефонных проводах.

Ярко освещенные окна пятью глазами наблюдали за долиной. И потом, когда я, несмотря на охватившую меня панику, стала размышлять о том, зачем Леону де Вальми понадобилось поднимать на ноги весь дом, окна вдруг померкли, одно за другим, и Вальми вновь погрузился в темноту. Осталась лишь одна светлая точка, а внизу, на спуске, автомобильные фары описали два неровных круга и потухли.

Я ошиблась. Не было никакой тревоги. Леон увидел, что мы ушли, удостоверился в этом и вернулся к себе, ожидая у телефона. Ночь еще не кончилась, и Леон спустил на нас своего сторожевого пса. Бернара, которого заставили протрезвиться? Рауля?

Я повернулась и побежала к хижине под покровом черных сосен. Филипп тихонько постучал в дверь.

Прошло полминуты, три четверти минуты. Я стояла рядом с Филиппом, пытаюсь преодолеть спазм страха, возникший где-то глубоко в сердце. Через мгновение все ужасы кончатся: раздастся успокаивающий звук шагов англичанина, Блейк подойдет к двери; щелкнет замок, на полу веранды появится желтый клиновидный отсвет огня, проникший через полуоткрытую дверь, и в прохладном ночном воздухе повеет теплом.

В лесу стояла тишина. Воздух обвевал спину холодом. Прошла минута, полторы минуты. Ни звука. Блейк, должно быть, все еще не проснулся.

— Постучать еще?

— Да, Филипп. Сильнее.

Я вздрогнула, когда он резко постучал костяшками пальцев о дерево. В ночном безмолвии леса это прозвучало как удар барабана. Мне казалось, что мы разбудили всех лесных зверей.

В последовавшей тишине я услышала далеко внизу на дороге рычание мчащегося на полной скорости автомобиля.

Из шале не доносилось ни звука.

— Там никого нет, — голос Филиппа дрожал; он, должно быть, кроме всего прочего, страшно устал, и это заставило меня собраться.

— Он просто очень крепко спит, — спокойно сказала я. — Давай посмотрим, может быть, нам удастся войти. Он не рассердится, если мы его разбудим.

Филипп поднял задвижку и толкнул дверь. К моему удивлению она сразу открылась. Мальчик нерешительно ступил вперед, но я тихонько подтолкнула его, и он

вошел прямо в комнату. От звука мотора, отдающегося в глубине долины, у меня по спине поползли мурашки.

— Мистер Блейк, — тихо позвала я, закрыв дверь, — мистер Блейк. Вы здесь?

Нас встретила тишина. Гулкая тишина пустого помещения.

По описанию Вильяма я знала, что в хижине всего одна комната, у задней стены небольшая пристройка — кладовая и кухня. Дверь, которая, по моим предположениям, вела туда, была закрыта. Комната, в которой мы стояли, служила одновременно столовой, спальней и гостиной.

Блейк, должно быть, недавно ушел. Вспомнив об огоньке в его окне, увиденном мной не больше часа назад, я не нуждалась в других доказательствах того, что он был здесь и засиделся довольно поздно. В печке еще тлели угли, вкусно пахло жареным мясом. Наверное, он поработал, приготовил себе ужин, а потом решил, несмотря на поздний час, спуститься в кабачок «Кок Арди». Одеяла на стоявшей в углу кровати были сложены аккуратной стопкой.

Полупустая комната была небольшой, от бревенчатых стен, пола и потолка, сделанного из сосновых досок, веяло смолистым ароматом леса, особенно ощутимым в нагретом воздухе. В комнате стоял приземистый самодельный стол, пара деревянных стульев и очень жесткая на вид кровать, под которой помещался какой-то ящик. В углу был прибит небольшой подвесной шкафчик; на полке, у изголовья кровати, были расставлены книги. На вешалках у печки была всякая всячина — веревки, рюкзак, старая куртка цвета хаки. На чистых тряпках под ними лежали разнообразные инструменты. В самом углу деревянная лестница вела на чердачному люку.

— Может, останемся здесь, — в голосе Филиппа появились ноющие нотки: он, должно быть, совсем выбился из сил; меня тоже пугала мысль о том, что нам надо идти дальше. Куда идти? Наверно, так должна чувствовать себя преследуемая охотниками лиса, которой ценой последних, тщательно рассчитанных усилий удастся забраться в свою нору. Я посмотрела на закрытую дверь, на теплую печку, на Филиппа:

— Да, конечно.

— Машина, наверное, мчится на полной скорости по пути на виллу Мирей. Здесь нас вряд ли станут искать.

Я спросила:

— Как ты думаешь, ты сможешь взобраться по этой лестнице?

— По этой? Да. А что там наверху? Зачем нам лезть туда?

— Понимаешь, — объяснила я, — здесь, внизу, только одна кровать, на ней спит мистер Блейк. Может, он вернется и ему захочется спать. И кроме того, тебе не кажется, что там мы сможем спрятаться лучше? Ты сможешь сидеть тихо, как мышка, если кто-нибудь войдет?

Он поднял на меня глаза, которые казались еще больше на бледном, измученном личике, закусил губы, кивнул. Кажется, если бы в эту минуту здесь появился Леон де Вальми, я бы убила его собственными руками. Я коротко сказала:

— Ну вот что. Мы не должны оставлять никаких следов. Вдруг сюда кто-нибудь войдет раньше, чем вернется мистер Блейк. У тебя мокрые ботинки? Да, немного. У меня тоже. Мы их снимем — нет, постой на циновке, малыш, вот так, хорошо. А теперь сними их и побудь тут немного, погрейся у печки, пока я пойду на разведку.

К счастью, крышка люка была легкой и ею, по-видимому, часто пользовались. Во всяком случае, она открылась легко и бесшумно, и, стоя на лестнице, я просунула голову и руки в люк и осветила чердак лучом фонарика, очень надеясь, что там не будет уж слишком скверно. Я с облегчением вздохнула. Чердак был почти таким же чистым, как и комната внизу, там было не очень холодно и совсем сухо. Он служил чем-то вроде кладовой: я увидела ящики и канистры, мотки веревки, барабан с проволокой и, главное, — что было самым важным для нас — кучу брезента и мешковины, там, где проходила дымовая труба, у покатого края кровли.

Я быстро спустилась и доложила Филиппу о результатах разведки.

— Там очень тепло, — бодро сказала я, — особенно над печкой. Ты можешь сунуть ботинки в карманы и тихо убраться наверх, пока я подберу парочку одеял? Я передам их тебе. Пока я не могу отдать тебе фонарик, так что не отходи слишком далеко от люка.

Как я и думала, в ящике под кроватью было несколько запасных одеял. Направив туда луч фонарика, я вытащила несколько штук, с трудом поднялась по

лестнице и передала одеяла прямо в руки Филиппу, который ожидал меня у люка. Наконец я взобралась по лестнице, остановилась рядом с ним и еще раз осветила маленькую комнату под нами... Ничто не выдавало нашего присутствия: пол был сухой, кровать аккуратно застелена, дверь закрыта, но не заперта...

Мы тихо закрыли люк, проползли — стоять можно было только в середине чердака — подальше от лестницы и улеглись возле печки. От трубы шло приятное тепло, одеяла были толстые и мягкие, маленький темный чердак с крутыми треугольными стенами создавал иллюзию уюта и безопасности.

И тогда, разделив пополам плитку шоколада и поمولившись — и то и другое значительно успокоило нас, — мы наконец улеглись чтобы провести здесь спокойно хотя бы оставшееся время ночи.

Филипп уснул почти мгновенно, свернувшись, как обычно, в маленький клубок и прижавшись ко мне. Я с чувством облегчения подоткнула под него одеяло и легла, прислушиваясь к его легкому дыханию и к слабым шорохам, которые раздавались в окутавшей нас тишине.

Ветер, казалось, прекратился, потому что лес — такой близкий, укрывший нас под кроной своих деревьев, — наконец затих. Слышался только непрерывный слабый гул сосен, похожий на долгий вздох. В хижине иногда раздавались слабые звуки спящего дома: скрип осевшей доски, падение догоревшего в печке уголька, мышинные шорохи в стенах. Я лежала, стараясь утихомирить беспокойные мысли о завтрашнем дне. Среда... еще один день, и я избавлюсь от своего бремени: отведу Филиппа или прямо на виллу Мирей, или, если это окажется невозможно, позвоню по телефону. Все очень просто. Просто.

Когда утром в хижину явится Вильям Блейк, все станет еще проще. Если он сможет отвезти нас, мы будем в полной безопасности. Сейчас мне надо успокоиться и постараться уснуть. Ни Леону де Вальми, ни Бернару не придет в голову искать меня здесь. Правда, когда-то в разговоре с Раулем я упомянула о Вильяме (от этой мысли я вздрогнула) и он может сообразить, о ком шла речь, но, конечно, Рауль в этом не замешан. Рауль в Париже. Он не имеет никакого отношения ко всему этому. Мы здесь в безопасности, в полной безопасности... Я могу уснуть...

Звук отодвигаемой задвижки прозвучал в сонной тишине, как пистолетный выстрел.

Мысли мои словно раздвоились. Одни метались в панике, словно мыши, прячущиеся в норку, другие пытались меня успокоить. Это, конечно, Вильям Блейк. Кто же еще? Должно быть, я задремала и проспала дольше, чем думала: уже раннее утро — и Блейк вернулся.

Я подняла голову, прислушиваясь, но продолжала лежать, какой-то инстинкт заставил меня притаиться, как зайца в норе.

Я ждала. Филипп спал.

Под нами дверь очень тихо закрылась. Вошедший сделал несколько шагов и остановился. Я слышала его тяжелое дыхание, словно после долгого бега. Несколько минут он стоял совершенно неподвижно. Я ждала, что услышу приятный и успокаивающий стук пола на брошенного в печку, шипение спички, скрип кухонной двери, но слышала только тишину. Было мгновение, когда мне показалось, что он даже перестал дышать.

Я тоже затаила дыхание. Теперь я точно знала, что это не Вильям Блейк, понимала, почему он стоит, стараясь не дышать, прислушиваясь и, может быть, обшаривая лучом фонарика темную комнату. Он ждал, не раздается ли какой-нибудь звук на чердаке. Совершенно невероятно, но ищейка уже здесь.

Потом он шумно вздохнул и пошел по комнате.

Раздался тихий стук закрываемых ставен, звон лампового стекла, вспыхнула спичка: все это звучало для меня как щелканье взведенного курка.

Я услышала, как он снял ламповое стекло, снова вставил его: тихо выругался — наверное, выскользнул фитиль. Через несколько секунд зажглась еще одна спичка.

Утро еще не наступило, и это, конечно, не Вильям Блейк. Ругательство французское, голос знакомый. Голос Бернара. Охота в разгаре, и месть близка.

Лампа разгорелась. Я видела кое-где в щели между досками пола тоненькие полоски света. Бернар ходил по комнате со спокойной медлительной уверенностью, которая была страшнее, чем торопливость. Только дышал он слишком часто, но скоро он справится и с этим...

Я дрожала с ног до головы, плотно завернувшись в

наброшенные друг на друга одеяла. Бернар запыхался и не смог сразу зажечь лампу потому, что устал, быстро карабкаясь в гору. Сейчас он сделал стойку, как охотничий пес, высунувший слюнявый язык при виде дичи. Он знает, что мы здесь.

Бернар подошел к лестнице.

* * *

Но он прошел мимо, наверное на кухню. Я услышала, как открылась дверь; он довольно долго возился, словно чего-то искал. Заскрипел запор — он закрывал заднюю дверь. Теперь он возвращается.

Я чувствовала на закусенных губах соленый вкус крови и так крепко сжала руками свернутое в комок одеяло, что ногтями проделала в нем прорехи. «Я ведь не рассказала Филиппу о Бернаре? Если он проснется, то, возможно, не испугается.. о Боже, сделай так, чтобы он не проснулся. Пусть он спит!.. Может быть, Бернар не знает, что здесь есть чердак, может быть, он не заметит лестницу... Лишь бы Филипп не проснулся и не выдал нас...»

Он вышел из кухни и закрыл за собой дверь. На этот раз он не остановился и не стал оглядываться. Он сделал пару неторопливых шагов к лестнице. Я услышала легкий треск дерева, когда он встал на ступеньку.

Кто-то пробежал снаружи вдоль веранды. Бернар тихо выругался. Дверь снова открылась. Незнакомый голос сказал:

— Что за черт?.. А, Бернар, это ты. Какого черта ты здесь делаешь?

Лестница снова скрипнула, когда Бернар сошел со ступеньки.

— О, Жюль! — По всей видимости, Бернар был уже трезв, но голос его звучал все еще хрипло и неуверенно. Казалось, он чем-то недоволен, будто приход этого человека расстроил его планы. — Я могу спросить у тебя то же самое, верно? Что ты здесь делаешь в такое время?

— Ночной обход, черт бы его побрал! — Жюль закрыл за собой дверь и подошел к Бернару. — Мы устраиваем обходы со времени пожара в лесу Руссель. Хозяин уверен, что это был поджог, и его не разубедишь. И мне приходится шляться вверх-вниз между лесом Руссель и Субиру каждую ночь, а мы ведь только по-

завчера поженились. Раннее утро — поганое время для прогулок. Как подумаешь, что я мог бы сейчас спать о женой...

Засмеявшись, Бернар отошел от лестницы:

— Не повезло тебе, парень. Ну ничего, надеюсь, все обойдется, еще выспишься...

— Ну, это неважно: я могу дрыхнуть хоть весь день, верно? Ну-ка давай подкинем дров в печку. Ага, так-то лучше! Ну а теперь скажи все-таки, что ты делаешь здесь в такое время? Наверное, еще нет пяти? Если тебе нужен англичанин, то он внизу, в «Кок Арди», он там остался на ночь. Что он наделал?

Бернар сказал так медленно, что я поняла, он обдумывает каждое слово:

— Нет, мне нужен не англичанин.

— Не он? А кто? Только не говори мне, что ты и есть поджигатель, а, Бернар? — Жюль засмеялся. — Ну давай выкладывай, в чем дело! Скажи откровенно, или я арестую тебя за вторжение в частные владения. Может, у тебя какое-нибудь поручение от хозяина, а может, тут замешана женщина? Но все равно, будь я проклят, если понимаю, почему ты оказался здесь ночью.

— И то и другое, — ответил Бернар. — Сегодня в замке Вальми происходят странные вещи. Ты слышал о молодой гувернантке Филиппа, ее зовут Мартин?

— Хорошенькая малютка, которая увивалась вокруг мсье Рауля? Кто же о ней не слышал! А что она сделала?

— Она сбежала, вот что! И к тому же...

— Ну и что, если сбежала? И какого дьявола она придет сюда? Ее нужно искать в определенном месте, друг мой, и это место — постель мсье Рауля, а не этого англичанина.

— Ты хоть на минуту можешь не думать о постели?

— Нет, — решительно ответил Жюль.

— Попытайся. И дай мне закончить. На вот, возьми сигарету.

Вспыхнула спичка. Острый запах «Галуаз» проник на чердак сквозь щели в полу. Перед моими глазами предстали эти двое, словно нас разделяли не толстые сосновые доски, а тонкий слой стекла. Я представляла себе их темные лица, освещенные стреляющей огненной искрами печкой, синий дым сигарет, поднимающийся в нагретом воздухе и окутывающий их прозрачным

облаком. Бернар сказал тем же размеренным задумчивым тоном:

— И мальчишка тоже сбежал.

— Мальчишка?

— Молодой граф Филипп.

Молчание, потом долгий тихий свист.

— Боже милостивый! Ты уверен?

— Черт возьми, конечно, мы уверены! Они оба исчезли. Примерно час назад мадам пошла взглянуть на мальчишку — он не очень-то крепкий, ты ведь знаешь, и она беспокоится о его здоровье. Она плохо спит... во всяком случае, она пошла к нему, но его не было в комнате. Она хотела разбудить гувернантку, но той тоже не было. Ни слова, никакой записки, ровным счетом ничего. Мы с хозяином обыскали дом, от подвала до чердака. Никого. Они сбежали.

— Для чего? Что за ерунда! Разве что девчонка и мсье Рауль...

— Он тут ни при чем, — мрачно сказал Бернар. — Я тебе говорю, она не побывала в его постели. И к чему ей мог понадобиться мальчишка, если бы она отправилась к мсье Раулю? Он бы только помешал.

— Да, верно, — ответил Жюль, на которого этот довод произвел явное впечатление, — вообще-то... прямо с ума можно сойти! Куда они могли пойти и к чему ей это?

— Бог ее знает, — голос Бернара звучал почти безразлично. — И наверное, их очень скоро найдут. Во всяком случае, хозяин выглядит не очень-то взволнованным, а вот мадам — та страшно беспокоится. Она даже заболела от этого — ты ведь знаешь, у нее сердце слабое, — поэтому хозяин велел мне выйти и поискать их. Я был внизу, в Тононе, но там их никто не видел... — Он замолчал, и я услышала зевок.

Рядом со мной Филипп во сне пошевелился и вытянул ноги. Его ботинки лежали возле него — сквозь одеяло он коснулся коленкой одного башмака и подвинул его по доскам пола, так что тот скользнул со слабым скребущим звуком. Это был всего лишь легкий шорох, но в тишине, наступившей в комнате под нами, он прозвучал для меня, как раскат грома.

Но Бернар ничего не услышал. Он сказал тем же безразличным тоном:

— Я уверен на все сто, что это чепуха. Может, мне не надо было тебе рассказывать, но раз уж ты застал меня в своих владениях... — он засмеялся.

— А почему ты думаешь, что они должны быть здесь?

— Так вообразил хозяин. Кажется, девочку видели в Тононе с этим англичанином. Все это одна дурость, говорю тебе. Если хорошенько подумать, может быть одно из двух: или они сбежали вместе с этим глупым мальчишкой, чтобы напугать нас, или парень удрал один, за приключениями, а девочка, увидев, что его нет, побежала за ним, чтобы его поймать.

— Не очень-то похоже на это, — с сомнением произнес Жюль.

Бернар снова зевнул:

— Да, не очень-то похоже, но понимаешь, Жюль, мальчишки бывают страшно капризные, почти как женщины. И он очень подружился с этой Мартин. Они устроили вместе прошлой ночью целый пир у него в комнате, так мне говорили. Они не могли уйти далеко, к тому же у мальчика нет с собой документов. Можешь мне поверить, это одно баловство: что еще?

— Ну, если мсье де Вальми не беспокоится... — с сомнением в голосе сказал Жюль.

Наступило короткое молчание. Слышно было только, как шипят в печи сырые дрова и как Жюль переминается с ноги на ногу. Потом Бернар резко сказал:

— Ну, думаю, нам лучше смываться. Пошли?

Жюль, не ответив ему прямо, вкрадчиво спросил:

— А эта девочка, Мартин... Ходили разговоры. Разные разговоры.

— Да ну? — казалось, без всякого интереса спросил Бернар. «Как будто тебе неизвестно об этом!» — подумала я, лежа в своей норе, под кучей одеял, на расстоянии примерно четырех футов от него.

— Люди говорили, — нерешительно продолжал Жюль, — что они с мсье Раулем помолвлены.

— А, это... — ответил Бернар. Короткое молчание. — Ну да, это правда.

— Черт возьми! Не может быть! Значит, она все-таки поймала его?

— Так говорят.

— А ты так не думаешь?

— Что же, — заметил Бернар, как будто слышал об этом впервые. — Не худо бы спросить об этом и мсье Рауля. Только не говори мне, что какая-нибудь женщина, пусть самая красивая, сможет заставить этого

молодца поступить так, как ей хочется, если он сам этого не захочет.

— Да, есть разные способы, — тоном опытного человека заметил Жюль. — Конечно, мсье Рауль знает, что делает, но, черт возьми, бывают такие моменты... — он засмеялся. — И она не похожа на других. Это на нас всегда действует. Ну и дурни же мы!

— Он никогда не был дураком, — возразил Бернар, — и если он хочет на ней жениться, что же, это его дело.

— Я ни за что не поверю, что он так влюбился в нее; а ты? В простую английскую девчонку? Не будь ребенком, Бернар. Он хочет с ней переспать, а она ему отказывает.

— Возможно... Вообще-то от этого до женитьбы очень далеко... для такого, как он.

— Это ты мне говоришь? Может, дело еще более срочное. Может, она с ним переспала и теперь у нее на руках один козырь, так что она может его заставить... Такое уже не раз бывало, — заключил Жюль, — я-то уж знаю.

— Правда? Поздравляю, — голос Бернара звучал как-то рассеянно. — Но я не думаю, что дело в этом.

«Очень великодушно с твоей стороны», — с горечью подумала я, чувствуя, как слова Жюля, как вши, ползают у меня по коже. Крышка печки звякнула, когда кто-то из них поднял ее, чтобы бросить окурочек на горящие дрова. Потом Бернар снова сказал:

— Послушай, мне надо идти. Пошли?

— Бернар... — Жюль понизил голос до шепота, будто знал, что я его подслушиваю. Казалось, он торопится что-то сообщить и вместе с тем стыдится того, что должен сказать. Это было так странно, что у меня по коже пробежал холодок.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Бернар.

— Девушка...

— Что? — снова спросил Бернар.

— Ты уверен, что она... — Жюль замолчал, и я услышала, как он проглотил слюну, — что она ничего не делает с мальчиком?

— Какого черта ты там болтаешь?

— Ну... я сказал тебе, что слышал разные разговоры. Люди говорили, что она... ну, многого хочет.

— Хочет многого? А кто не хочет? Вполне понятно, но почему она должна «что-то сделать с мальчиком?»

Что ты... — Голос Бернара внезапно замер, и он, с шумом втянув в себя воздух, сказал потом очень странным тоном: — Не может быть, чтобы ты действительно думал такое, парень...

— А почему? — с жаром возразил Жюль. — Почему она должна удовлетвориться тем, что выйдет замуж за мсье Рауля? К слову сказать, что мы о ней знаем? Кто она такая?

— Англичанка, сирота, кажется из хорошей семьи. Это все, что я знаю. — Короткая пауза. — Она любит мальчика.

— Мальчик не сделает ее графиней де Вальми, — сказал Жюль.

Снова пауза, на этот раз намного дольше. Прервавший ее смех Бернара звучал немного принужденно.

— Ну, друг, чем раньше ты попадешь в свою любимую постельку, тем лучше. От ночного воздуха у тебя начинается бред. Да и мне пора возвращаться. Я уверен на все сто, что это дело кончено и они уже спят в своих кроватках. Надеюсь, мсье Леон утром хорошенько задаст им за тот переполох, который поднялся из-за них. Пошли!

— Можешь смеяться, — упрямо повторил Жюль. — Но я тебе говорю, что мсье Гарсен сказал...

— Эта старая баба, аптекарь? Ты бы лучше занялся делом и не слушал деревенские сплетни!

— И все равно...

— Ради Бога, Жюль, — с раздражением прервал его Бернар. — Нельзя считать преступницей каждую красивую женщину только потому, что она хочет пожить в свое удовольствие. Слушай, мне надо идти. Тебе в какую сторону?

— Вниз на Субиру, — недовольно ответил Жюль. — Уже светает.

— И ты свободен? Ладно, пойдем вместе. Я оставил машину у начала подъема, могу тебя подвезти. Ты иди, а я потушу лампу и запру дверь.

— Ладно. — Крышка печки снова звякнула, когда вторая сигарета последовала за первой. Я услышала тяжелые шаги Жюля, направляющегося к двери. Вдруг он остановился. — Что это было? — резко спросил он.

— Что?

— Я слышал какой-то шум. Здесь или, может быть...

— Открой дверь, — тихо сказал Бернар. — Быстро.

Жюль повиновался. Свежий запах серенького весеннего утра проник в комнату, полную синего дыма и смолистого аромата поленьев.

— Там ничего нет, — донесся издалека голос Жюля. Я поняла, что он вышел на веранду и зашел за угол дома.

Бернар, стоя прямо под нами, коротко и резко засмеялся:

— Просто мышка, дорогуша. Сегодня ночью тебе мерещатся чудовища в каждом дереве, правда? — Он шумно потянулся, зевнув. — Ладно, мне тоже хочется в постельку, боюсь только, что моя будет не такая теплая, как у тебя. В какое время этот англичанин обычно сюда приходит?

— Довольно рано, если он вообще сегодня явится. Откуда мне знать?

— А, ладно, пошли. Надеюсь, в Вальми уже все спокойно. Никак не пойму, зачем хозяину понадобилось посылать меня в эту чертову дыру. Пошли, дорогуша, я потушу лампу, запру дверь и догоню тебя.

— Я подожду.

— Да? Ну ладно... вот и все. Думаю, печку можно оставить так? Да, ну ладно. А я-то думал, что ты уж очень спешишь попасть в свою постельку. — Он уходил, голос его доносился с порога. Рядом со мной Филипп пошевелился во сне, и его дыхание мягко коснулось моей щеки.

— Ох уж эта моя постелька, — весело сказал Жюль. К нему вернулось хорошее настроение. — Я тебе расскажу, приятель...

Дверь тихо затворилась, не дав мне дослушать рассказ Жюля на любимую им тему. Его затихающий голос смутно слышался среди предрассветной лесной тишины. Раньше я не знала, как тихо в лесу по утрам. Ни одна ветка не двигалась, ни одна сосновая иголка не упала на деревянную кровлю. Филипп ровно дышал у меня над ухом. Где-то лесной голубь завел свою гортанную песню.

Скоро взойдет солнце. Будет прекрасный день. Я снова прилегла, придвинувшись ближе к мальчику и дрожа как в лихорадке.

* * *

Спасение было таким неожиданным, что совсем выбило меня из колен. В течение всего этого разговора я

полулежала, сжавшись в комочек, напрягая слух, чтобы расслышать их слова, собравшись с мыслями, чтобы проникнуть в их намерения, но не могла сосредоточиться, обуреваемая бесполезными и смутными эмоциями. Одно мгновение мне даже казалось, что я должна сойти вниз и обратиться к Жюлю, не состоявшему на службе у Вальми, который при любых обстоятельствах не позволил бы Бернару сделать то, что он, вероятно, задумал. Но в следующий момент я услышала, как Жюль обвиняет меня, а Бернар защищает. Это было очень странно: Леон де Вальми несколько не обеспокоен; всем известно, как я люблю мальчика; мсье Рауля следует оставить в покое... Фактически Бернар приложил все усилия, чтобы опровергнуть сплетни, которые, по моему убеждению, распускали прежде всего он и Альбертина. Я не знала, что думать. Неужели я ошибаюсь? Конечно, если Леон де Вальми виновен, то сейчас, после моего бегства вместе с Филиппом, он понял, что я его подозреваю. Если он виновен, то не может не волноваться. Но почему Бернар защищал меня в разговоре с Жюлем? Рауль ни при чем. Господи, неужели я ошиблась?

Но меня все еще что-то беспокоило. Весь разговор Бернара с Жюлем носил какой-то странный отпечаток искусственности; неестественно и фальшиво было то, что Бернар встал на мою защиту, неестественным и фальшивым был его тон, его медленные, тщательно обдуманные ответы.

Я лежала тихо, наслаждаясь покоем и тишиной, царящей в лесу Дьедонне; снаружи, на вершине сосны, мирно ворковал голубь; кровь, лихорадочно бурлившая у меня в жилах, потекла в своем нормальном ритме. Филипп снова пошевелинулся, сказал: «Мадемуазель?... — и снова погрузился в сон. Я слегка улыбнулась, с чувством облегчения подумав о том, что он спал во время визита Бернара: если бы он пробормотал это тогда, Бернар наверняка бы его услышал. Ведь он стоял прямо под нами, а Жюль — поодаль, у самых дверей.

Вспомнив это, я рывком поднялась в темноте, губы внезапно пересохли, а сердце вновь лихорадочно забилося.

Бернар слышал, как пошевелинулся Филипп. Конечно, слышал.

Бернар знал, что мы здесь.

Так вот, в чем дело! Ничто другое не могло объяснить этот странный разговор. Не удивительно, что он показался мне фальшивым. Не удивительно, что я едва не приняла злейшего врага за друга.

Бернар знал. Но он не хотел обнаружить это в присутствии Жюля. Вот почему он не поднялся на чердак, хотя уже ступил на лестницу, — его прервали! Вот почему он притворился, что не заметил шороха, который услышал Жюль; вот почему он пытался как можно скорее спровадить Жюля и остаться для того, чтобы «запереть дверь»!

Это очень хорошо объясняло, почему он так расписывал впечатление, которое произвело в замке Вальми наше бегство. Что бы ни случилось наутро, ему следовало оправдать свое присутствие в лесу Дьедонне. Самое простое и безопасное было сказать полуправду. Зная, что я нахожусь очень близко, Бернар должен был исполнять свою роль с большой осторожностью. Я слышала его — он это знал, — и ему не хотелось спугнуть добычу раньше времени... он дожидался случая вернуться без спутников.

И он обязательно вернется. Едва подумав об этом, я быстро вылезла из-под груды одеял и бесшумно поползла к люку. Я слышала, как Жюль спускается по просеке, как замирает его голос, но не хотела рисковать. Бернар мог сделать вид, что уходит, вернуться, закрыть дверь и выжидать. Я легла на пол у самого люка и стала тихонько приподнимать крышку так, чтобы между ней и полом образовалась еле заметная щель. Напрягая зрение, я посмотрела вниз. В свете, проходящем сквозь плохо пригнанные ставни, было видно — комната пуста.

Я бросилась к Филиппу, но, вытянув руку, чтобы разбудить его, остановилась: надо было немного успокоиться. Встав на колени рядом со спящим ребенком, я крепко сжала руки и закрыла глаза. Нельзя будить ребенка в таком состоянии. Я должна снова взять себя в руки. Должна. Дав себе на это двадцать секунд, я стала их медленно отсчитывать.

Бернар обязательно вернется. Отвезет Жюля домой, постарается, чтобы люди увидели, как он возвращается в Вальми, а затем уж явится сюда. Он попытается сделать это как можно раньше, потому что ночь почти про-

шла и у них осталась только эта ночь и еще один день.

Мне не хотелось долго размышлять — лучше просто дрожать от страха. Я не представляла, как де Вальми думают осуществить свой план, но в моем тогдашнем состоянии казалось — все возможно в этой темной хижине, в глухом лесу на вершине горы. Я стояла на коленях и заставляла себя считать. Наверное, это были худшие двадцать секунд в моей жизни. Овладевший мной ужас создавал в мозгу фантастические образы... мне казалось, что Князь Тьмы наблюдает за нами из ярко освещенного окна, находящегося по крайней мере на расстоянии мили, нащупывает нас, сидя в своем кресле, с помощью какого-то страшного радара, который следил за нами, когда мы пробирались через лес... Я отогнала эту безумную мысль, но образ стоял перед глазами: Леон де Вальми, превратившийся в бесформенную гигантскую тень, тянулся к нам и доставал нас, где бы мы ни находились. Почему я вообразила, что не боюсь его? Перед ним мог устоять только один человек...

Слезы текли у меня по щекам. Я нагнулась к Филиппу, чтобы разбудить его.

КАРЕТА СЕДЬМАЯ

ГЛАВА XVI

О, Сэмми, Сэмми, почему не было алиби?

*Диккенс. Посмертные записки
Пиквикского клуба¹*

и проснулся сразу же:

— Мадемуазель? Уже утро?

— Да. Просыпайся, цыпленок. Надо идти.

— Ладно. Вы плакали, мадемуазель?

— О Господи, нет! Почему ты так думаешь?

— Что-то упало на меня. Мокрое.

— Это роса, малыш. Крыша протекает. А теперь вставай.

Он быстро вскочил, и очень скоро мы были внизу. Филипп зашнуровывал ботинки, в то время как я совершала налет на запасы Вильяма Блейка.

— Печенье, — весело сказала я, — и масло, и... да, коробка сардин. А я принесла бисквит и шоколадки. Мы с тобой богачи! Ну и запасы у этого человека!

Филипп улыбнулся. Сегодня утром он казался свежее, хотя в сером свете, просачивающемся сквозь ставни, лицо его выглядело все еще бледным. Бог знает, как выглядела я. Мне казалось, что я превратилась в зомби.

— Можно затопить печку, мадемуазель?

— Боюсь, что нет. Нам лучше не ждать здесь мсье Блейка. Слишком много народу в лесу. Лучше пойдем.

— Куда? В Субиру? Он там?

— Да, но мы не пойдем в Субиру. Думаю, мы направимся прямо в Тонон.

— Сейчас?

— Да.

¹ Пер. А. В. Кривцовой и Е. Ланна.

— Без завтрака? — Он был явно расстроен, и я тоже. В шкафу стояла банка кофе, и печка была еще горячая. Я бы многое отдала за чашку кофе. Многое, по не жизнь.

— Когда взойдет солнце, — сказала я, — мы найдем где-нибудь подходящее место и там позавтракаем. Вот, положи себе это в карман. — Я быстро огляделась. — Ну ладно, пойдем. Сначала убедимся в том, что поблизости никого нет, хорошо? Подойди к этому окну... только осторожно.

Мы, как можно осторожнее, разведали окрестности, выглядывая из окон. Но среди деревьев мог спрятаться кто угодно, наблюдая за нами и ожидая удобного момента. Если Бернар отвез Жюля в Субиру, он еще не мог возвратиться, но я все же со страхом вглядывалась в темные ряды деревьев. Все тихо. Надо рискнуть.

Хуже всего был тот момент, когда мы выходили из хижины. Положив руку на задвижку, я посмотрела на Филиппа:

— Помнишь просеку, по которой мы поднялись сюда? Она совсем близко, за первым рядом деревьев. Мы должны идти так, чтобы нас не было видно из Вальми, — сбоку, в тени, и держаться этой стороны пока не перевалим через вершину. Это недалеко. Понял?

Он кивнул.

— Когда я открою дверь, сразу же выходи. Не жди меня. Не оглядывайся. Поверни налево, вот сюда, вверх, и беги как можно быстрее. Ни за что не останавливайся.

— А вы?

— Я побегу за тобой. Но если что-нибудь... случится, не жди меня, беги вверх, к вершине, потом вниз по склону, постучись в ближайший дом и попроси отвести тебя в полицейский участок в Тононе. Расскажи, кто ты такой и что произошло. Хорошо?

Глаза его лихорадочно блестели и казались еще больше. Он молча кивнул.

Повинуясь внезапному импульсу, я наклонилась и поцеловала его.

— Ну а теперь, бурундучок, — сказала я, открывая дверь, — беги что есть силы!

Не было никаких неожиданностей, без всяких помех мы выскользнули из хижины и добежали до гребня горы. Бежали мы очень быстро, но наделали много шума. Остановившись, чтобы передохнуть, мы огляде-

лись и пошли дальше по склону все еще быстро, но гораздо осторожнее.

Остановившись у края просеки, мы притаились за ореховым кустом и оглядели склон. Просека шла по-прежнему прямо и была совершенно пуста. На дальнем ее краю густые деревья обещали надежную защиту.

Мы перебежали просеку. Лесные голуби с шумом взлетали с верхушек сосен. Мы зашли в молодые заросли лиственниц и елей, еще не прореженных, и нам приходилось руками отбрасывать ветки, чтобы они не падали в глаза.

Лес еще хранил влажную прохладу раннего утра, и с ветвей брызгала роса. Скоро мы совсем промокли, но упрямо пробирались по длинному северному склону, который, как я надеялась, в конце концов приведет нас к шоссе или проселочной дороге, ведущей в Тонон.

Пещеру нашел Филипп. Я шла перед ним, придерживая упругие ветки, чтобы ему легче было пройти. Вдруг, пробившись сквозь влажную стену елей, я оказалась у края гладкой скалы. Это был небольшой утес, поднимавшийся над молодыми деревьями, словно нос корабля. Лес расступался перед ним, словно речные воды, и тек по обе его стороны, давая дорогу каменному выступу, заросшему зеленым мхом и глядевшему прямо в небо. Слышалось журчание лесного родника.

— Осторожно, Филипп, — сказала я. — Здесь крутой спуск. Пройди стороной. Вон там.

Он послушно скользнул вниз. Я последовала за ним.

— Мисс Мартин, тут пещера!

— И родник, — облегченно вздохнув, ответила я. — Думаю, мы сможем здесь напиться и отдохнуть, как ты думаешь?

— А завтрак? — мечтательно сказал Филипп.

— О Господи! Ну конечно! — В спешке, стараясь как можно дальше уйти от Бернара, я совсем забыла о еде и только сейчас поняла, как хочу есть. — Сейчас и позавтракаем.

Строго говоря, это была не настоящая пещера — просто сухой уголок под каменным навесом, который защищал от утреннего лесного холодка и — что еще важнее — создавал иллюзию безопасности. Мы ели молча. Филипп был целиком поглощен завтраком, но я прислушивалась каждый раз, когда мне казалось, что слышу что-нибудь, кроме шороха листьев и журчания родника. Но кругом было тихо. Визгливый крик сойки, звучное

падение капель росы с влажных веток, хлопанье крыль-
ев голубя, лепет родниковой струи возле нас... все эти
звуки словно ткали покров тишины, охраняющей нас.

И вот возшло солнце, словно огнем охватившее вер-
хушки лиственниц.

* * *

Может быть, это звучит глупо, но я почти наслаж-
далась прелестью утра. В солнечном свете все преобра-
зилось как по мановению волшебной палочки. Он лил-
ся с неба, горячий и яркий, и серая лесная сырость ис-
парялась, образуя полосы тумана, который поднимался
все выше, и лиственницы заблестели темно-зеленым пла-
менем, а маленькие еловые шишечки заалели среди опу-
щенных ветвей. Повеяло ароматом влажной хвои. Мы
не спешили; мы оба устали. Мы шли не по дороге, и
Бернар мог напасть на наш след только случайно. К то-
му же в столь чудесное утро трудно представить себе,
что существует такая вещь, как преступление. Можно
считать, что кошмар кончился. Мы свободны, на пути
в Тонон, и сегодня вечером приезжает мсье Ипполит...
А пока солнце и лес придавали нашей отчаянной аван-
тюре невинное очарование пикника.

Взявшись за руки, мы медленно брели по лесу. Сре-
ди старых посадок путь был легче. Здесь деревья были
высокие и стояли на большом расстоянии друг от дру-
га, между ними косыми снопами прорывались сверкаю-
щие солнечные лучи, освещая кучи засохшего прошло-
годнего мха и свежие зеленые мшистые лужайки. Эхом
отдавался трепет крыльев лесных горлиц, покидавших
насиженные места и взмывавших в голубизну неба.

Наконец мы увидели перед собой ярко освещенный
солнцем зрелый лес. Он кончался резко, как крутой
утес, омываемый целым морем молодых посадок пих-
ты — лесных младенцев, выступающих во всей красе
розоватых стволов и иголок, светло-зеленых и мягких,
как дикий щавель. Они рассекали старый лес полосой
шириной не меньше чем семьдесят ярдов. Между ство-
лов уже показалась изумрудно-зеленая трава, прорвав
покров желтых прошлогодних листьев. На тоненьких,
как детские ручки, ветках, розовые почки казались осо-
бенно пухлыми.

Там, где кончались высокие деревья, мы снова оста-
новились, не сразу решившись выйти на открытое про-

странство. Группы саженцев словно стекали вниз по склону в своем темном обрамлении, погружаясь в синюю тень, еще лежавшую в глубине долины Дьедонне. Глядя в этом направлении, я видела ровные поля, где пасся скот, полосы плакучей ивы, отмечающей извилистый путь реки, россыпь домиков, ферму, где кто-то, казавшийся совсем крошечным на таком расстоянии, стоял, окруженный целым роем движущихся белых пятен, — наверное, это были куры.

На склоне никого не было. Вездесущий лесной голубь летал высоко над верхушками деревьев, оседлав голубое пространство неба, словно катался на волнах; взмывал словно в экстазе и нырял, откинув назад крылья, выпятив грудь навстречу теплему ветру.

Кроме него, все было неподвижно. Мы нырнули в полосу молодых пихточек — Филиппу они были по грудь. Зеленые как трава пучки иголок, словно перья, мягко касались наших рук и коленей; они пахли нагретой смолой. Вдруг Филипп остановился. «Посмотрите», — прошептал он, и я увидела лисицу, которая шмыгнула рыжей тенью в самую чащу. Добежав до леса, она остановилась и оглянулась, подняв переднюю лапу и насторожив уши. Солнце горело алым на ее шкуре. Ее шелковистая шерсть блестела вдоль спины, как золото. Потом она скрылась из виду, и лес снова принадлежал нам одним.

Все утро нам сопутствовала удача, словно по велению доброй феи из волшебной сказки. Иногда мы почти забывали, что заставило нас совершить это путешествие.

Мы шли медленно, с частыми остановками, иногда делая крюк, который поневоле отдалял нас от цели. Наконец к полудню мы вышли на дорогу, которую искали. Она вилась между крутых склонов, высоко над долиной, вдоль которой проходила главная транспортная магистраль на юг. Последний наш переход мы совершили крутой каменистой тропинкой, по бокам которой росли колючие кусты. С чувством облегчения я перелезла через проволочную изгородь и кое-как пробралась сквозь сухие кусты куманики, маскировавшие придорожную канаву.

Удача заставила нас забыть об осторожности. Оказавшись на мощенной гравием дороге и повернувшись, чтобы помочь Филиппу, я вдруг услышала почти рядом

с собой какой-то металлический звук, скрип тормозов и метнулась в сторону, как загнанная лань.

Расхлябанный «рено» показался в облаке пыли из-за поворота. Вид машины не внушал особого доверия. «Рено» проехал мимо нас, потом остановился, издав целую серию дребезжащих и воющих звуков. Водитель, приземистый, заросший седой щетиной мужчина в грязном синем комбинезоне, посмотрел на нас благосклонно и без малейшего любопытства из-под полей изжеванной шляпы.

Этот человек не любил тратить слов на ветер. Он ткнул пальцем на север.

— *S'il vous plaît, monsieur*¹, — сказала я.

Потом он ткнул пальцем на юг.

— *Merci, monsieur*,² — сказала я.

И мы с Филиппом полезли на заднее сиденье, присоединившись к другим пассажирам — рыжему колли, поросенку в чем-то вроде зеленого мешка, сплетенного из веревки, и шумной компании кур в деревянной клетке. Большой мешок картошки с шиком путешествовал на переднем сиденье рядом с водителем. Отбиваясь от мокрых поцелуев колли, я неловко проговорила: «Очень любезно с вашей стороны, мсье...» — и в это время «рено» рванулся вперед, сделал опасный поворот на большой скорости, не прибегая к помощи мотора, и покатился вниз по склону с таким скрипом и треском, что я с облегчением поняла, что вести какой бы то ни было разговор совершенно невозможно.

Мы проехали примерно две мили, потом водитель остановился и высадил нас там, где проселочная дорога выходила на шоссе.

Я поблагодарила его, он ответил кивком, потом вместо объяснения ткнул пальцем вниз, показал сначала на небольшой домик рядом с дорогой, потом на свою машину и покатился вниз по узкой тропинке, по-прежнему не включая мотора. Мы не отрывали глаз от машины, которая остановилась не более чем в двух дюймах от сарая. Потом мы пошли дальше, чувствуя большое облегчение от того, что встретили человека, который явно не слышал о странствующем графе де Вальми и принимал жизнь такой, какая она есть, не вда-

¹ Пожалуйста, мсье. (Фр.)

² Спасибо, мсье. (Фр.)

ваясь в ненужные расспросы. Я подумала, что нам повезло, — наверное, этот человек глухонемой.

Мы шли теперь по открытому со всех сторон склону, где идти было легче. Наша короткая прогулка на машине немного улучшила настроение Филиппа: он шел послушно и не жаловался, но я видела, что он устал. Нам надо было идти еще довольно далеко, и кто знает, что нам предстоит.

Филипп шагал довольно бодро, пока что его занимали только колли и поросенок. Я слушала его рассеянно, не отрывая глаз от пыльной ленты дороги, выходящей перед нами, и стараясь не упустить ни одного, самого слабого звука. Дорога проходила между высокими склонами холмов, заросшими густым кустарником. Когда мы проходили рядом с кустами, я поймала себя на том, что ищу место, где можно было бы спрятаться.

Полмили; три четверти мили; Филиппу попал в ботинок камешек, и мы остановились, чтобы его вытрясти. После этого мы продолжали путь медленнее. Мили; мили с четвертью; Филипп больше не болтал и стал немного волочить ноги; я со страхом подумала, что он натер себе пузыри на пятках, и еще больше замедлила шаг.

Я уже хотела предложить мальчику сойти с дороги и найти подходящее место, чтобы поесть и отдохнуть, когда вдруг услышала звук приближающегося автомобиля. На этот раз мотор был включен. Машина шла с севера, преодолевая подъем на большой скорости, но шума от нее было не намного больше, чем от старого «рено» с выключенным мотором. Большая, мощная машина... Не могу утверждать, что я сразу узнала шелковистое урчание мотора, но знала, кто ее ведет. Звук этот словно острым когтем царапнул меня по сердцу.

— Машина! — выдохнула я. — Прячься, Филипп!

Я указала рукой на кусты; он метнулся вверх по склону, быстро и мягко, как полевая мышка; я бросилась за ним. Гребень холма густо зарос кустарником — плотной стеной зеленых переплетшихся ветвей высотой в три или четыре фута, в которой кое-где были небольшие, освещенные солнцем бреши, где виднелись пучки свежей весенней травы. Если лечь в траву, с дороги ничего не будет видно. Мы нырнули в кусты и бросились ничком на землю, и как раз в это мгновение «кадиллак» выехал на дорогу на расстоянии примерно трехсот ярдов от нас. Здесь дорога выравнивалась и шла

как раз под нами. Машина промчалась в туче пыли, на нас повеяло ветерком. Верх был открыт, и я увидела его лицо. Сердце у меня сжалось.

Золотой полдень был безмолвен, слышалась лишь переливчатая песня жаворонка. Рядом со мной Филипп шепнул:

— Мадемуазель, это был мой кузен Рауль?

— Да.

— Я думал, он в Париже.

— Я тоже.

— А он... он не мог бы нам помочь?

— Не знаю, Филипп.

— Но он... он был такой добрый, когда мы устроили наш полуночный пир! — с наивным удивлением произнес мальчик.

Я смолчала.

— Разве нет, мадемуазель?

— Д-да... да, Филипп, он был добрый.

Наступила пауза. Потом тем же удивленным тоном, который резнул меня по сердцу:

— И мой кузен Рауль? Мой кузен Рауль тоже? Вы ему тоже не доверяете, мадемуазель?

— Да, — ответила я, потом отчаянно прибавила: — Нет!

— А почему...

— Филипп, пожалуйста, не надо. Я не могу... — отвернувшись от него, я сказала, сделав над собой усилие: — Разве ты не понимаешь, мы никак не можем рисковать. Как бы там ни было, мы должны... мы должны быть абсолютно уверены. — И я закончила, довольно неловко: — Разве тебе непонятно?

Если он и нашел странным это необычайно глупое высказывание, то не показал виду. Застенчиво, но совсем как взрослый он коснулся моей руки:

— Мадемуазель...

— Я не плачу, Филипп. Не плачу, честное слово. Не волнуйся. Просто я очень устала и совсем не спала прошлой ночью, и уже давно пора обедать. — Как-то мне удалось улыбнуться, и я вытерла лицо. Он обеспокоенно смотрел на меня. — Прости, малыш. Ты ведешь себя как настоящий герой, а я просто глупая женщина. Ну вот, уже все прошло.

— А сейчас поедим, — твердо сказал Филипп, полностью овладевая ситуацией.

— Ладно, Наполеон, — согласилась я, пряча носовой платок. — Но лучше нам еще немного остаться здесь, для большей безопасности, пока мы не будем уверены...

— Да, — ответил Филипп, — пока не будем уверены, что он действительно уехал.

Филипп послушно оставался под прикрытием кустарника, лежа на животе, положив подбородок на руки и глядя вниз на дорогу сквозь просвет в сплетенных зеленых ветках. Я легла на спину, так что солнце светило прямо на меня, и прикрыла веки. Даже теперь я не могла посмотреть правде в глаза. Мне хотелось оставаться слепой, трусливой девчонкой, которая руководствуется только своими инстинктами... Но пока я лежала здесь, вслушиваясь в рокот мотора его машины, мне стало ясно одно обстоятельство, которое я хотела скрыть от самой себя, загнать куда-то глубоко. Как только я произнесла в уме его имя, я уже знала, что не могу ставить его наравне с другими. Инстинкт... именно инстинкт предостерег меня от Леона де Вальми и побуждал держаться на расстоянии от застывшей в ледяном одиночестве мадам де Вальми, но, какие бы мне ни представили факты, «доказательства», тот же инстинкт заставит меня всячески защищать Рауля.

«Потому что тебе так хочется, — сказала я себе. — Сколько можно быть такой душой, Золушка?» Я лежала на траве, нагретой солнцем, и презирала себя, но все же в глубине души я была уверена, что он невиновен...

«Все, что случилось с тех пор, как Рауль появился в замке Вальми, все, что он сказал и сделал, может быть истолковано лишь как доказательство полной невиновности», — говорила я себе, припоминая самые незначительные подробности. Отдельное слово, случайный взгляд — ни один адвокат никогда не выносил свое суждение на основании столь ненадежных доказательств. Рауль ничего не знал о намерении нанять гувернантку, не понимающую по-французски; его нисколько не беспокоило, а только позабавило то, что я могла подслушивать разговор Леона де Вальми с женой; он был потрясен, услышав, что в Филиппа стреляли в лесу; его резкие, почти грубые вопросы относительно Вильяма Блейка и странная раздражительность в тот вечер были вызваны ревностью или какими-то неприятностями,

а вовсе не тем, что у сироты, которую они считали совершенно одинокой и беспомощной, оказался неподалеку друг — дюжий англичанин; и тот сигнал, из-за которого Филипп выскочил на балкон и едва не погиб, мог быть чистой случайностью. Бернар о нем не упоминал. Что же касается безапелляционного заявления Бернара, что в Филиппа стрелял именно Рауль, то я вообще не считала его заслуживающим какого-либо доверия. Даже мертвецки пьяный и уверенный в своей возлюбленной мужчина сто раз подумал бы, прежде чем высказать подобное обвинение, если бы это было правдой. И потом, на балу...

Но здесь воспоминания сплетались в такой спутанный клубок, что я, словно Алиса среди игральных карт, попыталась отшвырнуть их от себя. Неужели я должна поверить, что мои воспоминания так же мертвы и фальшивы, как эти карты, что я должна сложить их в ящик и через много лет достать их, когда они выцветут и запылятся, и раскладывать в одиночестве как пасьянс? Да, остается только это. Я не могу рисковать жизнью ребенка. Рауля следует считать виновным, пока он не докажет свою непричастность. Рауль здесь, но мы не можем просить его о помощи.

— Мадемуазель, — шепнул мне на ухо Филипп.

Я открыла глаза. Его лицо было рядом с моим. Он был испуган.

— Там, на вершине за нами, кто-то есть, — выдохнул он. — Он только что вышел из леса. Мне кажется, это Бернар. Как вы думаете, он тоже в этом замешан?

Я кивнула и быстро приложила палец к губам, потом осторожно подняла голову и всмотрелась сквозь завесу ветвей в склон, который находился у нас за спиной. Сначала я различила только деревья и кусты, но потом нашла его. Это был Бернар. Он был над нами, на расстоянии примерно двухсот ярдов, рядом с высокой лиственницей. Мне не надо было говорить Филиппу, чтобы он держался поближе ко мне; оба мы лежали в нашей зеленой норке тихо, как притаившиеся кролики. Бернар стоял неподвижно, обшаривая взглядом лежащий под ним склон. Прошло несколько минут. Он смотрел в нашу сторону. Взгляд его, казалось, остановился на нас, потом, скользнув в сторону, вернулся...

Он быстро спускался по склону туда, где были мы. Думаю, что кролик лежит неподвижно в норе, когда смерть подползает к нему, только потому, что надеется — хотя у него нет никаких оснований для этого, — что смерть его минует. Мы лежали неподвижно.

Он не спеша прошел половину пути, и вдруг я услышала знакомое урчание мотора возвращающегося «кадиллака».

Я крепко сжала руку Филиппа, лежавшую среди коротких стебельков травы, и, повернув голову, старалась разглядеть, что делается на дороге. Я напряглась, боясь, что не выдержу и помимо своей воли брошусь прямо под машину.

До сих пор не знаю, побежала бы я к нему или нет, но не успела я пошевелиться, как услышала легкий скрип тормозов. Машина затормозила на гравии, но остановилась только проехав примерно еще пятьдесят ярдов. Сквозь ветки я увидела Рауля. Он посмотрел вверх, туда, где находился Бернар, и дважды нажал на кнопку сигнала. Бернар остановился. Рауль поднял руку. Бернар повернулся и быстро зашагал к машине. Перепрыгнув через канаву, он подошел к дверце машины. Рауль что-то сказал, Бернар покачал головой, потом сделал широкий жест, включающий все окрестные места от того места, где мы лежали, до Дьедонне. Рауль подал ему знак, и Бернар, обойдя машину спереди, сел рядом с ним.

«Кадиллак» медленно проехал мимо нас. Рауль, наклонив голову, зажигал сигарету. Бернар что-то серьезно говорил ему.

Я повернулась к Филиппу, и наши глаза встретились.

Через некоторое время я медленно поднялась и протянула мальчику руку.

— Пойдем, — сказала я, — свернем с дороги и найдем где-нибудь местечко, чтобы поесть.

Мы поели и повернули в лес. Там не было ни души. Через некоторое время тропа, по которой мы шли, вывела нас из дикой чащи куманики и жимолости на небольшую зеленую поляну; и там, не очень далеко от нас к северу, мы увидели наконец голубые просторы озера Леман, проглядывающие сквозь стволы покрытых почками деревьев.

Когда захочешь, охладев ко мне,
Предать меня насмешке и презрению,
Я на твоей останусь стороне
И честь твою не опорочу тенью.

Шекспир. Сонет 88¹

у вот, — сказала я, — здесь мы немного посидим.

Филипп оглядел уютную поляну. Она была залита солнцем и защищена со всех сторон. Вокруг нас теснились высокие деревья, густой кустарник словно взбирался по горным склонам. Темные па- дубы и белые, словно кость, стволы ясеня проглядывали сквозь туман молодых березовых листков, ярко-зеленых, как гроздья незрелого винограда. Внизу путаница ветвей круто спускалась к Тонону. Мне казалось, что его яркие кровли и стены домов были от нас не дальше мили. Я видела блестящие шпили, улицы, площадь с пестрыми газонами и белый парапет набережной. В самом городке тоже было множество деревьев: плакучие ивы, словно сошедшие с китайского рисунка тушью; кипарисы, возвышающиеся над синим простором озера и придававшие пейзажу что-то итальянское; кое-где на фоне яркой стены целые тучи каких-то белых соцветий.

У моих ног протекал ручеек, а немного подальше, укрывшись под тенью ствола упавшей березы, расцвели примулы.

Филипп взял меня за руку:

— Я знаю это место.

— Правда? Откуда?

— Мы были здесь на пикнике. Тут росли колокольчики, и мы ели пирожные.

— Ты помнишь дорогу в Тонон? Как туда спуститься?

Он указал налево:

— Дорога здесь идет вниз уступами, как лестница. В самом низу забор и узкая тропинка. Она ведет к шос-

¹ Пер. С. Маршака.

се, и по ней можно выйти к гаражу и магазину, где живет бесхвостый рыжий кот.

— Она выходит на главную улицу?

Он нахмурился, глядя на меня.

— Ну...

— Там много народу, разные магазины и оживленное движение?

— Да нет. Там много деревьев и дома. На ней люди просто живут.

— Жилой район. Что ж, неплохо. А ты сможешь найти дорогу отсюда к вилле Мирей? — спросила я.

— Конечно. Между двумя заборами есть дорожка, по которой можно пройти почти к самому озеру, потом вы спускаетесь все ниже и ниже, там нижняя дорога и ворота. Мы туда всегда ездили на фуникулере.

— Боюсь, что на этот раз нам придется идти пешком. Ну что же, это чудесно, Филипп. Мы почти у цели. А с таким проводником, как ты, — я улыбнулась мальчику, — мы никогда не заблудимся, верно? Немножко позже я попрошу тебя снова рассказать мне о дороге к вилле Мирей, а сейчас, думаю, нам надо остановиться и отдохнуть.

— Здесь?

— Прямо здесь.

Он с облегчением уселся на березовый ствол:

— У меня болят ноги.

— Не удивительно.

— А у вас?

— Нет, ноги не болят, но я не спала прошлой ночью, и если я не отдохну немного, то засну на ходу.

— Как лошадка, — сказал Филипп и захихикал, может быть, чуть-чуть визгливо.

Я погладила его по щеке:

— Конечно, как лошадка. Ну а теперь я приготовлю постель, а ты сделай нам чай.

— Английский чай?

— Конечно.

Трава была сухая, солнце высоко стояло на небе, воздух веял теплом. Встав на колени у мертвого березового ствола, я тщательно разровняла землю, убрала сухие ветки, куски коры и несколько острых камней с нашей «постели» и разостлала свое пальто. Филипп торжественно делил остатки бисквита Вильяма на равные части. Он отдал мне мою долю вместе с половиной шоколадки. Мы ели молча и не торопясь.

— Филипп, — сказала я.

— Да, мадемуазель?

— Скоро мы будем в Тононе. Нам надо идти прямо в полицию.

Он молча смотрел на меня большими глазами.

— Я не знаю, где находится ближайший британский консул, — продолжала я, — а то мы бы могли пойти к нему. Не думаю, чтобы в Эвиане был консул, а в Женеву мы не попадем, потому что у тебя нет с собой документов. Поэтому остается только полиция.

Он все еще молчал. Я ожидала. Думаю, он знал так же хорошо, как и я, что в полиции прежде всего свяжутся с Леоном де Вальми. Через некоторое время он спросил:

— Когда вернется домой дядя Ипполит?

— Понятия не имею. Может быть, он уже приехал, но думаю, нам надо подождать еще немного... пока не стемнеет.

Пауза.

— А где этот ваш мсье Блейк?

— Не знаю. Может быть, где-нибудь в Дьедонне или вернулся в хижину. Но мы... мы не можем ждать его здесь. — Филипп быстро посмотрел на меня, и я поспешно добавила: — Мы можем позвонить из Тонона в «Кок Арди». Они ему передадут. Да, это хорошая мысль. Мы можем попытаться.

Филипп все еще ничего не отвечал. Я с беспокойством посмотрела на него:

— Ты хочешь сразу пойти к дяде? Правда?

Он кивнул.

— Филипп, знаешь, с тобой ничего не сделают, если ты пойдешь в полицию. Мы... мы должны туда пойти. Они будут очень добры к тебе и присмотрят за тобой, пока не придет твой дядя Ипполит... лучше, чем я. Мы правда должны пойти туда.

— Нет, пожалуйста, не надо, мисс Мартин!

Я знала, что должна настоять на своем. Но меня переубедило не только красноречивое молчание Филиппа, не прикосновение его маленькой холодной руки. И я не очень-то боялась встретиться лицом к лицу с Леоном де Вальми... но моя злость как-то растворилась, превратившись в усталость, так что мне тяжело было думать, что придется говорить с Леоном де Вальми в присутствии полицейских.

Была еще одна причина. Я признала это, чувствуя

холодное презрение к себе. Я могла бы вести себя как подобает с Леоном де Вальми и с полицейскими, но не хотела иметь дело с Раулем. Я дура; больше того, если подвергну риску жизнь ребенка, то я — не только дура, но и преступница... но я не пойду в полицию, если у меня нет полной уверенности в том, что Рауль не виновен. Я еще не была готова подвергать испытанию те доводы, которые подготовила в его защиту... не могу идти в полицию... еще не могу. Если им все расскажут, то я не хотела бы при этом присутствовать. Я буду ждать мсье Ипполита и, как жалкий трус, передам все на его усмотрение. Пусть из облаков внезапно спустится Бог из машины и займется грязной работой. Я ведь только женщина, трусиха, у которой не хватает мужества на то, чтобы здраво отнестись к собственным рассуждениям.

— Ладно, — я вздохнула. — Мы отправимся прямо на виллу Мирей. Во всяком случае, де Вальми там уже побывали.

— Откуда вы знаете?

— Я? Мне так кажется; а тебе? Но твоего дяди еще там нет, малыш, я в этом уверена. Мы немного побудем здесь и хорошенько отдохнем. Я сейчас неспособна на большее. Возьми, доешь шоколадку.

— Спасибо. — Он сонно улыбнулся. — Мне хочется спать.

— Хорошо, прикорни здесь и спи. Я тоже сейчас усну.

— И мне хочется пить.

— Думаю, что вода в ручье годится для питья. Она вытекает прямо из источника. Давай рискнем.

Мы напились, а потом улеглись на солнышке, подстелив под себя пальто, прижавшись друг к другу, и скоро уснули.

Я напрасно боялась, что беспокойные мысли не дадут мне спать. Сон обрушился на меня откуда-то с неба и окутал темным облаком. Я спала как мертвая до тех пор, пока солнце не стало заходить за вершину горы у долины Дьедонне и тени голых деревьев вытянули свои длинные пальцы через всю поляну, коснувшись нас первым вечерним холодком.

Филипп уже проснулся; он сидел, прижав подбородок к коленям, серьезно глядя на далекие крыши, пурпурные в меркнущем солнечном свете. Озеро было бледным опалом, укрытым тонким покрывалом подни-

мающегося тумана. Далеко, на противоположном берегу, видны были снежные вершины Швейцарии, подернутые оранжевым и розовым.

«Свет упал в небеса...» Я передернула плечами, словно от озноба, потом встала и протянула руку Филиппу.

— Ну а теперь, — коротко сказала я, — покажи мне свою дорожку, малыш, и пойдем.

Память не подвела Филиппа. Тропинка была на месте, и узкая проселочная дорога, и улочка с гаражом и лавочкой, мимо которых мы почти пробежали, боясь, что кто-нибудь узнает мальчика, который бывал здесь прежде. Он не сказал ни слова и все сильнее тащил меня за собой. Я наблюдала за ним с беспокойством. Силы покидали его, как вытекает песок из песочных часов. Я подумала о том, что нам еще придется долго ждать, и в нерешительности закусила губы.

Сумерки опустились над городком. Мы шли вдоль улицы, по обеим сторонам которой простирались высокие стены оград, а вдоль тротуара росли ивы с подрезанными ветвями. Зажглись уличные фонари, и фестоны провисших проводов словно окаймляли голубоватые сумерки. Из гаража выехал грузовик и укатил, дребезжа по камням, и в полумраке его фары светились желтым, словно глаза только что проснувшегося льва. Большой легковой автомобиль промчался мимо нас по какому-то спешному делу. Двое рабочих на велосипедах энергично крутили педали, направляясь домой. Из переулка донеслись пронзительные звуки радио, запах жареной рыбы.

Филипп остановился. Он поднял на меня глаза. Его лицо побледнело и словно съежилось.

— Вот дорога, мадемуазель, — сказал он.

Я посмотрела направо, где открывался узкий проход между двух увитых плющом стен.

Это была узкая темная щель, пропадающая в тени на расстоянии примерно двадцати ярдов. Висячие побеги плюща усеивали стены, его листья были черные и острые и под легким ветром издавали странные металлические звуки.

С противоположной стороны улицы доносились раскаты смеха, женский голос что-то прокричал, визгливо и добродушно. Хлопнула дверь кафе, и вместе со снопом света из нее вырвался божественный запах пищи.

Мальчик сжал мою руку. Он ничего не сказал.

Ну что же, чего стоит наша счастливая звезда, если мы не можем ее испытать?

Я повернулась спиной к темному проходу. Через пару минут мы сидели за красным столиком возле печки, и тощий высокий официант, в закапанном фартуке, с лицом грустного коршуна, стоял возле нас, ожидая заказа.

Я до сих пор помню вкус и запах тех блюд, которые мы ели тогда. Сначала суп, первая горячая еда почти за сутки... Это был суп с протертой спаржей, и подали его нам еще дымящимся, в коричневых глиняных горшочках с ручками, похожими на уши гномов. Головки спаржи плавали, испуская ароматный пар, на маслянистой поверхности. К супу было свежее масло и хрустящие свежеепеченные булочки, такие горячие, что там, где они лежали, на пластиковой скатерти появилась испарина.

Филипп прямо ожил от этого супа, как полусохший росток от дождя. Когда явился омлет, пухлый ломоть, поджаренный до хруста на краях, откуда выглядывали испускавшие сок жареные грибы, он стал поглощать его, проявляя нормальный аппетит проголодавшегося мальчика. Мой ослабевший организм требовал чего-нибудь более существенного, и я потребовала бифштекс. Передо мной поставили поистине царское блюдо — масло еще шипело на поверхности бифштекса, он сочился розовато-коричневым соком рядом с жареными грибами, помидорами, маленькими кусочками почки и целой горой золотистого поджаренного лука... Если «филе миньон» можно перевести «дорогой бифштекс», то его можно было назвать «дражайшим». К тому времени, когда этот очаровательный бифштекс и я стали одной плотью, я могла бы справиться одной рукой со всем кланом де Вальми. Я рассыпалась в похвалах перед официантом, когда он пришел убирать посуду, и его мрачный лик немного просветлел.

— Что на десерт, мадемуазель? Сыр? Немного фруктов?

Посмотрев на Филиппа, который сонно покачал головой, я засмеялась.

— Мой брат почти уснул. Не нужно сыра, мсье, спасибо. Пожалуйста, один черный кофе и кофе с мо-

локом. — Я пошарила у себя в сумочке. — И пожалуйста, бенедиктин.

— Черный кофе, с молоком и ликер.

Он смел со стола последние крошки, вытер тряпкой до блеска красную пластиковую скатерть и повернулся.

— Не может ли мсье достать нам несколько жетонов? — спросила я.

— Конечно.

Он взял деньги — и через минуту чашки были уже на столе, а передо мной лежала целая куча жетонов. Филипп приподнялся и посмотрел на них:

— Что это такое?

Я с удивлением уставилась на мальчика. Но потом до меня дошло, что мсье граф де Вальми никогда в жизни не пользовался телефоном-автоматом. Я мягко объяснила ему, что нужно купить эти жестяные кружочки для того, чтобы сунуть в щель телефона.

— Мне бы хотелось это сделать, — решительно сказал мсье граф, в котором вспыхнула искра интереса и оживления.

— Конечно, мой мальчик, но не сегодня. Лучше предоставь это мне. — И я поднялась со стула.

— Куда вы идете? — Филипп не двинулся, но его голос словно удерживал меня.

— Я зайду только за угол, туда, где бар. Видишь? Там стоит телефонная будка. Я вернусь раньше, чем нам сварят кофе. Оставайся здесь, пей свой кофе с молоком — и, Филипп, не рассматривай так этих людей. Веди себя так, будто тебе приходилось много раз бывать в подобных местах; ладно?

— Они не обращают на меня внимания.

Они действительно не обращали на нас внимания — пока что. Единственными посетителями кафе, кроме нас, была группа коренастых рабочих, поглощенных карточной игрой, и тощий длинноволосый парень, который шептал на ухо любезности красивой молодой цыганке в пестрой юбке и обтягивающем черном свитере. Рассеянно оглядев нас, когда мы вошли, посетители кафе больше уже не обращали на нас ни малейшего внимания. Тучная владелица кафе, сидевшая за стойкой бара с вязаньем попугайской расцветки, улыбнулась мне и кивнула, когда я, пробравшись к ней между столиками, попросила разрешения позвонить. Во всяком случае, здесь никто не сидел в засаде

в ожидании сероглазой молодой женщины с каштановыми волосами, которая сбежала, похитив графа де Вальми.

«Дело, может быть не столько в нашей счастливой звезде, — думала я, проделывая сложную и полузабытую процедуру разговора по телефону-автомату, — сколько в том, что исходя из здравого смысла трудно предположить, чтобы мы оказались здесь и в этот час...» Я читала сотни детективов, в которых речь шла о всевозможных похищениях, типа классических «Тридцати девяти шагов» Бушана, и во всех этих книгах самым поразительным мне казалось то, что каждый сознательный член общества проявлял постоянную бдительность. В действительности никому нет никакого дела...

Вдруг один из игроков отвел глаза от карт и посмотрел на меня; потом он толкнул локтем своего соседа и что-то сказал. Тот тоже поднял голову и окинул меня взглядом. Несмотря на рассуждения, которыми я себя успокаивала, сердце у меня забилося неровно. Сделав над собой усилие, я отвернулась и стала смотреть мимо них. Опершись плечом о стену, я с нетерпением ждала, пока меня соединят. Боковым зрением я заметила, что второй что-то сказал и широко улыбнулся. С внезапным облегчением я поняла, что если они стали бы приставать ко мне, то по весьма естественным причинам, не имеющим ничего общего с графом де Вальми.

— «Кок Арди» говорит, — раздался наконец в трубке квакающий голос.

Забыв об опасениях, я перенеслась мыслями в маленькую гостиницу в Субуру.

— Пожалуйста, позовите к телефону мсье Блейка.

— Кого?

— Мсье Блейка. Англичанина из Дьедонне. — Я говорила тихо, и, к счастью, радио было включено на полную мощность, так что вряд ли меня могли подслушать. — Мне сказали, что он остановился у вас. Он здесь?

Раздался какой-то непонятный шум. Потом он прекратился, как будто трубку прикрыли ладонью. Я рассердилась на себя, почувствовав, что руки у меня влажные от пота.

Послышался другой голос:

— Его здесь нет. Кто его спрашивает?

— Вы не скажете, он будет сегодня?

— Возможно. — Наверное, я просто перенервничала или стала слишком подозрительной, но мне показалось, что незнакомый голос звучит как-то странно. — Он не сказал. Может быть, если вы позвоните через полчаса... Кто говорит?

— Большое спасибо, — ответила я. — Обязательно позвоню. Простите, если я...

Незнакомый голос грубо спросил:

— Откуда вы говорите?

Внезапное подозрение, словно укол в сердце. Ведь «Кок Арди» расположен на землях Вальми, и, без сомнения, все новости будут немедленно переданы в замок Вальми. Мне надо обмануть их — заставить думать, что я буду сидеть на одном месте еще полчаса...

— Из Эвиана, — любезно сказала я, словно ни о чем не подозревала. — «Сан-Флер». Не беспокойте мсье Блейка. Я позвоню позже. Большое спасибо.

Я повесила трубку прежде, чем мне успели задать еще один вопрос.

Несколько мгновений я стояла, уставившись в пространство и кусая губы. Не стоит говорить, что у меня не было намерения звонить туда еще раз, но, отведя от себя преследователей, я тем самым лишилась помощи Блейка. Если ему сообщат о моем звонке и если он узнает о моем бегстве, о котором уже, наверное, стало известно в селении, то он должен понять, что я нуждаюсь в помощи, и напрямик отправиться в Эвиан. Там, в огромной, всегда переполненной гостинице «Сан-Флер», конечно, никто не будет помнить, звонила ли куда-нибудь сегодня вечером молодая женщина с маленьким мальчиком.

Почему-то я была совершенно уверена, что Вильям Блейк захочет и сможет мне помочь, но теперь на это не было никакой надежды. Только сейчас я поняла, как поддерживала меня мысль о том, что Блейк окажется рядом в случае необходимости. Не так-то легко будет добраться до Ипполита. Кажется, никогда в жизни я так не нуждалась в дружеской поддержке. Я пыталась взять себя в руки. Так нельзя. Нельзя падать духом только потому, что не оправдалась надежда переложить ответственность на другого. Придется надеяться только на себя.

Я вернулась к своему столику, сняла обертки с трех кусочков сахара и выпила слишком сладкое кофе

без молока. Бенедектин я пила с большим удовольствием, но, должна признаться, не как ценитель. Мне хотелось немножко опьянеть и не к чему было смаковать густой золотистый ликер. Я выпила его слишком быстро, не спуская усталых глаз с углового столика, где играли в карты.

Когда, начав новую партию, игроки стали внимательно следить за своим товарищем, сдававшим карты, я тихонько подозвала официанта, кивнула на прощание мадам за прилавком и вышла из кафе. Никто не пошел за мной — только Филипп.

ГЛАВА XVIII

Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее.

Шекспир. Сонет 90¹

Вилла Мирей стояла у самого озера Леман. Это был один из многих богатых домов — их можно было даже назвать дворцами, — окаймляющих озерный берег. К каждому из них вела тщательно вымощенная узкая дорога на несколько сот футов ниже уровня главного бульвара. Каждый дом был окружен густым садом, который отделяли от дороги высокие стены и крепкие ворота.

Уже стемнело, когда мы дошли до виллы Мирей. Ворота были закрыты, и, когда мы остановились снаружи, в саду послышался звон тяжелой цепи и басовитый собачий лай.

— Это Беппо, — прошептал Филипп.

— Он знает тебя?

— Нет... не знаю. Я его боюсь.

¹ Пер. С. Маршака.

Дверь сторожки открылась, и из нее вырвался луч света, осветивший темные деревья у ворот. Женский голос что-то визгливо крикнул. Лай умолк, сменившись глухим ворчаньем. Дверь сторожки снова затворилась, и сад погрузился в тень.

— Есть другой вход? — спросила я.

— Можно войти со стороны озера. Сад спускается к берегу, и там есть маленькая пристань. Но я не знаю дороги вдоль берега.

— Найдем.

— Мы пойдем дальше? — Голос Филиппа звучал жалобно и капризно; казалось, он сейчас заплачет от усталости.

— Только найдем дорогу к озеру. Мы ведь не можем пройти мимо Беппо и консьержки; как ее зовут?

— Вуату.

— Может быть, ты пойдешь прямо к ней...

— Нет.

— Она ничего тебе не сделает, Филипп, — сказала я.

— Она позвонит моему дяде Леону, правда ведь?

— Наверное, позвонит.

— И приедет мой кузен Рауль?

— Может быть.

Филипп посмотрел на меня:

— Я лучше подожду дядю Ипполита. Вы сказали, мы можем подождать.

— Хорошо. Подождем.

— А вы разве не хотите подождать дядю Ипполита?

— Хочу.

— Ну ладно, — вздохнул Филипп, — может быть, мы сможем быстро найти дорогу к озеру.

И мы нашли ее — через три дома от виллы Мирей. Небольшая калитка, повисшая на петлях, вела в темный сад. Мы осторожно проскользнули в калитку и увидели темную громаду дома среди чернеющих в легком тумане деревьев. Стояла полная тишина. Мы без всяких помех прокрались по длинной петляющей дорожке к широкому, заросшему травой газону, потом снова к высоким деревьям и наконец услышали плеск волн озера.

Ночь была безлунная, звезды закрыты облаками.

Над озером туман лежал неровными клочками; кое-где плотный и бледный, как вата, на фоне темной

дали; кое-где прозрачная дымка на воде, словно испарина от дыхания на темном стекле; кое-где матовая полоса, будто провели пальцем по бархату. Длинные прозрачные облака пара поднимались от воды и тянулись к берегу, окутывая деревья. Волны глухо ударили о берег рядом с нами, когда мы тихо шли к саду виллы Мирей. Ночь была теплая, но от воды веяло холодом и туман дышал на нас сыростью, пробиравшей до костей.

— Вот пристань, — шепнул Филипп. — Я знаю, где ключи. Войдем?

У пристани стояло небольшое квадратное двухэтажное здание, где хранились лодки; оно возвышалось прямо над водой, у маленькой искусственной бухточки, образованной двумя изогнутыми каменными насыпями. Берег здесь был очень узким, и крутой спуск вел к воде от площадки, густо заросшей деревьями, которые шли от берега вверх, обрамляя со всех сторон сад виллы Мирей. Высокие березы свесили ветви над крышей домика. В темноте, под покровом тумана, невозможно было разглядеть все в деталях, но общее впечатление заброшенности, шум деревьев и плеск волн отнюдь не подняли наше настроение.

— Я хочу пройти в сад и заглянуть в дом, — решительно сказала я. — Твой дядя Ипполит, должно быть, уже приехал. Может быть, ты подождешь здесь? Ты можешь войти внутрь и запереть дверь, мы договоримся насчет условного сигнала...

— Нет, — так же решительно ответил Филипп.

— Ладно. Тогда пойдем вместе. Только очень осторожно; хорошо?

— Мадам Вуату глухая, — заметил Филипп.

— Может быть. Но Беппо не глухой. Пошли, малыш.

Берег был глинистый и скользкий, мокрые листья кучами лежали между корнями берез. Над ним был небольшой парк, где под высокими деревьями росла трава. Мы крались от ствола к стволу, только что пробившаяся мокрая весенняя травка мягко стелилась под ногами, слабо пахло фиалками. Мы прошли ряды тополей, потом диких каштанов. Я касалась руками жесткой коры, липкие почки прилипали к ладоням. Свисающие ветви плакучей ивы обдавали нас брызгами, низко нависали над головой, словно преграждая путь. Мы едва пробились сквозь заросли

ивы, такие густые, что образовывали сплошной шатер, и остановились. Мы были у самого дома. Ивы обрамляли ухоженную лужайку: примерно за тридцать ярдов от нее находилась терраса. Почти у наших ног металлическим блеском светился небольшой бассейн, и над ним я различала что-то вроде небольшой статуи.

Я взяла Филиппа за руку, мы медленно и осторожно прошли позади постамента статуи, где несколько плакучих ив почти касались ветвями поверхности воды. Я отвела их зеленые пряди и внимательно осмотрела фасад дома. Ни одно окно не светилось, но над входной дверью, кажется, была лампа, освещавшая подъездную дорожку. Дверь была нам не видна, но свет с той стороны падал на усыпанный гравием полукруг перед домом и на кусты рододендронов. Здесь туман был едва заметен лишь в луче света, лежавшем, словно иней, на влажных листьях.

— Вот это окно на террасе, — тихо спросила я. — В какой оно комнате?

— В салоне. Там никто никогда не бывает. Кабинет дяди Ипполита наверху. Последнее окно. Там не видно света.

Я посмотрела вверх:

— Тогда боюсь, что он еще не приехал.

— Войдем?

Я задумалась:

— Где задняя дверь?

— На другой стороне. Возле консьержки.

— И возле Беппо? Не годится. И я сомневаюсь, что открыто хотя бы одно из окон. И входная дверь освещена... Нет, Филипп, я считаю, нам надо подождать. Как ты думаешь?

— Да. Я... машина!

Он крепко, до боли, ухватил меня за руку. Дорога лежала справа от нас, не больше чем в двадцати ярдах. По ней двигалась машина, замедляя ход. Взвизнули тормоза. Хлопнула дверца. Быстрые шаги. Звон. Оглушительный лай. Через мгновение мы услышали скрип отодвигаемого запора. Мадам Вуату поспешно открывала ворота.

Филипп ухватил меня за руку еще крепче:

— Дядя Ипполит!

Из-за кустов до нас донесся мужской голос.

— Нет, — тихо сказала я. — Рауль.

Холодная ручонка Филиппа дернулась в моей ла-

дони. Я услышала, как консьержка сказала невыразительным голосом, громко, как обычно говорят глухие:

— Нет, мсье. Ничего, мсье. Не попали на след?

— Нет, — коротко ответил Рауль. — Вы уверены, что они не могут быть здесь? Не сомневаюсь, они должны были направиться сюда. Задняя дверь заперта?

— Нет, мсье, но она видна из моего окна. Там никто не проходил. И никто не прошел через ворота. Я в этом уверена.

— А окна?

— Все закрыты, мсье.

— Никто не звонил?

— Никто.

Наступило молчание. Я слышала только, как билось мое сердце.

— Все равно, — сказал он. — Я осмотрю все вокруг. Оставьте ворота открытыми, пожалуйста. Я ожидаю с минуты на минуту Бернара.

Снова молчание и громкие удары сердца. Потом мотор заурчал, и лучи фар медленно повернули в сторону, осветив блестящие листья рододендронов. Рауль подъехал к двери дома, остановился, заглушив мотор, и вышел из машины. Я слышала, как он взбежал по ступенькам и дверь за ним захлопнулась. Беппо все еще тихо подвывал и ворчал. Консьержка что-то крикнула ему из сторожки, и через несколько секунд он замолчал.

Филипп почти конвульсивно сжал мою руку. Я посмотрела на него. Маленькое личико казалось неясным белым пятном с бездонными черными пятнами глаз.

— Спрячься за статую, — шепнула я. — Наверное, он сейчас зажжет свет в доме.

Не успела я сказать это, как окна салона вспыхнули яркими прямоугольниками и свет вырвался с террасы на лужайку. Мы все еще были в тени. Спрятавшись за статую, мы старались не шевелиться. Это была статуя обнаженного мальчика, наклонившегося, чтобы посмотреть на себя в бассейн, — жеманный, изысканный Нарцисс, погруженный в себя, поглощенный собой...

Одно за другим вспыхивали окна, потом снова гасли. Мы следили за ними глазами: яркий свет — потом темнота, и так по всему дому. Но окна, выхо-

дящие на террасу напротив нас, и балконная дверь оставались освещенными. Наконец, во всем доме, кроме салона, стало темно. Рауль подошел к балконной двери, открыл ее и вышел на террасу. Его тень словно прыгнула на лужайку и достигла края бассейна. Несколько минут он стоял на террасе, глядя в темноту. Я легонько положила руку Филиппу на голову и немного прыгнула, чтобы свет случайно не попал ему на лицо. Мы съежились, как могли. Я прижалась щекой к каменному пьедесталу. Он был холодным и гладким и пах сыростью. Я не осмеливалась поднять голову и посмотреть на Рауля. Я смотрела на его тень.

Вдруг она исчезла. В то же мгновение я услышала, что к дому быстро подъезжает еще одна машина. У ворот зажегся свет, салон погрузился в темноту. Я подняла голову и прислушалась.

Шаги по гравию дорожки. Голос Рауля на террасе: — Бернар?

— Мсье? — Бернар быстро вышел из-за угла дома.

Послышались шаги Рауля, спускающегося по ступенькам террасы. Он сказал так же коротко и резко, как говорил с мадам Вуату:

— Есть что-нибудь новое?

— Нет, мсье, но...

Рауль тихо выругался:

— Вы возвращались в хижину?

— Да. Я их не нашел, но они там были, клянусь вам, они...

— Конечно, были. Тот англичанин просидел там почти до двенадцати часов ночи. Я это знаю точно. Они пошли к нему. Вы узнали, где он?

— Он еще не вернулся. Он уехал с другими альпинистами в Руссель, они еще там. Но, мсье, я все пытаюсь сказать вам... Я только что звонил домой, и мне сказали, что она звонила ему в «Кок Арди». Она...

— Звонила ему? Когда? — быстро спросил Рауль.

— Примерно полчаса назад.

— Черт возьми! — Он шумно перевел дыхание. — Откуда она говорила? Эти болваны догадались спросить?

— Да, конечно, мсье. Они слышали от Жюля об этом скандальном случае, понимаете, мсье, и...

— Откуда она звонила?

— Из «Сан-Флер», из Эвиана. Они сказали..

— Полчаса назад?

— Не больше сорока минут назад.

— Значит, англичанин ничего не слышал. Он, наверное, еще со своими альпинистами. Они еще не встретились.

Он быстро отвернулся и пошел по дорожке. Бернар последовал за ним. Голоса их удалялись, но я расслышала его слова:

— Немедленно отправляйся в Эвиан на этой машине. Я тоже поеду. Мы должны найти их, быстро. Слышишь? Должны найти.

Бернар что-то сказал мрачным тоном, словно пытаясь оправдаться, и Рауль грубо обругал его. Потом они зашли за угол и их не стало слышно. Через мгновение я услышала, как заурчал мотор «кадиллака», и фары описали широкий полукруг света на дорожке. Беппо снова залаял. Мадам Вуату, должно быть, вышла из сторожки, услышав приближение второй машины. Я услышала, как Бернар разговаривает с ней и она ответила ему по обыкновению очень громко и визгливо, так что я могла ее расслышать:

— Он сказал, что будет здесь в двенадцать. В двенадцать самое позднее.

Потом Бернар тоже уехал. Я подняла голову с холодного камня и обхватила рукой Филиппа.

Филипп взволнованно прошептал:

— Он приезжает в двенадцать. Вы слышали?

— Да. Сейчас, наверное, немного больше девяти. Нам придется ждать всего около трех часов, малыш. А они поехали искать нас в Эвиане.

— Он спустился с лестницы на террасе. Балкон должен быть открыт. Войдем?

Несколько секунд я молчала, потом устало ответила:

— Нет. Еще три часа. Давай не рисковать. Вернемся и запремся в том домике у пристани.

* * *

Домик казался еще менее уютным, чем раньше. Филипп на минуту исчез, прошел вдоль задней стены и скоро вернулся, с видом победителя размахивая ключом.

— Молодец! — похвалила я мальчика. — Показывай дорогу, кролик!

Он осторожно поднялся по крутой лестнице, ведущей к двери, возвышавшейся над маленькой пристанью, где у самого берега стояло несколько лодок. Ступеньки были мокрые и скользкие, заросшие мхом, и я боялась, что мы свалимся в воду. Дойдя до двери, Филипп наклонился, и я услышала, как заскрипел ключ в замке. Взвизгнув на петлях, дверь открылась. Перед нами зияло темное пространство, откуда веяло пылью и холодом запустения.

— Вот так убежище! — сказала я с деланным восторгом, который, как мне казалось, нисколько не обманул Филиппа. Потом я осторожно включила фонарик.

Слава Богу, здесь было сухо. Но это было единственным преимуществом этого помещения — мрачной черной коробки, пыльного склада всякого мусора, прошлогодних сломанных игрушек, напоминающих о прошедших летних днях. Потом я узнала, что неподалеку, на набережной, когда-то была зацементированная площадка, служившая пляжем семейству Вальми. Здесь были беспорядочно свалены разные вещи, которые выглядят такими заманчиво яркими в июньский полдень: складные кресла и шезлонги, огромный пляжный зонт из оранжевой с алым парусины, какие-то непонятные предметы, грязные и свернутые, которые могли быть надувными подушками, огромная резиновая утка, похожая на колбасу резиновая лошадь в темносиних яблоках...

В неровном колеблющемся свете фонарика они выглядели гротескными чудовищами, особенно страшными от мысли, что нам придется провести среди них несколько бессонных часов, дрожа от страха, что нас кто-нибудь обнаружит.

В стене, обращенной к берегу, было маленькое окошко. Я придвинула вплотную к нему один из сложенных шезлонгов, чтобы скрыть свет фонарика от случайных наблюдателей, потом, вернувшись к двери, заперла ее на ключ.

— А что мы будем здесь делать до двенадцати часов? — меланхолически спросил Филипп, стоявший позади меня.

— Раз у нас нет фишек и шахмат, — с напускной бодростью ответила я, — нам остается только заснуть. Почему бы и нет? Ты, должно быть, умираешь от уста-

лости. Теперь тебе не о чем беспокоиться, можешь спать спокойно.

— Нет, — с некоторым сомнением ответил он, потом сказал, словно что-то вспомнив: — Я буду спать в лодке.

— Дурачок, здесь нет лодки. А те, что снаружи, насквозь мокрые. Может быть, вот тут, — с той же напускной бодростью добавила я, направляя луч фонарика на ужасную кучу мусора, — может быть, мы найдем что-нибудь получше...

— А, вот она. — Филипп бросился к куче и у меня за спиной начал вытягивать из-под трех крокетных молотков, полуспущенного ватерпольного мяча и сломанного весла что-то желтое и плоское, похожее на клеенчатый плащ.

— Что это... — начала я.

— Лодка.

— А, понимаю. Надувная лодка? Никогда такой не видела.

Он кивнул и стал раскладывать свое неаппетитное сокровище на незанятой части пола.

— Ее надувают. Вот трубка. Ее надувают воздухом, и тогда борта поднимаются и получается лодка. Я хочу спать в ней.

Я не стала ему возражать, чувствуя несказанное облегчение от того, что он нашел себе хоть какое-то занятие.

— Почему бы и нет? — сказала я. — Во всяком случае, это хорошая подстилка от сырости. В конце концов, что для нас значит еще немножко пыли?

— Это не подстилка. Это лодка. — Он деловито рылся в куче грязной парусины в углу.

— *Ça se voit,*¹ — не очень уверенно сказала я, глядя на желтую клеенку.

— Ее надувают, — терпеливо объяснил Филипп, пролезая между бочкой с бензином и фантастической пятнистой лошадкой. На щеке у него было большое черное пятно.

— Дорогой мой, если ты думаешь, что у кого-нибудь из нас осталось достаточно сил, чтобы надуть эту лодку...

— Ее надувают вот этим... — Он с трудом волочил какой-то явно очень тяжелый предмет. Я помогла ему.

¹ По-видимому. (Фр.)

— Что это такое?

— Насос. Это очень легко. Я вам покажу.

Он присел на полу у распластанной желтой массы, прилаживая насос к трубке, торчавшей в борту лодки. У меня не хватало духа возражать. И кроме того... Уже несколько минут я ощущала, как из-под двери проникает струя холодного воздуха, проходя по ногам. Филипп был всецело поглощен насосом, который, кажется, было легко заставить работать. Если он действительно надует проклятую лодку...

И Филипп это сделал. Через несколько минут он торжествующе посмотрел на меня, повернув ко мне лицо, покрасневшее от усилий и увешанное гирляндами паутины, покрывавшей лодку, чьи жирные колбасообразные борта, без сомнения, должны были преградить путь любому сквозняку. Щедрым потоком похвал мне удалось заставить его отказаться от намерения надуть лошадь, мяч («просто, чтобы вам показать») и спокойно улечься рядом со мной в непроницаемой для сквозняков, но довольно неудобной и тесной постели. Мы укрылись нашим пальто и приготовились выдержать в полулежачем положении последние три часа нашего утомительного путешествия.

Минуты тянулись как часы. Кругом царила тишина, словно закутанная покрывалом тумана. Время от времени капли падали на крышу с нависших над ней веток, один раз случайный порыв ветра пронесся над деревьями, и ветви, покрытые почками, мягко застучали по кровле. Внизу, у причала, где стояли лодки, волны глухо накатывались на берег; хлюпающие и всасывающие звуки вызывали мысли о мрачной и пустой бездне... Я с тоской вспоминала о хижине, где мы провели прошлую ночь, — каким уютным казался мне теперь теплый чердак по сравнению с сырой могильной тишиной нашего теперешнего убежища!

И было страшно холодно. Кажется, Филиппу было тепло: он свернулся калачиком под пальто, прижавшись ко мне спиной. Я обхватила его руками. Он уснул почти мгновенно. Через некоторое время я почувствовала, что убийственный холод пронизывает меня до костей. Сначала у меня застыла спина, потом холод сковал все тело, словно кровь замерзла в жилах, превратив меня в какое-то ледяное изваяние. У меня затекли ноги и руки, но я не решалась пошевелиться, чтобы не разбудить ребенка. «Его силы на исхо-

де», — подумала я. Пускай лучше спит, пока тянутся последние, самые тягостные минуты перед тем, как нас наконец спасут.

Я лежала неподвижно и глядела в темное окошко, заслоненное парусиновым шезлонгом, дожидаясь того момента, когда увижу свет в окнах виллы, и пыталась вообще ни о чем не думать.

Моему вынужденному бдению положил конец сплюснутый пластиковый мяч. Его пробудил от зимней спячки, очевидно, новый порыв ветра и очередной сквозняк, и он, покинув место на самом верху нагромождения коробок и ящиков, неуклюже покатился вниз со своего насеста. Мяч упал на меня, словно с неба, почти беззвучно, слабо подпрыгнув, и вывел меня из стопора. Я дернулась и быстро села.

— Что это было? — испуганно спросил Филипп.

Застывшими пальцами я потянулась за фонариком.

— Это просто мяч. Прости, Филипп. Бояться нечего. Посмотрим, который час... Четверть двенадцатого. — Я взглянула на него.

— Ты замерз?

Он кивнул.

— Давай выйдем отсюда, хорошо? — сказала я. — Там еще не горит свет, попытаемся войти через балконную дверь. Еще несколько минут...

Туман сгустился. Тонкий луч фонарика словно упирался в молочно-белую стену. Испарения скопились среди деревьев плотным облаком, но на лужайке возле дома туман стлался легкой дымкой, истончавшейся и поднимавшейся легкими клубами.

Над входной дверью все еще горела лампочка. Круг света, казалось, сузился, а деревья словно обступили дом плотнее под покровом тумана. В доме было темно.

Мы тихонько пересекли лужайку и поднялись на террасу. Балконная дверь была открыта, и мы вошли в салон.

Это была большая комната, и в слабом луче нашего фонарика она казалась еще больше. Тонкая полоска света выхватывала из темноты закутанные в чехлы кресла, похожие на присевшие привидения; край зеркала; сверкающую подвеску канделябра, звенящую от ветра, дующего из открытой двери. От этого темнота лишь сгущалась, и комната словно все даль-

ше и дальше отступала во мрак. В салоне веяло грустным запахом пыли, как бывает в нежилых комнатах. Несколько мгновений мы постояли в дверях.

— Пойдем в комнату твоего дяди Ипполита, — прошептала я. — Она, наверно, приготовлена для него, и там топится печка или камин. А у него есть телефон?

Филипп кивнул и быстро провел меня через салон. Если он и был испуган, то не показывал виду. Он двигался как-то автоматически, словно во сне. Толкнув массивную дверь, выходящую в холл, он проскользнул в нее, не оглядываясь на темные углы. Я шла за ним.

Холл был темным квадратным помещением с высоким потолком. Я разглядела только красиво изгибающуюся лестницу. Половицы глухо откликались на наши быстрые шаги. Больше ни звука. Мы пробежали по лестнице наверх. Филипп повернул налево, прошел широкую галерею и остановился перед одной из дверей.

— Это кабинет дяди Ипполита, — шепнул он, положив ладонь на дверную ручку.

В комнате действительно было тепло. Как иголки, притянутые магнитом, мы пробежали по ковру к большой голландской печке и прильнули к ней, тесно прижавшись спиной к изразцам. Я спросила, проведя лучом фонарика вдоль комнаты:

— Куда ведет эта дверь?

— Там еще один салон, большой. В нем теперь никто не бывает.

Пройдя через комнату, я открыла дверь. Фонарик снова осветил темные призраки в чехлах. Как и нижний салон, эта комната не сняла с себя зимний наряд. Пахло затхлостью, и шелковые обои на стенах, которых я касалась рукой, были пыльными и хрупкими, словно крылья мертвой бабочки. Сверху из темноты доносилось знакомое звяканье хрустальных люстр.

Я тихо прошла по ковру и остановилась перед одним из укутанных чехлом призраков — это, очевидно, был диван. Подняв чехол, я провела рукой по обивке... парча, шелк, от скрипа которого сводит челюсти.

— Филипп, — тихо позвала я мальчика.

Он появился, немного дрожа, у меня за спиной, как маленькое тощее привидение. Я сказала очень спокойным деловым тоном:

— Не думаю, чтобы это нам еще понадобилось, но каждый солдат должен приготовить себе заранее путь к отступлению в случае необходимости. Если мы все еще должны будем прятаться, я бы сказала, что это самое подходящее место. Под чехлом. Получается вроде палатки; видишь? Тебе будет удобно, и ты станешь невидимкой.

Филипп все понял. Он молча кивнул. Я посмотрела на него, накрыла диван чехлом, и мы снова прошли в кабинет. Дверь салона я оставила полуоткрытой.

Я посмотрела на часы. Без пяти двенадцать. Окно кабинета выходило на дорогу. Никакой машины не видно. Подойдя к письменному столу, я сняла телефонную трубку.

ГЛАВА XIX

Так, дядя, вот, вы здесь.

*Шекспир. Гамлет*¹

«Кок Арди», — ответил мужской голос. Это был не тот неприятный и подозрительный голос, который говорил со мной прошлый раз, но неплохо снова сбить их со следа. Уже без пяти двенадцать, но на всякий случай.

Я сказала игривым тоном:

— Гильом? Это ты, дорогой? Говорит Клотильда.

— Клотильда? — с недоумением произнес голос.

— Да, да. Из Аннеси. Ты не забыл? Ты мне сказал...

— Одну минуту, мадемуазель. Кто вам нужен? — в голосе звучало удивление.

— Мне... Разве это не Гильом? О Господи, какая я дуручка. — Я нервно захихикала. — Простите, мсье. Может быть... если он еще не лег... вы позовете его к телефону...

¹ Пер. М. Лозинского.

— Ну конечно, — терпеливо ответил голос. — С большим удовольствием. Но какого Гильома вам позвать, мадемуазель Клотильда? Гильома Рувье?

— Нет, нет, я же вам сказала Гильома! О, Вильгельма Блейка. Англичанина. Он здесь? Он сказал мне...

— Да, он здесь. Успокойтесь, мадемуазель Клотильда. Он еще не лег. Я сейчас его позову. — Я услышала, как он засмеялся, отходя от телефона. Без сомнения, Вильям высоко котиrowался в «Кок Арди»...

Филипп вплотную придвинулся ко мне. В слабом свете лампочки, висевшей над входной дверью, который проникал в комнату через незанавешенное окно, его лицо казалось еще бледнее, глаза — еще больше. Я подмигнула ему и скорчила гримасу, он улыбнулся в ответ.

Я услышала взволнованный и недоверчивый голос Вильяма:

— Говорит Блейк. Простите, пожалуйста, кто это?

— Извините, что помешала вам, — сказала я. — Но мне надо было как-то поймать вас, и мне показалось, что так будет лучше всего. Это Линда Мартин.

— А, это вы. Бармен сказал, что звонит какая-то «подружка». Я не мог подумать... скажите мне, что происходит? Где вы? У вас все в порядке? А мальчик...

— Ради Бога! Кто-нибудь вас слышит, Вильям?

— Что? Да, кажется, может услышать. Но не думаю, чтобы кто-нибудь здесь достаточно понимал по-английски.

— Все равно, нельзя рисковать. Я не могу долго говорить с вами, это может быть опасно для меня, но... мне нужна помощь. И я подумала...

— Конечно, — решительно сказал Блейк. — Я слышал местную версию того, что случилось, и я наде... ожидал, что вы как-нибудь со мной свяжетесь.. Я... я ужасно волновался... я хочу сказать, что вы были совсем одна, и всякое такое... Что мне делать? Как я могу помочь вам?

— О, Вильям, — с облегчением ответила я, — послушайте, сейчас я не могу ничего вам объяснить, это займет слишком много времени. Беспокоиться не о чем, мы оба в безопасности, и я полагаю, все кончится через несколько минут, но... Я буду вам очень бла-

годарна, если вы приедете сюда. Больше нет никакой опасности, но... может быть... неприятная сцена, и мне не хочется быть совсем одной против всех де Вальми. Я знаю, неудобно просить человека, которого видел всего несколько раз, и сейчас неподходящее время, но если бы вы могли...

— Скажите мне, где вы находитесь, — просто сказал Блейк, — и я к вам приеду. У меня джип. Это «Сан-Флер»?

— Нет, нет. Значит, вам говорили, что я звонила?

— Да. Я только что вернулся из Эвиана.

— Господи, Вильям!

— Что такого? — рассудительно сказал он. — Я думал, что вы там. Знаете, я ничего не знал об этом деле до сегодняшнего вечера. Вчера до поздней ночи я работал в хижине, но сегодня рано утром должен был поехать с несколькими парнями на южные посадки, поэтому решил переночевать здесь. Мы были в лесу целый день и вернулись очень поздно, и мне сказали, что вы звонили из «Сан-Флера». Конечно, мне пришлось выслушать все сплетни, которые здесь ходят о вас. Я позвонил в «Сан-Флер», но там ничего не могли сказать о вас, я взял джип и поехал в Эвиан...

— Вы не видели там Рауля де Вальми?

— Я не знаю его в лицо. Что, он тоже вас ищет?

— Да.

— О! Я подумал, что вы... я хочу сказать, кто-то мне сказал... — Он замолчал, запутавшись.

— Что бы вы ни слышали, это неправда. Мы с Филиппом одни.

— О! А? Да. Хорошо! — бодро сказал Блейк. — Скажите мне, где вы, и я к вам сразу же приеду.

— Мы в Тононе, на вилле Мирей. Это дом Ипполита де Вальми: он брат...

— Знаю. Вы его видели?

— Он еще не вернулся. Его ожидают с минуты на минуту. Мы его караулим... Я... я объясню вам, когда встретимся, почему мы не пошли прямо в полицию. А пока что вы... никому не скажете? Вы можете просто приехать?

— Конечно. Я здесь близко. Пожалуйста, повторите, как называется это место.

— Вилла Мирей. Каждый вам скажет. Она на самом берегу озера. Поезжайте по нижней дороге. Вилла Мирей. Запомнили?

— Да, благодарю вас, шери.

— Что? А, понятно. Бармен подслушивает?

— Да.

— Тогда, боюсь, вам надо попрощаться со мной как следует.

— Я не знаю как.

— Скажите: «А биенто, шери».

— А бьян ту, шери, — мрачно сказал Блейк и засмеялся. — Я рад, что у вас все еще хорошее настроение, — добавил он.

— Да, — не очень весело ответила я. — До встречи. Спасибо, Вильям. Большое спасибо. Очень приятно... чувствовать, что ты не один.

— Не думайте об этом, — ответил Блейк, и я услышала частые гудки.

Я едва успела повесить трубку, как послышался шум мотора. Мы с Филиппом стояли за темным окном и следили за лучами, которые отбрасывали фары. Машина замедлила ход и подъехала к воротам виллы. Свет, прорезав пелену тумана, скользнул по потолку.

Филипп просунул холодную, дрожащую ладонь в мою руку.

— Он уже здесь, — сказал мальчик.

— Да. О Филипп...

— И вы тоже боялись все это время? — удивленно спросил он.

— Да. Ужасно.

— Я не знал.

— И очень хорошо.

Машина остановилась. Фары потухли, мотор заглух. Дверца машины хлопнула, гравий захрустел под ногами. Быстрые уверенные шаги по направлению к входной двери. Мы услышали, как повернулась ручка. Дальше все звуки раздавались уже внутри дома: открылась дверь, кто-то прошел по холлу...

— Он приехал. Все позади.

— Слава Богу, — дрожащим голосом произнесла я и шагнула к двери.

Я не думала, что буду говорить Ипполиту. Возможно, ему уже кое-что рассказали. А может быть, он даже и не слышал обо мне. Все равно. Он здесь. И я могу передать ему мальчика.

Я бросилась бежать по галерее, устланной ковром, и вниз по красиво изгибающейся лестнице.

Свет в холле не горел. Входная дверь была откры-

та, и лампа над ней бросала длинную полосу света, пересекающую пол. За дверью в тумане блестела влажным лаком большая машина. Кто-то стоял в дверях, подняв руку, словно намеревался зажечь свет. Его силуэт выделялся в дверном проеме на фоне туманной дымки, пронизанной светом лампы, — высокий мускулистый мужчина, замерший, словно прислушиваясь.

Я пробежала по ковру тихо, как привидение. На середине лестницы я остановилась в нерешительности, не отрывая руку от перил, потом медленно пошла вниз по ступеням по направлению к этому человеку.

Потом он увидел меня и поднял голову.

— Значит, вы здесь, — сказал он.

Это было все, что он сказал, но я замерла, словно от выстрела. Я стояла, сжимая перила, и мне казалось, что дерево треснет у меня под рукой. Было мгновение, когда я хотела повернуться назад и бежать, но у меня не было сил двинуться.

— Рауль? — сказала я каким-то чужим голосом.

— Он самый. — Раздался щелчок, и зажегся свет — огромная люстра блестела и переливалась тысячами разноцветных искр в хрустальных подвесках. Свет ударил меня по глазам, я отшатнулась и закрыла лицо рукой, потом опустила ее и посмотрела на Рауля, стоявшего на противоположном конце пустого холла. Я совершенно забыла о Филиппе, Ипполите, Вильяме Блейке, который катит сюда из Субиру; я ничего не видела, кроме человека, стоявшего передо мной, не отрывая руки от выключателя. Рауль смотрел на меня. Нас не разделяло ничего, кроме преступления.

Рауль опустил руку и закрыл за собой дверь. Лицо его было бледным, взгляд — жестким словно камень. На лице обозначились морщины, которых прежде не было. Он был очень похож на Леона де Вальми.

— А он тоже здесь? Филипп? — спросил Рауль очень спокойным и ровным голосом, и я подумала, что он даже не пытается скрыть ярость.

На этот вопрос ответил Филипп. Он шел за мной до самой галереи, и там инстинктивно остановился, заподозрив что-то неладное. Когда Рауль задал вопрос, Филипп, должно быть, сделал резкое движение, и Рауль вдруг поднял голову и всмотрелся в темное пространство галереи. Я взглянула в том же направ-

лении и увидела Филиппа — маленькое темное привидение, растаявшее во мраке.

Рауль в несколько шагов пересек холл и бросился вверх, перескакивая через две ступеньки. Переход от неподвижности к быстрому, почти лихорадочному движению был таким внезапным, что мной овладела слепая паника. Сама не помню как, я взлетела по лестнице, уже не держась за перила, добежала до площадки раньше Рауля и, повернувшись, встала перед ним, преграждая путь.

Я крикнула: «Беги, Филипп!» — и вытянула вперед руки, словно желая отворотить грозящую беду.

Но мои ладони не коснулись Рауля. Он замер. Руки его повисли. Отступив, я прислонилась к изящно изогнутым перилам и встала, опираясь на них. Думаю, что, если бы не это, я бы упала — ноги меня не держали. Рауль не смотрел вслед Филиппу. Он смотрел на меня. Я отвернулась.

Позади, в конце галереи, послышался легкий скрип — закрылась дверь кабинета.

Рауль тоже услышал этот звук. Он поднял голову. Потом снова посмотрел на меня.

— Понятно, — сказал он.

Я тоже все поняла. Поняла все уже тогда, когда шок и усталость заставили меня броситься, как последнюю дуру, на лестницу и оттолкнуть его. И теперь я увидела, как изменилось его лицо, как гнев уступил место холодной надменной горечи. Я поняла, что сама превратила в пепел свой новый чудесный мир, собственными неумелыми руками потопила волшебный корабль. Я не могла говорить, я заплакала, и это были не отчаянные, трагические рыдания, а молчаливые, безнадежные слезы, от которых мое лицо стало мокрым и безобразным.

Рауль не двигался. Он сказал ровным, бесстрастным тоном:

— Когда сегодня утром я приехал в замок Вальми и мой отец сказал, что вы ушли, он думал, что вы обратились за помощью ко мне. Я сказал ему, что вы считаете, будто я до четверга пробуду в Париже. Во вторник вечером меня не было в моей парижской квартире, так что вы не могли знать, где я нахожусь. Но позже я узнал, что вы даже не пытались связаться со мной. У вас могла быть только одна причина, — продолжал он тем же бесстрастным тоном, — когда

я... сказал это моему отцу, он решительно отрицал какие-нибудь... дурные намерения по отношению к вам. Я ему не поверил.

Рауль замолчал. Я не осмеливалась посмотреть на него. Я подняла руку, чтобы вытереть слезы. Но они продолжали течь.

— Я сказал ему тогда, что намеревался сделать вас своей женой и если с вами что-нибудь случится, я убью его собственными руками, хоть он мне и отец.

Я посмотрела на него.

— Рауль... — Но мой голос замер. Я не могла говорить.

— Да, мне кажется, я сделал бы это, — отвечая на мой взгляд, медленно сказал он и добавил одно слово, прозвучавшее в моих ушах похоронным звоном: — Тогда.

* * *

Мы не слышали, как подъехала еще одна машина. Когда дверь холла открылась и вошли двое — мужчина и женщина, мы оба вздрогнули и обернулись. Это были Элоиза де Вальми и человек незнакомый мне. Но даже если бы я не ожидала его прихода, у меня не было бы сомнений, что передо мной Ипполит де Вальми. В нем сразу угадывались фамильные черты. Он был несколько смягченным вариантом Леона де Вальми — Люцифер до падения. Он казался значительно более добродушным, и голос его, когда он обратился с каким-то замечанием к Элоизе де Вальми, звучал мягко и приятно. Но в нем была твердость и сила, свойственные всем мужчинам этого семейства, — может быть, он менее импульсивен и более сдержан и хладнокровен, но в данных обстоятельствах это не так уж плохо. Слава Богу, мой «бог из машины» мог достаточно хорошо выполнить свое предназначение.

Ни он, ни мадам де Вальми не видели нас, стоящих над ними на площадке, потому что в этот момент мадам Вуату, которая, на сей раз увидев подъезжавшую машину, прибежала с шумом со своих задворок в холл, визгливо приветствуя прибывших:

— О! Добро пожаловать, мсье Ипполит! Я так боялась, что при таком тумане... О! — Она вдруг замолчала, воздев руки, словно в ужасе. — О! Мадам... мадам больна? Что случилось? О, конечно, конечно! Какой ужас! Ничего еще не известно?

Я не заметила, в каком состоянии находится Элоиза, пока консьержка не обратила на это мое внимание. Она опиралась на руку Ипполита, словно не могла стоять без его поддержки. В безжалостно ярком свете большой люстры лицо ее казалось серым, изможденным и морщинистым. Она выглядела дряхлой старухой. Консьержка бросилась к ней с сочувственными воплями:

— А мальчик, о нем еще ничего не слышно? И конечно, мадам не может думать ни о чем другом! Какое несчастье... Мадам должна подняться наверх. Там горит печка... что-нибудь выпить? Может быть, бульон?

— Мсье Рауль здесь? — прервал ее Ипполит.

— Еще нет, мсье. Он приезжал сегодня вечером, потом уехал в Эвиан. Но сказал, что будет к двенадцати часам, чтобы увидеться с вами. Он поехал за...

— Его машина стоит у самых дверей.

Рауль как-то неохотно выступил вперед:

— Добрый вечер, дядя.

Внезапно умолкнувшая мадам Вуату, уставилась на него снизу вверх. Ипполит повернулся, подняв брови. Элоиза слабо вскрикнула: «Рауль!» — с таким же ужасом, как и я. Новые морщинки обозначились у нее на щеках, она покачнулась, так что Ипполит должен был крепче взять ее под руку. Потом она увидела меня, сжавшуюся у перил позади Рауля, и взвизгнула: «Мисс Мартин!»

К мадам Вуату внезапно вернулся голос.

— Вот эта женщина! — завопила она. — В нашем доме! Мсье Рауль!..

— Прекрасно, — коротко сказал Ипполит. — Мадам Вуату, оставьте нас, пожалуйста.

Все молчали, пока дверь не закрылась за консьержкой. Потом Ипполит снова повернулся и посмотрел на нас. Он бесстрастно оглядел меня, чуть-чуть кивнул и перевел глаза на Рауля:

— Ты их нашел?

— Да, нашел.

— А Филипп?

— Он здесь.

— Он здоров? — хрипло спросила Элоиза.

— Да, Элоиза, здоров. Он был с мисс Мартин, — голос Рауля звучал очень сухо.

Она опустила глаза под его взглядом и со стоном вздохнула.

— Я думаю, нам лучше все выяснить спокойно. Пройдемте в кабинет. Элоиза, дорогая, вы сможете подняться по лестнице?

Никто не заговорил со мной, даже не посмотрел. Я для них словно тень, привидение, иссохший лист, заброшенный порывом ветра в угол. Со мной все ясно. Меня даже не позвали для объяснения. Я была в полной безопасности, и мне хотелось умереть.

Элоиза медленно шла по ступенькам рядом с Ипполитом. Рауль, словно забыв о моем существовании, прошел мимо меня и стал подниматься на галерею. Я тихо последовала за ним, больше не плача, но щеки щипало от слез, и я чувствовала, что смертельно устала. Я плелась по лестнице, перебирая руками перила, как дряхлая старуха.

Рауль открыл дверь кабинета и зажег свет. Он ждал. Я, не смотря на него, проскользнула мимо с опущенной головой и пересекла кабинет, направляясь к двери, ведущей в большой салон.

Я открыла дверь и устало сказала:

— Филипп? Все в порядке, Филипп, можешь выходить. — Я помолчала, видя, что Рауль тоже прошел к двери и стоит рядом. Потом добавила: — Теперь ты в безопасности. Твой дядя Ипполит наконец приехал.

Почему-то, без всякой видимой причины, другие последовали за нами в салон, хотя в кабинете было уютнее и теплее от печи.

Ипполит снял чехол с дивана и теперь сидел рядом с мальчиком, обхватив его рукой. Элоиза рухнула на маленький, обтянутый парчой стул, стоящий у самой решетки незатопленного камина. Кто-то снял с него чехол, и он лежал, как пустая шкурка, у ее ног.

Когда зажгли свет, салон стал выглядеть еще мрачнее, чем раньше. Сотни подвесок огромной люстры — радужные призмы — казались льдинками, которые вот-вот упадут на пол. Лучи словно обдавали холодом белую ткань, покрывавшую мебель, и отражались, как от сверкающей льдины, от светлого мрамора каминной доски. Рауль облокотился на нее, точно так же, как стоял в библиотеке Леона де Вальми.

Я уселась как можно дальше от них. На противоположном конце длинной комнаты стоял концертный рояль в плотном зеленом чехле; я отступила к роялю и уселась на вертящийся стул спиной к инструменту. Во мне все словно замерло. Они хотели поговорить —

что ж, пускай говорят, эти Вальми, пускай все выяснят между собой и отпустят меня на все четыре стороны. Мне больше нет до всего этого никакого дела. Я подняла голову и посмотрела на этих людей, сидящих на противоположном конце красивой, но какой-то мертвой комнаты. Мне казалось, что они находятся от меня на расстоянии миллиона миль.

Ипполит вполголоса говорил что-то Филиппу, но вдруг спокойным тоном обратился к Раулю:

— Как ты уже, наверное, догадался, Элоиза поехала в Женеву, чтобы встретить меня в аэропорту. Она рассказала мне... довольно странную историю.

Рауль выбирал себе сигарету. Он сказал, не поднимая глаз:

— Хотелось бы знать, какую именно историю тебе рассказали. В последнее время мне пришлось выслушать несколько версий этой истории, и, должен признаться, я не знаю, что подумать. Интересно, какую версию Элоиза пыталась тебе предложить на этот раз.

Она что-то пробормотала, Ипполит сжал губы:

— Дорогой Рауль...

— Послушай, — прервал его Рауль. — Дело зашло так далеко, что сейчас уже не до вежливости или... до сыновнего долга. Лучше всего будет, если мы скажем всю правду. — Он безучастно посмотрел на Элоизу. — Знаешь, Элоиза, у тебя могут быть крупные неприятности. Тебе должно быть известно, что сегодня утром отец был со мной довольно откровенным. Думаю, сейчас он все будет отрицать, но, признаюсь, не понимаю, как это поможет ему... или тебе. Не знаю, зачем он послал тебя в Женеву, но для вас уже все кончено, Элоиза. Можешь оставить свои... светские манеры. Здесь тебе некого стесняться, и кроме того, тебе, конечно, понадобится Ипполит, чтобы как-то замять неизбежный скандал. Почему бы тебе не собраться с духом и не рассказать все начистоту?

Элоиза ничего не ответила. Она сжалась на стуле в бесформенный комочек, словно у нее не было костей, и не поднимала головы.

Рауль некоторое время бесстрастно наблюдал за ней. Потом, немного подняв плечи, повернулся к Ипполиту.

— Ну ладно, — сказал он. — Раз Элоиза с нами не играет, мне придется начать.

Ипполит перевел глаза с Рауля на мадам, лицо его выражало глубокую усталость.

— Хорошо, — согласился он, — начинай. Ты звонил мне в Афины во вторник утром и просил вернуться домой, потому что беспокоился о Филиппе. Ты говорил о каких-то странных происшествиях и настаивал на том, что Филиппу угрожает опасность. Ты что-то сказал насчет гувернантки Филиппа. Элоиза тоже упомянула о ней сегодня, и тоже весьма неопределенно. Я полагаю, что здесь находится эта девушка, с которой связаны неприятные события. Именно их Элоиза пыталась мне объяснить, когда мы встретились в Женеве. Должен признаться, я ничего не понял. И я устал. Поэтому надеюсь, что ты расскажешь мне все коротко и ясно.

— Оставь в покое гувернантку Филиппа, — сказал Рауль. (Я уже была для него только «гувернантка Филиппа» — он даже не посмотрел на меня. Он находился словно на другом конце света.) — Она тут ни при чем, это простая случайность, — продолжал он. — Это все мой отец. Поэтому-то я и говорю, что сейчас не до условностей. Дело в том, что мой отец — твой брат — с помощью или, во всяком случае, с согласия своей жены пытался в течение последних недель убить Филиппа.

Элоиза издала странный стонущий звук; Филипп повернул голову и поглядел на нее, крепче прижавшись к Ипполиту. Я сказала тихим жестким голосом, который показался мне чужим:

— Филиппу всего девять лет. Ему пришлось многое пережить, он очень устал и, наверное, голоден. Я прошу вас разрешить мне отвести его вниз, чтобы его накормили.

Они вздрогнули, словно заговорил один из покрытых чехлами стульев. Потом Ипполит сказал:

— Конечно, его следует отвести вниз. Но мне бы хотелось, чтобы вы остались с нами. Пожалуйста, позвони, Рауль.

Рауль окинул меня взглядом, в котором я не прочла ничего, кроме безразличия, и позвонил.

Мы молча ждали, наконец дверь отворилась. Это была не мадам Вуату, которая стояла рядом, а пожилой лакей с приятным лицом.

— Гастон, — сказал Ипполит. — Не могли бы вы отвести мсье Филиппа вниз и дать ему что-нибудь по-

есть? Пусть мадам Вуату или Жанна приготовят для него комнату... маленькую гостиную рядом со мной, я полагаю. Филипп, пойдй с Гастоном. Он приглядит за тобой.

Филипп вскочил с дивана. Он улыбался. Седовласый Гастон улыбнулся в ответ.

— Пойдем, — сказал он и протянул мальчику руку. Филипп подбежал к нему, даже не оглянувшись. Дверь за ними закрылась.

Ипполит снова повернулся к Раулю. Я чувствовала, что он с трудом сохраняет спокойное выражение лица и старается, чтобы не дрожали руки. Голос его немного вибрировал, но был таким же мягким и приятным, как раньше:

— Хорошо, Рауль, продолжай, — сказал он. — И я предупреждаю тебя, все факты должны быть подтверждены. Ты... Не забывай, он мой брат.

— И мой отец, — резко ответил Рауль. Неожиданным движением он стряхнул пепел с сигареты в холодное жерло камина. — Что касается фактов, то у меня их не так уж много, но я вам их представлю полностью. Я узнал обо всей этой истории... — он поднял на меня глаза: они были аспидно-серыми, — только сегодня утром. — На минуту Рауль замолчал. Потом снова заговорил: — Мне не нужно рассказывать вам о том, что известно и без меня, — начал он. — Если бы Филипп не родился, мой отец унаследовал бы имение Вальми, где прожил всю жизнь и которое любил, особенно со времени несчастного случая, больше всего на свете, был прямо одержим этой любовью. Пока его старший брат не женился, он был уверен, что в один прекрасный день Вальми будет принадлежать ему, и, не колеблясь, тратил на Вальми доходы со своего собственного имения — Бельвиня. С девятнадцати лет я вел для него дела Бельвиня и знаю, что в течение всего этого времени из него выкачивалось все, что могло бы поправить там дела. Мы с отцом часто спорили относительно... в конце концов, это и мое имение тоже, и я не был так уверен, как он, что его старший брат Этьен никогда не будет иметь наследника.

— Я знаю, Леон никогда никого не слушал, — заметил Ипполит.

— Ну так вот, — продолжал Рауль. — Этьен женился, и родился Филипп. Не хочу расстраивать вас рассказом о том, как реагировал на это отец; слава

Богу, у него хватило ума на то, чтобы скрывать свои чувства от Этьена... может быть, поэтому тот разрешил ему жить и дальше в Вальми. Но в результате доход с Бельвина оставался в имении, и я мог поправить то, что мой отец разрушал в течение многих лет. — На крепко сжатых губах показалось слабое подобие улыбки. — Признаюсь, мне нравилось спорить с отцом... В прошлом году Этьен погиб. — Он посмотрел на Ипполита. — И сразу же все деньги снова потекли из Бельвина в Вальми.

Ипполит сделал едва заметное движение:

— Так скоро?

Рауль опять улыбнулся. Не могу сказать, чтобы эта улыбка была приятной.

— Очень рад, что ты так быстро все схватил. Да. Тогда же он решил, что с Филиппом надо что-то делать. До того как мальчик сможет унаследовать Вальми, остается еще шесть лет. Надо было только ждать удобного случая.

— У тебя должны быть неопровержимые факты, — резко сказал Ипполит.

— Они у меня есть. Я сберегу время и избавлю тебя от психологических тонкостей, если скажу сразу, что отец подтвердил свое намерение убить мальчика.

Короткое молчание.

— Очень хорошо, — наконец сказал Ипполит. — Я тебе верю. Перед кем он подтвердил это намерение?

Губы Рауля дернулись:

— Передо мной. Успокойтесь, дядюшка, пока что это семейное дело.

— А... понимаю. — Ипполит переменял положение. — Итак, я уехал в Грецию и передал Филиппа в его руки...

— Да. Естественно, я не сразу понял, что происходит. Почему он грабит Бельвинь, — ровным голосом продолжал Рауль. — Не так-то легко примириться с мыслью, что твой отец — убийца. Я просто был поражен и рассержен, настолько рассержен тем, что меня сбросили с вершины, на которую я так долго карабкался, что не мог успокоиться и обдумывал возможные причины. А сколько сил я потратил на наши бесконечные скандалы! В начале апреля поехав в Вальми, я заранее решил посмотреть, как там живет Филиппу. Не буду вас обманывать — я не мог и вообразить, что готовится что-то вроде этого: я уже гово-

рил, что нелегко подозревать членов собственной семьи, которых хорошо знаешь. Но... как бы то ни было, я поехал в Вальми, чтобы узнать, как там обстоят дела. Мне показалось, что все в порядке. Я слышал, что у Филиппа новая гувернантка, и поинтересовался... — Наши глаза на минуту встретились, и Рауль замолчал. Потом он добавил: — Вальми всегда был неподходящим местом для детей, но на этот раз казалось все хорошо. А на следующий день произошел случай, который мог очень плохо кончиться.

Ровным холодным голосом он рассказал Ипполиту о том, что случилось в лесу. Ипполит издал несколько возмущенных восклицаний, Элоиза ерзала на стуле и смотрела себе под ноги. Она ничего не говорила, но я заметила, что тонкий золотистый шелк обивки, в который она вцепилась ногтями, в нескольких местах треснул. Рауль наблюдал за ней. Его лицо по-прежнему было совершенно бесстрастным.

— Даже тогда, — продолжал он, — я не подозревал, что происходит в действительности. Да и как я мог? Позже я горько упрекал себя за это, но, еще раз повторяю, я не мог подумать... — Он бросил окурок в холодный камин и повернулся, чтобы раздавить его каблуком. Потом устало сказал, словно обращаясь к самому себе: — Может быть, я и подозревал: знаю. Думаю, я просто старался отогнать от себя все подозрения. — Он посмотрел на своего дядю. — Можешь это понять?

— Да, — тяжело сказал тот. — Могу.

— Так я и думал, — заметил Рауль. — Хорошее воспитание; верно? — Он закурил новую сигарету.

— Но все же ты не зря приехал еще раз, — заметил Ипполит.

Казалось, Рауль обращал внимание только на свою сигарету.

— Я приехал не потому, что у меня были какие-то подозрения. И у меня не было никаких фактов, которые могли бы вызвать такие подозрения, — до пасхального бала, — когда я позвонил тебе. Но в ту ночь произошли два события. Мисс Мартин сказала мне, что Филипп снова едва не погиб — каменные перила на балконе западного фасада вдруг за одну ночь расшатались, — и если бы мисс Мартин не заметила этого и не проложила что-то поперек опасного места, Филипп умер бы страшной смертью, напоровшись на ост-

рые прутья ограды, которая проходит под самым балконом.

Эти слова заставили Ипполита повернуться и посмотреть на меня. Увидев его лицо, я спросила себя в первый раз, что рассказала обо мне Элоиза, когда они ехали из аэропорта. Судя по его выражению, вряд ли она сказала что-нибудь хорошее. Когда Рауль стал рассказывать о нашем «полуночном пире» с участием Филиппа, лицо Ипполита смягчилось, словно в его сознании возник совершенно новый образ, отличный от того, что нарисовала Элоиза:

— И в ту ночь Элоиза вела себя в высшей степени странно, — сказал Рауль. — Она казалась испуганной, если это слово можно применить к ней, и кроме того, мисс Мартин рассказала мне о кошмарах Филиппа... но больше всего меня потрясло происшествие с перилами. Рано утром я сразу же позвонил тебе и мне случайно удалось тебя застать. Мне казалось, что лучше всего нам вместе серьезно поговорить с ним, выяснить, что происходит, и заставить его... и привести его в чувство. Я подумал, что ты мог бы поручить мальчика мне, если тебе снова надо будет уехать. У меня нет никаких прав на мальчика, и я думаю, тебе ясно, почему мне не хотелось обращаться в полицию. — Он бегло и невесело засмеялся, глядя на своего дядю. — Во всяком случае, если бы я и обратился в полицию, у меня не было бы никаких фактов — ведь собственно ничего не произошло. Пока что он не совершил никакого преступления. Но я подумал, что, если ты пошлешь телеграмму, что возвращаешься домой, это может повлиять на его планы. Если у него будут какие-нибудь планы, — устало добавил он.

Снова наступило молчание. Ипполит посмотрел на Элоизу. Рауль продолжал:

— Сейчас кажется странным, что я так долго не мог поверить, что он способен на убийство. Мне надо бы знать... но уж так вышло. Я еще раз повторяю, что в это не так-то легко поверить. Вряд ли я мог бы уличить его... и сомневаюсь, что это принесло бы пользу. Если уж во время сегодняшней встречи... — Он замолчал и слегка пожал плечами. — Ну что же, я позвал тебя, сделал все, чтобы успокоить свою совесть, и к тому же знал, что могу надеяться на мисс Мартин. Я много раз называл себя дураком. На следующее утро, после того как я позвонил тебе, я не хотел

уезжать из Вальми, но мне позвонили из Парижа, и я должен был уехать. Дело шло о деньгах, которые я старался получить на расходы в Бельвине, и человек, на которого я надеялся, должен был проездом остановиться в Париже. Я не мог его упустить — и уехал. Я хотел остаться в Париже до среды, потом вернуться сюда и встретить тебя в аэропорту, когда ты будешь возвращаться в четверг из Афин, и вместе с тобой вернуться в Вальми. Но не успел я уехать, как стал беспокоиться все больше и больше: как будто чем дальше я был от отца, тем лучше понимал его. Как бы то ни было, мне кажется, я в первый раз понял, что мои подозрения, какими бы нелепыми они ни казались, могут быть верными, и Филиппу грозит опасность, непосредственная опасность. Днем я позвонил в Вальми и позвал отца... позвал его к телефону. Я придумал какую-то отговорку — не помню точно — и задал несколько вопросов. Он сказал мне, что получил от тебя телеграмму, и, честное слово, складывалось впечатление, что он даже доволен будущей встречей. Казалось, все нормально, и когда я повесил трубку, то опять был совершенно уверен, что все эти подозрения — полная нелепость. — Он глубже затянулся и выдохнул струю дыма, словно вздохнул. — Но... к вечеру я не мог больше вынести. Я позвонил в аэропорт. Мне повезло. У них оставалось одно место на ночной рейс. Я оставил машину в Женеве и из аэропорта направился прямо в Вальми. Я приехал туда рано утром и узнал, что мисс Мартин и Филипп исчезли.

Он стряхнул пепел с сигареты:

— Просто из любопытства хотелось бы узнать, Элоиза, как ты все это объяснила моему дяде, когда встретила его в Женеве?

Элоиза все еще не сказала ни слова. Она повернула голову и прильнула щекой к спинке стула. Казалось, она почти не слышит его. Лицо ее было мертвенно-бледным, скорее серым. И только пальцы царапали обивку, рвали тонкий золотистый шелк.

Ипполит выглядел таким расстроенным, что я представила себе, каких ужасов наговорила обо мне Элоиза.

— Все это она рассказала не очень связно, — начал он. — Я догадывался...

— Неважно, — прервала я. — Я расскажу вам все по порядку. Во вторник вечером я узнала о планах

мсье Леона. Бернар напился на танцах и все рассказал Берте, одной из горничных, а она передала все мне. Я должна была увести Филиппа. Я... я не знала, куда идти. Мы спрятались, потом пришли сюда и стали вас ждать. Вот и все.

Я чувствовала, что Рауль смотрит на меня. Нас разделяла большая неуютная комната, полная привидений в чехлах. Я ничего не прибавила. Если я когда-нибудь доскажу ему остальное, то, во всяком случае, не здесь.

Ипполит снова повернулся к Раулю:

— Продолжай. Ты вернулся и узнал, что они ушли. Наверное, именно тогда ты и взялся за Леона?

— Да. — В его голосе появилась какая-то новая нотка, которая заставила меня неловко подвинуться на стуле и отвести глаза от Рауля. Мне не хотелось видеть его лицо в этот момент, хотя, честное слово, было очень трудно сказать, что оно выражает. Он сказал: — Было высказано несколько... несколько теорий, почему эти двое сбежали, но для меня это могло означать только одно — у мисс Мартин появилось неопровержимое доказательство того, что Филиппу угрожает опасность, и она увела его, чтобы с ним ничего не случилось. Я горько упрекал себя за то, что так легко отмахнулся от подозрений, — и набросился на отца.

— Ну, и?..

— Беседа была довольно неприятная. Я не буду распространяться. Он начал с того, что отрицал все начисто, и — вы ведь его знаете — отрицал так убедительно, что я выглядел просто дураком. Но он не мог отрицать того факта, что Лин... что мисс Мартин сбежала. Я не отставал от него и постепенно он сменил позицию. Он намекнул, что в том, что касается судьбы Филиппа, мисс Мартин нельзя назвать незаинтересованной стороной. — Он снова стряхнул пепел с сигареты, не глядя на меня.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Ипполит.

Рауль не ответил.

— У мсье Леона есть причина предполагать, что я влюблена в мсье Рауля, — коротко ответила я.

Ипполит поднял брови. У него была такая же быстрая реакция, как у Леона, правда, в несколько ином роде. Он сказал:

— Значит, вы могли бы быть заинтересованы в том, чтобы избавиться от Филиппа? Очень предусмот-

рительная девица! И как ты реагировал на это... предположение, Рауль?

— Это было так абсурдно, что я даже не рассердился. Я засмеялся. Потом сказал, что он слишком вольно толкует факты. Заинтересованы обе стороны, и очень серьезно, другими словами, я хочу, чтобы мисс Мартин стала моей женой, и если что-нибудь случится с ней или с Филиппом, он будет отвечать не только перед полицией, но и передо мной.

Ипполит перевел глаза с Рауля на меня, потом посмотрел опять на Рауля и опустил голову. Наступило томительное молчание. Очевидно, рассказ Рауля расстроил его так, что он даже не понял последних слов, потому что сказал: «Ну? А потом?»

— Не буду распространяться, — резко и сухо сказал Рауль. — Тут не о чем рассказывать. Он снова сменил тон и предложил мне участвовать в деле. Да. Вот так. Он подчеркнул те преимущества, которые даст мне и моей будущей жене смерть Филиппа. Он даже не понимал, что я могу не поддаваться искушению. И он был уверен, что я смогу убедить ее, свою жену, участвовать в исполнении нашего плана. Все вместе мы сможем успокоить тебя, когда ты приедешь, отправить тебя обратно в Грецию и, не торопясь, расправиться с мальчиком. Мы сможем состряпать какую-нибудь трогательную историю о том, как Линда сбежала ко мне, — все равно, ведь об этом уже говорили — и избежать большего скандала, превратив все в самый банальный роман. Потом он стал просить меня найти Линду, чтобы все окончательно уверились в том, что она отправилась ко мне.

— Ну, и ..?

Самое ужасное в этом разговоре было то, что ни сын Леона, ни его брат не выказали никакого удивления. Беспокойство, может быть, ужас, только не удивление. Их совершенно не удивляла порочность, которая даже не может представить себе бескорыстное добро.

— Я не стал с ним много говорить, — продолжал Рауль. — Я... просто не мог, боялся, что смогу поднять на него руку. Я сказал, что мы с Линдой не можем даже подумать о том, чтобы как-нибудь обидеть Филиппа, лучше бы он перестал болтать всякую чепуху и постарался поскорее их найти, или ему не избежать крупного скандала, который уже трудно будет

замять. Я подумал, что Линда попытается связаться со мной в Париже и позвонит мне, но не дождался ее звонка. Я оставил записку у консьержки на тот случай, если она все же позвонит после моего отъезда, и, не сомневаясь, что Линда должна связаться со мной, подумал, будто отец врет, когда говорит, что их нет в Вальми... Я представлял себе, что с ними что-то случилось, поэтому... а, сейчас это уже неважно. Я понял, что ошибался, сразу же, как к нам вошел Бернар — вы ведь его знаете. По всей вероятности, Леон послал его на поиски. Мое присутствие было для него неприятным сюрпризом, а я, не теряя времени на долгие разговоры, очень ясно дал ему понять, что в его интересах найти Линду и Филиппа как можно скорее. Я подумал, что они могли рассчитывать на то, что им поможет англичанин, который работает в горах в Дьедонне, — я знал, что Линда знакома с ним, и был очень доволен, что у нее есть хотя бы один друг в этих местах. Я позвонил в Субиру, в «Кок Арди», где этот англичанин иногда проводит ночь, но он уже вышел и до обеда его не ждали. Я велел Бернару отправиться в хижину, где англичанин хранит свои вещи, но Бернар сказал, что уже был там и не нашел их, что он побывал во многих местах. Я отправил его обратно, приказав постоянно держать меня в курсе дела, и составил для него план поисков, продумав его как можно лучше на основании тех немногих сведений, которые у меня были... Ну ладно, теперь это тоже неважно. Бернар прекрасно понимал, что ему лучше быть на моей стороне и не устраивать никаких шуток. Когда Бернар ушел, я снова сказал отцу коротко и ясно, что, если что-нибудь случится с Линдой и Филиппом, даже если это будет выглядеть как самый очевидный несчастный случай, я его убью. Потом я выехал из Вальми на своей машине... Вот и все, — усталым и невыразительным голосом добавил он.

Я сидела молча, опустив голову. Вот и все. Всего только пятнадцать часов, проведенных в поисках — надо было прочесывать долины, постоянно звонить в Париж, осторожно, как бы мимоходом запросить консульство (об этом я узнала позже), искать в больницах, в моргах, привлечь полицию...

Для меня выяснились два факта: во-первых, Леон де Вальми не знал, что слух о нашей помолвке полностью соответствует действительности; во-вторых,

Рауль абсолютно ничего не знал о последнем, составленном наспех плане убийства Филиппа — о попытке отравить мальчика. Бернар, присутствовавший при разговоре Леона с Раулем, сразу понял, что план его хозяина потерпел неудачу: Леон де Вальми намекнул ему, что охоту следует прекратить, и с этого момента Бернар стал помогать Раулю в поисках. Не знаю, насколько я была права, думая, что нам угрожает опасность прошлой ночью, когда мы были в лесу, но, во всяком случае, с сегодняшнего утра мы были в безопасности... с того времени, как Рауль вернулся в Вальми. Рауль приехал, и ищеек отозвали. Весь этот день нам ничего не угрожало, потому что приехал Рауль. Я сидела молча, опустив голову.

Молчание тянулось бесконечно. Было слышно, как звенят хрустальные подвески, словно струны призрачного спинета. Я посмотрела на группу у камина на противоположном конце красивой, но неуютной комнаты.

Ипполит и Рауль смотрели на женщину, сгорбившуюся на хрупком стуле.

Она сидела совершенно неподвижно, но эта неподвижность не имела ничего общего с ее обычной сдержанностью. Изысканный, элегантный цветок превратился в бесформенную массу. Она полулежала, словно лишилась костей, и руки ее наконец замерли на изорванном шелку обивки. Светлые глаза были широко открыты; она с трудом переводила их с Ипполита на Рауля. Ей не надо было ничего говорить. Все было написано у нее на лице, и мне показалось, на нем можно прочесть облегчение, что все наконец сказано.

Дверь открылась, и вошел Филипп. Он очень осторожно нес в обеих руках чашку с дымящимся бульоном. Подойдя ко мне, он протянул чашку:

— Это вам. Вы ведь тоже много вытерпели.

— О, Филипп... — сказала я, со стыдом признаюсь, голос изменил мне. Но он, казалось, этого не заметил. Он смотрел на Элоизу, молча поникшую на стуле. С сомнением в голосе он произнес:

— Тетя Элоиза, может быть, вы тоже хотите?

Это ее окончательно сломило. Она зарыдала сухим тоненьким голосом, каким-то неестественным и страшным.

Я наклонилась, поцеловала Филиппа в щеку и быстро сказала:

— Спасибо, малыш, тетя Элоиза плохо себя чувствует. А сейчас беги. Тебе пора спать. Спокойной ночи.

Он удивленно посмотрел на меня и послушно вышел.

Элоиза не прикрыла лицо руками. Она откинулась на спинку стула и без слез рыдала тем же неестественным тонким голосом. Ипполит де Вальми, такой же бледный, как она, беспомощно смотрел на нее, прижимая дрожащей рукой к губам носовой платок. Потом он нерешительно сел на стул, стоящий рядом с ней, и стал успокаивающе поглаживать ее беспомощно повисшую руку.

Он что-то бормотал, но она продолжала рыдать.

Рауль молча стоял поодаль от них, его лицо было по-прежнему бесстрастным и замкнутым. На меня он не смотрел.

Мне кажется, я открыла рот, желая что-нибудь сказать ему, но в этот момент Элоиза наконец заговорила дрожащим голосом, словно у нее не хватало дыхания:

— Это правда, да, все, что он сказал, правда, Ипполит... Он вынудил Леона сказать ему... была ужасная сцена... страшные вещи... он не имел права... — Она вдруг повернулась к нему и крепко схватила за руку. — Но я довольна, что ты знаешь, Ипполит. Ты ведь спасешь нас, правда? Ты ведь проследишь за тем, чтобы ничего не вышло наружу? Не пошло дальше? Это не дело полиции! Ты ведь слышал, что сказал Рауль, — это чисто семейное дело! Да, чисто семейное! Бернар не осмелится говорить об этом, а Рауль ничего не может сказать — что он может сказать? Разве Леон не его отец? Это ведь что-нибудь да значит! — Она дергала его руку, придвинувшись ближе, торопясь и задыхаясь. — Ты не можешь допустить, чтобы это вышло наружу, не можешь! Вы с Раулем не имеете права поступать так с Леоном! Ничего не случилось... мальчик жив, и девушка тоже. Не смотри на меня так, Рауль. Ты знаешь, что вы можете уладить это между вами, если только ты захочешь! Эта Мартин влюблена в тебя; она будет держать язык за зубами, и...

— Элоиза, пожалуйста, замолчи! — резко прервал ее Ипполит. Он вытянул руку из ее пальцев и немного отодвинулся от нее. Он смотрел на женщину,

словно видел ее впервые. — Ты говоришь, что все это верно? И ты знала об этом? Ты?

Она снова упала на сиденье. Подавляя конвульсивные всхлипывания, она терлась затылком о спинку стула, дергая головой направо и налево.

— Да, да, да, все, что он тебе сказал, правда! Я во всем признаюсь, если ты только пообещаешь помочь. — Что-то в тоне и взгляде Ипполита заставило ее опомниться, и ее голос немного изменился. — Я... я не такая уж плохая, Ипполит, ты это знаешь. Я не хотела зла Филиппу... но... это ведь ради Леона. Я делала это для Леона. — Встретив его тяжелый и суровый взгляд, она резко добавила: — Ты прекрасно знаешь, как и я, что Вальми должно принадлежать Леону. Конечно, у него больше прав на имение, правда? Это его дом. Ты это знаешь. Ты ведь это сам говорил! И он не такой, как другие! Ты тоже это знаешь, ты должен понять, что он не такой, как другие. Вальми должно было принадлежать ему. Должно! Он достаточно перенес и без того, чтобы его выгоняли из собственного дома!

Ипполит отодвинулся еще дальше.

— Не думаю, чтобы Леон поблагодарил тебя за то, что ты высказала подобные мысли, Элоиза. В настоящее время речь идет вовсе не об этом. Мы говорим о гораздо более серьезных вещах. Преднамеренное убийство. Убийство ребенка.

— Да, да, знаю. Конечно, мы были неправы. Не правы. Я это допускаю. Но ведь этого не произошло! Правда? Ничего не случилось, Рауль сам это подтвердил. Это не должно пойти дальше! О, тебе надо будет поговорить с Леоном. Я все понимаю, но ведь ты сделаешь все, чтобы Леон остался и дальше в Вальми, правда? Почему бы и нет? Люди всегда сплетничают, но скоро все забудется, если ты только будешь на нашей стороне и ничего не скажешь. Я знаю, ты не скажешь! Тебе известны чувства Леона! Ты проследишь за тем, чтобы Вальми досталось ему, правда? Он должен был раньше поговорить с тобой — я хотела этого, — ему не надо было что-то затевать самому! Уверена, что ты примешь его точку зрения; ты ведь согласен с ней, правда? Я уверена, что все можно как-то уладить! Ты примешь необходимые меры, правда? Правда?

Он что-то начал говорить, но потом передумал и довольно спокойно сказал:

— Бесполезно говорить об этом здесь. Это ни к чему не приведет, Элоиза...

— Обещай мне только, что ты не пойдешь в полицию!

— Ничего не могу обещать. Я только могу сказать, что мы попытаемся прийти к компромиссу и решим, что будет наилучшим и самым справедливым.

Казалось, она не слышит его. Что-то в ней надломилось, и она уже не могла остановиться, не могла себя контролировать, руки и губы у нее дрожали. Она умоляла, открывая самое заветное, о чем она никогда даже не решалась подумать:

— Он умрет, если будет вынужден жить в Бельвине! Мы вложили все свои деньги в Вальми; ты не можешь этого отрицать! Каждый грош был истрачен только на Вальми! Мы отдали все силы Вальми; никто не может упрекнуть нас в том, что мы не следили за именем! Каждый грош был истрачен только на Вальми! Ты не можешь сказать, что Леон был плохим душеприказчиком.

— Нет, не могу, — ответил Ипполит.

Она даже не заметила его иронии. Она была словно одержимая. Леон сумел до конца убедить ее в своей правоте, одержав верх над всеми добрыми чувствами, которые в ней когда-то были.

— Это было все для Леона, — продолжала она. — Он должен иметь от жизни хоть что-нибудь, вот это! Вальми всегда было его собственностью! Ты знаешь, что так и было! Этьен не имел права так поступать с ним, никакого права! Этот ребенок не должен был рождаться!

Рауль вдруг сказал, словно какая-то сила выталкивала слова из его уст:

— Бог с тобой, Элоиза, у тебя такие же мысли, как у него!

Это ее остановило. Она быстро повернула к нему голову. Я не видела ее лица, заметила только, что ее руки конвульсивно сжались. Она сказала неестественно низким голосом:

— А ты... ты. Ты всегда его ненавидел, правда?

Рауль не ответил. Он вынул новую сигарету и зажег ее с таким видом, будто занимался каким-то важным делом.

— Он твой отец, — продолжала Элоиза. — Разве это не имеет для тебя никакого значения? Неужели ты можешь безучастно стоять рядом с ним и видеть, как он погибает! Разве для тебя совсем неважно, что он твой отец?

Рауль молчал. По выражению его лица было видно, что он ее не слушал. Но его брови сдвинулись, когда он бросил в камин догоревшую до конца спичку, обжегшую ему пальцы.

Вдруг Элоиза стала молотить кулаками по стулу.

— Будь ты проклят! — завопила она. — Какое право ты имеешь обвинять собственного отца! — Куда девалась ее ледяная сдержанность. Она полностью потеряла контроль над собой; голос поднялся до истерического визга. — Кто ты такой, что стоишь здесь и называешь его убийцей? У тебя есть все, все, что ты только пожелаешь, а он калека, который может называть своей только эту жалкую развалину в Провансе! Ты обвиняешь его, говоришь прекрасные слова о том, что хорошо и плохо, болтаешь о полиции и убийстве, а кто скажет, что сделал бы ты, если бы был на его месте? Кто знает, что случилось бы с тобой, если бы в один прекрасный день ты разбил свою роскошную машину и сломал себе спину? Захотела бы она тогда на тебя смотреть? Да, сейчас ей достаточно одного твоего взгляда, а что было бы тогда? Оставалась бы она с тобой, любила бы тебя, как я любила его все эти годы, делала для тебя то, что я для него — и с наслаждением, да, с наслаждением! Нет, кто бы говорил, но только не ты! — Она умолкла и с трудом перевела дыхание. — О Господи, у него осталось полтела, но он больше мужчина, чем ты им когда-нибудь будешь, Рауль де Вальми! Ты не знаешь... О Господи, откуда тебе знать...

Потом она закрыла лицо руками и зарыдала.

Зрелище стало невыносимым. И мне до всего этого не было никакого дела. Я вскочила с места.

Именно в этот момент дверь распахнулась, ударившись о стену, обитую шелком, и в комнату ввалился Вильям Блейк, похожий на рассерженного медведя,

КАРЕТА ВОСЬМАЯ

ГЛАВА XX

Смерть сделала все, что могла.

Браунинг. После...

Какого черта! Кто вы такой? — спросил Рауль.

Поскольку он сказал это по-французски, Вильям Блейк не обратил на него ни малейшего внимания. Он остановился в дверях, тяжело дыша.

Он казался очень большим — англичанин до мозга костей, с растрепанными светлыми волосами, спокойный и надежный. Он посмотрел в глубь комнаты на меня, игнорируя остальных присутствующих:

— Линда? Что здесь происходит? У вас все в порядке?

— А, Вильям! — сказала я с истерическим смешком и побежала к нему через всю комнату, держа в руках чашку с бульоном.

Он не сжал меня в объятиях, а взял за плечи и с редким присутствием духа удержал на таком расстоянии, что бульон вылился не на его истрепанную куртку, а на бесценный савойский ковер.

— Спокойно, — сказал он. — Вы уверены, что у вас все в порядке?

— Да, да, все хорошо.

Ипполит повернулся к нему и привстал, удивленный неожиданным вторжением, но Элоиза была в таком состоянии, что ее несколько не смутило присутствие постороннего. Она громко рыдала — эти звуки отнюдь не гармонировали с утонченной атмосферой элегантной гостиной. Ипполит, молча, беспомощно переводил глаза с Вильяма на нее и обратно.

— А, это тот самый англичанин. Я вам о нем рассказывал, — заметил Рауль, не двигаясь с места.

Я увидела, что Вильям вздрогнул, услышав рыдания Элоизы, но не покинул своего поста в дверях, угрожающе выпятив челюсть.

— Вас не обидели?

— Нет, нет, Вильям. Все уже кончено, честное слово.

— Я могу что-нибудь сделать?

— Ничего. Только... увезите меня отсюда.

У себя за спиной я услышала, как Ипполит говорит с едва сдерживаемым отчаянием:

— Пожалуйста, Элоиза. Сделайте усилие, возьмите себя в руки. Это не поможет, нисколько не поможет. Вы только заболаете. Элоиза!

— Ну ладно, — сказал Вильям. — Давайте уберемся отсюда. И поскорее. — Он обхватил меня за плечи и повернул к двери. — Пошли.

Ипполит шагнул ко мне: «Мисс Мартин...»

Но тут Элоиза прорыдала что-то неразборчивое и ухватила его за рукав — отчаянный жест, который даже тронул меня.

— Я не могу этого вынести, Вильям, — обратилась я к Блейку. — Погодите.

Вручив ему полупустую чашку бульона, я подошла к мадам де Вальми. Ипполит немного отступил, и я опустилась на колени перед маленьким золоченым стулом. Я стояла на коленях у ног Рауля. Я не смотрела на него, и он не двигался. Элоиза все еще закрывала лицо руками. Рыдания уже не так сильно сотрясали ее тело. Я мягко взяла ее руки за запястья и отвела их от лица.

— Мадам, не надо. Перестаньте плакать. Мы сможем поговорить обо всем, когда вы будете чувствовать себя лучше. Не будет ничего хорошего, если вы заболаете. — Я обернулась к Ипполиту. — Разве вы не видите, в каком она состоянии? Нет никакого смысла продолжать этот разговор. Она не знает сама, что говорит. Ее надо уложить... мадам, можно будет все уладить, вот увидите. Перестаньте плакать. Пожалуйста.

Рыдания словно застыли у нее в груди. Она посмотрела на меня прозрачными, влажными от слез глазами. Куда девалась ее красота! Искусно подкра-

шенные щеки повисли вялыми серыми складками, рот был полуоткрыт, губы распухли от рыданий.

— Достаточно слез, мадам, — сказала я. — Не терзайте себя больше. С вами ничего не случится. Все уже кончено. Вот, возьмите мой платок... Но вы же замерзли! Не знаю, почему вы сидите здесь, ведь в кабинете топится печка; и не так давно вы болели, не так ли? Может быть, пойдем в кабинет и попросим Гастона принести туда кофе. Вы можете встать? Дайте я вам помогу...

Она встала медленно, словно застывшая, и я повела ее к двери в кабинет. Она шла послушно, как будто во сне. Остальные пошли за нами. Никто не сказал ни слова. Она все еще всхлипывала, правда гораздо тише, прикрыв рот моим носовым платком. Я усадила ее в кресло возле печки и снова встала на колени на ковер рядом с ней.

Не помню, что я ей говорила, но рыдания замерли, и, наконец, она тихо откинулась на спинку кресла и посмотрела на меня. Она выглядела изможденной, словно вот-вот потеряет сознание. Вдруг она сказала неясно, невыразительным тоном, как говорят во сне:

— Вы всегда мне нравились, мисс Мартин. Вы понравились мне с первого взгляда.

— Я знаю, — успокаивающим тоном сказала я. — Все хорошо. Мы отвезем вас домой, и...

— Знаете, вас бы никто не упрекнул, если бы что-нибудь случилось. Мы не хотели вам зла. Мы с самого начала не хотели, чтобы вас в чем-то обвинили.

— Ну конечно.

— Леону вы тоже понравились. Он сказал, что вы храбрая. Он употребил именно это слово. Он произнес однажды: «Это храбрый чертенок, и будет очень жаль, если придется с ней покончить».

— И что он хотел этим сказать? — очень тихо спросил Рауль, стоявший за мной.

Мадам де Вальми не обратила на него никакого внимания. Она вела себя так, словно в комнате были только мы двое. Она держала меня за руки, смотрела на меня своими прозрачными глазами и говорила усталым монотонным голосом, словно была не в силах остановиться:

— Он сказал это два дня назад. Конечно, после второго случая с перилами мы должны были уволить вас, понимаете. Он сказал, что вы слишком бдитель-

ная, и если что-нибудь случится, станете нас подозревать. Мы были очень довольны, когда вы сами дали нам повод отослать вас. Вы, наверное, думали, что я на вас сержусь, правда?

— Да, мадам.

— А потом мы получили телеграмму. Мы должны были что-то сделать как можно скорее. В селении ходили слухи относительно вас и Рауля; говорили, что вас собираются уволить, но Леон сказал, что, если пойдут слухи о вашей связи с Раулем, это может нам потом пригодиться.

Я услышала, как Рауль переводит дыхание, будто собираясь заговорить. Я быстро сказала, чтобы отвлечь ее:

— Да, мадам, я знаю. Альбертина первая стала распускать слухи, не так ли? Не думайте об этом сейчас.

— Она не знала, что мы собираемся делать, — сказала мадам де Вальми, — но она не любит вас. Никогда не любила. Это она сказала о шуме, который вы подняли тогда из-за рецептов. Альбертина сказала это мне только для того, чтобы причинить вам неприятность. Она думала, что я стану считать вас неряшливой дурочкой. Это было просто от зависти. Но именно ее слова навели нас на мысль об отравлении; понимаете? Только поэтому мы и заказали эти таблетки. Мы не хотели свалить это на вас, мисс Мартин. Все должно было выглядеть как несчастный случай. Яд был в глюкозе, понимаете. Яд был в глюкозе, которую вы каждый вечер клали в его какао.

— Мадам...

— В пузырьке осталось мало пилюль, поэтому мы смыли голубую оболочку с таблеток, растолкли их и сделали очень сильный раствор. Может быть, слишком сильный. От них какао должно было показаться горьким. Он ведь не выпил его, правда?

— Нет. Но дело совсем не в этом. — Я с отчаянием обратилась к Ипполиту, который молча стоял у стола. — Можно мне позвонить и попросить принести немного кофе, мсье де Вальми? Я действительно думаю...

— У нас не было времени придумать что-нибудь лучшее, — продолжала Элоиза, — это должно было выглядеть как несчастный случай. Если бы он выпил это и умер, никто бы не подумал об убийстве. Эти антиги-

стаминные таблетки голубого цвета. Доктор мог бы подумать, что мальчик принял их за конфеты. Это часто бывает с детьми. Мы хотели выбросить остаток глюкозы и положить пару таблеток возле его кровати. Несколько таких таблеток мы положили в баночку, которая стояла у вас на камине, где он мог бы найти их и проглотить. Никто бы вас не обвинил. Подумали бы, что вы забыли их отдать миссис Седдон. Леон сказал, что тогда вас бы не стали обвинять.

За моей спиной Рауль спросил:

— О чем вы собственно говорите, Элоиза?

Она посмотрела на него снизу вверх мертвым, застывшим взглядом лунатика. Казалось, она забыла о том, что только что плакала.

— О яде, — как-то механически ответила она, — может быть, план был не очень хороший, но мы должны были действовать наверняка, и это единственное, что мы смогли придумать — ведь все должно было выглядеть как несчастный случай. Но он не проглотил эти таблетки. Все хорошо. Это она так сказала. Я просто объясняла ей, что мы совсем не желали ей зла. Она мне нравится. Всегда нравилась.

— Мадам, вы расстроены, — быстро сказала я. — Вы сами не знаете, что говорите. Теперь нам надо выпить немного кофе и отвезти вас домой.

За моей спиной Рауль спросил:

— А если бы обвинили мисс Мартин? Если бы стали подозревать, что совершено убийство? Вы ведь дали всем понять, что мы с ней... могли бы иметь причину желать Филиппу смерти; не правда ли?

Элоиза ничего не ответила. Только смотрела на него.

— Наверное, именно это имел в виду мой отец, когда сказал, что сплетни «могут позже пригодиться»?

Ипполит хотел что-то сказать, но Рауль прервал его:

— Ночью во вторник, кто увидел первый, что они ушли, скажи мне, Элоиза?

— Леон. Он не спал. Мы должны были высыпать остаток глюкозы и...

— Так. Он увидел, что Филиппа нет в комнате. А потом?

— Он подумал, что мальчик почувствовал себя плохо и пошел к мисс Мартин. Но у нее было темно. Она тоже ушла.

— А когда он не нашел их, что было потом?

— Мы послали за ними Бернара.

— С какими инструкциями? — спросил Рауль.

Элоиза ничего не ответила. От безжалостных вопросов Рауля она, казалось, снова ожила. Глаза ее стали осмысленными, и она смотрела на него со страхом.

— С какими инструкциями, Элоиза?

Она все еще не отвечала. Ей не надо было отвечать. Черты ее лица стали какими-то плоскими и сгладились, как тающая свеча.

— Довольно, Рауль, — резко сказал Ипполит.

— Да, — ответил Рауль. — Думаю, довольно.

Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Несколько секунд все сидели неподвижно. Потом Элоиза вскочила, оттолкнув меня так, что я упала на ковер.

Она стояла, опустив повисшие руки. Потом сказала, почти спокойно: «Леон. Он поехал в Вальми, чтобы убить Леона», — и рухнула на ковер рядом со мной в глубоком обмороке.

Я не подошла к ней. Помню, что вскочила и в каком-то параличе стояла рядом, глядя на закрытую дверь. Помню, что Ипполит бросился к двери и крикнул: «Рауль! Вернись, идиот!» В ответ только хлопнула входная дверь. Он повернулся со звуком, похожим на стон, и бросился к телефону. Помню, что не успел он снять с рычага трубку, как телефон зазвонил.

После первого звонка я уже была на галерее и мчалась вниз по лестнице. Не добежав несколько ступенек до низа, я почувствовала, как Вильям схватил меня за руку.

— Линда, Линда, куда вы? Держитесь от них подальше. Вы ничего не сможете сделать.

За дверью раздался свирепый рев мотора. Хлопнула дверца. «Кадиллак» рванулся вперед, выехал на дорогу, немного замедлил ход, завыл и скрылся в темноте.

Я отбросила руку Вильяма и пробежала оставшиеся ступеньки, пересекла холл, изо всех сил нажала на тяжелую дверь... Из-за моего плеча Вильям вытянул руку и распахнул створки. Лампа над входом осветила темную полукруглую дорожку, окаймленную стеной окутанных туманом деревьев... Большой черный автомобиль... потрепанный джип... глубокие

выемки в гравии дорожки, там, где остановился «кадиллак». Запах выхлопных газов тяжело висел в воздухе.

Я выбежала на дорожку.

Вильям схватил меня за руку:

— Ради Бога, Линда...

— Мы должны его остановить. Должны остановить!

— Но...

— Разве вы не понимаете? Он поехал в Вальми, чтобы убить Леона! Он сказал, что убьет его, и его за это казнят! Разве вы не понимаете?

Он все еще не выпускал мою руку:

— Что вы можете сделать? Вы уже достаточно пострадали от их грязных игр. Давайте уедем. Вы ничего не сможете сделать. Вы сами сказали, что все кончено. Пусть убивают друг друга, какое вам до них дело?

— О Господи, какое мне дело? Вильям... — Теперь я уцепилась за него. — Вильям, вы должны помочь. Я... я не умею водить. Пожалуйста, Вильям, пожалуйста, пожалуйста...

Ночь, деревья, укутанные туманом, одинокая лампочка в желтом кругу света — все это было частью бушующего во мне ужаса, отдававшегося в ушах громкими ударами пульсирующей крови...

— Хорошо, поехали, — спокойно сказал Блейк, на минуту сжав мне руку. Когда мой взор прояснился, я увидела, что он открывает дверцу джипа.

— Нет, другую, — сказала я дрожащим голосом. Подбежав к большому «даймлеру», я открыла дверцу. Это была машина де Вальми. Элоиза ездила на ней в Женеву встречать Ипполита.

Вильям подошел к машине.

— Стоит ли? — с сомнением спросил он.

— Эта машина быстрее. Ключи здесь. Скорее, Вильям!

— Ладно.

Через минуту мы были уже далеко. Колеса нашей машины, взвизгнув, прочертили круг по гравию дорожки, лучи фар осветили деревья, домик консьержки, плакучие ивы, окаймленные клубами тумана... Минувая ворота, мы выехали на дорогу и помчались, никуда не сворачивая.

Вдоль узкой, обсаженной деревьями аллеи, затянутой пеленой тумана; крутой поворот налево, небольшой крутой подъем между высоких стен, где рев мотора отражался гулким эхом; снова прямо, потом целая серия головокружительно быстрых поворотов, по крутым улочкам поднимающегося по склону холма городка... Мы достигли вершины, и туман остался под нами. Мимо нас промелькнул широкий, мягко изгибающийся бульвар, где среди деревьев мерцали фонари... Крутой поворот направо — и мы промчались по пустой базарной площади, где влажно блестели булыжники мостовой и в канавах валялись кучи полураздавленных капустных листьев, словно после листопада каких-то гигантских деревьев. Теперь Вильям полностью овладел машиной. Мы нырнули направо в широкую полутемную улицу, и Вильям нажал на газ. Замелькали подстриженные каштаны, все быстрее, быстрее, быстрее...

Мы выехали из городка. Фары нащупывали пространство перед нами, мотор завыл на более высокой ноте. Дорога перед нами разветвлялась. Указатель вспыхнул в белом свете фар и рванулся к нам.

Мы повернули налево, к Вальми.

Я подумала, что Вильям ведет машину так же хорошо, как Рауль, но Рауль выехал на несколько минут раньше, кроме того, машина Рауля могла идти с большей скоростью и он привык к ней. Но через некоторое время я стала надеяться, что он лишится этих преимуществ, потому что, проехав Тонон, мы вновь попали в туман. Не в серый, липнущий к деревьям, который поднимался от озера, плотно укутывая виллу Мирей, а небольшие облачка и клочки белых испарений — влажное дыхание реки, разносившееся по низинам, расположенным неподалеку от воды. Каждый раз, как только машина ныряла вниз, нам навстречу мчались ослепительно белые облачные клубы, отражая свет наших фар, ослепляя нас, поглощая целиком, словно окутывая ватой. Автомобиль нерешительно замедлял ход и вдруг вырывался из облачных объятий на темный простор спокойного прозрачного воздуха. В первый раз это было довольно неприятно: мы буквально ослепли, словно огромная молочно-белая рука закрыла нам глаза, так что мы невольно отшатнулись, прильнув к мягкой обивке сидений, и почувствовали, как расширяются зрачки, словно у кошки в темноте,

Но с каждым разом уверенность в себе усиливалась; и скоро я поняла, что Вильям почти не сбавляет скорости. Казалось, он инстинктивно ощущал все уклоны и подъемы дороги, знал, где слой тумана толщиной в пятьдесят ярдов, а где в пять, и пересекал полосы тумана с уверенностью человека, который так хорошо знает дорогу, что может вести машину вслепую в буквальном смысле слова. Он, должно быть, изучил этот путь вдоль и поперек; очевидно, ему не раз приходилось проезжать здесь по делам службы; возможно, он знал эту дорогу даже лучше, чем Рауль, который теперь большую часть времени проводил в Бельвине и Париже. Мы могли еще его догнать...

Во всяком случае, такими мыслями я утешалась, сжавшись на переднем сиденье рядом с Вильямом и вглядываясь в движущиеся белые пятна речных испарений в надежде различить где-то впереди за поворотом исчезающие огни задних фар «кадиллака».

— О чем там шла речь, Линда? — спросил Вильям.

— Что вы имеете в виду? О, я и забыла, что вы не говорите по-французски. — Я нервно засмеялась. — Простите, Вильям. Я... сегодня у меня голова идет кругом. Я даже не поблагодарила вас за то, что вы приехали. Пользуясь вашей добротой, я заставила вас заниматься моими делами. Я... страшно благодарна вам, честное слово.

— Не думайте об этом. Лучше введите меня в курс дела, хорошо?

И я рассказала ему все с самого начала — боюсь, не очень связно, с частыми остановками, потому что очень устала и боялась, что мы не догоним Рауля. Машина неслась вверх по извилистой дороге, и темные скалы скользили мимо нас плавно, как во сне. Черная полоса дороги стелилась позади, вдалеке клубился туман, тонкие серые деревья, пролетая мимо нас, уходили в небытие: облака испарений струились, летели, рассеивались и исчезали за нами, словно тучи, рассеянные порывами бурного ветра. Красный свет задних фар ударил мне в глаза, как кинжал.

— Вот, Вильям, посмотрите туда, — хрипло сказала я.

Блейк ничего не ответил, но я знала, что он увидел эти красные огни. Потом они исчезли, и на нас снова обрушилась белая слепящая лавина тумана, но на этот раз совсем тонкая — желтоватый свет вспых-

нул в ней радужными полосами, осветившими пространство перед нами, и скоро мы опять были на свободе.

На прямом шоссе машина снова прибавила скорость. И красные огни все летели, опередив нас не больше чем на триста ярдов.

Казалось, Рауль на этот раз не очень торопится. Мы постепенно нагоняли его. Двести ярдов, сто пятьдесят... расстояние между нами быстро сокращалось. Слишком быстро.

— Это просто грузовик, — сказал Вильям и уменьшил скорость.

Мы ехали вплотную за грузовиком и дали сигнал, требуя уступить дорогу.

Это был один из тех чудовищно огромных грузовиков, которых так много во Франции, слишком объемистых и высоких для любой дороги и слишком быстрых для своих габаритов. Очень скоро выяснилось, что он не намерен нас пропустить. Игнорируя наши сигналы, он продолжал катить с оглушительным ревом, немного покачиваясь на поворотах, но не уступая ни пяди и не съезжая с самой середины шоссе.

Не знаю, как долго мы были вынуждены тащиться за ним, казалось не меньше года. Я сидела так крепко сжав кулаки, что ногти впились мне в ладони, до крови прикусив нижнюю губу, с ненавистью глядя на грязные доски кузова, освещенные светом наших фар. Машина везла гравий, который сыпался на дорогу сквозь щели в кузове. Кто-то нарисовал мелом на одной из досок рожицу, похожую на гнома. До сих пор вижу перед собой номер с отколотым уголком: 920-ДЕ 75...

Я смотрела на него, ничего не соображая, и думала о «кадиллаке», мчащемся где-то перед нами, о Рауле и Леоне и о невероятно ужасной сцене, которая может в еще более страшном виде повториться в библиотеке замка Вальми.

— Вильям... — сказала я снова.

— Если «кадиллак» смог проехать мимо него, — спокойно заметил Блейк, — то мы тоже сможем. Держитесь.

Даже следа нетерпения или тревоги не было в его голосе. Он повернул налево, еще раз мигнул фарами и дождался несколько секунд. Грузовик катил дальше. Мы сейчас были на подъеме, и большая машина за-

медлила ход. Она все еще держалась на самой середине дороги, и мы терпеливо тащились позади.

Мы ехали гуськом, поднимаясь по склону горы. Я невольно всхлипнула и зажала себе рот тыльной стороной ладони, чтобы хоть как-то удержаться от крика.

Грузовик замедлил ход, потом поехал еще медленнее; мы ползли к вершине подъема.

Вдруг деревья на гребне горы озарились светом, ударившим нас в глаза. Он шел с противоположного склона, быстро приближаясь. Сероватое зарево стало светлее, засияло золотом. Грузовик заполз на самую вершину и встал там, черный в лучах фар приближающейся с противоположной стороны машины, потом резко повернул направо, уступая ей дорогу.

Наши фары вспыхнули и погасли. Что-то ударило меня в поясницу, когда наш «даймлер» ринулся в обрывавшееся свободное пространство, как ракета.

Свет наших фар словно столкнулся со встречными лучами. Потом мы вильнули вправо, проскочив почти под передним бампером грузовика. Я услышала громкий сигнал машины и что-то похожее на крик, но мы были уже далеко внизу и мчались еще быстрее.

— Ах ты, сокровище мое, — ласково сказал Вильям, обращаясь к машине, и широко улыбнулся. Я прокусила до крови руку, он же даже не задохнулся. — Как здорово, — так же ласково добавил он, — иметь под рукой столько лошадиных сил!..

Дорога снова пошла на подъем, стряхнув с себя последние клочья тумана. Вильям нажал на акселератор, и все лошадиные силы взялись за дело. Я вглядывалась в простиравшуюся передо мной темноту, стараясь отыскать среди деревьев огни задних фар.

Но я ничего не увидела до самого поворота, где шоссе идет круто вниз к мосту Вальми. Только тогда на крутых поворотах зигзага, примерно в полумиле от нас, замелькали яркие огоньки.

Я, наверное, застонала или снова всхлипнула, потому что Вильям посмотрел на меня и сказал:

— Не волнуйтесь, дорогая. Они, вероятно, договорятся между собой.

Но, судя по его тону, он вовсе не был в этом убежден, и я тоже. Оба мы видели, какое лицо было у Рауля. И по тому, как рвались вверх по извилистой

дороге красные огоньки, мы оба поняли, что настроение Рауля не изменилось.

Я увидела, что огоньки замерли наверху и потухли под ярко освещенными окнами замка Вальми. Вильям снова прибавил скорость, мы спустились в последнюю низину, снова столкнулись со стеной тумана, накрывшей машину почти доверху, замедлили ход, сделали поворот, проехали мост и остановились так резко, что тормоза громко взвизгнули.

— В чем дело? — задыхаясь, спросила я.

— Две машины могут разойтись на этой дороге?

— На зигзаге? Нет. Но...

Он кивнул в сторону дороги к замку Вальми. Я посмотрела в том же направлении и простионала: «О Господи!» Машина шла вниз от дома, осторожно въехав на первый поворот. Преодолев его, она медленно и величественно двинулась к следующему повороту, направляясь вниз, к мосту...

— Куда вы идете? — резко спросил Блейк.

Я беспомощно дергала за ручку дверцы:

— Там есть тропинка, прямо от моста вверх через лес... там ступеньки... думаю, я могла бы...

Его рука взялась за дверь, накрыв мою руку:

— Не глупите. Вы только напрасно расстроитесь, и все равно я буду там раньше вас. Сидите спокойно.

— Но Вильям...

— Я все знаю, дорогая. Но мы ничего не можем сделать. — Его голос был по-прежнему спокойным. — Посмотрите, он уже почти проехал эти повороты. Сидите спокойно.

Я никак не могла заставить себя не дрожать:

— Это... это вас совершенно не трогает, правда?

Его глаза были серьезными и ласковыми:

— А вас? Действительно это так важно для вас?

Я ничего не ответила. Спускающаяся машина преодолела последний поворот, и ее фары осветили мост. На нем, как и всюду близ реки, лежала пелена тумана.

— Простите, Линда, — мягко сказал Блейк.

Машина ехала по мосту, пробиваясь сквозь туман. Потом она остановилась и с жалобным скрипом тормозов повернула на шоссе. Вильям взялся за руль, наш «даймлер» въехал на мост и быстро пересек его, разбивая туман светом фар, словно бульдозер.

На одну секунду, прежде чем скалы встали у нас на пути, я подняла глаза и увидела силуэт замка

Вальми на темном фоне безлунной весенней ночи, о ярко освещенными окнами. Я поняла, о чем думал Вильям. Воздушный замок, мечта Золушки — сказка, прочитанная на ночь. «Пир при свете факелов! Веселье! Игры! И девять ждут тебя карет...»

Все это не для тебя, дорогая Линда. Тебя ждет Северный Лондон.

«Даймлер» взобрался по последнему отрезку дороги и дернулся, когда колеса скользнули по гравию. Он остановился почти вплотную к стоявшему там «кадиллаку».

Перед домом была еще одна легковая машина и какой-то фургон, но я их едва заметила. Я открыла дверцу, когда колеса еще двигались, и побежала, спотыкаясь, по главной лестнице.

В холле находился Седдон. Увидев меня, он бросился вперед и сказал: «О, мисс Мартин...», но я пробежала мимо него, словно не заметив, направляясь в длинный коридор, ведущий в библиотеку.

Дверь была полуоткрыта, и оттуда лился свет. Подбежав к двери, я почувствовала, что моя храбрость улетучивается, как вино из разбитой бутылки, и я неподвижно встала, положив руки на дверь, но не осмеливаясь ее открыть.

Из комнаты не слышалось ни звука.

Я тихонько толкнула дверь, сделала несколько шагов и остановилась. В комнате было несколько человек, но я видела лишь двоих.

Рауль де Вальми стоял спиной к двери, глядя сверху вниз на своего отца.

На этот раз Леон де Вальми был не в инвалидном кресле. Он упал на пол. Его тело лежало неловко и казалось еще более искривленным из-за корсета, который он носил под одеждой. Голова была повернута, одной щекой он касался ковра. Лицо было гладким, без морщин и теней; оно полностью лишилось своей зловещей красоты. Сейчас оно казалось пустым и невыразительным.

С того места, где я стояла, едва можно было различить почерневшее отверстие на виске.

Я, наверное, упала бы и осталась лежать там, где стояла, если бы Вильям Блейк не подхватил меня сзади и не вытащил из этой окутанной тишиной комнаты.

КАРЕТА ДЕВЯТАЯ

ГЛАВА XXI

Гляди — еще сияют звезды,
Вебстер. Княгиня Мальфи

Тепло, звон бокала, запах азалий... Кто-то гладит меня по руке. Но не слышно музыки, и голос, зовущий меня, не принадлежит Флоримону. И нет Рауля: он ждет меня, чтобы увлечь на террасу, туда, где светит луна...

— Ну вот, Линда, выпейте это, — говорит Вильям.

Жидкость обжигает язык, я чуть не захлебываюсь и открываю глаза.

Я в маленьком салоне, лежу на диване перед камином. Кто-то только что его разжег. Языки бледного пламени облизывают занимающиеся огнем поленья. У меня кружится голова, я смотрю на них словно сквозь пелену.

Я никогда еще не падала в обморок, воспоминание о внезапно накатившем беспамятстве пугает — и я подношу руку к глазам. Салон словно плывет перед глазами, слишком ярко освещенный, но какой-то туманный.

— Долейте это, — торопит меня Вильям.

Я послушно подчиняюсь. Ужасный напиток, что бы это ни было, но по всему телу разливается тепло. Через несколько минут я почувствовала, что пальцы, глаза и даже рассудок снова принадлежат мне. И еще — теперь я все вспомнила.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Блейк.

— Хорошо, — ломким голосом ответила я. — Очень хорошо. Простите, Вильям. Сколько из-за меня хлопот.

Он взял стакан у меня из рук и поставил на камин. Потом сел на диван рядом со мной.

— Все, что мы делали сегодня, — одни пустые хлопоты.

Я смотрела на него, преодолевая головокружение. Конечно. Для него все это лишь пустые хлопоты.

— А они уже... увезли его? — спросила я, медленно выдавливая из себя слова.

— Еще нет.

— Вильям, я должна... я должна его видеть.

— Но, дорогая Линда... — удивленно начал он.

— Когда его заберут?

— Понятия не имею. Полицейским пока что не до этого. Машина «скорой помощи» еще ждет.

— «Скорая помощь»? — почти крикнула я, резко повернув голову в сторону двери. — Он ранен? Что случилось?

Я села, схватила Блейка за руку. Опять зашумело в ушах, все заволочло туманом. Сквозь пелену я видела встревоженные глаза Блейка.

— Но Линда, — сказал он. — Разве вы не поняли? Я думал, вы знаете. Он умер.

Я, наверное, чуть не оторвала ему рукав. Блейк бережно взял меня за руку.

— Леон застрелился, — спокойно сказал он, — еще до того, как мы приехали сюда.

— А! — срывающимся голосом произнесла я. — Леон. Леон застрелился. «Скорая помощь» — для Леона.

— А для кого же еще?

Я с удивлением услышала собственный истерический смех.

— Действительно, для кого же еще? — сказала я и заплакала.

Вильяму сегодня ночью пришлось туго. Но для застенчивого новичка он вел себя поистине блестяще. Он дал мне выпить еще немного этой дряни, похлопал по руке и успокаивающе обнял своими длинными руками.

— Я думал, вы поняли, что случилось, — сказал он. — Думал, вы упали в обморок, потому что увидели, э... мертвого мсье Леона... Этот тип... здешний лакей мне все рассказал, когда принес для вас бренди. Я думал, вы слышали. Я и не знал, что вам стало совсем плохо.

— Мне... не так уж мне было плохо. Я слышала, как вы с ним разговаривали. Но ничего не понимала, была как во сне.

— Бедная девочка! Сейчас лучше? — Он сжал меня крепче,

Я кивнула:

— А теперь я хочу знать, что вам рассказал Седдон.

— А, его так зовут. Слава Богу, хоть один англичанин! Ну вот, он сказал мне, что около одиннадцати заглянул в библиотеку, чтобы проверить камин, и нашел его мертвым на полу, точно в таком виде, как мы его нашли. Никто не слышал выстрела. Седдон прежде всего вызвал полицию и доктора, потом позвонил на виллу Мирей, но ему никто не ответил.

— Должно быть, это было перед тем, как мы с Филиппом вошли в дом.

— Может быть. Они звонили туда еще пару раз. Сначала было занято; возможно, вы тогда разговаривали со мной, а со второй попытки они наконец застали мсье Ипполита. Наверное, это было когда мы поехали сюда. Ипполит уже в дороге. Он скоро придет.

— Если сможет вести джип.

— Ах, черт! — сказал Вильям. — Я об этом и не подумал.

— Они уверены, что это самоубийство? — спросила я.

— Да, револьвер был зажат у него в руке, и он оставил письмо.

— Письмо? Леон де Вальми оставил письмо?

— Да. Оно сейчас в полиции. Седдон не читал его, но по вопросам, которые ему задавали, понял, о чем там речь. Леон признавался в двух покушениях на убийство, в которых был также замешан Бернар. Он категорически утверждает, что ни Рауль, ни мадам де Вальми ничего не знали. Он не упоминает о последней попытке отравления — думаю потому, что это бросит подозрение на его жену. Просто пишет, что Бернар, должно быть, о чем-то проболтался вам, вы испугались и удрали вместе с Филиппом. Думаю, это все в общих чертах. Вам совершенно не о чем беспокоиться.

— Да. — Несколько секунд я молчала. — Ну что ж, я ничего не буду говорить, пока они сами меня не спросят. Мне не хочется впутывать мадам де Вальми, что бы она ни сделала. Понимаете, он умер. Она должна примириться с этим. Интересно, ведь без Леона она ничто, как луна без солнца. Леон остался верен себе — полностью оправдал ее и даже меня и все свалил на этого несчастного Бернара... ну во всяком случае, я думаю, трудно было скрыть его участие в этом деле.

И кроме того, Бернар не выполнил то, что от него требовалось.

— Дело не в этом, — возразил Вильям. — Когда Бернар узнал, что вы оба удрали и Рауль вас ищет, он, должно быть, понял, что песенка Леона де Вальми спета и ему ничего не достанется из того, что обещал Леон, — ни денег, ни фермы. Поэтому он перекинулся на сторону Рауля, думая, что это ему пригодится в будущем. Он весь день искал вас вместе с Раулем. Потом прошлой ночью — три или четыре часа назад — явился сюда и пытался шантажировать мсье Леона.

— Шантажировать?

— Да. Это есть в письме. Он угрожал все рассказывать полиции. Если хотите знать мое мнение, именно это и заставило Леона де Вальми совершить самоубийство. Я хочу сказать, что от шантажиста так легко не отделаешься; верно?

— Вы, наверное, правы, — медленно произнесла я. — Я как раз размышляла, что могло заставить его выстрелить себе в висок вместо того, чтобы подождать, пока Рауль с Ипполитом что-нибудь придумают. В конце концов, это оставалось чисто семейным делом. Но когда подумаешь... Даже если бы мы все согласились молчать ради Филиппа и ради сохранения чести семьи, что бы осталось Леону? Ипполит мог бы оказать давление на брата и заставить его уехать из Вальми. Но даже если бы ему разрешили остаться здесь, Ипполит стал бы распоряжаться всеми доходами и, возможно, не дал бы Леону эксплуатировать Бельвинь в пользу Вальми... В любом случае Леону пришлось бы уехать через шесть лет, в год совершеннолетия Филиппа. И все мы, в том числе мальчик, знали бы, что он пытался сделать и чего от него можно ожидать... Даже послушное орудие, Бернар, стал его шантажировать. Да, можно представить себе отчаяние Леона. Никакого просвета... Конечно, он не такой человек, чтобы поддаваться шантажу; он бы скорее умер. Так и случилось. Меня удивляет только, что он раньше не убил Бернара, но тот, наверное, держался настороже, и к тому же все-таки Леон — беспомощный калека. А что случилось с Бернаром? Может быть, Леон все же его убил?

— Нет, Бернар исчез. Конечно, начнется суматоха, полиция поднимет шум, но мне кажется, все надеются, что ему удастся сбежать: тогда можно будет забыть о всей этой истории.

— Да, — вздохнула я. — Бедная Берта!

— Кто это?

— Да так, неважно. Она из тех маленьких людей, которые больше всего страдают, когда такие, как Леон, пытаются повернуть все по-своему. Знаете, Вильям, может быть, я ошиблась и Леон де Вальми совершил самоубийство совсем по другой причине... Все это, конечно, повлияло на него, но последней соломинкой было совсем другое. Думаю, я поняла его. Он не мог больше жить, потому что потерпел поражение. Его одурачили. Такого он не смог стерпеть. У него было... то, что называется манией величия. Он хотел быть властелином жизни... Все окружающее он воспринимал только по отношению к себе... Он желал привлекать всеобщее внимание, и ему это удавалось, Вильям. Мне кажется, он искренне верил, что может играть судьбами людей по своему усмотрению. Он даже не представлял себе, что может уступить кому бы то ни было первенство. Он застрелился, но раньше сделал великодушный жест, оправдав всех, кроме Бернара, в предсмертном письме... да, в этом весь Леон де Вальми. — Я устало откинулась на спинку дивана. — Ну ладно, из каких бы побуждений он ни сделал это, так будет лучше для всех, верно? Ох, Вильям, как я устала!

— Вам лучше? — с беспокойством спросил он, — хотите еще бренди?

— Нет, спасибо, все в порядке. Это просто реакция.

— Не хотите уехать прямо сейчас? Может быть, мы могли бы...

— Уехать. Куда?

Он провел рукой по волосам:

— Я... да, я об этом не подумал. Они вас не встретили с цветами там, на вилле Мирей, верно? Если хотите знать мое мнение, они обязаны вам как никому; если они сами не понимают, я скажу им об этом!

— Они все понимают, — сказала я устало.

— Но ведь вы не хотите оставаться здесь?

— Куда мне деваться? Когда мсье Ипполит придет, я попрошу его оплатить мне билет домой.

— Вы уедете в Англию?

— Да. — Я слабо улыбнулась. — Понимаете, в моем положении было бы смешно проявлять излишнюю гордость. Кроме того, я не могу просто уехать. Боюсь, мне придется ждать здесь, пока меня не допросят в

полиции. А сейчас лучше уйти отсюда, поговорить с Бертой, потом вернуться и встретиться с ними.

— Погодите, кто-то сюда идет, — сказал Вильям. — Да, вот они.

Наверное, я все еще была в полубморочном состоянии, потому что, хотя я прекрасно помню, как выглядел полицейский инспектор, наш разговор полностью выпал из памяти. Я догадывалась, что после смерти Леона де Вальми испуганные слуги взахлеб рассказывали историю нашего с Филиппом исчезновения вкупе с полным набором слухов, но письмо, оставленное Леоном де Вальми, то, что сказал по телефону Ипполит, и, наконец, беседа с Раулем задушили в зародыше все могущие возникнуть против меня подозрения. Это я поняла сразу: инспектор вел себя очень вежливо и даже уважительно, я же отвечала на его вопросы с готовностью и без всякого волнения. Меня неотступно преследовала лишь одна мысль; допрос длился около получаса — и все это время я, не отрываясь, смотрела на дверь с сильно бьющимся сердцем, готовая сорваться с места каждый раз, когда кто-то проходил по коридору.

Наконец приехал Ипполит, и инспектор оставил меня в покое. Я видела, как они вместе прошли в библиотеку. Ипполит все еще был бледен и выглядел усталым, но спокойным. Было ясно, что, когда прошел первый шок, известие о смерти Леона явилось для его брата в какой-то мере облегчением.

Я не очень беспокоилась об Элоизе, но мне было жаль Берту. Я встала, чтобы попытаться найти ее, но тут Седдон принес мне кофе. На мои расспросы он ответил, что инспектор был с ней очень вежлив и, когда допрос кончился, отправил девушку на своей машине к матери в селение. Наверное, это была та самая машина, которая встретила нас по дороге в Вальми. Больше ничего нельзя было сделать — оставалось только надеяться, что она забудет Бернара. Я устало сидела в салоне и смотрела, как Седдон наливает кофе. Он немного покрутился возле меня, очевидно желая узнать побольше, потом задал несколько вопросов о Филиппе и, наконец, направился в холл. В комнату вошел Ипполит.

Вильям немного неуклюже поднялся. Я оставила кофе и хотела последовать его примеру, но Ипполит

быстро сказал: «Пожалуйста, не надо!» — потом по-английски добавил, обращаясь к Блейку: «Не уходите!»

— Мсье де Вальми... — начала я, — мне ужасно жаль...

Но он жестом остановил меня, потом, подойдя к дивану, нагнулся и поднес к губам мои руки. Не успела я опомниться, как он поцеловал их.

— Это за Филиппа, — сказал он. — Мы очень обязаны вам, мисс Мартин, и я, хоть и немного поздно, хочу поблагодарить вас и принести извинения за то, что не очень-то по-рыцарски вел себя с вами на вилле Мирей.

Я сказала слабым голосом:

— Вам тогда было не до этого, мсье.

Я хотела попросить его не беспокоиться обо мне, а заняться собственными делами, но не смогла, молча сидела на диване, выслушивала его старомодные галантные извинения, стараясь не смотреть на дверь и не думать о том, как похожи голоса у него и Рауля.

Внезапно я поняла, что он говорит уже не о прошлом, а о будущем:

— ...Пока что он будет жить со мной на вилле Мирей. Мисс Мартин, могу я надеяться, что после всего, что вы перенесли, вы останетесь с ним?

Несколько секунд я с глупым видом смотрела на него и наконец осознала, чего он от меня хочет. Поглощенный собственной трагедией, он забыл о признании, которое сделал Рауль относительно меня.

— Я... я не знаю, — ответила я. — Именно сейчас...

— Понимаю. Я не имею права настаивать. Вы совсем измучены, дитя мое, и это не удивительно. Может быть, позже вы обдумаете мое предложение.

В коридоре раздались какие-то странные звуки, словно по полу тащили что-то тяжелое. Я поняла, что это такое. Леон навсегда покидал замок Вальми. Я опустила голову.

Ипполит решительно сказал:

— Если в данных обстоятельствах вам не хотелось бы провести ночь здесь, для вас приготовлено место на вилле Мирей.

— Спасибо. Да. Мне бы хотелось уехать.

— Значит, если мы найдем кого-нибудь, чтобы отвезти вас туда...

Он взглянул на Вильяма, который немедленно ответил:

— Ну конечно. — Помявшись, он неловко произнес: — Простите, сэр, что я взял вашу машину. Мы подумали... мы очень спешили. Мне, правда, очень жаль...

— Ничего, не страшно. — Ипполит жестом успокоил незадачливого угонщика. — Очевидно, вы хотели предупредить трагедию — еще худшую, чем та, которая произошла в действительности. — Он мрачно перевел глаза на дверь. — Думаю, вы поймете меня... но то, что произошло, собственно говоря, не было трагедией. — Еще один взгляд на Вильяма, на этот раз немного насмешливый. — Вы найдете собственный роскошный экипаж у дверей. А сейчас спокойной ночи.

Ипполит ушел. Я рассеянно взяла чашку, но кофе совсем остыл и покрылся неаппетитной пленкой. Я поставила чашку на пол. В камине, рассыпая яркие искры, треснуло полено. В коридоре было совсем тихо. Я посмотрела на часы. Они остановились. «То мира бесконечный час... Как я осмелюсь заставить бить тот бесконечный час, когда слежу за временем в полночный час, все для тебя, мой суверен...»

— Линда, — сказал Вильям. Он подошел, сел рядом со мной на диван и взял мои холодные руки в свои. Теплые, надежные руки, сильные и нежные. — Линда, — произнес он еще раз и откашлялся.

Я пришла в себя: будто что-то холодное вдруг коснулось спины. Я выпрямилась и сказала:

— Вильям, я хочу от всего сердца поблагодарить вас за то, что вы сделали. Честное слово, не знаю, что бы я сегодня делала без вас. Я не имела никакого права просить о помощи, но чувствовала себя такой одинокой, а вы — мой единственный друг.

— Кого же звать, как не друзей, — сказал Вильям. Он выпустил мои руки. Наступило молчание. — Если вы останетесь с Филиппом, — нерешительно добавил он, — я смогу иногда навещать вас, верно?

— Не думаю, что я останусь с ним.

— Нет?

— Нет.

— Понятно. — Он встал и улыбнулся мне. — Отвезти вас на виллу Мирей на джипе?

— Нет, спасибо, Вильям. Я подожду.

— Ладно. Тогда желаю вам спокойной ночи. Увидимся перед отъездом, хорошо?

— Конечно. Спокойной ночи. И... большое спасибо, Вильям. Спасибо за все.

Я забыла о нем сразу же, как только закрылась дверь. Кто-то вышел из библиотеки. Я слышала голоса Ипполита и Рауля. Они тихо разговаривали о чем-то между собой. Сейчас они шли по коридору.

У меня сжалось сердце. Я вскочила и подошла к двери. Ипполит что-то говорил об Элоизе. Я прислонилась к стене возле двери, чтобы они не заметили меня, проходя мимо.

— ...в лечебнице, — говорил Ипполит. — Я поручил ее доктору Форе. Он позаботится о ней. — Было еще сказано что-то о «небольшой пенсии»... потом «где-нибудь подальше от Парижа, Вальми и Канн», и наконец, когда они были уже в самом конце коридора, я расслышала слова «сердце», «теперь уже недолго».

Они прошли в холл. Ипполит пожелал спокойной ночи. Я тихо вышла в коридор и остановилась там, ожидая, пока он уедет. Я вся дрожала. Леон и Элоиза отошли в прошлое, превратились в жалкие призраки, не способные даже испугать, но я должна найти в себе силы на борьбу еще с одним призраком.

Рауль что-то спросил. В ответ Седдон произнес что-то неразборчиво, я поняла только слово «уехал». Снова резкий вопрос Рауля, голос Седдона: «Да, сэр. Несколько минут назад».

— Понятно, — мрачно произнес Рауль. — Благодарю вас. Спокойной ночи, Седдон.

Потом я поняла, о чем он спрашивал. Я забыла, что Ипполит еще здесь, что Седдон еще не ушел из холла, Я бросилась бежать по коридору.

— Рауль! — отчаянно крикнула я.

Стук входной двери заглушил мой крик.

Я добежала до холла и в эту минуту услышала шум мотора. Удивленный голос Седдона произнес:

— Как, это вы, мисс Мартин? Я думал, вы уехали с мистером Блейком!

Я не ответила, пробежала холл, рванула дверь и выбежала в темноту.

«Кадиллак» уже тронулся с места. Когда я добежала до низа большой лестницы, он отъезжал от дома. Я снова позвала Рауля, но он не расслышал; во всяком случае, машина не остановилась, наоборот, прибавила скорость. Я бросилась бежать за ним.

Я была еще больше чем в двенадцати ярдах от ма-

шины, когда она осторожно въехала на первый поворот и скрылась из виду.

Если бы я тогда могла соображать, то ни за что не сделала бы подобного. Но я была не в состоянии рассуждать. Я знала только, что должна сказать ему то, что должно быть сказано, — иначе не смогу больше жить. И, не задумываясь, повернулась и побежала по лесной дорожке, которая коротким путем вела к шоссе.

Это была узкая тропинка, круто спускавшаяся к мосту Вальми. Я много раз ходила по ней вместе с Филиппом. Ее недавно расчистили, и ступеньки, положенные в самых опасных местах, были крепкими и широкими, но скользкими. Идти по этой тропинке ночью в туман равносильно самоубийству.

Обо всем этом я не думала. По странной случайности в кармане оказался фонарик Филиппа, и при его слабом, неверном свете я почти бежала по головокружительно крутому спуску, будто за мной по пятам гнался целый сонм привидений.

Слева я видела свет фар «кадиллака», спускавшегося по первому, самому длинному отрезку зигзага. Мотора почти не было слышно. Я пробиралась через кусты, не обращая внимания на ушибы и царапины.

Конечно, я не смогу его догнать. Он все еще подо мной, на первом повороте, лучи фар освещали северную сторону дороги, и тени деревьев, мимо которых я пробегала, плясали и ложились на тропинку у моих ног, словно спутанная сеть.

Дорога висела змеей. Казалось, весь лес ожил и бежит рядом со мной, как в кошмаре. Машина проехала первый отрезок зигзага и готовилась преодолеть следующий поворот. В свете фонарика я увидела, что дорожка круто изгибается, спускаясь примерно на десять футов. Я решила не пользоваться ступеньками, а срезать угол и почти скатилась на спине на новый извив тропинки. Таким образом я сберегла несколько драгоценных секунд, пока машина въезжала на следующий поворот.

Самым длинным отрезком зигзага был третий. Он шел налево, примерно на одном уровне, без заметного спуска. Я скользнула, ломая каблуки, к следующей лесенке и, ухватившись за перила, чтобы не упасть, побежала вниз, перескакивая через три ступеньки. Я загнала занозу в руку, но почти не заметила этого. Ветка хлестнула по лицу, едва не ослепив, но я только

моргнула и побежала дальше. Вниз по ступенькам, потом поворот, кусок прямой дорожки, вымощенной камнем... свет фар повернул на север, тени вновь затеяли вокруг меня безумный танец. Они расплывались и качались, обволакивая меня нитями огромной паутины. Я задыхалась; пульсирующий шум в висках заглушал звук мотора. Я как молитву вновь и вновь повторяла слова: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста». Они вертелись у меня в голове, потеряв всякий смысл.

Я не останавливалась. Еще два поворота зигзага, затем мост Вальми — и он уедет. Я сбежала с дорожки, стала пробираться между деревьями и оказалась на каменистом обрыве прямо над мостом Вальми. Я крепко ухватилась за ствол березы, которая росла у самого края обрыва. Туман, поднимающийся от реки, за клубился, пронизанный серебряным светом: «кадиллак» мягко повернул на последний поворот перед мостом.

Я стала спускаться по обрыву. Камни странно светились в свете фар, пробивавшемся сквозь туман. Возможно, я сильно расшиблась и поцарапалась. Не знаю. Помню только, что один раз поскользнулась и изо всей силы уцепилась за куст, чтобы не покатиться вниз. Я еле удержала крик — и в ту же минуту услышала скрип тормозов.

Позже я узнала, что какой-то зверек перебежал дорогу перед машиной. Мне хочется думать, что это был тот же неизвестный зверек, который выскочил на мост в ночь, когда Рауль впервые поцеловал меня. Во всяком случае, из-за него машина остановилась на несколько драгоценных секунд.

Я спрыгнула с обрыва, как раз в то время как «кадиллак» снова двинулся, его фары прочертили полукруг на последнем повороте.

Я вбежала на мост. Туман клубился, поднимаясь почти до пояса. Сначала серый, потом он стал белым и, наконец, окрасился золотом, когда свет коснулся его.

Я закрыла глаза, опустила руки и замерла.

Визг тормозов показался мне оглушительным. Я открыла глаза. Туман поднимался от кузова машины, стоявшей всего в трех ярдах от меня. Потом фары потухли — и меня окутала благодатная темнота. В слабом свете боковых огней туман поднимался вверх, словно дым. Я сделала три неверных шага к машине и положила руку на крыло. Переводя дыхание, прислонилась к нему. Маленькое буддийское молитвенное ко-

лесо все еще вертелось у меня в голове, и молитва звучала так же: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...» Но тон ее уже был другим...

Рауль вышел из машины и прошел вперед. Он был с другой стороны кузова. В искаженном свете он выглядел еще выше.

— Я... ждала вас. Я должна была... вас увидеть, — задыхаясь сказала я.

— Мне сказали, что вы уехали, — ответил он. Потом бесстрастно добавил: — Дурочка, я ведь чуть не наехал на тебя.

Я наконец перевела дыхание, но не чувствовала под собой ног. Прислонившись к крылу машины, я произнесла:

— Я должна была сказать вам, Рауль, что мне очень жаль. Не очень-то порядочно извиняться за то, что подозревал человека в убийстве... но я все же прошу прощения. Мне очень жаль, что я могла даже подумать об этом. Но только подумать, клянусь вам.

Он держал в руках автомобильные перчатки и перебирал их. Он ничего не ответил.

— Я не пытаюсь оправдываться, — с несчастным видом продолжала я. — Я знаю, вы мне этого не простите. И так уже то, что произошло между нами... но сейчас, Рауль, я только хочу, чтобы вы поняли... Я только не знаю, как объяснить...

— Вы ничего не должны объяснять. Я понимаю.

— Вряд ли. Понимаете, мне прямо сказали, что вы участвуете в этом деле с вашими... вместе с другими. Бернар сказал Берте. Он сказал ей, что это вы стреляли тогда в лесу. Думаю, Бернар понимал, что раз он зашел так далеко, лучше ему не сознаваться. И он мог подумать, что вы были бы не против убийства, осознав, какие преимущества даст вам смерть мальчика. Я не поверила, хотя она заявила мне об этом очень уверенно. Не могла верить. Но когда я узнала их замыслы, все стало так ясно... я хочу сказать, ясно относительно них; и у меня не было никаких доказательств, что вы ни в чем не замешаны. Никаких... кроме моего убеждения в этом.

Я остановилась, напрягая глаза, чтобы различить выражение его лица. Казалось, он сейчас очень далеко от меня.

— Можете не верить, Рауль, но я была на вашей стороне. С самого начала. Мне очень многое пришлось

пережить с того вечера. Казалось, все сговорились обвинять вас, и я чуть не сошла с ума от горя и... и сомнений, не могла верить даже себе... Я не буду напоминать об этих часах, вы и так пережили достаточно и, наверное, хотите порвать со всем этим ... со мной, но я должна была все рассказать вам перед тем, как вы уедете. Я просто не могла рисковать, Рауль; ты ведь можешь меня понять? Скажи, что можешь!

— Вы были готовы рискнуть... однажды, — его голос звучал почти бесстрастно.

— Я — да. Но ведь был еще Филипп. Я не могла рисковать жизнью Филиппа. Я не смела. Он был на моем попечении, это был мой долг... — Слова звучали претенциозно и довольно глупо. — Я... у него не было никого, кроме меня. И потом, я не могла себе позволить думать о том...

— О чем же?

— О том, что у меня нет никого, кроме вас.

Снова молчание. Он стоял очень тихо. Туман ли виноват, или это было в действительности, но он казался очень далеким — одинокая фигура на фоне темного пространства, освещенного фарами, словно театральным прожектором. Мне вдруг пришло в голову, что таким я буду вспоминать его всегда: человек, отдалившийся от других, даже от собственной семьи, одинокая фигура в темноте. Кажется, тогда я в первый раз взглянула на него другими глазами, увидела в истинном свете... Не воплощение моей романтической мечты, не волшебный принц, не демоническая натура и не тигр, образ, льстивший моему глупому девичьему воображению... Просто Рауль, который когда-то был одиноким мальчуганом в доме «не очень-то подходившем для детей», по его собственному выражению, угрюмый подросток, выросший в тени отца, охваченного манией величия, молодой человек, ожесточенно боровшийся за то, чтобы сохранить от разорения свою часть наследства... может быть, своевольный, может быть, слишком жесткий, не идущий по проторенной дороге... но всегда одинокий. Ослепленная собственным одиночеством и опасностью, я не заметила, что он в сущности очень похож на меня.

— Простите меня, Рауль, — мягко сказала я. — Мне не надо было приставать к вам сейчас с такими разговорами. Достаточно того, что вы пережили. Что я

могу сказать о вашем отце, кроме того, что мне очень жаль?..

— Вы действительно думаете, что я мог бы убить его? — спросил Рауль.

— Нет, Рауль.

Молчание. Потом он каким-то странным голосом сказал:

— По-моему, вы все понимаете.

— Думаю, что да. — Я с трудом глотнула воздух. — Даже в последние сутки, когда казалось, все сошли с ума и все перемешалось, я в глубине души понимала вас, и этого было для меня достаточно. Я только хотела сказать вам это, Рауль, а потом уйти. Я всё время любила вас, никогда не переставала любить и сейчас люблю.

Он все еще стоял неподвижно. Я повернулась и пошла вверх, к замку.

— А теперь прощайте, — сказала я, — спокойной ночи.

— Куда вы идете?

— Кто-нибудь отвезет меня на виллу Мирей. Ваш дядя Ипполит попросил меня поехать туда. Я... я не хочу оставаться в Вальми.

— Садитесь в машину. Я вас отвезу. — Я не двигалась. — Ну залезайте же, — нетерпеливо сказал Рауль. — Как вы думаете, куда я ехал?

— Я не подумала об этом. Куда-нибудь.

— Я направлялся на виллу Мирей за вами.

Я ничего не сказала, не двигалась. Сердце медленно, точно размеренные удары молота, стучало в груди.

— Линда. — В его спокойном голосе послышалась знакомая нотка.

— Да?

— Садитесь в машину!

Я села. Туман разорвался на клочки; дверца захлопнулась. Снова за клубилось туманное облако. Рауль опустил на сиденье рядом со мной. В машине было темно. Он казался очень большим и совсем близким.

Я дрожала. Он немного отодвинулся. Я откашлялась и сказала первое, что пришло в голову:

— Откуда у тебя эта машина? Рулетка?

— Экарте. Линда, ты надолго хочешь остаться на вилле Мирей с Филиппом?

— Не знаю. Я еще не думала об этом, страшно люблю его, но...

— Он будет чувствовать себя одиноким даже с Ипполитом, — заметил Рауль. — Может быть, возьмем его с собой в Бельвинь?

У меня прервалось дыхание.

— Рауль, Рауль. Я не думала... — я замолчала и закрыла лицо дрожащими руками.

— В чем дело, дорогая?

— Ты хочешь сказать, что еще... ты все еще хочешь жениться на мне? — смиренно пробормотала я, не отрывая ладоней от лица.

Рауль шумно вздохнул и ничего не ответил. Внезапно он повернулся и привлек меня к себе, не очень деликатно. Вряд ли кто-нибудь из нас сможет вспомнить дальнейший разговор, хотя говорили мы довольно долго.

Позже, когда мы уже могли смеяться, он весело произнес:

— Ты все еще должна мне, дорогая. Тебе не кажется, что сейчас пришло время отдавать долги?

— О чем ты говоришь? Какие долги?

— Ты должна сказать: «Я тебя люблю, я тебя люблю, я тебя люблю».

— Ах это!

— Да, черт возьми, именно это.

— Рискну, — ответила я. И это было последнее, что я смогла сказать за очень долгое время.

Потом машина прорезала туман и двинулась на север от моста Вальми.

Этель Уайт

ДЛЯ СПЯЩИХ
НОЧЬ,
ДЛЯ СТРАЖИ
ДЕНЬ...

ГЛАВА I

ДЕРЕВО

тало темнеть, и Элен поняла, что слишком далеко отошла от дома.

Оглядевшись, она впервые осознала, как пустынно и безлюдно вокруг. Во время своей долгой прогулки она не заметила ни одного дома, не встретила ни души. Тропинки на насыпях, закрывавших вид, превратились в крутые скаты, скользкие от размокшей глины. По обе стороны дороги поднимались голые, бурые холмы, очертания которых были размыты тонкой сеткой дождя.

Все кругом внушало тяжелое чувство, долина словно замерла в ожидании неведомого несчастья. Где-то вдалеке раздавались слабые раскаты грома.

К счастью, Элен прошла суровую жизненную школу, привыкла к трудностям и не любила жаловаться. Она была довольно легкомысленной, но вместе с тем здравомыслящей девушкой и полагала, что любая загадочная болезнь тела или души вызвана не вмешательством темных сил, а расстройством желудка или изменением погоды.

Элен была небольшого роста, с очень белой, словно светящейся, кожей. Внешность ее можно было бы назвать вполне заурядной, если бы не копна густых волнистых огненно-рыжих волос. В ней не было ничего вызывающего, но она словно лучилась жизнерадостностью, ожиданием будущего счастья, встречала новый день с веселым любопытством, стараясь использовать каждый час, каждую минуту для того, чтобы удовлетворить его.

Когда Элен была маленькой, она постоянно приставала к прохожим, спрашивая, который час, но не потому что это ее действительно интересовало, а просто хотелось посмотреть, какие у них часы. Эта привычка

сохранилась и тогда, когда ей пришлось самой зарабатывать на жизнь, приютившись у счастливых людей, имеющих собственный дом.

Элен боялась только одного — остаться без работы. Поэтому, прочитав объявление, что в загородном доме профессора Варрена требуется помощница, она с трепетом думала, сколько девушек откликнется на него. Вскоре Элен поняла, что ей удалось покинуть ряды безработных только потому, что дом расположен в таком безлюдном месте.

Дом словно забрался в укромный уголок между тремя графствами на границе между Англией и Уэльсом. До ближайшего города было двадцать две мили, до ближайшего селения — двенадцать. Ни одна горничная не останется надолго в такой Богом забытой дыре, поэтому здесь постоянно не хватало прислуги.

Миссис Оутс, которая в настоящее время восполняла этот пробел вместе со своим супругом, встретила Элен в зале ожидания городка Херефорд, чтобы отвезти к месту работы.

— Я сказала мисс Варрен, что ей следует пригласить девушку из приличной семьи, — объяснила она. — Больше никто не подойдет.

Элен согласилась, подумав, что теперь можно найти сколько угодно девушек из приличной семьи. Она кое-как пережила несколько месяцев вынужденного отдыха и была рада любому более или менее надежному убежищу и сытости после того, как долгое время соблюдала самую строгую экономию, — поскольку слова «умирала с голоду» не пристали девушке из приличной семьи. Хотя дом расположен в немыслимой глуши, место было превосходное — ей предоставили прекрасную комнату и питание, и кроме того, она ела за одним столом с членами семьи.

Для Элен это было важно, не только как знак внимания, а как возможность изучать своих хозяев. «Хорошо бы сблизиться с членами этой семьи, проникнуть в их тайны, — думала она. — Если редко бываешь в кино, приходится довольствоваться сырым материалом — самой жизнью».

Семейство Варрен представляло довольно интересный объект для наблюдения. Профессору, давно овдовевшему, и его сестре, мисс Варрен, было за пятьдесят. Элен отнесла их к разряду «ученых сухарей», холеных

и чопорных, поскольку их интересовала только наука и все человеческое было им чуждо.

Но их мачеха, старая леди Варрен, — больная, прикованная к постели в Синей Комнате, — была совсем другого сорта. Казалось, при ее сотворении Создатель не пожалел желчи. Трижды в день ее охватывали приступы ярости. Она была кошмаром для членов семьи и прислуги. Например, вчера она бросила в сиделку тарелку с горячей овсянкой. Это был естественный и достойный настоящей леди протест против замены бифштекса с кровью, который она предпочитала всем другим блюдам, но уже не могла прожевать, на кашу. Прицел был точен, и леди Варрен достигла желаемого результата: на следующее утро мистер Оутс отвез получившую расчет сиделку в город и должен был возвратиться вечером с новой мишенью.

Элен, которой пока не приходилось вступать в контакт со старой леди, почти восхищалась силой ее духа. Все в доме ждали, что она вот-вот умрет, но она не поддавалась. Каждое утро смерть стучалась в дверь Синей Комнаты, но леди Варрен с той же регулярностью отсылала ее прочь.

Наряду с этим трагикомическим персонажем в семействе существовал, как предполагала Элен, классический треугольник, представленный сыном профессора, его невесткой и проживающим в доме учеником профессора, бывшим его студентом, которого он готовил к работе в Индии. Сын — умный, но некрасивый молодой человек — был страстно и безответно влюблен в собственную жену, которую звали Симона. Это была очень красивая молодая женщина, с собственными средствами, избалованная, взбалмошная и не склонная удовлетворяться любовью только своего супруга.

Симона любила проводить эксперименты на мужчинах. В настоящее время она старалась завести роман со студентом, Стефаном Райсом, — смазливый легкомысленный юношей, исключенным из Оксфорда. Элен сразу почувствовала к нему инстинктивную симпатию и надеялась, что он и впредь будет держать молодую даму на почтительном расстоянии.

И дом, и его обитатели, и окружающая местность были очень любопытны, но долг превыше всего. «Уже поздно, а дел еще так много! Во что бы то ни стало надо удержать за собой новое место», — подумала Элен и сделала испуганную гримасу, взглянув на часы.

На дорогу перед ней упали тени деревьев, как прелюдия коротких сумерек. Скоро будет совсем темно.

Дом возвышался вдалеке, как воплощение надежности и прочности, на фоне холмов, затянутых пеленой тумана, к нему вела длинная извилистая тропинка, пересекающая глубокую долину. Надо было пройти около мили, чтобы добраться до ее дна, заросшего деревьями, а потом подняться по противоположному склону к роще молодых деревьев на гребне холма, недалеко от дома.

Элен не была трусихой, но у нее замерло сердце при мысли, что придется пройти этой долиной, напоминающей ловушку. Когда Элен впервые увидела дом, носящий гордое название «Вершина», ее поразило обилие растительности, особенно кустарника, вокруг него. Когда она выглянула из окна в первый вечер, ей показалось, что вечнозеленый кустарник во дворе подползает все ближе к стенам, словно передовой отряд вражеской армии.

Тогда девушка чувствовала, что находится в полной безопасности, словно в крепости, и наслаждалась контрастом между угрозой, таящейся за стенами, и уютными, ярко освещенными комнатами. В доме ей ничто не угрожало. Но сейчас она была под открытым небом и на расстоянии почти двух миль от своего убежища.

«Идиотка! — сказала она себе. — Сейчас еще не поздно, только темно. Быстрее смывайся отсюда!»

Как человек, постоянно находящийся в подчинении, Элен была лишена возможности оскорблять своих близких, поэтому она удовлетворялась тем, что говорила грубости самой себе. Припомнив все известные ей ругательства, Элен произнесла их довольно громко и, собрав все свое мужество, осторожно, чтобы не упасть, побежала по скользкому краю дороги — посередине было много камней и выступающих узловатых корней деревьев.

Элен не отрывала глаз от дома, который, казалось, постепенно погружался в землю, по мере того как она спускалась в долину. Перед тем как Элен потеряла его из вида, в окне Синей Комнаты мелькнул луч света.

Девушка восприняла это как сигнал к исполнению самой важной своей обязанности: каждый вечер в сумерки она должна была обойти весь дом, запереть все двери и закрыть окна ставнями. Раньше ей казалось, что хозяева проявляют излишнюю осторожность, но

здесь, в темной безлюдной долине, все получило иной, зловещий смысл.

Эти предосторожности имели прямое отношение к взволнованным разговорам на кухне и перешептыванию в гостиной, и причиной всего этого было убийство.

«Убийство». Элен инстинктивно поежилась, произнесла это слово. Она была здоровой уравновешенной девушкой и до последнего времени воспринимала преступления как нечто фантастическое и захватывающее. Очерки о преступлениях делали газеты такими же занимательными, как различные развлекательные книжки, продающиеся в привокзальных киосках. С трудом верилось, что такое случается на самом деле.

Она заставила себя думать о другом: «Предположим, я выиграю Ирландский приз...»

Но тропинка уходила все ниже, крутые склоны застилали слабый вечерний свет, и Элен поняла, что даже мысли о предполагаемом богатстве не способны ее отвлечь. Сейчас ее больше привлекали простые радости — уют кухни, где можно ничего не бояться, общество миссис Оутс и ее рыжего кота, тосты к чаю...

Она сделала еще одну попытку: «Предположим, я выиграю Ирландский приз. Кто-то ведь должен выиграть! На земле живут миллионы людей, но лишь немногим суждено получить большой выигрыш. Рука судьбы».

К несчастью, эта мысль вызвала другую, не менее глубокую: «Миллионы людей умирают естественной смертью в своей постели, и лишь немногим суждено быть убитыми».

Тут Элен постаралась вообще больше ни о чем не думать — прямо перед ней зияла черная пасть долины.

Элен вышла на прогулку, когда было еще совсем светло. Проходя через долину, она была занята только тем, чтобы не очень промочить ноги на дороге, покрытой толстым слоем черных полусгнивших листьев. Она только отметила это место, подумав, что здесь хорошо собирать весной примулы.

Но до весны было очень далеко. Вокруг пахло гнилью и тлением, землю усыпали обломки ветвей, сорванных ветром. Все звуки, приглушенные осенней сыростью, превратились в неясный шелест, слабый вечерний свет тонул в темных миазмах, сквозь которые просвечивали очертания деревьев, похожие на силуэты человеческих фигур.

Убийство больше не казалось Элен чем-то далеким, не касающимся ее, оно превратилось в чудовищную реальность и прямую угрозу.

Элен уже не пыталась думать о чем-нибудь, кроме убийств, о которых ей рассказывала миссис Оутс. Всего было четыре убийства, совершенные, по всей вероятности, каким-нибудь маньяком. Все убитые — молодые девушки.

Первые два убийства произошли в городе, далеко от «Вершины», и тогда у обитателей дома не было причин для беспокойства. Третье случилось тоже не очень близко — в селении. Четвертую девушку задушили в коттедже за пять миль от дома профессора Варрена.

«Маньяк с каждым разом становится все смелее, — говорила себе Элен, — вначале он убивал на улицах, потом в саду. И наконец, проник в дом и поднялся на второй этаж, в спальню, казалось бы, самое безопасное место».

Хотя Элен решила не поддаваться панике, теперь она не разбирала дороги, бежала прямо по лужам и липкой грязи, которая словно присасывалась к подошвам. Она уже добралась до самой глубокой части долины, где деревья росли гуще всего, переплетаясь стволами.

Это место наводило на самые неприятные мысли. Полусгнившие, изорванные листья свисали с ветвей, словно куски исклеванной птицами плоти висельника. Русло лениво текущего ручья было забито опавшей листвой. По его берегам валялись кучи мусора, скопившегося с незапамятных времен; рваные ботинки и ржавые консервные банки показывали, где бродяги устраивали свой лагерь.

Элен думала об убийствах: «Все ближе и ближе. Ближе к нам».

Вдруг ей показалось, что кто-то идет за ней. Она остановилась и прислушалась. Вся долина была полна слабыми звуками — шуршанием сухих листьев, хрустом ломающихся сучьев, бульканьем дождевых капель.

Можно было вообразить все, что угодно. И хотя Элен знала, что, если побежит быстрее, ее воображение заработает еще интенсивнее, она помчалась по дороге, набирая толстый слой грязи на подошвы ботинок.

Когда перед ней, словно стена, возник противоположный склон, она совсем задохнулась. Тропинка казалась очень крутой, но впечатление было обманчивым —

она поворачивала и шла по склону наискосок, облегчая подъем.

Элен приободрилась, когда, посмотрев на часы, увидела, что пробежала опасный отрезок пути за рекордное время. Она не опоздает, и ее не лишат места. У нее болели ноги, но, поднимаясь по склону, Элен подбадривала себя пословицами типа: «Кто бодр, тот удачлив», «Каждая дорога имеет конец» и так далее. С каждым шагом все ближе к дому.

Наконец она добралась до конца подъема и пошла по опавшим иглам, устилавшим землю там, где росли молодые пихты и лиственницы. Они были посажены довольно редко, и между их стволами Элен разглядела очертания дома.

Это не был уже далекий и неясный силуэт, теперь Элен могла различить даже цвет занавесок на окнах Синей Комнаты. За стеной, отделяющей посадки хвойных деревьев, был огород. Струйка дыма и веселое навистывание говорили о том, что на огороде садовник разжигает костер.

Элен пошла медленнее. Сейчас, когда все уже было позади, она думала о своей прогулке как об интересном приключении, и ей очень не хотелось возвращаться к скучной обыденности. Через некоторое время она, как всегда, будет обходить дом и задвигать все засовы, словно готовясь к комендантскому часу в осажденной крепости. «Скучно!» Элен совершенно забыла, что в темной долине она поняла, как много значит крепко закрытое окно спальни.

Поднимающийся ветер обрызгал лицо дождевыми каплями, и ей еще больше захотелось побыть под открытым небом, а не томиться среди четырех стен. Она не торопясь пошла к воротам, утешая себя тем, что ночь будет дождливая.

У самых ворот роща кончилась, осталась только негустая аллея, и сквозь деревья виднелись каменные столбы и кусты лавра на краю дорожки во дворе. В то время как Элен проходила аллеей, в окне гостиной зажегся свет.

Это было словно приглашение к чаю. «Пора домой!» Элен ускорила шаги, почти побежала и внезапно замерла. У нее перехватило дыхание.

Она была уверена, что дерево у самых ворот пошевелилось,

Элен остановилась и всмотрелась в дерево, но поняла, что ошиблась. Дерево было неподвижно, как и остальные. Только у него была какая-то странная форма, немного искривленный ствол, и Элен почувствовала инстинктивное недоверие.

В этом не было никакой логики — она просто не хотела проходить именно мимо этого дерева.

Элен колебалась недолго, сказался ее жизненный опыт. Она начала свою трудовую жизнь в четырнадцать лет, прогуливая собак, принадлежавших богатым людям. Поскольку эти собаки лучше питались и были сильнее ее, они желали быть независимыми и поступать по-своему. Чтобы смирить их, надо было научиться принимать решения быстро.

Сейчас инстинкт подсказал ей самый короткий путь к дому — пробежать наискосок через небольшое болото и заросли шиповника и перелезть через стену в огород.

Она проделала это в рекордное время и с наименьшими потерями, если не считать недостойное ее возраста поведение. Она приземлилась благополучно, но довольно увесисто, в капустную грядку и обошла дом. Уже вставив ключ в парадную дверь, она оглянулась, чтобы бросить последний взгляд на рощу, видимую сквозь открытые ворота.

Она сделала это как раз вовремя, чтобы увидеть: последнее дерево словно расщепилось надвое, и мужская фигура, выскользнув из-за ствола, растворилась в густой вечерней тени.

ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ

характере Элен любопытство преобладало над всеми другими чувствами. Она бросилась по дорожке к воротам, надеясь разглядеть того, кто прятался за деревьями. Но, достигнув ворот, она увидела только уходящие вдаль

ровные ряды саженцев.

Забыв о своих обязанностях, Элен стояла, всматриваясь в окутанную туманом молодую рощу, над которой сквозь рваные, гонимые ветром облака мерцала вечерняя звезда.

«Там действительно кто-то стоял, — подумала она. — Все верно. Это был мужчина, и он кого-то подстерегал».

Элен знала, что можно найти очень простое объяснение: какой-нибудь парень поджидал свою подружку. Но она сразу отвергла эту мысль, во-первых, потому, что ей хотелось пощекотать себе нервы, а во-вторых, это было не очень-то правдоподобно. По ее мнению, молодой человек, ожидающий свою девушку, расхаживал бы у ворот с сигаретой в зубах, а тот человек терпеливо ждал, притаившись в засаде, прижавшись к дереву, стараясь слиться с ним. У него на уме, несомненно, было что-то недоброе. Он, словно крокодил, замерший в тени у речного берега, готовился наброситься на свою жертву.

«Ну ладно, кто бы он ни был, я очень довольна, что не прошла мимо него», — решила Элен, возвращаясь к дверям дома.

Это было высокое серое каменное строение поздней викторианской эпохи, которое совершенно не вязалось с окружающим ландшафтом. Лестница в одиннадцать каменных ступеней, ведущая к парадной двери, и большие окна, закрытые зелеными жалюзи, были типичны для жилого дома в процветающем городе. Такие дома обычно окружены ухоженным садом, расположены в частных владениях, имеют собственный почтовый ящик, и к ним ведет дорога, освещенная фонарями.

Но этот дом был словно крепость, противостоящая одиночеству и запустению. Его отличное состояние сви-

детельствовало о том, что здесь не жалели денег, чтобы сделать его абсолютно неприступным. Ни облупившейся краски, ни треснувшей черепицы. Казалось, здание столь же надежно, как бронированный автомобиль.

Дом сиял электрическим светом, так как имел собственный движок, вверенный попечению мистера Оутса. Электрический провод, идущий по верху дома, был приятным напоминанием о том, что и в этой глуши порваны не все связи с цивилизацией.

У Элен больше не было никакого желания оставаться под открытым небом. Вечерний туман поднимался так быстро, что вечнозеленый кустарник, которым зарос двор, словно ожил, зловеще шевеля ветвями. Окутанные клубами влажных испарений кусты казались черными и мрачными, как похоронная процессия.

«Если я еще немного постою здесь, эти кусты набросятся на меня и отрежут дорогу к дому», — сказала себе Элен, играя в свою любимую игру «вообразим, что...» Можно было простить подобное ребячество, поскольку вместо того, чтобы провести два-три часа в кино, она вынуждена была развлекаться, шлепая по грязи в этой забытой Богом дыре.

Она легко взбежала по ступеням, бросив виноватый взгляд на свои ботинки, подошвы которых с трудом отчистила от налипшей глины и листьев о большой железный скребок внизу лестницы. Повернув торчащий в замочной скважине ключ, она вошла в дом, но почувствовала себя в полной безопасности только услышав щелчок замка входной двери, отделившей ее от темноты и тумана.

Дом показался ей крепким и уютным ульем, разделенным на золотые ячейки, полные света и тепла. В нем было шумно от человеческих голосов, он обещал приятное общество и защиту. Он производил на Элен в общем приятное впечатление, но его внутреннее убранство привело бы в ужас современного дизайнера. Пол в передней был выложен черными и оранжевыми плитками и покрыт черным пушистым ковром. Кресло с резными подлокотниками, керамическая подставка для зонтов и небольшая пальма на фарфоровой подставке ярко-синего цвета завершали интерьер.

Распахнув дзери, Элен вошла в холл, где на полу лежал ярко-синий ковер с высоким ворсом и стояла темная полированная мебель. Сквозь тяжелые портьеры, отделяющие холл от гостиной, доносились звуки

музыки, воздух был влажным, пахло примулой и цветочным чаем.

Хотя Элен старалась двигаться бесшумно, один из обитателей дома, очевидно обладающий очень острым слухом, услышал, как она вошла в холл. Тяжелые складки бархатных портьер раздвинулись, и раздраженный женский голос произнес:

— Стефан, что за... Ах, это вы!

В последних словах молодой миссис Варрен прозвучало явное разочарование.

«Ах вот что, моя дорогая, ты ожидала его здесь, — быстро сделала вывод девушка, — и разрядилась, как для витрины».

Почтительный взгляд, которым Элен окинула молодую даму, относился к ее черно-белому вечернему туалету из мягкого атласа. В нем Симона производила такое впечатление, будто ее вместе с музыкой только что привезли прямо из фешенебельного лондонского ресторана. Ее губы были накрашены по последней моде — помада выходила за естественные очертания губ. Поверх выбритых бровей были тщательно наведены черные полоски. Блестящие темные волосы были зачесаны назад и спадали аккуратными локонами на шею; ногти она покрыла пурпурным лаком.

Но несмотря на элегантный туалет, изысканные линии нарисованных бровей и искусно подобранный цвет помады, в этом лице было что-то от наших пещерных предков. Глаза горели примитивной алчностью троглодита, выдавая страстную натуру, не привыкшую сдерживаться. Это была красивая дикарка, а может быть, последнее достижение современной цивилизации — женщина, стремящаяся к самовыражению любыми средствами. Во всяком случае, она принимала в расчет только свои желания.

Контраст между крошечной Элен и миссис Варрен, смотревшей на нее сверху вниз, был разителен: девушка была без шляпы, ее поношенный твидовый костюм намок под дождем, на ботинках еще оставались нашлепки грязи, от щек веяло холодом, на курчавых рыжих волосах сверкали капли воды — она словно принесла с собой в теплый дом дуновение осенней погоды.

— Вы не знаете, где мистер Райс? — спросила Симона.

— Он вышел из ворот, когда я шла на прогулку, — ответила Элен. Ей с детства как-то удавалось не упу-

скать ни одного важного события, так что она всегда была в курсе дела. — И я слышала, как он говорил что-то вроде «навсегда проститься».

Симона нахмурилась при напоминании о том, что Стефан на следующее утро возвращается к себе домой. Она резко повернулась, когда из-за ее плеча выглянул муж, словно какая-то любопытная птица. Он был высокого роста, на голове его торчал смешной рыжий хохолок, а на носу сидели очки в роговой оправе.

— Чай перекипит, — сказал он высоким тенором. — Не будем больше ждать Райса.

— А я буду, — ответила Симона.

— Пышки остынут.

— Я обожаю холодные пышки к чаю.

— Разве ты не будешь разливать чай?

— Прости, дорогой. Как раз этому моя мама меня не учила.

— Понятно. — Пожав плечами, Ньютон Варрен вернулся. — Надеюсь, что Райс по-рыцарски вознаградит тебя за такую жертву.

Симона притворилась, что ничего не слышит, и обратилась к Элен, которая сделала каменное лицо:

— Если увидите мистера Райса, скажите ему, что мы ждем его к чаю.

Элен поняла, что представление окончено, вернее, грубо прервано, как раз в тот момент, когда она с нетерпением ожидала ответного удара от Симоны.

Девушка довольно неохотно поднялась на второй этаж. У дверей Синей Комнаты она остановилась и прислушалась. Эта дверь всегда возбуждала ее любопытство, ведь за ней словно какое-то невидимое сказочное существо, находилась прикованная к постели ужасная старуха.

Услышав за дверью голос мисс Варрен — падчерица леди Варрен заменяла уехавшую сиделку, — Элен решила пройти в свою комнату, сменить простыни и все приготовить на ночь.

Дом был трехэтажный, с двумя лестницами и полуподвальным помещением. Каждый этаж имел ванную комнату; спальни старой леди Варрен, профессора и мисс Варрен помещались на втором этаже, а комнаты для гостей — на третьем. Мансарда, которую сейчас занимала только чета Оутс, была предназначена для прислуги.

Сын профессора, Ньютон, жил со своей супругой на третьем этаже в большой Красной Комнате. Его прежнее помещение, сообщающееся со спальнями леди Варрен и профессора, было отдано постоянной сиделке.

Когда Элен открыла дверь комнаты мисс Варрен, произошло одно незначительное событие, которому суждено было сыграть свою роль в будущем: ручка двери повернулась несколько раз, но дверь не открылась, пока девушка изо всей силы не нажала на нее.

«Наверное, расшатался шуруп, — подумала она. — Если будет время, возьму отвертку и подвинчу его».

Беспкойный характер Элен требовал разнообразия, поэтому она всегда находила время для какой-нибудь новой работы, даже если для этого приходилось пренебрегать своими прямыми обязанностями. Новизна помогала сохранять бодрость при выполнении скучной повседневной работы.

Комната мисс Варрен была пустой и мрачной, обои, занавеси и обивка мебели были одинакового коричневого цвета. Единственным ярким пятном выделялась диванная подушка, вышитая золотыми нитями. Это было святилище ученого — бесчисленные полки и шкафы ломились от книг. На столе в беспорядке лежали разные бумаги.

Элен удивилась, увидев, что ставни уже закрыты и небольшая настольная лампа под зеленым абажуром на бюро светится, словно кошачий глаз.

Когда Элен проходила по коридору, из Синей Комнаты вышла мисс Варрен. Она была такой же высокой и обладала столь же царственной осанкой, как и ее брат, но на этом сходство кончалось. У мисс Варрен были мелкие и расплывчатые черты лица и прозрачные, как дождевая вода, глаза. Элен казалось, что она немного не от мира сего, но в общем неплохая женщина.

Мисс Варрен была весьма необщительной, и, встретив ее отсутствующий взгляд, Элен захотела убраться куда-нибудь подальше. Профессора Элен просто боялась.

— Вы задержались, мисс Кейпел, — холодно заметила мисс Варрен.

— Простите, — пробормотала Элен, обеспокоенно думая о возможности потерять с таким трудом найденную работу. — Миссис Оутс сказала мне, что я не нужна до пяти. Это мой первый свободный вечер.

— Я не это имела в виду. Я вовсе не упрекаю вас в том, что вы пренебрегаете своими обязанностями, но вам не следует гулять так поздно.

— Спасибо, мисс Варрен. Конечно, я отошла слишком далеко от дома. Но темнеть стало совсем недавно, когда я возвращалась и была примерно за миллю отсюда.

Мисс Варрен посмотрела на Элен отсутствующим взглядом, и девушке показалось, что она находится не меньше чем за тысячу миль.

— Миля — это очень далеко, — сказала мисс Варрен, — а заходить далеко от дома неразумно, даже днем. Мне кажется, вы достаточно утомляетесь на работе. Почему бы вам не выйти в сад подышать свежим воздухом?

— Но, мисс Варрен, — возразила Элен, — это ведь не то что хорошая прогулка, когда можно размять ноги, верно?

— Я понимаю вас, — мисс Варрен слабо улыбнулась, — но я хочу, чтобы и вы поняли меня. Вы молодая девушка, и я буду в ответе, если с вами что-нибудь случится.

Было очень странно слышать подобное предупреждение из уст мисс Варрен, и у Элен пробежали мурашки по спине от смутного ощущения опасности. Угроза таилась повсюду, она словно насыщала воздух как в самом доме, так и за его стенами, в темной долине, заросшей мокрыми от дождя деревьями.

— Бланш!

Голос раздался из Синей Комнаты. Это был почти бас, который мог принадлежать и мужчине, и пожилой женщине.

Тотчас же величественная мисс Варрен съежилась, ее повелительная осанка пропала, и она стала похожа на прилежную школьницу, которая спешит на зов учительницы.

— Да, мама, — откликнулась она. — Иду!

Неровными шагами она пересекла коридор и, к разочарованию любопытной Элен, закрыла за собой дверь Синей Комнаты.

«Странные типы, — подумала Элен, поднимаясь по лестнице на третий этаж, — мистер Ньютон — огонь, мисс Варрен — лед. Горячая вода и холодная, по очереди. Интересно, что будет, если их смешать?»

Элен иногда любила придумывать собственные афоризмы. Она предавалась приятным размышлениям о том, что каждый день будет общаться с двумя колостаяками — Райсом и молодым доктором, который лечит леди Варрен, и одним вдовцом — самим профессором, и сможет поупражняться в полузабытом ныне искусстве кокетства. Куда ей до корыстных девиц викторианской эпохи, которые рассматривали каждого мужчину как кандидата в мужья и извлекали максимум удовольствия из такой скучной материи, как разница между мужским и женским полом!

Оценивая интеллект профессора и предвкушая встречу с молодым доктором, Элен решила все же копить на черный день. Она верила в Бога, но не верила, что ей выпадет счастье Джен Эйр.

Подойдя к порогу своей спальни, она заметила, что сквозь стеклянную дверь комнаты Райса виден свет. Он, словно магнит, притягивал ее к себе.

— Вы дома, мистер Райс? — спросила она.

— Войдите и сами увидите, — ответил бывший студент.

— Я только хотела узнать, не горит ли свет зря.

— Пока нет. Входите.

Элен приняла приглашение. Она привыкла к тому, что мужчины либо вовсе не воспринимали ее, либо были слишком внимательны, оставаясь наедине с ней.

Из этих двух способов поведения Элен предпочитала первый — если ее обижали, она могла ответить тем же, но ее всегда смущало проявление усиленного интереса к ее персоне.

Ей нравился Стефан Райс, потому что он обращался с ней точно так же, как с другими девушками, — с легкомысленной простотой.

Когда Элен вошла, молодой человек курил, складывая свои вещи в открытый чемодан. Он был только в нижней рубашке, однако не извинился за свой костюм, поскольку его чувство приличия этот факт совершенно не затрагивал.

Как мужчина Райс не вызывал в Элен особых чувств, потому что она отдавала предпочтение тем, у кого на лице видны хотя бы слабые признаки интеллекта, но считала, что он очень красив, поскольку у него были крупные правильные черты лица и густые волнистые волосы. Правда, лоб его был низковат.

— Вы любите собак? — спросил он, пытаясь распутать клубок галстуков.

— Дайте мне, — сказала Элен, решительно отнимая у него галстуки. — Конечно, я люблю собак. Я работала с собаками.

— Тогда вас надо занести в черный список. Я ненавижу женщин, которые дрессируют собак. Они выставляют себя на всеобщее обозрение в парках, как эти проклятые полицейские, которые знают одно слово: «Пройдемте!» Мне всегда хочется укусить их, раз уж собаки столь воспитанны, что не делают этого.

— Да, конечно, — кивнула Элен, которая предпочитала не спорить зря. — Но мои собаки дрессировали меня. Они заключили друг с другом тайное соглашение тянуть одновременно в разные стороны. Удивительно, что я не превратилась в морскую звезду.

Стефан громко засмеялся:

— Молодцы... Кстати о собаках. Хотите увидеть нечто замечательное? Я сегодня купил его у одного фермера.

Элен оглядела неубранную комнату.

— Где он? — спросила она. — Под кроватью?

— А вы разве спите под кроватью? Он на кровати, дурочка.

— А если у него блохи?

— А если у него нет блох? Сюда, Отто!

Стефан поднял угол покрывала, и из-под него выглянул крупный щенок овчарки.

— Он боится, — объяснил Стефан. — Интересно, что станет со старой мисс Варрен, если она его увидит? Она не позволит держать в доме собаку.

— Почему? — спросила Элен.

— Она боится собак.

— Да нет, этого не может быть. Совсем наоборот, Это ее все боятся — она такая величественная!

— Это только маска. Она жуткая трусиха. Пустое пугало. Надави на нее, и она сломается. Сейчас она напугана до смерти этим убийцей. Между прочим, вы боитесь его?

— Конечно, нет. — Элен засмеялась. — Мне было бы страшно одной в доме. Но здесь полно людей, чего же бояться?

— Не согласен. Все зависит от того, какие это люди. Всегда можно найти слабое звено. Например, мисс Варрен: она ничем не поможет вам.

— Но все же, чем больше людей, тем безопаснее, — настаивала Элен, — он не решится проникнуть в дом... Вам надо что-нибудь зашить или заштопать?

— Нет, спасибо, дорогая. Все уже зашила и заштопала божественная миссис Оутс. Божественная во всем, кроме одного, между прочим... Да, это железная дама. Ей можно доверять на сто процентов, если рядом нет бутылки.

— Как, разве она пьет?

Стефан в ответ только засмеялся.

— Знаете, вам лучше уйти, — заметил он, — а то мисс Варрен поднимет бучу. Ведь это комната холостяка.

— Но я же не леди из общества, — с негодованием сказала Элен. — Я прислуга. И они ждут вас к чаю.

— То есть Симона ждет. Старина Ньютон просто пожирает пышки. — Стефан надел пиджак. — Я возьму с собой щенка. Представлю его семейству и угощу пышками.

— Только не называйте это чудовище щенком! — воскликнула Элен, когда овчарка вылезла из-под покрывала и побрела за своим новым хозяином в ванную комнату.

— Он еще маленький, — голос Стефана выражал неподдельную нежность. — Я люблю собак и ненавижу женщин. Есть причины. Напомните мне потом рассказать вам историю моей жизни.

Насвистывая, он увел собаку, и, когда свист затерялся в недрах дома, Элен почувствовала легкую грусть. Она знала, что ей будет недоставать Райса. Но, еще раз оглядев комнату, где царил вопиющий беспорядок, она сказала себе, что, если студент уедет, будет меньше работы, поэтому предоставила грустить Симоне.

Чтобы выпить чаю, ей надо было спуститься вниз, в кухню. Не убрав комнату Райса, она поспешила к себе, чтобы скинуть жакет и ботинки. Поскольку было велено закрывать ставни только до второго этажа, она оставила все как есть.

Несмотря на то что Элен очень спешила, она позволила себе небольшую роскошь — постояла у окна, глядя

вниз, в долину, и наслаждаясь чувством безопасности. Там, за стенами дома, притаилась липкая темнота. Она словно двигалась, подползая все ближе, вслед за порывами ветра. Ни одного окна не светило в коттеджах, разбросанных далеко друг от друга.

«Интересно, где я стояла, глядя на дом, — подумала Элен. — Тогда казалось, что до него так далеко. Но я добралась до своей крепости, и сейчас мне ничего не угрожает».

Элен не знала, что со времени ее возвращения произошли некоторые, казалось бы незначительные, события, которые стали первыми трещинами в стенах крепости. Когда разрушение началось, ничто уже не могло остановить его; все, что произошло потом, было как бы клином, который постепенно все расширял брешь, открывающую дом силам ночи.

РАССКАЗ У КАМЕЛЬКА

лен спустилась в кухню по задней лестнице — спирали крутых ступенек. На каждом этаже были площадка и небольшой коридор, дверь которого открывалась на парадную лестницу. Ступеньки были устланы старинным

желто-коричневым линолеумом с рисунком под паркет.

Элен эта обшарпанная задняя лестница всегда напоминала о прошлом, о веселых и безмятежных днях детства.

Элен выросла в крошечной квартирке, где не было места не то что для горничной, но даже для кошки или большой шляпной коробки: детская коляска ютилась в ванной, а кладовая была встроена в единственный свободный уголок, который случайно оказался возле печки.

Спустившись на первый этаж, Элен услышала веселый звон чайных чашек и сквозь матовое стекло кухонной двери увидела отблеск огня. Миссис Оутс пила чай из блюдца, поджаривая себе очередной тост.

Это была высокая статная женщина, широкоплечая и мускулистая, с грубоватыми чертами лица и выступающей нижней челюстью. Она не носила форму горничной, и сейчас ее праздничную юбку защищал от кухонной грязи фартук из уэльской фланели в черно-красную клетку.

— Я слышала, как вы сбегали по крутым ступенькам, — сказала она, — но вы ведь имеете право пользоваться парадной лестницей.

— Да, я знаю, — ответила Элен, — но эта винтовая лестница напоминает дом моей бабушки. Слугам и детям никогда не разрешалось подниматься по парадной лестнице, чтобы не портить ковер.

— Очень интересно, — вежливо заметила миссис Оутс.

— И варенье... — продолжала Элен, — сотни банок варенья, но клубничное и черносмородиновое давали только взрослым. Дети получали ревеновое или тык-

венное повидло... Мы, взрослые, бываем иногда очень жестокими.

— Это к вам не относится. Вам бы лучше сказать «Эти взрослые».

— Эти взрослые, — повторила Элен, смиренно принимая поправку. — Я бы выпила с вами чаю, если вы не против, — ведь вашего мужа нет дома.

— С удовольствием. — Миссис Оутс встала, чтобы достать еще одну чашку и блюдо из старинного уэльского шкафа. — Как вам нравится мой чай? Чтобы заварить его как следует, нужно взять горячий чайник. Я вам дам такое же печенье, как у них в гостиной.

— Покупное? Ни за что на свете. Лучше дайте мне домашнего... Вы не можете себе представить, как мне у вас нравится, миссис Оутс. Час назад я думала, что мне больше не придется посидеть с вами на кухне.

Элен с удовольствием оглядела кухню. Это была очень большая комната с неровным полом, в темных углах притаились тени. Здесь не было ни белых эмалированных столов, ни застекленных полок, не было даже холодильника, но потрепанный ковер перед пылающим камином и прогнувшиеся плетеные стулья выглядели уютными и удобными.

— Ну и кухня, — сказала Элен. — И весь дом такой огромный! Наверное, вам и вашему мужу приходится нелегко.

— За Оутса можно не беспокоиться. — В голосе миссис Оутс слышались раздражение и горечь. — Чем просторнее, тем больше он пачкает и тем больше мне приходится убирать за ним.

— Здесь очень хорошо. Но все равно, у мисс Варрен будет сердечный припадок, если она увидит, что ставни еще не закрыты.

Элен посмотрела на небольшие, высоко расположенные окна. Они находились на одном уровне с садом, и сквозь забрызганное грязью стекло еле различались темные кусты, растрепанные ветром.

— Только что стемнело, — сказала миссис Оутс. — Я должна сначала выпить чаю.

— Разве вам не страшно здесь одной?

— Вы имеете в виду его? — презрительно спросила миссис Оутс. — Нет, мисс, я видела слишком много ленивых подонков, чтобы бояться кого-нибудь в брюках. Если он попытается сыграть свои штучки со мной, я сломаю ему челюсть.

— Но ведь он убийца, — напомнила Элен.

— Вряд ли он нас побеспокоит. Это вроде Ирландского приза — кто-то выигрывает, но не я и не вы.

Эти слова утешили Элен, и она, похрустывая тостом, почувствовала себя в полной безопасности. Мирно тикали старинные часы, мурлыкал рыжий кот, выбравший лучшее место на ковре у камина.

Внезапно Элен захотелось снова испытать щекочущее чувство опасности.

— Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали мне про убийства, — сказала она.

Миссис Оутс с удивлением посмотрела на нее:

— Но ведь это все было в газетах, вы что, не умеете читать?

— Я, конечно, слежу за всеми важными событиями, — ответила Элен, — но меня никогда не интересовали преступления. Все же, если убийства произошли здесь, было бы странно не знать, как это случилось.

— Верно, — согласилась миссис Оутс, смягчившись. — Так вот, первая девушка была убита в городе. Она танцевала голышом в каком-то клубе, но оказалась без работы. Она пришла в бар и хорошенько выпила. Видели, как она выходила из бара раньше других. Когда вышли остальные, она лежала мертвая в канаве. Лицо у нее было черное, как уголь.

Элен вздрогнула.

— Второе убийство тоже произошло в городе, правда? — спросила она.

— Да. Эта бедняжка была прислугой. У нее был свободный вечер. Когда хозяин вышел в сад, чтобы погулять с собакой, он нашел девушку на дорожке; она была задушена, как и первая. И никто не слышал ни звука, хотя это произошло прямо перед окнами гостиной. На нее, должно быть, напали совершенно неожиданно.

— Знаю, — кивнула Элен, — на дорожке были кусты, похожие на человеческие фигуры. И вдруг один из кустов набросился на нее.

Миссис Оутс посмотрела на Элен и стала считать на пальцах:

— Так где я остановилась? Первая, вторая, третья... Да, третье убийство произошло в баре, и тут у нас все переполюсовилось, потому что это уже было не в городе, а в сельской местности, рядом с нами. Девушка, работавшая в баре, на минуту заскочила в кухню, чтобы

ополоснуть несколько стаканов, и через две минуты ее нашли там: она была задушена собственным кухонным полотенцем. В баре было полно посетителей, но никто ничего не слышал. Он, должно быть, незаметно прошел через заднюю дверь и набросился на нее сзади.

Слушая рассказ миссис Оутс, Элен испытывала чувство нереальности: такие вещи не могли произойти на самом деле. Но все эти ужасы обретали реальность, когда Элен вспоминала о напоенном влагой мраке долины, о деревьях, льнувших к стеклам, так что в их очертаниях виднелись лица, искаженные гримасами, заглядывающие в окна, о подползающих в темноте кустах, которым словно хочется проникнуть в эту уютную кухню. Элен вдруг почувствовала, что она по горло сыта страхами.

— Хватит, не рассказывайте больше, — попросила она миссис Оутс.

Но та, начав рассказ, желала его закончить.

— Последнее убийство, — продолжала она, — произошло в пяти милях отсюда. Молодая девушка, примерно вашего возраста, была воспитательницей в одной большой семье, приехала домой в отпуск и собиралась на танцы. Она была в своей спальне и надевала через голову красивое вечернее платье. Как раз в это время он набросился на нее и стянул атласное платье у нее на шее так, что оно врезалось ей в горло и девушка задохнулась. Лицо ее было закрыто тканью, и она ничего не видела. Эта девица слишком долго любовалась собой в зеркале и ничего не замечала вокруг. Самое вредное занятие. Я всегда говорила, что эти конкурсы красоты до добра не доведут.

Элен изо всех сил старалась не дать волю воображению, поэтому она сразу же ухватила за слабое место в рассказе:

— Если бы она смотрела в зеркало, то увидела бы его отражение и он не застал бы ее врасплох. А если она надевала платье через голову, как она могла что-нибудь увидеть в зеркале? И потом, если руки у нее были свободны, она закрыла бы шею и не дала себя задушить.

Но это не помогло. Элен очень живо представила себе эту сцену. Прежде всего, спальня... Может быть, потому, что собственность Элен ограничивалась несколькими платьями, она очень серьезно относилась

к любой собственности, например к собственной комнате, даже если платил за нее кто-то другой.

Она представила себе, что убитая воспитательница занимала такую же спальню, как у нее в «Вершине», — светлую и красиво обставленную. В ней было полно разных безделушек, которые девочки-подростки и взрослые девушки хранят, словно драгоценные сокровища — воспоминания о детстве, и женские трофеи — сувениры, купленные поклонниками в каком-нибудь ресторанчике. Хоккейные клюшки рядом со стилизованными длинноногими куклами, фотографии школьных подруг и поклонников, коробочки пудры, крем — и обернутое атласом тело, скорчившееся на ковре.

— Как же он проник в дом? — спросила Элен, которой очень хотелось убедить себя, что такой ужас не может быть правдой.

— Очень просто, — ответила миссис Оутс. — Он залез на крышу веранды, а оттуда через окно забрался в спальню.

— Но откуда он мог узнать, что девушка будет в спальне?

— Он же сумашедший, а такие знают все. Он охотится за молодыми девушками. Хотите верьте, хотите нет, но, если где-нибудь появится молоденькая девушка, он сразу же почует ее.

Элен с опаской поглядела в окно, где с трудом можно было различить лишь блестящие от дождя ветки деревьев, наклоняющиеся над черной массой кустов.

— А вы заперли заднюю дверь? — спросила она.

— Давным-давно. Я всегда ее запираю, когда Оутс уезжает.

— Что-то он задерживается.

— Ничего страшного. — Миссис Оутс посмотрела на часы, надеяться на которые мог только очень легкомысленный человек. — От дождя развезет все дороги, а машина у них старая. Оутс говорит, что приходится выходить из машины и толкать ее вверх по склону.

— Он должен привезти новую сиделку?

Но миссис Оутс неодобрительно отнеслась к игривому тону Элен.

— Я никогда не беспокоилась на этот счет, — ответила она, — Оутса можно оставить наедине с любой красоткой.

— Ну конечно, — ответила Элен, беспокойно глядя

на темные окна. — Может быть, мы сейчас закроем ставни, чтобы здесь стало еще уютнее?

— Какой толк от всех этих ставней и запоров? — проворчала миссис Оутс, неохотно вставая. — Если он захочет войти, он найдет способ... Ну ладно, все равно ставни придется закрыть.

Закрывая ставни, Элен испытывала удовольствие. Ей казалось, что она одержала победу над всепроникающим мраком. Когда ставни были закрыты, и окна спрятались под короткими красными занавесями, кухня стала образцом приятного сельского интерьера.

— Есть еще одно окно, в моечной, — заметила миссис Оутс, открывая дверь в противоположном конце кухни.

За дверью, словно в угольной шахте, царила темнота. Когда миссис Оутс нашла выключатель и зажгла свет, Элен увидела чистую комнату с выбеленными стенами, где находились каток для белья, медный котел и стойки для тарелок.

— Какое счастье, что сюда провели свет, — сказала Элен.

— Почти всюду на этаже жуткая темень, — объяснила миссис Оутс. — Свет горит только в коридоре, кроме того, есть выключатели в кладовой и в буфетной. Оутс только обещает сделать все как следует, больше от него ничего не дождешься. Бедненький, ему бы еще пару жён, чтобы работать за него.

— Прямо лабиринт какой-то, — удивилась Элен, открыв дверь из моечной в длинный коридор, который освещала всего одна электрическая лампочка, свисающая с потолка примерно в середине прохода. В ее свете был виден только кусок замощенного камнем пола; дальний конец и боковые ответвления прохода тонули в темноте. Кое-где виднелись закрытые двери, украшенные тусклой коричневой краской. В них было что-то мрачное, кладбищенское, и Элен представила себе, что за каждой из них находится запечатанный склеп. — Вам не кажется, что в каждой закрытой двери всегда есть что-то таинственное? — сказала Элен. — Всегда хочется узнать, что находится по ту сторону двери.

— Попытаюсь угадать, — ответила миссис Оутс. — Это копченая грудинка и связки испанского лука, и если вы откроете дверь кладовой, то убедитесь, что я не слишком ошиблась. Пошли. Здесь больше ничего нет.

— Нет, — заявила Элен. — После ваших веселых сказок я не усну, если не открою каждую дверь. Я должна убедиться, что там никто не прячется.

— А что может сделать такая пигалица, как вы, если увидит убийцу?

— Напасть на него, не раздумывая. Если хорошенько рассердиться, то никакой страх не возьмет.

Миссис Оутс рассмеялась, но Элен все же настояла на том, чтобы взять в моечной свечу и пройти по всему этажу. Миссис Оутс охраняла Элен, пока та внимательно осматривала кладовую, буфетную, столярную мастерскую и другие служебные помещения.

В конце коридора находился еще один проход, еще более мрачный и темный, который вел в дровяной склад и угольный погреб. Пробираясь среди пыльных мешков и заглядывая во все уголки, Элен освещала каждый выступ, каждую нишу.

— Что вы надеетесь найти здесь? — поинтересовалась миссис Оутс. — Приятного молодого человека?

Но она перестала улыбаться, когда Элен остановилась еще перед одной закрытой дверью.

— Вот место, куда не попадем ни мы с вами, ни кто-либо другой, — сердито сказала она. — И если ваш псих попадет сюда, то я скажу, что ему очень повезло.

— Почему? — удивилась Элен. — Что там?

— Винный погреб — и ключ есть только у профессора. Ближе этой двери к нему не подойти.

Элен, которая в рот не брала спиртного, разве что при особых обстоятельствах, вспомнила, что с самого ее поступления на службу в «Вершине» к обеду ни разу не подали ни вина, ни чего-нибудь более крепкого.

— Что, они здесь все трезвенники и пьют только чай? — спросила она.

— Профессору ничто не мешает пропустить стаканчик, раз у него ключ, — ответила миссис Оутс, — но Оутсу и молодым джентльменам приходится идти в бар, чтобы хоть немного промочить горло. Мистер Райс — единственный, кто несколько раз поинтересовался, не хочется ли мне выпить.

— Безобразие, что при такой тяжелой работе вам не позволяют выпить даже пива, — посочувствовала Элен.

— Мне выдают компенсацию, — сообщила миссис Оутс. — Мисс Варрен помешалась на том, чтобы в этом доме не подавать на стол никаких крепких напитков.

Она вроде профессора — никого не трогает, если оставить ее с ее драгоценными книжками. Она не злая — просто запрещает то, ради чего стоит жить. В этом она вся.

Элен точно так же представляла себе мисс Варрен: серая и выцветшая, вечно с книгой, не дающая людям делать то, что им хочется.

Перед тем как повернуть назад, миссис Оутс не смогла сдержать свои чувства и сильно пнула ногой дверь винного погреба.

— Я дала себе клятву, — торжественно произнесла она, — что, если мне когда-нибудь попадется ключ от этого погреба, в нем станет одной бутылкой бренди меньше.

— Наверное, для эльфов? — спросила Элен и предложила: — Пошли назад в кухню. Я должна рассказать вам что-то страшное.

Когда они вернулись в кухню, миссис Оутс вдруг засмеялась:

— Вы должны что-то рассказать мне. Ну а я должна вам кое-что показать. Посмотрите-ка вот на это.

Она открыла один из стенных шкафов и показала на ряд пустых бутылок, выстроившихся на полке.

— Мистер Райс называет их «покойнички» или «пустышки». Он принес мне несколько бутылок джина и бренди из бара.

— Он хороший парень, — заметила Элен. — В нем что-то есть. Жаль, что он такой испорченный.

— Не так страшен черт, как его малюют, — сказала миссис Оутс. — Его исключили из этой школы в Оксфорде потому, что он жил с какой-то девицей. Но он сказал мне однажды, что скорее был совращенным, чем совратителем. Женщины его не очень-то интересуют.

— Но он флиртует с миссис Ньютон.

— Он просто развлекается. Когда она говорит «а», он говорит «б». Он дразнит ее, вот и все.

Элен засмеялась, глядя на раскаленные угли в камине. Она не знала, что в неприступной крепости появляются все новые и новые трещины. Она погладила рыжего кота, который ответил необычайно громким мурлыканьем, и вечернее приключение показалось чем-то очень далеким.

— Я обещала вам рассказать кое-что, — заметила Элен, — так вот, хотите верьте, хотите нет, но когда

я проходила по роще, то встретила этого души-теля.

Было ясно, что она не вполне верила, что действительно встретила убийцу, хотя, чтобы придать своему рассказу как можно больше правдоподобия и произвести впечатление на миссис Оутс, подробно описала, как все произошло. Это было вроде страшной сказки, обрывающейся на самом интересном месте: человек прячется за деревом, и никто не знает, какое черное дело он задумал.

Но не только Элен считала убийство чем-то невероятным и неправдоподобным. В коттедже, расположенном на склоне холма недалеко от «Вершины», черноглазая девушка смотрела на себя в зеркало, немного запотевшее от сырости. Она порозовела от влажного горного воздуха и улыбалась, дерзко и немного вызывающе.

От нее веяло бодростью и жизнерадостностью и казалось, что она не даст себя в обиду. Решительным движением она надела ярко-красный берет ручной вязки, сдвинула его набок, так что он почти закрыл короткие черные волосы, напудрила носик и щеки и намазала совершенно ненужной ей помадой влажные алые губы, что-то напевая про себя.

Девушка оглядела свою комнатенку с низким оштукатуренным потолком, потрескавшимися стенами и наглухо закрытым окном, перед которым висела старая муслиновая занавеска, и ей еще больше захотелось выйти из дома. Она убеждала себя, что должна сделать это, потому что ей тошно от того, что она вынуждена сидеть здесь, как в тюрьме, вдыхая кислые домашние запахи. Каждый вечер умирать от скуки только от того, что где-то совершено преступление! Ей не терпелось оказаться в баре, пококетничать с парнями, выпить стакан сидра и послушать по радио какую-нибудь приятную музыку.

Она застегнула доверху свое красное кожаное пальто, всунула ноги в резиновые сапожки и спустилась на ощупь по скрипучим ступенькам. Когда девушка выскользнула из коттеджа, ее сердце забилось сильнее, но не от страха, а от предвкушения приятного вечера. Она так же привыкла ходить темной узкой дорожкой, круто спускающейся в долину, как житель Лондона привыкает к Пикадилли. Безлюдная долина была ей

хорошо знакома и не внушала ужаса, ее нервы были в полном порядке, и она не могла представить себе, что кто-то может на нее напасть. Быстрыми и уверенными шагами она спускалась по каменистому склону.

Подойдя к молодой рощице, девушка почувствовала, что она почти у цели. Ей надо было пройти всего около мили по ровной дороге, чтобы попасть в бар.

Дом профессора Варрена возник перед ней как символ цивилизации. Он был так близко, что она различала слова песни, которую исполнял оркестр Джека Хилтона.

Девушка, как и многие жители Уэльса, обладала музыкальным слухом, и у нее был хороший голос. Она сразу подхватила мелодию и запела во весь голос, придумывая свои слова там, где не могла их расслышать.

Дождь стекал по ее лицу, бил в глаза путаницей непрерывных косых струй, пробивавшихся сквозь негустой покров лиственниц, земля размокла и поддавалась под ногами, несмотря на толстый ковер из хвои.

Здоровая, счастливая и беспечная, девушка шла на встречу своему будущему. Не обращая внимания на погоду, словно слившись с окружающим, она пела, пробираясь сквозь темные заросли как воплощение цветущей юности.

У нее было прекрасное зрение, и она ясно различала узкую аллею деревьев, которые в конце рощи, там, где она редела, росли в один ряд. Но она не обладала таким живым воображением, как Элен, поэтому, заметив, что один из стволов движется, подумала, что его раскачивает ветер.

Если бы она всмотрелась в это дерево более пристально, то не поверила бы своим глазам. Здравый смысл убедил бы ее в том, что деревья не могут отрываться от своих корней. Но она не обратила на дерево внимания и запела еще громче, проходя темной аллеей,

Когда девушка поравнялась с последним деревом, оно внезапно превратилось в человека. Ветви оказались скрюченными руками, которые потянулись к ней... Но она все еще не верила.

Потому что знала, что такого не бывает.

ВОСПОМИНАНИЯ

ерево зашевелилось, — таинственно прошептала Элен, заканчивая свой рассказ в спокойной и уютной кухне, — и я с ужасом увидела, что это человек. Он притаился там, как тигр, готовый броситься на свою жертву.

— Ну, ну, дальше. — В голосе миссис Оутс звучала явная насмешка. — Я часто стояла возле него, ожидая Сервиден, когда та работала здесь, и всякий раз оно имело другую форму.

— Сервиден? — повторила Элен.

— Да. Она живет в коттедже, здесь на холме. Красивая девушка, но ей бы надо по-другому одеваться. Старая леди Варрен ее не выносила. Она говорила, что у нее пахнет от ног, и если она мыла пол под кроватью, леди поджидала с палкой в руках. Когда Сервиден вылезала из-под кровати, старуха пыталась ударить ее по голове.

Элен засмеялась. Жизнь часто оборачивалась к ней своей мрачной стороной, но от этого не переставала быть вечной комедией.

— Я узнаю об этой милой старушке все более интересные подробности, — сказала она. — Мне бы хотелось помыть пол под ее кроватью. Она бы поняла, что ни за что меня не поймает.

— Сервиден тоже так думала. Она старалась обмануть старуху и выскакивала из-под кровати в тот момент, когда та меньше всего этого ожидала... Но в конце концов та ее поймала. Она так стукнула Сервиден, что отец вынужден был прийти и увести ее.

— Она, конечно... Что это такое?

Элен замолчала и прислушалась. Снова раздался тот же звук: кто-то упорно стучался в оконную раму. Было непонятно, откуда исходил звук, но казалось, что стучали где-то рядом.

— Кто-то стучит в дверь? — спросила Элен.

Миссис Оутс тоже прислушалась.

— Наверное, это окно в коридоре, — сказала она наконец. — Оторвалась задвижка. Оутс несколько раз говорил, что починит ее.

— Это опасно? — забеспокоилась Элен.

— Не волнуйтесь, мисс. Ставни закрыты. Никто не сможет к нам забраться.

Но ветер усилился, и монотонный стук и скрежет становились все громче. Это так действовало Элен на нервы, что она не могла спокойно пить чай.

— Ужасная ночь, — сказала она, — и если тот человек поджидал Сервиден, я ей не завидую.

— Ну, сейчас он уже схватил ее, — засмеялась миссис Оутс, — и она уже не замечает, какая погода.

— Опять стучит... Есть у вас отвертка?

У Элен загорелись глаза, потому что она обожала всякую мелкую столярную и слесарную работу.

— Понимаете, миссис Оутс, — объяснила она, — этот стук будет раздражать вас, вы испортите обед и у нас будет несварение. Посмотрим, может я смогу это исправить.

— Всегда вы найдете себе работу, — проворчала миссис Оутс, следуя за Элен в моечную.

Небольшое окно было в конце прохода возле двери в моечную. Когда Элен открыла ставни, порыв ветра распахнул его, словно кто-то ударил по стеклам снаружи, и дождевая вода брызнула в лицо девушке.

Высокая женщина и маленькая девушка стояли рядом у окна, всматриваясь в темноту. Они видели только черную путаницу кустов и блестящие ветки, колеблющиеся под ветром.

— Ну и жуть там снаружи, — заметила Элен. — Интересно, смогу я прибить эту задвижку? У вас есть маленькие гвоздики?

— Сейчас посмотрю. Оутс вечно теряет гвозди.

Миссис Оутс стала шарить в моечной, оставив Элен одну у окна. С этой стороны кусты не росли, так что уже не создавалось впечатление серой массы, ползущей к дому; ночь за окном окончательно вступила в свои права, мрак был угрожающе плотным, как черный камень.

Это зрелище заставило Элен взбунтоваться против собственного страха.

— Ну, входи, если посмеешь! — громко крикнула она.

И тут из кухни донесся пронзительный визг. Элен замерла. Ответ мог быть только один: в углу кухни притаился маньяк, и она, Элен, виновата в том, что несчастная, ничего не подозревающая миссис Оутс попала прямо к нему в лапы.

«Он напал на нее», — подумала Элен, схватив толстую деревянную палку, которой закладывали ставни, и бросилась в кухню.

Миссис Оутс встретила ее не менее громким визгом, но Элен не могла понять, что напугало храбрую женщину до такой степени, что та была на грани истерики.

— Мышь! — вопила она. — Она побежала вон туда!

Элен смотрела на миссис Оутс, не веря своим глазам:

— Не может быть, чтобы вы испугались маленькой мышки. Такого не бывает. Это уже устарело.

— Но у меня от них мурашки бегают по телу, — захныкала миссис Оутс.

— В таком случае, как мне не жалко, должно совершиться убийство. Эй, Рыжик, Рыжик, кис-кис!

Элен так и не смогла привлечь внимание кота, который продолжал старательно вылизывать лапы, полностью отдавшись любимому делу. Миссис Оутс извинилась за него:

— Он очень вежливый и общительный кот, но не выносит мышей. Оутс убьет ее.

— Если это намек, то я отказываюсь понимать его. Я не могу убить мышку, попробую ее спугнуть.

Элен приспособлялась к любой ситуации и очень живо воспринимала все изменения. Она знала, что драма часто завершается фарсом, как сейчас, когда она, ползая на коленях по полу кухни, изо всех сил была палкой по доскам.

Но только когда кончится эта ночь, она сможет ощутить, что волна страха, затопившая дом, схлынула, и обнаружилось, что источником этого страха было нечто ничтожное.

Тут наконец Элен увидела свою жертву — маленького и довольно симпатичного грызуна. Мышка шмыгнула вдали от нее без всякого страха, словно давний жилец, уверенный в своих правах.

— Где ее норка? — шепотом спросила Элен.

— В том углу, — дрожащей рукой показала женщина. — Оутс все время обещает заделать ее.

Элен загоняла мышку в ее дом, и внезапно вздрогнула, услышав шаги на задней лестнице.

— Кто там? — крикнула она.

— Это не он, — засмеялась миссис Оутс. — Если он придет, вы его не услышите. Он подкрадывается бесшумно. Это похоже на шаги мистера Райса.

В это время дверь отворилась, и Стефан Райс вошел в кухню с чемоданом в руке. Он замер, увидев скромную и воспитанную мисс Кейпел на коленях с растрепанными волосами, падающими на глаза.

— Что происходит? — спросил он. — Играете в индейцев или побились об заклад, кто скорее доползет до угла? Примите меня.

— Я гоню мышь, — объяснила Элен.

— Чудный спорт. Я помогу вам.

— Нет, я не хочу ее ловить. — Элен поднялась на ноги и положила палку на стол. — Я думаю, она уже убежала.

Стефан сел на стул и огляделся.

— Здесь я всегда чувствую себя как дома, — сказал он. — Это единственная комната в этом ужасном доме, которая мне нравится. Мы здесь с миссис Оутс устраиваем коллективные молебны.

— Где ваша собака? — спросила Элен.

— У меня в комнате. К несчастью, мисс Варрен не пришла пить чай с нами. Поэтому представление откладывается.

— Зачем вам это? — спросила Элен. — Все равно вы завтра уезжаете. Лучше пусть мисс Варрен ничего не знает.

— Нет, — Стефан упрямо выставил свой и без того выдающийся подбородок. — Я предпочитаю играть в открытую. Это не так уж благородно с моей стороны, потому что я знаю, что доблестный Ньютон так или иначе просветит ее.

— Неужели он скажет ей? — не поверила Элен.

— А то как же! По правде говоря, Отто не произвел особенно благоприятного впечатления. Несчастный не привык к торжественным чаепитиям. Как и его хозяин, он лучше чувствует себя на кухне.

— Но миссис Ньютон он должен понравиться, — настаивала Элен, которая основывалась на известном изречении: «Любишь меня — люби мою собачку».

— Если он ей и понравился, она этого не обнаружила. — Открыв чемодан, который оказался пустым,

Стефан повернулся к миссис Оутс: — Где наши «пустышечки»? Я лучше унесу этих «покойничков» в бар, чтобы их случайно не увидел ваш супруг, а то у него будет сердечный припадок.

— Наверное, вы хотите проститься с молодой дамой, которая там работает?

Миссис Оутс подмигнула Элен, которая, благодаря долгим кухонным разговорам, знала, что та намекает на дочь хозяина бара. По всей видимости, эта молодая дама не только играла роль святой — покровительницы этого заведения, но была магнитом, притягивающим к себе все не очень многочисленное мужское население округа.

Миссис Оутс, пользуясь своим привилегированным положением хозяйки, задала Райсу еще один нескромный вопрос:

— А что скажет другая ваша дама, если вы проведете свою последнюю ночь не дома?

— Другая моя — кто? — спросил Стефан.

— Миссис Ньютон Варрен.

— Миссис Ньютон Варрен — почтенная замужняя женщина. Без всякого сомнения, она проведет вечер в обществе своего верного супруга, который займется решением математических задач... У вас свежий чай?

Элен не расслышала его вопроса, потому что ей внезапно пришла в голову интересная мысль.

— А мисс Варрен пила чай наверху, в спальне леди Варрен? — спросила она.

— Очевидно, да, — ответил Стефан.

— Она, наверное, сидит там уже очень давно. Может быть, заменить ее?

— Если вы сделаете это, — поучительным тоном сказал Стефан, — проследите, чтобы у старухи было достаточно подушек. Конечно, если вы умеете увертываться.

— А что, она всегда бросается подушками? — недоверчиво спросила Элен.

— Это единственный известный ей способ самовыражения.

— Неважно. Я считаю, что для своего возраста она очень энергична, можно только восхищаться этим.

— Вы будете разочарованы, — произнес Стефан. — Она просто старая перечница со скверным характером, ужасно невоспитанная. Когда меня представляли ее величеству, она ела апельсин и, чтобы произвести впечатление, выплюнула в меня сразу все зернышки.

Вспомнив эту сцену, Райс засмеялся.

— Мне бы очень хотелось увидеть, как она швыряет овсянку в эту зануду сиделку, — сказал он.

— Но это, наверное, получилось совершенно случайно. Леди Варрен не думала, что попадет в нее.

Миссис Оутс подняла слезящиеся глаза от лука, который она прилежно чистила.

— Нет, мисс, — возразила она. — Леди Варрен ни за что бы не промахнулась. Когда она была моложе, то целыми днями охотилась на кроликов и птицу. Говорят, что она и в постели не расставалась с ружьем.

— Значит, она уже долго живет здесь? — спросила Элен.

Девушка надеялась, что ее любопытство будет удовлетворено в полной мере — таинственный вид миссис Оутс говорил о том, что ей хочется посплетничать.

Стефан разминал сигарету, рыжий кот мурлыкал на ковре, мышка умывалась, чувствуя себя в полной безопасности в своей норке. В светлой кухне царил покойствие, а за стенами дома бушевала буря.

Бешеный порыв ветра разбилась об угол дома, расшатав неплотно запертую ставню окна в коридоре. Медленно, словно под нажимом невидимых пальцев, окно приотворилось в сад, и ночь получила доступ в дом.

Ночь заглянула сквозь эту брешь в тускло освещенный коридор, конец которого терялся в тени. За углом расположились служебные помещения — лабиринт небольших комнат, где легко мог укрыться человек.

В кухне миссис Оутс развлекала публику.

— Говорят, — таинственным шепотом сообщила она, — что старая леди Варрен застрелила своего мужа.

— Не может быть! — в один голос воскликнули Элен и Стефан.

— Может! — заявила миссис Оутс. — Сейчас это кажется бабушкиными сказками, но моя мать рассказала мне все, как было. Старый сэр Роджер был точь-в-точь такой же, как наш профессор, — замкнутый и молчаливый, его интересовали только книги. Он заработал кучу денег каким-то изобретением и построил дом в этом месте, чтобы не иметь соседей. Леди Варрен всё это не нравилось, и она постоянно пилила его. Однажды они очень серьезно поссорились у него в кабинете. Люди

слышали, что она назвала его подонком и пригрозила убить. Через несколько минут его нашли мертвым. Его застрелили из охотничьего ружья леди Варрен.

— Скверно, — пробормотал Стефан.

— Да, все думали, что ее повесят, — продолжала миссис Оутс. — На дознании ей задали несколько очень неприятных вопросов, однако она настаивала на том, что это был несчастный случай, и адвокат вызволил ее... Но к ней стали относиться в этих местах так, что она уехала за границу, — вообще-то, она и так бы уехала, потому что ненавидела этот дом.

— Потом в нем никто не жил? — спросила Элен.

— Нет, профессор оставил Оксфорд, приехал сюда и вел себя точно так же, как его папаша, — постоянно сидел в четырех стенах и никуда не выходил. Старая леди Варрен вернулась только когда заболела.

— А что с ней? — поинтересовалась Элен. — Чем она больна?

Миссис Оутс поджала губы и покачала головой:

— Тяжелый характер и раздражительность, больше ничего.

— Но, миссис Оутс, она должно быть серьезно больна, раз ей нужна сиделка и доктор велит ей лежать.

— Он считает, что так она доставит меньше хлопот. А она полагает, что ей так удобнее ставить дом вверх дном. Она развлекается, выставя одну сиделку за другой и запугивая новеньких.

— Но мисс Варрен сказала мне, что профессор очень беспокоится за ее сердце, — настаивала Элен.

— Ах, разве можно пренебрегать матерью, которая тебя родила? — заявила миссис Оутс, впадая в сентиментальность.

— Но ведь она же только его мачеха, — возразил Стефан. — У нее никогда не было детей. Они ждут, что леди скоро отдаст концы; коршуны уже собрались над ее головой. Симона сказала мне, что старушка составила завещание и все свои деньги отказала благотворительным заведениям. У нее испорченный вкус, и, по всей видимости, она хорошо относится к Ньютону. Во всяком случае, она назначила ему ежегодное содержание, которое перестанут выплачивать после ее смерти. Вот почему он здесь.

— Его папаша послал за ним, — объяснила миссис Оутс.

Элен подумала о холодных как лед глазах профессора и отсутствующем взгляде мисс Варрен. Невозможно было поверить, что им обоим не чужды финансовые соображения.

— Ой, — вдруг сказал Стефан, подскочив на столе, куда он небрежно уселся. — Что это такое?

Он вытащил из-под себя деревянный брусок, который Элен выхватила с виноватым видом.

— Простите, — сказала она. — Это от ставни в коридоре. Очень хорошо, что вы напомнили мне о ней. Я постараюсь исправить запор.

После всего, что она услышала, ей хотелось как можно быстрее закончить эту работу и подняться наверх в Синюю Комнату. Она наскоро прикрепила пружину к шпингалету и вернулась в кухню.

К ее удивлению, Стефан помогал миссис Оутс чистить лук.

— Она всегда заставляет меня работать, — пожаловался он. — Так она объясняет присутствие мужчины в кухне, когда возвращается Оутс. Кстати, почему он так задерживается? Ставлю пять шиллингов, что он сбежал с красивой новой сиделкой.

Миссис Оутс фыркнула:

— Если она похожа на прежнюю, то ей придется схватить Оутса за нос, чтобы заставить поцеловать... Вы действительно намерены подежурить у леди Варрен, мисс?

— Я спрошу, может мисс Варрен разрешит мне.

— Тогда запомните, что я вам скажу, и будьте настороже. Я уверена, что она далеко не так беспомощна, как все они думают. И ходит не хуже, чем мы с вами. Она всегда готова подстроить какую-нибудь каверзу. Кстати, вы слышали, как она говорит, когда забывает, что она слабая старушка? Вы слышали ее голос?

Элен вдруг вспомнила низкий голос, почти бас, доносившийся из Синей Комнаты. Здесь была какая-то тайна. Охваченная любопытством, Элен почти побежала к двери.

— Да, я закрепила задвижку, — произнесла она. — За ночь не сломается. Так что сейчас мы в полной безопасности.

СИНЯЯ КОМНАТА

ока Элен поднималась по лестнице, ее не покидало странное чувство — она словно ожидала, что произойдет нечто необыкновенное. Такое с ней случалось в детстве, когда она, забросив игрушки, раз-

говаривала с Мистером Пауком, которого сама придумала.

Она проводила долгие часы в углу гостиной, болтая со своим воображаемым собеседником. В сумерках, когда по стенам комнаты скользили отблески огня, пылающего в камине, ее герой оживал и становился почти реальным.

Вначале мать была против проникновения сверхъестественного элемента в жизнь ее маленькой дочери, но потом поняла, что Элен избрала самого послушного и верного товарища детских игр — собственное воображение, примирилась с невидимым Мистером Пауком и часто расспрашивала о нем Элен, а та с воодушевлением описывала его подвиги.

Лестница была освещена лампой на длинном шнуре, свисающей с потолка третьего этажа, поэтому на лестничной площадке царил полумрак. Здесь, напротив ступенек, на мраморной подставке, стояло огромное, десятифутовое зеркало в резной раме, покрытой поблекшей, позолотой.

Подойдя к зеркалу, Элен увидела свое отражение — маленькое бледное лицо выплыло из глубин тусклого стекла, словно труп утопленника, поднявшийся на поверхность глубокого озера на седьмой день.

Элен вздрогнула, и внезапный беспричинный испуг показался ей дурной приметой.

Она постучалась в дверь Синей Комнаты, и к ней вышла мисс Варрен, побледневшая и утомленная после долгого дежурства у постели больной.

— Приехала новая сиделка? — спросила она.

— Нет, еще не приехала. — Голос Элен звучал почти весело. — И нам придется ждать ее еще очень дол-

го. Миссис Оутс говорит, что дороги на холмах развезло и машине будет трудно проехать.

— Да, это верно, — неохотно согласилась мисс Варрен. — Пожалуйста, дайте мне знать, как только она приедет. Пусть она поест что-нибудь и сменит меня.

Элен тотчас же ухватилась за представившуюся возможность.

— Можно мне посидеть с леди Варрен? — спросила она.

Мисс Варрен ответила не сразу. Она знала, что ее брат ни за что не доверил бы уход за леди Варрен неопытной молодой девушке, но та казалась добросовестной и вполне надежной.

— Спасибо, мисс Кейпел, — ответила она. — Это было бы очень любезно с вашей стороны. Леди Варрен уснула, поэтому вам придется сидеть очень тихо и наблюдать за ней.

Выйдя из Синей Комнаты, мисс Варрен направилась к себе, но на ходу обернулась, чтобы дать еще некоторые указания:

— Если она проснется и попросит что-нибудь или если у вас будут какие-то трудности, немедленно обращайтесь ко мне.

Элен пообещала, сознавая, что обратится к мисс Варрен только в самом крайнем случае. Она решила выйти из любого положения своими силами, втайне надеясь, что ей представится случай проявить себя.

Любопытство Элен достигло предела, когда она наконец переступила порог таинственной Синей Комнаты. Это было просторное помещение, обставленное массивной полированной мебелью, немного мрачное из-за темно-синих обоев, ковра и гардин. В камине тлели багровые угли. В воздухе чувствовался запах гнилых яблок, который тщетно старались заглушить лавандовой водой.

Леди Варрен лежала на большой кровати в темно-красном стеганом шелковом жакете. Голова ее покоилась на множестве подушек. Глаза старухи были закрыты, она тяжело дышала.

С первого взгляда Элен поняла, что Стефан не ошибся: в прикованной к постели старухе не было ничего величественного. Лицо ее, испещренное морщинами, как старая карта, носило печать эгоизма и скверного характера. Седые волосы были довольно коротко

подстрижены и падали на лоб и шею неровными густыми прядями, а нос был подозрительно красным.

Пройдя на цыпочках через комнату, Элен села на скамейку у камина. Она заметила, что каждый кусок угля обернут белой бумагой, так что корзина казалась полной снежками. Элен поняла, что это сделано для того, чтобы угли не стучали, когда их бросают в камин, и сидела совершенно тихо, словно слившись со скамейкой.

Леди Варрен продолжала громко дышать через равные интервалы, словно паровой каток. Внезапно у Элен появилось подозрение, что леди Варрен притворяется, разыгрывая комедию специально для нее.

«Она не спит, — подумала Элен, — она просто мошенничает».

Леди Варрен дышала все так же громко и, по всей вероятности, спала, но Элен чувствовала, что за ней наблюдают.

Когда Элен повернула голову, чтобы посмотреть на кровать, веки леди Варрен были крепко сжаты. Предвкушая новую интересную игру, Элен приготовилась застать старуху врасплох и после нескольких безуспешных попыток наконец поймала ее. Неожиданно подняв голову, Элен заметила, что старуха подсматривает за ней из-под век очень живыми блестящими глазами. Леди Варрен сразу же плотно зажмурилась, но потом поняла, что дальше притворяться бесполезно и сказала слабым дрожащим голосом:

— Подойдите сюда.

Помня о предупреждении миссис Оутс, Элен осторожно приблизилась к кровати. В своем синем платье с фартуком она казалась очень маленькой, бледной и почти незаметной на фоне темных обоев.

— Подойдите поближе, — приказала леди Варрен.

Элен повиновалась, не отрывая глаз от предметов, стоящих на столике возле кровати. «Интересно, какой снаряд старуха запустит ей в голову?» Бессознательно она протянула руку к самой большой бутылке с лекарством.

— Поставьте бутылку на место, — прикрикнула на нее больная, — она моя.

— Ах, простите, — торопливо сказала Элен. — Я тоже не люблю, когда трогают мои вещи.

Чувствуя, что между ними есть что-то общее, Элен смело подошла к кровати и улыбнулась леди Варрен.

— Вы очень маленькая, — заметила та после долгого молчания. — Никакого стиля. Абсолютно не производите впечатления. Я думала, что мой внук проявит больше вкуса, когда будет выбирать себе жену.

Элен поняла, что Симона отказалась посетить Синюю Комнату, хотя Ньютон много раз просил ее об этом.

— У него прекрасный вкус, — сказала Элен. — Его жена очень красива, а я вовсе не его жена.

— Кто же вы такая? — спросила леди Варрен.

— Я помощница, мисс Кейпел.

Старуха вздрогнула, и ее лицо исказилось, словно под влиянием какого-то сильного чувства. Ее блестящие глаза уставились в одну точку, рот открылся, как будто она хотела закричать.

«Чего-то испугалась, — подумала Элен. — Но чего? Кажется, меня!»

Но последовавшие слова леди Варрен опровергли это предположение. Она перевела дыхание и крикнула низким, почти мужским голосом:

— Уходите!

Испуганная этой внезапной переменой, Элен повернулась и бросилась бежать, каждую минуту ожидая, что о ее голову разобьется бутылка с лекарством. Но не успела она добежать до двери, как ее остановил новый крик:

— Вернись, глупышка!

Удивленная новым поворотом событий, девушка снова подошла к кровати. Старуха заговорила с ней слабым, ноющим голосом так тихо, что Элен едва могла разобрать слова:

— Уходи из этого дома. Слишком много деревьев.

— Деревьев? — переспросила Элен, вспомнив о страшном дереве у ворот, последнем в ряду молодых лиственниц.

— Деревьев, — повторила леди Варрен. — Они вытягивают ветви и стучат в окна, они пытаются войти в дом... Когда наступает темнота, они движутся, ползут к дому... Уходи.

Слушая старуху, Элен почувствовала, что у них есть нечто общее. Очевидно, и леди Варрен когда-то стояла в сумерках у окна, наблюдая за нашествием кустов, затянутых туманом. Конечно, все это лишь игра воображения, но, видимо, и у леди Варрен есть свой Мистер Паук.

Одной из маленьких слабостей Элен было стремление нравиться, и ей очень захотелось завоевать симпатию леди Варрен.

— Удивительно! — сказала она. — Я подумала об этих деревьях совершенно то же, что и вы.

К несчастью, леди Варрен восприняла слова Элен как недопустимую вольность.

— Я не желаю слушать, о чем ты думала, — захныкала она. — Если я и беспомощна... Как тебя зовут?

— Элен Кейпел, — ответила девушка, обескураженная раздражением больной.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

— Не ври. От силы девятнадцать.

Элен была удивлена проницательностью старухи. Ее хозяева никогда не оспаривали тот возраст, который она указала.

— Это нельзя назвать настоящей ложью, — объяснила она. — Я чувствую, что имею право прибавить себе годы, потому что я уже очень много испытала. Я начала зарабатывать себе на жизнь, когда мне было четырнадцать.

Леди Варрен нисколько не была тронута этим фактом.

— Почему? — спросила она. — Ты что, дитя любви, незаконнорожденная?

— Конечно нет! — с негодованием ответила Элен. — Мои родители венчались в церкви. Но они не могли содержать меня. Им не повезло.

— Они умерли?

— Да.

— Тогда им повезло.

Несмотря на свое подчиненное положение, Элен всегда храбро защищала свои жизненные принципы, если кто-нибудь пытался опровергнуть их.

— Нет, — возразила она. — Жизнь замечательная штука. Когда я просыпаюсь, я рада уже тому, что жива.

Леди Варрен что-то проворчала, потом продолжила допрос:

— Ты пьешь?

— Нет.

— А мужчины?

— Ну что вы! Мне на них не везет.

Элен засмеялась, но леди Варрен даже не улыбнулась. Она так долго смотрела на девушку, что ее бле-

стящие глаза казались невидящими и застывшими. Она явно что-то задумала.

Тишину нарушало только тиканье часов. В затухающем камине внезапно вспыхнуло яркое пламя.

— Подбросить еще угля? — спросила Элен.

— Нет. Дай мне мои зубы.

Просьба была так необычна, что Элен вздрогнула. Но она сразу же поняла, что леди Варрен имела в виду свою искусственную челюсть, которая лежала в эмалированной кружке на столике.

Элен тактично смотрела в сторону, пока больная вытаскивала челюсть из дезинфицирующего раствора и прилаживала ее к деснам.

— Элен, — почти нежно проворковала старуха, — я хочу, чтобы сегодня ты спала в моей комнате.

Элен смотрела на нее, приоткрыв рот, потому что перемена была одновременно и смешной, и ужасной. Искусственная челюсть придавала старухе злобное выражение: не умещаясь во рту, она раздвинула губы в застывшей неестественной улыбке, напоминавшей восковые фигуры.

— Мне кажется, ты боялась меня, — сказала леди Варрен. — Но теперь, когда я надела свою челюсть, у меня не такой страшный вид. Сегодня ночью я посижу, чтобы с тобой не случилось ничего дурного.

Элен облизала пересохшие губы.

— Но, миледи, — возразила она, — сегодня в вашей комнате будет спать новая сиделка.

— Ах да, я и забыла про новую сиделку. Еще одна шлюха. Ну, я ее встречу как следует... Но ты будешь спать в моей комнате. Понимаешь, дорогая, тебе угрожает опасность.

Старуха улыбнулась и стала похожа на крокодила.

«Я не смогла бы остаться с ней ночью», — подумала Элен, понимая, что ее страх не имеет никакого основания. Как можно бояться старуху, которая даже не может встать с кровати!

— Боюсь, что я не смогу остаться с вами без разрешения мисс Варрен.

— Моя падчерица дура. Она не понимает, что происходит в этом доме. Деревья, которые лезут прямо в дом... Подойди сюда, Элен.

Когда Элен подошла к постели, старуха крепко схватила ее за руку.

— Я хочу, чтобы ты достала мне одну вещь, — прошептала она. — Там, на полке, над шкафом. Влезь на стул.

Элен, предвкушая что-то интересное, решила доставить удовольствие больной. Она влезла на один из тяжелых полированных стульев и встала на цыпочки, чтобы открыть дверцу полки. Шаря рукой в темном углублении, Элен чувствовала угрызения совести из-за того, что согласилась выполнить поручение леди Варрен. Совершенно очевидно, та использовала Элен для того, чтобы получить то, что ей не разрешалось. Вспомнив подозрительно красный нос больной, Элен подумала, что это наверняка спрятанная от леди бутылка бренди.

— Что вам достать? — спросила она.

— Небольшой твердый пакет, завернутый в шелковый шарф, — прозвучал неожиданный ответ.

В это время Элен нащупала нечто, соответствующее описанию.

— Вот это? — спросила она, прыгнув со стула.

— Да, — торопливо ответила леди Варрен. — Дай сюда.

Подходя к кровати, Элен поняла, что находится в пакете, и испугалась. Даже сквозь плотный шелк ясно прощупывались очертания, которые ни с чем нельзя было спутать. Это был револьвер. Она вспомнила охоту леди Варрен на кроликов и несчастный случай с ее покойным мужем...

«Интересно, он заряжен или нет, — испуганно подумала она. — Я даже не могу понять, с какой стороны дуло... Я не должна отдавать ей револьвер. Миссис Оутс меня предупредила».

— Дай сюда, — повелительным тоном повторила леди Варрен.

Старуха не пыталась скрыть волнения. Она протянула к пакету дрожащую руку.

Элен притворилась, что не слышит ее. С нарочитой небрежностью она положила пакет на столик на безопасном расстоянии от больной и только тогда подошла к ней.

— Вам нельзя волноваться, — мягко сказала она. — Это вредно для сердца.

К счастью, леди Варрен на минуту забыла о револьвере.

— А что говорит доктор? — спросила она.

— Он говорит, что вы обладаете удивительной жизненной силой, — ответила Элен.

— Тогда он просто дурак... Я умираю. Но я умру только тогда, когда буду полностью готова к смерти. — Она опустила веки, так что ее глаза превратились в блестящие щелочки. Цветом ее сморщенное лицо напоминало старый пергамент. Словно собрав последние силы, она сказала еле слышно: — Я должна еще кое-что сделать. Я все откладывала. Это было проявлением слабости. Но это очень неприятное дело, правда?

Элен немедленно догадалась, что леди Варрен намекает на завещание.

— Да, — согласилась она, — все это откладывают.

Элен всегда живо интересовалась судьбой своих близких, поэтому она не удержалась от соблазна дать совет леди Варрен:

— Но все должны когда-нибудь сделать это. Это наш долг.

Леди Варрен не слушала ее. Силы быстро возвращались к ней, и ее вновь заблестевшие глаза устремились к небольшому свертку на столе.

— Дай его мне! — сказала она.

— Нет, — ответила Элен. — Лучше не надо.

— Дурочка. Чего ты боишься? Это только футляр для очков.

— Да, я знаю. Мне очень жаль, миледи, но я здесь вроде простой машины. Я должна выполнять приказания мисс Варрен, а она велела мне только сидеть тихо и наблюдать за вами.

Было ясно, что леди Варрен не привыкла к возражениям. Глаза ее загорелись, и она схватила себя за горло скрюченными, словно когти, пальцами.

— Иди, — сказала она, задыхаясь, — приведи мисс Варрен.

Элен выбежала из комнаты, чувствуя даже некоторое облегчение от внезапного припадка леди Варрен. Больше не надо было думать о том, что делать с револьвером. Подбежав к двери, она оглянулась и увидела, что голова леди Варрен бессильно упала на подушки.

Через минуту больная подняла голову. Одеяло зашевелилось, из-под него показались ноги старухи, и она тихонько выскользнула из своей постели.

ПРИЗРАК

спуганная и возбужденная, Элен бросилась к мисс Варрен. Первый раз в жизни ей представлялось столько возможностей принять участие в жизни хозяев. В отличие от других семей, где Элен работала раньше, обитатели «Вершины» были весьма многообещающими в этом отношении.

Правда, миссис Оутс безжалостно сорвала покров тайны с незнакомца, прятавшегося за деревом в аллее, и Элен должна была согласиться с ней, что это наверняка был поклонник какой-нибудь сельской красоты, но окутанный туманом пейзаж, над которым витала тень убийства, хранил еще немало мрачных тайн.

А в старой леди Варрен с ее блестящей искусственной челюстью и подозрительными попытками подружиться было что-то действительно страшное. Конечно, сейчас бедняжка прикована к постели, но ведь никто не снял с нее подозрения в том, что она когда-то раньше времени отправила своего супруга на небеса или в преисподнюю.

«Хоть жало у нее и вырвано, она все еще очень опасна», — подумала Элен, вспомнив о револьвере.

Элен вернулась к реальности, когда, повернув ручку двери мисс Варрен, смогла открыть ее лишь с большим трудом.

«Я должна как можно скорее починить эту ручку», — напомнила себе Элен.

Мисс Варрен сидела за своим бюро, у лампы с зеленым абажуром. Она была погружена в чтение.

— Ну что? — рассеянно спросила она Элен.

— Простите, что побеспокоила вас, — начала Элен, — но леди Вар...

Не успела Элен закончить, как мисс Варрен вскочила со стула и направилась к двери неуклюжей походкой жирафа.

Элен не могла упустить случай еще раз удовлетворить свое любопытство и последовала за ней в Синюю

Комнату. Леди Варрен по-прежнему лежала на кровати, закрыв глаза. Она дышала с трудом, и губы ее при каждом вздохе надувались. Револьвер, завернутый в шелковый шарф, все еще лежал на столике в другом конце комнаты, далеко от кровати.

Однако наблюдательная Элен с первого взгляда заметила кое-какие перемены и поняла, чем они вызваны. Когда она побежала за мисс Варрен, одеяло и простыни были скомканы. Сейчас они были аккуратно заправлены, словно рукой больничной сестры.

— Мисс Кейпел, — сказала мисс Варрен, наклонившись над неподвижной фигурой, распростертой на кровати, — дайте мне баллон с кислородом.

Элен, всегда готовая к экспериментам с незнакомыми предметами, быстро придвинула баллон к кровати. Она нерешительно отвинтила крышку, и ей в лицо ударила струя воздуха, прохладного и свежего, словно ветер с гор. Потом она подвинула баллон поближе к мисс Варрен.

Благодаря их совместным усилиям леди Варрен постепенно ожила. Элен, которая все больше подозревала старуху в притворстве, наблюдала за ее трепещущими веками, слушала ее тщательно выверенные по степени интенсивности вздохи и стоны, словно присутствовала на хорошо отрепетированном представлении.

Открыв глаза, леди Варрен уставилась на Элен.

— Отошли ее, — еле слышно произнесла она.

Мисс Варрен подняла голову:

— Простите, мисс Кейпел, и, пожалуйста, уйдите.

Забыв о своей слабости, леди Варрен быстро повернулась к своей падчерице и сказала грубым голосом рыбной торговки:

— Идиотка! Пусть она соберет свои вещи и уберется отсюда. Сейчас же! — Потом она снова закрыла глаза и прошептала: — Доктор. Мне нужен доктор.

— Он сейчас будет, — заверила ее мисс Варрен.

— Почему он всегда опаздывает? — захныкала больная.

— Потому что хочет знать, как вы себя чувствуете в конце дня, — не очень логично объяснила мисс Варрен.

— Потому что он бездельник, — оборвала ее старуха. — Я должна сменить доктора... Бланш, эта девушка не жена Ньютона. Почему его жена до сих пор не навестила меня?

— Вы слишком слабы для того, чтобы принимать посетителей.

— Ничего подобного. Не в этом дело. Я знаю, она боится меня.

Эта мысль, казалось, обрадовала леди Варрен, она улыбнулась, отчего ее лицо еще более сморщилось. Элен, которая наблюдала, за ней, подумала, что в ней есть что-то действительно злобное и порочное. В эту минуту она склонна была поверить, что старуха убила своего мужа. Ее взгляд упал на узкую кровать, которую поставили для сиделки. «Ни за какие деньги я не хотела бы очутиться на месте этой сиделки», — подумала она, вздрогнув.

Вдруг мисс Варрен заметила, что Элен еще не ушла, и повернулась к ней:

— Я справлюсь сама, мисс Кейпел.

Она говорила таким холодным тоном, что Элен попыталась оправдаться:

— Я надеюсь, вы не думаете, что этот припадок случился по моей вине. Это произошло внезапно. По правде говоря, я ей понравилась. Она даже просила меня спать сегодня ночью в ее комнате.

Лицо мисс Варрен выразило недоверие, но она вежливо ответила:

— Я уверена, что вы вели себя тактично.

Мисс Варрен посмотрела на дверь, словно намекая, что Элен может быть свободна. Девушка повернулась к выходу, и хотя горький опыт научил ее не вмешиваться в дела хозяев, она не смогла удержаться, ибо чувствовала, что должна предупредить мисс Варрен.

— Я думаю, вы должны знать кое-что, — сказала Элен, понизив голос. — Леди Варрен попросила меня достать ей одну вещь с полки над шкафом.

— Вы считаете, что это так важно? — рассеянно спросила мисс Варрен.

— Да, потому что это был револьвер.

Слова Элен произвели должный эффект: на этот раз мисс Варрен посмотрела прямо на нее, что было для нее выражением крайнего испуга и удивления.

— Где он сейчас? — спросила она.

— На том столике.

Мисс Варрен вцепилась в пакет, словно коршун, схвативший свою жертву. Белыми пальцами она быстро развернула складки шелкового шарфа, а потом под-

няла открытый сверток так, чтобы Элен могла видеть его: это был большой футляр для очков!

Увидев его, Элен едва не упала, пораженная внезапной догадкой.

— Тот предмет имел совершенно другую форму, — заявила она. — У него были выступы.

— Что вы, собственно, хотите сказать?

— Я думаю, что пока меня не было, леди Варрен спрятала револьвер и вместо него положила этот футляр.

— А вам известно, что у моей матери больное сердце и она уже несколько месяцев не может даже встать?

Посмотрев на лицо мисс Варрен, застывшее в скептической гримасе, Элен поняла, что ее не удастся убедить. Казалось, что расплывчатые черты этого лица сковал мороз.

— Прошу прощения, если я ошиблась, — пробормотала девушка, — я только думала, что ничего не должна скрывать.

— Я уверена, что вы хотели быть полезной, — сказала мисс Варрен. — Но вы дали волю своему воображению. Я думаю, что вы, как и другие девушки, слишком часто ходите в кино, — добавила она с мрачной улыбкой.

При данных обстоятельствах упрек мисс Варрен звучал как непреднамеренное издевательство: Элен уже очень давно не была в кино. Мисс Варрен существовала как бы в ином измерении.

«Это доисторический человек», — подумала Элен. Покидая Синюю Комнату, она словно съежилась и стала еще меньше.

Элен не заслужила благодарности, как надеялась, и была очень этим обескуражена: она была даже рассержена тем, как мисс Варрен отнеслась к ее сообщению о пропавшем револьвере.

«Клиент всегда прав, — напомнила она себе, спускаясь по лестнице. — Но у меня есть одно утешение. Теперь, когда леди Варрен рассердилась на меня за то, что я ее выдала, больше не будет разговоров о том, чтобы я спала в ее комнате».

К счастью для Элен, у нее было очень сильное развито чувство долга, она любила работу и считала, что работа заставляет забывать обо всех неприятностях. По-

сколько Оутс запаздывал, она решила вместо него накрыть на стол.

При звуке ее шагов дверь гостиной отворилась, и оттуда выглянула Симона, явно поджидавшая Стефана. Из-за ее плеча немедленно высунулась маленькая, словно змеиная, голова ее мужа.

Симона не показала виду, что раздосадована, она лишь улыбнулась и пожала плечами.

— Что за верный супруг, — пробормотала она и закрыла дверь.

Чувствуя, что вокруг нее бушует водоворот человеческих страстей, Элен вошла в столовую, впервые чувствуя Симоне.

«Мне бы действовало на нервы, если бы за мной ходили вот так по пятам», — подумала она.

Было ясно, что ревность Ньютона достигла предела; когда Стефан уедет, он, возможно, снова станет нормальным человеком, а пока он прилагал все усилия, чтобы помешать последнему свиданию своей жены с бывшим студентом.

По мнению Элен, его одержимость превратилась в настоящую манию, поскольку Стефан с полным безразличием относился к Симоне. И даже сейчас он находился не в гостиной, а в кухне, помогая миссис Оутс чистить лук. Ему предлагали страстную любовь, но он предпочел луковую шелуху.

Столовая была самой красивой комнатой в доме: потолок и огромный камин были отделаны темным деревом, широкие окна закрывали алые шторы, стены украшали темно-красные обои.

Элен подошла к ореховому серванту, где хранились серебро и хрусталь, и достала из ящика скатерть.

После многолетней практики Элен могла накрыть на стол и во сне. Раскладывая ложки и вилки, она думала: «Я не могу себе позволить спорить с хозяевами, но совершенно уверена, что, когда меня не было в Синей Комнате, кто-то подменил револьвер. Миссис Оутс совершенно права, леди Варрен вовсе не такая беспомощная. Она вылезла из кровати, а потом пыталась замести следы, аккуратно застелив постель. Она явно перестаралась... Хорошо бы поговорить об этом с доктором Перри».

Доктор Перри был умен, молод и не признавал никаких церемоний. Увидев Элен впервые, он внимательно расспросил ее о самочувствии, что она истолковала

как проявление профессионального интереса. Он задавал ей вопросы, касающиеся ее личной жизни, и, казалось, понимал, какое влияние оказывает мрачная атмосфера «Вершины» на ее юную душу.

Больше всего ей нравилось, что доктор говорил о своей больной, как обычный человек, не употребляя медицинских терминов.

— Сердце у нее никуда не годится, — сказал он, — но сердце — вещь капризная. Старуха может забраться на Монблан и чувствовать себя прекрасно и преставиться от какого-нибудь насморка... Но я не могу ее понять. Может быть, она вовсе не так уж беспомощна. Мне кажется, она еще нам покажет, на что способна.

Девушка вспомнила эти слова, когда сновала между столом и сервантом, доставая посуду. У нее все еще горели уши от мрачных насмешек мисс Варрен.

«Ладно, я ее предупредила, — думала Элен. — Это меня больше не касается. Но все-таки хотелось бы знать, где этот револьвер. Меня больше никакими силами не заманишь в старухину комнату».

Элен прислушалась, стараясь определить, не приехал ли Оутс, но вой ветра заглушал все звуки. Она поняла, что прибыла новая сиделка, только когда услышала восклицания миссис Оутс, которая шумно приветствовала своего супруга.

Элен быстро пробежала через комнату и распахнула дверь, но не успела увидеть лицо сиделки, которая повернулась к ней спиной, спускаясь по лестнице, ведущей в кухню. Но и со спины эта женщина производила весьма внушительное впечатление, потому что была необычайно высокой и широкоплечей.

Элен обрадовалась: вид сиделки прибавил ей уверенности.

«Во всяком случае, эта дама не будет слабым звеном в наших рядах, — решила она. — С ней убийце пришлось бы повозиться; такую не задушишь, подкравшись сзади».

В холле она немного задержалась и внезапно вспомнила сломанную ручку в комнате мисс Варрен. Оутс обычно бросал свои инструменты где попало, чаще всего там, где в последний раз что-нибудь чинил. Привычка Оутса позволила Элен без особых трудов найти ящик с инструментами в углу холла, возле шкафа для обуви.

Поднявшись на второй этаж, Элен опустилась на колени перед дверью мисс Варрен. Она возилась с неисправной ручкой, как вдруг неясный звук заставил ее поднять голову и осмотреться.

Ей показалось, что она видит призрак. С тихим скрипом дверь, ведущая на заднюю винтовую лестницу, открылась и снова закрылась, и на секунду в дверном проеме возникло незнакомое лицо.

Оно мелькнуло, словно воспоминание о кошмарном сне, оставив в душе неясный ужас, словно она встрети-лась лицом к лицу с квинтэссенцией ничем не прикрытого зла.

Испуганная этим мрачным видением, Элен не сразу поняла, что дверь действительно открылась и что к ней направляется профессор Варрен.

«Это, наверное, был сам профессор, — подумала Элен. — Должно быть, он. Кажется, лицо было похоже на него. Может быть, виновато освещение. Здесь так темно».

Элен пыталась утешить себя такими малоубедительными объяснениями, но ее рассудок восставал против них. В глазах стояли винтовая лестница и узкие переходы между площадками, где было так легко спрятаться.

Она напонила себе, что днем никто не мог проникнуть в дом. Кроме того, здесь было так много народа, что вряд ли кто-нибудь остался бы незамеченным. Для этого надо было знать привычки и режим дня всех обитателей «Вершины».

И вдруг она вспомнила комментарии миссис Оутс к недавнему убийству: «Убийца-маньяк сверхъестественно хитер. Он знает все!»

Элен вздрогнула и хотела уже рассказать профессору о таинственном призраке. Она обязана сделать это, вдруг и правда, кто-то незнакомый без разрешения проник в дом. Она уже открыла рот, но воспоминание о последнем разговоре с мисс Варрен остановило ее. Она боялась показаться назойливой.

У профессора был обычный ледяной взгляд, который, казалось, замораживал всех, кто стоял перед ним. Одет он был безукоризненно: манишка рубашки сверкала белизной, черный галстук был завязан элегантным узлом, седые волосы зачесаны вверх, открывая высокий лоб.

И застывший профессор, и расплывающаяся, словно бескостная, мисс Варрен были очень похожи на ожившие автоматы.

Не желая, чтобы профессор подумал, будто она подглядывает в замочную скважину, Элен начала объяснять, что она хочет сделать.

— Пожалуйста, скажите Оутсу, чтобы он проследил за этим, — сказал профессор, рассеянно кивнул и прошел мимо.

Возбужденная случившимся, Элен решила испытать, насколько у нее крепкие нервы, спустившись по винтовой лестнице. Открыв дверь на площадку и вглядываясь во ввинчивающиеся в темную глубину ступеньки, она чувствовала себя зверьком, попавшим в ловушку. Спускаясь по последнему пролету, она окончательно струсила и почти прокатилась вниз по лестнице, вспомнив о бледном, искаженном злобой лице призрака.

НОВАЯ СИДЕЛКА

кухне Элен встретили взрывы и шипение кипящего масла. Кухонный стол был завален продуктами для будущего обеда, находящимися в разной стадии готовности. На краю плиты с громким бульканьем варились овощи, а миссис Оутс одновременно жарила рыбу, жонглируя несколькими сковородками, и сушила на горячей трубе мокрую одежду своего супруга. Несмотря на царивший вокруг хаос, миссис Оутс делала свое дело, не теряя головы и не выказывая раздражения.

Оутс, одетый в серый шерстяной свитер, поглощал огромные куски хлеба с холодным мясом с блюда, поставленного в уголке, который жена расчистила для него. Это был добродушный великан, сложенный как борец-тяжеловес.

Встретив прямой и бесхитростный взгляд его маленьких глаз, Элен почувствовала прилив радости. Мистер Оутс, как и его жена, всегда казался ей воплощением спокойной силы.

— Как я рада, что вы вернулись, — сказала она. — С вами можно ничего не бояться, вы стоите троих.

Оутс широко улыбнулся.

— Спасибо, мисс, что накрыли на стол вместо меня, — ответил он, словно отвечая на комплимент.

— Дождь все еще такой же сильный? — спросила Элен.

— Наверное, уже не такой, — вмешалась миссис Оутс, подавая мужу рыбу, — Оутс принес половину на своей куртке. Оутс полил свою рыбу ворчестерским соусом и благоразумно сменил тему.

— Погодите, вот увидите, кого я привез, — ухмыльнулся он.

— Вы имеете в виду новую сиделку? — спросила Элен.

— Да, малютку, которую я подобрал у дверей медицинского центра. Судя по ее виду, она не уступит любому мужчине.

— А какой у нее характер?

— Ведьма, каких свет не видел. Говорит с людьми, будто набрав полный рот перьев. Она сразу поставила меня на место, чтобы я не забывался... Так вот, если она — воспитанная дама, то я — Грета Гарбо.

— А где она? — с любопытством осведомилась Элен.

— Она в маленькой гостиной, я подала ей туда обед, — ответила миссис Оутс.

— В моей гостиной?

Миссис Оутс и ее супруг улыбнулись. Преувеличенное чувство собственности Элен всегда смешило их, особенно потому, что она была такой маленькой.

— Только на сегодняшний вечер, — успокоила девушку миссис Оутс. — Она сильно промокла, я и подумала, что ей лучше не дожидаться, пока все будет готово, и дала то, что успела настрять.

— Пойду поздороваюсь с ней, — решила Элен, хотя ей хотелось не столько поздороваться, сколько посмотреть на новую сиделку.

Так называемая маленькая гостиная, любимое убежище Элен, — небольшая комната в полуподвальном этаже, рядом с кухней, — была задумана как холл для прислуги в те времена, когда в ней еще не было недостатка. Стены и потолок в гостиной были окрашены ярко-желтой краской, чтобы сделать темное помещение немного светлее. Она была заставлена старой мебелью, отслужившей свой век на верхних этажах.

Элен завтракала и обедала вместе с членами семьи Варрен — этой чести она удостоилась потому, что ее отец был «джентльменом», то есть ничего не делал, чтобы заработать себе на жизнь. Но сама Элен работала и не могла пользоваться привилегией проводить часы досуга в большой гостиной. Поэтому желтая комната была отдана в ее распоряжение, и она ревниво следила за тем, чтобы никто не пользовался ее временной собственностью, ибо это задевало ее чувство собственного достоинства.

Когда Элен вошла в свое убежище, новая сиделка подняла голову и посмотрела на нее. Это была женщина могучего сложения, ростом с высокого мужчину. На ней была темно-синяя форма. У нее были крупные черты лица, густые и почти сросшиеся брови, щеки ее разгорелись от холода.

Она уже доела свой обед и теперь курила.

— Вы сестра Баркер? — спросила Элен.

— Здравствуйте, — вежливо сказала сиделка, положив сигарету. — А вы, мисс Варрен?

— Нет, я помощница, мисс Кейпел. Вам ничего не нужно?

— Нет, спасибо. — Сестра Баркер снова закурила. — Я хочу спросить вот что. Почему меня поместили в кухню?

— Это не кухня, — объяснила Элен, — это моя гостиная.

— И вы тоже здесь обедаете?

— Нет, я обедаю с членами семьи.

Глубоко сидящие глаза сиделки заблестели, и Элен поняла, что та ей завидует. Хотя Элен не привыкла к тому, чтобы ей завидовали, внутренний голос сказал ей, что надо смягчить обиду сестры Баркер.

— Вообще-то у сиделки есть своя собственная гостиная на втором этаже, гораздо более комфортабельная, чем эта, — сказала она. — Вам будут подавать завтрак и обед туда. Конечно, тот же обед, что и хозяевам. Сегодня мы поспешили подать обед, чтобы вам не пришлось долго ждать, потому что вы, наверно, очень замерзли и устали.

— Не только замерзла и устала, — трагическим тоном произнесла сестра Баркер. — Я еще и очень испугана. Этого места нет ни на одной самой подробной карте. Я никогда не думала, что дом расположен так далеко от города.

— Но вы же знали, что он находится в сельской местности.

— Я думала, что это обычный загородный коттедж. Мне сказали, что я буду ухаживать за леди Варрен, это звучало вполне прилично.

Элен подумала, что ей, пожалуй, стоит предупредить сестру Баркер о том, что ее ожидает.

— Боюсь, что ваша больная покажется вам немного взбалмошной, — сказала она. — Прошлая сиделка ее просто боялась.

Сестра Баркер проглотила дым как заядлый курильщик.

— Меня-то ей не испугать, — заявила она. — Она увидит, что со мной ее штучки не пройдут. Мои больные всегда в полном порядке. Одно мое присутствие

оказывает на них благотворное воздействие. Лучше всего доброта. Железная рука в бархатной перчатке.

— Не думаю, что железная рука может быть доброй, — заметила Элен.

Когда вошла миссис Оутс, Элен отвернулась от сестры, чувствуя немалое облегчение. Миссис Оутс сняла испачканный жиром передник, сочтя своим долгом завести знакомство с новой сиделкой по всем правилам светских приличий.

— Обед почти готов, остается только его подать, — объявила она. — Я заглянула к вам, чтобы спросить, не хотите ли вы немного пудинга или кусочек пирога с вареньем из крыжовника?

— Варенье койсервированное? — спросила сестра Баркер.

— Нет-нет, крыжовник из нашего последнего урожая.

— Ну, тогда — ничего, спасибо, — сказала сестра Баркер.

— Ну а чашечку крепкого горячего чая?

— Нет, спасибо. А у вас нет никакого стимулирующего средства? — светским тоном спросила она.

У миссис Оутс заблестели глаза, и она облизнула губы.

— Полно в винном погребе, — ответила она. — Но ключ всегда у хозяина. Если хотите, сестра, я поговорю с ним.

— Нет, спасибо. Лучше я сама поставлю в известность мисс Варрен о своих условиях... Очень странно, что она не спустилась сюда, чтобы поговорить со мной. Где она?

— Сидит с леди Варрен. Я бы на вашем месте не очень-то спешила подниматься туда, сестра. Как войдете, так и застрянете надолго.

Сестра Баркер обдумала совет миссис Оутс.

— Меня предупредили, что сменщицы не будет, — пробормотала она. — Но я прямо с дежурства. Я приехала в центр по вызову старшей сестры. Мне надо хорошенько отдохнуть ночью.

Она повернулась к Элен:

— У вас хороший сон?

— Без перерыва с десяти до семи, — похвасталась девушка.

— Тогда вам не повредит, если вы одну ночь не поспите. Сегодня вам придется провести ночь с леди Варрен.

Элен охватил ужас.

— Нет! — воскликнула она. — Я не могу!

— А почему?

— Я... В общем, это, наверное, глупо, но я ее боюсь.

Сестра Баркер презрительно улыбнулась:

— Глупости. Бойтесь беспомощной старухи, прикованной к постели. Никогда не слышала о таких капризах! Я договорюсь об этом с мисс Варрен.

Элен едва не стошнило от отвращения при одной только мысли об ужасной улыбке леди Варрен. Да, сейчас старуха имеет повод для улыбок: только она знает, где спрятан ее револьвер.

Вдруг Элен со страхом подумала о том, что может случиться, если сиделка будет настаивать, чтобы ее освободили от дежурства в эту ночь. Она беспокойно оглянулась, словно ища выхода, и вспомнила о молодом докторе. Если она попросит, он не откажет в ее просьбе.

— Ну ладно, посмотрим, что скажет доктор, — произнесла она.

— А доктор молодой? — спросила сестра Баркер.

— Довольно молодой, — ответила Элен.

— Женатый?

— Нет.

Миссис Оутс подмигнула Элен, когда сестра Баркер взяла свою сумку, вынула оттуда зеркало и губную помаду и покрыла губы слоем помады грязно-алого цвета.

— Знаете что, — обратилась она к Элен. — Лучше я поговорю с доктором. Этого требует профессиональная этика. Вы не должны говорить с ним о больной.

— Я никогда не говорю с ним о ней, — заметила Элен.

— Тогда о чем же? — ревниво спросила сестра Баркер.

— Да, о чем говорят эти двое? — вмешалась миссис Оутс. — О чем-нибудь пикантном, можете не сомневаться. Мисс Кейпел пользуется у мужчин огромным успехом.

— Миссис Оутс шутит, — поспешила заверить Элен, ибо внутренний голос говорил ей, что не следует наживать себе врагов. — Доктор просто хороший парень, и мы с ним друзья. Вот и все.

Сестра Баркер посмотрела на миссис Оутс:

— Странный дом. Я думала, что здесь полно прислуги. Почему в доме так пусто?

— Да очень странно, — согласилась та. — С тех пор, как дом построили, всегда было очень трудно находить прислугу, особенно молодых девушек. Во-первых, дом очень уединенный. И потом, у него дурная слава.

— Дурная слава? — подхватила сестра Баркер, а Элен наворостила уши, с нетерпением ожидая ответа миссис Оутс.

— Да. Сейчас это уже почти легенда, но во времена отца нынешнего хозяина, сэра Роберта, одна из горничных утонула в колодеце. Ее обманул поклонник, и поэтому все считали, что она сама бросилась в колодец. К тому же это был колодец, из которого брали воду для питья.

— Очень неприятное загрязнение, — пробормотала сестра Баркер.

— Очень. И кроме того, было еще убийство... Это была младшая кухарка, которую нашли в доме мертвой, у нее было перерезано горло от уха до уха. Она ненавидела бродяг и всегда прогоняла их. Слышали, как один из них угрожал разделаться с ней. Его так и не нашли. С тех пор от дома веет чем-то неприятным.

Элен крепко сцепила руки.

— Миссис Оутс, — спросила она. — А где точно произошло это убийство?

— В темном проходе, там где погреб, — ответила та. — Я напрасно рассказала вам эту историю именно сейчас. Мы с Оутсом зовем это место «Тропа смерти».

Когда Элен слышала признание миссис Оутс, ей пришло в голову, что непонятные слова леди Варрен относительно «деревьев, которые хотят проникнуть в дом», имеют под собой серьезное основание. Много лет старуха томилась в этой мрачной сырости, которая, казалось, проникала в кости. Она день за днем стояла у окна, вглядываясь в зимние сумерки, когда туман при-

нимал самые разнообразные формы и трепещущие деревья оживали.

Одно из этих «оживших деревьев» — бродяга, одичавший и свирепый, с красными глазами, действительно проник внутрь. Не удивительно, что сейчас, в старости, она переживает в памяти страшную сцену.

— Когда это случилось? — спросила Элен.

— Незадолго до смерти сэра Роберта. Леди Варрен хотела оставить дом, потому что невозможно было найти прислугу, и они все время ссорились, пока не произошел этот несчастный случай.

— А у профессора тоже трудности с прислугой? — поинтересовалась сестра Баркер.

— До сих пор не было, — ответила миссис Оутс. — Всегда можно было найти старушек и пожилых женщин, подходящих для приличного и спокойного дома. Все было хорошо до тех пор, пока снова не начались эти убийства.

Сестра Баркер с мрачным удовлетворением облизнула губы.

— Одно из них произошло довольно близко, правда? — спросила она.

— Всего за несколько миль.

Сестра Баркер засмеялась, зажигая новую сигарету.

— Ну что же, — заметила она. — Мне нечего беспокоиться, раз она здесь.

— Вы имеете в виду мисс Кейпел? — спросила миссис Оутс.

— Да.

Элен не особенно понравилась мысль, что этот ужасный выбор может пасть на нее. Она очень жалела, что ей пришлось выйти на авансцену из-за того, что миссис Оутс необдуманно объявила о воображаемой способности Элен привлекать мужские сердца.

— Почему же убийца должен выбрать именно меня? — возразила она.

— Потому что вы молодая и хорошенькая.

Элен засмеялась, у нее мелькнула мысль, внезапно успокоившая ее.

— В таком случае, — сказала она, — мне тоже ничего не угрожает. Ни один мужчина даже не посмотрит на меня, пока здесь находится невестка профессора. Она тоже молодая, и от нее так и разит сексом.

Сестра Баркер с мрачной многозначительностью покачала головой.

— Нет, — настойчиво сказала она, — ей нечего беспокоиться.

— Почему? — спросила Элен.

Сестра Баркер в свою очередь задала вопрос:

— Разве вы сами этого не заметили?

Ее намек был настолько неопределенным и таинственным, что Элен почувствовала раздражение.

— Мне хотелось бы, чтобы вы сказали откровенно! — воскликнула она.

— Ладно, — произнесла наконец сестра Баркер. — Разве вы не заметили, что убийца всегда выбирает девушек, которые сами зарабатывают себе на жизнь? Очень может быть, это какой-нибудь контуженный, который вернулся с фронта и увидел, что на его прежнем месте работает женщина. Вся страна кишит работающими женщинами, как червями, которые пожирают все рабочие места, а мужчины умирают с голода.

— Но ведь я не занимаюсь мужской работой, — возразила Элен.

— Занимаетесь. Теперь в домах много мужской прислуги. И здесь есть мужчина. Ее муж. — Сестра Баркер кивнула в сторону миссис Оутс. — Вместо того, чтобы сидеть дома, вы уехали на заработки. Вы отнимаете заработок у других. Вот как может мужчина посмотреть на это.

— Ну... а вы?

— Сиделками всегда были только женщины.

Миссис Оутс, поднявшись со стула, сделала попытку разрядить обстановку:

— Ну ладно, пойду к Оутсу. Интересно, как он там подает обед. Может быть, испортил что-нибудь. Ей-Богу, сестра Баркер, послушать вас, так можно подумать, что вы сами мужчина.

— Я могу смотреть на мир их глазами, — отрезала сестра Баркер.

Элен заметила, что миссис Оутс задела сиделку за живое, и та кусает себе губы, будто жалея о своих последних словах. Она не отрывала глаз от девушки, которая съежилась под этим упорным взглядом. Элен пришла в себя, услышав громкий смех миссис Оутс:

— Ну ладно, кто бы там не хотел обидеть нашу маленькую мисс Кейпел, ему сначала придется иметь дело с Оутсом и со мной.

Элен посмотрела на широкое лицо миссис Оутс с тяжелой нижней челюстью, на ее жилистые руки и подумала о необычайной силе ее мужа. В случае необходимости она могла рассчитывать на двух достойных защитников.

— Мне не страшно, даже если убийца выбрал именно меня, — сказала девушка.

Но сестра Баркер, словно побуждаемая неким сверхъестественным инстинктом, оживила уснувший было страх Элен.

— Во всяком случае, — заметила она, — у вас будет очень приятная компания — леди Варрен. Сегодня вы будете спать в ее комнате.

Слушая ее, Элен поняла, что все кончено. Леди Варрен знала, что Элен обязательно придет к ней. Старуха скалила зубы, как крокодил, знающий, что его жертва не ускользнет от него.

Старуха будет ждать ее.

РЕВНОСТЬ

ока Элен решала проблему, как убедить доктора в том, что она не может дежурить ночью у леди Варрен, чтобы он мог поддержать ее своим авторитетом, классический треугольник развивался по обычной схеме. Если бы Элен знала, к каким это приведет последствиям, она не стала бы вмешиваться в трения между супругами. Впервые в жизни с удобного места, в первых рядах партера она переместилась на сцену.

Чем больше она думала о перспективе провести ночь в Синей Комнате, тем меньше это ей нравилось. Она могла либо безоговорочно подчиниться, либо проявить открытое неповиновение, и тогда ей грозило не только увольнение, но, вероятно, с нее удержали бы жалование. Элен была уверена, что мисс Варрен поддержит сиделку, потому что она весьма неудачно выступила в роли ее помощницы и не проявила достаточного такта.

Положение опытной сестры Баркер было значительно выше, чем положение помощницы, не имевшей никакой специальности. И если бы она объявила ультиматум, то приперла бы Элен к стене. Кроме того, у Элен было смутное подозрение, что, несмотря на явный интерес к ней, доктор поддержит сестру — из чисто этических соображений.

«Если он изменит мне, я должна буду стиснуть зубы и примириться, — думала Элен. — Но сначала я должна сделать отчаянную попытку и воззвать к его лучшим чувствам».

Казалось бы, ее страх перед старухой и буря в стакане чая, разразившаяся в большой гостиной, никак не были связаны между собой, но отзвуки этой бури оказали очень важное влияние на судьбу девушки.

Гостиная и кухня были удалены друг от друга. В то время как Элен в кухне занималась мускатными орехами, Симона в гостиной бросила сигарету в огонь камина, зевнула и встала. Сразу же из-за книги вынырнула голова ее супруга.

— Куда ты идешь? — спросил он.

— Одеться к обеду. А что?

— Просто пробный ход, чтобы начать разговор. Культурный человек не может постоянно молчать, как это делаешь ты.

Глаза Симоны блеснули из-под подведенных бровей.

— Ты все время спрашиваешь, — сказала она. — Я не привыкла к допросам, и мне они неприятны. И вот еще что. Я не люблю, когда за мной следят.

Ньютон выпятил нижнюю губу и тоже бросил сигарету в огонь.

— Но совершенно случайно я иду туда же, куда и ты, моя дорогая, — заявил он. — Я тоже иду переодеться к обеду.

Симона круто повернулась и уставилась на него.

— Послушай! — воскликнула она. — Из уважения к профессору я не хочу устраивать тебе сцены в этом доме. Но я предупреждаю раз и навсегда, с меня довольно!

— Я тоже предупреждаю тебя, — сказал Ньютон, — с меня довольно твоих заигрываний с Райсом.

— Ах, не будь таким дураком и не начинай снова твоих средневековых штучек. Ты ничего не сможешь сделать со мной. Я свободна и могу поступать как хочу. Я могу бросить тебя. И я сделаю это, если ты будешь продолжать в том же духе. У меня есть свои средства.

— Может быть, потому-то я и стремлюсь удержать тебя. Не забывай, единственный капитал членов этого семейства — мозги.

Лицо Симоны разгладилось, и она посмотрела на мужа с некоторым интересом. Симона признавала только собственные чувства и желания и не утомляла работой свой разум. Она презирала умных женщин, ибо искренне считала, что женщине нужен только инстинкт для завоевания принадлежащей ей по праву территории — сердца мужчины.

В силу контраста она уважала мужской ум. Она вышла замуж за Ньютона, хотя он был очень некрасив, только из-за того, что ей казалось, будто за его высоким выпуклым лбом кроется нечто таинственное. Она была так избалована, что могла заинтересоваться только тем, что ей не сразу давалось.

Целая серия любовных приключений со студентами не произвела на нее никакого впечатления — все это

было слишком легко. Ньютон смог бы удержать ее, если бы сохранял позу незаинтересованного наблюдателя.

К несчастью, ревность к смазливому Стефану Райсу низвергла его с Олимпа на грешную землю. Они оба одинаково не любили друг друга с тех пор, как со Стефаном случилась история, из-за которой он вылетел из Оксфорда. Поэтому Стефан подыгрывал Симоне в присутствии ее супруга, чтобы сделать ему неприятное.

У дверей гостиной Симона обернулась и сказала:
— Я иду навстречу. Одна.

Ньютон мрачно посмотрел на нее и еще глубже ушел в кресло. Но через некоторое время он, отбросив книгу, бесшумно поднялся по ступенькам и, прислушиваясь, остановился на площадке.

Симона поднялась на третий этаж, но не пошла в Красную Комнату. Вместо этого она направилась к двери Райса и легонько постучала по ней пальцем.

— Стив, — позвала она его.

Стефан лежал на кровати и курил. На его груди покоилась голова щенка. Услышав голос Симоны, Стефан нахмурился и взглянул на собаку, словно подавая знак вести себя тихо.

Щенок поднял уши и повернул голову к двери. Белки его глаз сверкнули. Симона постучала громче и нажала на ручку двери.

— Не входите! — крикнул Стефан. — Я не одет.

— Поскорее. Я хочу вас видеть.

Симона направилась в Красную Комнату, которой уже успел завладеть ее супруг.

— Что, не повезло? — игриво спросил он, снимая пиджак.

— Я просила не ходить за мной.

— Я и не ходил. Я просто двигался, повинаясь законам природы. Даже ледники движутся, хотя мы не замечаем этого.

— Если бы вы двигались с той же скоростью, что и ледники, я бы не жаловалась.

Подойдя к гардеробу, Симона вынула черное бархатное платье, которое она надевала к обеду с тех пор, как приехала в этот дом. Но потом она отложила его и, выбрав бледно-розовое атласное, стала надевать его.

— Прелестное платье для семейного обеда в сельской местности, — фыркнул Ньютон.

Симона с презрением посмотрела на него.

— Я надела это платье не для вашего семейства, — ответила она.

Пока она накладывала грим, он не отрывал от нее глаз.

— Капельку духов за ушки, — посоветовал он, — и ни один мужчина не устоит.

— Спасибо, что напомнил.

Симона закончила свой туалет с гневно сверкающими глазами. Губы ее были плотно сжаты. Выйдя из комнаты, она нарочно оставила дверь широко открытой, чтобы муж мог слышать, как она идет к двери Стефана.

— Стив, — снова позвала она его. — Я хочу с вами поговорить.

— А, ладно.

Стефан, заспанный и растрепанный, вышел.

— У вас растрепались волосы, — сказала Симона, поднимая руки к его густой шевелюре.

— Не надо. — Стефан сделал попытку вырваться. — Я не люблю, когда меня трогают.

— Но мне это нравится.

— Тогда продолжайте, дорогая.

Стефан перестал сопротивляться, потому что услышал за собой шаги. Он поднял голову, посмотрел на Ньютона и, ехидно улыбаясь, сказал:

— Все это предназначается вам, Варрен. Ваша жена только практикуется на мне.

У Ньютона вздулись вены на висках, когда он увидел, как обнаженные руки жены обвились вокруг шеи бывшего студента. Потом она со смехом взъерошила его волосы и объявила:

— Вот, прическа готова!

Ньютон ухмыльнулся, видя недовольство Стефана:

— Надеюсь, моя жена и дальше будет использовать вас вместо манекена. Лишь бы она оставила меня в покое.

Симона посмотрела на упрямый ежик рыжих волос.

— Хоть причесявай, хоть нет — никакой разницы, — сказала она. — Стефан, вы еще не выразили своего восхищения моим новым платьем.

Райс даже не заметил наряда Симоны, но рассыпался в комплиментах, специально для Ньютона:

— Сногшибательно. Я убит. Очень красиво, и, главное, все на виду. Теперь уж никто не примет вас за монахиню.

Губы Ньютона сжались, а толстые стекла очков сделали еще более заметными мрачные огни в его глазах. Сначала Стефан был немного смущен, но затем к нему вернулась его обычная грубоватая самоуверенность, и, когда Симона, медленно поворачиваясь, продемонстрировала ему платье и свою спину, он громогласно заявил:

— Это — само совершенство.

Эта сцена стала еще одним потоком, влившимся в реку, которая позже, во время разлива, едва не унесла Элен, словно соломинку.

Ньютон отвернулся, пожав плечами.

— Боюсь, что платье моей жены для меня не такая новость, как для вас, — заметил он. — Да, между прочим, куда вы дели вашу собаку?

— Она в моей спальне, — резко ответил Стефан.

— В спальне? Вы действительно зашли слишком далеко. Вряд ли это корректно по отношению к хозяйке дома. Если хотите принять мой совет, отведите ее на ночь в гараж.

— От вас я ничего не приму, — огрызнулся Стефан.

— Даже мою жену? Что же, большое спасибо.

Насвистывая и тщетно пытаясь изобразить безразличие, Ньютон сбежал по ступенькам, ни разу не оглянувшись.

Стефан кипел от негодования, хотя понимал, что Ньютон прав.

— Пусть меня повесят, если я засуну щенка в эту проклятую дыру! — бушевал он. — Он останется здесь — или я уйду вместе с ним!

— Ради Бога, забудьте о собаке! — воскликнула Симона. — Лучше скажите мне, вам действительно нравится мое платье?

— Вот что я могу сказать о нем, — ответил Стефан, который после ухода Ньютона вернулся в свою студию. — Мне приятно смотреть на спину боксера, когда я поставил на него, но вне ринга мне наплевать на все голые спины на свете.

— Грубиян! — воскликнула Симона. — Я надела это платье для вас. Я хочу, чтобы вы навсегда запомнили наш последний вечер. И меня.

— Простите, дорогая, — быстро сказал Стефан, — но после обеда я иду в бар.

Глаза Симоны загорелись ревностью:

— У вас свидание с этой официанткой, у которой волосы как пакля!

— С Белочкой? Да, верно. Но меня больше интересует нечто другое. Пиво. Замечательное пиво.

— Лучше останьтесь со мной... Вы единственный мужчина, которого мне пришлось просить об этом.

Стефан надул губы, словно избалованный ребенок. Ему хотелось провести вечер в мужском обществе, хотелось полной свободы и приятных собутыльников, которых он мог найти в этом маленьком сельском баре. Светловолосая хозяйская дочка, наливавшая пиво в кружку, была лишь незначительной частью этих радостей.

Кроме того, ему хотелось избавиться от Симоны.

Если бы он лучше понимал ее характер, то достиг бы своей цели, проявляя безоговорочное повиновение или осыпая ее знаками внимания. Но он отверг Симону и этим открыл еще одну брешь в стене, которая огораживала Элен от грозящей ей опасности.

Почти вбежав в свою комнату, он с шумом захлопнул за собой дверь и бросился на кровать.

— Женщины хуже черта, — сказал он щенку. — Никогда не женись, приятель.

Симона, чье настроение значительно ухудшилось, сбежала по ступенькам. На втором этаже она почти столкнулась с миссис Оутс, которая показывала новой сиделке комнату больной. Увидев огромную сестру Баркер, Симона немного успокоилась, потому что ревность ее достигла таких пределов, что ее раздражало бы даже присутствие хорошенькой сиделки.

— Это молодая миссис Варрен, — прошептала миссис Оутс и постучала в дверь Синей Комнаты.

Сестра Баркер, повидавшая немало подобных женщин, проворчала:

— Тип нимфоманьяка.

— Ну нет, она не маньяк, — заявила миссис Оутс. — Она вполне в своем уме, только очень канризная.

Мисс Варрен открыла дверь, и в ее водянистых глазах появилось что-то вроде удовлетворения.

— Я очень рада, что вы приехали, сестра, — сказала она.

— Я не сомневаюсь, что вы с удовольствием уступаете мне место, — заметила сестра Баркер. — Могу я видеть больную?

Она уверенно вошла вслед за мисс Варрен в Синюю Комнату и остановилась у кровати, где, сжавшись в комок, с закрытыми глазами, лежала леди Варрен. Ее веки были цвета мокрой глины.

— Надеюсь, вы ей понравитесь, — нерешительно пробормотала мисс Варрен.

— О, мы скоро подружимся, — уверенно ответила сестра Баркер. — Я умею обращаться со стариками. С ними надо вести себя ласково, но твердо. Они точно дети.

Вдруг леди Варрен открыла один глаз, который имел отнюдь не детское выражение: так могло бы смотреть дитя, погрязшее в вечном грехе.

— Это новая сиделка? — спросила она.

— Да, мама, — ответила мисс Варрен.

— Отошли ее.

Мисс Варрен беспомощно посмотрела на сиделку.

— О Боже, — прошептала она, — боюсь, что вы тоже ей не нравитесь.

— Это пустяки, — заверила сестра Баркер. — Мы сегодня немножко раздражительны, вот и все. Скоро это пройдет.

— Отошли ее, — повторила леди Варрен. — Я хочу опять ту девушку.

Сестра Баркер воспользовалась случаем завоевать благосклонность больной.

— Сегодня вы получите ее, — пообещала она.

Потом она отвела мисс Варрен в сторону.

— Есть здесь немного бренди? — спросила она. — Врачи рекомендуют мне принимать немного стимулирующего.

Мисс Варрен беспокойно оглянулась.

— Я думала, вас предупредили, что в доме не подают спиртного, — сказала она, — и поэтому вам платят больше.

— Но ведь нельзя не иметь бренди в комнате больного, — настаивала сиделка.

— Моей матери не дают бренди, она живет на кислороде... — нерешительно проговорила мисс Варрен. — Без него она не может обойтись... но... может быть... Я поговорю с профессором.

Скользя перед огромной фигурой сестры Баркер, словно осенний высохший лист, подгоняемый восточным ветром, она прошла к двери профессора.

Он появился у дверей спальни в ответ на робкий

стук своей сестры, поздоровался с сиделкой с чопорной вежливостью и выслушал ее требование.

— Конечно, вы получите бренди, если это вам нужно, — заверил он. — Я сейчас же спущусь в подвал и пошлю бутылку бренди в вашу комнату.

Элен, которая помогала на кухне, с любопытством наблюдала за миссис Оутс, когда профессор попросил у той свечу:

— Попрошу вас поддержать свечу, я иду в винный погреб.

Хотя требование профессора содержало известную долю жестокости, миссис Оутс тотчас же повиновалась. Электрическая лампочка на шнуре освещала коридор только до поворота; за углом было почти темно. Миссис Оутс шла перед профессором, словно проводник, а у дверей подвала остановилась, высоко держа свечу, точно паломник, добравшийся до своей Мекки.

Ключ повернулся в замке, и миссис Оутс вместе с профессором вошли в святилище. Глаза женщины алчно заблестели, когда ее хозяин начал выбирать бутылку из множества бутылок в плетеной корзине.

Она глядела на них жаждающим взором, пока профессор проверял температуру по термометру, висевшему на стене.

— Термометр наверняка испорчен, — сказал профессор, передавая бутылку миссис Оутс, — поддержите эту бутылку, а я посмотрю на него при более ярком свете.

Вскоре он вернулся, повесил термометр на место и запер дверь подвала. Теперь он возглавлял процессию, а миссис Оутс почтительно следовала за ним. Проходя мимо моечной, она на минуту нагнулась возле раковины.

Профессор поставил бутылку бренди на кухонный стол и обратился к Элен:

— Пожалуйста, отнесите это в Синюю Комнату, сразу же как только миссис Оутс откупорит ее.

Когда профессор ушел, Элен сочувственно посмотрела на миссис Оутс:

— Какое безобразие! Почему бы вам не отлить ложечку, чтобы выпить за здоровье леди Варрен?

— Я бы никогда не посмела этого сделать, — ответила миссис Оутс. — Эта сиделка сразу увидит, что бутылка неполная и наябедничает на меня, а доливать водой такую чудесную вещь — просто грех.

Элен восхитилась выдержкой и добродетелью миссис Оутс, когда та быстро сунула бутылку ей в руки и сказала:

— Поскорее унесите это. Только смотрите не уроните.

Как только Оутс осталась одна, обнаружилась тайна ее доблестного поведения: пробравшись в моечную, она нагнулась, чтобы подобрать нечто, спрятанное под раковиной. Счастье постучалось к ней в дверь, и она откликнулась на его зов. Возвратившись в кухню, она улыбнулась, с триумфом глядя на свою добычу, а потом спрятала ее в шкафу среди «пустышек» или «покойничков», как называл их Стефан.

Это была вторая бутылка бренди.

СТАРУХА ВСПОМИНАЕТ

лен отнесла бутылку наверх и постучала в дверь Синей Комнаты. Сестра Баркер открыла ей дверь. В белом халате, с багровым лицом, окаймленным косынкой, она была похожа на монументальную футуристическую скульптуру.

— А, это вы, — сказала она. — Хорошо, что вы пришли, теперь я смогу немного поспать. Мне необходимо выспаться ночью, если я одна, без сменщицы, должна буду дежурить у этой больной. — С мрачным блеском глубоко сидящих глаз она добавила: — Я все устроила, вы проведете эту ночь здесь. Мисс Варрен присутствовала при этом разговоре, так что она знает, о чем мы договорились, а старуха, леди Варрен, — быстро поправились она, — не возражала.

Элен подумала, что будет разумнее, если протест будет исходить из официального источника, и сказала:

— Хорошо, сестра, но мне надо быстро переодеться.

— Ах да, вы переодеваетесь к обеду, верно?

Она произнесла это таким напряженным тоном, взгляд ее был таким злобным, что Элен была рада поскорее убраться из комнаты.

«Она ревнивая, — подумала Элен. — А мисс Варрен трусиха. Они обе — слабые звенья. Интересно, какой у меня главный недостаток?»

Как большинство представителей рода человеческого, Элен не замечала своих слабостей и выразила бы горячий протест, если бы ее обвинили в любопытстве, хотя миссис Оутс уже заметила эту особенность ее характера.

Войдя в свою спальню, Элен с испугом отпрянула от двери, увидев какую-то темную массу, которая, казалось, стремится проникнуть к ней в окно.

Она быстро нащупала выключатель и увидела, что испугалась напрасно: темная масса оказалась ветвями высокого кедра, которые бились в окно под порывами бури. Хотя на первый взгляд дерево было близко, но все же расстояние было слишком большим для того,

чтобы даже лучший гимнаст мог прыгнуть с дерева в ее комнату; тем не менее упорство, с которым ветвистая Элен, навредило на очень неприятные мысли.

«Это дерево словно хочет ворваться в дом, — подумала Элен. — Я должна закрыть окно».

Закрепив обе створки, Элен увидела, что вода льется по стеклу, словно по водосточной трубе, а внизу лежит сад, утонувший во влажной темноте, в окружении терзаемых ветром деревьев, отданных во власть могучей стихии.

Она с радостью задернула плотные занавески и теперь наслаждалась контрастом между тревожным ландшафтом и спокойным уютом великолепной комнаты, обставленной мебелью из спальни покойной леди Варрен, предшественницы больной старухи. Когда покойница сменила свою спальню на семейную усыпальницу, мебель была еще новой и дорогой и сохранила свое великолепие до сих пор, так как ею никто не пользовался.

Вернувшись из Кембриджа, мисс Варрен убрала из всех комнат вещи, принадлежавшие ее матери, сложив их в эту комнату, которая считалась запасной. Сама мисс Варрен предпочитала строгий функциональный стиль. Но Элен несколько не возражала против обилия украшений и безделушек, и ей очень нравилось сочетание терракотового и бирюзово-синего цветов — в этих тонах был выдержан толстый ковер и занавеси из дорогой ткани.

Фотография прежней владелицы комнаты занимала почетное место на мраморном камине. Очевидно, она была сделана в восьмидесятые годы прошлого века и изображала приятную даму с завитой челкой: даме немного не хватало лба, но зато у нее было несколько лишних подбородков.

Над фотографией висело зеркало, густо разрисованное внизу камышами, водяными лилиями и журавлями.

Когда Элен подумала, что ей предстоит провести эту ночь с леди Варрен, она искренне пожелала, чтобы сэр Роберт остался верным памяти своей первой супруги.

«Если бы она была сейчас жива, какая из нее бы вышла добрая старушка! — подумала Элен. — Но вообще-то я это заслужила. Зачем мне надо было увидеть эту Синюю Комнату!?»

Элен так захотелось встретиться с доктором Перри и убедить его вступить за нее, что она применила тактику Симоны. Обычно Элен надевала к обеду белое летнее платье без рукавов, но сегодня она впервые выбрала свой единственный праздничный наряд — дешевое «маленькое вечернее платье», купленное на Оксфорд-стрит во время распродажи. Так или иначе, художественный, хотя и довольно банальный, контраст между бледно-зеленой тканью платья и пламенеющим снопом ее волос приятно поразил ее, и она улыбнулась своему отражению в зеркале на подвижной раме.

— Я должна поймать его, — пробормотала она, сбегая по ступенькам, внезапно испугавшись, что доктор пришел, пока она переодевалась.

Кроме всего прочего, она должна была поговорить с ним наедине. Это было не очень просто, потому что в любой момент ее могли позвать на помощь, так как ее обязанности были весьма неопределенными. Но она научилась прятаться, делая вид, что занята чем-то важным, и никакой сигнал бедствия не долетел бы до ее ушей в тот момент, когда ее поражала временная глухота.

«Пойду в прихожую, — решила она, — возьму мокрую тряпку и буду вытирать пыль с пальмы».

Спустившись на площадку второго этажа, Элен заметила, что дверь Синей Комнаты приоткрыта и оттуда виднеется что-то белое и блестит внимательный глаз сестры Баркер. Застигнутая врасплох, сестра быстро прикрыла дверь.

Она словно подглядывала за Элен, в этом было что-то вороватое и неприятное, так что Элен почувствовала беспокойство.

«Эта сиделка следит за мной, — подумала она. — Очень странная женщина. Мне бы не хотелось остаться с ней в доме наедине. Она может сделать что угодно».

Элен очень не любила неясности, поэтому она инстинктивно, не раздумывая, двинулась в сторону Синей Комнаты. Сестра Баркер, видя, что ее засада раскрыта, отворила дверь.

— Что вам надо? — очень нелюбезно спросила она.

— Я хочу предупредить вас, — ответила Элен.

Она остановилась, видя, что сестра Баркер с вожделением смотрит на ее открытую шею какими-то голодными глазами.

— Какая у вас белая кожа! — сказала она.

— Как у всех рыжих, — коротко объяснила Элен.

Как правило, Элен было обидно, что она не привлекает всеобщего внимания, но теперь, впервые, восхищение было ей неприятно.

— Вы сказали, что хотите меня предупредить, — напомнила сестра Баркер.

— Да, — прошептала Элен. — Не очень-то полагайтесь на то, что леди Варрен такая уж беспомощная.

— Что вы хотите сказать?

— Она кое-что прячет.

— Что?

— Если вы такая же хитрая, как она, то увидите, что именно, — ответила Элен, поворачиваясь к двери.

— Подождите, — попросила сестра Баркер. — Вы сказали или слишком много, или слишком мало.

Элен улыбнулась и покачала головой.

— Спросите мисс Варрен, — посоветовала она. — Я сказала ей и получила хороший щелчок по носу за все мои старания. Но я уверена, что должна сказать вам, чтобы вы не зевали.

Элен вздрогнула, услышав из глубины комнаты низкий голос:

— Это та девушка?

— Да, миледи, — ответила сестра Баркер. — Хотите ее видеть?

— Да.

— Простите, — быстро сказала Элен. — Я очень спешу, мне надо помочь накрыть на стол.

У сестры Баркер заблестели глаза, как у человека, чувствующего свою силу.

— Почему вы ее так боитесь? — фыркнула она.

— Вы бы тоже боялись, если бы знали то, что знаю я, — заметила Элен.

Сестра Баркер схватила Элен за руку. Ее ноздри раздувались.

— Обед может подождать, — сказала она. — Мисс Варрен велела, чтобы леди развлекали и во всем слушались. Входите.

У Элен упало сердце, когда она вошла в Синюю Комнату. Леди Варрен лежала в кровати, голова ее покоилась на высоко взбитых подушках. На ней был пушистый белый халат. Густые седые волосы были акку-

ратно расчесаны на прямой пробор и связаны розовыми бантиками.

Очевидно, сестра Баркер первым делом украсила свою больную, как жертвенного агнца. Элен понимала, что только своеобразное мрачное чувство юмора позволило леди Варрен стерпеть подобное унижение. Она хотела обмануть сиделку, внушив ей ложное чувство безопасности, чтобы потом правда показалась той еще более страшной.

— Идите сюда, — хрипло прошептала больная. — Я хочу сказать вам...

Она крепко схватила Элен за руку и притянула к себе, так что та почувствовала горячее дыхание на обнаженной шее.

— В этом доме была убита девушка, — произнесла леди Варрен.

— Да, я знаю, — успокаивающим тоном ответила Элен. — Но почему вы об этом подумали? Это ведь случилось так давно!

— Откуда вы знаете? — выдохнула старуха.

— Мне сказала миссис Оутс.

— Она сказала вам, что девушку бросили в колодец?

Элен вспомнила, что по версии миссис Оутс убийца использовал иной способ. Колодец фигурировал в эпизоде с самоубийством. Ее поразило, что миссис Оутс приукрасила правду, чтобы придать убийству еще более устрашающий и сенсационный характер.

— Ну, это мог быть просто несчастный случай, — сказала она вслух.

Леди Варрен пришла в неистовство от попытки успокоить ее.

— Нет! — завопила она. — Это было убийство. Я все видела. Сверху, из окна. Было почти темно, и я подумала, что это просто дерево в саду. Но потом... потом пришла та девушка, и дерево напало на нее и бросило в колодец. Я опоздала. Я не могла найти веревку... Послушайте.

Она притянула голову Элен почти вплотную к подушке.

— Этой девушкой были вы, — прошептала она.

У Элен было такое чувство, будто ей только что предсказали скорую смерть. Но она встретила глаза.

ми с сестрой Баркер и сделала вид, что просто развлекает пациента, как настоящий специалист по обращению с больными престарелыми леди.

— Правда? — шутливо спросила она. — Ну, тогда я должна быть очень осторожна.

— Дурочка, — задыхаясь, произнесла старуха. — Я вас предупреждаю. В этом доме убивают девушек. Но вы будете спать в моей комнате. Я позабочусь о вас.

Вдруг Элен подумала, что сможет заставить старуху показать тайник, где она спрятала револьвер.

— Как же вы это сделаете? — спросила она.

— Я застрелю его.

— Прекрасно. Но где ваше оружие?

Леди Варрен посмотрела на Элен с крокодильей хитростью.

— У меня нет оружия, — захныкала она. — У меня был когда-то револьвер, но его отобрали. Я только несчастная старуха. Сестра, она говорит, что у меня есть револьвер. Это правда?

— Конечно нет, — ответила сестра Баркер. — Правда, мисс Кейпел, вы не должны раздражать мою больную!

— Тогда я уйду, — сказала Элен, очень благодарная сиделке за ее вмешательство. Потом она тихо добавила, обращаясь к ней: — Вы только что задали мне вопрос. Вот вам и ответ. Теперь вы знаете, что вам нужно искать.

У самых дверей ее остановил басовитый окрик леди Варрен:

— Возвращайтесь поскорее.

— Хорошо, обязательно, — пообещала Элен.

К ее удивлению, этот эпизод расстроил ее, и, когда она спустилась в холл, у нее немного дрожали колени.

«Что это со мной? — удивилась Элен. — Мне кажется, я совсем одурею, если только доктор не вызовет меня».

Она беспокойно посмотрела на старинные часы. Доктор Перри жил в нескольких милях от «Вершины», поэтому посещал этот дом в последнюю очередь, чтобы успеть домой к обеду.

Никогда раньше он так не опаздывал. Неясное предчувствие овладело Элен, когда она вновь прислушалась

к завываниям бури. Мимо нее, словно во сне, проплыла мисс Варрен, и она обратилась к ней:

— Доктор задерживается, мисс Варрен?

Мисс Варрен посмотрела на часы. Она уже была одета к обеду, в своем постоянном кружевном платье цвета лежалых шампиньонов.

— Может быть, он вообще не придет, — безразлично сказала она.

Элен невольно вскрикнула. Мисс Варрен, с обычным эгоизмом хозяйки, не способной представить себе, что молодая девушка, которая служит у нее, может иметь собственные интересы, подумала, что Элен беспокоится о благе семьи.

— Состояние моей матери стабильное, — объяснила она. — Хотя, разумеется, конец неизбежен. Доктор Перри дал нам необходимые указания, что делать в случае внезапной сердечной недостаточности.

— Но почему бы ему не прийти сегодня, — настаивала Элен. — Ведь он приходит каждый вечер.

— А погода?.. — пробормотала мисс Варрен.

Порыв ветра, обрушившийся на угол дома, как нельзя более своевременно подкрепил ее слова. У Элен замерло сердце.

«Он не придет, — подумала она. — И мне придется спать в Синей Комнате».

ТЕЛЕФОН

лен будет этой ночью спать в Синей Комнате. Все в доме приняли это как должное. Чувствуя, что засада в прихожей будет напрасной тратой времени, потому что доктор наверняка не придет, Элен, подавленная и расстроенная, направилась к лестнице, ведущей в кухню.

Ее перехватил Ньютон, который медленно, со скучающим видом, вышел из гостиной.

— Я слышал, что вы завоевали сердце моей бабушки, — сказал он. — Поздравляю. Как вы добились такого успеха?

Интерес в глазах Ньютона немного ободрил девушку, и она почувствовала себя увереннее.

— Ну, вам-то этого не следовало бы спрашивать.

— Вы хотите сказать, что я любимчик, — сказал Ньютон. — Может быть, и так. Может быть, ей нравится сюсюкать надо мной и кормить своего малютку конфетками. Но это ничего не значит, когда на карту поставлены финансовые вопросы. Я не могу жить одним сахаром.

До сих пор Элен побаивалась Ньютона, который полностью игнорировал ее, не считая полноправным человеческим существом. Она была в доме только для того, чтобы выполнять свою работу, и он предполагал, что она, как и другие девушки до нее, уйдет в конце месяца, если только дотянет до этого срока.

Внезапный интерес Ньютона к ее персоне позволил Элен почувствовать себя с ним свободнее.

— Вы имеете в виду завещание? — смело спросила она.

Он кивнул:

— Составит она его или нет?

— Мы говорили с ней относительно этого, — сказала Элен, полная сознания своей значительности. — Я посоветовала ей не откладывать.

Ньютон, взволнованный ее сообщением, громко позвал:

— Тетя Бланш, идите сюда!

Мисс Варрен, словно фея, подхваченная грубым земным ветром, выскользнула из своей комнаты, повинаясь зову племянника.

По какой-то необъяснимой причине этот нескладный близорукий молодой человек сумел завоевать симпатии женской половины своего семейства, за исключением собственной жены.

— В чем дело? — спросила она.

— Историческое известие, — объявил Ньютон. — Мисс Кейпел сделала за пять минут больше, чем мы за пять лет. Она заставила бабулю заговорить о завещании.

— Не совсем так, — объяснила Элен. — Но она сказала, что не умрет, пока не выполнит одно дело — очень неприятное дело, которое все всегда откладывают.

— Неплохо, — кивнул Ньютон. — Ну что ж, мисс Кейпел, я надеюсь, что вы будете продолжать вашу благородную деятельность и снова заговорите с ней об этом деле, если ночью она будет плохо спать.

Даже на мисс Варрен сообщение, казалось, произвело определенное впечатление, потому что на этот раз она посмотрела почти в лицо Элен.

— Удивительно, — пробормотала она. — Кажется, вы имеете на нее больше влияния, чем все остальные.

Элен ушла, понимая, что ее импульсивная натура снова подвела ее и она вряд ли останется посторонним зрителем. Теперь, когда члены семьи Варрен были непосредственно заинтересованы в том, чтобы она поддерживала дружеские отношения с леди Варрен, трудно было бы отказаться переночевать в Синей Комнате.

Она шла, высоко подняв голову, словно окруженный сочувствующей толпой приговоренный к казни.

Войдя в кухню, Элен сразу поняла, что миссис Оутс не в настроении. Оутс с многозначительным видом держался подальше от жены. Не обращая внимания на наряд Элен, миссис Оутс бесцеремонно указала ей на тазик с кипятком, стоящий на столе.

— Почистите вот это для торта, — приказала она. — Я опаздываю с обедом. И Оутс все время путается под ногами, так что прямо не знаю, то ли мне ходить по воздуху, то ли проделать подземный ход.

Элен, словно наказанная, покорно села за стол и неохотно стала очищать миндаль от сморщенной ко-

ричневой кожицы. Она настолько примирилась с мыслью, что доктор уже не придет, что не обратила внимания на звонок.

На световой указатель посмотрела рассерженная миссис Оутс.

— Парадная дверь, — раздраженным тоном сказала она. — Это, должно быть, доктор.

Элен вскочила и побежала к двери.

— Я открою ему! — крикнула она.

— Спасибо, мисс, — поблагодарил ее Оутс. — Я без брюк.

— Ах какой стыд! — засмеялась Элен.

Оутс имел в виду, что надел свои лучшие брюки и полотняный пиджак — костюм, в котором он обычно обслуживал за столом хозяев.

Надежда снова забрезжила перед Элен, когда она взбежала по ступенькам и открыла парадную дверь, впуслав сначала поток дождевой воды, а затем уже доктора.

Это был молодой человек плотного сложения со склонностью к полноте, с резкими, но приятными чертами лица. Элен радостно приветствовала его, и он в свою очередь посмотрел на нее с явным одобрением.

— Сегодня что, гала-представление? — спросил он.

Его взгляд не был таким неприятно-присасывающимся, как у сестры Баркер, и Элен чувствовала себя очень удобно в своем новом вечернем платье. Однако доктора Перри больше занимали глубокие впадины у ее ключиц, чем белизна кожи.

— Странно, что вы такая худенькая, — нахмурился он. — Ведь вы так много заняты домашней работой!

— В последнее время мне почти не приходится ничего делать, — объяснила Элен.

— Понятно, — пробормотал доктор Перри, раздумывая над тем, почему его совершенно не волнует добровольное голодание пациентки, сбрасывающей лишний вес, хотя результат бывает тот же.

— Вы любите молоко? — спросил он. — Ну, конечно, не любите!

— Ну да! Я бы ничего не оставила для продажи, если бы работала в молочной лавке!

— Вам надо пить много молока. Я поговорю с миссис Оутс.

Доктор сорвал с себя кожаную куртку и бросил ее на стул.

— Скверная погода, — заметил он. — Из-за нее я опоздал. Дороги, как каша. Как сегодня леди Варрен?

— Как всегда. Она хочет, чтобы я спала в ее комнате.

— Ну, если я хорошо понял ваш характер, вам это доставит удовольствие, — улыбнулся доктор. — Это что-то новенькое.

— Но я ее боюсь, — сказала Элен. — Я надеюсь только на вас — скажите им, что я не... неопытная.

— Что, мурашки бегают? И на вас тоже влияет этот дом? Вам кажется, что он слишком далеко от других?

— Нет-нет, это не просто нервы. У меня есть причина бояться.

Несмотря на свои прежние неудачные попытки убедить собеседников, Элен рассказала доктору о револьвере. Он выслушал ее очень внимательно.

— Странная история, — произнес он наконец. — Но я могу поверить во что угодно, если здесь замешана эта милая старушка. Прямо рождественский сюрприз. Я постараюсь узнать, где она его прячет.

— И вы скажите, что мне не стоит спать в ее комнате, — настаивала Элен.

Очевидно, все было не так уж просто, потому что доктор Перри задумчиво потер подбородок, как бы выражая свое сомнение:

— Ничего не могу обещать. Сначала я должен поговорить с сиделкой. Может быть, ей действительно надо хорошенько выспаться, если она прямо с дежурства... лучше мне подняться к ней.

Доктор распахнул дверь, и, когда они проходили через холл, он тихо сказал:

— Встряхнитесь, старушка! Вряд ли этот револьвер заряжен. Во всяком случае, сомневаюсь, что она сможет как следует прицелиться в таком возрасте.

— Но она бросила тарелку с овсянкой прямо в голову прежней сиделке? — напомнила Элен.

— Чистая случайность. Не забывайте — она очень старая. Не трудитесь подниматься.

— Нет, я лучше представлю вас сиделке как полагается, — настаивала Элен, старавшаяся не нарушать профессиональную этику.

Но злобный блеск в глазах сестры Баркер, которая

открыла дверь в ответ на ее стук, показал ей, что она допустила еще один промах.

— Я привела доктора Перри, — сказала она.

Сестра Баркер величественно склонила голову.

— Как давно вы здесь, доктор? — спросила она.

— О, только пять минут или около того, — ответил доктор.

— В дальнейшем, доктор, будьте любезны проходить прямо к больной, — сказала сестра. — Леди Варрен беспокоилась из-за вашего опоздания.

— Да, конечно, сестра, если она беспокоилась... — пробормотал доктор Перри.

Элен повернулась и ушла, потеряв последнюю надежду. Казалось, сиделка, обладающая более сильной волей, полностью подавила молодого доктора уже одной своей массой — она возвышалась над ним, словно башня, — оптическая иллюзия, возникшая благодаря ее широкому белому халату.

В холле мимо Элен пронеслась Симона во всем блеске своего экстравагантного наряда. Даже занятая своими невеселыми мыслями Элен заметила, что Симона расстроена. В глазах у нее стояли слезы, губы дрожали, руки были нервно стиснуты.

В ней, словно в центре урагана, бушевали противоречивые эмоции и, прежде всего, неудовлетворенное желание. Она ненавидела Ньютона, потому что он был вечным препятствием; ненавидела Стефана, потому что он оставался равнодушен к ее чарам; ненавидела себя, потому что выпустила его из рук. И вся ненависть обратилась на ту, которую она считала виновной. Она была одержима одной мыслью: Стефан отверг ее из-за официантки с соломенными волосами.

Помощница, несмотря на ее новое платье, была для нее словно невидимка, поэтому она прошла мимо нее, совершенно не замечая. Когда Элен пришла на кухню, миссис Оутс встретила ее с необычной мрачностью.

Казалось, весь воздух «Вершины» пропитан уксусом.

— Наверное, надо подавать на стол, — сказала Элен, надеясь расшевелить миссис Оутс. — Доктор скоро уйдет.

— Дело не в этом, — по-прежнему мрачно ответила миссис Оутс.

— А в чем?

— Оутс...

— А что он сделал?

— Ничего. Но он всегда на глазах, днем и ночью, так что нельзя остаться одной. Никогда не выходите замуж, мисс!

Элен с удивлением посмотрела на миссис Оутс. Она всегда восхищалась ее терпимостью по отношению к лени своего супруга, чью работу она часто выполняла сама. Хотя он никогда не стремился придать себе большее значение, она всегда подшучивала над его воображаемыми попытками. Не очень нежная, но неподдельная привязанность делала их не только партнерами в браке и работе, но и хорошими товарищами.

— Да, как говорится при заключении брачной церемонии: «На горе и на радость», — тактично заметила Элен. — И я могу понять, почему мистер Оутс так держится за вас: он понимает, что вы ему «на радость». Но я не могу представить себе мужчину, который мог бы жениться на сестре Баркер... Она, наверное, пьет.

— А? — рассеянно отозвалась миссис Оутс.

— Ну что же, — пожала плечами Элен. — Может быть, она была права, что настояла, чтобы ей дали бренди, даже если мисс Варрен говорит, что леди Варрен живет только на кислороде.

Миссис Оутс молча смотрела на Элен. Ее лоб собрался в морщины, словно она занималась сложными вычислениями. Наконец она покончила с ними и весело засмеялась.

— Ну ладно, не очень-то часто я бываю не в духе, верно? — спросила она. — Ну, а если говорить о мужьях, то и самый лучший из них — дрянь, и у меня как раз такой... Ну а сейчас, моя дорогая, проследи-ка за доктором. Как только он уйдет, я хочу отнести немного пудинга сиделке.

Элен восприняла знак внимания к сиделке со стороны миссис Оутс как измену.

— Возьмите и кекс, чтобы ей было чем закусить бренди, — посоветовала она.

— Ого, кто-то уже лезет в бутылку! — засмеялась миссис Оутс. — Она ведь только перекусила на ночь. Может, она и выглядит как кусок протухшей рыбы, но это не от хорошей жизни.

Элен почувствовала себя пристыженной — ее ревность выглядела просто смешно. Она остановилась на лестнице, ведущей в кухню, — удобное место для наблюдения, откуда было все видно и слышно. Ее очень удивила резкая перемена в настроении миссис Оутс —

это было вовсе не в ее характере. Она поворачивалась в разные стороны, словно флюгер. Откуда взялся таинственный ветер, заставлявший ее резко менять направление?

«Сегодня в доме что-то неладно», — решила она.

Услышав вдали голос доктора Перри, Элен крикнула миссис Оутс, что доктор собирается уходить, и бегом бросилась в холл. Увидев Элен, доктор двинулся навстречу. По его покрасневшему лицу было видно, что он с трудом сдерживается.

— Мисс Кейпел, — сказал он, обращаясь к Элен официальным тоном, — если пойдет речь о том, чтобы вам провести эту ночь в комнате леди Варрен, то имейте в виду, что я этого не рекомендую.

Элен сразу поняла, что сестра Баркер перестаралась, применяя свой метод. Обрадовавшись своему освобождению, она тем не менее решила, что лучше всего обратиться к лицу, облеченному властью, — она уже была научена горьким опытом.

— Конечно, доктор, — сказала она с преувеличенной покорностью. — Но если сестра Баркер подойдет к мисс Варрен, то будет так, как скажет она.

— В таком случае, — рассердился доктор, — я пойду прямо к профессору. Я не позволю женщине командовать мной! Если к моим рекомендациям не прислушиваются, я могу уступить больную другому врачу. Я хожу сюда только потому, что у моей дорогой мамочки такой язычок, от которого может вскочить пузырь на спине у черепахи. Из-за нее у меня слабость к старым ду... душечкам.

Подойдя вместе с доктором к двери профессора, Элен задержалась.

— Пойдемте со мной, — приказал доктор.

Несмотря на страх перед профессором, Элен охотно повиновалась. Любопытство, которое заставило бы Элен проникнуть в нору какого-нибудь неизвестного дикого зверя, внушило ей страстное желание увидеть своего хозяина в его обжитом логове.

Ее поразило сходство комнаты профессора с кабинетом его сестры. Так же, как у нее, мебель была лишь подставкой для книг и бумаг, с тем только различием, что у профессора было больше толстых томов и различных рефератов. Не было и следа неряшливого уюта, характерного для помещений, занимаемых одинокими

мужчинами, — ни потрепанного кресла, ни старых шлепанцев, ни коробок с табаком.

Профессор сидел за своим рабочим столом, прижав кончики пальцев к вискам. Когда он поднял голову, лицо его было бледным и осунувшимся.

— Головная боль? — спросил доктор.

— Да, немного, — ответил профессор.

Элен прикусила язык, чтобы не посоветовать профессору принять аспирин, понимая, что в этом случае предпочтение должно быть отдано совету специалиста.

— Что-нибудь приняли? — небрежно спросил доктор.

— Да.

— Хорошо... Новая сиделка хочет, чтобы сегодня ночью мисс Кейпел сменила ее. Я запрещаю это. Сердце леди Варрен в плохом состоянии, и ее положение слишком серьезно, чтобы оставлять ее на попечении девушки, не имеющей специальной подготовки. Вы проследите, чтобы все было в порядке?

Слушая доктора, профессор прижал кончики пальцев к глазам.

— Конечно, — согласился он.

Выйдя из комнаты, Элен повернулась к доктору, глядя на него благодарными влажными глазами.

— Вы не знаете, что вы для меня сделали, — сказала она. — Вы...

Ее прервал пронзительный звонок телефона, стоящего в холле. Элен подбежала к нему и сняла трубку.

— Подождите минутку, — сказала она. — Доктор Перри, это вас. Кто-то звонит из бара и спрашивает, здесь ли вы.

С неувядающим интересом к чужим делам Элен пыталась реконструировать недоступную ее ушам часть разговора по репликам доктора Перри.

— Это вы, Вильямс? — спросил он. — В чем дело?

Его небрежный тон постепенно превратился в недоверчивый, а затем в нем появились почти истерические нотки:

— Что?.. Не может быть... Какой ужас! Сейчас иду!

Когда доктор Перри повесил трубку, по выражению его лица было видно, что он услышал что-то ужасное. Элен смотрела на него, дожидаясь, пока он заговорит, но в это время в холл вошла мисс Варрен.

— Да, — сказал доктор Перри. — Помните девушку, Сервиден Оуэн, которая работала в вашем доме? Так вот, она мертва. Только что в саду нашли ее тело.

СИМВОЛ ВЕРЫ

слышав это имя, Элен вспомнила разговор в кухне. Сервиден — та самая красивая легкомысленная девушка, чьи поклонники терпеливо ждали ее у дома, прячась за деревьями. Элен думала, что видела одного из них в молодой роще, возвращаясь с прогулки сегодня вечером. Выходило, что он ждал ее напрасно.

— Все это очень странно, — сказал доктор Перри. — Вильямс говорит, что капитан Бин возвращался домой из магазина. Было темно, поэтому он зажег спичку, чтобы найти замочную скважину. И при этом свете он увидел ее — она, свернувшись, лежала в темном углу его сада. Он тут же бросился в бар и попросил Вильямса позвонить ко мне домой. Домоправительница посоветовала ему поискать меня в «Вершинах».

— Ужасно, — заметила мисс Варрен. — Думаю, что это какая-нибудь судорога. У нее всегда было такое красивое лицо!

— Скоро узнаю, — ответил доктор Перри. — Вот что меня удивляет: коттедж капитана Бина находится по ту сторону посадок. Почему он не пришел к вам, вместо того, чтобы бежать целую милю под дождем в бар?

— Он поссорился с моим братом. Профессор указал на ошибку в одной из его так называемых научных статей. И по-моему, у него были неприятности с миссис Оутс из-за каких-то продуктов, кажется яиц, которые он нам продал.

Доктор Перри понимающе кивнул. Капитан Бин был мрачным и раздражительным отшельником, который с одинаковой яростью стал бы выступать и против теории Эйнштейна, и против обвинения в том, что продал тухлое яйцо. Он владел небольшой птицефермой, сам выполнял все работы по дому и писал статьи о верованиях и обычаях туземных племен в труднодоступных районах земного шара.

Доктор Перри понимал, что человек, полностью оторвавшийся от общества, настолько теряет ощущение

реальности, что легкая обида может в его глазах перерасти в несмыслимое оскорбление, и догадывался, что капитан предпочел задохнуться под дождем, лишь бы не просить у соседа разрешения воспользоваться его телефоном.

«Я пойду через рощу, — решил он. — Это будет скорее. Потом я вернусь за мотоциклом».

Услышав звук гонга, призывающего к обеду, он поспешил уйти, оставив за собой, как след, тревожное чувство. Когда семья Варрен собралась за столом, приправой к супу стал разговор о смерти Сервиден.

Ньютона и его жену совершенно не интересовала судьба какой-то прислуги, но Стефан вспомнил ее.

— Это не та ли девочка с зовущими глазками и влажными красными губами? — спросил он. — Ее, кажется, выставила леди Варрен?

— Животный тип, — заметила мисс Варрен, но, спохватившись, добавила траурным тоном: — Бедняжка.

— Почему бедняжка? — довольно агрессивно спросил Ньютон. — Мы должны ей только завидовать. Она наконец растворилась в эфире.

— Исцелившись от скорби жизни, пусть спит она в мире, — пробормотала его тетушка, заканчивая какую-то цитату.

— Нет, — не согласился Ньютон, — никаких снов. Это слишком рискованно. Можно снова проснуться. Лучше сказать так: благодарю я без пышных слов любых благосклонных к нам богов, что никто еще вечной жизнью не жил, что мертвые не встанут вовек из могил, что самый усталый речной поток...

— Засохни, наконец! — прервал его Стефан. — Даже речной поток засохнет, когда долго пробудет на солнце.

— К несчастью, я не пьян, — сказал Ньютон. — В этом доме никто не может напиться.

— Всегда можно пойти в бар, — напомнил ему Стефан.

— И провести время с несравненной официанткой, — многозначительно добавила Симона.

— О, Ньютон хорошо знает Белочку, — ухмыльнулся Стефан. — Но я отбил ее. Я всегда отбиваю у друзей женщин, верно, Варрен?

Элен была довольна, что они сменили тему разговора, хотя новая тема была тоже довольно неприятна. Ей было противно слушать высказывания о желании

смерти, ведь она была полна жаждой жизни. Больше всего ей не нравилось, что ее хозяева скептически относятся к существованию души.

Мисс Варрен наконец очнулась от своих грез. Она не замечала ни вызывающей ухмылки Стефана, ни страстных взоров Симоны, ни раздражения Ньютона, но тем не менее ощутила какое-то очень неприятное подводное течение. Посмотрев на профессора, который сидел против нее, прикрыв рукой глаза, она сменила тему.

— У тебя опять болит голова, Себастьян? — спросила она.

— Я почти не спал ночью, — ответил он.

— Что принимаем? — осведомился Ньютон.

— Квадронекс.

— Опасная штука. Будь осторожен.

Сухие губы профессора искривились в насмешливой улыбке.

— Мой милый Ньютон, — сказал он. — Когда ты был младенцем, то вопил не переставая. Я должен был давать тебе снотворное на ночь, чтобы ты не мешал мне работать. Сам факт, что ты выжил, является доказательством того, что я не нуждаюсь в советах собственного сына.

Ньютон покраснел, а Стефан громко захохотал.

— Спасибо, хотя и не за что, — пробормотал Ньютон. — Надеюсь, что со своими делами ты справляешься лучше, чем с моими.

Оглядывая сидящих за столом, Элен кусала губы. Она напоминала себе, что эти люди во многих отношениях выше ее: они более образованы, у них есть деньги и свободное время.

Элен никогда не вступала в разговор во время обеда, ибо это потребовало бы от нее слишком большой смелости. Однако обычно мисс Варрен делала попытки вовлечь и помощницу.

— Видели какой-нибудь хороший фильм недавно? — спросила она, избрав тему, которая могла заинтересовать девушку, никогда не читающую «Таймс».

— Нет, только фильмы среднего уровня, — ответила Элен, которая уже несколько месяцев не посещала кино, потому что у нее не было денег на билет.

— Я видела «Знак креста» перед тем, как уехать из Оксфорда, — вмешалась Симона. — Обожаю Неро.

На лице профессора появились слабые признаки интереса.

— «Знак креста»! — повторил он. — Снова извлекли из забвения этот мусор? И пролетарии все еще восторженно вопят при виде символа суеверия?

— Совершенно верно, — ответила Симона. — Я никогда не слышала таких громких аплодисментов после окончания фильма.

— Забавно, — фыркнул профессор. — Помню, я был на спектакле вместе со своим сокурсником еще до того, как по нему сделали фильм. В главных ролях были Вилсон Баррет и Мод Джеффри. Моего приятеля интересовали только скачки, и он был убежденным атеистом, но следил за успехами креста с чисто спортивным интересом, воспринимая его как лошадь, победившую на скачках. Он вопил, хлопал в ладоши во время последней триумфальной сцены, и слезы восторга катились по его лицу.

Общий смех был последней каплей, переполнившей чашу терпения Элен. К собственному удивлению, она вдруг услышала свой голос.

— Мне кажется, это ужасно, — тихо сказала она.

Все с изумлением посмотрели на нее. Ее худощавое лицо покраснело и сморщилось, казалось, что она вот-вот заплачет.

— Без сомнения, современная девушка не может придавать очень уж большого значения простому символу? — спросил профессор.

Элен почувствовала себя очень маленькой под его взглядом, но не отступила.

— Нет, я придаю ему большое значение, — ответила она. — Когда я уезжала из монастыря в Бельгии, где воспитывалась, монахини подарили мне крест. Он всегда висит у меня над кроватью, и я ни за что не хотела бы его потерять.

— Почему? — спросил Ньютон.

— Потому что он значит... значит так много, — пробормотала Элен.

— Что именно?

Все присутствующие уставились на Элен, и она почувствовала себя смущенной и растерянной.

— Он значит для меня все на свете, — не очень уверенно ответила она. — И он защищает меня.

— Арханзм! — пробормотал профессор, а его сын продолжал допрос:

— От чего он вас защищает?

— От всякого зла.

— Значит, пока этот крест висит у вас над кроватью, вы можете открыть дверь перед местным убийцей? — засмеялся Стефан.

— Конечно нет, — возразила Элен. Бывшего студента она совсем не боялась. — Крест — это воплощение силы, которая дала мне жизнь, он помогает мне защитить себя от зла.

— О Господи, эта девица верит в Провидение! — сказала Симона. — Скоро она скажет нам, что верит в Санта-Клауса.

Теснимая со всех сторон, Элен огляделась. На нее смотрели насмешливые глаза.

— Я знаю только одно, — сказала девушка дрожащим голосом, — если бы я была такой, как вы, мне бы и жить не хотелось.

К удивлению Элен, ее поддержал Стефан, несколько раз хлопнув в ладоши.

— Bravo! — воскликнул он. — У мисс Кейпел больше мужества, чем у всех нас, вместе взятых. Она дала нам отпор, хотя нас пятеро, а она борец самого легкого веса. Оставьте ее в покое, нам всем должно быть стыдно.

— Дело вовсе не в мужестве, — заметил профессор, — а в недостаточно развитом мышлении и перевернутой системе ценностей, что крайне прискорбно. Вы, мисс Кейпел, полагаете, что человек имеет божественное происхождение. На самом деле — это продукт исключительно собственных желаний и инстинктов. Зная, что больше всего интересует данного субъекта, можно очень легко определить его судьбу и направить ее. Такой вещи, как Провидение, не существует.

Ньютон наклонился, его глаза блеснули за стеклами очков.

— Очень интересно, — сказал он. — Я бы не прочь снять фильм по этой схеме. Никаких потайных ходов или скрюченных пальцев. Главный герой устраивает так, чтобы каждый, совершая естественное и, очевидно, необходимое для него действие, приближал исполнение замысла преступника.

— Ты почти понял, что я имел в виду, — одобрил его отец. — Человек лишь глина, оживленная естественными страстями.

И вдруг Элен забыла о своем подчиненном положении, забыла о том, что должна держаться за свою новую работу. Она вскочила и отодвинула стул.

— Пожалуйста, простите меня, мисс Варрен, — сказала она. — Но я не могу больше оставаться... и слушать...

— О, мисс Кейпел, — заметил Ньютон, — мы просто беседовали. Не принимайте этого близко к сердцу.

Но Элен уже выбежала из столовой и устремилась к кухонной лестнице. Она нашла миссис Оутс в моечной. Та быстро ополаскивала грязные тарелки и ставила их в стопки.

— О, миссис Оутс, — простонала Элен, — в какое глупое положение я себя поставила!

— Это чепуха, моя дорогая, лишь бы кто-нибудь другой не поставил вас в глупое положение, — утешила ее миссис Оутс. — Я хочу, чтобы Оутс помог мне вымыть посуду. Вы не отнесете вместо него кофе в столовую?

Любопытство прибавило Элен смелости. Ей очень хотелось узнать, какое впечатление произвели на публику ее слова.

— Ну ладно, придется, — вздохнула она.

Но когда Элен принесла в столовую поднос с кофейником и чашками, она поняла, что эпизод уже забыт. Молодые люди рассеянно взяли чашки, увлеченные спором о том, чем именно привлекательна знаменитая кинозвезда. Мисс Варрен разрешила только что полученный журнал, профессор ушел в свой кабинет.

Вдруг в дверях возникла миссис Оутс.

— Сиделка спустилась вниз и хочет поговорить с хозяином дома, — сказала она.

— Он просил, чтобы его не беспокоили, — ответила мисс Варрен.

— Но это очень важно. От этого зависит жизнь леди Варрен.

Услышав это заявление, все подняли головы. В семействе Варрен так долго ожидали смерти ужасной старухи из Синей Комнаты, что она казалась бессмертной. Элен подумала о том, что она так и не составила завещания. Как важно было бы получить ее подпись до того, как она сыграет в ящик!

— Что, она умирает? — спросил Ньютон.

— Да нет, сэр, — ответила миссис Оутс. — Но сиделка говорит, что кончился кислород.

ПЕРВАЯ БРЕШЬ

ьютон нарушил напряженное молчание.

— Как это могло случиться? — спросил он.

Мисс Варрен и Элен обменялись виноватыми и одновременно обвиняющими взглядами. Поскольку ни у той, ни у другой совесть не была чиста, каждая хотела снять с себя ответственность за случившееся.

Как хозяйка мисс Варрен обладала правом первого удара.

— Мисс Кейпел, разве не вы завинтили крышку баллона? — спросила она.

— Нет, потому что вы отослали меня.

— Но ведь прежде вы завинтили крышку?

— Нет, потому что баллон был у вас.

Элен говорила очень уверенно, поскольку в какой-то степени чувствовала себя виновной. К счастью, мисс Варрен помнила еще меньше.

— У меня? — пробормотала она. — Да, мне кажется, я давала кислород леди Варрен. Но я смутно помню, что завинтила крышку.

— Какой смысл спорить? — вмешался Ньютон. — Надо просто как можно скорее достать другой баллон.

— Да, это главное, — согласилась мисс Варрен. — Я поговорю с Себастьяном.

Элен пошла за мисс Варрен в кабинет профессора и увидела, что сестра Баркер опередила их. Ее грубоватый голос звучал гораздо вульгарнее, чем прежде. Она громко говорила профессору:

— Я никогда не видела такой расхлябанности. Мне бы хотелось знать, кто виноват в этом.

Говоря это, она не отрывала от Элен своих глубоко сидящих глаз.

— Я виновата, — спокойно сказала мисс Варрен.

Она, казалось, не заметила благодарного взгляда Элен и обратилась к брату:

— Мне кажется, нам надо сейчас же заказать другой баллон.

— Это не срочно, — вмешалась сестра Баркер. — Она спокойно продержится ночь на бренди. Она...

— Пожалуйста, дайте мне сказать, сестра, — протестуя, поднял руку профессор. — Сегодня вечером доктор сказал мне, что полсжение леди Варрен критическое.

— Этот сельский врач? Он еще совсем зеленый, — фыркнула сестра Баркер. — Ей вовсе не так плохо. Мне-то уж известно, когда больной умрет, и я никогда этого не скрываю.

— Я присоединяюсь к мнению доктора, — холодно сказал профессор, — и позвоню, чтобы сейчас же прислали новый баллон.

— Но все уже закрыто, — возразила мисс Варрен.

— И никто не поедет в эту даль в такую погоду, — добавила сестра Баркер.

— Но кто-нибудь должен доставить этот баллон, — решительно сказал профессор. — Нельзя подвергать риску жизнь леди Варрен только потому, что мы боимся кого-нибудь немного побеспокоить.

Элен чувствовала себя виноватой — она боялась, что доктор Перри слишком яркими красками описал тяжелое состояние больной, чтобы освободить Элен от ночного дежурства в ее комнате.

— А леди Варрен знает, что доктор не рекомендовал мне оставаться с ней на ночь? — спросила Элен, которой очень хотелось подкрепить слова доктора Перри авторитетом профессора.

— Ах, это он тоже сказал? — спросила сестра Баркер с воинственным блеском в глазах.

Профессор нетерпеливым жестом прижал руку ко лбу, и Элен поняла, что сестра Баркер, начав спор, невольно стала ее союзницей.

— Доктор ожидает этой ночью кризиса, — пояснил он. — Поэтому, естественно, за больной должна наблюдать опытная сиделка.

— Почему вы не наймете сменщицу? — спросила сестра Баркер.

— У нас не хватает места, — ответила мисс Варрен.

— У вас есть место. Она, — сестра Баркер бросила взгляд на Элен, — может спать на чердаке. Кроме того, завтра освободится комната того молодого человека.

Элен очень удивилась таланту разведчика, обнаруженному сестрой Баркер. За это короткое время сидел-

ка, которая, казалось, не покидала комнаты больной, составила в уме план всего дома.

— Двум сиделкам у нас нечего делать, — возразила мисс Варрен. — Все прежние сиделки уверяли меня, что леди Варрен спокойно спит всю ночь, так что им не приходилось даже вставать... Разве старшая сестра медицинского центра не сказала вам, что ваша оплата будет полностью соответствовать вашим обязанностям?

Сестра Баркер вдруг стала удивительно кроткой.

— Да, спасибо, — сказала она. — Условия меня вполне устраивают.

Профессор повернулся к мисс Варрен.

— Я сам позвоню в аптеку, — пообещал он, выходя в холл. Мисс Варрен последовала за ним.

Оставшаяся наедине с сестрой Баркер Элен, наконец, нарушила напряженное молчание:

— Мне очень жаль, но вы должны понимать, что у меня нет ни опыта, ни образования.

— А у меня есть и то и другое, — в голосе сестры Баркер звучала горечь. — Быть опытной сиделкой — значит иметь железные нервы, питаться объедками, не спать и работать двадцать пять часов в сутки.

— Конечно, это никуда не годится, но я в этом не виновата.

— Нет, виноваты! — внезапно набросилась на нее сиделка. — Вы крутились тут, чтобы первой увидеться с доктором, и научили его, что сказать. Но не думайте, что справитесь со мной. Я все вижу, а если что-нибудь упустила, то нюхом чую. Мы еще посмотрим. Если я сумею провернуть один номер — а у меня есть кое-что в запасе, — вам придется провести ночь в Синей Комнате.

Элен не только была испугана сверхъестественной проницательностью сиделки, но и поняла, что та с жестокостью палача, пытающего свою жертву, играет на ее страхе перед леди Варрен.

Чтобы избавиться от общества сиделки, Элен быстро вышла в холл, где профессор говорил с кем-то по телефону. Он поднял руку, подавая ей знак не уходить, потом повесил трубку и сказал:

— Они могут прислать нам новый баллон только завтра, но до одиннадцати часов ночи можно получить баллон у них, если кто-нибудь за ним придет. Мисс Кейпел, пожалуйста, скажите Оутсу, чтобы он немедленно выезжал.

Элен без всякого удовольствия передала этот приказ Оутсу, который развалился в кухне перед огнем и наслаждался первой трубкой, которую смог закурить после работы. Она восхищалась его сдержанностью и дисциплинированностью, которой он научился во время службы во флоте. Оутс немедленно встал и начал зашнуровывать ботинки.

— Как раз тогда, когда я мечтал хорошенько поваляться, — заметил он. — Вот так мы и живем.

— Может, попросить поехать мистера Райса вместо вас?

— Нет, мисс. Приказ есть приказ, и хозяин сказал, чтобы ехал Оутс. Кроме того, я не доверил бы ему машины. Никто, кроме меня, не заставит мою милашку карабкаться по этим холмам. — Он повернулся к жене: — Закрой за мной дверь, когда я выйду. И помни: пока меня нет, тебе надо быть вдвое осторожнее.

Элен охватила внезапная тревога при мысли, что она теряет такого защитника. Видя его гигантскую фигуру и добродушное лицо, она чувствовала себя в безопасности. Ее вовсе не утешало то, что, возможно, она сама виновата в отъезде Оутса.

«Если бы я сжала зубы и оставила в покое доктора, он не сказал бы, что старуха в критическом состоянии, и тогда Оутса не отослали бы ночью, — подумала она. — Профессор сказал, что мы сами... Но разве кто-нибудь заставил меня сделать все это?»

Вдруг она вспомнила, как сестра Баркер пугала ее, и вздрогнула.

— Ах как бы мне хотелось, чтобы вы остались дома! — сказала она Оутсу.

— И мне тоже, мисс, — ответил тот. — Но с вами ничего не случится, ведь в доме остается еще пара здоровых молодых парней, не говоря уже об этой сиделке.

— Когда ты вернешься? — спросила миссис Оутс.

— Как только исполню приказ. — Он повернулся к Элен: — Скажите хозяину, что я заведу машину и подожду его на дороге перед домом, вдруг он захочет поговорить со мной.

Элен передала послание профессору, который вернулся в кабинет. Он старался сдерживать раздражение, но было заметно, что ее приход ему неприятен.

— Благодарю вас, мисс Кейпел, — сказал он. — Но Оутс знает, за чем его послали и где это взять.

Элен очень хотела, чтобы Оутс поскорее уехал и

быстрее вернулся. Она вышла в прихожую, защищенную от бешеной бури лишь дверью. Ветер ударял по крепким дубовым доскам, словно кулак в железной перчатке, потоки дождя с ревом низвергались по трубам, и Элен, чувствуя себя одинокой и покинутой, еще сильнее пожалела, что лишилась Оутса.

Она услышала, как он вывел машину из гаража, и ей захотелось открыть дверь, чтобы попрощаться с ним. Но она вспомнила, как буря ворвалась в дом вместе с доктором Перри, как замигала и едва не потухла лампочка, и отказалась от этой мысли.

Дряхлый мотор издал несколько громких протестующих хлопков, похожих на отдаленные взрывы, потом загудел, и машина тронулась. Элен еще постояла, пока звук мотора не замер вдалеке, и с упавшим сердцем проскользнула в холл, где застала оживленную перепалку между мисс Варрен и Стефаном Райсом.

— Это правда, что у вас в спальне собака? — спросила мисс Варрен.

— Святая правда, — вызывающе ответил Стефан.

— Немедленно уберите ее в гараж.

— Очень жаль, но никак невозможно.

Обычно спокойная мисс Варрен вышла из себя.

— Мистер Райс, — сказала она, — будьте любезны, послушайте меня. Я не потерплю животное в этом доме.

— Все будет в порядке, — успокоил ее Стефан. — Я сегодня же смоюсь и возьму с собой собаку.

— А куда вы пойдете? — поинтересовался Ньютон, который вышел в холл и стоял в ленивой позе, засунув руки в карманы и с интересом наблюдая за ходом поединка.

— Конечно, в бар. У них найдется место, где я смогу провести эту ночь. И они будут рады приютить мою собаку.

Симона, которая тоже вышла в холл, громко возразила:

— Не будьте ребенком, Стив. Вы не доберетесь туда в такой дождь. Вы оба промокнете до костей.

Стефан немного смягчился, глядя через открытую дверь гостиной на камин, в котором весело плясал огонь.

— Я останусь, если останется щенок, — заявил он. — А если нет, то и я уйду.

— Я поговорю с профессором! — воскликнула Симона.

Муж взял ее за руку.

— Не беспокой шефа, — сказал он. — Его это не касается.

Симона, не дослушав, вырвалась и бросилась в кабинет профессора. В противоположность остальным домочадцам она не боялась его. Для нее он был просто пожилым джентльменом, которого она более или менее уважала как своего тестя.

Через несколько минут Симона вернулась с видом победительницы, за ней шел профессор.

— Я слышал, — сказал он, обращаясь к Стефану, — что здесь возникло некоторое неудобство с собакой. Поскольку мисс Варрен является хозяйкой в этом доме, ее предубеждения должны быть законом. Но я думаю, что на одну ночь она немного отойдет от установленных ею правил. — Повернувшись к своей сестре, он спросил: — Ты слышишь, Бланш?

— Да, Себастьян, — тихо ответила мисс Варрен.

Она поднялась наверх, а профессор вернулся к себе в кабинет. Элен вспомнила, что еще не пила кофе. Она никогда не пила кофе в гостиной вместе с хозяевами, потому что традиционные кофейные чашечки казались ей слишком маленькими. словно мышка, подбирающая остатки еды, она всегда подогревала кофейник, добавляла по вкусумолоко, и у нее получалось около пинты кофе с молоком, которое она пила у себя в комнате.

После окончания рабочего дня было принято не беспокоить мистера и миссис Оутс, так что кухня становилась их собственностью. Поэтому у Элен были собственные кастрюлька и спиртовая горелка.

Сегодня ее полуподвальная гостиная была особенно уютной. Наполовину погруженная в землю, она была словно изолирована от буйства стихий. Свет лампочки отражался на золотисто-желтых стенах и потолке, которые казались озаренными солнцем.

Девушка очень удобно устроилась в своем старом плетеном кресле, и ей было лень пошевелинуться. Даже когда со стороны задней лестницы слышались приглушенные шаги, сопровождаемые странными звуками, напоминающими падение какого-то тяжелого предмета, ее любопытство пробудилось лишь на мгновение, тут же побежденное ленью.

Элен сидела у камелька, глядя на огонь, в багровой глубине которого возникали какие-то странные лица. Они словно глядели на нее из-за тлеющих углей, и она не могла оторвать от них глаз. Она чувствовала прият-

ное тепло, и весь мир казался ей уютным и дружелюбным, как эта комната.

Потом она снова слышала шаги, на этот раз кто-то поднимался по задней лестнице. Элен отдохнула и согрелась, и ее характер решительно заявил о себе — она почувствовала, что непременно должна узнать, в чем дело. Она быстро вскочила и выбежала из комнаты как раз вовремя, чтобы увидеть край кружевного наряда цвета лежалых шампиньонов, принадлежащего мисс Варрен, которая скрылась за поворотом лестницы.

Миссис Оутс выглядела не особенно обрадованной, когда открыла кухонную дверь в ответ на стук Элен.

— Это вы? — спросила она. — А я ожидала увидеть Марлен Дитрих. Что это вы придумали будить меня, когда я устала так, что у меня ноги отваливаются?

— Мне только хотелось узнать, что здесь понадобилось мисс Варрен, — объяснила Элен.

— И вы подняли меня только из-за этого? Как будто хозяйка дома не может пройти мимо собственной кухни, не спросив разрешения у вас!

— Но я впервые вижу ее здесь! — настаивала Элен.

— Скажите, пожалуйста, с какого времени вы здесь работаете? С Рождества Христова? — поинтересовалась миссис Оутс, захлопывая дверь перед носом Элен.

Чувствуя себя виноватой, Элен вернулась к себе и зажгла спиртовку, чтобы подогреть кофе. Она задумчиво смотрела, как со дна кастрюли поднимаются коричневые пузырьки кипящего кофе, и вдруг услышала звонок. Она выключила спиртовку и бросилась к входной двери, зная, что это может быть только доктор.

С трудом открыв дверь, она почувствовала, что на нее обрушились все вихри; но, прежде чем ей удалось полностью открыть дверь, доктор Перри проскользнул в щель и захлопнул дверь за собой. Не говоря ни слова, он закрыл все запоры и накиннул цепочку на крюк.

И в поведении доктора, и даже в его молчании, было что-то странное; он так торопился запереть дверь, что Элен замерла в пугливом ожидании.

— Ну что? — слегка задыхаясь, спросила она. — Почему вы молчите?

— Скверная ночь, — ответил доктор, снимая промокшую куртку и мрачно глядя на Элен.

— Нет, нет, — настаивала девушка. — Скажите, вы узнали, почему умерла эта несчастная?

— Да, — угрюмо сказал он. — Ее убили.

УБИЙСТВО

лова доктора внушили Элен такой ужас, что она покачнулась, как от удара, все словно поплыло у нее перед глазами. Придя в себя, она увидела, что все семейство Варрен собралось в холле и очень внимательно слу-

шает доктора Перри.

— Ее задушили, — сообщил он.

— Когда? — спросил профессор.

— Пока трудно сказать. Будет известно примерно через час. Но мне кажется, в пять или шесть вечера.

— Задушили, — повторила мисс Варрен. — Ведь это... убийство совершено так же, как другие?

— Точно так же, — ответил доктор. — Только с большей жестокостью. Сервиден была сильная девушка, она боролась с убийцей, и это привело его в бешенство.

— Значит, — лицо мисс Варрен искажилось страхом, — если она была убита в саду капитана Бина, маньяк был довольно близко к нам!

— Очень близко! — подтвердил доктор. — В действительности убийство было совершено в роще.

Крик ужаса вырвался у мисс Варрен. Симона схватила за руку Стефана. Несмотря на то что Элен была взволнована, может быть, больше других, она заметила, как умело эта дама использует создавшуюся ситуацию. Ньютон наблюдал за ней прищурившись.

Элен снова переживала то, что случилось с ней совсем недавно. Когда она, испуганная и беззащитная, стояла, глядя на дом, возвышавшийся, словно неприступная крепость, по ту сторону пустынной долины, она была рядом с убийцей. Он подкрадывался все ближе, неслышный и невидимый. И она чуть не прошла мимо него, когда он подстерегал ее, спрятавшись за деревом. И он отметил ее, он ее выследил. Он знал, что она должна прийти, и поджидал в роще, неумело притворяясь деревом.

«Как удивительно, что я спаслась», — подумала Элен.

Теперь, когда опасность миновала, она была бы довольна своим приключением, если бы не мысль о том, что убийца, притворившийся деревом, все же дождался своей жертвы.

Элен едва не потеряла сознание, подумав о том, как несчастная, ни о чем не подозревавшая, девушка шла навстречу своей ужасной судьбе.

Наконец туман перед глазами Элен рассеялся, и она немного успокоилась, увидев, что лицо профессора не выражает никаких эмоций. Его обычный тон ученого педанта вернул ее из темной долины, где трепещущий мрак рассекали молнии, похожие на отблески адского пламени, в уютный интерьер английского дома.

— Как вы установили тот факт, что убийство было совершено в роще? — спросил он.

— Она зажала в руках сосновые иголки, и одежда ее была порвана, словно ее протащили через изгородь. Конечно, очень трудно проследить за всеми импульсами маньяка, однако кажется явной нелепостью принимать такие ненужные предосторожности. Тело могло бы лежать несколько часов в роще, и его бы там никто не увидел.

— Неизвестно, — заметил профессор. — Можете быть уверены, что его поступок, кажущийся нам абсурдным, продиктован определенной навязчивой идеей.

Ньютон, который разделял неприязнь своего отца к его эксцентричному соседу, хмыкнул.

— Бин был счастлив, когда шел домой, — сказал он. — И вдруг труп на ступеньках, словно для того, чтобы открыть ему дверь.

— Он был немного не в себе, — холодно заметил доктор Перри. — Довольно сильный шок для человека в его возрасте. Вообще-то насильственная смерть — не очень забавная вещь, особенно для жертвы.

Его темные глаза вспыхнули гневом, когда он оглядел спокойные лица молодых людей и посмотрел на алые губы Симоны, жадно раскрытые, словно она впила в себя волнующую новость.

— Не хочу, чтобы вы волновались, — сказал он. — Нет, соврал. Хочу, чтобы вы волновались. Хочу, чтобы вы хорошенько поняли: вокруг вас бродит сумасшедший убийца, который почувствовал вкус крови и, вероятнее всего, будет убивать еще и еще. И он очень близко.

— Неужели... неужели он попытается проникнуть в дом? — дрожащим голосом спросила мисс Варрен.

— Старайтесь не допустить этого. Я уверен, что профессор запретит выходить из дома. Думаю, вам не надо напоминать, чтобы вы закрыли все двери и окна. Примите все меры предосторожности, даже если они покажутся вам чрезмерными.

— Я позаботилась об этом. С того времени, как была убита эта... эта гувернантка, — сказала мисс Варрен.

— Хорошо. Вы, как умная женщина, поняли, какая опасность угрожает вам и всем в этом доме, особенно некоторым вашим подчиненным. У вас все будет в порядке: Оутс одной рукой справится с этим типом, даже если он заберется сюда.

У Элен снова замерло сердце, когда профессор начал объяснять доктору Перри, почему Оутса, вероятно, не будет дома этой ночью. И кроме того, она очень расстроилась, подумав, что и доктор Перри скоро уйдет.

В присутствии этого деловитого и спокойного человека даже убийство не казалось чем-то мистическим. Оно было злом, от которого можно уберечься естественными средствами, и они должны оказаться действенными, поскольку защита обладает гораздо большей силой, чем нападающая сторона.

Доктор был не очень-то представительным по сравнению с другими мужчинами, облаченными в безупречные вечерние костюмы, но, когда их глаза встретились и он улыбнулся ей, она инстинктивно поняла, что он способен внушить и симпатию, и доверие.

Какое-то неясное видение встало перед ее глазами, наполняя душу надеждой и счастьем. Она почувствовала, что вот-вот сделает важное открытие. Но прежде, чем она собралась с мыслями, доктор повернулся к двери.

— Я должен покинуть вас, — бодрым тоном сказал он. — Профессор, я надеюсь, вы понимаете, как важно, чтобы сегодня ночью все мужчины оставались в доме: надо защитить этих двух молодых женщин. — И он посмотрел на Элен, а потом на Симону, которая ответила обольстительной улыбкой и, прижавшись к плечу профессора, сказала:

— Вы ведь не позволите доктору уйти, не предложив ему что-нибудь выпить?

Прежде чем доктор успел отреагировать на это предложение, вмешалась Элен:

— У меня осталось немного кофе внизу, — сказала она. — Принести его сюда?

— Как раз то, что надо, — заметил доктор. — Но я бы лучше спустился вниз и немного посушился у камина.

Элен не могла сдержать чувства удовлетворения, когда доктор Перри устало поплелся за ней вниз по лестнице. Она победила Симону! Симона никак не могла посадить на цепь своего мужчину, а мужчина Элен покорно плыл за ней в кильватере.

Ее полуподвальная гостиная стала выглядеть еще более уютной и светлой, когда доктор Перри уселся напротив нее, жадно глотая горячий кофе из большой чашки.

— Чему вы улыбаетесь? — вдруг спросил он.

— Конечно, мне не стоило бы улыбаться, — извиняющимся тоном сказала Элен. — Все это так ужасно. Но это жизнь. А я так мало видела и сделала...

— Чем вы занимались? — спросил доктор.

— Работала по дому. Няньчила чужих детей.

— И все еще не унываете?

— Нет. Никогда не знаешь, что ждет впереди.

Доктор Перри нахмурился.

— Разве вы не слышали пословицу: «Любопытство погубило кошку»? — спросил он. — Я думаю, если вы увидите дымящуюся бомбу, то сочтете себя обязанной проверить запал.

— Я этого не сделаю, если буду знать, что передо мной бомба, — ответила она. — Но как я узнаю, что это бомба, если не рассмотрю ее?

— А разве обязательно узнавать?

— Да, для меня обязательно.

— Господи, — простонал доктор. — Неужели у вас недостаточно ума, чтобы понять: кровожадный тигр в человеческом облике подстерегает вас, желая превратить вас в... в то, что осталось от Сервиден. Если бы вы увидели то, что мне пришлось увидеть...

— Ой, не надо! — крикнула Элен, внезапно побледнев.

— Но я же хочу вас напугать! Такой маньяк обычно бывает совершенно нормальным в промежутках ме-

жду приступами безумия. Он может жить в одном доме с вами, например в этом доме, и вы будете считать его нормальным, как считаете нормальными молодого Райса или профессора.

Элен вздрогнула.

— А может, это женщина? — спросила она.

— Вряд ли. Разве что необыкновенно сильная.

— Во всяком случае, мне очень хотелось бы знать, кто убийца, даже если им окажется кто-нибудь знакомый.

— Нет, это самое страшное, — настаивал доктор. — Представьте себе, какой это ужас, если вы увидите, как знакомое лицо, например мое, вдруг искажается, превращается в уродливую маску, в глазах которой вы читаете свой смертный приговор!

— Вы хотите сказать, что кто-то, живущий в этом доме, убийца? — спросила Элен. — Я могу подумать на каждого из них, кроме Оутса. Если ему придет в голову стать маньяком, он будет ужасен. Вроде Кинг-Конга.

— Вы все шутите, — рассердился доктор Перри. — А как насчет девушки, которая испугалась несчастной безобидной старухи?

Элен сразу увяла, вспомнив о леди Варрен.

— Я хочу поблагодарить вас за то, что вы заступились за меня, — сказала она. — Вы мне здорово помогли... Она какая-то странная. В ней есть что-то неестественное... Но вообще-то я думаю, что надо дать человеку возможность делать все, что не следует делать, и тогда ему больше не захочется.

Доктор Перри засмеялся и неохотно встал со старого скрипучего плетеного кресла.

— Чтобы понять это, нужен доктор, — сказал он. — Но мне кажется, вы имеете в виду что-то вроде нормальной прививки.

— Да, — кивнула Элен. — Вроде прививки от кори.

— Вы хотите сделать себе прививку вакциной собственного изготовления? — спросил он. — Как же вы это сделаете? Напьетесь? Будете нюхать кокаин? Проведете уик-энд в Брайтоне?

— Нет, нет, — возразила Элен. — Я говорила совсем не о себе. Я всегда остаюсь в стороне.

Доктор Перри посмотрел на нее. И этот взгляд придал большую убедительность его словам:

— Я думаю, что очень скоро ваше положение изменится. Возможно, мужчины в Уэльсе более импульсивные и пылкие, чем в Англии. Во всяком случае, держу пари, что через шесть месяцев вы станете миссис Джонс, или миссис Хьюго, или... миссис Перри.

Элен улыбнулась доктору Перри и сказала, намеренно изменив порядок имен:

— Идет. Если я не стану миссис Перри, или миссис Джонс, или еще кем-нибудь, вы мне заплатите.

— Договорились, — согласился доктор. — Вы проиграете. Ну а сейчас, когда я выпил весь ваш кофе, я должен идти.

— Нет, подождите, — попросила Элен, вдруг вспомнив о своем приключении. — Сначала я должна кое-что вам рассказать.

В нескольких словах она сообщила доктору о человеке, который прятался за деревом. На этот раз ей не надо было особенно останавливаться на деталях, ибо она и без того достигла желаемого эффекта: доктор смотрел на нее нахмурившись и крепко сжал губы, пытаясь скрыть беспокойство.

— Беру назад свои слова о бомбе, — сказал он. — Слава Богу, у вас осталось немного здравого смысла, чтобы почувствовать опасность.

— Значит, вы не считаете меня дурой, потому что я убежала?

— Я думаю, это был самый разумный поступок в вашей жизни.

Элен задумалась.

— Жаль, что я хорошенько не рассмотрела его, — заметила она. — То есть я имею в виду тогда, когда он отдалился от дерева. Вы думаете, он местный?

Доктор Перри отрицательно покачал головой:

— Нет. Это убийство явно связано с прежними. Первые два совершены в городе, поэтому вполне вероятно, что убийца оттуда. Полиции прежде всего надо узнать, что делал вчера вечером какой-нибудь уважаемый житель этого города, и посмотреть, не оторван ли кусок бахромы с его белого шелкового шарфа.

— Вы хотите сказать, что есть какая-то улика? — спросила Элен.

— Да. Я нашел эту бахрому во рту у Сервиден. Должно быть, она вцепилась в нее зубами, когда бо-

ролась с убийцей. Ему нелегко было справиться с ней... Пойдемте со мной, вы закроете за мной дверь и посмотрите, чтобы все было заперто как следует.

Элен послушно пошла за ним, хотя не могла без дрожи думать о том, что он уйдет в грозную темноту. Открыв дверь, она мельком увидела в слабом свете лампы мокрые деревья, окаймляющие подъезд к дому, и вечнозеленые кусты во дворе, которые склонялись под порывами ветра, словно стремясь оторваться от своих корней.

Она захлопнула дверь и, когда пружина замка шелкнула, почувствовала себя в относительной безопасности. После оглушительного свиста бури холл казался тихим и застывшим, как мельничный пруд. Светильники озарили все мягким светом, пушистый синий ковер обещал тепло и уют.

Пробежав через пустой холл, Элен направилась вниз, в свою полуподвальную гостиную, где еще, казалось, ощущалось присутствие доктора Перри. Но не успела она удобно устроиться перед камином, как дверь приоткрылась и показалась голова миссис Оутс.

— Я хочу сказать вам, — хриплым шепотом сказала она, — в этой новой сиделке есть что-то странное,

ОСТОРОЖНОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

лен посмотрела на миссис Оутс с некоторым опасением. Та выглядела не так, как всегда, но девушка не могла сказать точно, что именно в ней изменилось. На ее лице, красном от жара печи, было обычное выражение глубокого доброду-

шия, но появилась какая-то новая черта.

— Сиделка? — переспросила Элен. — Вообще-то она грубиянка, но что в ней странного?

— Много всего, — таинственно прошептала миссис Оутс. — Я кое-что заметила еще раньше, но не придавала особого значения, а теперь вспомнила и заинтересовалась, что все это значит.

— Например? — настаивала Элен.

— Всякие мелочи, — неопределенно ответила миссис Оутс. — Мне бы хотелось поговорить с Оутсом, уж он-то мог бы объяснить.

Голос миссис Оутс звучал как-то необычно, и Элен вдруг поняла, почему ее лицо лишилось своей самой характерной черты: рот был полуоткрыт и губы обвисли, так что нижняя челюсть больше не выступала. Миссис Оутс потеряла свою бульдожью хватку.

Элен ощутила беспокойство: Оутс, который должен был охранять ее, ушел, а его жена изменилась. Элен больше не была уверена, что может рассчитывать на защиту миссис Оутс.

Но все-таки в словах миссис Оутс был какой-то смысл, и Элен внимательно слушала.

— Я хочу видеть Оутса, — объявила женщина, — и спросить его, где он посадил в свою машину эту сиделку. Оутса даже младенец обведет вокруг пальца. Если срезать у него голову и вместо нее насадить капустный качан, ни он, ни кто другой не заметит разницы.

— Но я уверена, он скажет нам, что посадил ее у медицинского центра, — напомнила Элен.

— Правильно, но как это было? Я знаю Оутса. Он может подъехать к дому и остановиться. Раз меня не

было с ним, то некому было выйти из машины и позвонить в дверь, как полагается. Он мог просто нажать на сигнал и ждать, что будет. И когда он увидел особу в белом халате и косынке, то, не задумываясь, посадил ее в машину и привез сюда, даже не проверив, кого привез.

— Да... — протянула Элен. — Но все же, даже если она не настоящая сиделка, то все равно не могла совершить убийство, потому что в то время была в машине вместе с вашим мужем.

— Какое убийство? — спросила миссис Оутс.

Ничто человеческое не было чуждо Элен, поэтому она любила рассказывать о трагических событиях, не касавшихся лично ее, наслаждаясь их значительностью. Но реакция миссис Оутс на рассказ о смерти Сервиден была обескураживающей: вместо того чтобы задрожать от ужаса, она приняла известие совершенно спокойно, словно такое случилось каждую неделю.

— Вот как? — пробормотала она. — Помяните мое слово: прежде чем мы станем старше на одну ночь, если только доживем до ночи, здесь будет еще одно убийство.

— Вы оптимистка! — воскликнула Элен.

— Я не доверяю новой сиделке. Люди говорят, что у этого психа есть сообщница, которая заговаривает с девушками, чтобы отвлечь, а потом уж он набрасывается на них.

— Приманка? — спросила Элен. — Обещаю вам, что, если сиделка пригласит меня выйти с ней в сад погулять, я не пойду.

— Но она здесь не для этого, — сказала миссис Оутс. — Она здесь для того, чтобы открыть ему дверь.

Это была очень неприятная мысль, особенно после того, что рассказал доктор Перри. Элен снова вспомнила, как одинок этот дом, вокруг которого бушует буря. Даже в полуподвальной гостиной она чувствовала порывы ветра, бьющегося, словно волны прибоя, о ставни на окнах.

— Пойду наверх, посмотрю, что там делается, — сказала она, чувствуя, что ей нужно сменить компанию.

Первым человеком, которого она встретила в холле, был Стефан Райс. Открыв шкаф для верхней одежды, он снимал с вешалки свою старую куртку.

— Разве можно выходить из дома в такую бурю?! — воскликнула Элен.

— Тихо. Смываюсь в кабак. Я должен посидеть с нормальными рабочими парнями, чтобы отбить вкус этой мерзкой интрижки и этого отвратительного дома. Я даже могу провести смелый эксперимент и выпить кружку пива. Я отчаянный парень, который прошел огонь и воду и способен на все.

— Мне кажется, на одно вы не способны, — сказала Элен, которой захотелось уколоть Райса.

— А именно?

— Удрать с чужой женой.

Стефан посмотрел вслед за Элен на дверь гостиной.

— Что верно, то верно, — кивнул он. — Никаких женщин. — Он протянул руку ладонью кверху. — Сестренка, не найдется несколько монет взаймы?

Элен не могла поверить, что Стефан действительно хочет занять у нее денег, однако он объяснил:

— Хочу подвести счет в баре. Я отдал последние за щенка.

— А где он? — спросила Элен.

— У меня в комнате наверху. Спит на кровати... Сестренка, а как насчет денег?

— У меня нет, — смущенно сказала Элен. — Мне заплатят только в конце месяца.

— Не везет. Ну ладно, простите, что попросил. Остается только Симона. У нее полно этого мусора.

Как раз в это время Симона вышла в холл.

— Куда это вы направляетесь? — спросила она.

— Прежде всего, моя дорогая, я направляюсь к вам, чтобы попросить немного наличных. Потом я намереваюсь пойти в бар, чтобы передать его владельцу упомянутые наличные.

Симона нахмурила подкрашенные брови.

— Вы могли не изобретать предлога, чтобы пойти туда, — сказала она. — Я знаю, что вас притягивает.

— Белочка? — простонал Райс. — Ради Бога, бросьте это. Она хорошая девочка, мы с ней друзья, только и всего.

В это время Ньютон вышел из кабинета профессора, и Райс умолк.

— Профессор просит всех зайти к нему в кабинет, — сообщил Ньютон. — Он хочет сделать объявление.

Профессор сидел за столом и тихо говорил о чем-то со своей сестрой. Элен заметила, что он побледнел и осунулся, а рядом с ним на столе стоял стакан с водой и пузырек с белыми таблетками.

— Я должен сказать вам кое-что, — начал профессор. — Это касается всех. Сегодня ночью никто не должен выходить из дома.

Симона бросила торжествующий взгляд на Стефана, который быстро сказал:

— Но, сэр, у меня важное свидание.

— Значит, вы не пойдете на него, — сухо заметил профессор.

— Но я ведь не ребенок.

— Докажите. Если вы действительно взрослый, то должны понять, что нам угрожает опасность и что долг каждого из нас, мужчин, остаться сегодня дома.

Стефан не сдавался:

— Я бы конечно остался, если бы в этом был какой-то смысл. Но ведь это чушь. Конечно, никто из женщин не должен выходить, но дома их никто не тронет. Этот тип не заберется в дом.

— Вы забыли о девушке, которая была убита в собственной спальне? — спросила мисс Варрен.

— Она оставила окно открытым, — объяснил Стефан.

— Но вы слышали, что сказал доктор? — настаивала мисс Варрен.

— И вы слышали, что я сказал, — сурово заметил профессор. — Я хозяин этого дома и не допущу, чтобы из-за вашего упрямства кто-нибудь подвергался опасности.

Профессор окинул взглядом Элен, и она почувствовала глубокую признательность.

— Прошу соблюдать еще одну меру предосторожности, — продолжал профессор. — Я хочу, чтобы сегодня никого не впускали в дом. Если кто-нибудь постучит или позвонит, то он или она останутся за дверью. Я запрещаю открывать двери при каких бы то ни было обстоятельствах.

На этот раз возразил Ньютон:

— Это уж слишком. Может прийти кто угодно: например, полиция или кто-нибудь захочет сообщить что-то важное.

Профессор взял со стола бумаги, показывая, что устал от споров.

— Прошу, чтобы мои указания были исполнены, — сказал он. — Я хочу только, чтобы этой ночью все, кто находится под моим кровом, были в безопасности. Но я предупреждаю вас. Всякий, кто выйдет из дома —

хотя бы на минуту, — больше в него не войдет. Дверь будет заперта за ним или за ней и больше не откроется.

Элен представила себе, что может случиться, и прежде всего подумала о докторе Перри, который может прийти по делу, касающемуся только ее. «Неужели он останется за дверью, под дождем?»

— Но если мы узнаем голос, разве этого недостаточно? — робко спросила она.

— Конечно нет, — ответил профессор. — Это может быть обман. Повторяю: вы не должны открывать никому — мужчине, женщине или ребенку.

— Но, профессор, вы ведь не можете серьезно говорить о ребенке! — воскликнула Элен. — Если я услышу, что за дверью плачет ребенок, я сразу же впущу его.

Профессор слабо улыбнулся.

— Вероятно, это дитя будет поджидать вас, чтобы схватить за горло, — сказал он. — Вы, наверное, слышали по радио артистов, безупречно подражающих детскому голосу?

— Пусть себе пишит, пока не лопнет, меня ему не разжалобить, — грубо сказал Стефан. — Все мои надежды на богатство пошли прахом из-за неожиданного появления Благословенного Незнакомца в моей семейке... И вот, что я могу вам еще сказать: я не сделаю ни шага ради любой женщины в этом доме.

Симона окинула его вызывающим взглядом, который перехватил Ньютон. Он коротко засмеялся.

— Когда-нибудь слышали о Шекспире, Райс? — едко спросил он. — Может быть, вам знакомы такие слова: «Так часто слышим мы ее отказ!» Вы утверждаете, что родились женоненавистником, но где доказательства?

Профессор постучал по столу, словно восстанавливал тишину во время бурной сессии парламента, и сказал:

— Это все. Мисс Кейпел, не будете ли вы так любезны передать мои указания миссис Оутс и сестре Баркер?

— Хорошо, профессор, — сказала Элен, но вдруг подумала о супруге миссис Оутс и спросила: — А как же Оутс?

— Останется за дверью, — последовал неумолимый ответ. — Он может поставить машину в гараж и остаться там до утра.

— Но леди Варрен может понадобиться кислород!

— Леди Варрен придется потерпеть. Я придерживаюсь мнения, что безопасность — прежде всего. Может быть, я лучше понимаю, как обстоят дела, чем вы все... Я помню, как однажды в дни моей молодости, когда я был в Индии, тигр кружил у загородки для скота. Он прорывался снова и снова, несмотря на все предосторожности. — Потом он добавил очень тихо: — А сейчас тигр кружит возле этого дома.

В это время раздался громкий стук во входную дверь.

ОТКУДА СТАРУХА УЗНАЛА

тук прекратился, и раздались настоячивые звонки. Элен инстинктивно вскочила и сказала:

— Я открою.

Она пошла к двери и тут опомнилась. Никто из находящихся в комнате не пошевелинулся; все смотрели на нее сердито или с удивлением, в зависимости от темперамента.

Профессор обратился к мисс Варрен, его глаза насмешливо блеснули.

— Слабое звено, — тихо сказал он.

Знакомые слова задели Элен, вспомнившую, в какой связи они прозвучали, и она покраснела до ушей.

— Простите, — пробормотала девушка, — это у меня инстинктивно, я забыла...

— Вот вам пример, — недовольным тоном произнес профессор. — Я не хочу проявлять излишнюю строгость, но мы должны понять, что забывчивость в данном случае граничит с неповиновением.

В дверь снова постучали, затем громко зазвонил звонок. Несмотря на то что Элен оказалась в центре внимания и старалась сдерживаться, ей было мучительно стоять неподвижно и ничего не делать.

«Это все равно, что смотреть, как выкипает молоко, — думала она. — Или наблюдать, как ребенок играет с огнем. Кто-нибудь должен что-то сделать. Я уверена, что мы поступаем неправильно».

Она заметила, что лицо мисс Варрен подергивается при каждом ударе, и посочувствовала ей.

На минуту все стихло, затем в третий раз начался натиск на входную дверь. Вмешался Стефан, который не мог вынести напряжения:

— Послушайте, сэр, я отношусь с должным уважением к вам и всем прочим, но не кажется ли вам, что это зашло слишком далеко? То есть я хочу сказать, что нельзя закрываться наглухо. Это может быть поч-

тальон, доставивший мне доплатное письмо, в котором говорится, что моя кузина Фанни скончалась и оставила мне в наследство все свое состояние.

Профессор с терпением учителя, объясняющего правило не слишком понятливому ученику, сказал:

— Я распорядился, Райс. Было бы весьма неразумным с моей стороны повторить ошибку, за которую я только что упрекал мисс Кейпел. Если мы сразу же начнем делать исключения из тех правил предосторожности, которые сами установили для себя, чтобы не подвергаться опасности, то эти правила становятся совершенно бесполезными.

— Да, сэр. — Стефан сделал гримасу, когда начался четвертый, еще более сильный натиск на дверь. — Но мне действует на нервы то, что я не знаю, кто там снаружи.

— О, мой дорогой Райс, почему вы сразу не сказали? — По губам профессора скользнула улыбка и сразу же пропала. — Конечно, это полиция.

— Полиция? — словно эхо, отозвался Ньютон. — Но что им здесь надо?

— Простая формальность, поскольку наш дом находится в радиусе этого... этого дела. Они, очевидно, желают знать, не можем ли мы предоставить им какую-нибудь новую информацию. Если бы они выслушали наш отрицательный ответ и спокойно удалились, я бы, пожалуй, нарушил свое правило в их пользу.

— Но их нельзя вечно держать за дверью, Себастьян! — воскликнула мисс Варрен.

— Я и не собираюсь вечно держать их за дверью. Если они придут завтра, мы их немедленно впустим. Я хозяин собственного дома и, как мне кажется, уже потратил сегодня слишком много лишнего времени на всякие пустяки.

Сквозь очки он окинул голодным взглядом бумаги, лежащие на его столе.

Элен молилась, чтобы миссис Оутс открыла дверь, — приход полиции был бы непосредственным ответом на ее молитву. Она представила себе, что в доме появляется группа плотных и решительных мужчин в форме, олицетворяющих закон, который встанет на ее защиту.

Вдруг она подумала, что сможет заставить профессора изменить свое мнение.

— Но я могла бы рассказать им кое-что, — заметила она.

— Мисс Кейпел, — ответил профессор, спокойно и размеренно, — может быть, у вас есть ясные, продуманные факты, которые могут быть полезны полиции? Например, может быть вы видели преступника и способны дать его описание?

— Нет, — ответила Элен.

— Может быть, у вас есть какое-нибудь предположение о том, кто он или где находится?

— Нет, — снова ответила Элен, думая, что лучше бы ей провалиться сквозь землю.

— Так. Но может быть, у вас есть какая-нибудь более или менее обоснованная версия?

— Нет. Но... но я думаю, что он прячется за деревьями.

Симона с трудом подавила смех, даже мисс Варрен улыбнулась.

— Благодарю вас, мисс Кейпел, — сказал профессор. — Я думаю, полиция может подождать до завтра.

У Элен упало сердце. Опять «завтра»! Но она боялась ночи, которая отделяла ее от завтрашнего дня.

Профессор, который, казалось, сжалился над ней, сказал ей тоном заботливого хозяина:

— Ну а теперь, мисс Кейпел, будьте так добры, сообщите о моем решении миссис Оутс и сестре Баркер.

— Конечно, — заверила его Элен.

— Я думаю, бабушка не знает об убийстве? — спросил Ньютон.

— Нет, — ответила мисс Варрен. — Ни она, ни сестра Баркер не могли ничего узнать. С того времени, как доктор Перри рассказал нам об этом убийстве, только я была наверху. А мне бы, конечно, даже в голову не пришло беспокоить ее.

— Она ни в коем случае не должна знать, — приказал профессор.

Холл был пуст, когда Элен проходила наверх. Звонки и стук прекратились. Профессор истощил терпение полиции, представленной на этот раз одним-единственным полицейским. Промокнув под проливным дождем, он сделал свой вывод из закрытых ставнями окон и решил вернуться утром. По всей видимости, страх перед маньяком закрался не только в расположенные поблизости коттеджи, но и в государственные учреждения.

Дойдя до кухни, Элен, к своему удивлению, обнаружила, что не может войти, потому что дверь заперта. Вначале миссис Оутс даже не ответила на ее стук, но

потом на матовом стекле двери показалась опромная уродливая тень, и замок щелкнул.

Перед Элен стояла миссис Оутс с заспанными глазами и покрасневшим лицом.

— Никак не могла найти дверь, — объяснила она.

— А вы не боитесь ложиться спать с запертой дверью? — поинтересовалась Элен. — Предположим, на вас загорится платье, а мы не сможем попасть к вам.

— Сможете. Здешние ключи подходят ко всем дверям, но их не повернешь, потому что никто ими не пользуется.

— Конечно, — сказала Элен, — дверь закрывают на замок, только если остаются одни в целом доме или в гостиницах. Я в жизни не закрывала свою дверь на ключ.

— На вашем месте сегодня ночью я бы смазала маслом ключ и заперла дверь.

— Какая польза от этого! — засмеялась Элен. — Ведь к замку подойдет любой ключ.

— Но другие ключи заржавели, — объяснила миссис Оутс.

Когда Элен передала приказание профессора, миссис Оутс презрительно тряхнула головой:

— Большое спасибо его милости. Открывать дверь — это не мое дело и никогда не было моим делом.

Миссис Оутс начала отступление в глубь кухни, но Элен ухватила ее за рукав.

— Пожалуйста, миссис Оутс, не запирайте дверь, — попросила она. — Мне страшно будет даже подумать, что я не смогу попасть к вам. Сегодня я боюсь, как последняя дура. Я ведь надеюсь на вас больше, чем на кого-нибудь другого в этом доме.

— Верно. — Миссис Оутс агрессивно выпятила нижнюю челюсть. — Если кто-нибудь пролезет в дом, я разобью ему башку.

С этим утешительным заверением Элен поднялась по ступенькам и направилась к Синей Комнате, которая приобрела в ее глазах свою прежнюю притягательную силу. Дверь приотворилась на дюйм, обнаружив сестру Баркер, которая, казалось, поджидала Элен, прислушиваясь к ее шагам.

— Мне нужно кое-что рассказать вам, — прошептала Элен. — Совершенно еще одно убийство.

Сестра Баркер внимательно выслушала все детали. Она задала множество вопросов относительно харак-

тера Сервиден, ее обязанностей, ее любовников. Наконец она коротко засмеялась:

— Небольшая потеря для общества. Девушки такого сорта напрашиваются на это.

— Какой «сорт» вы имеете в виду? — спросила Элен.

— О, я знаю этот тип девиц. Можете мне не рассказывать... Потаскушка. Черные глазки, которые словно говорят каждому мужчине: «Пойдем в темный уголок», пухлые красные губы, зовущие к поцелую. Сплошная похоть!

Элен удивленно смотрела на сиделку, которая так подробно описала внешность убитой девушки, — ведь она ни словом не обмолвилась об этом, и та не могла видеть ее прежде.

— Вы раньше слышали о Сервиден? — спросила она.

— Конечно нет.

— Тогда откуда вы знаете, как она выглядела?

— Я знаю, как выглядят девушки из Уэльса.

— Но ведь они не все такие!

Сестра Баркер сменила тему:

— Что касается указаний профессора, то ко мне они не имеют никакого отношения. Открывать двери не входит в обязанности сиделки, и я, конечно, не стану рисковать жизнью и выходить из дома в такую бурю. Я не настолько глупа.

Элен почувствовала некоторое облегчение, когда сестра Баркер перешла к своему привычному самовосхвалению, стараясь подчеркнуть важность своей роли в доме.

Она прекрасно вписывалась в границы определенного типа представителей рода человеческого — правда, довольно неприятного, но совершенно обычного, — с которым Элен уже приходилось встречаться. Все это не согласовывалось со злобещим образом, нарисованным миссис Оутс, — полуночная злодейка, крадущаяся вниз по лестнице, когда в доме все уснули, чтобы впустить убийцу.

— Сестра!

Услышав уже знакомый Элен бас, сиделка повернулась к девушке:

— Я хочу спуститься в кухню и кое-что приготовить. Вы сможете остаться с ней на минуту?

— Конечно, — ответила Элен.

— Больше не боитесь ее? — спросила сестра Баркер. — Когда вы успели стать такой храброй?

— Это было глупо, — призналась Элен. — Я немного устала. Но теперь у нас действительно есть чего бояться и с чем бороться, и всякие фантазии ни к чему.

Девушка вошла в Синюю Комнату со своей прежней уверенностью, ожидая, что леди Варрен будет ей рада. Но казалось, старуха забыла о своем интересе к Элен.

— Что это был за стук? — спросила она.

— У вас очень чуткий слух, — пробормотала Элен, пытаясь придумать какое-нибудь объяснение.

— Я прекрасно вижу, слышу, определяю на запах, на вкус и на ошупь, — резко сказала леди Варрен. — Лучше, чем вы. Вы можете сказать, какая разница между непрожаренным бифштексом и настоящим бифштексом с кровью?

— Нет, — ответила Элен.

Следующий вопрос был куда менее приятным:

— А вы можете целить в глаз человеку и попасть, не промахнувшись?.. Что это был за стук?

— Это был почтальон, — сказала Элен, прибегая ко лжи, лишь бы не нарушить приказание профессора. — Оутса послали за кислородом, как вы знаете, а я была далеко, и вышло так, что сначала его никто не слышал.

— Ну и порядки в моем доме! — возмутилась леди Варрен. — И нечего смотреть на меня. Это все еще мой дом. У меня слуги ходили в ливреях... Но они все ушли... Слишком много деревьев...

Голос ее звучал грустно и жалобно, и Элен поняла, что старуха вновь вспоминает прошлое.

Но в то время как Элен умилялась, глядя на старуху, пережившую свое время, та вдруг доказала, что живостью и остротой ощущений в несколько раз превосходит Элен, потому что прежде, чем та услышала шаги на ступеньках лестницы, глаза ее широко раскрылись в ожидании.

Дверь Синей Комнаты открылась, и вошел профессор.

Элен с интересом заметила, как действует инстинкт пола даже на краю могилы: леди Варрен встретила своего пасынка совершенно не так, как встречала женщин.

— Наконец-то ты снизошел до меня, — воскликнула она. — Сегодня ты поздно, Себастьян,

— Простите, матушка, — извинился профессор. Он остановился, высокий, прямой и чопорный, около кровати в тени синего балдахина. — Не уходите, — прошептал он, обращаясь к Элен. — Я не пробуду у нее долго.

— Почта сегодня тоже запоздала, — небрежно заметила леди Варрен.

Элен почувствовала еще большее уважение к уму профессора, когда он сразу же понял, в чем дело.

— Она запоздала из-за бури, — объяснил он.

— Почему же почтальон не просунул письма в щель?

— Там было заказное письмо.

— Ах вот что... Дай мне сигарету, Себастьян.

— А ваше сердце? Стоит ли вам курить?

— Мое сердце сегодня не хуже, чем вчера, а тогда ты не имел ничего против. Дай сигарету.

Профессор открыл портсигар. Элен наблюдала за тем, как он наклонился над кроватью, держа в руке зажженную спичку. Огонь спички осветил его костлявую руку и лицо леди Варрен.

По тому, как старуха смаковала дым, а потом выдыхала его колечками, Элен поняла, что леди Варрен — опытный курильщик.

— Расскажи, что нового, — потребовала она.

Сухим голосом профессор сделал обзор новостей, который напомнил Элен передовую статью газеты «Таймс», разрезанную на мелкие кусочки.

— Нет никого глупее этих политиканов, — заметила леди Варрен. — Были какие-нибудь убийства?

— Я должен отослать вас к миссис Оутс. Это больше по ее части, — ответил профессор, отворачиваясь. — Простите, матушка, я пойду еще поработаю.

— Не переработай, — предупредила его старуха. — У тебя мешки под глазами.

— Я плохо спал, — профессор слабо улыбнулся. — Если бы это не было так пошло и избито, я бы сказал, что всю ночь не сомкнул глаз. Но я, наверное, терял сознание или забывался, потому что мне казалось, что часы бьют не регулярно.

— Ах, ты умный человек, Себастьян. Эти дуры сиделки уверяют, что они просыпаются, если волосок упадет у меня с головы, но на самом деле дрыхнут, как свиньи. Я могу кататься по комнате, а они и не пошевелятся. И Бланш тоже. Она уснула здесь в своем крес-

ле, как только стемнело, но ни за что не признается в этом.

— Значит, она не годится как свидетель, чтобы доказать ваше алиби, — сказал профессор несвойственным ему легкомысленным тоном.

Элен не могла понять, почему этот разговор неприятно задел ее. Всякий раз, когда она оказывалась в Синей Комнате, сама атмосфера наводила на тягостные размышления, словно отравляя клетки ее мозга.

— Где Ньютон? — спросила старуха.

— Он скоро зайдет сюда навестить вас.

— Прекрасно. Скажи ему, что жизнь коротка, пусть не опоздает к последнему нашему прощанию перед сном.

Профессор церемонно пожал ей руку и пожелал доброй ночи. Повинуясь его взгляду, Элен вышла с ним за дверь.

— Попросите сиделку, когда она вернется, ничего не говорить леди Варрен... о том, что случилось сегодня вечером.

— Да, я понимаю, — кивнула Элен.

Когда она вернулась в Синюю Комнату, леди Варрен внимательно посмотрела на нее прищуренными черными глазами, напоминающими полумесяцы.

— Подойдите сюда, — сказала она. — Было совершенно еще одно убийство. Тело уже нашли?

ЕЩЕ ОДНА БРЕШЬ

лен слушала старуху, и вереница неясных подозрений и страхов проносилась перед ней. Леди Варрен говорила с полной уверенностью. Это были не слепые догадки: она что-то знала, но знала недостаточно.

Именно это больше всего пугало Элен. Если бы кто-то, услышав рассказ доктора Перри, сообщил старухе об убийстве, она бы, конечно, знала и о том, что тело найдено в саду капитана Бина.

Сестру Баркер можно было исключить сразу — она ничего не слышала. Конечно, этот факт сам по себе не имел никакого зловещего смысла. Говоря словами профессора, ее алиби было установлено. В то время как Сервиден душили в саду, сиделка тряслась на жестком сидении старого автомобиля, направляясь в компании Оутса к месту новой работы.

Да, если она рассказала об убийстве своей больной, то, значит, она связана с маньяком и знает о всех его поступках и намерениях — и эта связь временно прервалась после убийства.

Леди Варрен схватила Элен за руку, и та поняла, что лгать бесполезно.

— Откуда вы знаете? — спросила она.

Старуха не ответила. Она лишь с хрипом втянула в себя воздух:

— Ах! Значит, они нашли ее. Это стучала полиция. Я это знала. . Расскажи мне все.

— Это была Сервиден, — сказала Элен. — Вы помните? Она обычно вытирала пыль у вас под кроватью, а вы еще говорили, что у нее пахнет от ног. Ее задушили в роще, когда мы пили чай, а потом отнесли в сад капитана Бина. Это он ее нашел.

— Какие-нибудь улики?

— Есть одна. Она оторвала зубами кусок бахромы от белого шелкового шарфа убийцы.

— Хорошо, это все. Уходи, — приказала леди Варрен.

Она натянула простыню себе на голову, полностью закрыв лицо, словно уже умерла.

Чтобы старуха снова не выкинула чего-нибудь, Элен уселась у камина, откуда могла наблюдать за кроватью. Несмотря на то что страх перед убийцей поглощает страх перед леди Варрен — как большая змея глотает меньшую, — она все еще инстинктивно боялась вернуться спиной к старухе.

Чтобы успокоить нервы, Элен попыталась поточнее представить себе ситуацию.

«В доме находится семейство Варрен — это четыре человека, потом миссис Оутс, сестра Баркер, Райс и я. Всего восемь. Мы должны легко справиться с одним человеком, даже если он так умен и хитер, как говорит профессор».

Потом Элен подумала о том времени, когда была няней в доме финансиста. У нее была абсолютная память на афоризмы, и она повторила про себя один из таких афоризмов, который ее прежний хозяин произнес, обращаясь к жене: «Нам нужен сочувствующий. Противоречивые интересы действуют разрушительно».

Элен нахмурилась, подумав о том, какие страсти бушуют в этом доме, и об осложнениях, возникших в любовном треугольнике. Она была бы еще больше обеспокоена, если бы знала, что происходит в это время в большой гостиной.

Приказ профессора о полной изоляции больше всего задел Стефана. Он не только восстал против наглухо закрытых окон и дверей, он еще нервничал из-за Симоны. Он ежился под ее пламенными взглядами, вспоминая оксфордский эпизод, когда его сделали козлом отпущения в незинной интрижке со студенткой.

Он вспомнил, что, когда та мерзкая девица закричала, Ньютон первым прибежал якобы к ней на помощь и потом очень сурово осуждал Стефана, отказываясь верить в то, что он совершенно невиновен. Уже тогда в нем проросли зерна ревности, хотя в то время Симона обнаружила лишь эпизодический интерес к Стефану, восхищаясь его классическим профилем.

С его стороны было каким-то непонятным извращением стать учеником профессора в надежде на то, что Ньютон почувствует себя виноватым, — импульс, в котором он начал раскаиваться с первой минуты пребывания молодой супружеской пары в «Вершине».

Стефан, прекратив бесконечное хождение по ковру, обратился к Ньютону:

— С должным уважением и прочим мусором по отношению к вашему достойному батюшке, Варрен, я должен сказать, что он нас не понимает. Наше поколение не боится всякого старья — живого, мертвого или полумертвого. Мы здесь сбились все вместе, как крысы в водосточном желобе, это действует мне на нервы.

— А я в восторге, — вмешалась Симона. — Это вроде рассказов о том, как несколько супружеских пар завалены снегом в одной хижине. Когда они выйдут оттуда, состав пар изменится.

Она, казалось, совершенно забыла о приличиях и жадно глядела на Стефана, словно они были вдвоем на необитаемом острове.

Абсолютно не отдавая себе отчета в своих поступках, она даже не представляла себе, что следует считаться с присутствующими. Она напоминала избалованного ребенка, которому отдали на разграбление магазин игрушек и который не может понять, почему нельзя немедленно получить игрушку, особенно понравившуюся ему.

— Каковы ваши планы, Стефан? — спросила она.

— Прежде всего, — ответил он, — я провалю все экзамены.

— Прекрасное утешение для шефа, — заметил Ньютон.

— Потом, — продолжал Стефан, — я, вероятнее всего, отправлюсь в Канаду и стану лесорубом.

— Вашей собаке придется пройти карантин, — язвительно напомнил ему Ньютон.

— Тогда я останусь в Англии специально, чтобы угодить вам, Варрен, и каждое воскресенье буду приезжать к вам и пить чай с Симоной, как раз в то время, когда вы отдыхаете.

Ньютон вздрогнул и посмотрел на часы:

— Я должен пойти к бабушке. Имеет смысл просить тебя пойти со мной, Симона? Просто чтобы пожелать ей спокойной ночи.

— Никакого.

Еще больше сгорбившись, Ньютон выскользнул из комнаты.

Когда он ушел, Стефан бросился к двери, но прежде, чем он достиг ее, Симона преградила путь.

— Нет! — крикнула она. — Не уходите! Останьтесь,

давайте поговорим. Вы говорили мне о ваших планах. Это очень трогательно. Предположим, у вас есть деньги, что бы вы сделали тогда?

— Предположим? — Стефан засмеялся, — Я бы сделал все, что делаю обычно: занимался бы спортом, немного поездил бы по свету, совершил бы вылазку в Монте-Карло...

— Вам это нравится?

— Еще бы! Но какой толк говорить об этом?

— Но у меня есть деньги!

— Тем лучше для вас, — ответил он.

— Да, я могу делать, что захочу. Это придает уверенности в себе.

— Ни одна женщина не должна быть слишком уверенной в себе. — Стефан отчаянно старался вести разговор на уровне легкомысленной светской беседы. — Иначе она начинает презирать судьбу.

Симона, казалось, не слышала его. Она подошла ближе, положила руки ему на плечи и твердо произнесла:

— Стив, когда вы завтра уйдете отсюда, я уйду вместе с вами.

— О нет, дорогая! — быстро ответил он.

— Да! — настаивала Симона. — Я без ума от вас.

Стефан в отчаянии облизнул губы.

— Послушайте, — сказал он. — Вы сегодня устали и перенервничали. У вас бред. Вы сами не понимаете, что говорите. Во-первых, есть еще старина Ньютон...

— Он может развестись со мной. Мне нет до него никакого дела. И даже если он не даст мне развод, мне безразлично. Нам будет хорошо вместе.

Стефан, как загнанный зверь, посмотрел в сторону двери. Он был страшно напуган, и это заставило его проявить несвойственную ему грубость.

— Вы мне не нравитесь, — сказал он.

Отказ Стефана только прибавил ей пыла.

— Это скоро пройдет, — успокоила его Симона. — Вы просто глупый мальчик со множеством тормозов.

Она придвинулась ближе, ожидая, что он ее поцелует. Когда Стефан оттолкнул ее, в глазах женщины впервые промелькнуло легкое сомнение.

— Тут замешана другая женщина, — сказала она. — Вот в чем дело.

Отчаяние заставило Стефана солгать.

— Конечно, — сказал он, — Так бывает всегда.

Он почувствовал одновременно облегчение и страх, увидев, как она восприняла его слова: ее лицо больше не выглядело, как безупречное и законченное произведение искусства, его исказила первобытная ярость.

— Я вас ненавижу! Надеюсь, что вы сдохнете в канаве, как собака! — в бешенстве крикнула она и выбежала из комнаты, с треском захлопнув за собой дверь.

Стефан глубоко вздохнул и с облегчением хлопнул себя по груди.

— Слава тебе, Господи! — с набожным выражением сказал он.

Но этот инцидент встревожил его. Он опасался, что Симона изберет какую-нибудь особо изощренную форму мести. Внушая себе, что нет никакого смысла конфликтовать, поскольку завтра он уедет, Стефан попытался отвлечься от своих проблем чтением нового романа.

Но ему не читалось, что-то мешало ему. Он поднял голову и прислушался. Сквозь рев бури доносился слабый вой. Так могла выть собака, попавшая в беду.

Стефан закусил губу и встревоженно нахмурился. Несмотря на возражения, высказанные им, он сознавал, что указания профессора, вероятно, оправданы, и был готов безоговорочно выполнить их. Но профессор говорил о «мужчине, женщине или ребенке». О животных не было сказано ни слова.

Стефан еще сильнее нахмурился, подумав, что его терпение подвергается тяжкому испытанию. Если это ловушка, значит, кто-то узнал о его слабости и старается ее использовать.

«Это Ньютон, — подумал Стефан. — Он старается выманить меня из дома, чтобы меня больше не впустили и я остался за дверью. Этот дурак полагает, что ему следует защищать от меня жену».

Ветер снова донес до него еле слышный жалобный вой; он вскочил на ноги, но потом снова сел.

— Бросьте, — пробормотал он. — Не выйдет. Меня не выманишь. Я не могу рисковать жизнью женщин в этом доме.

Он снова взялся за роман и попытался уделить должное внимание прочитанному, но строчки представлялись ему бессмысленным набором слов, потому что он со страхом ждал повторения собачьей жалобы.

И наконец она раздалась, еще более отчаянная; она была почти не слышна, словно издававшее ее существо теряет силы. Стефан не мог сидеть спокойно; он выска-

чил в прихожую и, отодвинув задвижку, приоткрыл входную дверь. Когда он высунул голову наружу, ветер, чуть не оторвавший ему уши, донес до него собачий лай.

Конечно, это могло быть искусным подражанием, но в этих звуках было что-то знакомое. Охваченный внезапным подозрением, Стефан осторожно закрыл дверь и бросился по лестнице в свою комнату.

— Отто! — позвал он, распахнув дверь.

Но никто не отозвался, и щенок не прыгнул ему навстречу. Кровать была аккуратно застелена, в комнате был наскоро наведен порядок.

— Ну и сволочи! — закричал Стефан. — Они все-таки его выставили! Это все. Я тоже смываюсь.

Приглушенно ругаясь, Стефан быстро переоделся в старый твидовый костюм и зашнуровал тяжелые ботинки. С мешком в руках он сбежал по задней лестнице. Никто не видел, как он прошел через холл, но, когда он захлопнул за собой дверь, Элен услышала грохот.

Визит Ньютона к бабушке освободил Элен от необходимости наблюдать за старухой, которая к тому же выслала ее из комнаты. Обычно в это время Элен ложилась спать, но сегодня она решила нарушить свое правило.

Все домочадцы были взволнованы, и если обычно скука преждевременно загоняла их в спальни, сейчас дело обстояло по-иному.

Миссис Оутс, пожалуй, тоже стоило бы подождать возвращения мужа. Элен хотелось бы посидеть с ней вместе, чтобы услышать звонок, если миссис Оутс снова заснет. Элен подбежала к входной двери как раз вовремя, чтобы увидеть Стефана, который шел по дорожке под косыми струями дождя.

Когда луч лампы осветил дорожку, он повернулся и демонстративно крикнул:

— Запирайте!.. Я больше не вернусь!

Элен поспешила захлопнуть дверь и задвинула засов.

— Ну и ну! — воскликнула она со смехом. — Вот так гуляка!

Сестра Баркер вышла из кухни и подозрительно спросила:

— Что за шум?

— Мистер Райс ушел, — ответила Элен.

— Куда?

— Он не сказал мне, но я могу догадаться. Ему очень хотелось пойти в бар, вернуть свой долг и попроситься.

Глубоко сидящие глаза сестры Баркер гневно сверкнули.

— Он нарушил приказ профессора и подвергает риску нашу жизнь! — закричала она. — Это преступление!

— Да нет, ничего страшного, — заверила ее Элен. — Я заперла дверь за ним сразу же, как он ушел. И он больше не вернется.

Сиделка горько усмехнулась.

— Ничего страшного, вот как? — спросила она. — Разве вы не понимаете, что мы лишились уже двух самых сильных мужчин?

КОГДА ЖЕНЩИНЫ ССОРЯТСЯ

Глядя на сестру Баркер, Элен порази-
лась — глаза женщины приобрели
странное выражение: гнев сменился
мрачным удовлетворением, словно она
радовалась тому, что число защитни-
ков уменьшилось.

Вспомнив о том, что все считают ее следующей
жертвой, Элен возмутилась и вызывающе выпрямилась.

— У нас еще осталось двое мужчин, — сказала
она, — и пять женщин — все здоровые и достаточно
сильные.

— И вы сильная? — спросила сестра Баркер, прене-
брежительно глядя на Элен с высоты своего роста.

— Я молодая.

— Да, вы молодая. Может быть, слишком молодая,
не стоит забывать об этом. И может быть, вы скоро
пожалеее о том, что молоды.

Элен нетерпеливо откинула на спину свою огненную
гриву.

— Мне кажется, следует сообщить профессору
о том, что мистер Райс ушел, — сказала она.

— И конечно, именно вы сделаете это.

— Почему я? — спросила Элен.

— Потому, что он мужчина.

— Послушайте, сестра, — Элен старалась говорить как
можно мягче, — я думаю, что эти придирки по крайней
мере глупы, особенно сейчас. Зачем нам все эти раз-
говоры о мужчинах? Нам нужно держаться всем вме-
сте. Я уверена, вы не хотите, чтобы я стала следующей
жертвой. Вы слишком порядочный человек.

— Я ничего против вас не имею, — заверила ее сест-
ра Баркер не особенно убежденно.

— Хорошо, — сказала Элен. — Когда вы подниме-
тесь к леди Варрен, расскажите, пожалуйста, мистеру
Ньютону о том, что случилось, и попросите его передать
это отцу.

Сестра Баркер величественно наклонила голову и
медленно поднялась по лестнице. Элен, оставаясь в хол-
ле, наблюдала, как та тяжело переступала большими

плоскими ногами, обутыми в туфли без каблуков, пока высокая фигура в белом халате не оказалась почти у нее над головой.

«Маленькая женщина может носить высокие каблуки, — подумала Элен, не без гордости взглянув на свои ножки. — У этой сестры походка, как у мужчины».

Когда сестра Баркер отошла от лестничной клетки и двинулась по коридору, ее фигура в тусклом освещении приобрела неясные очертания и Элен показалось, что она видит привидение — мертвеца, восстающего из гроба и бродящего по темному кладбищу. Это зрелище напомнило ей то, что она увидела сегодня вечером: показавшееся на мгновение ужасное лицо — воплощение вечного зла.

«Это, наверное, был профессор, — успокоила себя девушка, — а страшное лицо мне просто почудилось».

Но вдруг ей пришла в голову новая мысль: профессор вышел из своей спальни, а между тем она ясно помнила, что какая-то дверь приоткрылась и сразу же снова захлопнулась.

«Очень странно, — подумала Элен. — Не может быть, чтобы профессор открыл свою дверь, потом закрыл ее и снова открыл. Это полная бессмысленность».

Внимательно оглядев лестничную площадку, она увидела, что дверь профессорской спальни находится рядом с другой дверью, ведущей на заднюю, винтовую лестницу. Кто-то мог выглянуть из этой двери совершенно случайно в то же самое время, когда открывалась другая дверь.

Это не только было полным абсурдом, но и внушало Элен такое сильное беспокойство, что она сразу же отвергла подобное предположение.

«Никто не мог проникнуть в дом, — сказала она себе. — Все двери и окна были закрыты, когда убийца задушил Сервидеч... Но предположим, что есть какой-то секретный ход и убийца мог пройти из роши прямо в дом, притаиться на задней лестнице и выглядывать из двери... Нет, это мог быть только профессор!»

Несмотря на то что присутствие постороннего в доме казалось невозможным, Элен задумалась: может быть на минуту или на несколько секунд для убийцы была оставлена лазейка? Какая-то неясная мысль беспокоила ее, что-то было забыто или оставлено без внимания.

И она сама этим вечером была слишком рассеянна — начинала одно дело, не закончив другого. Например, даже не исправила дверную ручку в спальне мисс Варрен. Профессор отослал ее, как раз когда она разобралась, в чем дело, а инструменты остались на полу у двери.

«Могут подумать, что я неряха, — сказала себе Элен. — Надо снова подняться и попробовать исправить эту ручку».

Но это решение было забыто при виде Ньютона, который быстро сбегал по ступенькам. Его обычно бледное лицо покраснело от возбуждения.

— Итак, благородный Райс оставил нас? — обратился он к Элен.

— Да, — ответила она. — Я была здесь, когда он ушел, и заперла за ним дверь.

— Хорошо... Я надеюсь, он был один?

— Я увидела его на дорожке. Но было очень темно, и из-за дождя почти ничего нельзя было различить.

— Верно. — Несмотря на толстые стекла очков, Элен увидела, как бегают его глаза. — Вы не подождете минутку здесь?

Элен поняла, о чем он думал, взбегая по лестнице на третий этаж, и улыбнулась его беспричинному страху. Она могла бы избавить его от труда, но сочла это нетактичным.

Через минуту он почти скатился вниз по ступенькам, демонстративно размахивая чистым носовым платком, за которым якобы отправился так поспешно в свою спальню.

— Моя жена немного расстроена. — небрежно заметил он. — Головная боль и прочее. Может быть, вы будете с ней, если у вас есть время?

— Конечно, — успокоила его Элен.

Внезапная улыбка Ньютона была такой мальчишеской, что Элен поняла, почему он пользуется успехом у женщин.

— Мы, Варрены, слишком много хотим получить за свои деньги, — сказал он. — Надеюсь, вам платят приличное жалованье. Вы его заслуживаете... Ну а теперь нам надо сообщить шефу о Райсе.

Элен была польщена тем, что Ньютон попросил ее помощи. Она сочувствовала Стефану, но гораздо больше уважала Ньютона.

Сегодня, казалось, все мужчины жаждали ее помощи, и она внезапно вышла на авансцену. Правда, она здесь находится только для того, чтобы подавать реплики актерам, исполняющим главные роли, и свет рамп не падает на нее, но в данных обстоятельствах безопаснее было не прилекать особого внимания. Она поздравила себя с тем, что сестра Баркер не присутствовала при том, как ее вовлекли в игру, поскольку ее триумф мог вызвать дополнительные трения.

Профессор полулежал в кресле, глаза его были закрыты, словно он глубоко задумался. Он немного поднял веки, только когда Ньютон окликнул его. Посмотрев ему в лицо, Элен заметила, что его взгляд странно неподвижен и зрачки сильно сужены.

По всей видимости, Ньютон тоже заметил это.

— Баловался с квадронексом, шеф? — спросил он. В ответ на дерзость профессор нахмурился.

— Поскольку именно я содержу это семейство, — заметил он, — я должен думать о том, чтобы как можно дольше сохранить свои силы, в первую очередь для тех... для тех, кто зависит от меня. Я должен хоть немного поспать сегодня ночью... Ты хочешь что-то сказать мне? — Услышав о том, что Райс покинул дом, он сжал губы. — Значит, он не пожелал подчиниться моим указаниям? Из этого молодого человека в конце концов выйдет примерный гражданин, но в настоящее время, боюсь, он находится на уровне дикаря.

— Я бы назвал его атавистическим существом, — заметил Ньютон.

— Да, он, конечно, варвар, но варвар сильный, — напомнил ему профессор. — В его отсутствие нам с тобой, Ньютон, придется поработать.

— То есть ты имеешь в виду меня, шеф? Ты уже вышел из того возраста, когда сражаются с маньяками.

Элен подумала, что эти слова обидели профессора.

— Мой мозг к вашим услугам, — сказал он. — К несчастью, я смог передать своему сыну только его небольшую часть.

— Спасибо, шеф, и за помощь, и за комплимент. Но я боюсь, что в данном случае знание формулы отравляющего газа совершенно бесполезно. Нам нужна грубая сила.

Профессор слабо улыбнулся.

— Мой мозг, который ты недооцениваешь, может

оказаться козырем в этой игре, — заметил он. — Симона знает, что Райс ушел?

— Да, — ошетинился Ньютон. — Ну и что?

— Это твое дело.

— У нее болит голова, — сообщила Элен. — Мистер Варрен просил меня посидеть с ней.

Глаза профессора немного скосились внутрь, словно он пытался заглянуть в глубину своего гениального мозга.

— Превосходная мысль, — заметил он. — Однако помните: моя невестка темпераментная особа. Вы можете попытаться повлиять на нее, но ни в коем случае не раздражайте.

Он что-то прошептал сыну, который кивнул и обратился к Элен:

— Мисс Кейпел, разумнее будет не оставлять ее одну.

Элен, преисполненная ощущением важности своей миссии, хотя не уверенная в ее успехе, поднялась по лестнице в Красную Комнату. У двери она остановилась, услышав сдавленные рыдания. Поскольку никто не ответил на ее стук, она вошла без приглашения и увидела, что Симона лежит на кровати, спрятав лицо в подушки.

— О, ваше чудесное платье! — воскликнула девушка. — Вы же его испортите!

Симона подняла голову. Ее лицо было залито слезами.

— Я ненавижу это платье! — огрызнулась она.

— Тогда снимите его. Во всяком случае, вы будете чувствовать себя свободнее в пеньюаре.

Симона так привыкла, что ее обслуживают, что не выразила ни малейшего протеста, когда Элен стянула с нее через голову платье, узкое, как тесный футляр.

Девушка долго выбирала в обширном гардеробе Симоны замену ее вечернему туалету. Увидев такое множество красивых платьев, она почувствовала зависть, в которой не хотела признаться даже себе самой.

— Какие чудесные у вас вещи! — сказала она, подходя к кровати с выбранным пеньюаром — охапкой креп-жоржета и кружева, еще более воздушным и нарядным, чем вечернее платье.

— Какой толк от всего этого? — с горечью спросила Симона. — Их не увидит ни один мужчина.

— А ваш супруг? — напомнила Элен.

— Я сказала — мужчина!

— Дать вам таблетку аспирина от головной боли? — спросила Элен, которая решила убедить молодую женщину в том, что приписывает ее дурное настроение физическому недомоганию.

— Нет, — ответила Симона. — Я действительно отвратительно себя чувствую, но голова тут ни при чем: я просто ужасно несчастна.

— Но ведь у вас все есть! — почти крикнула Элен.

— У меня есть все, но нет ничего, чего бы мне хотелось... Вся моя жизнь была сплошной жертвой. Если я чего-нибудь хочу, у меня это немедленно отнимают.

Она села и уютно устроилась на кровати, приготовившись к откровенному разговору. Слезы смыли грим, но буря не затронула ее лакированную прическу, и волосы блестели, как гладкая черная эмаль.

— Стефан Райс когда-нибудь ухаживал за вами? — спросила она.

— Нет, — ответила Элен. — Но если бы ухаживал, я бы вам не сказала. Такие вещи надо держать в тайне.

— Но, милочка, как это можно сделать? Люди ведут светскую жизнь, ходят на балы, в рестораны и так далее. Тут без мужчины не обойтись.

— Я думала не о вас, — уточнила Элен. — Я, естественно, говорила о себе.

— О вас? Разве у вас есть любовник?

— Конечно! — небрежно ответила Элен, вспомнив пророчество доктора Перри. — Очень жаль, конечно, но я больше интересуюсь своими делами, чем вашими. Я знаю, что вас снимали для газеты и что вы пользуетесь известностью. Но для меня вы просто представительница определенного типа женщин. Таких, как вы, всюду полно.

Симона недоверчиво смотрела на Элен, которую она до сих пор едва замечала, как что-то маленькое и незначительное, в переднике и с тряпкой. Она была удивлена тем, что это ничтожество претендует на собственное мнение, но не смогла отойти от избранной ею темы разговора.

— Что вы думаете о Стефане? — спросила она.

— Он мне нравится, — ответила Элен. — Но я думаю, он не очень-то порядочный человек. Он не должен был оставлять нас в трудную минуту.

— Оставлять? — откликнулась Симона, выпрямляясь, как пружина.

— Да, он ушел и сказал, что не вернется. Разве вы не знали?

Элен была поражена эффектом, который произвела на Симону эта новость. Молодая женщина сидела неподвижно, словно заколдованная, крепко прижав руку к губам.

— Куда он пошел? — тихо спросила она наконец.

Элен решила основательно разрушить иллюзии Симоны и честно ответила:

— Он пошел в бар.

— То есть вы хотите сказать, к той женщине!

— Если вы имеете в виду дочь хозяина заведения, то он говорил о ней в кухне. Он сказал, что не хотел бы уезжать, не простившись с ней.

Она сразу же поняла, что напрасно упомянула об этом, так как Симона залилась слезами.

— Он ушел! — рыдала она. — Он у той женщины!.. Как он мне нужен... Вы не понимаете. Это меня убивает... Я должна что-то сделать!

— Не расстраивайтесь из-за него, — уговаривала ее Элен. — Он вас не стоит. Вы только унижаете себя.

— Замолчите. И выйдите из моей комнаты.

— Мне совершенно не хочется быть незванным гостем, — гордо сказала Элен, — но мне приказано не оставлять вас одну.

Эти слова довели Симону до бешенства.

— Ах вот как! — крикнула она. — Вас послали шпионить за мной? Очень умно с их стороны! Скажите им спасибо от меня. Почему я об этом раньше не подумала?

— О чем? — с беспокойством спросила Элен.

— Увидите! Вы еще увидите!

Элен, не произнося ни слова, испуганно наблюдала за Симоной, которая металась по комнате, судорожно хватаясь за разбросанную повсюду одежду и одеваясь с лихорадочной быстротой. Элен поняла, что ничего не может сделать.

Она могла остановить неизбежную катастрофу не больше, чем задержать на ходу локомотив.

Но когда Симона натянула меховую шубку, Элен не смогла удержаться и воскликнула:

— Куда вы идете?!

— Ухожу из этого дома. Я не останусь там, где за мной шпионят и постоянно оскорбляют. — Симона выхватила из ящика туалета горсть драгоценностей, бросила их в сумку и повернулась к Элен. — Я иду к своему любовнику. Скажите профессору, что сегодня ночью я не вернусь.

— Не ходите, — сказала Элен, пытаясь удержать Симону за руку. — Вы ему не нужны.

Борьба была короткой и отчаянной. Симона явно была сильнее и отличалась полной бесцеремонностью. Не думая о последствиях, она оттолкнула Элен с такой силой, что та упала на пол.

Хотя Элен ничего не повредила себе, прошло некоторое время, прежде чем она смогла убедиться в этом. Потирая затылок, ушибленный при падении, Элен услышала, как шелкнул замок двери, и поняла, что попала в западню.

ЗАЩИТНИКОВ ВСЕ МЕНЬШЕ

лен вскочила на ноги и подбежала к двери, хотя понимала: предпринимать что-то уже поздно. Она дернула ручку и нажала на дверь больше для того, чтобы дать волю своим чувствам, не надеясь, что ей удастся выбраться.

Положение было в высшей степени унижительным, и Элен, забыв обо всем, чувствовала лишь возмущение. Ее просто отбросили, как тряпичную куклу! Хуже всего, что она снова не оправдала доверия. Она вспомнила, что была в какой-то степени ответственна за Симону, и стала ломать голову, как сообщить о случившемся. Она не нашла ничего лучшего, чем прибегнуть к явно негодному методу, и нажала на кнопку звонка для вызова горничной.

Элен сделала это, зная, что все равно никто не придет: звонок был проведен в полуподвальную гостиную рядом с кухней, и его звук мог послужить лишь приятным аккомпанементом к храпу миссис Оутс. Но если бы даже она и проснулась, то принципиально проигнорировала бы вызов, ибо это не входило в ее обязанности. Ей так много приходилось делать в течение рабочего дня, что она была вынуждена из чувства самосохранения стоять на страже своего короткого и тем более дорогого для нее досуга. Элен вспомнила, как однажды, услышав звонок, на который никто так и не явился, миссис Оутс спела ей и собственному мужу: «Звонит из ада колокол: дин-дон, дин-дон, дин-дон. Тебя, мой милый, не меня, зовет зловещий звон».

Очень скоро Элен убедилась, что миссис Оутс и в этом случае не намеревается изменять своим правилам. Она перестала судорожно нажимать на кнопку и смирилась с мыслью, что ей придется ждать.

Вначале она нашла себе занятие — получив возможность удовлетворить свое любопытство, Элен начала рассматривать наряды Симоны и ее многочисленные туалетные принадлежности. Однако провести это обследование с обычным интересом она не могла: каждая пара шелковых чулок, каждая баночка румян напоми-

нала ей о Симоне. Та была под открытым небом, во власти бури, подхлестываемая огнем желания, которое принимала за всепоглощающий костер страсти.

Элен старалась яснее представить себе эту женщину — предмет роскоши, избалованную неврастеничку, абсолютно бесполезное существо. Она привыкла еще с пеленок, что предупреждалось каждое ее желание и удовлетворялся каждый каприз. Ее держали под стеклянным колпаком, чтобы сохранить от грубого прикосновения жизни.

Но сейчас, может быть, ужас подползает к ней все ближе, сейчас, когда стеклянный колпак разбился и она оказалась беззащитной перед лицом реальности. Вместо рук, протянутых к ней, чтобы оградить ее от зла, она может увидеть другие руки, которые будут угрожающе тянуться к ней. Она позовет на помощь, но впервые в жизни ее голос не будет услышан.

Такое видение стояло перед глазами Элен, когда она думала об опасности, угрожающей Симоне. Элен сделала все, что было в ее силах, но все же ее не оставляло чувство вины. Чтобы иметь возможность оправдаться, Элен стала вспоминать, как все произошло.

Когда она обдумывала этот эпизод, в ее памяти мелькнула одна очень неприятная подробность. На сей раз это была слуховая галлюцинация или что-то похожее. Но Элен была совершенно уверена, что ключ повернулся в замке в то самое время, как она прислушивалась к шагам Симоны, которая с лихорадочной поспешностью сбегала вниз по лестнице.

— Кто-то нарочно запер меня, — прошептала Элен. — Кто? И для чего?

Она могла только предположить, что сестра Баркер вышла на лестничную площадку, привлеченная шумом. Если она поняла, что происходит, то могла в приступе ревности запереть Элен, чтобы потом обвинить ее в беспомощности.

И вдруг Элен осенило, правда несколько поздно: миссис Оутс сказала ей, что во всех дверях «Вершины» установлен один и тот же замок. В таком случае ключ от смежной комнаты Ньютона мог подойти к двери спальни.

Элен с трудом вынула заржавевший ключ. Только что осмотрев все тюбики и флаконы, она знала, где находится масло для волос, которым пользовался Нью-

тон. Но прежде чем смазать ключ маслом, она решила проверить, подходит ли он к двери спальни.

Она взялась за ручку, и вдруг та повернулась у нее в руке, и дверь распахнулась. Полуоткрыв рот, Элен оглядела пустую площадку.

— Вот это да! — выдохнула она.

Боясь окончательно лишиться расположения хозяев, Элен быстро сбежала по лестнице, чтобы поднять тревогу. Она убедилась в том, что стала жертвой розыгрыша или чего-то похуже, но доказать это было совершенно невозможно.

Девушка решила, что с ее стороны разумнее всего будет выслушать выговор и смолчать. Но у нее не потребовали никаких объяснений. После ее торопливого рассказа о бегстве Симоны семейство Варрен выступило единым фронтом, пытаясь спасти положение.

Когда профессор, мисс Варрен и Ньютон переглянулись, сходство между ними было поразительным. Их тонкие породистые лица с легкой печатью вырождения конвульсивно подергивались, челюсти сжимались, словно стальные пружины капкана. Только теперь Элен поняла, как сильно они чувствуют и как умеют сдерживать свои эмоции.

Несмотря на то что высокий голос Ньютона несколько раз срывался, внешне он был спокоен, как будто разговор шел о погоде.

— Вы говорите, мисс Кейпел, что она ушла в бар к Райсу? — спросил профессор.

— Да, — ответила Элен, стараясь не смотреть на Ньютона, — я пыталась задержать ее, но...

— Конечно, конечно... Вопрос в том, кто пойдет за ней, Ньютон, ты или я.

— Конечно, я, — сказал Ньютон.

— Нет, дорогой, — вмешалась мисс Варрен. — Ты ведь моложе. Твой отец сумеет лучше повлиять на нее. К тому же ты должен быть здесь.

— Вам ничего не угрожает, — сказал Ньютон, — а Симона страшно рискует.

Профессор положил руку ему на плечо, пытаясь успокоить, и Элен заметила, что тонкие узловатые пальцы профессора немного дрожат.

— Я разделяю твои чувства, Ньютон, — произнес профессор. — Но я думаю, что вряд ли этот... маньяк прячется сейчас где-то под дождем. Если он не вернулся к себе домой, то нашел убежище в каком-нибудь

амбаре. Я уверен, что Симона без всяких приключений доберется до Райса.

— Приятная перспектива, — Ньютон закусил губу. — Тем больше причин для ее мужа быть вместе с ней.

— Может быть, ты и прав. Но прежде чем ты уйдешь, нам надо обсудить линию поведения. Нам следует избежать скандала.

— Я не хочу разводиться с Симоной, — голос Ньютона снова сорвался. — Я только не хочу, чтобы она была с этим... Райсом.

— Лично я полагаю, что Райс совершенно не опасен, — заметил профессор. — Он далеко не сердцеед.

— Он заперся с этой несчастной девушкой в Оксфорде... — горячо возразил Ньютон.

— Ты забываешь, Ньютон, что я в свое время тоже был студентом. Все это очень легко подстроить. У меня всегда были сомнения относительно его вины. Забудь о Райсе. Вопрос вот в чем: как понять сам факт бегства Симоны в такую погоду в деревенский кабак?

— Нервный срыв, — предположила мисс Варрен. — Может быть, определенную роль сыграло это убийство.

Профессор кивнул.

— Боюсь, что вам обоим придется провести там эту ночь, — сказал он. — У них нет машины, а Симоне не следует возвращаться домой в такую бурю.

— А ты не сможешь вернуться, когда поговоришь с хозяевами и устроишь Симону как следует? — обратилась к Ньютону мисс Варрен.

Ньютон язвительно засмеялся и, застегивая плащ, сказал:

— Прелестно! Я оставляю ее на Райса... Не беспокойтесь, тетушка, ждите нас домой завтра утром.

После ухода Ньютона, накидывая цепочку на входную дверь, Элен снова остро почувствовала свою беспомощность и одиночество. Когда он выходил из дома, наклонив голову навстречу дождю и ветру, сквозь приоткрытую дверь стал виден хаос мечущихся ветвей и водоворот дождя, пронизанный светом лампы.

После этого зрелища Элен показалось, что атмосфера в холле засыла, словно в приемной женского монастыря. В доме не осталось ни одного мужчины, не считая профессора, который, казалось, изнемогал под тяжким бременем ответственности.

— Мистер Райс должен будет прийти завтра, чтобы забрать свою собаку, — сказала мисс Варрен.

Элен с надеждой посмотрела на нее:

— Может быть, впустим ее, чтобы она побегала по дому?

Мисс Варрен нерешительно подняла брови:

— Я не люблю собак и боюсь их, но... собака все же как-то защитит нас.

— Я привыкла к собакам, — сказала ей Элен. — Можно, я накормлю ее и приведу с собой?

— Миссис Оутс накормила собаку перед тем, как я отвела ее в гараж. — Мисс Варрен посмотрела на брата: — Может быть, ты приведешь ее, Себастьян?

Только теперь Элен разгадала тайну странных звуков, которые донеслись до нее со стороны винтовой лестницы. Нелюбезный прием, который оказала ей миссис Оутс, был еще одним доказательством верности хозяевам.

Профессор смотрел на сестру, слабо улыбаясь.

— Как это похоже на тебя, дорогая Бланш, — пробормотал он. — Дверь гаража открыта?

— Закрыта. Ключ в моей комнате наверху.

Ожидая возвращения мисс Варрен, Элен пыталась преодолеть страх перед профессором. Как котенок, трогая лапкой подозрительный предмет и отскакивающий в сторону, она не могла устоять перед соблазном узнать поближе своего хозяина.

— Я восхищаюсь сильным характером мисс Варрен, — сказала она. — Конечно, она ничего не может поделать, если боится собак. — И Элен поспешила привести классический пример: — Лорд Робертс, например, боялся кошек.

— Но моя сестра не боится собак в том смысле, как вы это понимаете, — уточнил профессор. — То есть она не боится, что собака укусит ее или причинит какое-нибудь беспокойство. Однако она понимает опасность инфекции, которую могут вызвать паразиты животных.

Элен постаралась показать, что и ей кое-что известно.

— Я знаю, — сказала она. — Всюду миллионы микробов, их так много, что они могут убить всех людей на свете. Но, по-моему, есть и полезные микробы, которые убивают вредных.

Улыбка профессора не могла скрыть его презрительного выражения.

— Так же, как добрые ангелы сражаются с чертами? — спросил он. — Может быть, как-то и борются, но в царстве живого не всегда побеждает Абсолютное Добро, как в ваших верованиях, похожих на волшебную сказку.

Стараясь побороть нервное напряжение, Элен продолжала спорить:

— Если бы вредные микробы были сильнее, на земле никого не осталось бы в живых.

— Мы живем очень мало. Некоторые доживают до сравнительно почтенного возраста, но многие умирают молодыми. Подумайте о детской смертности — это один из методов, с помощью которых природа избавляется от лишнего населения. К несчастью, вмешивается сердобольная медицина, которая до некоторой степени мешает природе. И все же смерть торжествует.

Элен была слишком испугана насмешливым и злобным блеском в глазах профессора, чтобы продолжать спор. Она чувствовала, что побеждена, хотя никак не могла примириться сердцем с мрачными и безжалостными взглядами профессора.

— А чем именно занимается мисс Варрен? — робко спросила она.

— Она занимается классификацией. Ее точка зрения значительно отличается от вашей. Вы пользуетесь глазами, а она микроскопом. Перед ней открываются ужасы, неведомые вам.

Элен понравилось, что профессор старается сгладить слабости своей сестры. Она считала, что по мелочам можно определить характер так же, как по теням на поверхности моря узнать, где скрываются подводные рифы.

Что ни говори, а профессор по крайней мере был последовательным.

— Как интересно, — вежливо сказала Элен.

— Моя сестра слишком чувствительна, чтобы принимать активное участие в жизни за стенами этого дома, — продолжал профессор. — Но у нее железные нервы. Она прекрасно показала себя на фронте во время войны, каждый день выбиваясь из сил. Но она никогда не показывала вида, что устала или испугана, и получила самую лучшую аттестацию после окончания войны. Она столько повидала, что не может допустить спиртных напитков у себя дома, — так она боится любого проявления животного начала в человеке.

— Я думаю, это очень хорошо, — сказала Элен.

— Да, очень. К тому же, как вы, наверно, заметили, она страдает недостаточностью гипофиза.

Элен, не поняв намека, с заметно возросшим уважением посмотрела на мисс Варрен, спускающуюся по лестнице. Она молча вручила ключ профессору и прошла в библиотеку.

— Пожалуйста, закройте за мной дверь, — попросил профессор Элен, — и оставайтесь здесь, чтобы впустить меня.

Было ужасно ожидать в пустом холле, где не слышалось ни человеческого голоса, ни звуков музыки из гостиной.

«Слава Богу, скоро здесь будет собака», — подумала Элен.

Но ей не суждено было утешиться. Когда профессор, предварительно постучав, с трудом вошел, придерживая дверь, собаки с ним не было.

— Райс сдержал свою угрозу, — сказал он. — Замок в гараже взломан, и собаки там нет.

Сняв промокшее пальто, профессор прошел в свой кабинет.

Чувствуя себя дважды преданной, Элен попыталась проникнуть в святая святых миссис Оутс. Она несколько раз постучала в кухонную дверь, но миссис Оутс не открыла ей, хотя через матовое стекло было видно, что в кухне горит свет.

Она уже хотела повернуться и уйти, но вздрогнула, услышав незнакомый гортанный голос:

— Войдите, дорогая.

Несмотря на любезное приглашение, Элен вошла в кухню с неприятным ощущением, сама не зная, чем оно вызвано.

Миссис Оутс развалилась на стуле, похожая на мешок с картошкой. На ее покрасневшем лице была бессмысленная улыбка.

Даже не имевшая никакого опыта Элен сразу поняла, что случилось: ее второй, самый надежный, защитник предал ее — миссис Оутс была пьяна.

ПЕЙ ДО ДНА

видев миссис Оутс в таком состоянии, Элен замерла. Ей показалось, что она переживает кошмар наяву. За несколько часов все изменилось. Не верилось, что она находится в той самой уютной кухне, где еще

недавно пила чай.

Сейчас здесь было не только неуютно и грязно, но и темно, потому что кухню уже не освещали пляшущие языки пламени в камельке. Крошки и яичная скорлупа были разбросаны по столу, не покрытому скатертью. Даже рыжий кот покинул свое место на ковре, избрав более спокойную атмосферу пустой гостиной.

Но худшей из перемен была перемена в самой миссис Оутс. Некрасивая, почти уродливая даже в лучшие времена, она утратила свое решительное выражение, которое искупало грубость ее черт. Глаза потеряли живость, и губы, всегда плотно сжатые, сейчас расплылись в идиотской ухмылке. Когда Элен сообщила ей последние новости, она приняла их с таким безразличием, что девушка стала сомневаться, поняла ли миссис Оутс, что все их защитники дезертировали.

«Нет ничего хуже пьяной женщины», — подумала она.

Ей пришло в голову, что и в этой области мужчины сохраняют первенство. Женщины достигли относительного равенства во многом другом, но если мужчина на веселе мог быть забавным или даже блестящим, то женщина лишь впадала в животное состояние.

Но хотя Элен было неприятно смотреть на распухшее и покрасневшее лицо миссис Оутс, она поняла, что та еще что-то соображает. Поскольку положение еще не было катастрофическим, имело смысл воззвать к ее чувству долга, чтобы она пришла в себя.

— Выпили за мое здоровье? — спросила она.

Миссис Оутс сделала невинное лицо:

— Ну и что? Выпила пивка, мне на него дают денешки. Кто мне может запретить? Но ни капли крепкого.

— Странно. — Элен принялась. — Мне показалось, что я чувствую запах бренди. — Вот не везет, — вздохнула она. — Я бы сама немного выпила, чтобы приободриться после всех неприятностей.

Она наблюдала, как отражаются противоречивые чувства на покрасневшем лице миссис Оутс. Ее природная доброта боролась с жадностью и недоверием. В конце концов победило добро.

— И вы выпьете, моя бедная белочка, — заявила она.

Нагнувшись и засунув голову под стол, она выудила у себя из-под юбки бутылку бренди, которую с торжествующим видом поставила на стол.

— Наливайте, — сказала она, как гостеприимная хозяйка. — Там еще полно такого добра.

— Откуда вы ее взяли? — спросила Элен.

— Из подвала, когда хозяин пошел смотреть на терммомомм...

Пока миссис Оутс со свойственным ей бульдожьим упрямством продолжала бороться с трудным словом, Элен протянула руку к бутылке.

— Вы уже выпили почти половину, — заметила она. — Может, лучше оставить немножко на завтра?

— Нет, — торжественно заявила миссис Оутс. — Я не люблю отхлебывать, я должна пить большими глотками. Я всегда допиваю бутылку.

— Но вы опьянеете, и тогда мисс Варрен вас прогонит.

— Ни за что не прогонит. Я пила и раньше. Хозяин говорит только, что надо убирать искушение у меня с дороги, чтобы это не повторилось.

Элен слушала ее с тревогой и разочарованием игрока, принявшего тройку за козырного туза. Миссис Оутс временно утратила очень ценное качество — чувство ответственности.

Было совершенно очевидно, что миссис Оутс несколько не опасалась за свое будущее: семейство Варрен слишком ценило ее услуги, чтобы придавать какое-нибудь значение случайным оплошностям.

— И все же оставьте хоть капельку на завтра, — просила Элен, когда пальцы миссис Оутс плотно сомкнулись вокруг горлышка бутылки.

— Чтобы Оутс нашел бутылку? Черта с два! Он узнает, что я выпила без него, и отнимет бутылку, да

еще и станет меня упрекать. Нет. Я спрячу ее в единственном надежном месте.

— Какое безобразие, что ваш муж ушел из дома, — довольно бестактно пожаловалась Элен. — Почему это должно было случиться именно сегодня?

Миссис Оутс визгливо засмеялась и хрипло сказала:

— Это я сделала. Я отнесла пудинг в спальню, где сиделка была занята с леди Варрен, и всего-навсего отвинтила крышку у баллона с кислородом, когда ставила тарелку на стол.

— Кто это вас надоумил? — выдохнула Элен.

— Вы и надоумили. Вы сказали, что от этого зависит жизнь леди. Но если бы это не сработало, я бы придумала какой-нибудь другой способ избавиться от Оутса.

Сидя напротив миссис Оутс, которая осушила еще один стакан, Элен чувствовала себя все более подавленной, словно во власти кошмара. Ей казалось, что против нее существует заговор, но, обдумывая снова и снова все случившееся, она не могла обнаружить за всем этим чьей-либо злой воли.

Не было ничего особенного в том факте, что миссис Оутс захотелось выпить, и совершенно естественно, что муж пытался бы удержать ее от этого; отсюда следовало тоже совершенно естественно, что ей пришлось напярчь свое воображение, чтобы убрать его с дороги.

Той же логикой отличалось и развитие событий, которые привели к бегству молодежи. Стефан Райс любил свою собаку и не мог стерпеть ее изгнания, Симона вела себя как и подобало избалованной женщине, чьи желания не были удовлетворены. Профессор также не мог поступить иначе — Ньютон должен был последовать за своей женой.

Все началось с мелочей, ответственность за которые равномерно разделялась между всеми домочадцами.

Очень неудачно, что Стефан привел собаку в дом, и еще более неудачно, что он не посчитался с предупреждением мисс Варрен против животных. Очень жаль, что профессор был неосторожен, но вряд ли он мог предположить, что у миссис Оутс хватит храбрости совершить кражу у него под носом.

Элен вынуждена была признать, что и она приложила руку к тому, что события развивались так странно. Ведь это она просила доктора Перри сказать, что состояние леди Варрен чрезвычайно тяжелое, и ее не-

обдуманное высказывание относительно кислорода вдохновило миссис Оутс.

И все же, успокаивая себя этими доводами, Элен была полна страха. Что-то двигалось ей навстречу — что-то медленное, но огромное, заставляющее события развиваться по своей воле, и она была не в силах помешать этому неведомому или хотя бы приостановить его.

Эту цепь кажущихся случайностей нельзя было приписать только слепой судьбе. Ход событий, казалось, был естественным, неестественной была лишь та сложность, с которой они переплетались. Весь процесс протекал слишком гладко и с необычной регулярностью, словно по заранее составленному плану. Время было рассчитано с таким совершенством, словно за всем этим скрывался гениальный мозг, руководящий тщательно обдуманной операцией.

Видя, как миссис Оутс постепенно превращается из разумной и решительной женщины в пьяную развалину, Элен решила на отчаянный поступок.

— Отдайте мне бренди! — крикнула она, схватив бутылку. — Как вам не стыдно!

Она поняла свою ошибку, когда на нее обрушилась ярость миссис Оутс.

— Ну-ка положи обратно! — завопила та.

Элен, делая вид, что шутит, побежала к двери. Миссис Оутс преследовала ее.

— Ну, не глупите, — старалась она успокоить женщину, крепко прижимая к себе бренди. — Опомнитесь!

Миссис Оутс, задыхающаяся, с покрасневшими глазами, загнала ее в угол кухни, вырвала из рук бутылку и дала пощечину.

Покачнувшись от удара, Элен едва не упала, а миссис Оутс схватила ее за плечи и буквально вытолкнула из кухни.

— Выметайся отсюда! — кричала она, захлопывая дверь. — И чтобы я тебя здесь больше не видела!

Элен поняла, что ей понадобится помощь. Она постеснялась обратиться к профессору и отправилась в библиотеку. Мисс Варрен, сгорбившаяся над книгой, встретила ее не очень любезно.

— Я надеюсь, мисс Кейпел, вы оставите меня в покое хоть немного, — сказала она.

— Нет, — возразила Элен. — Это очень важно. Миссис Оутс пьяна.

Мисс Варрен недовольно нахмурилась и посмотрела на часы.

— Ничего страшного, — спокойно произнесла она. — Проспитесь и завтра примется за работу, как обычно.

— Но она еще не напилась до потери сознания, — настаивала Элен. — Если бы вы с ней поговорили сейчас, то могли бы остановить ее.

— Я не буду спорить с полупьяной женщиной, — сказала мисс Варрен, — а работа моего брата слишком ответственна, и его нельзя отвлекать. Самое разумное для вас — не вмешиваться... Такое случалось и прежде.

Мисс Варрен снова взялась за книгу, показывая, что разговор окончен.

Чувствуя себя весьма скверно, Элен побрела по коридору в холл. Однако, увидев телефон, она немного приободрилась. Вид аппарата напомнил ей, что хотя ей кажется, что она абсолютно одинока, словно выброшенный на необитаемый остров человек, все же дом не потерял связи с цивилизацией.

«Я позвоню в бар, — решила Элен. — Надо выяснить, где Симона. А потом позвоню доктору Перри».

Тревожное ожидание охватило Элен, когда она сняла трубку. В такую бурю валились телеграфные столбы, ломались деревья, может быть, рушились дома. Столько всего происходило в эту ночь, что Элен боялась, как бы не прервалась телефонная связь.

Она очень обрадовалась, услышав голос, который с сильным уэльским акцентом уведомил ее, что говорит мистер Вильямс — владелец бара.

Затем мистер Вильямс сообщил ей, что мистер и миссис Ньютон Варрен прибыли благополучно и останутся на ночь в меблированных комнатах при его заведении. Он добавил, что мистер Райс ушел вместе со своей собакой сразу же по их прибытии, вероятно, для того, чтобы освободить комнату для молодой леди Варрен.

— Куда же он пошел? — спросила Элен.

— В дом приходского священника. Он сказал, что священник наверняка устроит его на ночь, потому что любит собак.

Вооруженная семейными новостями, которые должны были послужить ей извинением, если ее застанут у телефона, Элен позвонила доктору. Он немедленно снял трубку. Голос его звучал устало и без особого энтузиазма,

— Только не говорите мне, что у старухи припадки. Имейте совесть. Я только что сел ужинать.

— Я хочу посоветоваться с вами, — сказала Элен. — Я могу просить об этом только вас.

Но когда Элен изложила свои подозрения, то почувствовала, что не смогла убедить даже себя в том, что дело обстоит так уж скверно. Ей показалось, что она преувеличивает, придавая слишком большое значение мелочам. И она была уверена, что доктор Перри думает то же.

— Да, веселое дело, — сказал он. — Но тут уж вы бессильны. Не дразните больше миссис Оутс.

— Но я хочу, чтобы она протрезвела. Я ведь совсем одна, — пожаловалась Элен.

— Вы боитесь?

— Н-нет, — нерешительно ответила она.

— Потому что, если вы боитесь, я немедленно иду к вам.

Как он и ожидал, Элен отказалась. Доктор Перри проголодался, промок и устал как собака, и, несмотря на его любезное предложение, в данный момент огонь в камине и трубка значили для него больше, чем самые прекрасные глаза.

— Я знаю, что в таком доме, похожем на сторожевую вышку, не очень-то уютно в бурю, — сказал он. — Но прочитайте парочку молитв, и все будет в порядке. Конечно, сегодня вечером вы переволновались и, естественно, чувствуете себя одиноко, раз все они ушли. Но все же кое-кто остался. Закройте все двери и окна и ничего не бойтесь.

— Ладно, — ответила Элен, вздрагивая от оглушительного треска, раздавшегося за одним из закрытых окон.

— Если вы ляжете и запрете дверь, сможете уснуть в такую бурю? — спросил доктор Перри.

— Не думаю. Моя комната наверху и качается, как колыбель.

— Тогда не гасите огонь в своей гостиной и перебейтесь кое-как эту ночь. Не успеете опомниться, как наступит утро.

— А утром все выглядит иначе, — сказала Элен.

«Легко быть храброй, когда слышишь этот веселый и успокаивающий голос!»

— Помните, — сказал доктор Перри, — если вы почувствуете, что вам страшно, позвоните мне, и я сразу же приеду.

Несколько успокоенная этим обещанием, Элен повесила трубку. Но, оглядев пустой холл, она почувствовала, что ее уверенность отступает. Казалось, наполненный зловещими звуками дом вот-вот рухнет под натиском бури. Громкий рев раздавался из каминной трубы, и девушка словно слышала непонятные слова, смутные угрозы.

Чувствуя, что любой прием со стороны миссис Оутс будет лучше, чем одиночество, Элен снова спустилась в кухню. К счастью, миссис Оутс встретила ее, как гостеприимная хозяйка долгожданного гостя. Ее лицо было уже почти багровым, а уровень бренди в бутылке заметно понизился.

«Нельзя раздражать ее!» — подумала девушка. Она присела возле миссис Оутс, хлопнула ее по коленке и бодро произнесла:

— Мы с тобой друзья, старушка, правда?

— Да, — кивнула та. — Оутс сказал: «Смотри за маленькой мисс». Это были его последние слова перед тем, как его позвали наверх. «Смотри за маленькой мисс».

— Ах, не говорите о нем так, словно он умер! — воскликнула Элен и, глядя миссис Оутс по руке, заговорила с ней, словно убеждая ребенка: — Но как вы сможете смотреть за мной, если вы выпили?

— Я выпила совсем мало, — возразила миссис Оутс. — Я могу пройти по одной доске. И я покажу каждому, кто осмелится хоть пальцем коснуться маленькой мисс.

Она встала и, немного покачиваясь, прошла по комнате, нанося такие сильные удары кулаками воображаемому противнику, что Элен даже поверила, что женщина не совсем пьяна.

«Если бы ее можно было удержать хотя бы в таком состоянии, — подумала Элен, — то она справилась бы с любым мужчиной».

Миссис Оутс остановилась, отдуваясь, как дельфин, и Элен захлопала в ладоши.

— Я тут сидела, — объявила миссис Оутс, — и думала. Я долго раздумывала. Меня беспокоит эта сиделка. Почему она всегда говорит, словно ее рот полон крошками, или хлебными корками, или другой едой?

— Не знаю, — ответила Элен.

— Я все сидела здесь и думала, — сказала миссис Оутс. — И теперь я знаю. Она пытается говорить не своим голосом. Она говорит на разные голоса — своим и чужим, как старуха наверху, в Синей Комнате. И ходит она не своей походкой. Она все время должна помнить о том, чтобы не стучать ногами, словно давит тараканов. Ну, догадываетесь теперь?

— А вы догадываетесь? — с беспокойством спросила Элен.

— Ну, может быть, она вовсе не женщина, как мы с вами, может быть, она...

Миссис Оутс внезапно остановилась и уставилась на что-то. Элен оглянулась и увидела, что в открытой двери стоит сестра Баркер.

ДАМА НАВОДИТ КРАСОТУ

лен отступила перед взглядом сестры Баркер, ибо ей никогда не приходилось видеть такую открытую и беспощадную ненависть в человеческих глазах.

Было совершенно очевидно, что сестра Баркер слышала слова миссис Оутс, но Элен сделала слабую попытку объяснить их по-иному:

— Мы только что говорили о леди Варрен. Удивительная женщина, верно?

Сестра Баркер игнорировала эту увертку. В торжественном молчании она прошла по кухне и взяла с плиты чайник.

— Нет горячей воды, — сказала она.

— Мне очень жаль, но печка потухла, — извинилась Элен за миссис Оутс. — Если бы вы подождали несколько минут, я вскипятила бы воду на своей спиртовке.

— Мне не надо помощи, — отрезала сестра Баркер. — Я умею делать свое дело. И доводить его до конца.

Слова, сами по себе совершенно безобидные, были произнесены таким тоном, который придавал им мрачное звучание. Так же торжественно и многозначительно сестра посмотрела на бутылку, стоящую на столе, потом на миссис Оутс, которая развалилась на стуле, словно мешок муки.

— Бренди, — заметила сестра. — В доме трезвенников.

Миссис Оутс тотчас же вызывающе подняла стакан и, запинаясь, сказала:

— Ваше здоровье, сестра! Чтоб всем вашим курам благополучно вернуться на вертел.

Сестра Баркер коротко засмеялась.

— Понятно, — сказала она. — Скоро у меня на руках окажетесь еще и вы. Ну, с вами-то я знаю как обходиться.

Миссис Оутс не успела опомниться, как сестра удалилась.

— Ну и ну! — выдохнула миссис Оутс, приняхиваясь. — Что за скверный запах! От нее так и разит бренди. Пусть она лучше не пытается устраивать со мной свои штучки, и нечего меня обзывать, или я дам ей по уху... Меня этим не проведешь.

— Этим? — отозвалась Элен.

— Этим самым. Кто может сказать — она женщина или мужчина?

Голос миссис Оутс опустился до хриплого шепота, и Элен уяснила весь ужас своего положения, когда миссис Оутс, схватив стакан с бренди, жадно осушила его большими глотками. Было ясно, что последний хранитель Элен ускользал от нее, оставляя ее наедине с тайной загадочной сиделки.

Конечно, Элен могла надеяться на моральную поддержку профессора и его сестры, но они вряд ли взяли бы на себя труд помочь ей. Они всегда уплывали к доступным лишь им далям — бесстрастные и неуязвимые, словно тени.

Ребенком Элен была известна тем, что никогда не плакала, но сейчас она не выдержала и жалобно крикнула:

— Не надо! Я больше не вынесу.

Видя ее слезы, миссис Оутс удивленно посмотрела на нее.

— В чем дело, дорогуша? — спросила она.

— Я боюсь, — ответила Элен. — Вы все пьете. Скоро вы повалитесь, как бревно, и она будет делать с вами, что хочет. Вы как будто напрашиваетесь на это. Конечно, я сделаю все, что смогу, но она ведь может легко со мной справиться, так что от меня останутся рожки да ножки. А те наверху не поверят ни одному моему слову, пока не будет слишком поздно.

Элен почти кричала, и ее страстная речь имела желаемый эффект — миссис Оутс немного протрезвела. В свою очередь она прибавила мрачных красок в предполагаемую картину будущего.

— Она охотится за вами, — сказала миссис Оутс. — Она хочет избавиться от меня, чтобы с вами было легче справиться. Ну ладно, я ей покажу! — С трудом проглотив слюну, она подвинула Элен бутылку бренди. — Поставьте ее куда-нибудь, чтобы я не могла достать.

Элен быстро оглядела кухню, не замечая, как миссис Оутс, уже раскаявшаяся в своем благородном поступке, наблюдала за ней с болезненным интересом. Элен влезла на высокий шкаф, подтянулась до самой высокой полки и поставила туда бутылку. Миссис Оутс не могла достать ее, и Элен почувствовала себя немногим более уверенно.

Спустившись с опасных высот, Элен сказала:

— Вы поступили замечательно! Если бы вы только продолжали в том же духе! Я вам обещаю, что вы завтра утром допьете вашу бутылку у меня в гостиной. Я задержу Оутса и никого не пущу к вам.

— Поклянитесь, — потребовала миссис Оутс.

Элен послушно исполнила ритуал, прекрестив грудь.

— Ну а теперь я сварю немного крепкого кофе, чтобы вы почувствовали себя лучше, — сказала она.

— Кооофе! — простонала миссис Оутс. — Лучше поите этой гадостью мужиков, которые лезут поднимать с места свой зад, спаси Господи беднягу Оутса!

Элен весело насвистывала в своей маленькой гостиной. Когда она зажигала спиртовую печку, ей живо вспомнился доктор Перри. С тех пор как он ушел, она испытала столько противоречивых чувств, что у нее не осталось времени подумать о нем. Но теперь, восстанавливая в памяти разговор с доктором, Элен была счастлива.

Она вспоминала, как блестели его глаза, когда он предсказал ей, что она очень скоро выйдет замуж, с какой готовностью он обещал ей прийти, если понадобится. Словно заново она переживала тот момент, когда стояла этим вечером, глядя в угрожающую темную даль, туда, где находилось ее надежное убежище — «Вершина».

Теперь ей казалось, что она смотрит сквозь угольно-черный туннель, в конце которого сияет мягкий золотистый свет. Но между ней и завтрашним утром свернулась черная змея бурной ночи.

Когда вода закипела, Элен заварила кофе, налила чашку крепчайшего темного напитка и понесла его миссис Оутс.

— Вот вам, — сказала она. — Кофе, черный как ночь и горячий, словно адское пламя.

— Адское пламя! — повторила миссис Оутс, зажимая нос, и проглотила кофе одним глотком.

— Миссис Оутс, — вдруг спросила Элен. — Доктор Перри помолвлен?

— Еще нет, но, может быть, скоро будет помолвка, — ответила миссис Оутс. — Я всегда спрашивала его, когда он наконец женится, а он всегда говорил, что ждет такую девушку, которую можно было бы схватить в охапку и забросить на луну.

Несмотря на то что слова миссис Оутс могли быть продиктованы желанием угодить своей собеседнице, Элен улыбнулась, чувствуя, что должна с кем-нибудь поделиться радостью.

— Я отнесу немного кофе наверх сиделке, — сказала она. — Боюсь, что мы только что ее обидели.

Подойдя к дверям Синей Комнаты, Элен несколько раз постучала, но сестра Баркер не показывалась.

Немного подождав, Элен приоткрыла дверь и заглянула в комнату. В ней царила полутьма: лампа под потолком не горела, комнату освещали лишь голубоватое сияние ночника у кровати и пляшущее пламя в камине. По толстому ковру на цыпочках Элен прошла мимо кровати, где различила между темно-синими занавесями очертания пушистой кофты леди Варрен. Старуха спала, и храп ее вмещал все звуки от баса до самого высокого регистра.

Элен боялась разбудить ее и поэтому не могла предупредить сиделку о своем визите. Свет, проникавший из смежной комнаты, показывал, что сестра Баркер находится там.

Элен застала ее врасплох. Сестра Баркер, по всей вероятности, наводила красоту — она стояла перед зеркалом, внимательно изучая свое отражение. Когда она провела пальцем по подбородку, Элен заметила, что в ее кулаке зажат какой-то маленький блестящий предмет.

Сестра сильно вздрогнула, когда Элен тихонько стукнула костяшками пальцев о дверную панель, и подозрительно посмотрела на девушку.

— Господи, — с горечью произнесла она. — Это единственное место, где, как я думала, меня оставят в покое и где я смогу побыть одна.

— Да, комнаты расположены ужасно, — согласилась Элен. — Я подумала, что вы бы не отказались выпить немного кофе.

— Спасибо.

Сестра Баркер взяла чашку, церемонно отогнув мизинец, и стала отпивать кофе маленькими деликатными глотками, напомнив Элен пьесу, которую она видела когда-то.

«Но тот актер, который играл тогда женскую роль, был более естественным», — подумала Элен. Ее охватило жгучее любопытство, и она постаралась найти предлог, чтобы остаться здесь подольше.

— Как вы уже видели, у миссис Оутс что-то вроде запоя, — сказала она. — Вы можете посоветовать мне какое-нибудь средство от этого?

— Взболтайте яйцо в ворчестерском остром соусе и прибавьте то, что она пила, — бренди, кажется? — сказала ей сестра Баркер. — Когда вы ложитесь спать?

— Около десяти. Но сегодня я не буду спать.

— Почему?

— Ну, кто-нибудь должен не спать, чтобы впустить Оутса.

Неожиданно сестра Баркер набросилась на девушку:

— Значит, вы уже забыли, что приказал профессор? Он не разрешил никого впускать!

Вспомнив обещание доктора Перри, Элен приняла виноватый вид. Если доктор придет, то она, уж конечно, не оставит его за дверью!

— Я забыла, — призналась Элен. — Пожалуйста, не говорите профессору и мисс Варрен.

— Ничего не могу обещать, — заявила сестра Баркер. — Если за вами постоянно не наблюдать, вы подвергнете опасности жизнь всех тех, кто находится с вами под одной крышей... Чтобы приманить убийцу, достаточно вашего присутствия — ведь он охотится именно за вами!

Услышав это еще раз, Элен почувствовала, что по ее спине пробежал холодок.

— Почему вы все стараетесь напугать меня? — спросила она.

— Потому что вы постоянно все забываете. — Сестра Баркер поставила на стол пустую чашку и подошла к Элен. — Я хотела вам сказать еще кое-что, — добавила она. — Я подозреваю этого уэльского врача.

— Доктора Перри? — не веря своим ушам, спросила Элен.

— Да. Это тип легковозбудимого мужчины, не-

уравновешенный невропат. Такой вполне может быть маньяком, помешанным на убийствах.

— Какие глупости! — воскликнула Элен.

— Что вы знаете о нем? — продолжала сестра Баркер. — Эти преступления совершает человек, который внушает доверие своим жертвам и может быстро передвигаться с места на место... Подумайте, как он ездит туда-сюда на своем мотоцикле — то он здесь, то через минуту за милю отсюда. И все доверяют доктору.

— Конечно, доверяют, — горячо сказала Элен. — Например, я. Я бы доверила доктору Перри свою жизнь. Он очень милый. И он обещал мне приехать сюда, если я буду уж очень бояться.

Сестра Баркер вынула из портсигара сигарету и, не зажигая, зажала в углу рта.

— Не волнуйтесь, — фыркнула она. — Он может явиться сюда и без приглашения.

Элен повернулась к двери.

— Не буду больше вас беспокоить, — сказала она. — И кроме того... я думаю, вы сами не знаете, что говорите.

Сестра Баркер схватила ее за руку.

— Вы меня боитесь? — спросила она.

— Нет, не боюсь!

— Что вы думаете обо мне?

— Я думаю, что вы очень добросовестная... и умная.

— Не дура?

— О все, что угодно, только не это.

— Тогда выслушайте меня, — сказала сестра Баркер, — если вы сами не дура... Человек, который совершает эти преступления, совершенно нормален, когда проходит приступ безумия. Поэтому вы ничего не можете сказать заранее. Может быть, сегодня ночью вы встретитесь с ним. И если это случится, вы будете удивлены как никогда в жизни. Последний раз.

Элен почувствовала, что сердце ее бьется неровно. Голова закружилась, и сестра Баркер, возвышавшаяся над ней, словно закутанный в белое столб, казалось, стала еще больше.

Реальность ускользала от нее, и все вокруг приняло угрожающие формы. Она не знала, кому верить, кого подозревать. Друзья притворялись врагами, а враги —

друзьями, люди стали какими-то таинственными созданиями.

Больше всего ее беспокоило то, что доктор Перри говорил почти такие же ужасные вещи. Перед глазами Элен встало его лицо, превращающееся в страшную маску, — улыбка становилась застывшей гримасой, и красные огоньки горели в зрачках, предвещая смерть.

В глазах у Элен немного прояснилось, когда сестра Баркер зажгла сигарету, которую держала в зубах. Страшное видение рассеялось под дуновением нового ужаса: огонь, озаривший красным светом лицо сестры Баркер, отразился в чисто выбритой, как у мужчины, коже подбородка и верхней губы.

ПОСЛЕДНИЕ ПРЕГРАДЫ

Как ни странно, но под влиянием шока Элен даже успокоилась. Теперь вместо расплывчатого кошмарного видения у нее был совершенно определенный противник. Однако, прежде чем решить, как именно ей действовать, она должна была подумать. Бесшумно проскользнув мимо кровати леди Варрен, Элен спустилась в холл.

Хотя дребезжание стекла в высоко расположенных окнах напомнило ей последние минуты судна, терпящего кораблекрушение, здесь было спокойнее, чем в гостиных. Кроме того, из холла было очень удобно наблюдать за лестницей и вообще за всем домом. Здесь она чувствовала уверенность, что как профессор, так и мисс Варрен смогут прийти ей на помощь.

Сидя на нижней ступеньке, Элен обдумывала положение. Прежде всего, она знала, что сестра Баркер не была маньяком, так как имела твердо установленное алиби в момент совершения преступления. Если предположить худшее, то она (или он) могла иметь связь с преступником. В таком случае ее следовало держать под наблюдением до тех пор, пока не наберется достаточно доказательств, чтобы вызвать полицию. Элен была уверена, что четверо здоровых людей, еще остававшихся в доме, смогли бы справиться с ней (с ним). Труднее всего будет убедить профессора и мисс Варрен.

В том, что сестра Баркер принадлежит к слабому полу, первой усомнилась миссис Оутс. Может быть, эта мысль была внушена ей крепким бренди. Элен была склонна считать сиделку просто грубой и ревнивой женщиной, обделенной природой. Тот факт, что она выбрила себе верхнюю губу и подбородок, еще ничего не доказывает — волосы на подбородке и усики на верхней губе не так уж редко встречаются у женщин.

В то же время, если подозрения миссис Оутс имеют под собой основание, можно предположить, что су-

ществует заранее продуманный план, так как надо было куда-нибудь убрать настоящую сиделку. Если маньяк наметил Элен в качестве своей следующей жертвы, его ничем не остановишь, никакое препятствие не помешает ему добиться цели.

Почему он выбрал именно Элен, совершенно непонятно, так же как трудно понять, почему он убивал других. Несмотря на то что он мог удовлетворить свою жажду убийства в городе, где ему предоставляется богатый выбор любых девиц, он предпочел с риском для жизни забраться в спальню воспитательницы. Но если раньше он нападал, когда в нем вдруг пробуждалась жажда убийства, сейчас он действовал иначе. И это терпеливое, хладнокровное преследование было еще ужаснее. Элен представляла себе, как он расспрашивает о ней, чтобы узнать адрес и выследить ее.

Наибольшее удивление Элен вызывало то обстоятельство, что все проходило так гладко. Никто не мог предвидеть подобной цепи случайностей. Возможно, убийца и не спланировал их специально, но не могло быть и речи о совпадениях, поскольку каждое событие происходило как раз в нужный момент и вытекало из предыдущего.

«Почему он выбрал именно меня? Я ведь полное ничтожество. И я вовсе не похожа на кинозвезду», — размышляла Элен, пытаясь вспомнить, чье внимание она могла привлечь. Наконец ей показалось, что она что-то припомнила. По дороге в «Вершину» она около часа оставалась на вокзале, ожидая Оутса с его стареньким автомобилем. У нее разболелась голова, и она сняла шляпу.

Скамейка, на которой она сидела, находилась под лампой, освещавшей гриву волос Элен цвета золотого пламени. Она вспомнила, что какой-то мужчина повернулся и долго смотрел на нее, но он был в шапке, глубоко надвинутой на лоб, и девушка не рассмотрела его лица.

«Он обратил на меня внимание из-за моих волос, — подумала она. — Но все-таки я идиотка. Это все выдумки сестры Баркер. Он вовсе не охотился за мной. Она пытается запугать меня».

Теперь все сводилось к одному: кто такая сестра Баркер? Закрыв глаза, Элен раскачивалась взад и

вперед. Давно прошло то время, когда она обычно ложилась спать, день был трудным, Элен страшно устала от долгого напряжения и чувствовала сонливость. Она задремала, и ей показалось, что она скользит по легким волнам спокойной реки, мелководной и кристально чистой.

Вдруг она словно провалилась в бездонную дыру. Сердце сильно забилося, и, вздрогнув, она открыла глаза. К ее удивлению, она была не одна. Пока она дремала, профессор вышел из кабинета и теперь стоял, склонившись над ней.

— Спите на лестнице, мисс Кейпел? — спросил он. — Почему вы не ложитесь в постель?

Бесстрастный голос и спокойный вид профессора успокоили Элен: преступления не совершаются в приличных домах, где джентльмены переодеваются к обеду.

— Весьма неразумно, — заметил профессор, когда Элен призналась, что вовсе не хочет ложиться. Он прошел мимо нее и поднялся по лестнице, держась за перила.

— Профессор, можно мне сказать вам кое-что? — окликнула его Элен.

Он постоял, пока Элен взбегала к нему по ступенькам.

— Миссис Оутс желала бы получить неофициальную информацию относительно этой новой сиделки, — сказала она. — То есть она хочет знать, действительно ли она послана медицинским центром.

— Почему не выяснить? — спросил профессор. — Вот телефон.

Несмотря на то что профессор был, казалось, не от мира сего, в действительности, как уже заметила Элен, он отличался практичностью. Она вспомнила, что, когда все были как громом поражены известием об убийстве, только профессор сохранил спокойствие.

Ободренная его присутствием, Элен осмелела.

— Вы ложитесь спать? — спросила она.

— Да, — ответил он. — Сейчас почти одиннадцать.

— Я надеюсь, вы сможете уснуть. Но если произойдет что-нибудь необычное, можно мне постучать к вам?

— Только если это будет срочное дело.

Довольная тем, что профессор согласился, хотя и без особого удовольствия, помочь ей, Элен сбежала в холл и направилась к телефону. Она запомнила номер

телефона медицинского центра благодаря своей привычке прислушиваться к телефонным разговорам. Ей ответил слащавый женский голос.

— Не можете ли вы мне сказать, у вас ли находится сестра Баркер?

— Кто это говорит? — переспросил голос.

— Это говорят из «Вершины».

— Но ведь она находится именно там!

— Да, я знаю. Вы не могли бы описать ее?

Женщина помолчала, словно сомневаясь, в своем ли уме тот, кто высказал такую странную просьбу, и через минуту ответила:

— Ничего не понимаю. Она высокая, темноволосая... Это одна из лучших сиделок. У вас какие-нибудь жалобы?

— Нет. Она говорит как леди?

— Естественно. Все наши сиделки настоящие леди.

— Ну конечно. Вы сами проводили ее в машину?

— Нет, — ответила женщина после короткой паузы. — Было темно, поэтому она ожидала в холле. Когда она услышала гудок, то вышла со своим чемоданом.

Элен повесила трубку с чувством удовлетворения. Очевидно, с этой стороны все было в порядке.

«Лучше пойду проверю, как там миссис Оутс», — подумала она.

Миссис Оутс совсем поникла в своем плетеном кресле. Вид бутылки с бренди, стоявшей на самом верху шкафа, делал ее несчастной.

— Задали вы мне работу, — с упреком сказала она. — Вы и ваш кофе. Совсем испортили настроение.

— Завтра, — пообещала Элен. — Я только что звонила в медицинский центр. Конечно, сестра Баркер ужасная грубиянка, но в остальном с ней все в порядке.

Но миссис Оутс цепко держалась за свою версию.

— По-моему, ничего с ней не в порядке, — проворчала она. — У меня есть банка с такой плотной крышкой, что даже Оутс не может ее отвинтить. Я попрошу эту сестру открыть банку, может поймаю ее на удочку.

— Это докажет только то, что у нее сильные руки, — сказала девушка. — Она не мужчина. Сколько сейчас? — Элен посмотрела на капризные кухонные часы. — Без пяти одиннадцать. Уже поздно. Когда вернется ваш муж?

Миссис Оутс пустила в ход все свои пальцы:

— Скажем, полтора часа туда и два обратно. Эта старая машина любит немного отдохнуть среди холмов. Оутсу понадобится время, чтобы достать кислород. Должен вернуться примерно через пять часов. Может быть, немного раньше.

У Элен появилась слабая надежда на возвращение Оутса.

— Он уехал примерно в половине девятого, — сказала она. — Значит, нам остается ждать два часа или около того. Когда я узнаю, что он приехал, я буду спать как сурок. Может быть, вы принесете свое постельное белье в пустую комнату рядом с моей спальней? Мне будет легче, если вы будете рядом, за стеной.

— Ладно, — пообещала миссис Оутс. — Там лучше, чем на нашем чердаке, где ветер воет во всех трубах.

Вдруг Элен ахнула:

— Я совсем забыла. Профессор приказал не впускать в дом вашего мужа.

— Все это ерунда, — возразила миссис Оутс. — Хозяин приказал вам, чтобы вы слушали его. Но сам-то он не исполняет собственных приказов. Разве он не отправил Ньютона за его красоткой? Конечно, он знает, что я впускаю Оутса.

Элен удивила проникательность миссис Оутс.

— Вы считаете, что он просто хотел показать, что он хозяин дома? — спросила она. — Если он такой заботливый, что постарался доставить кислород, он не допустит, чтобы кислород всю ночь оставался в гараже. Как только мы услышим, что Оутс стучит в дверь, я сразу же побегу и скажу профессору.

— А к тому времени Оутс будет уже в доме, — торжественно произнесла миссис Оутс. — Неужели вы думаете, что я оставлю своего старика под дождем дожидаться, пока его соизволят впустить?

Вскочив на ноги, Элен сказала:

— Я скоро вернусь. Я хочу переодеться. Потом мы выпьем чаю и постараемся устроиться поудобнее.

Выйдя из кухни, Элен в нерешительности остановилась. Быстрее было бы подняться по задней лестнице. Но, посмотрев на крутую спираль тускло освещенных узких ступеней, она отпрянула, чувствуя, что никакие силы не заставят ее пройти по ним.

И на лестнице, и во всем доме было слишком много поворотов, слишком много темных углов. А на этой

лестнице могло притаиться что угодно — или кто угодно, ожидая лишь удобного случая, чтобы накинуться на нее.

Понимая, что ее страх безоснователен, Элен все же поднялась по парадной лестнице. На первой площадке она остановилась, чтобы взглянуть на комнату профессора, дверь в которую была приоткрыта. Профессор так и не переоделся, он сидел в низком кресле перед потухшим камином.

Пройдя мимо двери, Элен вздрогнула, услышав приглушенный крик, долетевший из Синей Комнаты. Она задержалась, прислушалась, но крик не повторился.

«Хотелось бы мне знать, что делать», — подумала Элен.

Раздался какой-то странный шлепок, словно кому-то зажали рот тяжелой рукой. Через несколько мгновений Элен решила, что это ей показалось. Может быть, старая леди Варрен вскрикнула во сне или сестра Баркер хочет немного умерить ее храп.

Но, поднявшись на следующую площадку, девушка почувствовала, что боится подниматься выше. Все спальни, кроме ее собственной, сейчас опустели. Было слишком много места, где мог спрятаться тот, кто, поднявшись по спиральной лестнице, подждал ее, пока она поднималась с другой стороны.

Когда Элен попыталась открыть дверь своей спальни, то вначале ей показалось, что кто-то удерживает ее изнутри — так силен был сквозняк. Но, распахнув дверь и включив свет, она увидела лишь портьеры, колышущиеся от ветра, словно морские волны.

Она внимательно оглядела заставленную мебелью комнату с раскрашенным зеркалом, висящим на стене кармашком для щетки, фотографиями первой леди Варрен, бесчисленными полочками, застланными кружевными салфетками.

«Наверное, комната убитой воспитательницы была похожа на эту», — подумала она.

Казалось, от сестры Баркер исходят какие-то флюиды, способные внушать страх. Элен простояла лишь несколько минут у дверей Синей Комнаты, но спокойствие окончательно покинуло ее. Было бесполезно напоминать себе, что Оутс, вероятно, уже возвращается, — он мог оказаться у ворот дома и все же опоздать...

Наверху в полной мере ощущалась вся сила бури,

Элен в страхе обернулась к окну, услышав оглушительный треск. Казалось, кто-то рвется в комнату.

Понимая, что это вряд ли возможно, Элен подошла к окну и отодвинула занавесь. И тотчас же черная масса, испугавшая ее раньше, рванулась к ней, почти коснувшись стекла.

Казалось, дерево ожило и из всех сил рвется в дом, воодушевленное неотступным желанием. Элен быстро задержала портьеру и отскочила на середину комнаты, панически оглядываясь. Ей чудилось, что на нее вот-вот набросятся, как на ту девушку. Каждую минуту могло распахнуться окно, и за вздувшейся портьерой могло возникнуть что-то ужасное.

Элен не знала, что где-то этажом ниже украдкой отворилась дверь, из-за нее выглянула голова, глаза скользнули направо, потом налево. Кто-то крался по ступенькам, ведущим к комнате Элен.

Вдруг взгляд Элен упал на крест, висящий над кроватью. Несмотря на насмешки, которые ей пришлось выслушать за обедом, вид креста успокоил ее. Его сила была слишком велика и долговечна, он не мог быть просто сказкой или мифом. Он защитит ее в трудную минуту.

Не думая больше о злосчастной воспитательнице, Элен через голову сняла свое зеленое платье. Отряхнув его, она рискнула открыть гардероб: никто не прятался за аккуратно развешанными скромными туалетами.

Она почувствовала себя увереннее, надев свое короткое синее шерстяное платье и туфли без каблука, в которых казалась еще меньше. Бесшумно спустившись по лестнице, она снова остановилась у дверей Синей Комнаты.

Вдруг тишину пререзало хныканье старухи:

— Сестра, не надо!

Элен с трудом узнала хриплый голос, крикнувший:

— Заткнитесь или получите еще!

Руки Элен помимо ее воли сжались в кулаки, щеки покраснели от злости. Пускай леди Варрен — бич Божий для всех обитателей «Вершины», но она стара и находится сейчас в полной власти неуравновешенной и злой женщины!

Однако Элен получила хороший урок и не хотела вмешиваться. Она решила прибегнуть к помощи профессора.

Дверь его комнаты была еще приоткрыта, и он сидел в своей прежней позе. Элен не различала его лица — она видела лишь руку, лежавшую на подлокотнике кресла. Ей показалось странным, что за время ее отсутствия профессор даже не пошевелился.

«Если он уснул наконец, стоит ли его будить?» — спросила себя девушка.

Бесшумно скользнув по ковру, Элен подошла к креслу, и ее охватил ужас.

Лицо профессора было похоже на желтую восковую маску, и бледные веки плотно прикрыли глаза.

Рядом с ним, на столике, стояли пузырек и пустой стакан. В паническом страхе Элен схватила профессора за руку.

— Профессор! — крикнула она. — Профессор!

Она больше не боялась побеспокоить его, она боялась лишь, что не сможет его разбудить.

ПРОИСШЕСТВИЕ

лен снова и снова пыталась разбудить профессора, но он не шевелился. В отчаянии она схватила его за плечи и стала трясти изо всех сил. Но когда она разжала руки, он безжизненно привалился к подлокотнику кресла, как труп, оживший на мгновение от электрического разряда.

Элен в панике выбежала из комнаты и бросилась в библиотеку, где нашла мисс Варрен, с недовольным видом оторвавшуюся от книги.

— Профессор! — задыхаясь, выпалила Элен. — Пойдемте к нему. Скорее. Я думаю, он умер!

Ее слова заставили мисс Варрен подняться, она пошла вперед, перешагивая через две ступеньки. Когда Элен, запыхавшись, вбежала за ней в спальню профессора, то увидела, что мисс Варрен склонилась над безжизненным телом, распростертым в кресле.

— Честное слово, мисс Кейпел, — с досадой сказала она. — Вы бы лучше хорошенько подумали, прежде чем пугать меня без всякой надобности.

— Но разве он не болен? — спросила Элен, со страхом глядя на неподвижное тело, похожее на труп.

— Конечно нет. Он просто принял большую дозу снотворного.

Мисс Варрен взяла со стола пузырек с квадронексом и внимательно осмотрела его содержимое:

— Не думаю, что брат сделал такую глупость. Как правило, он не совершает подобных ошибок. Очевидно, он не рассчитал, какой эффект произведет на него обычная доза, когда он так устал и изнервничался. Он ведь фактически не спал несколько ночей.

Она пощупала ему пульс и повернулась к двери:

— С ним все в порядке. Мы ничего не можем сделать, лучше оставить его в покое и не трогать.

Элен стояла на ковре, глядя на застывшее в неподвижности тело. Судьба словно издевалась над ней, лишив единственного мужчины как раз в тот момент, когда она больше всего надеялась на его помощь.

Мисс Варрен, подойдя к кровати, сняла покрывало и укутала ноги профессора.

— Пойдемте, мисс Кейпел, — сказала она.

— Нет, — возразила Элен. — Я... Я боюсь.

— Чего боитесь?

— Не знаю. Но это наш последний мужчина.

От ее замечания мисс Варрен вздрогнула.

— Да, интересно, их словно вымели, — тихо произнесла она. — Но я не вижу особых причин для тревоги.

— Произошло убийство, — прошептала Элен. — Где-то притаился маньяк. И все они уходят один за другим. Я думаю, сейчас произойдет что-то ужасное. Этому не будет конца. Может быть, я останусь одна. Или вы...

— Если вы так нервничаете, почему бы вам не побыть с сестрой Баркер?

Элен отступила, вспомнив недавний инцидент.

— Но я ее тоже боюсь, — произнесла она. — Она изводит леди Варрен. Я только что слышала...

Мисс Варрен нерешительно приоткрыла рот. Она не привыкла давать объяснения или вести доверительный разговор с прислугой, но под влиянием какого-то импульса нарушила свое правило.

— Я обычно не обсуждаю семейные дела с лицами, не принадлежащими к нашей семье, — сухо сказала она, — но я полагаю, вы слышали, что случилось с прошлой сиделкой?

— Да. Леди Варрен чем-то бросила в нее.

— Именно. Такое случалось и раньше. Леди Варрен в таком возрасте и обладает таким характером, что не может сдерживаться. Она не отвечает за свои действия. Чисто физически, вы понимаете...

Элен кивнула, показывая, что понимает, какой скверный характер может быть у знатной леди.

— К несчастью, — продолжала мисс Варрен, — в медицинском центре мне сказали, что никто больше не желает работать у нас. Поэтому я была вынуждена просить отправить нам сиделку, привыкшую держать в руках своих больных. Женщину добрую, но вместе с тем твердую.

— Я бы не назвала ее доброй, — заявила Элен. — А вы сами не хотите зайти и посмотреть, как чувствует себя леди Варрен?

— Пожалуй. Мы не будем тушить здесь свет.

Когда они проходили по площадке, направляясь в Синюю Комнату, мисс Варрен нахмурилась, увидев что-то, лежащее на ковре перед дверью ее комнаты.

— Что это такое? — спросила она, близоруко прищурившись.

— Это зубило и еще кое-что, — ответила Элен, обрадовавшись при виде инструментов. — Вот они где! Мне хотелось исправить ручку вашей двери, но я была.

Она остановилась и подняла зубило, но мисс Варрен отняла его и положила вместе с другими инструментами на стул в своей комнате.

— Оставлять вещи где попало — признак неаккуратности, — сказала она, — слышали когда-нибудь такие строки:

Посей поступок — пожнешь привычку,

Посей привычку — пожнешь характер,

Посей характер — пожнешь Судьбу.

Элен ничего не ответила, поняв, что вопрос был лишь замаскированным упреком. Она вошла вслед за мисс Варрен в Синюю Комнату. В комнате было тихо. Старуха крепко спала.

«Я надеюсь, ее ничем не опоили», — с беспокойством подумала Элен.

Воздух был еще более кислым, чем обычно, пахло гнилыми яблоками, пылью и тряпками. Мисс Варрен безразлично передернула плечами.

— Ужасный запах для непривычного человека, — заметила она. — Я должна была выносить его целый день. У меня разболелась голова от этого. Вот почему я так ценю услуги сестры Баркер, хотя вижу, что вы неспособны отдать ей должное.

Элен поняла намек.

«Она хочет сказать, что будет поддерживать сиделку, а я могу идти ко всем чертям», — решила девушка.

Ее поразило, с какой осторожной почтительностью мисс Варрен постучала в дверь, которая вела в комнату сиделки.

— Можно войти? — спросила она.

Сестра Баркер пригласила их войти. Она сидела, положив вытянутые ноги на сиденье стула, и курила сигарету, которую положила в пепельницу, когда неохотно встала, чтобы выразить уважение хозяйке дома.

— Простите, что я беспокою вас, — извинилась мисс Варрен. — Мне только хотелось узнать, не доставила ли леди Варрен вам слишком много хлопот?

— У нее были капризы относительно снотворного, — ответила сестра Баркер. — Но я очень скоро убедила ее принять лекарство.

— Тогда, я надеюсь, вы спокойно проспите эту ночь.

— В такой ветер? Нечего и надеяться. Я не лягу, как и все в этом доме.

— Кого вы имеете в виду? — спросила мисс Варрен. — Я сейчас ложусь. А профессор, конечно, проспит до утра. Он принял квадронекса немного больше обычного.

Сестра Баркер презрительно щелкнула языком.

— Почему же он не попросил меня отмерить ему правильную дозу? — спросила она.

— Вряд ли профессор попросил бы женщину о том, что сам может сделать лучше, — сухо ответила мисс Варрен. — Он, очевидно, хотел немного поспать, поэтому принял немного больше снотворного. Он знает, как важно не обессилеть в такой момент, когда так много зависит от него.

Сестра Баркер, казалось, не слушала. В ее глубоко посаженных глазах зажегся фосфоресцирующий блеск — не то тревожный, не то удовлетворенный.

— Странно, — заметила она с каким-то злорадством. — Такое впечатление, что кто-то расчищает себе дорогу.

В глазах мисс Варрен мелькнул испуг.

— Как это может быть? — спросила она. — Для всего случившегося можно найти логическое объяснение. Например, мистер Райс, мой племянник и его жена покинули этот дом, потому что я выставила собаку.

— Нет, пойдем немного дальше, — заявила сестра Баркер. — Райс знал, что вы терпеть не можете собак?

— Да.

— Так, А вы знаете, кто сообщил ему, что продается собака?

Элен прислушивалась с замирающим сердцем. Может быть, ход событий кажется более или менее естественным только потому, что она приписывает им обычную связь? Где находится начало цепи? Какой злобный разум составил этот план?

К ее облегчению, мисс Варрен нетерпеливо сказала:

— Конечно, можно без конца строить разные предположения, но это совершенно бесполезно. Кого можно обвинить в том, что я забыла закрыть баллон с кислородом?

Элен едва не открыла подлинную причину происшествия, но вовремя вспомнила, что это было бы предательством. Она слушала с несчастным видом сестру Баркер, которая еще раз повернула нож в ране.

— Значит, сейчас в доме только три женщины, — констатировала она.

— Четыре, — с гордым видом поправила ее Элен. — Миссис Оутс выпила не так уж много, и я дала ей крепкого кофе. Теперь она почти совсем трезвая.

Мисс Варрен и сестра посмотрели на Элен.

— Мне кажется, — задумчиво произнесла мисс Варрен, — что вы сможете постоять за себя.

— Я доказываю это всю свою жизнь, — ответила Элен.

— Уверена, что вы не растеряетесь, если случится что-нибудь непредвиденное, мисс Кейпел, — сказала мисс Варрен. — И все же, поскольку вы не хотите ложиться, мне будет легче, если я буду знать, что вы рядом с миссис Оутс.

Элен, почти сломленная волнением и усталостью, немного приободрилась при этом неожиданном знаке внимания.

Когда Элен вернулась в кухню, миссис Оутс все еще сидела в своем кресле, но находилась в сравнительно бодром расположении духа.

Она погрозила пальцем девушке, и в глазах ее мелькнула искорка юмора.

— Подкрадываетесь на бархатных лапках? — спросила она. — Хотите насыпать соли мне на хвост? Но я старый воробей, меня на мякине не проведешь.

— Действие продолжается, — театральным тоном сказала Элен. — Профессор уходит со сцены.

Выслушав рассказ Элен о том, что случилось с профессором, миссис Оутс не очень расстроилась.

— Подумаешь, потеря! — заявила она. — От него все равно никакой пользы, он только сидит у себя в кабинете и размышляет.

— Я точно такого же мнения, — согласилась Элен. — Но без него мы словно тело без головы.

Очевидно, та же мысль посетила и сестру Баркер, потому что немного позже она величественно, словно королева, на время отложившая свой скипетр, вошла в кухню.

— Я думаю, нам лучше прийти к соглашению, — сказала она. — Кто будет здесь старшим в отсутствие профессора?

— Конечно, хозяйка, — ответила миссис Оутс.

— Она ничего не понимает, — заявила сестра Баркер. — Она, несомненно, неврастеничка. Можете мне поверить.

— Я буду подчиняться ей, — сказала Элен. — Она меня наняла и платит мне жалованье.

— Слушайте, слушайте! — захлопала в ладоши миссис Оутс. — Слушайте, что говорит молодая невеста доктора.

— Я не знала, что вы помолвлены с доктором Перри, — проговорила сестра Баркер, тонкие губы которой сжались в прямую линию, а во ввалившихся глазах вспыхнула ревность.

— Ни с кем я не помолвлена, — быстро ответила Элен.

Хотя тема была довольно деликатная, сестра Баркер не могла оставить ее.

— Я думаю, все дело в росте, — сказала она. — Просто удивительно, как это мужчины выбирают женщин маленького роста. Это признак их умственной неполноценности. Они знают, что интеллект зависит от размеров тела, и чувствуют, что неспособны иметь дело с теми женщинами, которые равны им интеллектуально.

Это высказывание привело Элен в ярость, потому что она не любила, когда говорили о ее росте.

— Может быть, они находят нас более привлекательными, — возразила она.

Сестра Баркер дрожащими пальцами зажгла спичку и закурила сигарету.

— Вы хотите оскорбить меня, — хрипло сказала она. — Это может быть неразумно, ведь очень скоро вы останетесь наедине со мной.

— Остается еще миссис Оутс, — напомнила ей Элен.

— Правда? — сестра Баркер многозначительно засмеялась. — На вашем месте я бы не очень-то надеялась на это.

Сильно затянувшись, сестра Баркер выпустила из рта дым и, шумно ступая, вышла из кухни.

— Что она хотела сказать? — с беспокойством спросила Элен.

— Все это ерунда, — прокомментировала миссис Оутс слова сестры Баркер. — Но все равно, — мрачно добавила она. — Нам не надо было раздражать ее. Она спустилась сюда немного поболтать, а мы ее только рассердили. Я начала, а вы закончили.

— Ей не следовало надолго оставлять бедную леди Варрен, — оправдывалась Элен.

— Нечего ее жалеть! — заметила миссис Оутс. — Старуха не даст себя в обиду. Оставлять эту пару в одной комнате — все равно, что запереть в одной клетке льва и тигра. Неизвестно, кто выйдет живым наутро.

— Хочется верить, что старая леди Варрен не совсем беспомощна, — сказала Элен. — Я действительно боюсь эту сиделку.

— Не давайте ей этого понять, — посоветовала миссис Оутс.

— Постараюсь. — Элен посмотрела на часы. — Хотелось бы мне знать, где именно в эту минуту находится ваш муж, — сказала она. — Время прямо ползет. Хоть бы мне дотянуть до его возвращения!

— Почему бы нет?

— Я боюсь, что со мной случится что-нибудь ужасное, — призналась Элен.

— Молчите! — толкнула ее миссис Оутс. — Может быть, кто-то нас подслушивает.

Элен, открыв дверь кухни, осмотрела пустынный проход.

— Вот чего я боюсь, — сказала она. — Предположим, я услышу, как за дверью плачет ребенок. Мне кажется, я не выдержу и выйду. Понимаете, а вдруг там действительно ребенок...

— Не будьте дурочкой, — перебила ее миссис Оутс. — За все время, что я здесь работаю, никто еще ни разу не оставил ребенка на пороге. Мисс Варрен не того сорта девица, чтобы принести дитя в подоле.

Элен, вскочив на ноги, засмеялась.

— Я чувствую себя виноватой перед ней, — сказала она. — Она, наверное, скоро захочет спать, а я до сих пор не исправила ручку ее двери.

Обрадованная тем, что может отвлечься работой, Элен побежала наверх по лестнице. Холл, через который она проходила, выглядел совершенно обычным. Поднявшись на площадку второго этажа, Элен увидела свет, пробивающийся сквозь стеклянный верх двери в спальне мисс Варрен.

«Надеюсь, она еще не легла», — подумала Элен, постучав в дверь.

— Да? — раздался голос мисс Варрен.

— Мисс Варрен, — сказала Элен. — Простите, пожалуйста, что я побеспокоила вас. Вы не можете дать мне зубило и другие инструменты, которые положили на стул?

— Конечно, мисс Кейпел, только больше не оставляйте все это у дверей.

Элен услышала шаги мисс Варрен, потом ручка двери беспомощно завертелась. Элен в молчаливом удивлении смотрела на ручку.

— Вы не можете открыть дверь? — спросила Элен.

— Нет, — ответила мисс Варрен. — Ручка вертится во все стороны, но дверь не открывается.

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С ПЬЯНЫМ МОРЯКОМ?

емного обеспокоенная, Элен все-таки не теряла надежды.

— Ничего, — сказала она. — Я открою дверь с наружной стороны.

Она очень уверенно взялась за ручку, но почувствовала, что та вертится, словно смазанная маслом.

— Кажется, ручка совсем развинтилась, — засмеялась Элен. — Мисс Варрен, там у вас инструменты; как вы думаете, вы смогли бы подкрутить ее?

— Нет, здесь не хватает отвертки, — ответила мисс Варрен. — Неважно. Оутс починит ее завтра утром.

— Но, мисс Варрен, — настаивала Элен, — очень плохо, что вы заперты. А если... предположим, будет пожар?

— Почему мы должны предполагать такие вещи? Пожалуйста, уходите, мисс Кейпел, я должна закончить важную работу.

— А у вас есть ключ? — спросила Элен.

— Нет. Замок сломан, вместо него поставили задвижку... А теперь, пожалуйста, оставьте меня в покое.

Поняв, что ей ничего не добиться от мисс Варрен, Элен, очень расстроенная, повернула назад. Когда она проходила мимо Синей Комнаты, сестра Баркер, привлеченная шумом, высунула голову из-за двери.

— Ну что там еще случилось? — спросила она.

Элен объяснила ситуацию, и сиделка злобно засмеялась:

— Что я вам говорила? Она заперлась нарочно.

— Не могу поверить, — возразила Элен. — Зачем ей это нужно?

— Она до смерти испугалась. Да, я это предвидела... И я предвижу кое-что другое. Для вас еще все впереди, дорогая моя.

Элен была поражена проницательностью сестры Баркер.

— Сестра! — воскликнула она, поддавшись внезапному импульсу. — Я хочу извиниться перед вами. Если я вас чем-нибудь обидела, то не нарочно.

— Слишком поздно спохватились, — фыркнула сестра Баркер. — Вы уже высказались.

— Может быть, сделать что-нибудь?..

— Только поклясться, что будете во всем меня слушаться.

Элен колебалась, зная, что сестра ни в коем случае не допустит присутствия доктора Перри, и, дав обещание слушаться, она уже не сможет его впустить. В то же время вряд ли он тотчас же бросится на помощь Элен, зная, что в доме находится эта женщина — серьезное препятствие на пути маньяка, — обладающая необычайной физической силой и умом, острым, словно зубы хорька.

Элен вытянулась и отдала честь сестре Баркер.

— Есть, сержант! — сказала она.

— Я не шучу, — нахмурилась сестра Баркер. — У меня нет уверенности, что вам можно полностью доверять. Сколько я себя помню, мне не приходилось выслушивать таких оскорблений, и от кого? От пьяной поденщицы и грубой, невоспитанной девчонки!

— Ну, сестра! — воскликнула Элен. — Я же не хотела...

Сестра Баркер никак не могла пережить свою обиду.

— Да, эта алкоголичка начала, — заметила она, — а вы сочувствовали ей.

— Нет, просто я должна была подлаживаться к ней, потому что она ведь не в себе. И я была несогласна с тем, что она говорила раньше.

— А что она говорила?

Когда сестра Баркер уставилась на нее блестящими глазами, Элен поняла, как должен себя чувствовать кролик под взглядом удава.

— Она сказала, что вы, наверное, мужчина, — призналась она.

Сестра Баркер судорожно глотнула.

— Она за это заплатит, — пробормотала она, возвращаясь в Синюю Комнату.

Спускаясь по лестнице в кухню, Элен раздумывала о случившемся. Напрасно она старалась подольститься к сиделке, напрасно выдала миссис Оутс — это было лицемерием, а Элен ненавидела лицемеров.

Однако в конце концов Элен решила, что не сделала ничего плохого. Она ведь никому не сказала об эпизоде с бритвой. Когда миссис Оутс высказала свои подозрения, Элен сразу же отвергла их, а если сестра ей не нравится — это ее личное дело. Вид телефона напомнил ей о последних событиях, которые она почти забыла. Один страх снова прогнал другой, а сейчас она боялась главным образом сестру Баркер.

«Я думаю, надо позвонить доктору Перри, — сказала она себе, — чтобы он узнал, что случилось с профессором».

На этот раз прошло довольно много времени, прежде чем доктор Перри взял трубку.

— В чем дело? — спросил он хриплым и сонным голосом.

— Профессора одурманили, — ответила Элен, — а мисс Варрен заперли в ее спальне.

Поскольку доктор Перри никак не откликнулся на ее слова, Элен поторопилась извиниться за свой звонок:

— Я полагаю, мне не стоило беспокоить вас. Но мне кажется очень странным, как все исчезают, один за другим. Что вы думаете об этом?

— Будь я проклят, если что-нибудь понимаю, — ответил доктор. — Вроде все в порядке. Я думаю, разумнее всего поступила мисс Варрен. Почему бы вам не последовать ее примеру?

— Потому что — можете мне не верить после того, как я подняла столько шума из-за того, что не хочу спать в комнате леди Варрен, — мне не хотелось бы оставлять ее наедине с этой сиделкой.

— Вы думаете, сестра грубо обращается со старухой?

— Не знаю. Но мне известно, что у сестры Баркер ужасный характер.

— Тогда я дам вам полезный совет. Если дело дойдет до скандала между этими двумя дамами, накиньте вашу юбку на голову старухе и придушите ее.

Несмотря на то что миссис Оутс тоже старалась уверить Элен в том, что старуха, пожалуй, опаснее, Элен, все же оставалась при своем мнении.

— Спасибо за совет, — прошептала она. — Мне очень неудобно, что я побеспокоила вас, но вы сами сказали...

— Погодите, не вешайте трубку! — попросил доктор. — Я думаю о том, что делать с профессором. Может быть, заехать к вам?

— Он выглядит прямо ужасно, — заявила Элен, стараясь использовать предоставившийся шанс.

— Естественно. Что сделала мисс Варрен?

— Пощупала пульс и закутала ноги.

— Хорошо. — Элен услышала вздох облегчения. — Неплохо. Она умная женщина. Пока этого достаточно. Если я передумаю, то приеду к вам тотчас. Во всяком случае, вам стоит сказать только одно слово, и я выезжаю.

— Вы приедете ради меня? — спросила Элен.

— Только ради вас.

Несмотря на усталость и одиночество, несмотря на опасность, Элен почувствовала прилив новых сил.

— Теперь, когда я знаю это, — сказала она, — я не хочу, чтобы вы приезжали. Я больше ничего не боюсь, я...

Она поспешно повесила трубку, услышав шаги. Сестра Баркер, перевесившись через перила, смотрела на нее с лестничной площадки.

— Кто это был? — спросила она.

— Доктор, — ответила Элен. — Я позвонила ему, чтобы рассказать о профессоре, но он решил, что ему не обязательно приезжать.

— Он бы предпочел застать нас врасплох, — торжественно провозгласила сестра Баркер. — Я не доведу этому молодому человеку... Не лучше ли вам отправиться к вашей алкоголичке? По-моему, вы слишком надолго оставляете ее одну.

Обуреваемая мрачным предчувствием, Элен поспешно направилась в кухню. Открыв дверь, ведущую к лестнице нижнего холла, она наткнулась на какой-то небольшой твердый предмет, который покатился вниз со ступеньки на ступеньку с оглушительным грохотом. Элен бежала за ним до конца лестницы и, догнав, увидела, что это пустая жестяная банка из-под молока.

— Миссис Оутс! — крикнула Элен, войдя в кухню. — Кто оставил эту банку на лестнице?

— Не знаю, — ответила миссис Оутс.

Охваченная внезапным подозрением, Элен посмотрела на верх шкафа, но облегченно вздохнула, увидев, что бутылка все еще там и, очевидно, не тронута.

Несмотря на это доказательство невинности миссис Оутс, Элен показалось, что в состоянии последней наступило явное ухудшение: на ее губах снова играла неопределенная улыбка, лицо потеряло обычное решительное выражение, взгляд был мутным. Посмотрев на нее, Элен припомнила строку из матросской песни:

Что нам делать с пьяным моряком?

«Завтра утром я начну писать книгу о вреде алкоголя», — подумала Элен, словно школьник, которого в наказание заставляют написать письмо матери.

Было совершенно очевидно, что миссис Оутс прилагает героические усилия, чтобы сосредоточиться на рассказе Элен о дверной ручке мисс Варрен, потому что она повторяла каждый пункт в форме вопроса.

— Оутс захочет есть, — вот и все, что она ответила Элен.

Поняв намек, Элен взяла поднос.

— Я помогу вам достать продукты из кладовой, — сказала она. — Вставайте.

Взяв миссис Оутс под мышки, Элен попыталась поднять ее, но женщина, привстав, снова рухнула в свое кресло.

— Я должна еще немного посидеть, — заметила она. — Не забудьте, у меня в животе полбутылки. Сейчас все будет в порядке.

«Ладно, — решила Элен. — Я принесу все сама».

Подумав, что отправиться одной в кладовую будет полезным испытанием силы воли, она открыла дверь моечной, и, когда щелкнул выключатель, все углы этой полупустой, чистой комнаты озарились желтым светом. Было слышно, как снаружи, в темном коридоре, неплотно закрытая оконная рама бьется о ставню.

Этот звук действовал на нервы, потому что создавалось впечатление, что кто-то рвется в дом. Коридор в тусклом свете лампочки казался глубоким туннелем. За углом начинался темный лабиринт Тропы смерти.

Элен сознавала, что не должна давать воли воображению. Она не будет думать об ужасах, которые совершались в стенах этого дома, о жертве, чей дух, может быть, витает в воздухе, залег в пыли или забился под камни.

Напомнив себе, что она сама вызвалась сходить за продуктами, Элен очень основательно осмотрела каж-

дый уголок, где можно было бы спрятаться. Потом она вошла в кладовую.

Кроме висящего окорока и гирлянды лука на полках было так много бутылок и банок, что любопытство одолело страх. В доме хранился такой огромный запас разнообразных консервов, что было трудно выбрать.

Элен нагрозила поднос банками с языком, сардинами, холодным мясом и рыбой в желе, горшочками с паштетом.

Прижав поднос к бедру, девушка выключила свет в кладовой, одновременно открыв ногой дверь моечной. Раздалось дребезжание, и жестяной поднос, прислоненный к стене, упал на каменный пол.

Элен задумчиво нахмурилась — ей очень не понравилось, что подобные штуки повторяются. Внезапно ее охватило подозрение. Миссис Оутс не могла слышать ее шагов — ведь она была в мягких туфлях, поэтому она и поставила эти жестянки, чтобы узнать о ее приближении.

Если дело обстоит так, то миссис Оутс что-то скрывает, ведет нечестную игру. Несмотря на тяжесть подноса, Элен ворвалась в кухню.

Миссис Оутс все еще сидела в своем кресле, повернувшись спиной к Элен; над ней, скрестив руки, стояла сестра Баркер.

— Где вы были? — спросила она.

— В кладовой, — ответила Элен, — доставала еду для Оутса. Мы подумали, что нам всем не мешало бы закусить, чтобы время проходило быстрее. Хотите?

Сестра Баркер кивнула со странной улыбкой на губах, и Элен поторопилась объяснить:

— Я подумала, что мы с миссис Оутс поедем здесь, а вам я отнесу что-нибудь в вашу комнату. Хорошо? Какие сэндвичи вы предпочитаете?

— Спросите миссис Оутс, что ей особенно по вкусу, — сказала сестра Баркер. — Я думаю, вам придется поработать за нее.

Охваченная неприятным предчувствием, Элен с грохотом поставила поднос на стол и бросилась к миссис Оутс. Но не успела она подойти к ней, как та вытянула руки на столе и опустила на них голову.

— В чем дело? — воскликнула Элен. — Вы больны?

Миссис Оутс с трудом открыла один глаз,

— Спать хочется, — пробормотала она. — Спать...

Она замолчала, а Элен принялась трясти ее за плечо.

— Проснитесь! — кричала она. — Не оставляйте меня! Вы же обещали.

Глаза миссис Оутс на минуту осветились виноватой улыбкой, словно она что-то смутно вспомнила, но тут же потухли.

— Кто-то... подмешал... мне, — пробормотала она. — Меня опоили...

Снова уронив голову на руки, она закрыла глаза и засопела.

Чувствуя свою полную беспомощность, Элен наблюдала, как миссис Оутс погружается в тяжелый сон. Сестра Баркер стояла рядом, облизывая губы, словно смакуя всю смехотворность положения. Наконец Элен спросила:

— Можно сделать с ней что-нибудь?

— Почему бы не предложить ей выпить? — насмешливо сказала сестра. — Это, вероятно, оживит ее.

Замечание было явно издевательским. У Элен не было ни малейшего сомнения в причине катастрофы. Так же, как грабители усыпляют сторожевую собаку перед ограблением, кто-то воспользовался ее отсутствием, чтобы разделаться с миссис Оутс.

Боясь обидеть сестру Баркер, хотя сомнений в том, что именно она сделала это, не было, Элен старалась выглядеть и говорить так, чтобы сиделка не догадывалась о ее подозрениях:

— Что с ней по-вашему?

Сестра Баркер презрительно засмеялась.

— Не будьте душой, — ответила она, — Это яснее ясного. Она пьяна, как сапожник.

ЗВАНЫЙ ОБЕД

есмотря на то что внезапный уход из жизни миссис Оутс привел Элен в состояние шока, слова сестры Баркер немного успокоили ее. Словно порыв ветра, они смели все подозрения.

Никто не подсыпал миссис Оутс снотворное, просто ее благие намерения оказались бессильными перед искушением.

— Как же она смогла достать бренди? — спросила Элен. — Я уверена, что она была не в состоянии залезть на шкаф.

Сестра Баркер ударом ноги выдвинула тяжелую ножную скамейку, встала на нее, вытянула руку и достала бутылку с самого верха шкафа.

— Вы забываете, что не все женщины такие недоростки, как вы, — сказала она. — Миссис Оутс ниже меня, но руки у нее длинные, как у гориллы.

Элен закусил губы, поняв, как ее провели.

— Можете считать меня последней душой, — сказала она, — но я поверила ее обещанию. И все равно, она не тронула бренди. Бутылка еще наполовину полная.

Презрительно фыркнув, сестра Баркер вынула пробку, понюхала содержимое и налила немного на тыльную сторону ладони.

— Водичка, — заметила она.

Элен с упреком посмотрела на миссис Оутс, похрюпывающую на столе.

— Что мы будем делать с ней? — беспомощно спросила она.

— Оставим здесь.

— Может быть, сделать ей холодный уксусный компресс на лоб? — настаивала Элен. — Ведь ей очень неудобно, и, по-моему, у нее температура.

— Никаких компрессов! — отрезала сестра Баркер. — Она подвела нас, и нам некогда с ней возиться. Она не человек, а просто мусор. Давайте поужинаем,

Я не обедала и прямо падаю от усталости. Принесите поднос в мою комнату, мы поедим там.

Хотя в словах сиделки был намек на возможное примирение, Элен чувствовала себя, как новобранец перед сержантом.

— Чего бы вам хотелось? — послушно спросила она.

— Холодного мяса, картофеля, сыра, маринованных огурчиков. Сделайте побольше сэндвичей и заварите покрепче чай. Помните — мы не должны уснуть.

— Вы действительно думаете, что нам грозит опасность? — дрожащим голосом спросила Элен.

Сестра Баркер внимательно посмотрела на нее:

— Да уж, мне повезло, что я оказалась в вашей компании. Вы глупая, а глупый человек вдвое опаснее любого подлеца. Вы умеете считать?

— Конечно.

— Тогда считайте. В обед здесь было девять человек. Сейчас осталось только двое. Скольких мы недо- считались?

— Семерых, — прошептала Элен, только сейчас осознав это.

Сестра Баркер с мрачным удовлетворением облизнула губы и спросила:

— И вы понимаете, что это значит? Это значит, что он все ближе к нам.

Хотя Элен была уверена, что сиделка хочет еще больше напугать ее, она почувствовала, как у нее упало сердце, когда женщина вышла из кухни. Несмотря на недоброжелательность сестры Баркер, ее общество было лучше, чем одиночество.

Катастрофы, следующие одна за другой, настолько ослабили способность девушки сопротивляться страху, что она боялась оставаться одна. Каждый удар ветра в плохо закрепленную оконную ставню отзывался эхом в ее сердце. Здесь, в полуподвальном этаже, буря звучала приглушенно, но сад был ближе. Кусты били по стеклу, словно скрюченные пальцы, а их ветви извивались, как щупальцы, будто подражая подводным чудовищам.

«Он хочет ворваться в дом, — думала Элен. — Предположим, в доме есть какой-то неизвестный мне потайной ход. Кто угодно может спрятаться между лестницами или в одной из пустых комнат».

Ее единственным желанием теперь было как можно быстрее оказаться вместе с сестрой Баркер. Пока закипал чайник, она приготовила сэндвичи, но есть уже не хотелось.

Элен торопливо поставила тарелки с сэндвичами на поднос и вернулась в свою полуподвальную гостиную, где кипятила чай на спиртовой горелке. Мысли ее все время путались и прерывались, словно мелодии старой шарманки.

«Я думаю, мисс Варрен очень довольна, что ее заперли в комнате... Этого не случилось бы, будь я немного поаккуратнее... Она привела эти слова насчет привычек и характера, чтобы намекнуть мне, что я виновата... Между нами говоря, я действительно виновата... Я и никто другой».

Немного успокоенная этим, как ей казалось, совершенно логичным выводом, Элен все же задумалась. Может быть, какое-то невидимое звено в цепи обстоятельств ускорило исход этой шахматной партии?

Она сама со своей импульсивностью, мисс Варрен с ее эгоизмом и миссис Оутс с ее тайной страстью к спиртному — каждый представлял определенный типаж и, казалось бы, совершенно независимо от других играл свою роль. Но все шло по определенному плану, словно они были пешками в руках умелого шахматиста; какая бы причина ни вызвала ход каждой пешки, они теперь стояли на доске в позиции, выгодной для невидимого игрока.

Чайник выпустил струю пара, и крышка захлопала, разбрызгивая кипящую воду. Элен наскоро заварила чай и быстро пошла вверх по лестнице, пугливо оглядываясь через плечо. Войдя в Синюю Комнату, она хлопнула за собой дверь.

Пересекая тускло освещенное помещение и стараясь не звенеть посудой, Элен не слышала храпа леди Варрен. Сестра Баркер в своей комнате прикуривала новую сигарету от окурка. Когда Элен поставила поднос на стол, она тотчас же начала жаловаться.

— Я чуть не сломала палец, пытаясь повернуть ключ. — Она кивнула в сторону другой двери. — Это просто безобразие — поместить меня в комнату, смежную со спальней постороннего мужчины.

— Раньше там была туалетная комната профессора, — объяснила ей Элен. — И кроме того, профессор

не такой человек. Вряд ли он посетит вас сегодня ночью.

Она отвернулась, чтобы скрыть усмешку. Этот эпизод не только позабавил ее, но и прибавил бодрости, потому что полностью опроверг подозрения миссис Оутс. Кроме того, Элен поняла: сильные руки сестры Баркер все же не руки душителя.

— Может быть, откроем дверь, чтобы услышать, если леди Варрен позовет вас? — спросила Элен.

— Не позовет, — проворчала сестра Баркер. — Я ее успокоила.

— То есть вы хотите сказать, что усыпили ее, как... как младенца?

— Почему бы и нет? Она и есть престарелый младенец.

— Но мне кажется, это слишком уж сурово.

Сестра Баркер только пробормотала что-то неразборчивое, наливая себе чай, в который добавила несколько капель бренди. Элен с изумлением смотрела на женщину, которая накладывала себе на тарелку холодный картофель, паштет и толстые ломти мяса, переложив их маринованными огурчиками.

«Этого хватило бы для любого мужчины», — думала Элен, наблюдая, как сестра Баркер очищает свою тарелку.

Бренди немного смягчило сиделку, и она подняла бутылку, глядя на Элен:

— Налейте себе в чай капельку?

— Нет, спасибо.

— Попробуйте, пока живы. Этот тип уже узнал вкус крови. Вы видели, как миссис Оутс цеплялась за бутылку? Она должна была ее допить. С тем человеком дело обстоит так же. Он словно голодный тигр с кровавыми клыками.

Элен положила на свою тарелку ломтик сыра, от которого отщипывала кусочки.

— Сестра, — сказала она, — почему вы так плохо относитесь ко мне?

— Потому что вы напоминаете мне одну женщину, которую я ненавижу, — ответила сестра. — Точь-в-точь похожа на вас — маленькое костлявое создание с тонкими ножками, постоянно хихикающее, с волосами как у барашка или у дешевой куклы. Только она была блондинка.

— Почему же вы возненавидели эту блондинку? — спросила Элен, движимая природным любопытством.

— Из-за мужчины, — ответила сестра Баркер. — Это произошло, когда я только начинала работать. Он был доктор, очень умный человек, но такой маленький, что я могла бы положить его себе на колено и отшлепать.

— Противоположности всегда сходятся, — заметила Элен. — Вы были помолвлены?

Элен проявила непритворный интерес — признания сиделки напомнили ей о будущем романе с доктором Перри.

«Странно, — думала Элен, склонная драматизировать положение, — мы только что познакомились и не очень доверяем друг другу, но все же собрались здесь за чашкой чая и беседуем, потому что влюблены».

— Нет, мы не были помолвлены, — ответила сестра Баркер. — Но к этому все шло. И мы бы поженились, но проклятая блондинка отняла его у меня.

— Какое безобразие! — воскликнула Элен с искренним сочувствием.

— Безобразие? — в коротком смехе сестры Баркер чувствовалась горечь. — Она разбила мне жизнь. Это был мой единственный мужчина. Больше никого не было. И никогда не будет.

— Они поженились? — спросила Элен.

— Нет, она его бросила, он ей понадобился ненадолго. Но от него осталась одна шелуха. И я была ему уже не нужна... Вот почему я ненавижу женщин, похожих на нее. И если кто-нибудь желает свернуть им шею, я только пожелаю им удачи.

Сестра Баркер посмотрела на Элен — и та съежилась, словно улитка, замыкающаяся в своей раковине. Она больше не хотела рассказывать о себе и о своих надеждах, желая лишь избежать возмездия за неудачное сходство с соперницей сестры Баркер.

— Знаете, — сказала она, — у нас с вами много общего, одна судьба. Меня мужчины никогда не замечали потому, что я такая маленькая.

Глаза сестры Баркер блеснули, и Элен поняла, что та проглотила наживку.

— Но у вас ведь роман с доктором?

— Конечно нет. Эту сказку придумала миссис Оутс. У меня еще никогда не было настоящего романа,

Всегда приходилось самой зарабатывать на жизнь, и никогда не было денег на красивые платья.

— Это правда? — настаивала сестра Баркер.

Элен кивнула, вспомнив свою заброшенность и бесчисленные унижения, которые ей пришлось вытерпеть, когда она была подростком. И сестра Баркер, внимательно глядя на нее, поверила, несмотря на ее сходство с роковой блондинкой.

В этот момент Элен казалась ей недоразвитой замухрышкой, никому не нужной, ничего не умеющей, — ничьей. Если ее убьют, никто о ней и не вспомнит, никто о ней не пожалеет. Освободится еще одно рабочее место.

Теперь сестра Баркер уже не чувствовала злобы к этому ничтожеству, только презрение.

Она снова взяла бутылку бренди, и Элен протестующе вскрикнула:

— Пожалуйста, не надо!

— Вы полагаете, я свалюсь с ног от ложки бренди? — огрызнулась сиделка.

— Дело не в этом. Но после того, что случилось, я боюсь: не подсыпано ли в бренди снотворное.

— Если так, вы останетесь совсем одна. Рискнем, — поднеся к губам чашку, сестра осушила ее одним глотком. — Меня это устраивает, — продолжала она. — Когда он явится, то примется прямо за вас. Если я вмешуюсь, он расправится и со мной.

— Я не отстану от вас! — крикнула Элен. — Нао осталось только двое! Если с вами что-нибудь случится, я сойду с ума от страха.

— Все зависит от вас, — злобно сказала сестра Баркер. — Вы настолько слабы, что вам нельзя верить. Вы обманете меня лишь бы спасти свою шкуру.

Спорить дальше было бесполезно. Элен, окончательно потерявшая аппетит, сидела и смотрела, как сиделка завершает свой ужин. Это был удручающе медленный процесс, потому что сестра Баркер перемешала каждый глоток затыжкой.

Маленькая комната была вся затянута дымом, и гигантская белая фигура сиделки виднелась словно сквозь туман. Иногда уставшие глаза Элен воспринимали ее как расплывающееся облако. Воздух был влажным и горячим, как в джунглях.

«Я не должна засыпать, — в отчаянии подумала Элен. — Если я отведу от нее глаза, она испарится».

Хотя Элен лихорадочно старалась сосредоточиться на окружающем, в глубине души она была убеждена, что цепляется за что-то обманчивое, ускользающее из рук. Миссис Оутс предала ее, и сестра Баркер тоже предаст.

Но, по крайней мере, ночь понемногу проходила. Очевидно, та же мысль пришла в голову сестре, потому что она посмотрела на небольшие дорожные часы, стоящие на каминной полке.

— Он может прийти в любую минуту, — сказала она. — Интересно, с чего он начнет.

Элен старалась сдерживать дрожь, поняв, что сестра специально дразнит ее, словно здоровенный оболтус-старшеклассник, прижимающий к стене маленького новичка, чтобы услышать его визг. Собрав остатки смелости, она неожиданно перешла в контратаку.

— Не забывайте вот что, — сказала она. — Я никого особенно не интересую пока жива, но, если меня убьют, я стану очень важной персоной. Если со мной что-нибудь случится здесь, в эту ночь, обязательно начнется расследование и во всех газетах напечатают об этом. И вас объявят виновной.

Сестра Баркер нахмурилась — она как-то просмотрела такой поворот дела. Ее жизнь целиком зависела от профессиональной репутации, которой очень повредили бы упоминание ее имени в газетах и обвинения в трусости и безответственности.

— Не дурите, — сказала она. — Будем держаться вместе... Что там за шум?

Элен тоже слышала шум — глухие удары откуда-то снизу.

— Как будто стучат во входную дверь, — сказала она.

— Никуда не ходите, — предупредила ее сестра Баркер. — Это может быть ловушкой.

— Но я должна! Вдруг это Оутс.

Сестра Баркер не успела остановить Элен, которая, открыв дверь, бросилась в Синюю Комнату. Когда она бесшумно добежала до лестничной площадки, звук раздался яснее — громкий и повелительный. Стучали во входную дверь, одновременно нажимая на кнопку звонка.

Элен остановилась, держась за перила, — ее мозг был словно парализован, отравленный предупреждением сестры Баркер. Человек, стоявший за дверью,

мог быть Оутсом, вернувшимся быстрее, чем она надеялась. Слишком быстро... Именно поэтому Элен боялась пошевелинуться.

Внезапно у нее возникла новая мысль. Каким-то неведомым инстинктом она поняла, что за дверью доктор Перри. Несмотря на то что он всячески старался успокоить ее, положение в «Вершине» было угрожающим — и он это осознал.

С заблестевшими глазами Элен помчалась вниз по ступенькам. В это время на площадку вышла сестра Баркер.

— Стойте! — крикнула она. — Не открывайте двери!

— Но я должна! — задыхаясь, крикнула Элен в ответ. — Это доктор. Он обещал прийти. Я должна открыть ему!

Элен услышала за собой тяжелые шаги сиделки и попыталась бежать быстрее. Но, несмотря на все старания Элен, сильные руки схватили ее, когда она была у дверей, ведущих в прихожую.

— Тихо, дуреха, — прошептала сестра Баркер, зажимая Элен рот. — Это он!

НАБЛЮДАТЕЛЬ

смотря на предостережение сестры Баркер, Элен продолжала вырывать-ся. Она была уверена в том, что за дверью находится доктор Перри. Было мучительно сознавать, что он так близко, а она не может прорваться к нему.

Элен поняла, что проиграла сражение, когда сиделка зажала ее одной рукой, а другой закрыла лицо. Она была удивительно сильной, и девушка могла лишь слабо отбиваться ногами, обутыми в мягкие туфли на войлочной подошве.

Ей казалось, что стук продолжался целую вечность. Сестра Баркер держала Элен еще некоторое время, пока он не прекратился, и шум не переместился куда-то в другую часть дома.

— Он пошел к задней двери, — мрачно сказала она. — Упрямый! Но я еще упрямее.

Элен лишь слабо извивалась. Она чувствовала, что задыхается в железных объятиях сестры Баркер. Когда через несколько минут атака на входную дверь возобновилась, Элен подумала, что больше не выдержит.

«Уходи, милый, — мысленно заклинала она доктора Перри. — Это бесполезно. Ради меня. Уходи, это бесполезно».

Наконец все стихло, словно доктор услышал ее мысли, и наступила такая продолжительная тишина, что сестра Баркер отпустила ее.

— Ой! — схватила за горло Элен. — Вы чуть меня не задушили.

Сестра Баркер хрипло засмеялась:

— Жди после этого благодарности! Жаль, что я не впустила его. Больше у вас не болело бы горло — он бы вылечил вас навсегда!.. Не стоило вас спасать!

— Вы не спасли меня, — сказала Элен. — Это был доктор Перри.

— Откуда вы знаете?

— Он обещал прийти ко мне.

Сестра Баркер насупила свои густые брови!

— Вы сказали, что у вас нет с ним никакого романа.

Элен слишком плохо себя чувствовала, чтобы возражать.

— Какое это имеет значение сейчас? — вяло спросила она. — Все равно вы его прогнали.

— Что это значит? Это значит, что вы солгали мне. Вы пытались вызвать мое сочувствие и сыграть на нем. И все это время исподтишка смеялись надо мной.

Посмотрев на посеревшее лицо сиделки, Элен вспомнила замечание Райса о том, что ее личная безопасность всецело зависит от отношения окружающих.

Нетрудно заметить, что сестру Баркер снедает мучительная ревность. Элен вдруг стало так жаль эту некрасивую мстительную женщину, что прошла всякая злость.

— Я сказала вам правду, — тихо сказала она. — Это случилось только сегодня вечером.

— Что случилось?

— Ничего. — Элен тихонько засмеялась. — И в то же время все... В нем есть что-то, притягивающее меня. Значит, он должен чувствовать то же. Вы ведь все понимаете, правда? У вас было так же.

Желая создать близость между ними, Элен взяла сестру Баркер за руку, но та оттолкнула ее так сильно, что она упала на колени.

— Да, — сказала сестра. — Я точно знаю, как это начинается. Мне известен и конец. Глупая пустая кукла с курчавыми волосами, как у вас.

— Нечестно вымещать на мне злость за чужие грехи! — возразила Элен. — Я не сделала ничего плохого.

— И ничего хорошего. Вы отпускали наглые замечания о моей внешности. Только потому, что я высокая и у меня решительное лицо, выражающее сильный характер, вы сказали, будто я похожа на мужчину.

— Это не я. Пожалуйста, будьте мне другом, хотя бы на одну ночь. Нам нельзя ссориться.

— Да, понятно. Я вас прекрасно поняла. Мужчины считают маленьких женщин более привлекательными, верно? Но маленькая женщина нуждается в защите. Вы пожалеете, когда я уйду и вы останетесь одна.

От слов сиделки у Элен замерло сердце.

— Если такое случится, — сказала она, — мне кажется, я умру от страха. Но этого не будет.

— Все может быть. — Женщина с улыбкой посмотрела на Элен сверху вниз. — Предположим, что профессор принял снотворное, а прислуга напилась. Но откуда мы знаем наверняка, что их не усыпили нарочно?

«Это возможно», — подумала Элен с ужасом, вспомнив извинения, которые бормотала миссис Оутс.

— Кто же мог их усыпить?! — воскликнула она.

— Кто-то мог пробраться на первый этаж, — сказала сестра Баркер. — В доме происходят очень странные вещи, как будто кто-то нарочно все это устраивает. — Она мрачно добавила: — Мы все узнаем точно, если и я свалюсь. Я ведь налила бренди в чай. Может быть, поэтому у меня сейчас такое головокружение.

Сиделка немного покачнулася, сказав это, и провела рукой по лбу. Элен в страхе смотрела на нее, не в силах вымолвить ни слова. Несмотря на недоброжелательность и скверный характер этой женщины, Элен цеплялась за нее, как утопающий за своего спасителя.

Здравый смысл подсказывал ей, что сестра проводит свою обычную политику устрашения, но события развивались так, что чувствовалась чья-то невидимая рука, старающаяся удалить всех из дома или сделать их неспособными защитить Элен.

Все покидали ее, один за другим. Оставшиеся спали, но ей было суждено бодрствовать, чтобы увидеть собственную смерть, потому что в самом конце она останется совершенно одна.

Решив не показывать сестре Баркер своего страха, Элен высоко подняла голову, стараясь, чтобы не дрожали губы. Но сиделка посмотрела ей в глаза и, конечно, заметила, как расширились зрачки от страха.

Элен, увидев ее довольную улыбку, нанесла ответный удар.

— Не могу понять, почему вы обозлились на меня за то, что мне первый раз в жизни выпала удача, — сказала она. — Это просто глупо. Когда я сидела голодной, меня не радовало, что другие тоже голодают. Наоборот, думать об этом было еще тяжелее, потому что у меня все-таки всегда был хлеб, а у других и того не было.

— Ах, так вы еще и голодали? — спросила сестра Баркер.

— Не то чтобы голодала, но приходилось очень туго, когда не могла найти работу.

— Из этого следует только то, что вы ни на что не годны. Сейчас полно девиц без всякой специальности. Никто и не заметит вашей смерти.

Элен страстно хотелось увидеть, наконец, слабый свет зари.

— Когда же наступит утро! — вздохнула она. — Сестра, помогите мне пережить эту ночь.

— Почему это я должна помогать вам? Вы бы для меня ничего не сделали! К тому же вы мне все наврали.

— Я хотела бы доказать вам, что сказала чистую правду, — возразила Элен. — Я была противным маленьким зверьком, а вы, наверное, всегда умели подчинять себе людей. Я понимаю теперь, что чувствовал ваш доктор.

Сестра Баркер слушала молча, с загадочным выражением лица. В это время как-то особенно пронзительно зазвонил телефон. Этот звонок музыкой прозвучал в ушах Элен: «Вершина», вопреки голливудской традиции перерезанных телефонных проводов в обреченном доме, все еще связана с остальным миром.

Она бросилась через холл к телефону, ее бледные щеки порозовели, а глаза засветились жизнью.

— Вы были правы, как всегда! — на ходу крикнула она. — Это был не доктор; наверное, это он звонит.

Поднимая трубку, она была так уверена, что услышит голос доктора, что почувствовала горчайшее разочарование при звуках женского голоса.

— Это «Вершина»?

— Да, слушаю, — почти беззвучно ответила Элен.

Через минуту она обратилась к сестре Баркер:

— Вас к телефону.

Женщина важно направилась к аппарату.

— Кто мне звонит? — спросила она.

— Не знаю.

Не подозревая, чем грозит ей этот звонок, Элен без всякого интереса наблюдала за сиделкой.

— Говорит сестра Баркер. Кто это? Ах, это вы, дорогая!

Секретарша медицинского центра обрадованно заговорила:

— Как приятно слышать ваш голос, дорогая. Я еще на дежурстве. У нас работы по горло, и я вот уже час стараюсь найти доктора Блейка. У него свободный день, и я гоняюсь за ним по всей Англии. Теперь вот

заказала парочку разговоров и, пока ожидаю их, позволила вам. Вы еще не спите?

— Нет, и вряд ли усну, — сказала сестра Баркер.

— Значит, не очень-то весело. Что, трудный больной?

— Чрезвычайно трудный. По правде говоря, очень неприятный и странный.

— Я не удивляюсь, дорогая. Мне кажется, вам следует знать, что кто-то позвонил мне из этого дома и задавал весьма необычные вопросы относительно вас.

— Относительно меня?

С замирающим сердцем Элен слушала разговор, от ее внимания не ускользнуло, как изменился голос сиделки:

— Повторите, пожалуйста... Ну и ну! Еще что-нибудь?.. Что? Какая наглость! Кто вам звонил?.. Вы уверены, что это был женский голос?.. Когда? Пожалуйста, попытайтесь припомнить, потому что я хочу узнать источник... Вы уверены, что разговор происходил именно в это время?.. Тогда я знаю, кто звонил, потому что другие ушли из дома... Ни в коем случае. Вы совершенно правильно дали мне знать. До свидания. — Сестра Баркер повесила трубку и посмотрела на Элен.

— Вы хотели доказать свою искренность? — спросила она. — Ну так вот: вы это сделали. Вы лгунья и доносчица. Если бы я могла спасти вас одним движением мизинца, я бы не пошевелилась.

Элен попыталась объяснить, но чувствовала, что мысли ее зыбки и неопределенны: яйцо всмятку. Она сознавала лишь, что окончательно оттолкнула от себя свою единственную защитницу и что кто-то ходит вокруг дома в сочащемся дождем мраке.

Он все еще кружил по саду, сгибаясь под порывами бури. Ветви хлестали его по лицу, словно провололочные плети, когда он, скользя по мокрой земле, пытался заглянуть в каждое оконце первого этажа.

Однажды ему показалось: он нашел слабое место, потому что рама поддалась у него под рукой. Он просунул под раму перочинный нож и отодрал шпингалет, но натолкнулся на крепкие внутренние ставни.

Дом был вооружен до зубов. Он был слеп и непроницаем, как бронированный автомобиль.

Доктору Перри следовало быть довольным той точностью, с которой выполнялись его указания проявлять крайнюю осторожность. Однако, глядя на гладкие сте-

ны, тщетно стараясь увидеть хотя бы слабый луч света из окон верхнего этажа, он почувствовал, что его охватывает дрожь. Хотя доктор Перри любил одиночество, ему всегда был не по душе этот изолированный от людей дом, окруженный густыми деревьями.

Будучи человеком импульсивным, с резко выраженными симпатиями и антипатиями, он признавал, что ему присущи определенные суеверия, и пытался бороться с ними. Сейчас дом с его многочисленными высокими дымовыми трубами, которые, словно пики, пронзали разорванные облака, казался ему каким-то зловещим существом.

Вдруг ему пришла в голову мысль о том, как проще всего связаться с Элен. При свете зажигалки он стал шарить рукой в кармане, чтобы найти кусочек бумаги. Найдя старый конверт, он с трудом нацарапал на нем карандашом короткое послание, потом засунул конверт в щель почтового ящика и постучал два раза, как это делают почтальоны.

«Она живо прибежит на этот стук», — подумал доктор, отходя к дорожке, откуда открывался вид на весь дом.

Но проходило время, а окна верхнего этажа оставались темными. Доктор Перри задумался. Отсутствие любопытства не относилось к недостаткам Элен. Вспомнив, с какой скоростью девушка взбегала по лестнице, он подумал, что, если бы она прочла записку, у нее не заняло бы много времени подняться на верхний этаж и зажечь свет в своем окне, извещая его о получении послания.

Скоро он устал стоять без движения под дождем, рядом с молодыми деревьями. Было очевидно, что дом, уподобляясь уважающей себя вдове, не склонен впускать к себе запоздалых гостей.

Он хотел уже повернуться и уйти, как вдруг в спальне Элен зажегся свет. Ставни были откиннуты, и окно затенялось лишь легкой голубой занавеской.

Доктор Перри радостно улыбнулся. Он понял силу своего чувства к девушке, только когда второй раз за эту ночь услышал по телефону ее голос. На сердце у него потеплело, и улыбка стала еще шире. Но тем горше было последующее разочарование: охваченный внезапным ужасом, он увидел на колеблющемся экране занавески скрюченную тень.

Это была тень мужчины.

ПРЕДЧУВСТВИЕ КАПИТАНА

а стенами дома неистовствовала буря, внутри — бушевали человеческие страсти. Испуганная зрелищем потемневшего, распухшего лица сестры Баркер, Элен лихорадочно пыталась хоть немного смягчить ее.

— Неужели вы не можете понять? — умоляла она. — Это было сразу же после убийства. Мы все устали и изнервничались. Честное слово, я подумала, что если выясню, настоящая ли сиделка приехала к нам, то нам всем будет легче. Понимаете, миссис Оутс была уверена, что вы самозванка.

Ее объяснения лишь распалили гнев сестры Баркер. В ее гигантской фигуре таилась карликовая душа, чрезвычайно чувствительная к тому впечатлению, которое она производит на окружающих.

— Вы пытались вкрасься ко мне в доверие, — торжественно заявила она, — вы вовлекли меня в разговор о... самом заветном сразу же после своего звонка в центр. Это грязный трюк.

— Да нет же, — возразила Элен. — Все произошло до нашего разговора. Я в точности соблюдала обещание, которое вам дала.

— Это ложь. Я поймала вас у телефона.

— Знаю, но я звонила доктору Перри.

В ответ сестра Баркер лишь сжала губы в кривой усмешке. Она знала, что худшим наказанием для Элен было ее молчание, потому что девушка целиком зависела от нее. Элен замолчала, со страхом ожидая нового нападения со стороны сестры Баркер. Внезапно она услышала негромкий звук, словно что-то упало.

Мысли ее обратились к профессору. Не разбираясь в действии наркотиков, она все еще лелеяла надежду, что он очнется вовремя и все будет хорошо.

Но сиделка развеяла ее иллюзии, скомандовав:

— Пойдите посмотрите, не упала ли старуха с кровати.

Довольная, что может хоть чем-то услужить, Элен повиновалась и бросилась вверх по лестнице. Достиг-

нув площадки, она внимательно осмотрела коридор, а потом осторожно заглянула в Синюю Комнату.

Леди Варрен, свернувшись в клубочек, лежала на своей огромной кровати, рот ее был полуоткрыт, а храп был вполне естественным.

Элен окинула взглядом комнату и заметила, что огонь в камине горит слабо. Она осторожно положила в камин несколько закутанных в бумажки углей, напоминающих снежки. Это занятие так отвлекло ее, что она не услышала, как доктор Перри два раза постучал во входную дверь. Но сестра Баркер услышала стук и, подозрительно оглянувшись, прошла в переднюю.

Она сразу же заметила какой-то белый предмет, видневшийся сквозь внутреннюю стеклянную стенку почтового ящика. Вынув конверт, она изучила его, прищурив глаза. На обороте конверта, адресованного доктору Перри, была записка, подписанная «Д. П.».

Сердце сестры Баркер сжалось от ревности при мысли, что инстинкт не обманул Элен. Пока они боролись друг с другом, доктор Перри, желая непременно попасть в дом, стучался во все двери.

— Она знала, — пробормотала женщина. — Но каким образом?

Извилистые лабиринты любви были знакомы Элен, но оставались тайной для ожесточившейся женщины, всю жизнь искавшей нить, которая помогла бы ей пробраться сквозь этот лабиринт. Только однажды рискнула она вступить на эту дорогу и не дошла даже до половины. Но Элен смогла привлечь сердце мужчины, воззвать к его чувствам так, что после трудного дня он потерял из-за этой девицы сон.

Сестра Баркер оценила жертву многострадального развездного врача. Глазами, полными зависти, она прочитала записку, видимо, предназначенную Элен:

«Пригнал мотоцикл, чтобы самому посмотреть, как у вас тут дела. Стучал, как сумасшедший, — никакого результата. Когда получите эту записку, откройте окно вашей спальни, и я крикну, чтобы вы убедились, что это действительно я, а не какой-нибудь негодяй. Ради Бога, впустите меня, потом я все объясню профессору».

Впервые увидев Элен, сестра Баркер сразу же ей позавидовала: она была как раз такая, какой хотелось быть сестре Баркер — тоненькая, словно иголка, быстрая и ловкая; она могла постоять за себя, и вместе с

тем ее внешняя хрупкость пробуждала в мужчинах желание защитить...

Сиделка судорожно проглотила слюну, порвала конверт на маленькие кусочки и бросила в мусорную корзину.

— Отдел недоставленных писем, — мрачно пробормотала она.

Тем временем Элен хлопотала в Синей Комнате, не зная о том, что уничтожена жизненно важная для нее корреспонденция. Она расставила стулья и столики, взбила подушки и убрала в шкаф разбросанную одежду. Очень скоро она вышла на площадку, держа в руках большой таз с мыльной водой и перекинув через плечо охапку смятых полотенец.

Ей почудилось движение воздуха, словно кто-то только что прошел этим путем. Дверь, ведущая на заднюю лестницу, слабо качнулась, будто открытая, а затем прикрытая невидимой рукой.

Маленькое бледное личико Элен, как обычно, возникло из темных глубин зеркала; но когда она подошла ближе, то заметила вещь, одинаково таинственную и пугающую: стекло примерно на уровне рта высокого мужчины было покрыто слабой испариной.

«Несколько секунд назад кто-то стоял здесь», — со страхом подумала Элен, наблюдая за тем, как испарина постепенно исчезла и стекло снова стало блестящим.

Держа таз внезапно онемевшими пальцами, Элен оглядела закрытые двери. Она боялась отвести от них глаза — любая из них могла вдруг открыться; боялась двинуться, чтобы не спровоцировать нападение.

Внезапно она не выдержала, поставила таз на ковер, повернулась и бросилась бежать вниз по лестнице.

Сестра Баркер смотрела, как Элен, задыхаясь, опустилась на нижнюю ступеньку.

— Что там еще? — с холодным безразличием спросила она.

Устыдившись своего беспричинного страха, девушка попыталась успокоиться.

— Леди Варрен спит, — сказала она. — Во всяком случае, стучала не она.

— Что же вы так задержались?

— Я убирала у нее.

— А в свою комнату вы не поднимались? — спросила сестра Баркер.

— Нет.

— На вашем месте я бы не делала этого. Это очень далеко, и если вы кого-нибудь встретите, я не успею прийти к вам на помощь.

Издали снова раздались глухие удары.

— Опять! — сказала сестра Баркер. — Мне бы хотелось, чтобы это прекратилось. Стук действует на нервы.

Они прислушались, и Элен внезапно определила, откуда доносится звук.

— Это внизу, в подвале. Наверное, он стучит в окно, которое я кое-как подвязала. Должно быть, рама опять отскочила, — и быстро добавила: — Там все в порядке. Изнутри окно закрыто ставнями, так что никто не войдет.

— Так или иначе, это преступная небрежность, — заявила сестра Баркер, намеренно широко зевнув.

— Вам хочется спать? — резко спросила Элен.

— У меня просто слипаются глаза, — сказала сиделка, зевнув еще раз. — Мне стоит большого труда держать их открытыми. Я приехала сюда прямо с ночного дежурства. Мне бы надо хорошенько выспаться.

У Элен пробежал холодок по спине. Еще одна кажущаяся естественной катастрофа! Она боялась, что сестра Баркер станет жертвой какого-нибудь подсыпанного в бренди наркотика, но та была просто переутомлена и действительно должна была выспаться.

Наблюдая за сиделкой, Элен поняла, что та не сможет просидеть с ней всю ночь. Ей надо было отдохнуть, поскольку она проделала нелегкий путь в открытой машине, наелась, накурилась и налила себе в чай хорошую порцию бренди. К тому же в запертом наглухо доме было очень душно.

Казалось, не было никакой связи между естественной усталостью сестры Баркер и таинственным разговором, направленным против Элен, и все же она боялась остаться в полном одиночестве и смотреть, как смерть приближается к ней. Все было спланировано с ужасной, пугающей точностью.

Вдруг сестра Баркер уронила голову на грудь, и это движение разбудило ее. Она медленно, покачиваясь, поднялась на ноги.

— Куда вы идете? — беспокойно спросила Элен.

— Иду спать.

— Куда?

— В комнату своей больной.

— Не надо! Не оставляйте меня здесь одну!

— Дом заперт, — заявила сестра Баркер. — Вам ничего не угрожает до тех пор, пока вы будете помнить, что нельзя открывать дверь. Если вы все-таки снова забудете, это уж ваше дело!

— Но всё обстоит гораздо хуже! — простонала Элен. — Я не говорила вам раньше, потому что не была уверена.

— Не уверена в чем? — поинтересовалась сиделка.

— Я ужасно боюсь, что кто-то посторонний заперт с нами в доме.

Сестра Баркер скептически выслушала рассказ Элен об открывшейся двери на заднюю лестницу и об испарине на зеркале.

— Ветер, — сказала она. — Или мыши. Я иду спать. Можете идти со мной, если хотите немного подремать.

Элен не знала, что делать. Ей очень хотелось принять предложение. Если они запрутся в комнате, то окажутся словно в цитадели, вместе с больными — леди Варрен и профессором.

Но миссис Оутс останется снаружи, «в окопах». Несмотря на то что судьба обычно хранит людей, находящихся в таком состоянии, как миссис Оутс, Элен все же не хотела рисковать, оставляя ее одну.

— Может быть, нам удастся отнести миссис Оутс в Синюю Комнату? — спросила она.

— Протащить это пьяное бревно два пролета по лестнице? — сестра Баркер покачала головой. — Это не для меня.

— Но мы не можем оставить ее здесь. Не забывайте, утром нам придется отвечать, если с ней что-нибудь случится.

К счастью, Элен нашла слова, которые дошли до сердца сиделки, и та согласилась.

— Ну ладно, я лягу в гостиной.

Элен пошла за ней в большую безвкусно обставленную комнату, все ещё ярко освещенную. Она хранила следы пребывания своих прежних обитателей — небрежных, избалованных молодых людей, делающих вид, что они безразличны ко всему, но слепо следующих за своими эмоциями.

На столе остались кофейные чашки с окурками внутри, скомканные газеты, раскрытые журналы, до краев полные пепельницы. Сестра Баркер подняла несколько

атласных подушек, лежавших на полу, сунула их себе под голову, растянулась на широкой голубой кушетке, закрыла глаза и почти мгновенно уснула.

«Вот я и осталась одна, — подумала девушка. — Но если что-нибудь случится, я всегда могу ее разбудить».

Она осмотрелась. Зрачки ее были так расширены, что глаза казались совершенно черными. Элен не боялась, что ее убаюкает тяжелое мерное дыхание спящей сиделки: она была настолько возбуждена, что голова, казалось, распухла от пугающих воспоминаний.

Сквозь хаос пробивалась одна тревожная мысль, но Элен никак не могла ухватить ее.

Наконец она вспомнила: подвальное окно!

Оно было открыто в течение нескольких минут, когда засов внутренней ставни лежал на кухонном столе, а они со Стефаном слушали рассказы миссис Оутс.

У Элен сильнее забилося сердце, но она старалась успокоить себя. Вряд ли существовала хоть малейшая вероятность, что преступник, имея возможность спрятаться в любом месте этого безлюдного края, заберется в дом, полный народа, и уж совсем невероятно, что он найдет ту единственную щелку, сквозь которую можно пробраться.

«Но если он все же забрался, — думала Элен, — то сможет спрятаться в любом из темных подвалов. И когда все стихнет, проберется через моечную и кухню на заднюю лестницу».

Есть лишь один способ обезопасить миссис Оутс — основательно осмотреть весь подвальный этаж. Убедившись, что там никого нет, Элен должна запереть кухонную дверь и забрать с собой ключ.

Сестра Баркер не заметила, как Элен вышла из комнаты. Она спала так крепко, что не слышала даже завываний ветра, сотрясавшего высокие окна гостиной. Внезапно она проснулась, словно что-то разбудило ее, и села, протирая глаза. Освеженная сном, она огляделась в поисках Элен, которая охраняла ее, сидя рядом.

Но девушка исчезла.

* * *

Доктор Перри уже не стоял в саду, как часовой. Почти сразу же после того, как он увидел странную тень в окне спальни, свет потух.

Доктор Перри ждал, что случится дальше, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие. Буйная грива во-

лос Элен никак не могла отбросить тень, похожую на аккуратную мужскую прическу, но может быть, мисс Варрен или сиделка, снявшая косынку, побывали в ее комнате?

Вскоре доктор Перри отвернулся от окна. Он отдавал себе отчет в том, что чувства к девушке заставили его мыслить иррационально, поддаться панике. Он хотел выслушать беспристрастное мнение по этому поводу.

Пробежав рощей, он оказался у выбеленного коттеджа капитана Бина.

Жалюзи на окне не были опущены, и он видел освещенную лампой гостиную. Засучив рукава рубашки, капитан Бин сидел за столом, заваленным бумагами. Рядом с ним стоял чайник. Было очевидно, что он засиделся так поздно, работая над одной из своих статей о путешествиях.

Несмотря на то что капитан был поглощен своей работой, он тотчас же подошел к двери, услышав звонок доктора Перри.

У него было чисто выбритое лицо с мелкими расплывчатыми чертами; кожа, очень белая от природы, была обожжена тропическим солнцем.

— Вы, наверное, удивлены, что я пришел к вам так поздно, — начал доктор Перри, — но меня беспокоит то, что происходит у ваших соседей.

— Войдите! — пригласил его капитан.

Доктор Перри был поражен той серьезностью, с которой капитан Бин выслушал его рассказ.

— В общем, — закончил он, — в этом доме есть девушка, о которой я очень беспокоюсь. Она такая хрупкая. И она очень испугана.

— На ее месте я бы тоже испугался — отрывисто произнес капитан Бин. — После того как я нашел у себя в саду сегодня вечером ту девушку, я сам не могу опомниться.

Доктор Перри, которому больше хотелось бы услышать успокаивающие или скептические высказывания, с беспокойством посмотрел на капитана, который выглядел усталым и неухоженным, а пробивающаяся на подбородке щетина покрывала его лицо, словно грязноватый налет.

Некоторым утешением была мысль о личной антипатии капитана к соседям — сомнительное утешение..

— Мне никогда не нравился этот дом, да и все семейство профессора, — задумчиво произнес он. — Я пройду с вами; посмотрим, что там происходит.

— Бесполезно, — сказал доктор Перри. — Этот дом вроде крепости. Можно звонить, пока не оборвешь звонок, и все без толку.

— Может быть, позвать полицию?

— Я уже думал об этом. Но не могу придумать предлога, чтобы высадить дверь. Вроде там все в порядке. Почему я так спокойно отнесся ко всему, что там происходит? Отчасти это моя вина, черт возьми!

Доктор Перри встал со стула и взволнованно прошелся по комнате.

— Главным образом меня беспокоит эта тень, — сказал он. — Тень в ее комнате. Не похоже, чтобы это был силуэт кого-нибудь из женщин.

— Но в доме есть и молодые люди, — заметил капитан.

— Нет, они все ушли. Из мужчин остался один профессор. Он спит, но можно предположить, что квадро-некс уже перестал действовать.

Капитан Бин что-то проворчал, набивая свою трубку свежим табаком.

— Мне бы хотелось представить всю раскладку, — сказал он. — Я побывал во многих местах и видел очень неприятные вещи, но тело этой девушки в моем собственном саду вывело меня из равновесия. С того момента, как я ее увидел, я все думаю о разных вещах...

Капитан попросил доктора повторить свой рассказ и молча выслушал его. Потом решительно встал и надел резиновые сапоги.

— Куда вы идете? — спросил доктор Перри.

— В бар. Позвонить в полицию.

— Зачем?

— О некоторых вещах нельзя просто рассказать. Их надо доказать, имея неопровержимые улики... Но у меня всегда возникают подозрения, когда крысы бегут с корабля...

— Черт возьми! Бросьте свои намеки, капитан. Скажите прямо, что вы имеете в виду.

Капитан покачал головой.

— Лопату нельзя назвать лопатой, пока не убедишься точно, что это не вилка, — сказал он. — Я вам скажу одно: я не оставил бы свою дочь сегодня в этом доме даже за миллион фунтов.

БЕСПЕЧНОСТЬ — ХУДШИЙ ИЗ ГРЕХОВ

В начале сестра Баркер не могла поверить, что Элен действительно ушла. Она огляделась, напрасно стараясь различить маленькую синюю фигурку среди хаоса кушеток и стульев. Но лишь рыжий кот, потревоженный ее шумным пробуждением, прыгнул со старомодного дивана в стиле «принц Уэльский» и важно вышел из комнаты.

Чувствуя, что сон окончательно покинул ее, сестра Баркер вышла в холл и крикнула:

— Мисс Кейпел!

Никто ей не ответил, не слышно было и мягко ступающих маленьких ножек, обутых в туфли на войлочных подошвах. Она сердито нахмурилась, и в ее глазах появился зеленый огонек ревности.

За Элен она не боялась: по ее мнению, дом был совершенно неприступен. Она старалась испугать девушку по двум причинам — чтобы та проявляла большую осторожность и чтобы отомстить за оскорбление.

Очевидно, доктор Перри сумел как-то вступить в контакт с Элен, несмотря на то что его записка не дошла до адресата.

«Девчонка впустила его, — подумала сестра Баркер. — Ну что же, это не мое дело».

Соблюдая профессиональную осторожность, сестра Баркер всегда избегала скандалов. Если у нее бывали подозрения, что в доме, где она находится, кто-то ведет себя неподобающим образом, она предпочитала ничего об этом не знать.

Если на следующее утро профессор или мисс Варрен станут расспрашивать, почему доктор Перри оказался в доме, она сможет убедить их в том, что находилась на своем рабочем месте — в комнате больной.

С кривой усмешкой она поднялась в Синюю Комнату. Когда она вошла, леди Варрен привстала на постели.

— Девочка! — позвала старушка.

— Разве так обращаются к сиделке? — с упреком сказала сестра Баркер.

Леди Варрен с трудом села.

— А вы уходите! — потребовала она. — Мне нужна девушка!

— Закройте глаза и спите. Уже очень поздно.

Но леди Варрен, совершенно бодрая, уставилась круглыми, как у совы, глазами на сестру Баркер.

— Что это так тихо? — спросила она. — Куда все ушли?

— Все легли в свои постели и уснули.

— Скажите профессору, что я хочу его видеть. Вы можете пройти через дверь туалетной.

Это замечание напомнило сиделке о нежелательном соседстве.

— Вы не знаете, эта дверь запирается? — спросила она.

— Вам не стоит беспокоиться, — захихикала старуха. — Он вас не тронет. Ваше время миновало.

Сестра Баркер презрела оскорбление. Она не имела никакого представления об опасности, таившейся за этой дверью, об ужасе неожиданного нападения: мертвая хватка железных пальцев, впившихся в горло, а потом — гул в ушах, напоминающий шум прибоя, и надвигающаяся пелена мрака.

Сестра Баркер была уверена в себе, уверена в своей безопасности, и хотела лишь одного — устроиться на ночь, ибо ей снова захотелось спать.

Не имея ни малейшего желания объяснять леди Варрен, что случилось с профессором, она сделала вид, что намерена привести его. Пройдя через туалетную, она вошла в его спальню.

Кресло стояло прямо под лампой, так что тень скрывала лицо, казавшееся неестественно бледным, словно вылепленным из желтого воска. Сходство с восковой фигурой было тем поразительнее, что тело застыло, выпрямившись, словно робот.

* * *

— Ну что, придет профессор? — спросила леди Варрен, как только сестра Баркер вернулась в Синюю Комнату.

— Нет, он крепко спит.

Леди Варрен наблюдала, как сиделка прошла через комнату и заперла дверь на площадку.

«Пусть побудет снаружи», — подумала она с мрачным удовлетворением.

— Почему вы это сделали? — спросила леди Варрен.

— Я всегда закрываю свою дверь в чужом доме, — ответила сиделка.

— А я всегда держала свою дверь открытой, чтобы быстрее удрать, если нужно. Когда вы запираетесь, никогда нельзя точно узнать, где это вы заперлись.

— Ну ладно, не хочу больше ничего слышать, — прервала ее сестра Баркер, сбрасывая туфли. — Я ложусь спать.

Она подошла к двери в туалетную комнату, повернула ключ и только после этого повалилась на узкую кровать.

Но несмотря на все принятые меры предосторожности, она не могла заснуть, с завистью думая об Элен и ее любовнике. Интересно, где они и что делают...

В эту минуту доктор Перри страдал в одиночку, как и Элен, добровольно избравшая долю мученицы. В подвале, с мерцающей свечой в руке, она пробиралась пыльными проходами в царстве мышей, пауков и пляшущих теней.

Тени — ночные обитатели дома — завладели всем лабиринтом коридоров и проходов. Они словно вели ее, скользя по выбеленной стене. В какое бы отделение подвала она не вошла, тени таились по другую сторону двери, будто подстерегая ее.

Каждую минуту она ожидала нападения, но убийца все медлил, спрятавшись за ближайшим поворотом. Он словно откладывал свое дело на неопределенный срок, заманивая ее в глубь лабиринта.

Звук шагов постоянно преследовал ее; они замирали, словно эхо, когда девушка останавливалась и испуганно озиралась, встречая взглядом пустоту, и все же ее не покидала уверенность, что кто-то ее преследует.

Как только она повернула за угол и вступила на темную Тропу смерти, свеча погасла.

Она очутилась в полной темноте между окном и тем местом, где была найдена убитая служанка. В этот ужасный момент ей показалось, что окно отворилось и кто-то мягко спрыгнул на пол.

И вдруг дрожащие пальцы охватили ее горло и

крепко сжали. Она услышала хриплое прерывистое дыхание, похожее на хлюпанье сломанного насоса. Сердце девушки лихорадочно забилося, и его тяжелые удары показались ей плеском волн, уносящих к смерти.

Но скоро Элен стало легче дышать, и застывшие мышцы снова обрели эластичность. Внезапно она осознала, что это ее собственные пальцы сжимают шею, и опустила руки.

Струя воздуха, задувшая свечу, все еще овеивала ее щеки. Но, даже поняв, что стала жертвой собственного воображения, Элен чувствовала, что больше не выдержит. С трудом передвигая ноги, парализованные страхом, девушка пробралась назад через коридор в кухню, где миссис Оутс по-прежнему храпела в своем кресле, поднялась по лестнице и вошла в гостиную.

На том месте, которое прежде занимала сестра Баркер, положив голову на атласную подушку, лежал рыжий кот. Почувствовав взгляд Элен, он прыгнул с кушетки и последовал за ней на площадку второго этажа.

Все еще дрожа от страха, Элен повернула ручку двери Синей Комнаты. Поняв, что сиделка заперлась от нее, девушка возмутилась и принялась изо всех сил стучать к дверь. Сестра Баркер долго не обращала никакого внимания на стук, но наконец была вынуждена встать.

— Уходите! — крикнула она. — Вы беспокоите больную!

— Впустите меня! — потребовала Элен.

Сестра Баркер приоткрыла дверь.

— Идите к своему доктору, — сказала она.

— Моему... что? Но я ведь одна!

— Сейчас, может быть, но вы долго беседовали о доктором Перри.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Когда сестра Баркер внезапно открыла дверь, Элен была поражена тем, как изменилась ее внешность: она сняла косынку и туфли, и вместо короткой стрижки, которую Элен рисовала в своем воображении, девушка увидела гриву темных мелкозавитых волос, обрамляющих крупные, почти мужские черты.

— Где вы были? — спросила сиделка.

— Внизу, в подвале, — Элен с виноватым видом проглотила слюну. — Я... я вспомнила, что одно из окон внизу не заколочено, поэтому спустилась, чтобы посмотреть, не забрался ли ктонибудь через это окно.

Девушка выглядела очень испуганной, и сестра Баркер, поняв, что ее подозрения были совершенно беспочвенны, повернула назад.

— Я должна отдохнуть, — сказала она. — Может быть, все-таки мне удастся уснуть.

— Можно я войду с вами? — жалобно попросила Элен.

— Нет, идите к себе или в гостиную.

Ее совет казался вполне разумным, но Элен хотелось остаться хотя бы с ней.

— Но я должна остаться с вами, — настаивала Элен, используя аргумент самой сестры Баркер. — Понимаете, если кто-то хочет убить меня, то он должен прежде всего избавиться от вас.

— Кто это хочет вас убить? — ворчливо спросила сиделка, поворачиваясь, словно флюгер под порывом ветра.

— Маньяк! Вы сами это говорили.

— Не будьте душой! Как это он войдет в запертый дом?

Элен неожиданно почувствовала почву под ногами, словно человек, выбравшийся из сыпучего песка на спастительную тропинку.

— Тогда почему вы все время меня пугали? — с упреком спросила она. — Ведь это жестоко!

— Ради вас самой. У меня очень много знакомых девиц, у которых голова забита только мужчинами. Я должна была напугать вас, чтобы вы не открывали двери первому попавшемуся Дику, Тому или Гарри... А теперь я иду спать, и не смейте мне больше мешать; понятно?

Она повернулась, но Элен схватила ее за рукав.

— Подождите. Почему вы подумали, что я была с доктором Перри? — спросила она.

— Потому что недавно он был здесь, но теперь, слава Богу, ушел.

Несмотря на злорадный блеск в глазах сиделки, с шумом захлопнувшей дверь Синей Комнаты, Элен почувствовала, что у нее прибавилось сил. Впервые за долгие часы она избавилась от страха. После мрачного полумрака подвала холл, уютно расположившийся среди ярко освещенных комнат, казался сошедшим со страниц красочного каталога, рекламирующего роскошные дома для состоятельных покупателей. Элен поняла, что получила полезный урок того, насколько разру-

шительной может быть сила неуправляемого воображения.

«Я сама виновата в том, что случилось, — думала девушка. — Я, как ребенок, который сам доводит себя до истерики, строя страшные рожи в зеркале».

Она позвала рыжего кота, который царапал дверь, ведущую вниз. Но, отдав дань кошачьим правилам хорошего тона, помурлыкав и изогнув спину, он все же дал понять, что ему больше по вкусу кухня.

Элен услужливо открыла ему дверь, но он вдруг передумал и вместо того, чтобы спуститься по лестнице, стал играть с небольшим предметом, лежавшим внизу лестницы на циновке, сплетенной из кокосового волокна.

Элен немного полюбовалась животным, игравшим с этим предметом, словно с мышью. Но если бы она полюбопытствовала, что именно он подбрасывал лапами, у нее поубавилось бы вновь обретенной уверенности: это был небольшой кусок коры лиственницы из рощи. Кто-то принес его в дом на подошве, запачканной липкой глиной, и оставил на циновке, вытирая ноги.

Только Элен этим вечером проходила через рощу, но она попала в свою комнату другим путем — через парадную лестницу.

К счастью, Элен не имела представления о том, что рыжий кот, сам того не желая, обнаружил важную улику, и направилась в гостиную. Диван был очень уютным и словно приглашал улечься на нем, но девушка была слишком возбуждена, чтобы последовать совету сестры Баркер. Она даже не рассердилась на сиделку за ее непрошеное вмешательство, довольная тем, что доктор Перри предпринял ради нее второе путешествие в такую погоду.

«Наконец-то у меня настоящий роман», — думала она, подходя к роялю. Она умела играть только по слуху, но ей удалось довольно верно подобрать мелодию свадебного марша.

Наверху, в Синей Комнате, леди Варрен поднялась на постели.

— Кто это играет свадебный марш? — спросила она.

— Никто, — ответила сиделка с закрытыми глазами. — Замолчите.

— Нет, — злобно пробормотала старуха. — Вы просто не слышите. И никогда не услышите.

Она снова прислушалась, но все стихло. Элен поняла, что ее игра может не понравиться другим обитателям дома, закрыла рояль и, взяв книгу, стала читать, но вскоре почувствовала, что не может сосредоточиться. Она поймала себя на том, что прислушивается к ночным шорохам, словно ожидая услышать какой-нибудь знакомый звук.

Через некоторое время она встала и включила приемник, надеясь услышать человеческий голос. Но Лондон уже прекратил передачи, и из аппарата донесся громкий треск.

Эти звуки напомнили ей любительские сценические эффекты и тот единственный случай, когда она появилась на сцене. Это был скромный вечер в бельгийском монастыре, где она получила свое, явно недостаточное, образование. Раздавали награды за успехи в науках. Воспитанницы из Англии сыграли сцену с ведьмами из «Макбета», и ей досталась совершенно не подходящая роль Гекаты. Мало того, что ее совершенно не было слышно в зале, она еще так перепугалась, что забыла конец своей роли и убежала со сцены.

Сейчас несколько слов не ко времени припомнились ей, словно зловещее напоминание:

«Беспечность — худший из грехов».

Элен вздрогнула — ей показалось, что порыв ветра в каминной трубе тоже проревел эти давно забытые строки. Она оглядела по-старомодному уютную комнату: шкура белого медведя на полу, плиссированный розовый абажур — все молчаливо свидетельствовало о том, что в подобной комнате убийство невозможно.

«Конечно, я чувствую себя в безопасности, — подумала Элен. — Я ведь не одна в доме. На моей стороне сестра Баркер, хотя у нее и ужасный характер. Мне не понадобилось спать в Синей Комнате. Оутс скоро вернется. И пока что ничего не случилось».

Но, несмотря на все эти аргументы, девушка понимала, что все время ожидает чего-то необычного, ужасного. Она прислушивалась так внимательно, что ей казалось, будто она слышит тонкий писк летучей мыши где-то на чердаке.

Какой-то новый звук коснулся ее ушей, словно трепет натянутой струны. Потом она услышала его снова, немного громче, — слабый и жалобный, словно крик чайки.

Кто-то негромко плакал.

ЛЕВ И ТИГР

лен подняла голову и со страхом прислушалась. Случилось то, чего она больше всего боялась, — надо было принять решение, таившее в себе несомненную опасность.

Подозрительным был уже сам факт: некто, хорошо знающий ее характер, пытался любыми путями выманить ее из дома, где она чувствовала себя в безопасности.

Эта мысль заставила ее крепче сжать губы. Она говорила вечером, что пожалеет ребенка, плачущего в темноте под дождем. Вот вам и ребенок. Все по плану.

Но когда слабый звук повторился, Элен полуоткрыла рот в нерешительности. Хотя среди порывов ветра было трудно определить, откуда он исходил, ей показалось, что плакали в доме. Еще более испуганная, Элен медленно двинулась вверх по лестнице.

Чем выше она поднималась, тем яснее слышала: кто-то плакал, всхлипывая, как плачут маленькие дети или старики. Звук доносился из Синей Комнаты.

Мелкие происшествия, сами по себе вполне обычные, складывались так, чтобы заставить ее саму разрушить последнюю линию обороны.

Сестра Баркер была единственным человеком, с которым она сейчас могла общаться. Девушка липла к ней, словно ребенок, боящийся темноты и потому цепляющийся за руку своей злой няни. Она уже достаточно рассердила сиделку и не хотела еще раз ссориться с ней.

Сестра может привести в исполнение свою угрозу и действительно оставить ее одну. От этой мысли Элен похолодела. Она привыкла, что всегда вокруг нее было много народа; по правде говоря, даже слишком много, так что временами она жаждала избавиться от общества себе подобных.

Эта привычка сделала ее особенно чувствительной к угрозе одиночества. Она знала, что ее станут пресле-

довать всякие страхи: угрожающие тени поползут по стенам, ступеньки заскрипят от шагов невидимых ног, но с отчаянием подумала: «Надо держаться!»

Она напомнила себе, что леди Варрен отнюдь не слабая беззащитная старушка, отданная во власть грубой сиделки: в лучшие свои моменты она была ворчливой взбалмошной самодуркой, в худшие — могла стать убийцей; в молодости она перебила сотни тысяч маленьких беззащитных созданий просто для развлечения.

Хотя Элен намеренно рисовала себе портрет леди Варрен в самых черных красках, ее, помимо воли, тянуло к Синей Комнате, и скоро она оказалась у самых дверей.

Здесь приглушенные рыдания стали отчетливее. Они были явно непритворными: кто-то рыдал так тихо, что девушка ничего бы не расслышала, если бы специально не прислушивалась.

Элен дернулась, словно ее ударили, при звуке грубого крика:

— Прекратите этот шум!

Рыдания немедленно прекратились. Через некоторое время леди Варрен умоляюще сказала:

— Сестра, пожалуйста, подойдите ко мне!

Элен услышала, как сиделка тяжелыми шагами двинулась к больной и крикнула:

— Если я подойду, вы пожалеете об этом!

Элен стало жарко от возмущения, и она, не задумываясь, постучала в дверь.

— Что-нибудь случилось? — спросила она.

— Нет, — ответила сестра.

— Не хотите, чтобы я немного посидела с леди Варрен? — спросила Элен.

— Нет.

— Вот это отбрила! — пробормотала девушка и повернулась, но, дойдя до верха лестницы, остановилась, услышав громкий крик боли и ярости.

Вне себя от гнева Элен ворвалась в комнату. К счастью, сиделка не успела запереть дверь. Она стояла у кровати леди Варрен и трясла ее изо всех сил за плечи. Увидев Элен, она отбросила старуху от себя, и та повалилась навзничь, словно куча скомканных тряпок.

— Бессовестная! — крикнула Элен. — Уходите отсюда!

Она смотрела снизу вверх на огромную сиделку, словно Давид на Голиафа.

— Эта старая чертовка напала на меня, — прошипела сестра Баркер.

— У вас ужасный характер, — заявила Элен. — Я бы вас вообще ни к кому не допускала!

Лицо сестры Баркер потемнело, словно грозовая туча.

— Скажите еще что-нибудь, — закричала она, — и я выйду из этой комнаты и больше никогда не вернусь!

— Конечно, вы уйдете отсюда и больше не вернетесь, — сказала Элен, которая в эту минуту чувствовала себя очень сильной и уверенной.

Сестра Баркер пожала плечами и отвернулась.

— Желаю вам счастья, — фыркнула она. — Когда вы останетесь одна с этой сумасшедшей, вспомните, что вы сами просились на это.

Дверь с шумом захлопнулась за ней, и только тогда Элен поняла, что наделала. В этом звуке было что-то мрачно-торжественное.

Полная жалости к старой женщине, Элен повернулась к кровати и увидела, что леди Варрен уже не лежит неподвижно на подушках, а спокойно сидит с довольной улыбкой на губах.

У Элен было такое чувство, будто она угодила в ловушку.

— Вам лучше лечь, — сказала она, стараясь найти оправдание своему героическому поступку. — Вы, наконец, ослабели после этой тряски.

— Это все ерунда по сравнению с тем, что я сделала с ней, — заметила леди Варрен.

Элен с ужасом посмотрела на старуху, которая провела пальцем по нижним зубам искусственной челюсти и сказала:

— Я жалела, что истратила слишком много денег на зубы, но это очень хорошие зубы. Я укусила ее за палец почти до кости.

Элен невесело засмеялась:

— Кто-то сказал мне, что на вас можно поставить в драке, но я ему не поверила. Мне только интересно, вы лев или тигр?

Леди Варрен посмотрела на нее, как на идиотку.

— Сигарету! — приказала она. — Я хочу отбить вкус этой сестры. Быстро... У вас есть сигареты?

— Нет.

— Скажите: «Нет, миледи». Спуститесь в библиотеку и возьмите коробку сигарет у моего племянника.

Элен была очень рада возможности покинуть комнату леди Варрен. Слишком поздно она поняла, что ее перехитрили, и ей очень хотелось помириться с сестрой Баркер. Когда она подошла к двери, знакомый старческий бас остановил ее:

— Мне хочется спать, девочка. Эта сиделка зажала мне нос и влила мне в рот какую-то пакость. Не беспокой меня, если я усну.

Когда Элен дотронулась до площадки, в стеклянной двери ванной виднелся свет и слышался звук льющейся воды — сестра Баркер промывала укушенный палец.

— Сестра, — позвала ее Элен, — мне очень жаль...

Ответа не последовало. Элен немного подождала, прислушиваясь к плеску воды. Сделав еще одну безуспешную попытку примириться с сиделкой, она спустилась в библиотеку. Когда она вернулась, держа в руках коробку сигарет, Синяя Комната была тускло освещена маленькой лампой: леди Варрен потушила даже ночник, приготовившись отойти ко сну.

Элен устало села у камина. Огонь горел слабо, потому что запас угольков, завернутых в белые бумажки, истощился. Время от времени в окно стучала ветка, словно подавал сигнал костлявый палец. Часы тикали, как протекающий кран; ветер задувал в каминную трубу.

«Опять я здесь», — сказала себе Элен, чувствуя, что все кончено. Весь вечер она боролась с судьбой, но поражала лишь воздух.

Было только одно утешение — ночь все же проходила. И Оутс наверняка уже возвращается. Но и эта мысль не принесла ей облегчения. Сестра Баркер ни за что не позволит впустить его, ведь она не дала Элен открыть дверь доктору Перри, сколько он ни стучал.

Впервые Элен поняла, как важно соблюдать осторожность. После того что сделала леди Варрен, девушка чувствовала себя словно мышь в мышеловке.

С пробудившимся подозрением Элен посмотрела на еле различимую в полумраке белую фигуру на постели. Вдруг ее поразило, что леди Варрен лежит неестественно спокойно: ни вдоха, ни малейшего движения.

Она вспомнила, что сестра Баркер основательно встряхнула старуху, и это могло отразиться на ее состоянии. «Ведь у нее слабое сердце!» — подумала девушка. Похолодев от ужаса, она бросилась к кровати.

«Старуха — следующая жертва, — сказала она себе. — Должно быть, она уже умерла».

Ее ужасное предчувствие оправдалось, но вовсе не так, как она думала: леди Варрен действительно ушла, но не в мир иной, а ушла этаквально, в неизвестном направлении, покинув свою кровать и оставив вместо себя кучу подушек, накрытых пушистой кофтой.

Элен мотрела на это сооружение с тупым удивлением Макбета, увидевшего наступающий на него лес. Невероятное стало очевидным: леди Варрен вовсе не была прикована к кровати.

Стоя у кровати, Элен ощутила сильный запах лекарств. Перевернув одну из подушек, она заметила, что та промокла и запачкана чем-то желтым.

«Сестру она тоже смогла обмануть», — подумала Элен.

Она представила себе, как леди Варрен, сопротивляясь сестре, поворачивала голову, чтобы снотворное стекло на подушку. Преисполнившись еще большим уважением к ловкости старухи, она быстро обыскала комнату, заранее уверенная, что это напрасный труд. Туалетная тоже была пуста, и Элен выбежала на площадку. В ванной еще горел свет, но вода уже не текла. Пораженная ужасом, Элен забарабанила в дверь.

— Сестра! — крикнула она. — Леди Варрен исчезла!

Дверь открылась, и на пороге показалась сестра Баркер, холодно глядя на нее.

— Какое это имеет ко мне отношение? — спросила она. — Я ухожу отсюда.

— Неужели вы серьезно думаете уйти? — ахнула Элен.

— Я уже упаковала свои вещи. Утром мисс Варрен узнает, что меня уволила девчонка — младшая горничная.

— Вы не сделаете этого! — в панике умоляла ее Элен. — Я принесу любые извинения. Я... я сделаю все, что угодно.

— Замолчите. Я сыта вашими обещаниями. Я ухажу... ухажу сейчас же. Это мое последнее слово.

— Но... куда вы пойдете?

— Это мое дело. Я найду место на ночь. Сейчас не так уж поздно, и я не боюсь ни темноты, ни дождя. — Сестра Баркер замолчала, а потом злобно произнесла: — Я почувствую себя в безопасности, только когда уйду из этого дома.

Она отомстила Элен, вновь напомнив о почти позабытом ужасе. Девушка смотрела на сиделку умоляющими глазами, а та нанесла последний удар.

— Будьте начеку. Она что-то затевает! — посмотрев на свой забинтованный палец, сестра Баркер добавила: — И пока ее нет, вам лучше бы поискать револьвер.

Дверь ванной захлопнулась перед носом Элен, и она закусил губу.

«Не может быть, чтобы она действительно вышла из дома в такую бурю!» — решила наконец девушка.

Элен была не только напугана, но и обеспокоена исчезновением старухи, поскольку чувствовала себя в какой-то мере ответственной за нее. Угадать, что заставило леди Варрен встать, было невозможно, поэтому вряд ли можно было надеяться отыскать ее: этот дом был словно создан для игры в прятки.

Леди Варрен могла даже сделать попытку совершить самоубийство, ведь она не только очень стара — ее жизнь запятнана убийством. Угрызения совести могут заставить ее покончить с собой.

Элен вздрогнула при мысли, что найдет леди Варрен мертвой где-нибудь на чердаке или в подвале. Не зная, куда идти, она вернулась в Синюю Комнату.

С первого взгляда девушка заметила, что силуэт на кровати приобрел более определенную форму. Подойдя ближе, она увидела леди Варрен, которая внимательно смотрела на нее блестящими прищуренными глазками.

— Где вы были? — спросила Элен.

— В замке фей, — невинным тоном ответила старуха.

Чувствуя, что дальнейшие расспросы бесполезны, Элен снова села на свой стул.

— Сиделка ушла? — спросила леди Варрен.

— Завтра уйдет, — ответила Элен.

— Быстрая работа! Я живо их прогоняю. Я их ненавижу. Вечно моют лицо. Не двигайся, девочка, я хочу тебя рассмотреть.

Элен невольно подумала о спрятанном револьвере и, желая узнать как можно больше, решила затронуть эту тему:

— Миссис Оутс рассказывала мне, что вы любили охотиться.

Бросив на Элен быстрый взгляд, леди Варрен ответила:

— Да. Я много охотилась. А ты охотилась когда-нибудь?

— Нет. Я считаю, что это жестоко.

— Но мясо-то вы все едите. Если бы каждому приходилось добывать себе мясо, девять десятых человечества стали бы вегетарианцами через неделю... Я знала свое дело. Я никогда не ранила. Я убивала.

— Но вы отнимали жизнь.

— Да. Я отнимала жизнь. Но я никому не дала жизнь, слава Богу... Выйдите из моей комнаты!

Элен вздрогнула и повернула голову в том направлении, куда указывал палец леди Варрен. В комнату вошла сестра Баркер. Не говоря ни слова, она направилась туда, где лежали ее вещи, и закрыла за собой дверь. Прислушиваясь, Элен различала ее шаги, звук выдвигаемых ящиков шкафа и комода. По всей вероятности, сиделка решила выполнить свою угрозу и укладывала вещи. Сидя в душной комнате, Элен томилась мрачными подозрениями.

Много лет назад в этом доме были убиты две девушки. Но убийцу так и не нашли. Коронер в своем вердикте ограничился туманными предположениями.

«Она не совсем нормальная, — думала Элен, беспokoйно глядя на кровать. — Предположим, это она убила тех девушек, и ее муж узнал. Может быть, она убила и его, для того чтобы он никому не смог рассказать...»

Вдруг девушка заметила, что в соседней комнате стало тихо. Она вспомнила, что в туалетной стоит диван, и это внушило ей слабую надежду: возможно, сестра Баркер решила отложить свой уход до завтра и легла отдохнуть. Зная, что она так близко, Элен немного успокоилась. Вспоминая о событиях сегодняшнего вечера, она поняла, что нынешнее положение является логическим результатом ее собственного глупого поведения, ведь сестру Баркер специально выбрали для того, чтобы ходить за трудной больной, с которой сама Элен ни за что бы не справилась.

Девушка чувствовала себя недалекой и ни на что не годной. «Если она еще не спит, пойду и скажу, что вела себя недопустимо грубо, — решила Элен. — Я попрошу у нее прощения за свою глупость».

Бесшумно скользнув по ковру, девушка осторожно открыла дверь в туалетную, которая была сейчас не заперта и, вскрикнула. Сестра Баркер исчезла.

ОДНА

лен осмотрелась. В комнате царил беспорядок. Ящики шкафа и комода были выдвинуты, чемодан и зонтик лежали на столе.

«Она еще не ушла», — подумала Элен.

Однако это предположение могло быть и неверным: сестра могла оставить свой тяжелый чемодан, чтобы его на следующий день доставили в центр, а зонтик совершенно бесполезен в такую погоду.

Элен открыла гардероб, на вешалке которого больше не висела верхняя одежда. Быстрый осмотр комода показал, что все его ящики пусты. От сестры Баркер остались, как воспоминание, лишь окурки и пепел.

Сестра дезертировала совершенно сознательно. Проявив утонченную жестокость, она покинула дом, пройдя через комнату профессора, так что Элен не заметила ее ухода.

Это был последний удар. Все шло к неизбежному концу. И хотя Элен смутно сознавала, что главная цель — изолировать ее, она все же как бы подыграла судьбе или неизвестной темной силе, направляющей события, рассердив мстительную сиделку.

Ее словно заставляли поступать так, а не иначе, как куклу, повинующуюся чужой воле.

«Я совсем одна», — со страхом подумала Элен.

Правда, в доме были еще другие люди, но лишь Элен сохранила способность здраво рассуждать и свободно двигаться.

Чувствуя отчаянную потребность в человеческом общении, она открыла дверь, ведущую в комнату профессора.

Но и здесь она не нашла утешения, лишь почувствовала себя еще более одинокой. Профессор, в той же застывшей позе, словно вырезанный из камня, был слишком похож на труп, лежащий в ожидании похорон.

Элен хотела уйти, но боялась возвращаться в Синюю Комнату. Ей казалось, что в старухе не осталось

ничего человеческого, и сейчас она предпочла бы любую грубость сестры Баркер, если бы только та согласилась вернуться.

Желание услышать человеческий голос стало таким сильным, что Элен вышла на лестничную площадку и стала лихорадочно стучать в дверь комнаты мисс Варрен.

— Мисс Варрен! — кричала она. — Помогите!

Но ответа не последовало. С таким же успехом она могла бы стучаться в двери запечатанного склепа. Она слышала лишь вой ветра, похожий на вопли роя ведьм, пронсящих по небу в погоне за луной, которая парила среди рваных облаков как серебряное пушечное ядро, летящее к звездам.

— Жестокая женщина! — отворачиваясь, сказала Элен.

Но мисс Варрен не слышала стука, потому что крепко спала. Для нее всегда был тяжел контакт с посторонними, а сегодня вечером после всех волнений нервы ее были особенно напряжены.

Она, словно отшельник, чувствовала себя хорошо только в уединении своего кабинета. Но в этот день ее насильно вырвали из уютной раковины, и она должна была несколько часов провести со злобной старухой в Синей Комнате, где воздух был пропитан смертью.

Буря тоже действовала ей на нервы. Сломанная дверная ручка, из-за которой она должна была оставаться взаперти в своей комнате, не вызвала у нее никаких подозрений, напротив, она восприняла этот факт с облегчением, поскольку такое положение освобождало ее от всякой ответственности. Она не сделала ни малейшей попытки выбраться, наоборот, задвинула засов и заперлась от всего света.

Заложив уши ватой и накинув на голову одеяло, чтобы не слышать рева бури, мисс Варрен, едва не падавшая от утомления, скоро уснула.

Элен сохранила еще достаточно силы воли, чтобы не поддаться панике. Она напомнила себе, что еще не все потеряно, — у нее еще есть связь с внешним миром.

Но, спустившись по лестнице, девушка поняла, как безнадежно запуталась в сетях страха. Она не могла никого попросить прийти к ней, потому что не осмелилась бы открыть дверь.

Профессор приказал не открывать двери, и этот приказ был продиктован трезвым умом, готовым к лю-

бой неожиданности. Он думал о безопасности всех обитателей дома.

Потом сестра Баркер предостерегала ее от неповиновения, и Элен на горьком опыте познала, что та была права, во всяком случае, в отношении леди Варрен.

Если она, Элен, была целью этого адского заговора, то постепенное уменьшение числа защитников было спланировано так, чтобы довести ее до панического ужаса, чтобы, услышав стук, она, не думая, бросилась открывать дверь.

Кто-то хочет выманить ее за надежные стены дома.

«Если бы я договорилась о каком-нибудь условном знаке, — думала она, — можно было бы попробовать. Но разговор можно подслушать. Нет, все это бесполезно».

Даже поговорить с кем-нибудь было бы облегчением, ее бы успокоили сами звуки человеческого голоса. Элен не знала, вернулся ли домой доктор Перри, ее мысли были в таком беспорядке, что она потеряла чувство реальности. Но если доктора нет дома, она может позвонить еще кому-нибудь.

«Я позвоню в медицинский центр, — решила Элен, — расскажу им о сестре Баркер и попрошу прислать дружную сиделку».

Наметив определенную цель, девушка немного пришла в себя. Она снова стала мисс Кейпел, чье имя хорошо известно в бюро по найму рабочей силы, а не перепуганное ничтожество. Со своей прежней уверенностью Элен сняла трубку, но не услышала привычного гудка, говорящего о том, что она связана с внешним миром, — телефон не работал.

Элен в отчаянии оглядела холл. Конечно, авария объясняется естественными причинами: буря повалила деревья, сорвала провода, дождевые потоки могли повредить кабель. Виновен не заговор злодеев — это Божья воля.

Нет, не может быть. Обычный голливудский трюк — перерезанные телефонные провода в обреченном доме — и как раз вовремя!

«Это не случайность, — сказала она себе. — Не бывает так много случайностей одновременно».

Она не знала, куда идти. — в этом доме всюду было одинаково страшно. Но страшно было и выходить из дома — возможно, убийца надеялся именно на это, воз-

можно, такой конец был задуман неведомым игроком в самом начале игры.

«Лучше вернуться к леди Варрен, — подумала Элен. — Все-таки я взяла на себя ответственность, а ее нельзя оставлять одну».

Девушка прошла через комнату профессора, надеясь, что он уже очнулся. Его трезвый ум помог бы предотвратить любую угрозу. Но он все еще лежал в своем кресле с восковым лицом и серыми веками, неподвижный и застывший, словно мумия в саркофаге.

Войдя в туалетную, Элен услышала шорох и быстрые шаги за стеной.

«Она снова встала с постели», — подумала девушка.

Если подозрение было оправданным, то леди Варрен была способна на очень быстрый рывок, потому что, когда Элен вошла в Синюю Комнату, старуха лежала в постели, аккуратно укрытая своей белой старушечьей кофтой.

— Почему ты ушла, деточка? — спросила леди Варрен. — Тебе ведь платят, чтобы ты ухаживала за мной.

У Элен не хватило духа солгать.

— Я пошла позвонить, — сказала она. — Но телефон не работает. Я не смогла дозвониться.

Леди Варрен беспокойно оглядела комнату. Чувствуя, что у нее еще хватит силы, чтобы помешать старухе придумать новую хитрость, Элен решила идти напрямик и спросила:

— Почему вы вставали с постели?

— Я не вставала. Я не могу встать. Не глупи.

— Я не так глупа, как вы полагаете, и кроме того, вам нечего скрывать. У вас нет паралича или какой-нибудь смертельной болезни. Все считают, что вы не можете встать без посторонней помощи, — вот и все. Почему бы вам не встать, если хочется?

Элен ожидала, что леди Варрен придет в ярость, но та задумчиво сказала:

— Никогда не раскрывайся до конца; всегда оставляй что-нибудь про запас, если ты стар и полностью зависишь от других. Я часто встаю с постели, когда никто не видит.

— Правильно, — согласилась Элен. — Я никому не скажу, обещаю вам. — Неуемное любопытство заставило ее задать еще один вопрос: — А что вы сейчас искали?

— Свой талисман. Он приносит счастье. Это зеленый слоник с поднятым хоботом. Я хотела взять его в постель, потому что мне страшно.

Элен с удивлением посмотрела на леди Варрен. Она всегда думала, что чувства постепенно умирают с возрастом. И вдруг девушка вспомнила крест, висящий у нее над кроватью.

— У меня есть нечто лучшее, — быстро сказала она. — Сейчас я принесу эту вещь, и тогда ни с вами, ни со мной ничего не случится.

Только покинув Синюю Комнату, Элен подумала, что леди Варрен, может быть, только и ждала ее ухода. Но даже если это на руку старухе, Элен было все равно — так сильно ей хотелось иметь при себе свой талисман.

«Напрасно я боялась, — думала она. — Я забыла о нем, а ведь он все это время был рядом, охраняя меня от всякого зла».

Хотя ветер гудел в пустых комнатах и кто-нибудь мог одновременно подниматься по винтовой лестнице, пока Элен шла по парадной, она была так возбуждена, что больше не чувствовала страха. С трудом открыв дверь своей комнаты, удерживаемую изнутри сильным сквозняком, она зажгла свет.

Первое, что бросилось ей в глаза, была голая стена над кроватью. Крест исчез.

Элен схватилась за дверь, чтобы удержаться на ногах, ей казалось, что пол под ней провалился. Враг был в доме. Он похитил ее талисман. Теперь с ней может случиться все, что угодно. Нигде нельзя чувствовать себя в безопасности.

В эту минуту у нее появилось ощущение, что она сходит с ума, что она больше не выдержит, в мозгу совершится что-то неведомое и она покатится в черную бездну безумия.

Но потом к девушке вернулась способность здраво размышлять, туман перед глазами рассеялся, и она подумала, что разгадала тайну.

Исчезновение креста — злобная шутка, которую сыграла с ней сестра Баркер, которая прячется где-то в доме.

Она бросилась вниз по лестнице в прихожую и поняла, что не ошиблась: парадная дверь была закрыта на засов, а цепь висела на своем месте.

«Если сиделка не вышла через заднюю дверь, что маловероятно, она все еще в доме», — подумала Элен.

Несмотря на то что утрата талисмана огорчила Элен, она все же почувствовала облегчение. Теперь она поняла, что опасность таится не за стенами «Вершины», а в самом доме.

Вернувшись в Синюю Комнату, Элен увидела беспорядочно разбросанные простыни. Значит, старуха снова занялась своими таинственными поисками. Из шкафа, стоящего в алькове, торчал ящик, который старуха не успела закрыть, так как ей помешал неожиданный приход Элен.

Встав так, чтобы с кровати ее нельзя было увидеть, Элен подошла к ящику и попыталась закрыть его, но ей помешал какой-то мягкий предмет, который застрял между ящиком и стенкой шкафа. Элен зацепила его за уголок и вытащила из щели.

Это был белый шелковый шарф.

СТЕНЫ РУШАТСЯ

лен держала шарф внезапно похолодевшими пальцами. Шарф был из дорогого шелка, прекрасного качества, машинной вязки и почти новый. Один конец его был измазан глиной, между нитями ткани торчали сосновые иголки.

Зная, что ее ожидает новый ужас, Элен встряхнула шарф, и он развернулся, обнаружив оторванную на конце бахрому — оторванную кусками и неровно, словно кто-то вцепился в нее зубами.

С приглушенным криком Элен отбросила шелковую тряпку. Это был тот самый шарф, который пыталась в предсмертной агонии порвать Сервиден. Его страшно было держать в руках; его носил убийца.

«Как он попал в ящик леди Варрен? Может быть, она прятала его? Какое отношение имеет она к этим преступлениям? Или кто-нибудь другой положил его сюда? Действительно ли убийца сейчас в доме?»

Элен казалось, что она уже мертва. Она стояла, выпрямив спину, словно парализованная, ничего не видя и не чувствуя.

Она не различала очертаний комнаты, не слышала воя ветра, не ощущала поверхности стола под руками. Воображение рисовало ей яркую картину. Дом разрушался. Стены покрылись трещинами. Тонкие линии, похожие на сеть сосудов или рисунок молнии, расширялись. Все вокруг нее ломалось и рушилось, комнаты превращались в развалины, оставляя ее беззащитной перед угрожающим мраком.

Вдруг она услышала всхлипывание и поняла, что это ее собственный голос. В зеркале она видела лицо, бледное и изможденное; оно смотрело на нее из стекла расширенными зрачками, в глазах таился ужас. И только по сиянию золотисто-рыжих волос она узнала себя.

Элен вспомнила, как ее дразнили в детстве:

— Рыжик, рыжик, полезай в корзину! — пробормотала она.

Да, она притаилась, словно гриб, еще не попавший в корзинку, ожидая, пока на нее нападут, вместо того

чтобы стоять, глядя в лицо опасности. Заставив себя снова взять шарф в руки, Элен заметила, что он был чуть-чуть влажным:

«Он бы промок насквозь, если бы долго лежал под дождем, — подумала она. — Его, должно быть, принесли сюда сразу же после убийства».

Эта мысль влекла за собой множество ужасных предположений. Никто не знал точно, когда Сервиден была задушена, очевидно, это произошло, когда уже начинало темнеть. Поскольку все, кроме Оутса, были в это время дома, каждый мог выйти на несколько минут незамеченным, на каждого могло пасть подозрение.

Доктор Перри предупредил ее, что преступление могло быть совершенно знакомым ей человеком, которому она доверяет. Профессор работал очень напряженно и иногда казался невменяемым, его сын и Райс периодически проявляли раздражительность, сам доктор Перри мог убить девушку, к тому же он побывал в Синей Комнате.

Даже старая леди Варрен могла оказаться под подозрением. А мисс Варрен? Она отдыхала этим вечером у себя в библиотеке. Как она использовала эти тридцать минут отдыха?

«Я сошла с ума, — подумала Элен. — Нельзя подозревать всех без разбора. Убийца не был в доме. Это кто-то чужой».

Она вздрогнула, потому что перед ней постоянно маячило ужасное видение окна, оставшегося незакрытым по ее вине.

— Девочка! — позвала ее леди Варрен. — Что ты там делаешь?

— Достаяю вам чистый носовой платок.

Элен была сама удивлена тем, как спокойно звучал ее голос. Казалось, она раздвоилась. Новая Элен — решительная, умеющая владеть собой — говорила и действовала, а настоящая, знакомая Элен скорчилась среди развалин рухнувшей крепости, словно приманка для тигра в человеческом облике.

— Ты нашла... что-нибудь? — спросила леди Варрен.

Элен сделала вид, что не поняла ее.

— Я нашла целую гору платков, — быстро ответила она, положила шарф на место и, взяв носовой платок, подошла к кровати.

Леди Варрен выхватила платок у нее из рук и швырнула его на пол.

— Девочка, — хрипло прошептала она. — Я хочу, чтобы ты сделала одну вещь.

— Хорошо. Что сделать?

— Залезай под кровать.

Элен внимательно посмотрела на палку черного дерева, стоящую у кровати. Старуха опять немного спятила и желает поиграть в свою любимую игру, в кошки-мышки, подстерегая девиц, убирающих под кроватью.

— А когда я буду вылезать, вы ударите меня палкой по голове? — спросила она.

— Не надо вылезать. Ты должна спрятаться.

Новая, всезнающая Элен, подумала, что понимает, в чем тут дело. Это хитрость, рассчитанная на то, чтобы Элен не могла видеть, что происходит в комнате.

— Под кроватью слишком пыльно, — возразила она, осторожно двигаясь к двери.

Она понимала, какую важную улику представляет этот шарф. Полиция должна получить его как можно быстрее. Позвонить в полицию нельзя — телефон не работает, случайно или по вине убийцы, но она может добежать до коттеджа капитана Бина и попросить его предпринять необходимые меры. Леди Варрен захныкала, словно испуганный ребенок:

— Не уходи, девочка. Я боюсь, что придет сестра. Она только и ждет, чтобы ты ушла.

Элен остановилась, не зная, что делать. В последней встрече двух хищников победителем вышла леди Варрен. Но все меняется, даже в джунглях, — сейчас тигр может быть сильнее, но через минуту, возможно, перевес окажется на стороне льва.

Ей было непонятно, куда исчезла сестра Баркер. Если женщина действительно прячется в доме, то она непременно захочет отомстить.

«Хотелось бы мне знать, что делать?» — подумала Элен.

— Если ты оставишь меня, — пригрозила леди Варрен. — Я закричу. И тогда ОН придет.

Элен быстро повернулась к старухе.

— Он? — спросила она. — Кто он?

— Я сказала: «Она придет».

Старуха явно поняла, что проговорилась, потому что закусил губу и уставилась на девушку, как рассерженный идол.

Элен чувствовала себя так, словно пыталась найти выход из лабиринта. Старуха явно что-то знала, но не хотела сказать.

Это может показаться странным, но, несмотря на все события сегодняшнего дня, Элен продолжала придерживаться общепринятых представлений и правил поведения. Правда, внешне все происходило совершенно естественно, поэтому она бессознательно вела себя так, как следует в цивилизованном обществе.

Убийство произошло вне стен «Вершины», и это сводило его к газетному сообщению, не имеющему никакого отношения к семейству профессора Варрена. Маньяк все еще был фантастическим существом, изобретенным газетчиками. Самым значительным происшествием в доме до сих пор оставался тот факт, что напилась прислуга.

Действительно, как сестра Баркер, так и старая леди Варрен были довольно неприятными особами, но Элен в своей жизни встречала гораздо более неприятных и понимала, что многие подозрения и страхи являются плодом ее собственного воображения.

Завтрашний день придет и для Элен.

Она уверена в этом. Надо удержать работу, иначе ей снова придется положить зубы на полку.

Нельзя допустить, чтобы леди Варрен закричала. Если этот крик разбудит профессора, у него может быть шок. Было бы также жестоко беспокоить мисс Варрен, которая не может выйти из комнаты.

«Кроме того, — нашептывал Элен ее страх, притаившийся в душе, словно змея, — этот крик может привлечь еще кого-то».

Пока Элен стояла в нерешительности, леди Варрен что-то заметила.

— Буря усиливается, — сказала она, — становится все темнее.

Вздвигнув от неожиданности, Элен в испуге огляделась и увидела, что в комнате действительно стало намного темнее. Она протерла глаза, но электрический свет по-прежнему был мутным, словно проходил сквозь туман.

У нее замерло сердце, когда она подумала, что это может предвещать полную темноту.

Выходит на сцену мрак — еще один постоянный атрибут фильма ужасов.

«Все ближе и ближе», — со страхом подумала Элен. Несмотря на свое решение не сообщать ничего старухе, она поделилась с ней своим беспокойством.

— Что-то случилось с проводкой, — прошептала она.

— Идиотка! — огрызнулась леди Варрен. — Батареи садятся!

Элен с радостью ухватила за рациональное объяснение. Занимался электрическим освещением Оутс, лень которого вошла в поговорку. Боясь остаться одна в темноте, Элен включила почти все лампочки в доме, не задумываясь о последствиях.

— Я лучше пойду выключу свет везде, где только можно, — сказала она.

— Хорошо, — кивнула леди Варрен. — И возьми свечи. Мы не можем оставаться в темноте.

Элен осмотрелась, ища свечи, и вспомнила, что в этом доме их используют только в подвале. В кладовой она видела связки свечей.

— Ничего, если я на некоторое время вас оставлю? — спросила она. — Надо идти поскорее, прежде чем...

Боясь, что свет потухнет раньше, чем она достанет свечи, Элен бросилась вниз по лестнице. Свет в холле несколько раз мигнул, словно предупреждая ее, чтобы она не задерживалась. Боясь, что придется пробираться в полной темноте, Элен, словно испуганная антилопа, подбежала к кухонной лестнице.

Миссис Оутс все еще спала в своем кресле, мирно посапывая, как ребенок. Элен на ходу коснулась ее щеки, та была теплой.

«Слава Богу, что судьба хранит детей и пьяных», — подумала Элен.

В коридоре сквозь мутное стекло электрической лампочки виднелась красная проволоочная спираль. Было так темно, что у Элен перехватило дыхание. Пробравшись в кладовую, она каждую минуту ожидала, что наступит темнота и тогда нечто ужасное поднимется с Тропы смерти.

Схватив связку свечей, девушка бросилась назад, оставляя за собой темный след, — она тушила все попадавшиеся на пути лампочки. Добравшись до холла, она свернула в гостиную и пробежала по другим комнатам. И всюду за ней следовала темнота. Элен знала, что поступает вполне осознанно и разумно, но все же чувствовала, что все ее действия продиктованы странной по-

корностью судьбе, которая велит ей ослепить дом, как ослепляют живое существо.

В тот момент, когда девушка подумала об этом, небольшой оазис света, в центре которого она стояла, поглотили окружающие тени.

Свет потух только на минуту. Через некоторое время холл снова осветился. Но дело было сделано.

Дом подал сигнал ночному мраку. Элен почувствовала такой страх, что ею овладело безумное желание выбежать из дома и попытаться счастья за его стенами.

Ее приютит капитан Бин — его коттедж недалеко. Если она только сможет пробежать через рошу... В деревьях больше не было ничего угрожающего, и Элен радовалась мысли почувствовать на лице дуновение свежего ветра и дождевую влагу. Дикий ландшафт превратился в убежище, потому что действительная опасность таилась рядом с ней, в доме.

Она уже хотела открыть входную дверь и выбежать наружу, но вспомнила о беспомощных обитателях «Вершины»: леди Варрен, профессор и миссис Оутс сейчас были беззащитны. Когда маньяк увидит, что его добыча ускользнула, он может обрушить свою ярость на них.

Словно двигаясь навстречу собственной гибели, Элен вернулась на лестничную площадку и, немного постояв, чтобы успокоиться, открыла дверь Синей Комнаты.

Казалось, за время ее отсутствия ничего не произошло. Леди Варрен, сгорбившись, сидела на кровати, почти не заметная среди синих теней.

— Ты задержалась, девочка, — проворчала она. — Зажги свечи.

В комнате не было подсвечников, поэтому Элен на капала воска на мраморную каминную доску и прилепила две свечи перед зеркалом.

— Они похожи на похоронные свечи, — заметила леди Варрен. — Зажги больше. Все.

— Нет, мы должны оставить немного про запас, — сказала ей Элен.

— На наше время хватит.

Слова леди Варрен звучали зловеще. Элен заметила происшедшую в ней перемену. Глаза старухи раскрылись шире и удовлетворенно заблестели, когда она подняла костлявую руку.

— Смотри! — крикнула она. — Рука не дрожит. Потрогай, какие сильные у меня пальцы!

Но когда Элен подошла к кровати, старуха уже была о своих словах.

— Я хочу спать, — сказала она. — Не уходи, девочка!

Она закрыла глаза, и скоро ее грудь начала подниматься и опускаться, словно хорошо отрегулированный механизм. Она была воплощением силы воли; Элен была уверена, что в действительности старуха потеряла сознание.

«Интересно, увижу ли я, как она приходит в себя? — подумала девушка.

Она почувствовала, что порвалось последнее звено, соединяющее ее с окружающим миром. В эту ночь она видела, как люди один за другим покидали ее, и не могла последовать за ними.

Хотя веки Элен страшно отяжелели, она одна, словно часовой, бодрствовала в доме, сраженном сном.

Вдруг она вскочила на ноги. Сердце ее замерло от ужаса. Кто-то ходил по туалетной. Она ясно услышала звук шагов и шум передвигаемых предметов.

Прокравшись по ковру, она приоткрыла дверь. Показался луч света, который заслонила темная фигура мужчины.

Элен овладело мужество отчаяния: словно преступник, явившийся с повинной в полицию, не выдержав напряжения, она широко распахнула дверь туалетной комнаты.

С удивлением и радостью, она увидела профессора, который стоял перед маленьким комодом. При виде знакомой чопорной фигуры Элен поняла, что жизнь вернулась в свою колею и дом, восстав из развалин, снова стал надежной крепостью.

Она пыталась удержать слезы облегчения, радуясь тому, что рядом с ней снова нормальный и разумный человек. Холодный как лед взгляд профессора произвел самое благотворное действие на ее истерическое состояние.

— О, профессор! — крикнула Элен. — Как я рада, что вы опять хорошо себя чувствуете!

— Откуда вы взяли, что я чувствовал себя плохо? — сухо спросил профессор. — Я просто постарался немного поспать.

Что-то беспокоило его, потому что он нахмурился, открыв еще один ящик комода.

— Где же сестра Баркер? — неожиданно спросил он.

— Ушла, — ответила Элен, не способная в этот момент объяснить все более подробно.

— Куда она ушла?

— Не знаю. Может быть, прячется где-то в доме.

— Она или кто-то другой взял одну мою вещь, которую мне совершенно необходимо найти. Но сейчас это не важно.

Словно вспомнив вдруг что-то, он повернулся к Элен и спросил:

— Каким путем вы вернулись домой?

Элен не поняла вопроса.

— Когда? — спросила она.

— Когда вы шли через рощу. Я слышал ваши шаги. Я ждал... но вы не пришли.

И тогда Элен внезапно поняла.

— Вы... — прошептала она.

ДОБРОЙ ОХОТЫ

лен поняла все...

От внезапного шока мысли ее неожиданно прояснились, каждая клеточка мозга, казалось, осветилась, и перед ней, словно отдельные кадры, прошли наконец-то смонтированные в целую пленку события нынешнего вечера.

Профессор Варрен задушил всех пятерых девушек, так же как его отец до него убил двух служанок. Только леди Варрен знала об этих преступлениях и своей рукой покарала убийцу — после смерти второй служанки она застрелила своего мужа.

Но она постарела и иногда заговаривалась — вот откуда эти разговоры о деревьях, стремящихся ворваться в дом. Она считала, что ее священный долг — убить и сына, но все откладывала. После каждого убийства она говорила себе, что оно будет последним, но за ним следовало новое.

С приходом новой служанки в «Вершину» опасность нового преступления возросла. Старуха стала подозревать что-то и пыталась защитить Элен, удержать в своей комнате, где девушка находилась бы в безопасности.

Когда леди Варрен попросила профессора зажечь ей сигарету, она посмотрела ему в глаза и увидела знакомый блеск, который сказал ей, что ее пасынок совершил еще одно преступление. Но, несмотря на это, она хотела спасти его от полиции.

Она незаметно встала и обшарила его комнату в поисках улик, на основании которых ему могли бы предъявить обвинение.

И тогда она нашла этот шарф.

Элен почувствовала, что ее наполняет благодарность к старухе, хотя теперь уже ничего не имело значения.

«Я довольна, что встала на ее сторону и прогнала сестру», — подумала Элен.

Но и сестра Баркер предстала в новом свете — женщина, которую следовало пожалеть, а не подозревать.

Она жаждала любви и восхищения, и в сущности была очень женственной, хотя внешность ее была весьма непривлекательна.

Ее лучшие чувства не находили себе выхода, и она стала раздражительной и грубой.

Элен напряженно думала, где могла быть сестра Баркер. В этот момент она как нельзя больше нуждалась в ее почти мужской силе и грубости, которая прежде вызывала у нее такое отвращение.

Она недоверчиво смотрела на профессора. Внешне в нем ничто не изменилось. Он был, как всегда, бледным, чопорным интеллигентом — продуктом утонченной цивилизации, привыкшим к звукам гонга, призывающего к обеду, и чашке для полоскания рук после еды. Эту иллюзию дополняли его официальный вечерний костюм и голос, звучавший все так же бесстрастно и сухо.

Она не боялась его таким, каким он был сейчас; до дрожи в коленях она боялась той перемены, которая должна была в нем свершиться.

Она помнила, как доктор Перри говорил ей, что в промежутках между приступами безумия преступник совершенно нормален.

Элен должна сделать все, чтобы эта перемена наступила как можно позже.

— Что вы искали? — спросила она, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно.

— Белый шелковый шарф.

От этого ответа кровь отхлынула от сердца Элен.

— Я видела его в шкафу у леди Варрен, — быстро сказала она. — Я достану его.

На секунду мелькнула надежда, что она сумеет выбраться. Но надежда потухла сразу же, когда профессор покачал головой:

— Не уходите. Где другие?

— Миссис Оутс пьяна, а мисс Варрен заперта у себя в спальне, — ответила девушка.

Довольная улыбка мелькнула на бледных губах профессора.

— Хорошо, — сказал он. — Итак, мы остались наедине.

Его голос был все еще бесстрастным и спокойным, и Элен изо всех сил старалась отсрочить страшное изменение, поддерживая разговор.

— Это вы все устроили? — спросила она.

— Да, — ответил профессор. — И нет. Я лишь нажал на кнопку, которая привела в действие весь механизм. Было довольно забавно спокойно сидеть и видеть, как другие расчищают мне путь.

Элен вспомнила разговор за обедом. Профессор на деле доказал тезис о том, что умный человек может направлять действия своих ближних. Он поставил себя выше Бога.

— Что вы имеете в виду? — спросила Элен, лихорадочно пытаюсь отдалить ужасный момент.

— А вот что, — ответил профессор, словно оперируя своими тезисами во время ученого диспута. — Я мог бы избавиться от... всяческих помех и другими методами. Это была очень заманчивая проблема. Используя свое знание природы человека, я избрал наиболее тонкий и вместе с тем простой метод... Прежде всего я наметнул Райсу, что продается собака. Когда он привел собаку в дом, я знал, что несколько моих домочадцев уже связаны одной веревочкой.

— Пожалуйста, продолжайте, — произнесла Элен, думая лишь о том, как бы протянуть время.

— Неужели нужно объяснять? — профессора явно выводила из себя глупость девушки — Вы же видели, что все шло строго по плану. Я учел трусость моей сестры и ее отвращение к животным, учел также все основные эмоции и страсти остальных участников игры.

— Это очень умно! — Элен облизнула пересохшие губы, стараясь придумать новый вопрос. — И... И я полагаю, вы нарочно оставили ключ в дверях винного погреба?

Профессор снова раздраженно нахмурился.

— Само собой разумеется, — сказал он. — Совершенно очевидно, что миссис Оутс нашла бы какой-нибудь способ избавиться от своего мужа на эту ночь.

— Да, конечно... И вы рассчитывали также, что сестра Баркер тоже покинет дом?

Лицо профессора искривилось.

— А тут я должен признаться, мой план не сработал, — ответил он. — Я думал, что вы с вашей глупой импульсивностью сами выведете ее из игры, но вы меня подвели, и я должен был принять со своей стороны предварительные меры.

Он говорил словно школьный учитель, распекающий ленивого ученика.

Элен знала, что должна избегать всяких слов, напоминающих о насилии, но ей не терпелось узнать, что стало с сестрой Баркер, и она рискнула.

— Какие меры? — спросила она. — Вы ее...

Но профессор объяснил совершенно спокойно:

— Я только временно вывел ее из строя. Она лежит под кроватью, связанная и с кляпом во рту. Она должна остаться в живых, чтобы засвидетельствовать, что неизвестный напал на нее сзади и что я был без сознания, в то время... в то время как...

Он заппнулся и, казалось, забыл, о чем шла речь. Элен с ужасом заметила, что его пальцы стали подергиваться.

— Почему вы не пустили полицейских? — спросила она, хотя чувствовала, что пытается поддержать огонь в пылающей печи кусочками папиросной бумаги.

— Потому что завтра они нанесут мне визит. — Пальцы профессора скрючились. — Они только зря потратят время. Но умный человек не должен недооценивать чужой ум. Если бы они побывали дважды в этом доме, то могли бы заметить какие-нибудь мелочи, которые я упустил. Но мы зря тратим время..

Элен поняла, что наступил решительный момент. Она не могла больше отвлечь его. Дом был заперт, на помощь извне не было надежды. И все же она задала еще один вопрос:

— Почему вы хотите меня убить?

Возможно, этот разговор убийцы с намеченной им жертвой был еще одним доказательством справедливости теории профессора о свойствах человеческой природы.

Элен стремилась все узнать, а профессор не мог устоять перед желанием удовлетворить чужую жажду знания.

— Я считаю это своим долгом, — сказал он. — Я как ученый сознаю угрозу чрезмерного роста населения и уменьшения пищевых ресурсов. Лишние особи женского пола должны быть уничтожены.

Элен сама не знала, на что надеялась, — конец был так близок.

— Почему же я лишняя? — с вызовом спросила она.

— Потому что у вас нет ни красоты, ни ума, никаких полезных качеств, которые можно было бы передать потомству. Вы просто мусор. Неквалифицирован-

ная рабочая сила на переполненном рынке. Лишний рот. И поэтому я убью вас.

— Как? — прошептала Элен. — Как и других?

— Да. Вы не почувствуете боли, если не станете сопротивляться.

— Но Сервиден было больно.

— Сервиден? — Он нахмурился, вспомнив о последнем убийстве. — Я был разочарован. Я ждал вас... От нее было столько беспокойства... Я должен был перенести ее к Бину... Я не хотел, чтобы полиция явилась сюда... Я только зря трудился...

Элен не шелохнулась, когда профессор двинулся к ней. Ей казалось, что любое резкое движение может дать толчок страшному изменению в нем.

Профессор не торопился. С удовлетворенным видом он огляделся вокруг.

— Здесь нам удобно, — сказал он. — Я доволен, что у меня хватило терпения ждать... Этим вечером я три раза чуть не сделал этого. Первый раз в роще, второй — когда вы дремали на ступеньках, и третий — когда были одна в вашей комнате. Но тогда я вспомнил, что мне могут помешать.

Он задумчиво потер пальцы, словно делая массаж, и объяснил:

— Это наследственное. Мальчиком я видел, как мой отец перерезал горло девушке кухонным ножом. Тогда меня стошнило, я был вне себя от страха. Но шли годы, и я созрел для...

Глаза профессора загорелись зеленым огнем. Лицо его, меняясь на глазах, становилось неузнаваемым. Но все же она узнала его — это было лицо показавшегося на задней лестнице злобного призрака.

— И кроме того, — добавил профессор, — мне нравится убивать.

Они стояли лицом к лицу на расстоянии всего нескольких шагов. И тогда Элен, охваченная ужасом, не выдержала. Она повернулась и рванулась в спальню профессора.

Он последовал за ней с искаженным лицом, скрючив пальцы, похожие на когти.

— Ты от меня не уйдешь! — прохрипел он. — Дверь заперта.

В панике, словно загнанный зверек, Элен уклонялась от его рук. Она забыла свое имя, не помнила, где находится и что делает. Вокруг был красный туман,

какие-то вспышки. Внезапно раздался звук — совсем как шелканье бича.

Элен осознала, что все кончено: она сжалась в углу, а профессор наступал на нее. Он был так близко, что она видела свое отражение в его глазах.

Но убийца не успел коснуться девушки — тело его обмякло, словно лопнула какая-то пружина, он тяжело рухнул на ковер и застыл в неподвижности.

Подняв голову, Элен увидела, что в дверях стоит леди Варрен, держащая в руке револьвер. На ней была белая пушистая старушечья кофта, в седых волосах торчал розовый бантик на приколке.

Элен подбежала к леди Варрен, и она упала девушке на руки. Слишком тяжело достался ей этот выстрел. Но она улыбнулась с мрачным удовлетворением охотника, уничтожившего опасную гадину. В ее последних словах прозвучало раскаяние:

— Я все же сделала это... Но на пятьдесят лет позже, чем нужно.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Стюарт. И ДЕВЯТЬ ЖДУТ ТЕБЯ КАРЕТ

КАРЕТЫ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

Глава I	7
-------------------	---

КАРЕТА ТРЕТЬЯ

Глава II	19
Глава III	33
Глава IV	48
Глава V	57
Глава VI	72

КАРЕТА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава VII	95
---------------------	----

КАРЕТА ПЯТАЯ

Глава VIII	113
----------------------	-----

КАРЕТА ШЕСТАЯ

Глава IX	137
Глава X	161
Глава XI	176
Глава XII	192
Глава XIII	200
Глава XIV	224
Глава XV	234

КАРЕТА СЕДЬМАЯ

Глава XVI	253
Глава XVII	264
Глава XVIII	273
Глава XIX	285

КАРЕТА ВОСЬМАЯ

Глава XX	309
--------------------	-----

КАРЕТА ДЕВЯТАЯ

Глава XXI	322
---------------------	-----

Э. Уайт. Для спящих ночь, для стражи день...

Глава I. ДЕРЕВО	339
Глава II. ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ	347
Глава III. РАССКАЗ У КАМЕЛЬКА	357
Глава IV. ВОСПОМИНАНИЯ	367
Глава V. СИНЯЯ КОМНАТА	375
Глава VI. ПРИЗРАК	383
Глава VII. НОВАЯ СИДЕЛКА	391
Глава VIII. РЕВНОСТЬ	400
Глава IX. СТАРУХА ВСПОМИНАЕТ	409
Глава X. ТЕЛЕФОН	416
Глава XI. СИМВОЛ ВЕРЫ	424
Глава XII. ПЕРВАЯ БРЕШЬ	430
Глава XIII. УБИЙСТВО	437
Глава XIV. ОСТОРОЖНОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО	444
Глава XV. ОТКУДА СТАРУХА УЗНАЛА	450
Глава XVI. ЕЩЕ ОДНА БРЕШЬ	458
Глава XVII. КОГДА ЖЕНЩИНЫ ССОРЯТСЯ	465
Глава XVIII. ЗАЩИТНИКОВ ВСЕ МЕНЬШЕ	473
Глава XIX. ПЕЙ ДО ДНА	480
Глава XX. ДАМА НАВОДИТ КРАСОТУ	488
Глава XXI. ПОСЛЕДНИЕ ПРЕГРАДЫ	495
Глава XXII. ПРОИСШЕСТВИЕ	503
Глава XXIII. ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С ПЬЯНЫМ МОРЯКОМ?	511
Глава XXIV. ЗВАНЫЙ ОБЕД	518
Глава XXV. НАБЛЮДАТЕЛЬ	525
Глава XXVI. ПРЕДЧУВСТВИЕ КАПИТАНА	532
Глава XXVII. БЕСПЕЧНОСТЬ — ХУДШИЙ ИЗ ГРЕХОВ	540
Глава XXVIII. ЛЕВ И ТИГР	547
Глава XXIX. ОДНА	554
Глава XXX. СТЕНЫ РУШАТСЯ	560
Глава XXXI. ДОБРОЙ ОХОТЫ	568

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Неизвестный детектив

**Стюарт Мэри
И ДЕВЯТЬ ЖДУТ ТЕБЯ КАРЕТ**

**Уайт Этель
ДЛЯ СПЯЩИХ НОЧЬ, ДЛЯ СТРАЖИ ДЕНЬ...**

Редактор издательства *Е. И. Брагина*

Сдано в набор 20.07.92. Подписано в печать 22.01.93.
Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.-отт. 30,24. Уч.-изд. л. 43,92.
Тираж 100 000 экз. Заказ 57/4109—4110.

Издательство «Недра»

125047, Москва, Тверская застава, 3

2-я типография Воениздата

191065, С.-Петербург, Д-65, Дворцовая пл., 10

